

РАФАЭЛЬ САБАТИНИ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
КАПИТАНА
БЛАДА

Ю РАФАЭЛЬ САБАТИНИ

РАФАЭЛЬ
САБАТИНИ

РАФАЭЛЬ САБАТИНИ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

RAFAEL SABATINI

CAPTAIN BLOOD
HIS ODISSEY

CAPTAIN BLOOD
HIS CRONICLE

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ДЕСЯТИ ТОМАХ

ТОМ ДЕСЯТЫЙ

РАФАЭЛЬ САБАТИНИ
ОДИССЕЯ
КАПИТАНА БЛАДА

Роман

ХРОНИКА
КАПИТАНА БЛАДА

Роман

Санкт-Петербург — Москва
Акционерное общество «Прибой»
Журнал «Вокруг света»
1994

ББК 84.4 ВВ
С12

Рафаэль САБАТИНИ
ОДИССЕЯ КАПИТАНА БЛАДА
ХРОНИКА КАПИТАНА БЛАДА

Перевод с английского

Редакционный совет:

Полешук А. А.
(председатель)
Костюкова Л. В.
Лебедев В. А.
Москвин А. Г.
Непомнящий Н. Н.
Семенов Ю. Л.

С $\frac{4703010100 - 26}{В 38(03) - 94}$ без объявл.

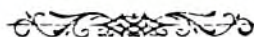
ISBN 5-87260-008-9

© Журнал
«Вокруг света»,
АО «Прибой» — состав.
1994 г.

© Наталья Маникало —
художественное
оформление серии

ОДИССЕЯ КАПИТАНА БЛАДА

Роман

Глава I

ПОСЛАНЕЦ

итер Блад, бакалавр¹ медицины, закурил трубку и склонился над горшками с геранью, которая цвела на подоконнике его комнаты, выходившей окнами на улицу Уотер Лэйн в городке Бриджуотер².

Блад не заметил, что из окна на противоположной стороне улицы за ним с укором следят чьи-то строгие глаза. Его внимание было поглощено уходом за цветами и отвлекалось лишь бесконечным людским потоком, заполнившим всю узенькую улочку. Людской поток вот уж второй раз с нынешнего утра струился по улицам городка на поле перед замком, где незадолго до этого Фергюсон, капеллан³ герцога, произнес проповедь, в которой было больше призывов к мятежу, нежели к Богу.

Беспорядочную толпу возбужденных людей составляли в основном мужчины с зелеными веточками на шляпах и с самым нелепым оружием в руках. У некоторых, правда, были охотничьи ружья, а кое у кого даже мечи. Многие были вооружены только дубинками; большинство же ташили огромные пики, сделанные из кос, страшные на вид, но мало пригодные в бою. Среди этих импровизированных воинов были ткачи, пивовары, плотники, кузнецы, камнетесы, каменщики, сапожники и представители других мирных профессий. Бриджуотер, так же

как и Тонтон, направил под знамена незаконнорожденного герцога почти все свое мужское население. Для человека, способного носить оружие, попытка уклониться от участия в этом ополчении была равносильна признанию себя трусом или католиком.

Однако Питер Блад — человек, не знавший, что такое трусость, — вспоминал о своем католичестве только тогда, когда это ему требовалось. Способный не только носить оружие, но и мастерски владеть им, он в этот теплый июльский вечер ухаживал за цветущей геранью, покуривая трубку с таким безразличием, будто вокруг ничего не происходило, и даже больше того, бросал время от времени вслед этим охваченным военной лихорадкой энтузиастам слова из любимого им Горация⁴: «Куда, куда стремитесь вы, безумцы?»

Теперь вы, быть может, начнете догадываться, почему Блад, в чьих жилах текла горячая и отважная кровь, унаследованная им от матери, происходившей из рода морских бродяг Сомерсетшира, оставался спокоен в самый разгар фанатичного восстания, почему его мятежная душа, уже однажды отвергшая ученую карьеру, уготованную ему отцом, была невозмутима, когда вокруг все бурлило. Сейчас вы уже понимаете, как он расценивал людей, спешивших под так называемые знамена свободы, расшитые девственницами Тонтон, воспитанницами пансионов мадемуазель Блэйк и госпожи Масгров. Невинные девушки разорвали свои шелковые одеяния, как поется в балладах, чтобы сплести знамена для армии Монмута. Слова Горация, которые Блад презрительно бросал вслед людям, бежавшим по мостовой, указывали на его настроение в эту минуту. Все эти люди казались Бладу глупцами и безумцами, спешившими навстречу своей гибели.

Дело в том, что Блад слишком много знал о пресловутом Монмуте и его матери — красивой смуглой женщине, чтобы поверить в легенду о законности притязаний герцога на трон английского короля. Он прочел нелепую прокламацию, расклеенную в Бридж-отере, Тонтоне и в других местах, в которой утверждалось, что «...после смерти нашего государя Карла II право на престол Англии, Шотландии, Франции и Ирландии со всеми владениями и подвластными территориями переходит по наследству к прославленному и благородному Джеймсу, герцогу Монмутскому, сыну и законному наследнику Карла II».

Эта прокламация вызвала у него смех, так же как и дополнительное сообщение о том, что «Герцог Йоркский Яков⁵ приказал отравить покойного короля, а затем захватил престол».

Блад не смог даже сказать, какое из этих сообщений было большей ложью. Третью своей жизни он провел в Голландии, где тридцать шесть лет назад родился этот самый Джеймс Монмут, ныне объявивший себя милостью всевышнего королем Англии, Шотландии и т.д. и т.п. Блад хорошо знал настоящих родителей Монмута. Герцог не только не был законным сыном покойного короля, якобы сочетавшегося секретным браком с Люси Уолтерс, но сомнительно даже, чтобы Монмут был хотя бы его незаконным сыном. Что, кроме несчастий и разрухи, могли принести его фантастические притязания? Можно ли было надеяться, что страна когда-нибудь поверит такой небылице? А ведь от имени Монмута несколько знатных вивгов⁶ подняли народ на восстание.

— «Куда, куда стремитесь вы, безумцы?»

Блад усмехнулся и тут же вздохнул. Как и большинство самостоятельно мыслящих людей, он не мог сочувствовать этому восстанию. Самостоятельно же мыслить его научила жизнь. Более мягкосердечный человек, обладающий его кругозором и знаниями, несомненно нашел бы немало причин для огорчения при виде толпы простых, ревностных протестантов, бежавших, как стадо овец на бойню.

К месту сбора — на поле перед замком — этих людей сопровождали матери, жены, дочери и возлюбленные. Они шли, твердо веря, что оружие в их руках будет защищать право, свободу и веру. Как и всем в Бриджуотере, Бладу было известно о намерении Монмута дать сражение нынешней ночью. Герцог должен был лично руководить внезапным нападением на королевскую армию, которой командовал Февершем, — она стояла лагерем у Седжмура. Блад был почти уверен, что лорд Февершем прекрасно осведомлен о намерениях своего противника. Даже если бы предположения Блада оказались ошибочными, он все же имел основания думать именно так, ибо трудно было допустить, чтобы командующий королевской армией не знал своих обязанностей.

Выбив пепел из трубки, Блад отодвинулся от окна, намереваясь его закрыть, и в это мгновение заметил, что из окна дома на противоположной стороне улиц за ним следили враждебные взгляды милых, сентимен-

тальных сестер Питт, самых восторженных в Бриджуотере обожательниц красавца Монмута.

Блад улыбнулся и кивнул этим девушкам, с которыми находился в дружеских отношениях, а одну из них даже недолго лечил. Ответом на его приветствие был холодный и презрительный взгляд. Улыбка тут же исчезла с тонких губ Блада; он понял причину враждебности сестер, возросшей с тех пор, как на горизонте появился Монмут, вскруживший головы женщинам всех возрастов. Да, сестры Питт, несомненно, осуждали поведение Блада, считая, что молодой и здоровый человек, обладающий воснным опытом, мог бы помочь правому делу, а он в этот решающий день остается в стороне, мирно покуривает трубку и ухаживает за цветами, в то время как все мужественные люди собираются примкнуть к защитнику протестантской церкви и готовы даже отдать за него свои жизни, лишь бы только он взошел на престол, принадлежащий ему по праву.

Если бы Бладу пришлось обсуждать этот вопрос с сестрами Питт, он сказал бы им, что, вдоволь побродив по свету и изведав множество приключений, он намерен сейчас продолжать заниматься делом, для которого еще с молодости был подготовлен своим образованием. Он мог бы сказать, что он врач, а не солдат; целитель, а не убийца. Однако Блад заранее знал их ответ. Они заявили бы ему, что сегодня каждый, кто считает себя мужчиной, обязан взять в руки оружие. Они указали бы ему на своего племянника Джереми, моряка по профессии, шкипера торгового судна, к несчастью для этого молодого человека недавно бросившего якорь в бухте Бриджуотера. Они сказали бы, что Джереми оставил штурвал корабля и взял в руки мушкет, чтобы защищать правое дело. Однако Блад не принадлежал к числу людей, которые спорят. Как я уже сказал, он был самостоятельным человеком.

Закрыв окна и задернув занавески, он направился в глубь уютной, освещенной свечами комнаты, где его хозяйка, миссис Барлоу, накрывала на стол. Обратившись к ней, Блад высказал вслух свою мысль:

— Я вышел из милости у девушек, живущих в доме через дорогу.

В приятном, звучном голосе Блада звучали металлические нотки, несколько смягченные и приглушенные ирландским акцентом, который не могли истребить даже долгие годы блужданий по чужим странам. Весь характер

этого человека словно отражался в его голосе, то ласковом и обаятельном, когда нужно было кого-то уговаривать, то жестком и звучащем, как команда, когда следовало кому-то внушать повиновение. Внешность Блада заслуживала внимания: он был высок, худощав и смугл, как цыган. Из-под прямых черных бровей смотрели спокойные, но пронизывающие глаза, удивительно синие для такого смуглого лица. И этот взгляд и правильной формы нос гармонировали с твердой, решительной складкой его губ. Он одевался во все черное, как и подобало человеку его профессии, но на костюме его лежал отпечаток изящества, говорившего о хорошем вкусе. Все это было характерно скорее для искателя приключений, каким он прежде и был, чем для степенного медика, каким он стал сейчас. Его камзол из тонкого камлота⁷ был обшит серебряным позументом, а манжеты рубашки и жабо украшались брабантскими кружевами. Пышный черный парик отличался столь же тщательной завивкой, как и парик любого вельможи из Уайтхолла⁸.

Внимательно приглядевшись к Бладу, вы невольно задали себе вопрос: долго ли сможет такой человек прожить в этом тихом уголке, куда он случайно был заброшен шесть месяцев назад? Долго ли он будет заниматься своей мирной профессией, полученной им еще до начала самостоятельной жизни? И все же, когда вы узнаете историю жизни Блада, не только минувшую, но и грядущую, вы поверите — правда, не без труда, — что, если бы не превратность судьбы, которую ему предстояло очень скоро испытать, он мог бы долго еще продолжать тихое существование в глухом уголке Сомерсетшира, полностью довольствуясь своим скромным положением захолустного врача. Так могло бы быть...

Блад был сыном ирландского врача и уроженки Сомерсетширского графства. В ее жилах, как я уже говорил, текла кровь неугомонных морских бродяг, и этим, должно быть, объяснялась некоторая необузданность, рано проявившаяся в характере Питера. Первые признаки ее серьезно встревожили его отца, который для ирландца был на редкость миролюбивым человеком. Он заранее решил, что в выборе профессии мальчик должен пойти по его стопам, и Питер Блад, обладая способностями и жаждой знаний, порадовал своего отца, двадцати лет от роду добившись степени бакалавра медицины в дублинском колледже. После получения столь радостного известия отец прожил только три месяца (мать умерла за несколько

лет до этого), и Питер, наследовав после смерти отца несколько сот фунтов стерлингов, отправился поглядеть на мир, с тем чтобы удовлетворить свой неугомонный дух. Забавное стечение некоторых обстоятельств привело его на военную службу к голландцам, воевавшим в то время с французами, а любовь к морю толкнула его во флот. Произведенный в офицеры знаменитым де Ритером⁹, он участвовал в той самой морской битве на Средиземном море, когда был убит этот знаменитый флотоводец.

Полоса жизни Блада после подписания Неймегенского¹⁰ мира нам почти совершенно неизвестна. Мы знаем, однако, что Питер провел два года в испанской тюрьме, но за что он попал туда, осталось для нас неясным. Быть может, именно благодаря этому он, выйдя из тюрьмы, поступил на службу к французам и в составе французской армии участвовал в боях на территории Голландии, оккупированной испанцами. Достигнув наконец тридцати двух лет, полностью удовлетворив некогда томившую его жажду приключений и чувствуя к тому же, что его здоровье пошатнулось в результате запущенного ранения, он вдруг ощутил сильнейшую тоску по родине и сел в Нанте на корабль, рассчитывая пробраться в Ирландию. Однако здоровье Блада во время путешествия ухудшилось, и, когда буря загнала его корабль в Бриджуотерскую бухту, он решил сойти на берег, тем более, что здесь была родина его матери.

Таким образом, в январе 1685 года Блад прибыл в Бриджуотер, имея в кармане примерно такое же состояние, с каким одиннадцать лет назад он отправился из Дублина бродить по свету.

Место, куда попал Блад, ему понравилось, да и здоровье его здесь быстро восстановилось. После многих приключений, каких другой человек не испытывает за всю свою жизнь, Питер решил обосноваться в этом городе и вернуться наконец к своей профессии врача, от которой он, с такой небольшой выгодой для себя, оторвался.

Такова краткая история Питера Блада, или, вернее, та ее часть, которая закончилась в ночь битвы при Седжмуре, спустя полгода после его прибытия в Бриджуотер.

Считая, что предстоящее сражение не имеет к нему никакого отношения, — а это вполне соответствовало действительности, — и оставаясь равнодушным к возбуж-

дению, охватившему в эту ночь Бриджуотер, Блад рано улегся спать. Он спокойно уснул задолго до одиннадцати часов, когда, как вы знаете, Монмут во главе повстанцев двинулся по дороге на Бристоль, чтобы обойти болото, за которым находилась королевская армия. Вы знаете также, что численное превосходство повстанцев и некоторое преимущество, заключавшееся в том, что повстанцы имели возможность внезапно напасть на сонную королевскую армию, оказались бесполезными из-за ошибок командования, и сражение было проиграно Монмутом еще до того, как началась рукопашная схватка.

Армии встретились примерно в два часа ночи. Блад не слышал отдаленного гула канонады. Только в четыре часа утра, когда начало подниматься солнце, разгоняя остатки тумана над печальным полем битвы, мирный сон Блада был нарушен.

Сидя в постели, он протирает глаза, пытаясь прийти в себя. В дверь его дома сильно стучали, и чей-то голос что-то бессвязно кричал. Этот шум и разбудил Питера. Полагая, что его срочно вызывают к какой-нибудь роженице, он набросил на плечи ночной халат, сунул ноги в туфли и выбежал из комнаты, столкнувшись на лестничной площадке с миссис Барлоу. Перепуганная грохотом, она ничего не понимала и металась без толку. Блад успокоил ее и спустился открыть дверь.

На улице в золотых лучах восходящего солнца стоял молодой человек в изодранной одежде, покрытой грязью и пылью. Он тяжело дышал, глаза его блуждали. Находившаяся рядом с ним лошадь была вся в пене. Человек открыл рот, но дыхание его прерывалось и он ничего не мог произнести.

Блад узнал молодого пкипера Джерси Питта, племянника девушек, которые жили напротив его дома. Улица, разбуженная шумным поведением моряка, просыпалась: открывались двери, распахивались ставни окон, из которых выглядывали головы озабоченных и недоумевающих соседей.

— Спокойней, спокойней, — сказал Блад. — Поспешность никогда к добру не приводит.

Однако юноша, в глазах которого застыл ужас или, быть может, страх, не обратил внимания на эти слова. Кашляя и задыхаясь, он наконец заговорил:

— Лорд Гилдой тяжело ранен... он сейчас в усадьбе Оглторп... у реки... я перетащил его туда... он послал меня за вами... Скорее к нему... скорей!

Он бросился к доктору, чтобы силой увлечь его за собой в ночном халате и в домашних туфлях, но доктор уклонился от тянувшихся к нему рук.

— Конечно, я поеду, — сказал он, — но не в этом же наряде.

Блад был расстроен. Лорд Гилдой покровительствовал ему со дня его приезда в Бриджуотер. Бладу хотелось отплатить чем-нибудь за хорошее отношение к нему, и он был огорчен тем, что для этого представился такой печальный случай. Ему хорошо было известно, что молодой аристократ был одним из горячих сторонников герцога Монмута.

— Конечно, я поеду, — повторил Блад. — Но прежде всего мне нужно одеться и захватить с собой то, что нам может понадобиться.

— Мы теряем время!

— Спокойно, спокойно. Мы доедем скорее, если не будем спешить. Войдите и подождите меня, молодой человек...

Жестом руки Питт отклонил его предложение:

— Я подожду здесь. Ради Бога, поспешите!

Блад быстро поднялся наверх, чтобы одеться и захватить сумку с инструментами. Расспросить о ранениях лорда Гилдоя он мог по дороге в усадьбу Оглторп. Обуываясь, Блад разговаривал с миссис Барлоу, дал несколько поручений, распорядившись заодно и насчет обеда, которого, увы, ему так и не суждено было отведать.

Когда доктор наконец спустился на улицу вместе с миссис Барлоу, кудахтавшей, как обиженная насадка, он нашел молодого Питта в окружении толпы напуганных, полуодетых горожан. В большинстве это были женщины, поспешно сбежавшиеся за новостями о битве. Не составляло труда догадаться, какие именно новости им сообщил Питт, ибо утренний воздух сразу же наполнился плачем и горестными стенаниями.

Увидев доктора, уже одетого и с сумкой для инструментов под мышкой, Питт освободился от окружавшей его толпы, стряхнул с себя усталость и отстранил обеих своих тетушек, в слезах цеплявшихся за него. Схватив лошадь за уздечку, он вскочил в седло.

— Поехали! — закричал он. — Садитесь позади меня!

Не тратя слов, Блад последовал этому совету, и Питт тут же дал шпоры лошади. Толпа расступилась. Питер Блад сидел на крупной лошади, отяжеленной

двойным грузом. Держась за пояс своего спутника, он начал свою одиссею. Питт, которого Блад считал только посланцем раненого мятежника, на самом деле оказался посланцем Судьбы.

Глава II

ДРАГУНЫ" КИРКА

Усадьба Оглторп стояла на правом берегу реки примерно в миле¹² к югу от Бриджуотера. Это был серый приземистый, в стиле эпохи Тюдоров¹³, дом, фундамент которого покрывала густая зелень плюща. Приближаясь к усадьбе по дороге, проходившей среди душистых фруктовых садов, мирно дремавших на берегу Парретта, искрившегося под лучами утреннего солнца, Блад с трудом мог поверить, что находится в стране, раздираемой кровопролитной междоусобицей.

На мосту, при выезде из Бриджуотера, их встретил авангард усталых, измученных беглецов с поля битвы. Среди них было много раненых. Напрягая остатки своих сил, они торопливо ковыляли в город, тщетно надеясь найти там кров и защиту. Их глаза, выразившие усталость и страх, жалобно глядели на Блада и его спутника. Несколько охрипших голосов предупредили их, что погоня уже близка. Однако молодой Питт, не обращая внимания на предупреждения, мчался по пыльной дороге, на которой количество беглецов из-под Седжмура все увеличивалось. Вскоре он свернул в сторону на тропинку, проходившую через луга, покрытые росой. Даже здесь им встречались разрозненные группы беглецов, разбегавшихся во всех направлениях. Пробиваясь сквозь высокую траву, они боязливо оглядывались, ожидая, что вот-вот покажутся красные камзолы королевских драгун.

Но поскольку Питт и его спутник приближались к месту расположения штаба Февершема, человеческие обломки битвы вскоре перестали уже им встречаться.

Сейчас мимо них тянулись мирные фруктовые сады; деревья были отягощены плодами, но никто не собирал их, хотя время приготовления сидра уже наступило.

Наконец они спешили на каменные плиты двора, где их приветствовал опечаленный и взволнованный владелец усадьбы — Бэйнс.

В огромной комнате с каменным полом доктор нашел

лорда Гилдоя — высокого человека с массивным подбородком и крупным носом. Его лицо покрывала свинцовая бледность, он лежал с закрытыми глазами, вытянувшись на сделанной из тростника кушетке, стоявшей у большого окна. Лорд с трудом дышал, и с каждым вздохом с его синих губ срывались слабые стоны. Около раненого хлопотали жена Бэйнса и его миловидная дочь.

Несколько минут Блад молча разглядывал своего пациента, сожалея, что этот молодой аристократ с блестящим будущим должен был рисковать всем — и, вероятно, даже своей жизнью — ради честолюбия бесчестного авантюриста. Вздохнув, Блад опустил на колени перед раненым и, приступая к своим профессиональным обязанностям, разорвал его камзол и нижнее белье, чтобы обнажить изуродованный бок молодого лорда, а затем велел принести воды, полотна и все, что ему требовалось.

Полчаса спустя, когда драгуны ворвались в усадьбу, Блад все еще занимался раненым, не обращая внимания на стук копыт и грубые крики. Его вообще нелегко было вывести из равновесия, особенно, когда он был поглощен своей работой. Однако раненый, придя в сознание, проявил серьезную озабоченность, а Джереми Питт, одежда которого выдавала его причастность к событиям, поспешил спрятаться в белье в шкафу. Владелец усадьбы заметно волновался, его жена и дочь дрожали от страха, и Бладу пришлось их успокаивать.

— Ну, чего вы боитесь? — говорил он. — Ведь мы живем в христианской стране, а христиане не воюют с ранеными и с теми, кто их приютил.

Блад, как можно судить по этим словам, еще питал какие-то иллюзии в отношении христиан. Затем он поднес к губам раненого стакан с лекарством, приготовленным по его указаниям:

— Успокойтесь, лорд. Худшее уже позади.

В это мгновение в комнату с грохотом и бряцанием ворвалось человек двенадцать драгун Танжерского полка, одетых в камзолы цвета вареного рака. Драгунами командовал мрачный коренастый человек в мундире, обильно расшитом золотыми позументами.

Бэйнс остался стоять на месте в полувывзывающей позе, а его жена и дочь отпрянули в сторону. Блад, сидевший у изголовья больного, обернулся и взглянул на ворвавшихся.

Офицер приказал солдатам остановиться, а затем,

позвякивая шпорами и держа руку в перчатке на эфесе своей сабли, важно прошел вперед еще несколько шагов.

— Я — капитан Гобарт из драгун полковника Кирка, — сказал он громко. — Вы укрываете мятежников?

Бэйнс, встревоженный грубым тоном военного, пролепетал дрожащим голосом:

— Я... я не укрыватель мятежников, сэр. Этот джентльмен ранен...

— Это ясно без слов! — прикрикнул на него капитан и, тяжело ступая, подошел к кушетке. Мрачно нахмурясь, он наклонился над лордом. Лицо раненого приняло серо-землистый оттенок.

— Нет нужды спрашивать, где ранен этот мятежник... Взять его, ребята! — приказал он своим драгунам.

Но тут Блад загордил собою раненого.

— Во имя человечности, сэр! — сказал он с ноткой гнева в голосе. — Мы живем в Англии, а не в Танжере⁴. Этот человек тяжело ранен, его нельзя трогать без опасности для жизни.

Заступничество доктора рассмешило капитана:

— Ах, так я еще должен заботиться о здоровье мятежников! Черт побери! Вы думаете, что мы будем его лечить? Вдоль всей дороги от Вестона до Бриджуотера расставлены виселицы, и он подойдет для любой из них. Полковник Кирк научит этих дураков-протестантов кое-чему такому, о чем будут помнить их дети, внуки и правнуки!

— Вешать людей без суда?! — воскликнул Блад возмущенно. — Я, наверно, ошибся. Очевидно, мы сейчас не в Англии, а в Танжере, где стоял когда-то ваш полк.

Гобарт внимательно посмотрел на доктора, и во взгляде капитана начал разгораться гнев. Разглядывая Блада с ног до головы, он обратил внимание на его сухощавое, мускулистое телосложение, надменную посадку головы, на тот заметный налет властности, который так мало соответствовал профессии доктора, и, сам будучи солдатом, узнал солдата и в Бладе. Глаза капитана сузились. Он начал кое-что припоминать.

— Кто вы такой, черт бы вас побрал? — закричал он.

— Моя фамилия — Блад, Питер Блад. К вашим услугам.

— А... ага... Припоминаю вашу фамилию. Вы служили во французской армии, не так ли?

Если Блад и был удивлен, то не показал этого:

— Да, служил.

— Так, так... Лет пять назад, или около того, вы были в Танжере?

— Да, я знал вашего полковника.

— Клянусь честью, я помогу возобновить знакомство! — И капитан неприятно засмеялся. — Как вы здесь очутились?

— Я врач, и меня привезли сюда для оказания помощи раненому.

— Вы — доктор?

В голосе Гобарта, убежденного в том, что Блад лжет, прозвучало явное презрение.

— *Medic hīnae bassalaugus*, — ответил Блад латинским термином, означавшим в переводе «бакалавр медицины».

— Не тычьте мне в нос вашим французским языком! — свирепо закричал Гобарт. — Говорите по-английски!

Улыбка Блада раздражала и бесила капитана.

— Я — врач, практикующий в городе Бриджуотере.

Гобарт криво усмехнулся:

— А в этот город вы приехали из Лаймского залива¹⁵, сопровождая вашего приبلудного герцога?

Насмешливая улыбка скользила по губам Блада.

— Если бы ваш ум был бы так же остер, как громоподобен ваш голос, то вы давно уже были бы великим человеком.

Драгун на мгновение потерял дар речи, и на лице его выступил густой румянец.

— Вы убедитесь, что я достаточно велик, когда вас повесят! — прохрипел он злобно.

— Не сомневаюсь, — спокойно сказал Блад. — У вас и внешность и манеры палача. Однако если вы попрактикуетесь в вашем ремесле на моем пациенте, то тем самым завяжете петлю на собственной шее. Он не принадлежит к категории людей, которых вы можете вздернуть, не задавая вопросов. Он имеет право требовать суда, суда пэров¹⁶.

— Суда пэров?

Капитан был ошеломлен этими двумя словами, подчеркнутыми Бладом.

— Разумеется. Любой человек, если он не идиот или не дикарь, прежде чем посылать человека на виселицу, спросил бы его фамилию. Этот человек — лорд Гилдой.

Тут раненый пошевелился и слабым голосом произнес:

— Я не скрываю своей связи с герцогом Монмутским и готов отвечать за все последствия. Однако, с вашего

разрешения, я буду отвечать за эти последствия перед судом пэров, как правильно заметил доктор.

Он умолк, и в комнате воцарилось молчание. Как у многих хвастливых людей, в натуре Гобарта таилась значительная доля робости, и сообщение о титуле раненого разбудило в нем это чувство. Будучи раболепствующим выскочкой, он благоговел перед титулами. Но наряду с этим капитан трепетал и перед своим полковником, потому что Перси Кирк не прощал ошибок своим подчиненным.

Жестом руки Гобарт остановил своих людей. Он должен был все обдумать и взвесить. Заметив его нерешительность, Блад добавил еще один аргумент, давший Гобарту пищу для дополнительных размышлений:

— Запомните, капитан, что лорд Гилдой имеет в лагере тори¹⁷ друзей и родственников, которые не преминут сказать кое-что полковнику Кирку, если с его светлостью обойдутся, как с обычным уголовным преступником. Будьте осторожны, капитан, или, как я уже сказал, нынче утром вы сплетете веревку себе на шею.

Капитан Гобарт с презрением отмахнулся от этого предупреждения, хотя на самом деле и учел его.

— Возьмите кушетку! — приказал он. — И доставьте на ней арестованного в Бриджуотер, в тюрьму.

— Он не перенесет этого пути, — запротестовал Блад. — Его нельзя сейчас трогать.

— Тем хуже для него. Мое дело — арестовывать мятежников! — И жестом руки он подтвердил ранее отданное им приказание.

Двое из его людей подняли кушетку и направились с ней к двери. Гилдой сделал слабую попытку протянуть Бладу руку.

— Я ваш должник, доктор, — сказал он, — и если выживу, то постараюсь заплатить этот долг.

Вместо ответа Блад только поклонился, а затем сказал солдатам:

— Несите осторожно, ибо от этого зависит его жизнь. — Как только Гилдой унесли, капитан оживился и, повернувшись к Бэйнсу, спросил:

— Ну, кого еще из проклятых мятежников вы укрываете?

— Больше никого, сэр. Его светлость...

— Мы уже разделились с его светлостью. А вами займемся, как только обобщем дом, и, клянусь Богом, если вы мне лжете...

Он прорычал соответствующее приказание своим драгунам; трое из них тут же вышли в соседнюю комнату, откуда через минуту послышался производимый ими грохот. Между тем капитан внимательно осматривал комнату, простукивая панели рукояткой пистолета.

Блад, считая, что ему не следует здесь больше задерживаться, сказал, обращаясь к Гобарту:

— С вашего разрешения, хочу пожелать вам всего хорошего, капитан.

— С моего разрешения, вы задержитесь здесь еще! — резко ответил ему Гобарт.

Блад пожал плечами и сел.

— Вы нестерпимо скучны, — сказал он. — Удивляюсь, как этого еще не заметил ваш полковник.

Однако капитан не обратил на него внимания, ибо, нагнувшись, чтобы поднять чью-то потрепанную и запыленную шляпу, заметил прикрепленный к ней маленький пучок дубовых веток. Шляпа лежала у бельевого шкафа, где прятался бедный Питт.

Капитан со злорадной улыбкой вновь оглядел комнату, остановив свой насмешливый взгляд на Бэйнсе, затем на двух женщинах, стоявших позади, и наконец на Бладе, который сидел, положив ногу на ногу, с видом безразличия, но на самом деле ему было далеко не безразлично, как развернутся дальнейшие события.

Подойдя к шкафу, Гобарт широко распахнул одну из его массивных дубовых створок и, схватив за воротник камзола скорчившегося там Питта, вытащил его наружу.

— А это что за тип? — спросил он. — Еще один вельможа?

Воображение Блада немедленно нарисовало картину виселиц, о которых говорил капитан, и несчастного молодого моряка, без суда вздернутого на одну из них взамен другой жертвы, обманувшей ожидания Гобарта. Блад тут же придумал молодому повстанцу не только титул, но и целую знатную семью.

— Вы угадали, капитан. Это виконт Питт, двоюродный брат сэр Томаса Вернона, женатого на красотке Молли Кирк — сестре вашего полковника. Вам должно быть известно, что она была фрейлиной жены короля Якова.

Капитан и его пленник едва не задохнулись от удивления. Но в то время как Питт счел за лучшее скромно промолчать, капитан отвратительно выругался, с интересом рассматривая свою новую жертву.

— Он лжет, не правда ли? — проговорил Гобарт,

схватив юношу за плечи и свирепо глядя ему в лицо. — Клянусь Богом, он издевается надо мной!

— Если вы в этом уверены, — сказал Блад, — то повесьте его — и увидите, что с вами сделают.

Драгун гневно взглянул на доктора, а затем на своего пленника.

— Взять его! — приказал он, толкнув юношу в руки своих людей. — Свяжите и этого тоже, — указал капитан на Бэйнса. — Мы покажем ему, как укрывать мятежников!

Солдаты набросились на хозяина дома. Бэйнс бурно протестовал, пытаясь вырваться из цепких и грубых рук солдат. Перепуганные женщины кричали от страха до тех пор, пока к ним не подошел капитан. Он схватил дочь Бэйнса за плечо. Прелестная золотоволосая девушка с нежными голубыми глазами умоляюще глядела прямо в лицо капитану. Его глаза вспыхнули, и, приподняв голову девушки за подбородок, драгун грубо поцеловал ее в губы, заставив бедняжку вздрогнуть от отвращения.

— Это задаток, — мрачно улыбаясь, сказал он. — Пусть он успокоит тебя, маленькая мятежница, пока я не разделаюсь с этими мошенниками.

И он отошел от девушки, оставив ее в полубморочном состоянии на руках перепуганной матери. Его люди, посмеиваясь в ожидании дальнейших распоряжений, стояли около двух крепко связанных пленников.

— Убрать! — приказал Гобарт. — Корнет Дрэйк отвечает за них головой.

Его горящие глаза снова остановились на съезжившейся от страха девушке.

— Я ненадолго здесь задержусь, — сказал он своим драгунам. — Надо обыскать это логово — не прячутся ли тут и другие мятежники. — Как бы мимоходом вспомнив о чем-то, он, небрежно указав на Блада, добавил: — И этого парня прихватите с собой тоже. Да пошевеливайтесь!

Блад, словно очнувшись от глубокого раздумья, изумленно взглянул на Гобарта. В эту минуту он как раз думал о том, что в его сумке с инструментами лежал ланцет, с помощью которого можно было бы осуществить над капитаном Гобартом благотворительную операцию, весьма полезную для человечества: драгун, несомненно, страдал полнокровием, и кровопускание никак не повредило бы его здоровью. Однако осуществить этот план было нелегко. Блад уже начал прикидывать в уме, не следует ли ему отозвать капитана в сторону, якобы для того, чтобы поведать лакомую сказку о спрятанных сокровищах, но

несвоевременное вмешательство Гобарта положило конец занимательным домыслам доктора.

Он все же попытался выиграть время.

— Клянусь честью, меня это устраивает, — сказал он. — Я как раз и собирался идти домой, в Бриджуотер. Если бы вы не задержали меня, то я бы уже давно был в пути.

— Вам и придется идти туда — но только не домой, а в тюрьму.

— Ба! Вы, конечно, шутите!

— Там найдется и виселища, если вас это устраивает. Вопрос лишь в том, когда вас повесят — сейчас или несколько позже.

Грубые руки схватили Блада, а его замечательный ланцет остался в сумке с инструментами, лежавшей на столе. Будучи гибким и сильным человеком, он вырвался из рук солдат, но на него тут же набросились и повалили на пол, связали руки за спиной и грубо поставили на ноги.

— Взять его! — коротко сказал Гобарт и, повернувшись к остальным драгунам, распорядился: — Обыскать этот дом от чердака до подвала. Результаты доложите мне. Я буду здесь.

Солдаты разбежались по всему дому. Конвоиры вытолкали Блада во двор, где уже находились Питт и Бэйнс, ожидавшие отправки в тюрьму. На пороге дома Блад повернулся лицом к Гобарту, и в синих глазах доктора вспыхнул гнев. С его уст готово было сорваться обещание того, что он сделает с капитаном, если ему удастся выжить. Однако он вовремя сдержался, сообразив, что высказать такое обещание вслух было бы равносильно тому, если бы он сам захотел погубить все надежды сохранить жизнь, нужную для осуществления этого обещания. Сегодня люди короля были владыками на Юго-Западе, где они вели себя, как в завоеванной стране, и простой кавалерийский капитан играл роль властелина жизни и смерти людей.

Блад и его товарищи по несчастью стояли под яблонями сада, привязанные к стременам седел. По отрывистой команде корнета Дрэйка маленький отряд направился в Бриджуотер. Страшное предположение Блада о том, что для драгун эта часть Англии стала оккупированной вражеской страной, полностью подтвердилось. Из дома послышался треск отдираемых досок, грохот переворачиваемой мебели, крики и смех грубых людей,

для которых охота за повстанцами была лишь предлогом для грабежа и насилия. И в довершение всего, сквозь этот дикий шум донесся пронзительный крик женщины.

Бэйнс остановился и с выражением муки на пепельно-бледном лице обернулся к дому. Но рывок веревки, которой он был привязан к стремяни, свалил его с ног, и пленник беспомощно протащился по земле несколько ярдов, прежде чем драгун остановил лошадь. Осыпая Бэйна грубой бранью, солдат несколько раз ударил его плоской стороной своей сабли.

В это чудесное и душистое июльское утро Блад шел среди яблоневых деревьев, склонившихся под тяжестью плодов, и думал, что человек, как он давно уже подозревал, — это не венец природы, а ее отвратительнейшее создание, и только идиот мог избрать себе профессию целителя этих созданий, которые заслуживали уничтожения.

Глава III

ВЕРХОВНЫЙ СУДЬЯ

Только два месяца спустя — 19 сентября 1685 года, — если вы интересуетесь точной датой, Питер Блад предстал перед судом по обвинению в государственной измене. Мы знаем, что он не был в ней повинен, но можно не сомневаться в том, что ко времени предъявления ему обвинения он полностью подготовился к такой измене. За два месяца, проведенных в тюрьме в нечеловеческих условиях, трудно поддающихся описанию, Блад страстно возненавидел короля Якова и всех его сторонников. Уже одно то, что Блад вообще смог сохранить разум в такой обстановке, свидетельствует о наличии у него большой силы духа. И все же, каким бы ужасным ни было положение этого совершенно невинного человека, он еще мог благодарить судьбу прежде всего за то, что его вообще вызвали в суд, а затем за то, что суд состоялся именно 19 сентября, а не раньше этой даты. Задержка, столь раздражавшая Блада, представляла для него единственную возможность спастись от виселицы, хотя в то время он не отдавал себе в этом отчета.

Могло, разумеется, случиться и так, что он оказался бы среди тех арестованных, которых на следующий же день после битвы вывели из переполненной тюрьмы в

Бриджуотере и по распоряжению жаждавшего крови полковника Кирка повесили без суда на рыночной площади. Командир Танжерского полка, безусловно, поступил бы так же и с остальными заключенными, если бы не вмешался епископ Мьюсский, положивший конец этим незаконным казням.

Только за одну неделю, прошедшую после Седжмурской битвы, Февршем и Кирк, не устраивая комедии суда, казнили свыше ста человек. Победителям требовались жертвы для виселиц, воздвигнутых на юго-западе страны; их ничуть не беспокоило, где и как были захвачены эти жертвы и сколько среди них было невинных людей. Что, в конце концов, стоила жизнь какого-то олуха! Палачи работали не покладая рук, орудия веревками, топорами и котлами с кипящей смолой... Но я избавлю вас от описания деталей отвратительных зрелищ, ибо, в конце концов, нас больше занимает судьба Питера Блада, нежели участь повстанцев, обманутых Монмутом.

Блад дожид до того дня, когда его вместе с толпой других несчастных, скованных попарно, погнали из Бриджуотера в Тонтон. Не способных ходить заключенных, с гноящимися и незабинтованными ранами, солдаты бесцеремонно бросили на переполненные телеги. Кое-кому посчастливилось умереть в пути. Когда Блад как врач пытался получить разрешение оказать помощь наиболее страдавшим, его сочли наглым и назойливым, пригрозив высечь плетью. Если он сейчас о чем-либо и сожалел, так только о том, что не участвовал в восстании, организованном Монмутом. Это, конечно, было нелогично, но едва ли следовало ожидать логического мышления от человека в его положении.

Весь кошмарный путь из Бриджуотера в Тонтон Блад прошел в кандалах плечом к плечу с тем самым Джереми Питтом, который в значительной степени был причиной его несчастий. Молодой моряк все время держался рядом с Бладом. Июль, август и сентябрь они задыхались от жары и зловония в переполненной тюрьме, а перед отправкой их в суд они вместе были скованы кандалами.

Обрывки слухов и новостей понемножку просачивались сквозь толстые стены тюрьмы из внешнего мира. Кое-какие слухи умышленно распространялись среди заключенных — к их числу относился слух о казни Монмута, повергший в глубочайшее уныние тех, кто переносил все мучения ради этого фальшивого претендента на престол. Многие из заключенных отказывались верить этому слуху. Они

безосновательно утверждали, что вместо Монмута был казнен какой-то человек, похожий на герцога, а сам герцог спасся, для того чтобы вновь явиться в ореоле славы.

Блад отнесся к этой выдумке с таким же глубоким безразличием, с каким воспринял известие о подлинной смерти Монмута. Однако одна позорная деталь не только задела Блада, но и укрепила его ненависть к королю Якову. Король изъявил желание встретиться с Монмутом. Если он не имел намерения помиловать мятежного герцога, то эта встреча могла преследовать только самую низкую и подлую цель — насладиться зрелищем унижения Монмута.

Позднее заключенные узнали, что лорд Грей, фактически возглавлявший восстание, купил себе полное прощение за сорок тысяч фунтов стерлингов. Тут Питер Блад уже не мог не высказать вслух своего презрения к королю Якову.

— Какая же низкая и грязная тварь сидит на троне! Если бы мне было известно о нем столько, сколько я знаю сегодня, несомненно, я дал бы повод посадить меня в тюрьму гораздо раньше, — заявил он и тут же спросил: — А как вы полагаете, где сейчас лорд Гилдой?

Питт, которому он задал этот вопрос, повернул к Бладу свое лицо, утратившее за несколько месяцев пребывания в тюрьме почти весь морской загар, и серыми округлившимися глазами вопросительно посмотрел на товарища по заключению.

— Вы удивляетесь моему вопросу? — спросил Блад. — В последний раз мы видели его светлость в Оглторпе. Меня, естественно, интересует, где другие дворяне — истинные виновники неудачного восстания. Полагаю, что история с Греем объясняет их отсутствие здесь, в тюрьме. Все они люди богатые и, конечно, давно уж откупились от всяких неприятностей. Виселицы ждут только тех несчастных, которые имели глупость следовать за аристократами, а сами аристократы, конечно, свободны. Курьезное и поучительное заключение. Честное слово, насколько же еще глупы люди!

Он горько засмеялся и несколько позже с тем же чувством глубочайшего презрения вошел в Тоттонский замок, чтобы предстать перед судом. Вместе с ним были доставлены Питт и Бэйнс, ибо все они проходили по одному и тому же делу, с разбора которого и должен был начаться суд.

Огромный зал с галереями, наполненный зрителями, в большинстве дамами, был убран пурпурной материей. Это была чванливая выдумка верховного судьи, барона Джефрейса, жаждавшего крови. Он сидел на высоком председательском кресле. Пониже сутулились четверо судей в пурпурных мантиях и тяжелых черных париках. А еще ниже сидели двенадцать присяжных заседателей.

Стража ввела заключенных. Судебный пристав, обратившись к публике, потребовал соблюдения полной тишины, угрожая нарушителям тюрьмой. Шум голосов в зале стал постепенно затихать, и Блад пристально разглядывал дюжину присяжных заседателей, которые дали клятву быть «милостливыми и справедливыми». Однако внешность этих людей свидетельствовала о том, что они не могли думать ни о милости, ни о справедливости. Перепуганные и потрясенные необычной обстановкой, они походили на карманных воров, пойманных с поличным. Каждый из двенадцати стоял перед выбором: или меч верховного судьи, или веление своей совести.

Затем Блад перевел взгляд на членов суда и его председателя — лорда Джефрейса, о жестокости которого шла ужасная слава.

Это был высокий, худой человек лет под сорок, с продолговатым красивым лицом. Синева под глазами, прикрытыми набрякшими веками, подчеркивала блеск его взгляда, полного меланхолии. На мертвенно бледном лице резко выделялись яркие полные губы и два пятна чахоточного румянца.

Верховный судья, как было известно Бладу, страдал от мучительной болезни, которая уверенно вела его к могиле кратчайшим путем. И доктор знал также, что, несмотря на близкий конец, а может, и благодаря этому, Джефрейс вел распутный образ жизни.

— Питер Блад, поднимите руку!

Хриплый голос судебного клерка вернул Блада к действительности. Он повиновался, и клерк монотонным голосом стал читать многословное обвинительное заключение: Блада обвиняли в измене своему верховному и законному владыке Якову II, божьей милостью королю Англии, Шотландии, Франции и Ирландии. Обвинительное заключение утверждало, что Блад не только не проявил любви к своему королю, но, соблазняемый дьяволом, нарушил мир и спокойствие королевства, разжигал войну и мятеж с преступной целью лишить своего короля

короны, титула и чести, и в заключение Бладу предлагалось ответить: виновен он или не виновен?

— Я ни в чем не виновен, — ответил он не задумываясь.

Маленький остролицый человек, сидевший впереди судейского стола, подскочил на своем месте. Это был военный прокурор Полликсфен.

— Виновен или не виновен? — закричал он. — Ответьте теми же словами, которыми вас спрашивают.

— Тсми же словами? — переспросил Блад. — Хорошо! Не виновен. — И, обращаясь к судьям, сказал: — Я должен заявить, что не сделал ничего, о чем говорится в обвинительном заключении. Меня можно обвинить только в недостатке терпения во время двухмесячного пребывания в зловонной тюрьме, где мое здоровье и моя жизнь подвергались величайшей опасности...

Он мог бы сказать еще многое, но верховный судья прервал его мягким, даже жалобным голосом:

— Я вынужден прервать вас. Мы ведь обязаны соблюдать общепринятые судебные нормы. Как я вижу, вы не знакомы с судебной процедурой?

— Не только не знаком, но до сих пор был счастлив в своем неведении. Если бы это было возможно, я вообще с радостью воздержался бы от подобного знакомства.

Слабая улыбка на мгновенье скользнула по грустному лицу верховного судьи.

— Я верю вам. Вы будете иметь возможность сказать все, что хотите, когда выступите в свою защиту. Однако то, что вам хочется сказать сейчас, и неуместно и незаконно.

Блад, удивленный и обрадованный явной симпатией и предупредительностью судьи, выразил согласие, чтобы его судили Бог и страна¹⁸. Вслед за этим клерк, помолившись Богу и попросив его помочь вынести справедливый приговор, вызвал Эндрю Бэйнса, приказал ему поднять руку и ответить на обвинение. От Бэйнса, признавшего себя невиновным, клерк перешел к Питту, и последний дерзко признал свою вину. Верховный судья оживился.

— Ну, вот так будет лучше, — сказал он, и его коллеги в пурпурных мантиях послушно закивали головами. — Если бы все упрямылись, как вот эти несомненные бунтовщики, заслуживающие казни, — и он слабым жестом

руки указал на Блада и Бэйнса, — мы никогда бы не закончили наше дело.

Зловещее замечание судьи заставило всех присутствующих содрогнуться. После этого поднялся Полликсфен. Многословно изложив существо дела, по которому обвинялись все трое подсудимых, он перешел к обвинению Питера Блада, дело которого разбиралось первым.

Единственным свидетелем обвинения был капитан Гобарт. Он живо обрисовал обстановку, в которой он нашел и арестовал трех подсудимых вместе с лордом Гилдоем. Согласно приказу своего полковника, капитан обязан был повесить Питта на месте, если бы этому не помешала ложь подсудимого Блада, который заявил, что Питт является паром и лицом, заслуживающим внимания.

По окончании показаний капитана лорд Джефрейс посмотрел на Питера Блада:

— Есть ли у вас какие-либо вопросы к свидетелю?

— Никаких вопросов у меня нет, ваша честь. Он правильно изложил то, что произошло.

— Рад слышать, что вы не прибегаете к уверткам, обычным для людей вашего типа. Должен сказать, что никакие увиливания вам здесь и не помогли бы. В конце концов, мы всегда добьемся правды. Можете не сомневаться.

Бэйнс и Питт, в свою очередь, подтвердили правильность показаний капитана. Верховный судья, вздохнув с облегчением, заявил:

— Ну, если все ясно, так, ради Бога, не будем тянуть, ибо у нас еще много дел. — Сейчас уже в его голосе не осталось и признаков мягкости. — Я полагаю, господин Полликсфен, что, коль скоро факт подлой измены этих трех мерзавцев установлен и, более того, признан ими самими, говорить больше не о чем.

Но тут прозвучал твердый и почти насмешливый голос Питера Блада:

— Если вам будет угодно выслушать, то говорить есть о чем.

Верховный судья взглянул на Блада с величайшим изумлением, пораженный его дерзостью, но затем изумление его сменилось гневом. На неестественно красных губах появилась неприятная, жесткая улыбка, искажившая его лицо.

— Что еще тебе нужно, подлец? Ты опять будешь отнимать у нас время своими бесполезными увертками?

— Я бы хотел, чтобы ваша честь и господа присяжные заседатели выслушали, как это вы мне обещали, что я скажу в свою защиту.

— Ну что же... Послушаем... — Резкий голос верховного судьи внезапно сорвался и стал глухим. Фигура судьи скорчилась. Своей белой рукой с набухшими синими венами он достал носовой платок и прижал его к губам. Питер Блад понял как врач, что Джефрейс испытывает сейчас приступ боли, вызванный разрушающей его болезнью. Но судья, пересилив боль, продолжал: — Говори! Хотя что еще можно сказать в свою защиту после того, как во всем признался?

— Вы сами об этом будете судить, ваша честь.

— Для этого я сюда и прислан.

— Прошу и вас, господа, — обратился Блад к членам суда, которые беспокойно задвигались под уверенным взглядом его светло-синих глаз.

Присяжные заседатели смертельно боялись Джефрейса, ибо он вел себя с ними так, будто они сами были подсудимыми, обвиняемыми в измене.

Питер Блад смело вышел вперед. Он держался прямо и уверенно, но лицо его было мрачно.

— Капитан Гобарт в самом деле нашел меня в усадьбе Оглторп, — сказал Блад спокойно, — однако он умолчал о том, что я там делал.

— Ну, а что же ты должен был делать там в компании бунтовщиков, чья вина уже доказана?

— Именно это я и прошу разрешить мне сказать.

— Говори, но только короче. Если мне придется выслушивать все, что здесь захотят болтать собаки-предатели, нам нужно будет заседать до весны.

— Я был там, ваша честь, для того, чтобы врачевать раны лорда Гилдоа.

— Что такое? Ты хочешь сказать нам, что ты доктор?

— Да, я окончил Тринити-колледж в Дублине.

— Боже милосердный! — вскричал Джефрейс, в голосе которого вновь зазвучала сила. — Поглядите на этого мерзавца! — обратился он к членам суда. — Ведь свидетель показал, что несколько лет назад встречал его в Танжере как офицера французской армии. Вы слышали и признание самого подсудимого о том, что показания свидетеля правильны.

— Я признаю это и сейчас. Но вместе с тем правильно также и то, что сказал я. Несколько лет мне пришлось быть солдатом, но раньше я был врачом, и с января

этого года, обосновавшись в Бриджуотере, вернулся к своей профессии доктора, что может подтвердить сотня свидетелей.

— Не хватало еще на это тратить время! Я вынесу приговор на основании твоих же собственных слов, подлец! Еще раз спрашиваю: как ты, выдающий себя за врача, мирно занимавшегося практикой в Бриджуотере, оказался в армии Монмута?

— Я никогда не был в этой армии. Ни один свидетель не показал этого и, осмеливаясь утверждать, не покажет. Я не сочувствовал целям восстания и считал эту авантюру сумасшествием. С вашего разрешения, хочу спросить у вас: что мог делать я, католик, в армии протестантов?

— Католик? — мрачно переспросил судья, взглянув на него. — Ты — хныкающий ханжа-протестант! Должен сказать тебе, молодой человек, что я носом чую протестанта за сорок миль.

— В таком случае, удивляюсь, почему вы, обладая столь чувствительным носом, не можете узнать католика на расстоянии четырех шагов.

С галерей послышался смех, немедленно умолкший после направленных туда свирепых взглядов судьи и криков судебного пристава.

Подняв изящную белую руку, все еще сжимавшую носовой платок, и подчеркивая каждое слово угрожающим покачиванием указательного пальца, Джефрейс сказал:

— Вопрос о твоей религии, мой друг, мы обсуждать не будем. Однако запомни, что я тебе скажу: никакая религия не может оправдать ложь! У тебя есть бессмертная душа. Подумай об этом, а также о том, что всемогущий Бог, перед судом которого и ты, и мы, и все люди предстанем в день великого судилища, накажет тебя за малейшую ложь и бросит в бездну, полную огня и кипящей серы. Бога нельзя обмануть! Помни об этом всегда. А сейчас скажи: как случилось, что тебя захватили вместе с бунтовщиками?

Питер Блад с изумлением и ужасом взглянул на судью:

— В то утро, ваша честь, меня вызвали к раненому лорду Гилдою. По долгу профессии я считал своей обязанностью оказать ему помощь.

— Своей обязанностью? — И судья с побелевшим лицом, перекошенным усмешкой, гневно взглянул на Блада. Затем, овладев собой, Джефрейс глубоко вздохнул и с

прежней мягкостью сказал: — О, мой Бог! Нельзя же так испытывать наше терпение. Ну хорошо. Скажите, кто вас вызывал?

— Находящийся здесь Питт. Он может подтвердить мои слова.

— Ага! Подтвердит Питт, уже сознавшийся в своей измене. И это — ваш свидетель?

— Здесь находится и Эндрю Бэйнс. Он скажет то же самое.

— Дорогому Бэйнсу еще предстоит самому ответить за свои прегрешения. Полагаю, он будет очень занят, спасая свою собственную шею от веревки. Так, так! И это все ваши свидетели?

— Почему же все, ваша честь? Можно вызвать из Бриджуотера и других свидетелей, которые видели, как я уезжал вместе с Питтом на крупе его лошади.

— О, в этом не будет необходимости, — улыбнулся верховный судья. — Я не намерен тратить на вас время. Скажите мне только одно: когда Питт, как вы утверждаете, явился за вами, знали вы, что он был сторонником Монмута, в чем он уже здесь сознался?

— Да, ваша честь, я знал об этом.

— Вы знали! Ага! — И верховный судья грозно посмотрел на присяжных заседателей, съездившихся от страха. — И все же, несмотря на это, вы поехали с ним?

— Да, я считал святым долгом оказать помощь раненому человеку.

— Ты называешь это святым долгом, мерзавец?! — заорал судья. — Боже милосердный! Твой святой долг, подлец, служить королю и Богу! Но не будем говорить об этом. Сказал ли вам этот Питт, кому именно нужна была ваша помощь?

— Да, лорду Гилдою.

— А знали ли вы, что лорд Гилдой был ранен в сражении и на чьей стороне он сражался?

— Да, знал.

— И тем не менее, будучи, как вы нас пытаетесь убедить, лояльным подданным нашего короля, вы отправились к Гилдою?

На мгновение Питер Блад потерял терпение.

— Меня занимали его раны, а не его политические взгляды! — сказал он резко.

На галереях и даже среди присяжных заседателей

раздался одобрительный шепот, который лишь усилил ярость верховного судьи.

— Господи Иисусе! Жил ли еще когда-либо на свете такой бесстыжий злодей, как ты? — И Джефрейс повернул свое мертвенно-бледное лицо к членам суда. — Я обращаю ваше внимание, господа, на отвратительное поведение этого подлого изменника. Того, в чем он сам сознался, достаточно, чтобы повесить его десять раз... Ответьте мне, подсудимый, какую цель вы преследовали, мороча капитана Гобарта враньем о высоком сане изменника Питта?

— Я хотел спасти его от виселицы без суда.

— Какое вам было дело до этого негодяя?

— Забота о справедливости — долг каждого верноподданного, — спокойно сказал Питер Блад. — Несправедливость, совершенная любым королевским слугой, в известной мере бесчестит самого короля.

Это был сильный выпад по адресу суда, обнаруживающий, как мне кажется, самообладание Блада и остроту его ума, особенно усиливавшиеся в моменты величайшей опасности. На любой другой состав суда эти слова произвели бы именно то впечатление, на которое и рассчитывал Блад. Бедные, малодушные овцы, исполнявшие роли присяжных, заколебались. Но тут снова вмешался Джефрейс.

Он громко, с трудом задышал, а затем неистово ринулся в атаку, чтобы сгладить благоприятное впечатление, произведенное словами Блада.

— Владыка небесный! — **закричал судья.** — Видали вы когда-нибудь такого наглеца?! Но я уже разделался с тобой. Конечно! Я вижу, злодей, веревку на твоей шее!

Выпавив эти слова, которые не давали возможности присяжным прислушаться к голосу своей совести, Джефрейс опустил в кресло и вновь овладел собой. Судебная комедия была окончена. На бледном лице судьи не осталось никаких следов возбуждения, оно сменилось выражением тихой меланхолии. Помолчав, он заговорил мягким, почти нежным голосом, однако каждое его слово отчетливо раздавалось в притихшем зале: — Не в моем характере причинять кому-либо вред или радоваться чьей-либо гибели. Только из сострадания к вам я употребил все эти слова, надеясь, что вы сами позаботитесь о своей бессмертной душе, а не будете способствовать ее проклятию, упорствуя и лжесвидетельствуя. Но я вижу, что все мои усилия, все мое сострадание и

милосердие бесполезны. Мне не о чем с вами больше говорить. — И, повернувшись к членам суда, он сказал: — Господа! Как представитель закона, истолкователями которого являемся мы — судьи, а не обвиняемый, должен напомнить вам, что если кто-то, хотя бы и не участвовавший в мятеже против короля, сознательно принимает, укрывает или поддерживает мятежника, то этот человек является таким же предателем, как и тот, кто имел в руках оружие. Таков закон! Руководствуясь сознанием своего долга и данной вами присягой, вы обязаны вынести справедливый приговор.

После этого верховный судья приступил к речи, в которой пытался доказать, что и Бэйнс и Блад виновны в измене: первый — за укрытие предателя, а второй — за оказание ему медицинской помощи. Речь судьи была усыпана льстивыми ссылками на законного государя и повелителя — короля, поставленного Богом над всеми, и бранью в адрес протестантов и Монмута, о котором он сказал, что любой законнорожденный бедняк в королевстве имел больше прав на престол, нежели мятежный герцог.

Закончив свою речь, он, обессиленный, не опустил, а упал в свое кресло и несколько минут сидел молча, вытирая платком губы. Потом, корчась от нового приступа боли, он приказал членам суда отправиться на совещание.

Питер Блад выслушал речь Джефрейса с отрешенностью, которая впоследствии, когда он вспоминал эти часы, проведенные в зале суда, не раз удивляла его. Он был так поражен поведением верховного судьи и быстрой сменой его настроений, что почти забыл об опасности, угрожавшей его собственной жизни.

Отсутствие членов суда было таким же кратким, как и их приговор: все трое признавались виновными. Питер Блад обвел взглядом зал суда, и на одно мгновение сотни бледных лиц заколебались перед ним. Однако он быстро овладел собой и услышал, что кто-то его спрашивает: может ли он сказать, почему ему не должен быть вынесен смертный приговор¹⁹ после признания его виновным в государственной измене?

Он внезапно засмеялся, и смех этот странно и жутко прозвучал в мертвой тишине зала. Правосудие, отправляемое больным маньяком в пурпурной мантии, было сплошным издевательством. Да и сам верховный судья — продажный инструмент жестокого, злобного и мстительного

короля — был насмешкой над правосудием. Но даже и на этого маньяка подействовал смех Блада.

— Вы смеетесь на пороге вечности, стоя с веревкой на шее? — удивленно спросил верховный судья.

И здесь Блад использовал предоставившуюся ему возможность мести:

— Честное слово, у меня больше оснований для радости, нежели у вас. Прежде чем будет утвержден мой приговор, я должен сказать следующее: вы видите меня, невинного человека, с веревкой на шее, хотя единственная моя вина в том, что я выполнил свой долг, долг врача. Вы выступали здесь, заранее зная, что меня ожидает. А я как врач могу заранее сказать, что ожидает вас, ваша честь. И, зная это, заявляю вам, что даже сейчас я не поменялся бы с вами местами, не сменил бы той веревки, которой вы хотите меня удавить, на тот камень, который вы в себе носите. Смерть, к которой вы приговорите меня, будет истинным удовольствием по сравнению с той смертью, к которой вас приговорил тот Господь Бог, чье имя вы здесь так часто употребляете.

Бледный, с судорожно дергающимися губами, верховный судья неподвижно застыл в своем кресле. В зале стояла полнейшая тишина. Все, кто знал Джефрейса, решили, что это затишье перед бурей, и уже готовились к взрыву.

Но никакого взрыва не последовало. На лице одетого в пурпур судьи медленно проступил слабый румянец. Джефрейс как бы выходил из состояния оцепенения. Он с трудом поднялся и приглушенным голосом, совершенно механически, как человек, мысли которого заняты совсем другим, вынес смертный приговор, не ответив ни слова на то, о чем говорил Питер Блад. Произнеся приговор, судья снова опустился в кресло. Глаза его были полужакрыты, а на лбу блестели капли пота.

Стража увела заключенных.

Один из присяжных заседателей случайно подслушал, как Полликсфен, несмотря на свое положение военного прокурора, втайне бывший вигом, тихо сказал своему коллеге адвокату:

— Клянусь Богом, этот черномазый мошенник до смерти перепугал верховного судью. Жаль, что его должны повесить. Человек, способный устроить Джефрейса, пошел бы далеко.

ТОРГОВЛЯ ЛЮДЬМИ

Полликсфен был прав и неправ в одно и то же время.

Он был прав в своем мнении, что человек, способный вывести из себя такого деспота, как Джефрейс, должен был сделать хорошую карьеру. И в то же время он был неправ, считая предстоящую казнь Питера Блада неизбежной.

Я уже сказал, что несчастья, обрушившиеся на Блада в результате его посещения усадьбы Огглторп, включали в себя и два обстоятельства положительного порядка: первое, что его вообще судили, и второе, что суд состоялся 19 сентября. До 18 сентября приговоры суда приводились в исполнение немедленно. Но утром 19 сентября в Тонтон прибыл курьер от государственного министра лорда Сандерленда с письмом на имя лорда Джефрейса. В письме сообщалось, что его величество король милостиво приказывает отправить тысячу сто бунтовщиков в свои южные колонии на Ямайке, Барбадосе и на Подветренных островах.

Вы, конечно, не предполагаете, что это приказание диктовалось какими-то соображениями гуманности. Лорд Черчилль, один из видных сановников Якова II, был совершенно прав, заметив как-то, что сердце короля так же чувствительно, как камень. «Гуманность» объяснялась просто: массовые казни были безрассудной тратой ценного человеческого материала, в то время как в колониях не хватало людей для работы на плантациях, и здорового, сильного мужчину можно было продать за 10-15 фунтов стерлингов. Немало сановников при дворе короля имели основания претендовать на королевскую щедрость, и сейчас представлялся дешевый и доступный способ для удовлетворения их насущных нужд.

В конце концов, что стоило королю подарить своим приближенным некоторое количество осужденных бунтовщиков?

В своем письме лорд Сандерленд подробно описывал все детали королевской милости, заключенной в человеческой плоти и крови. Тысяча осужденных отдавалась восьми царедворцам, а сто поступали в собственность королевы. Всех этих людей следовало немедленно отпра-

вить в южные владения короля, где они и должны были содержаться впредь до освобождения через десять лет. Лица, которым передавались заключенные, обязывались обеспечить их немедленную перевозку.

От секретаря лорда Джефрейса мы знаем, как в эту ночь верховный судья в пьяном бешенстве яростно поносил это недопустимое, на его взгляд, «милосердие» короля. Нам известно, что в письме, посланном королю, верховный судья пытался убедить его пересмотреть свое решение, однако король Яков отказался это сделать. Не говоря уже о косвенных прибылях, которые он получал от этого «милосердия», оно вполне соответствовало его характеру. Король понимал, что многие заключенные умрут мучительной смертью, будучи не в состоянии перенести ужасы рабства в Вест-Индии, и судьбе их будут завидовать оставшиеся в живых товарищи.

Так случилось, что Питер Блад, а с ним Эндрю Бэйнс и Джереми Питт, вместо того чтобы быть повешенными, колесованными и четвертованными, как определялось в приговоре, были отправлены вместе с другими пятьюдесятью заключенными в Бристоль, а оттуда морем на корабле «Ямайский купец». От большой скученности, плохой пищи и гнилой воды среди осужденных вспыхнули болезни, унесшие в океанскую могилу одиннадцать человек. Среди погибших оказался и несчастный Бэйнс.

Смертность среди заключенных, однако, была сокращена вмешательством Питера Блада. Вначале капитан «Ямайского купца» бранью и угрозами встречал настойчивые просьбы врача разрешить ему доступ к ящику с лекарствами для оказания помощи больным. Но потом капитан Гарднер сообразил, что его, чего доброго, еще притянут к ответу за слишком большие потери живого товара. С некоторым опозданием он все же воспользовался медицинскими познаниями Питера Блада. Улучшив условия, в которых находились заключенные, и наладив медицинскую помощь, Блад остановил распространение болезней.

В середине декабря «Ямайский купец» бросил якорь в Карлайлской бухте, и на берег были высажены сорок два оставшихся в живых повстанца.

Если эти несчастные воображали (а многим из них, видимо, так и казалось), что они едут в дикую, нецивилизованную страну, то одного взгляда на нее, брошенного во время торопливой перегрузки живого товара с корабля в лодки, было достаточно, для того чтобы изменить это представление. Они увидели довольно

большой город с домами европейской архитектуры, но без сутолоки, характерной для городов Европы. Над красными крышами возвышался шпиль церкви. Вход в широкую бухту защищался фортом, из амбразур которого во все стороны торчали стволы пушек. На отлогом склоне холма белел фасад большого губернаторского дома. Холм был покрыт ярко-зеленой растительностью, какая бывает в Англии в апреле, и день напоминал такой же апрельский день в Англии, поскольку сезон дождей только кончился.

На широкой мощеной набережной выстроился вооруженный отряд милиции, присланный для охраны осужденных. Здесь же собралась толпа зрителей, по одежде и по поведению отличавшаяся от обычной толпы в любом морском порту Англии только тем, что в ней было меньше женщин и больше негров.

Для осмотра выстроенных на молу осужденных приехал губернатор Сид — низенький полный человек с красным лицом, одетый в камзол из толстого голубого шелка, обильно разукрашенный золотыми позументами. Он слегка прихрамывал и потому опирался на прочную трость из черного дерева. Вслед за губернатором появился высокий, дородный мужчина в форме полковника барбадосской милиции. На большом желтоватом лице его словно застыло выражение недоброжелательства. Рядом с ним шла стройная девушка в элегантном костюме для верховой езды. Широкополая серая шляпа, украшенная алыми страусовыми перьями, прикрывала продолговатое, с тонкими чертами лицо, на котором тропический климат не оставил никаких следов. Локоны блестящих каштановых волос кольцами падали на плечи. Широко расставленные карие глаза открыто смотрели на мир, а на лице ее вместо обычного задорного выражения сейчас было видно сострадание.

Питер Блад спохватился, поймав себя на том, что он не сводит удивленных глаз с очаровательного лица этой девушки, находившейся здесь явно не на месте. Обнаружив, что она, в свою очередь, также пристально его разглядывает, Блад поежился, чувствуя, какое печальное зрелище он представляет. Немытый, с грязными и спутанными волосами и давно не бритой черной бородой, в лохмотьях, оставшихся от некогда хорошего камзола, который сейчас обезобразил бы даже огородное пугало, он совершенно не подходил для того, чтобы на него смотрели такие красивые глаза. И тем не менее эта девушка с каким-то почти детским изумлением и

жалостью продолжала его рассматривать. Затем она коснулась рукой своего компаньона, который с недовольным ворчанием повернулся к ней.

Девушка горячо говорила ему о чем-то, но было совершенно очевидно, что полковник слушал ее невнимательно. Взгляд его маленьких блестящих глаз, расположенных близко к мясистому крючковатому носу, перешел с нее и остановился на светловолосом крепыше Питте, стоявшем рядом с Бладом.

Но тут к ним подошел губернатор, и между ними завязался общий разговор.

Девушка говорила очень тихо, и Блад ее совсем не слышал; слова полковника доносились до него в форме неразборчивого мычания. Губернатор же, обладавший пронзительным голосом, считал себя остроумным человеком и любил, чтобы ему все внимали.

— Послушайте, мой дорогой полковник Бишоп. Вам предоставляется право первого выбора из этого прекрасного букета цветов и по той цене, которую вы назначите сами. А всех остальных мы продадим с торгов.

Полковник Бишоп кивнул головой в знак согласия:

— Ваше превосходительство очень добры. Но, клянусь честью, это не партия рабочих, а жалкое стадо кляч. Вряд ли от них будет какой-нибудь толк на плантациях.

Презрительно щуря маленькие глазки, он вновь осмотрел всех осужденных, и выражение злой недоброжелательности на его лице еще более усилилось. Затем, подозвав к себе капитана «Ямайского купца» Гарднера, он несколько минут разговаривал с ним, рассматривая полученный от него список.

Потом полковник сунул список обратно Гарднеру и подошел к осужденным повстанцам. Подле молодого моряка из Сомерсетшира Бишоп остановился. Ощупав мускулы на руках Питта, он приказал ему открыть рот, чтобы осмотреть зубы; облизнулся, кивнул головой и, не поворачиваясь, буркнул шедшему позади него Гарднеру:

— За этого пятнадцать фунтов.

Капитан скорчил недовольную гримасу:

— Пятнадцать фунтов? Это не составит и половины того, что я хотел просить за него.

— Это вдвое больше того, что я был намерен заплатить, — проворчал полковник.

— Но ведь и тридцать фунтов за него — слишком дешево, ваша честь.

— За такую цену я могу купить негра. Эти белые

свиньи не умсют работать и быстро дохнут в нашем климате.

Гарднер начал расхваливать здоровье Питта, его молодость и выносливость, словно речь шла не о человеке, а о выючном животном. Впечатлительный Питт стоял молча, не шевелясь. Лишь румянец, то появлявшийся, то исчезающий на его щеках, выдавал внутреннюю борьбу, которую вел с собой молодой человек, пытаясь сохранить самообладание. У Питера Блада эта гнусная торговля вызывала чувство глубочайшего отвращения.

В стороне от всего этого прогуливалась, разговаривая с губернатором, девушка, на которую Блад обратил внимание. Губернатор прыгал около нее, глупо улыбаясь и прихоращиваясь. Девушка, очевидно, не понимала, каким мерзким делом занимался полковник. А быть может, подумал Блад, это было ей совершенно безразлично?

В эту секунду полковник Бишоп повернулся на каблуках, собираясь уходить.

— Двадцать фунтов — и ни пенса больше. Это моя предельная цена. Она вдвое больше той, какую вам предложит Крэбстон.

Капитан Гарднер, поняв по его тону, что это действительно окончательная цена, вздохнул и согласился. Бишоп направился дальше, вдоль шеренги заключенных. Блада и стоявшего рядом с ним худого юношу полковник удостоил только мимолетным взглядом. Однако следующий за ним мужчина средних лет и гигантского телосложения, по имени Волверстон, потерявший глаз в сражении при Седжмуре, привлек к себе его внимание, и торговля началась снова.

Питер Блад стоял в ослепительных лучах солнца, глубоко вдыхая незнакомый душистый воздух. Он был насыщен странным ароматом, состоявшим из смеси запахов кампешового дерева²⁰, ямайского перца и душистого кедра. Необычайный этот аромат заставил его забыть обо всем и погрузиться в бесполезные размышления. Он совершенно не был расположен к разговорам. Так же чувствовал себя и Питт, молча стоявший возле Блада и думавший о неизбежной разлуке с человеком, рядом с которым, плечо к плечу, он прожил смутные месяцы и полюбил его, как друга и старшего брата. Чувства одиночества и тоски властно охватили его, и по сравнению с этим все, что он пережил раньше, показалось ему незначительным. Разлука с доктором была для Питта мучительным завершением всех обрушившихся на него несчастий.

К осужденным подходили другие покупатели, рассматривали их, проходили мимо, но Блад не обращал на них внимания. Затем в конце шеренги осужденных произошло какое-то движение. Это Гарднер громким голосом сообщал что-то толпе остальных покупателей, ожидавших, пока полковник Бишоп отберет нужный ему человеческий товар. После того как Гарднер закончил свою речь, Блад заметил, что девушка говорила о чем-то Бишопу и хлыстом с серебряной рукояткой показывала на шеренгу. Бишоп, прикрыв глаза рукой от солнца, поглядел на осужденных и двинулся к ним тяжелой, раскачивающейся походкой вместе с Гарднером и в сопровождении шедших позади девушки и губернатора. Медленно идя вдоль шеренги, полковник поравнялся с Бладом и прошел бы мимо, если бы девушка не коснулась своим хлыстом руки Бишоп.

— Вот тот человек, которого я имела в виду, — сказала она.

— Этот? — спросил полковник, и в его голосе прозвучало презрение.

Питер Блад пристально всматривался в круглые глазки полковника, глубоко сидевшие, как изюминки в пудинге, на его желтом мясистом лице. Блад чувствовал, что этот оскорбительный осмотр вызывает краску на его лице.

— Ба! — услышал он голос Бишоп. — Мешок костей. Пусть его берет кто хочет.

Он повернулся, чтобы уйти, но тут вмешался Гарднер:

— Он, может быть, и тощ, но зато вынослив. Когда половина арестантов была больна, этот мошенник оставался на ногах и лечил своих товарищей. Если бы не он, то покойников на корабле было бы больше... Ну, скажем, пятнадцать фунтов за него, полковник? Ведь это, ей-богу, дешево. Еще раз говорю, ваша честь: он вынослив и силен, хотя и тощ. Это как раз такой человек, который вынесет любую жару. Климат никогда не убьет его.

Губернатор Сид захихикал:

— Слышите, полковник? Положитесь на вашу племянницу. Женщина сразу оценит мужчину, едва лишь на него взглянет.

Он рассмеялся, весьма довольный своим остроумием. Но смеялся он один. По лицу племянницы Бишоп пронеслось облачко раздражения, а сам полковник был слишком поглощен мыслями об этой сделке, чтобы

обратить внимание на сомнительный юмор губернатора. Он пошевелил губами и почесал рукой подбородок. Джереми Питт почти перестал дышать.

— Хотите десять фунтов? — выдавил наконец из себя полковник.

Питер Блад молил Бога, чтобы это предложение было отвергнуто. Мысль о том, что он может стать собственностью этого грязного животного и в какой-то мере собственностью кареглазой молодой девицы, вызывала у него величайшее отвращение. Но раб есть раб, и не в его власти решать свою судьбу. Питер Блад был продан пренебрежительному покупателю, полковнику Бишопу, за ничтожную сумму в десять фунтов стерлингов.

Глава V

АРАБЕЛЛА БИШОП

Солнечным январским утром, спустя месяц после Прихода «Ямайского купца» в Бриджтаун, мисс Арабелла Бишоп выехала из красивого дядиного дома, расположенного на холме к северо-западу от города. Ее сопровождали два негра, бежавших за ней на почтительном расстоянии. Она направлялась с визитом к жене губернатора: миссис Стив в последнее время жаловалась на недомогание. Доехав до вершины отлогого, покрытого травой холма, Арабелла увидела идущего навстречу ей высокого человека в шляпе и парике, строго и хорошо одетого. Незнакомцы не часто встречались здесь, на острове. Но ей все же показалось, что она где-то видела этого человека.

Мисс Арабелла остановила лошадь будто для того, чтобы полюбоваться открывшимся перед ней видом: он в самом деле был достаточно красив, и задержка ее выглядела естественной. В то же время уголками карих глаз она пристально разглядывала этого человека, по мере того как он приближался. Первое ее впечатление о костюме человека было не совсем правильно, ибо хотя одет он был достаточно строго, но едва ли хорошо: камзол и брюки из домотканой материи, на ногах — простые чулки. Если такой костюм хорошо сидел на нем, то объяснялось это скорее природным изяществом незнакомца, нежели искусством его портного. Приблизившись к девушке, человек почтительно снял широко-

полюю шляпу, без ленты и пера, и то, что на некотором расстоянии она приняла за парик, оказалось собственной вьющейся, блестяще-черной шевелюрой.

Загорелое лицо этого человека было печально, а его удивительные синие глаза мрачно глядели на девушку. Он прошел бы мимо, если бы она его не остановила.

— Мне кажется, я вас знаю, — заметила она.

Голос у нее был звонкий и мальчишеский, да и вообще в манерах этой очаровательной девушки было что-то ребяческое. Ее непосредственность, отвергавшая все ухищрения ее пола, позволяла ей быть в отличных отношениях со всем миром. Возможно, этим объяснялось и то странное на первый взгляд обстоятельство, что, дожив до двадцати пяти лет, Арабелла Бишоп не только не вышла замуж, но даже не имела поклонников.

Со всеми знакомыми мужчинами она обращалась, как с братьями, и такое непринужденное обращение осложняло возможность ухаживать за ней как за женщиной.

Сопровождавшие Арабеллу негры остановились и присели на корточки в ожидании, пока их хозяйке заблагорассудится продолжить свой путь.

Остановился и незнакомец, к которому обратилась Арабелла.

— Хозяйке полагается знать свое имущество, — ответил он.

— Мос имущество?

— Или вашего дяди. Позвольте представиться: меня зовут Питер Блад, и моя цена — ровно десять фунтов. Именно такую сумму ваш дядя уплатил за меня. Не всякий человек имеет подобную возможность узнать себе цену.

Теперь она вспомнила его.

— Боже мой! — воскликнула она. — И вы можете еще смеяться!

— Да, это достижение, — признал он. — Но ведь я живу не так плохо, как предполагал.

— Я слыхала об этом, — коротко ответила Арабелла.

Ей действительно говорили, что осужденный повстанец, к которому она проявила интерес, оказался врачом. Об этом стало известно губернатору Стиду, страдавшему от подагры, и он позаимствовал Блада у его владельца. Благодаря своему искусству или просто в результате счастливого стечения обстоятельств, но Блад оказал губернатору помощь, которую не смогли оказать его превосходительству два других врача, практикующих в Бриджтауне. Затем супруга губернатора пожелала, чтобы

Блад вылечил ее от мигрени. Блад обнаружил, что она страдает не столько от мигрени, сколько от сварливости, явившейся следствием природной раздражительности, усиленной скукой жизни на Барбадосе. Тем не менее он приступил к лечению губернаторши, и она убедила себя, что ей стало лучше. После этого доктор Блад стал известен всему Бриджтауну, так как полковник Бишоп пришел к выводу, что для него значительно выгоднее разрешать новому рабу заниматься своей профессией, нежели использовать его на плантациях.

— Мне нужно поблагодарить вас, сударыня, за то, что я живу в условиях относительной свободы и чистоты, — сказал Блад. — Пользуюсь случаем, чтобы выразить вам свою признательность.

Однако благодарность, выраженная в словах, не чувствовалась в его голосе.

«Не издевается ли он?» — подумала Арабелла, глядя на него с такой испытующей искренностью, которая могла бы смутить другого человека.

Но он понял ее взгляд как вопрос и тут же на него ответил:

— Если бы меня купил другой плантатор, то можно не сомневаться в том, что мои врачебные способности остались бы неизвестными, и сейчас я рубил бы лес или мотыжил землю так же, как бедняги, привезенные сюда вместе со мной.

— Но почему вы благодарите меня? Ведь вас купил мой дядя, а не я.

— Он не сделал бы этого, если бы вы не уговорили его. Хотя надо признаться, — добавил Блад, — что в то время я был возмущен этим.

— Возмущены? — В его мальчишеском голосе прозвучало удивление.

— Да, именно возмущен. Не могу сказать, что не знаю жизни, однако мне никогда еще не приходилось быть в положении живого товара, и едва ли я был способен проявить любовь к моему покупателю.

— Если я убедила дядю сделать это, то только потому, что пожалела вас. — В тоне ее голоса послышалась некоторая строгость, как бы порицающая ту смесь дерзости и насмешки, с которыми он, как ей показалось, разговаривал. — Мой дядя, наверно, кажется вам тяжелым человеком, — продолжала она. — Несомненно, это так и есть. Все плантаторы — жестокие и суровые люди. Видимо, такова жизнь. Но есть плантаторы гораздо хуже его.

Вот, например, Крэбстон из Спейгстауна. Он тоже был там, на молу, ожидая своей очереди подобрать себе то, что останется после дядиных покупок. Если бы вы попали к нему в руки... Это ужасный человек... Вот почему так произошло.

Блад был несколько смущен.

— Но ведь там были и другие достойные сочувствия, — пробормотал он.

— Вы показались мне не совсем таким, как другие.

— А я не такой и есть, — сказал он.

— О! — Она пристально взглянула на него и несколько насторожилась. — Вы, должно быть, очень высокого мнения о себе.

— Напротив, сударыня. Вы не так меня поняли. Те, другие, — это заслуживающие уважения повстанцы, а я им не был. В этом и заключается различие. Я не принадлежал к числу умных людей, которые считали необходимым подвергнуть Англию очищению. Меня удовлетворяла докторская карьера в Бриджуотере, тогда как лучшие, чем я, люди проливали свою кровь, чтобы изгнать грязного тирана и его мерзавцев придворных...

— Мне кажется, вы ведете изменнические разговоры, — прервала она его.

— Надеюсь, что я достаточно ясно изложил свое мнение, — ответил Блад.

— Если услышат, что вы говорите, вас запорют плетью.

— О нет, губернатор не допустит этого. Он болен подагрой, а у его супруги — мигрень.

— И. вы на это полагаетесь? — бросила она презрительно.

— Вижу, что вы не только никогда не болели подагрой, но даже не страдали от мигрени, — заметил Блад.

Она нетерпеливо махнула рукой и, отведя на мгновение свой взгляд от собеседника, поглядела на море. Ее брови нахмурились, и она снова взглянула на Блада:

— Но если вы не повстанец, то как же вы попали сюда?

Он понял, что она сомневается, и засмеялся.

— Честное слово, это длинная история, — сказал он.

— И, вероятно, она относится к числу таких, о которых вы предпочли бы умолчать.

Тогда он кратко рассказал ей о том, что с ним приключилось.

— Боже мой! Какая подлость! — воскликнула Арабелла, выслушав его.

— Да, Англия стала «чудесной» страной при короле Якове. Вам не нужно жалеть меня. На Барбадосе жить лучше. Здесь по крайней мере можно еще верить в Бога.

Говоря об этом, он посмотрел на высившуюся вдали темную массу горы Хиллаби и на бесконечный простор волнуемого ветрами океана. Блад невольно задумался, как бы осознав под впечатлением чудесного вида, открывшегося перед ним, и свою собственную незначительность, и ничтожество своих врагов.

— Неужели жизнь так же грустна и в других местах? — печально спросила она.

— Ее делают такой люди, — ответил Блад.

— Понимаю. — Она засмеялась, но в смехе ее звучала горечь. — Я никогда не считала Барбадос раем, но вы, конечно, знаете мир лучше меня... — Она тронула лошадь хлыстом. — Рада все же, что ваша судьба оказалась не слишком тяжелой.

Он поклонился. Арабелла поехала дальше. Негры побежали за ней.

Некоторое время Блад стоял, задумчиво рассматривая блестящую под лучами солнца поверхность огромной Карлайлской бухты, чаек, летавших над ней с пронзительными криками, и корабли, отдохавшие у набережной.

Здесь действительно было хорошо, но все же это была тюрьма. В разговоре с девушкой Блад преуменьшил свое несчастье.

Он повернулся и мерной походкой направился к группе беспорядочно расположенных хижин, сделанных из земли и веток. В маленькой деревушке, окруженной палисадом, ютились рабы, работавшие на плантации, а с ними вместе жил Блад.

В его памяти зазвучала строфа из Ловласа²¹:

Железные решетки мне не клетка,
И каменные стены — не тюрьма...

Однако он придал этим словам новое значение, совсем противоположное тому, что имел в виду поэт.

«Нет, — размышлял он. — Тюрьма остается тюрьмой, даже если она очень просторна и у нее нет стен и решеток».

Он с особой остротой понял это сегодня и почувствовал, что горькое сознание рабского положения с течением

времени будет только все больше обостряться. Ежедневно он возвращался к мысли о своем изгнании из мира и все реже и реже к размышлениям о той случайной свободе, которой ему дали пользоваться. Сравнение относительно легкой его участи с участью несчастных товарищей по рабству не приносило ему того удовлетворения, которое мог бы ощущать другой человек. Больше того, соприкосновение с их мучениями увеличивало ожесточение, копившееся в его душе.

Из сорока двух осужденных повстанцев, привезенных одновременно с Бладом на «Ямайском купце», двадцать пять купил Бишоп. Остальные были проданы другим плантаторам — в Спейгстаун и еще дальше на север. Какова была их судьба, Блад не знал; с рабами же Бишоп он общался все время и видел ужасные их страдания. С восхода до заката они трудились на сахарных плантациях, подгоняемые кнутами надсмотрщиков. Одежда заключенных превратилась в лохмотья, и некоторые остались почти нагими; жили они в грязи; кормили же их так плохо, что два человека заболели и умерли, прежде чем Бишоп предоставил Бладу возможность заняться их лечением, вспомнив, что рабы являются для него ценностью. Один из осужденных, возмущившийся свирепостью надсмотрщика Кента, в назидание остальным был насмерть запорот плетью на глазах у своих товарищей. Другой, осмелившийся бежать, был пойман, доставлен обратно и выпорот, после чего ему на лбу выггли буквы «Б.К.», чтобы до конца жизни все знали, что это беглый каторжник. К счастью для страдальца, он умер от побоев.

После этого тоскливая безнадежность охватила осужденных. Наиболее строптивые были усмирены и стали относиться к своей невыносимо тяжелой судьбе с трагической покорностью отчаяния.

Только один Питер Блад, счастливо избежав всех этих мучений, внешне не изменился, хотя в его сердце день ото дня росли ненависть к поработителям и стремление бежать из Бриджтауна, где так безжалостно глумились над людьми. Стремление это было еще слишком смутным, но он не поддавался отчаянию. Храня маску безразличия, Блад лечил больных с выгодой для полковника Бишопа и все более уменьшал практику двух других медицинских мужей Бриджтауна.

Избавленный от унижительных наказаний и лишений, ставших печальным уделом его товарищей, он сумел

сохранить уважение к себе, и даже бездушный хозяин-плантатор обращался с ним не так грубо, как с остальными. Всем этим он был обязан подагре губернатора Стида и, что еще более важно, мигрени его супруги, которой губернатор во всем потакал.

Изредка Блад видел Арабеллу Бишоп. Каждый раз она разговаривала с ним, что свидетельствовало о наличии у нее какого-то интереса к доктору. Сам Блад не проявлял склонности к тому, чтобы затягивать эти встречи. Он убеждал себя, что не должен обманываться ее изящной внешностью, грациозностью молодости, мальчишескими манерами и приятным голосом. За всю свою богатую событиями жизнь он не встречал большего негодяя, чем ее дядя, а ведь она была его племянницей, и какие-то пороки этой семьи — быть может, та же безжалостная жестокость богачей-плантаторов могла перейти и к ней. Поэтому он избегал попадаться на глаза Арабелле, а когда уж нельзя было уклониться от встречи, то держался с ней сухо и вежливо.

Какими бы правдоподобными ни казались ему свои предположения, Блад поступил бы лучше, если поверил инстинкту, подсказывающему ему совсем иное.

Хотя в жилах Арабеллы и текла кровь, родственная полковнику Бишопу, у нее не было его пороков, к счастью, этими пороками обладал только он, а не вся их семья. Брат полковника Бишоп — Том Бишоп, отец Арабеллы, был добрым и мягким человеком. Преждевременная смерть молодой жены заставила Тома Бишоп покинуть Старый Свет, чтобы забыться в Новом. С пятилетней дочкой приехал он на Антильские острова и стал вести жизнь плантаторов. С самого начала его дела пошли хорошо, хотя он мало о них заботился. Преуспев в Новом Свете, он вспомнил о младшем брате, военном, служившем в Англии и пользовавшемся репутацией вздорного, жестокого человека. Том Бишоп посоветовал ему приехать на Барбадос, и этот совет подоспел как раз в то время, когда Уильяму Бишопу из-за необузданности его характера потребовалась срочная перемена климата. Уильям приехал на Барбадос, и брат сделал его совладельцем плантаций. Шесть лет спустя Бишоп-старший умер, оставив пятнадцатилетнюю дочь на попечение дяди. Пожалуй, это была единственная его ошибка, но, будучи добрым и отзывчивым человеком, он приукрашивал и других людей. Он сам воспитывал Арабеллу, выработал в ней самостоятельность суждений

и независимость характера, но, видимо, все же преувеличивал значение своего воспитания.

Обстоятельства сложились так, что в отношениях между дядей и племянницей не было ни сердечности, ни теплоты. Она его слушалась; он в ее присутствии вел себя настороженно. В свое время у Уильяма Бишопа хватило ума признать высокие достоинства своего старшего брата, и всю жизнь он испытывал перед ним какой-то благоговейный страх. После смерти брата он начал испытывать нечто похожее и в отношении дочери покойного. К тому же она была его компаньоном по плантациям, хотя и не принимала активного участия в делах.

Питер Блад недостаточно знал Арабеллу, чтобы справедливо судить о ней. И вскоре ему пришлось убедиться в своей неверной оценке ее душевных качеств.

В конце мая, когда жара стала гнетущей, в Карлайлскую бухту медленно втащился искалеченный английский корабль «Прайд оф Девон». Его борта зияли многочисленными пробоинами; на месте рубки чернела большая дыра, а от бизань-мачты²², снесенной пушечным ядром, торчал жалкий обрубок с зазубренными краями. По словам капитана, его корабль встретился у берегов Мартиники с двумя испанскими кораблями, перевозившими ценности, и подлые испанцы якобы навязали ему неравный морской бой. Капитан клялся, что он не нападал, а только оборонялся. Но никто не верил, что бой был начат испанцами.

Один из испанских кораблей бежал, и если «Прайд оф Девон» не преследовал его, то потому лишь, что из-за повреждений он потерял свою скорость. Второй испанский корабль был потоплен, но это случилось уже после того, как англичане сняли большую часть находившихся на нем ценностей.

По существу, это была обычная пиратская история, одна из многих историй, являвшихся источником постоянных трений между Сент-Джеймским двором²³ и Эскуриалом²⁴, которые попеременно жаловались друг на друга.

Тем не менее Сид, подобно большинству колониальных губернаторов, сделал вид, будто верит сообщению английского капитана. Так же как и многие люди — от обитателей Багамских островов до жителей Мейна²⁵, — он питал к надменной властной Испании вполне заслуженную ею ненависть и поэтому предоставил «Прайд

оф Девон» убежище в порту и все, что требовалось для починки корабля.

Прежде чем приступить к этой работе, английский капитан высадил на берег десятка два своих покалеченных в бою моряков и шесть раненых испанцев. Всех их поместили в длинном сарае на пристани, поручив заботу о них трем врачам Бриджтауна, в том числе и Питеру Бладу. На его попечение отдали испанцев — не только потому, что он хорошо владел испанским языком, но и потому, что, будучи невольником, он занимал среди врачей низшее положение.

Блад не любил испанцев. Двухлетнее пребывание в испанской тюрьме и участие в кампаниях на оккупированной испанцами территории Голландии дали ему возможность познакомиться с такими сторонами испанского характера, которые никто не счел бы привлекательными. Но он честно выполнял врачебные обязанности и относился к своим пациентам с дружественным вниманием. Испанцы, искренне удивленные тем, что о них заботятся, что их лечат, вместо того чтобы повесить без всяких разговоров, проявляли истинное смирение. Однако жители Бриджтауна, приходившие в госпиталь с фруктами, цветами и сладостями для раненых английских моряков, не скрывали своей враждебности к испанцам.

Когда Блад с помощью негра, присланного для ухода за ранеными, перевязывал одному из испанцев сломанную ногу, он услышал ненавистный хриплый голос своего хозяина:

— Ты что здесь делаешь?

Блад, не поднимая глаз и не прекращая перевязки, ответил:

— Лечу раненого.

— Я вижу это сам, идиот! — и над Бладом выросла массивная фигура полковника.

Лежавший на соломе полуобнаженный человек со страхом уставился черными глазами на желтое лицо полковника. Не требовалось знания английского языка, чтобы понять враждебные намерения пришедшего.

— Я вижу это, идиот! — повторил полковник Бишоп раздраженно. — Так же как вижу и кого именно ты лечишь. Кто тебе это позволил?

— Полковник Бишоп, я — врач и выполняю свои обязанности.

— Свои обязанности? — иронически спросил Бишоп. — Если бы ты о них помнил, то не попал бы на Барбадос.

— Вот поэтому-то я здесь и оказался.

— Хватит болтать, мне уже известны твои лживые рассказы! — Он приходил все в большее бешенство, видя, что Блад спокойно продолжает заниматься своим делом. — Прекратишь ли ты свою возню с этим мерзавцем, когда с тобой говорит хозяин?!

Блад оторвался на секунду и взглянул на полковника.

— Этот человек мучается, — коротко ответил он и снова наклонился над раненым.

— Очень рад, что эта проклятая собака мучается. Но с тобой я поговорю по-иному. Я тебя заставляю слушаться! — вскричал полковник и поднял свою длинную бамбуковую трость, чтобы ударить Блада.

Но доктор быстро заговорил, пытаясь предотвратить удар:

— Кем бы я ни был, но непослушным меня назвать нельзя. Я выполняю распоряжение господина губернатора.

Полковник остолбенел; желтое лицо его побагровело, а рот широко раскрылся.

— Губернатора... — повторил он и, опустив трость, быстро зашагал в другой конец сарая, где стоял губернатор.

Блад довольно усмехнулся. Его свирепому хозяину не удалось выместить на нем свой гнев.

Испанец приглушенным голосом спросил доктора, что случилось. Блад молчаливо покачал головой и, напрягая слух, пытался уловить, о чем говорят Сид и Бишоп. Полковник, массивная фигура которого высилась над маленьким, сморщенным, разодетым губернатором, бушевал и неистовствовал.

Однако маленького щеголя не так-то легко было запугать. Его превосходительство понимал, что его поддерживает общественное мнение, а таких лиц, которые разделяли бы жестокие взгляды полковника Бишоп, было сравнительно немного. Кроме того, его превосходительство считал нужным отвести посягательства на свои права. Да, действительно, он распорядился, чтобы Блад занимался ранеными испанцами, его распоряжения должны выполняться, и вообще больше не о чем разговаривать.

Но полковник Бишоп считал, что разговаривать есть о чем. И он, кипя от бешенства, громко высказал свое непристойное мнение по поводу раненых врагов.

— Вы разговариваете, как настоящий испанец, полковник, — сказал губернатор, чем нанес жестокую рану тщеславию полковника.

В ярости, не поддающейся описанию, Бишоп выбежал из сарая.

На следующий день высокопоставленные дамы Бриджтауна — жены и дочери богатых плантаторов и купцов — явились на пристань с подарками для раненых моряков.

Питер Блад был на своем месте, оказывая помощь испанцам. Никто по-прежнему не обращал на них внимания. Общественное мнение как бы поддерживало Бишопа, а не губернатора. Все подарки шли только морякам команды «Прайд оф Девон», и Питеру Бладу это казалось естественным, но, к своему удивлению, он увидел вдруг, что какая-то дама положила несколько бананов и пучок сочного сахарного тростника на плащ, служивший одному из его пациентов одеялом. Даму, изящно одетую в бледно-лиловый шелк, сопровождал негр, тащивший большую корзину.

Питер Блад, без камзола, в одной рубашке с засученными до локтей рукавами и с кровавой тряпкой в руке, пристально глядел на эту даму. Словно почувствовав его взгляд, она обернулась. Блад увидел улыбку на губах Арабеллы Бишоп.

— Этот раненый — испанец, — сказал он, словно пытаясь исправить возможное недоразумение, и в голосе его едва заметно прозвучала нотка злой иронии.

Улыбка сошла с лица Арабеллы. Ее брови нахмурились, лицо приняло надменное выражение.

— Я знаю, — сказала она. — Но он, кажется, тоже человек.

Ответ, в котором явно содержался упрек по адресу Блада, поразил его.

— Ваш дядя придерживается иного мнения, — заметил он, придя в себя. — Полковник Бишоп считает этих раненых паразитами, которых лечить незачем.

Она почувствовала насмешку в его голосе и, пристально глядя на него, спросила:

— Зачем вы мне об этом говорите?

— Хочу предупредить вас, чтобы не навлекли на себя неудовольствие полковника. Я не имел бы возможности перевязывать их раны, если бы он и здесь мог проявить свою власть.

— И вы, конечно, полагаете, что я обязана думать так же, как и мой дядя? — В ее голосе прозвучала какая-то враждебность, а в карих глазах сверкнула злая искорка.

— Даже в мыслях я не могу быть грубым с жен-

щиной, — сказал он. — Но если полковник узнает, что вы раздаете подарки испанцам... — Он запнулся, не зная, как закончить свою мысль.

Арабелла с трудом сдерживала возмущение:

— Замечательно! Вначале вы приписываете мне жестокость, потом трусость. Для человека, который даже в мыслях не бывает грубым с женщиной, это совсем недурно. — Она засмеялась, но в ее мальчишеском смехе на этот раз прозвучала горечь.

Ему показалось, что сейчас он впервые понял Арабеллу.

— Простите меня, мисс, но как я мог догадаться... что племянница полковника Бишоп — ангел? — вырвалось у Блада.

Она бросила на него уничтожающий взгляд.

— Да, к сожалению, вы не обладаете догадливостью, — насмешливо сказала она и, наклонившись над корзиной, которую держал ее негр, начала вынимать фрукты и сладости, обильно оделяя ими всех раненых испанцев. На долю англичан у нее ничего не осталось, да они, впрочем, и не нуждались в ее помощи, так как их щедро одарили другие дамы.

Опустошив корзину, Арабелла позвала своего негра и, высоко подняв голову, удалилась, не только не сказав Бладу ни слова, но даже не удостоив его взглядом.

Питер со вздохом поглядел ей вслед.

Он был удивлен, что мысль о гневе Арабеллы причиняет ему беспокойство. Вчера он этого не почувствовал бы, ибо только сегодня перед ним раскрылся ее подлинный характер.

«Нет, я совсем не знаю людей, — думал Блад и пытался оправдать себя. — Но кто бы мог допустить, что семья, вырастившая такого изверга, как полковник Бишоп, воспитала и такое совершенство милосердия, как Арабелла?»

Глава VI

ПЛАН БЕГСТВА

С этого времени Арабелла Бишоп стала ежедневно посещать барак на пристани. Вначале она приносила испанским пленникам фрукты, а потом деньги и одежду. Девушка старалась приходить в те часы, когда, по ее расчетам, она не могла встретиться с Питером Бладом.

Впрочем, и молодой доктор стал бывать здесь все реже и реже, по мере того как его пациенты один за другим поднимались на ноги. Последнее обстоятельство немало способствовало росту популярности Питера Блада среди жителей Бриджтауна. Возможно, они несколько переоценивали его врачебное искусство, но, как бы то ни было, его больные поправлялись, а раненые, которых пользовали местные врачи — Вакер и Бронсон, постепенно переселялись из барака на кладбище. Горожане сделали из этого факта должный вывод — практика Вакера и Бронсона заметно сократилась, тогда как у Питера Блада, наоборот, работы прибавилось, а вместе с тем увеличились и доходы его хозяина. Следствием этого явился план, после длительного размышления выношенный Вакером и Бронсоном, который повлек за собой столько важных событий... Но не будем забегать вперед.

Однажды, явившись на пристань на полчаса раньше обычного, Питер Блад встретил Арабеллу Бишоп, только что вышедшую из барака. Он снял шляпу и посторонился, уступая ей дорогу, но девушка, гордо подняв голову и, не глядя на него, прошла мимо.

— Мисс Арабелла! — умоляюще произнес Блад.

Арабелла сделала вид, что только сейчас заметила доктора. Бросив на него насмешливый взгляд, она сказала:

— Ах, это вы, воспитанный джентльмен!

— Неужели я никогда не буду прощен? Умоляю вас, мисс, сменить гнев на милость!

— О, какое самоуничтожение!

— Вы издеваетесь надо мной, — сказал он с подчеркнутым смирением. — Я, конечно, только раб... но ведь и вы когда-нибудь можете заболеть.

— Ну и что же?

— Вы сочтете неудобным для себя прибегать к моим услугам, если будете считать меня своим недругом.

— Разве вы единственный врач в Бриджтауне?

— Зато я самый безвредный из них!

Арабелла уловила в тоне Питера Блада нотку насмешки. Окинув его надменным взглядом, она раздраженно заметила:

— Не кажется ли вам, что вы ведете себя слишком свободно?

— Возможно, — согласился Блад. — Но доктор имеет на это право.

Его спокойный ответ еще больше рассердил Арабеллу.

— Но я не ваша пациентка! — с возмущением воскликнула она. — Запомните это раз и навсегда!

Блад долго смотрел ей вслед, затем сокрушенно развел руками и воскликнул:

— Что ж это такое?! Либо она мегера, либо я болван! Пожалуй, и то и другое справедливо...

И, придя к такому заключению, он вошел в барак.

Этому утру суждено было стать утром волнений. Примерно через час после ухода Арабеллы, когда Блад покидал барак, к нему подошел Вакер — как помнит читатель, один из двух других врачей Бриджтауна.

Блад очень удивился этому, ибо до сих пор врачи старались не замечать его, лишь изредка снисходя до сухого приветствия.

— Если вы идете к полковнику Бишопу, то, с вашего согласия, я немного провожу вас, — любезно сказал Вакер, приземистый, широкоплечий человек лет сорока пяти, с обвислыми щеками и тусклыми голубыми глазами.

Предложение Вакера удивило Блада еще более; но внешне он не показал этого.

— Я иду в дом губернатора, — ответил он.

— Да?! Вернее, к супруге губернатора? — многозначительно хихикнул Вакер. — Я слышал, что она отнимает у вас уйму времени. Что ж, молодость и привлекательная внешность, доктор Блад! Молодость и красота! Это дает врачу огромное преимущество, особенно, когда он лечит дам!

Питер пристально взглянул на Вакера:

— Мне кажется, я угадываю вашу мысль. Поделитесь ею не со мной, а с губернатором Стидом. Быть может, это его позабавит.

— Вы неправильно поняли меня, дорогой! — поторопился исправить свои неосторожные слова Вакер. — У меня вовсе не было таких мыслей.

— Надеюсь, что так! — усмехнулся Блад.

— Не будьте так вспыльчивы, мой друг, — вкрадчиво заговорил Вакер и доверительно взял Питера под руку. — Я хочу помочь вам! — Голос доктора понизился почти до шепота. — Ведь рабство должно быть очень неприятно для такого талантливого человека, как вы.

— Какая проницательность! — насмешливо воскликнул Блад.

Однако доктор не заметил этой насмешки или не счел нужным ее заметить.

— Я не дурак, дорогой коллега, — продолжал он. —

Я вижу человека насквозь и могу даже сказать, что он думает.

— Вы убедите меня в этом, если скажете, о чем думаю я, — заметил Блад.

Доктор Вакер окинул взглядом пустынную пристань, вдоль которой они шли в этот момент, и, еще ближе придвинувшись к Бладу, сказал вкрадчивым голосом:

— Не раз наблюдал я за вами, когда вы тоскливо всматривались в морскую даль. И вы полагаете, что я не знаю ваших мыслей? Если бы вам удалось спастись из этого ада, вы могли бы, как свободный человек, с удовольствием и выгодой для себя всецело отдаться своей профессии, украшением которой вы являетесь. Мир велик, и, кроме Англии, есть еще много стран, где такого человека, как вы, всегда тепло встретят. Помимо английских колоний, есть и другие. — Вакер оглянулся по сторонам и продолжал тоном заговорщика: — Отсюда совсем недалеко до голландской колонии Кюрасао. В это время года туда вполне можно добраться в небольшой лодке. Кюрасао может стать мостиком в огромный мир. Он откроется перед вами, как только вы освободитесь от цепей.

Доктор Вакер умолк и выжидающе уставился на своего невозмутимого спутника. Но Блад молчал.

— Что вы на это скажете? — с нетерпением спросил Вакер.

Блад ответил не сразу. Ему нужно было время, чтобы хладнокровно разобраться в потоке мыслей, нахлынувших на него при этом неожиданном предложении. Подумав, он начал с того, чем другой бы кончил:

— У меня нет денег, а ведь для такого путешествия их потребуется немало.

— Разве я не сказал, что хочу быть вашим другом? — воскликнул Вакер.

— Почему? — в упор спросил Блад, хотя в ответе на свой вопрос он не нуждался.

Доктор Вакер стал пространно объяснять, как обливаётся кровью его сердце при виде коллеги, изнывающего в рабстве и лишённого возможности применить на деле свои чудесные способности. Но Питер Блад сразу понял истинную причину: любым способом врачи стремились отделаться от конкурента, присутствие которого разоряло их.

Медлительность в принятии решений не являлась недостатком Блада. До сих пор он даже не помышлял

о бегстве, понимая, что всякая попытка бежать без посторонней помощи окончилась бы провалом. Сейчас же, когда он мог рассчитывать на помощь Вакера и, в чем Блад не сомневался, его друга Бронсона, побег уже не казался ему безнадежным предприятием. И мысленно он уже сказал Вакеру: «Да!»

Выслушав длинные разглагольствования Вакера, Блад сделал вид, что искренне верит в дружеские побуждения своего коллеги.

— Это очень благородно с вашей стороны, коллега, — сказал он. — Именно так поступил бы и я, если бы мне представился подобный случай.

В глазах Вакера мелькнула радость, и он поспешно, даже слишком поспешно спросил:

— Значит, вы согласны?

— Согласен? — улыбнулся Блад. — А если меня поймут и приведут обратно, то мой лоб на всю жизнь украсится клеймом!

— Риск, конечно, велик, — согласился Вакер. — Но подумайте — в случае успеха вас ждет свобода, перед вами откроется весь мир!

Блад кивнул головой:

— Все это так. Однако для побега, помимо мужества, нужны и деньги. Шлюпка обойдется, вероятно, фунтов в двадцать²⁶.

— Деньги вы получите! — поторопился заверить Вакер. — Это будет заем, который вы нам вернете... вернете мне, когда сможете.

Это предательское «нам» и столь же быстрая поправка оговорки лишний раз подтвердили правильность предположений Блада. Сейчас у него не было и тени сомнения в том, что Вакер действовал вкуче с Бронсоном.

Навстречу им все чаще стали попадаться люди, что заставило собеседников прекратить разговор. Блад выразил Вакеру свою благодарность, хотя понимал, что благодарить его, в сущности, не за что.

— Завтра мы продолжим нашу беседу, — сказал он. — Вы приоткрыли мне двери надежды, коллега!

Блад говорил правду: он чувствовал себя, как узник, перед которым внезапно приоткрылись двери темницы.

Распрощавшись с Вакером, Блад прежде всего решил посоветоваться с Джереми Питтом. Вряд ли можно было сомневаться, чтобы Питт отказался разделить с ним опасности задуманного побега. К тому же Питт был

штурманом, а пускаться в неведомое плавание без опытного штурмана было бы по меньшей мере неразумно.

Задолго до наступления вечера Блад был уже на территории, огороженной высоким частоколом, за которым находились хижины рабов и большой белый дом надсмотрщика.

— Когда все уснут, приходи ко мне, — шепнул Блад Питту. — Я должен кое-что сообщить тебе...

Молодой человек удивленно посмотрел на Блада. Его слова, казалось, пробудили Питта от оцепенения, в которое его вогнала жизнь, мало похожая на человеческую. Он кивнул головой, и они разошлись.

Полгода жизни на плантациях Барбадоса ввергли молодого моряка в состояние полной безнадежности. Он уже не был прежним спокойным, энергичным и уверенным в себе человеком, а передвигался крадучись, как забитая собака. Его лицо, утратив былые краски, стало безжизненным, глаза потускнели. Он выжил, несмотря на постоянный голод, изнуряющую работу под жестокими лучами тропического солнца и плети надсмотрщика. Отчаяние притупило в нем все чувства, и он медленно превращался в животное. Лишь чувство человеческого достоинства еще не совсем угасло в Питте. Ночью, когда Блад изложил план бегства, молодой человек словно обезумел.

— Бегство! О Боже! — задыхаясь, сказал он и, схватившись за голову, зарыдал, как ребенок.

— Тише! — прошептал Блад. Его рука слегка сжала плечо Питта. — Держи себя в руках. Нас заперют насмерть, если подслушают, о чем мы говорим.

Одна из привилегий, которыми пользовался Блад, состояла также в том, что он жил теперь в отдельной хижине. Она была сплетена из прутьев и свободно пропускала каждый звук. И хотя лагерь осужденных давно уже погрузился в глубокий сон, поблизости мог оказаться какой-нибудь слишком бдительный надсмотрщик, а это грозило непоправимой бедой. Питт постарался взять себя в руки.

В течение часа в хижине слышался едва внятный шепот. Надежда на освобождение вернула Питту его прежнюю сообразительность. Друзья решили, что для участия в задуманном предприятии следует привлечь человек восемь-девять, не больше. Из двух десятков еще оставшихся в живых повстанцев, которых купил полковник Бишоп, предстояло выбрать наиболее подхо-

дящих. Было бы хорошо, если бы все они знали море, но таких людей насчитывалось всего лишь двое — Хагторп, служивший в королевском военно-морском флоте, и младший офицер Николас Дайк. И еще один — артиллерист, по имени Огл, знакомый с морем, — также мог стать полезным спутником.

Договорились, что Питт начнет с этих трех, а затем завербует еще человек шесть-восемь. Блад советовал Питту действовать осторожно: выяснить сначала настроение людей, а потом уж говорить с ними более или менее откровенно.

— Помни, — говорил Блад, что, выдав себя, ты погубишь все: ведь ты — единственный штурман среди нас, и без тебя бегство невозможно.

Заверив Блада, что он все понял, Питт прокрался в свою хижину и бросился на соломенную подстилку, служившую ему постелью.

На следующее утро Блад встретился на пристани с доктором Вакером. Доктор соглашался дать взаймы тридцать фунтов стерлингов, необходимых для приобретения шлюпки. Блад почтительно поблагодарил его и сказал:

— Мне нужны не деньги, а шлюпка. Но я не знаю, кто осмелится продать мне ее после угроз наказаний, перечисленных в приказе губернатора Стида. Вы, конечно, знаете его?

Доктор Вакер в раздумье потер подбородок:

— Да, я читал это объявление... Однако, согласитесь, не мне же приобретать для вас шлюпку! Это станет сразу же известно всем. Мое участие повлечет за собой тюремное заключение и штраф в двести фунтов... Вы понимаете?

Надежда, горевшая в душе Блада, потускнела, и тень отчаяния пробежала по его лицу.

— Да, но тогда... — пробормотал он, — к чему же мне ваши деньги?

— Отчаиваться рано, — сказал Вакер, и по тонким его губам скользнула улыбка. — Я об этом думал. Пусть человек, который купит шлюпку, уедет с вами. Здесь не должно остаться никого, кому пришлось бы впоследствии отвечать.

— Но кто же согласится бежать отсюда, кроме людей, влачащих такую же участь, как и я? — с сомнением спросил Блад.

— На острове есть не только невольники, но и ссыльные, — пояснил Вакер. — Люди, отбывающие ссылку

за долги, будут счастливы расправить свои крылья. Я знаю одного корабельного плотника, по фамилии Нэтталл, и мне известно, что он с радостью воспользуется возможностью уехать.

— Но если он явится к кому-то покупать шляпку, то, естественно, возникнет вопрос, откуда он взял деньги.

— Конечно, такой вопрос может возникнуть, но надо сделать так, чтобы на острове не осталось никого, кому можно было бы задать такой вопрос.

Блад понимающе кивнул головой, и Вакер подробно изложил свой план:

— Берите деньги и сразу же забудьте, что вам их дал я. Если же вас спросят о них, то вы скажете, что ваши друзья или родственники прислали вам эти деньги из Англии через одного из ваших пациентов, имя которого вы, как честный человек, ни в коем случае не можете назвать.

Он умолк и вопросительно посмотрел на Блада, и, когда тот ответил утвердительным взглядом, доктор, облегченно вздохнув, продолжал:

— Если действовать осторожно, то никаких вопросов не последует. Вам следует договориться с Нэтталлом, потому что плотник может быть очень полезным человеком вашей команды. Он подыщет подходящую шляпку и купит ее. Всю подготовку к бегству нужно закончить до приобретения шляпки и, не теряя ни минуты, исчезнуть. Понимаете?

Блад понимал его так хорошо, что уже через час повидал Нэтталла и выяснил, что он действительно согласен участвовать в побеге. Они договорились, что плотник немедленно начнет поиски шляпки, а когда она будет найдена, Блад сразу же передаст ему необходимую сумму.

Поиски, однако, заняли гораздо больше времени, нежели предполагал Блад. Лишь недели через три Нэтталл, с которым Блад встречался почти ежедневно, сообщил, что нашел подходящее суденышко и что его согласны продать за двадцать два фунта. В тот же вечер, вдали от любопытных глаз, Блад вручил ему деньги, и Нэтталл ушел, чтобы совершить покупку в конце следующего дня. Он должен был доставить шляпку к пристани, откуда под покровом ночи Блад и его товарищи отправятся навстречу свободе.

Наконец все приготовления к побегу были закончены. В пустом бараке, где еще недавно помещались раненые

пленники, Нэтталл спрятал центнер²⁷ хлеба, несколько кругов сыра, бочонок воды, десяток бутылок вина, компас, квадрант²⁸, карту, песочные часы, лаг²⁹, фонарь и свечи.

За палисадом, окружавшим лагерь осужденных, также все были готовы. Хагторп, Дэйк и Огл согласились бежать, как и восемь других людей, тщательно отобранных из бывших повстанцев. В хижине Питта, где он жил вместе с пятью заключенными, согласившимися участвовать в смелой попытке Блада, в течение этих томительных ночей ожидания была сплетена лестница, чтобы с ее помощью пересбаться через палисад.

Со страхом и нетерпением ожидали участники побега наступления следующего дня, который должен был стать последним днем их страшной жизни на Барбадосе.

Вечером, перед закатом солнца, убедившись, что Нэтталл отправился за лодкой, Блад медленно подошел к лагерю, куда надсмотрщики загоняли невольников, только что возвратившихся с плантаций. Он молча стоял у ворот, пропуская мимо себя изможденных, смертельно уставших людей, но посвященным был понятен огонек надежды, горевший в его глазах. Войдя в ворота вслед за невольниками, тащившимися к своим убогим хижинам, он увидел полковника Бишопа. Плантатор с тростью в руках разговаривал с надсмотрщиком Кентом, стоя около колодок, предназначенных для наказания провинившихся рабов.

Заметив Блада, он мрачно взглянул на него.

— Где ты шляется? — закричал он, и, хотя угрожающий тон, звучавший в голосе полковника, был для него обычным, Блад почувствовал, как его сердце болезненно сжалось.

— Я был в городе, — ответил он. — У госпожи Патч лихорадка, а господин Деккер вывихнул ногу.

— За тобой ходили к Деккеру, но тебя там не нашли. Мне придется кое-что предпринять, красавец, чтобы ты не лодырничал и не злоупотреблял предоставленной тебе свободой. Не забывай, что ты осужденный бунтовщик!

— Мне все время об этом напоминают, — ответил Блад, так и не научившийся сдерживать свой язык.

— Черт возьми! — заорал взбешенный Бишоп. — Ты еще осмеливаешься говорить мне дерзости!

Вспомнив, как много поставлено им сегодня на карту и живо представив себе тот страх, с каким прислушиваются к его разговору с Бишопом товарищи в окружающих хижинах, Блад с необычным смирением ответил:

— О нет, сэр! Я далек от мысли говорить вам дерзости. Я... чувствую себя виноватым, что вам пришлось искать меня...

Бишоп внезапно остыл:

— Да? Ну ладно, сейчас ты почувствуешь себя еще больше виноватым. У губернатора приступ подагры, он визжит, как недорезанная свинья, а тебя нигде нельзя найти. Немедленно отправляйся в губернаторский дом. Тебя там ждут... Кент, дай ему лошадь, а то этот олух будет добираться туда всю ночь.

У Блада не было времени раздумывать. Он сознавал свое бессилие устранить эту неожиданную помеху. Но бегство было назначено на полночь. В надежде вернуться к этому времени доктор вскочил на подведенную Кентом лошадь.

— А как я вернусь назад? — спросил он. — Ведь ворота палисада будут закрыты.

— Об этом не беспокойся. До утра ты сюда не вернешься, — ответил Бишоп. — Они найдут для тебя какую-нибудь конуру в губернаторском доме, где ты и перespишь...

Сердце Питера Блада упало.

— Но... — начал он.

— Отправляйся без разговоров! Ты, кажется, намерен болтать до темноты. Губернатор ждет тебя! — И Бишоп с такой силой ударил лошадь Блада своей тростью, что она рванулась вперед, едва не выбросив из седла всадника.

Питер Блад уехал с настроением, близким к отчаянию. Бегство приходилось откладывать до следующей ночи, а это грозило осложнениями: сделка Нэтталла могла получить огласку, к нему могли обратиться с вопросами, на которые трудно было ответить, не возбудив подозрения.

Блад рассчитывал, что после визита в губернаторский дом ему удастся под покровом темноты незаметно прокрасться к частоколу и дать знать Питту и другим о своем возвращении. Тогда бегство еще могло бы состояться. Однако и эти расчеты сорвал губернатор, у которого он нашел свирепый приступ подагры и не менее свирепый приступ гнева, вызванный длительным отсутствием Блада.

Губернатор задержал доктора до глубокой ночи. Блад надеялся уйти после того, как ему удалось при помощи кровопускания несколько успокоить боли, мучившие губернатора, но Стид не хотел и слышать об отъезде Блада. Доктор должен был остаться на ночь здесь же,

в губернаторской спальне. Судьба, казалось, издевалась над Бладом. Бегство в эту ночь окончательно срывалось.

Только рано утром Питер Блад, заявив, что ему необходимо побывать в аптеке, смог выбраться из губернаторского дома.

Он поспешил к Нэтталлу и застал его в ужасном состоянии. Несчастный плотник, прождавший на пристани всю ночь, был убежден, что все уже открыто и он погиб. Питер Блад как мог успокоил его.

— Мы бежим сегодня ночью, — сказал он с уверенностью, которой на самом деле не испытывал. — Бежим, если даже для этого мне придется выпустить у губернатора всю его кровь. Будьте готовы сегодня ночью.

— Ну, а если днем у меня спросят, откуда я взял деньги? — проблеял Нэтталл. Это был шуплый человек с мелкими чертами лица и бесцветными, отчаянно моргающими глазами.

— Придумайте что-нибудь. Но не трусьте. Держитесь уверенней. Я не могу больше здесь задерживаться. — И с этими словами Блад расстался с плотником.

Через час после его ухода в жалкую лачугу Нэтталла явился чиновник из канцелярии губернатора. С тех пор, как на острове появились осужденные повстанцы, губернатор установил правило, по которому каждый, продавший шлюпку, обязан был сообщить об этом властям, после чего имел право на получение обратно залога в десять фунтов стерлингов, который вносил каждый владелец шлюпки. Однако губернаторская канцелярия отложила выплату залога человеку, продавшему Нэтталлу шлюпку, чтобы проверить, действительно ли была совершена эта сделка.

— Нам стало известно, что ты купил лодку у Роберта Фаррела, — сказал чиновник.

— Да, — ответил Нэтталл, убежденный, что для него уже наступил конец.

— Не кажется ли тебе, что ты вовсе не торопишься сообщить об этой покупке в канцелярию губернатора? — Это было сказано таким тоном, что бесцветные глазки Нэтталла замигали еще быстрее.

— С... сообщить об этом?

— Ты знаешь, что это требуется по закону.

— Если вы позволите... я... я не знал!

— Но об этом было объявлено еще в январе.

— Я... я... не умею читать.

Чиновник посмотрел на него с нескрываемым презрением.

— Теперь ты об этом знаешь. Потрудишься до двенадцати часов дня внести в канцелярию губернатора залог — десять фунтов стерлингов.

Чиновник удалился, оставив Нэтталла в холодном поту, хотя утро было очень жаркое. Несчастный плотник был рад, что ему не задали самого неприятного вопроса: откуда у человека, сосланного на остров за неуплату долгов, оказались деньги для покупки шляпки? Он понимал, конечно, что это была только временная отсрочка, что этот вопрос ему все равно зададут, и тогда ему придет конец.

Нэтталл проклинал ту минуту, когда он согласился принять участие в бегстве. Ему казалось, что все их планы раскрыты, что его, наверно, повесят или по крайней мере заклеят каленым железом и продадут в рабство, как и тех арестантов, с которыми он имел безумие связаться. Если бы только в его руках были эти злосчастные десять фунтов для внесения залога, тогда он мог бы сейчас же закончить все формальности, и это отсрочило бы необходимость отвечать на вопросы. Ведь чиновник не обратил внимания на то, что Нэтталл был должником. Следовательно, его коллеги тоже могли оказаться такими же рассеянными хотя бы на один-два дня. А за это время Нэтталл надеялся оказаться вне пределов их досягаемости.

Нужно было что-то немедленно предпринять и во что бы то ни стало найти деньги до двенадцати часов дня.

Схватив шляпу, Нэтталл отправился на поиски Питера Блада. Но где мог быть сейчас доктор? Где его искать? Он осмелился спросить у одного-двух прохожих, не видели ли они доктора Блада, делая вид, будто чувствует себя плохо, что, впрочем, весьма походило на истину. Но никто не мог ответить ему на этот вопрос, а поскольку Блад никогда не говорил плотнику о роли Вакера в предполагаемом побеге, то Нэтталл прошел мимо дома единственного человека в Барбадосе, который охотно помог бы ему найти Блада.

В конце концов Нэтталл отправился на плантацию полковника Бишопа, решив, что если Блада не окажется и там, то он повидает Питта — о его участии в бегстве ему было известно — и через него передаст Бладу обо всем, что с ним произошло.

Встревоженный Нэтталл, не замечая ужасной жары,

вышел из города и отправился на холмы к северу от города, где находилась плантация.

В это же самое время Блад, снабдив губернатора лекарством, получил разрешение отправиться по своим делам. Он выехал из губернаторского дома, намереваясь отправиться на плантацию, и попал бы туда, конечно, гораздо раньше Нэтталла, если бы непредвиденная задержка не повлекла за собой несколько неприятных событий. А причиной задержки оказалась Арабелла Бишоп.

Они встретились у ворот пышного сада, окружавшего губернаторский дом.

На этот раз Питер Блад был в хорошем настроении. Здоровье знатного пациента улучшилось настолько, что Блад приобрел наконец свободу передвижения, и это сразу же вывело его из состояния мрачной подавленности, в котором он находился последние двенадцать часов. Ртуть в термометре его настроения подскочила вверх. Он смотрел на будущее оптимистически: ну что ж, не удалось прошлой ночью — удастся нынешней; один день, в конце концов, ничего не решает. Конечно, губернаторская канцелярия — малопривлекательное учреждение, но от ее внимания они избавлены по меньшей мере на сутки, а к этому времени их суденышки будет уже далеко отсюда.

Его уверенность в успехе была первой причиной несчастья. Вторая же заключалась в том, что и у Арабеллы Бишоп в этот день было такое же хорошее настроение и она не испытывала к Бладу никакой вражды. Эти два обстоятельства и явились причиной его задержки, приведшей к печальным последствиям.

Увидев Блада, Арабелла с милой улыбкой поздоровалась с ним и заметила:

— Кажется, уже целый месяц прошел со дня нашей последней встречи.

— Точнее говоря, двадцать один день. Я считал их.

— А я уже начала думать, что вы умерли.

— В таком случае, благодарю вас за венок.

— Какой венок?

— Венок на мою могилу.

— Почему вы всегда шутите? — спросила Арабелла, вспомнив, что именно его насмешливость во время последней встречи оттолкнула ее от Блада.

— Человек должен уметь иногда посмеяться над собой, иначе он сойдет с ума, — ответил Блад. — Об этом, к

сожалению, знают очень немногие, и поэтому в мире так много сумасшедших.

— Над собой вы можете смеяться сколько угодно. Но, мне кажется, что вы смеетесь надо мной, а это ведь невежливо.

— Честное слово, вы ошибаетесь. Я смеюсь только над смешным, а вы совсем не смешны.

— Какая же я тогда? — улыбнулась Арабелла.

Он с восхищением глядел на нее — такую очаровательную, доверчивую и искреннюю.

— Вы — племянница человека, которому я принадлежу как невольник. — Он сказал это мягко, без озлобления.

— Нет, нет, это не ответ! — настаивала она. — Сегодня вы должны отвечать мне искренне.

— Искренне? — переспросил Блад. — На ваши вопросы вообще отвечать трудно, а отвечать искренне... Ну хорошо. Я скажу, что тот человек, другом которого вы станете, может считать себя счастливым... — Он, видимо, хотел еще что-то сказать, но сдержался.

— Это даже более чем вежливо! — рассмеялась Арабелла. — Оказывается, вы умеете говорить комплименты! Другой на вашем месте...

— Вы думаете, я не знаю, что сказал бы другой на моем месте? — перебил ее Блад. — Вы, очевидно, полагаете, что я не знаю мужчин?

— Возможно, мужчин вы знаете, но в женщинах вы совершенно не способны разбираться, и инцидент в госпитале лишь подтверждает это.

— Неужели вы никогда не забудете о нем?

— Никогда!

— Какая память! Разве у меня нет каких-либо хороших качеств, о которых можно было бы говорить?

— Почему же, таких качеств у вас несколько.

— Какис же, например? — поспешно спросил Блад.

— Вы прекрасно говорите по-испански.

— И это все? — уныло протянул Блад.

Но девушка словно не заметила его огорчения.

— Где вы изучали этот язык? Вы были в Испании? — спросила она.

— Да, я два года просидел в испанской тюрьме.

— В тюрьме? — переспросила Арабелла, и в ее тоне прозвучало замешательство, не укрывшееся от Блада.

— Как военнопленный, — пояснил он. — Я был взят в плен, находясь в рядах французской армии.

— Но ведь вы врач!

— Полагаю все-таки, что это мое побочное занятие. По профессии я солдат. По крайней мере военному делу я отдал десять лет жизни. Большого богатства эта профессия мне не принесла, но служила она мне лучше, чем медицина, по милости которой, как видите, я стал рабом. Очевидно, Бог предпочитает, чтобы люди не лечили друг друга, а убивали.

— Но почему вы стали солдатом и оказались во французской армии?

— Я — ирландец и получил медицинское образование, но мы, ирландцы, очень своеобразный народ и поэтому... О, это очень длинная история, а полковник уже ждет меня.

Однако Арабелла не хотела отказаться от возможности послушать интересную историю. Если Блад немного подождет, то обратно они поедут вместе, после того как по просьбе дяди она справится о состоянии здоровья губернатора.

Блад, конечно, согласился подождать, и вскоре, не торопя лошадей, они возвращались к дому полковника Бишопа. Кое-кто из встречных не скрывал своего удивления при виде раба-доктора, столь непринужденно беседующего с племянницей своего хозяина. Нашлись и такие, которые дали себе слово наемкнуть об этом полковнику. Что касается Питера и Арабеллы, то в это утро они совершенно не замечали окружающего. Он поведал ей о своей бурной юности и более подробно, чем раньше, рассказал о том, как его арестовали и судили.

Он уже заканчивал свой рассказ, когда они сошли с лошадей у дверей ее дома и задержались здесь еще на несколько минут, узнав от грума³⁰, что полковник еще не вернулся с плантации. Арабелла явно не хотела отпускать Блада.

— Сожалею, что не знала всего этого раньше, — сказала девушка, и в ее карих глазах блеснули слезы. На прощание она по-дружески протянула Бладу руку.

— Почему? Разве это что-либо изменило бы? — спросил он.

— Думаю, что да. Жизнь очень сурово обошлась с вами.

— Могло быть и хуже, — сказал он и взглянул на нее так пылко, что на щеках Арабеллы вспыхнул румянец, и она опустила глаза.

Прощаясь, Блад поцеловал ее руку. Затем он медленно

направился к палисаду, находившемуся в полумиле от дома. Перед его глазами все еще стояло ее лицо с краской смущения и необычным для нее выражением робости. В это мгновение он уже не помнил, что был невольником, осужденным на десять лет каторги, и что в эту ночь над планом его бегства нависла серьезная угроза.

Глава VII

ПИРАТЫ

Джеймс Нэтталл очень быстро добрался до плантации полковника Бишопа. Его тонкие, длинные и сухие ноги были вполне приспособлены к путешествиям в тропическом климате, да и сам он выглядел таким худым, что трудно было предположить, чтобы в его теле пульсировала жизнь, а между тем, когда он подходил к плантации, с него градом катился пот.

У ворот он столкнулся с надсмотрщиком Кентом — приземистым, кривоногим животным с руками Геркулеса и челюстями бульдога.

— Я ишу доктора Блада, — задыхаясь, пролепетал Нэтталл.

— Ты что-то уж очень спешишь! — заворчал Кент. — Ну что еще за чертовщина? Двойня?

— Как? Двойня? О нет. Я не женат, сэр... Это... мой двоюродный брат, сэр.

— Что, что?

— Он заболел, сэр, — быстро солгал Нэтталл. — Доктор здесь?

— Его хижина вон там, — небрежно указал Кент. — Если его там нет, ищи где-нибудь в другом месте. — И с этими словами он ушел.

Обрадовавшись, что Кент удалился, Нэтталл вбежал в ворота. Доктора Блада в хижине не оказалось. Любой здравомыслящий человек на его месте дождался бы доктора здесь, но Нэтталл не принадлежал к числу людей такого рода...

Он выскочил из ворот ограды и после минутного раздумья решил идти в любом направлении, только не туда, куда ушел Кент. По выжженному солнцем лугу Нэтталл пробрался на плантацию сахарного тростника, золотистой стеной высившегося в ослепительных лучах

июньского солнца. Дорожки, проходившие вдоль и поперек плантации, делили янтарное поле на отдельные квадраты. Заметив вдали работающих невольников, Нэтталл подошел к ним. Питта среди них не было, а спросить о нем Нэтталл не решался. Почти полчаса бродил он по дорожкам в поисках доктора. В одном месте его задержал надсмотрщик и грубо спросил, что ему здесь нужно. Нэтталл опять ответил, что ищет доктора Блада. Тогда надсмотрщик послал Нэтталла к дьяволу и потребовал, чтобы тот немедленно убрался. Испуганный плотник пообещал сейчас же уйти, но по ошибке пошел не к хижинам, где жили невольники, а в противоположную сторону, на самый дальний участок плантации, у опушки густого леса.

Надсмотрщику, изнемогавшему от полуденного зноя, вероятно, было лень исправлять его ошибку.

Так Нэтталл добрался до конца дорожки и, свернув с нее, наткнулся на Питта, который чистил деревянной лопатой оросительную канаву.

Питт был бос, вся его одежда состояла из коротких и рваных бумажных штанов. На голове торчала соломенная шляпа с широкими полями. Увидев его, Нэтталл вслух поблагодарил Бога. Питт удивленно поглядел на плотника, который унылым тоном, охая и вздыхая, рассказал ему печальные новости, суть которых заключалась в том, что необходимо срочно найти Блада и получить у него десять фунтов стерлингов, без которых всем им грозила гибель.

— Будь ты проклят, дурак! — гневно сказал Питт. — Если тебе нужен Блад, так почему ты тратишь здесь время?

— Я не могу его найти, — проблеял Нэтталл, возмущившись таким отношением к нему. Он не мог, разумеется, понять, в каком взвинченном состоянии находится Питт, который к утру, после бессонной ночи и тревожного ожидания, дошел уже до отчаяния.

— Я думал, что ты...

— Ты думал, я брошу лопату и отправлюсь на поиски доктора? Боже мой, и от такого идиота зависит наша жизнь! Время дорого, а ты тратишь его попусту. Ведь если надсмотрщик увидит тебя со мной, что ты ему скажешь, болван?!

От таких оскорблений Нэтталл на мгновение лишился дара речи, а потом вспылil:

— Клянусь Богом, мне жаль, что я вообще связался с вами! Клянусь...

Но чем еще хотел поклясться Нэтталл, осталось неизвестным, потому что из-за густых зарослей появилась крупная фигура мужчины в камзоле из светло-коричневой тафты. Его сопровождали два негра, одетые в бумажные трусы и вооруженные абордажными саблями. Неслышно подойдя по мягкой земле, он оказался в десяти ярдах³¹ от Нэтталла и Питта.

Испуганный Нэтталл бросился в лес, как заяц. Это был самый глупый и предательский поступок, какой он только мог придумать. Питт простонал и, опершись на лопату, не двигался с места.

— Эй, ты! Стой! — заорал полковник Бишоп, и вслед беглецу понеслись страшные угрозы, перемешанные с бранью.

Однако беглец, ни разу не обернувшись, скрылся в чаще. В его трусливой душе теплилась одна-единственная надежда, что полковник Бишоп не заметил его лица, ибо он знал, что у полковника хватит власти и влияния отправить на виселицу любого не понравившегося ему человека.

Уже после того, как беглец был далеко, плантатор вспомнил о двух неграх, шедших за ним по пятам, словно гончие собаки. Это были телохранители Бишопа, без которых он не появлялся на плантации, с тех пор как несколько лет назад один невольник бросился на него и чуть не задушил.

— Догнать его, черные свиньи! — закричал Бишоп, но, едва лишь негры бросились вдогонку за беглецом, он тут же остановил их: — Ни с места, проклятые!

Ему пришло в голову, что для расправы над беглецом нет нужды охотиться за ним. В его руках был Питт, у которого он мог вырвать имя его застенчивого приятеля и содержание их таинственной беседы. Питт, конечно, мог заупрямиться, но изобретательный полковник знал немало способов, для того чтобы сломить упрямство любого своего раба.

Повернувшись к невольнику лицом, плавающим от жары и от ярости, Бишоп посмотрел на него маленькими глазками ■, размахивая легкой бамбуковой тростью, сделал шаг вперед.

— Кто этот беглец? — со зловещим спокойствием спросил он.

Питт стоял молча, опираясь на лопату. Он тщетно

пытался найти какой-нибудь ответ на вопрос хозяина, но в голове теснились лишь проклятия по адресу идиота Нэтталла.

Подняв бамбуковую трость, полковник изо всей силы ударил юношу по голой спине. Питт вскрикнул от жгучей боли.

— Отвечай, собака! Как его зовут?

Взглянув исподлобья на плантатора, Джереми сказал:

— Я не знаю. — В его голосе прозвучало раздражение, которое полковник расценил, как дерзость.

— Не знаешь? Хорошо. Вот тебе еще, чтобы ты думал побыстрей! Вот еще, и еще, и еще... — Удары сыпались на юношу один за другим. — Ну, как теперь? Вспомнил его имя?

— Нет, я же не знаю его.

— А!.. Ты еще упрямисься! — Полковник со злобой поглядывал на Питта, но затем им вдруг овладела ярость. — Силы небесные! Ты решил со мной шутить? Ты думаешь, что я тебе это позволю?

Стиснув зубы и пожав плечами, Питт переминался с ноги на ногу. Для того чтобы привести полковника Бишопа в бешенство, требовалось очень немного. Разъяренный плантатор стал нещадно избивать юношу, сопровождая каждый удар кощунственной бранью, пока Питт не был доведен до отчаяния, вызванного вспыхнувшим в нем чувством человеческого достоинства, и не бросился на своего мучителя.

Но за всеми его движениями зорко следили бдительные телохранители. Их мускулистые бронзовые руки тотчас же схватили Питта, скрутили ему руки назад и связали ремнем.

Лицо у Бишопа покрылось пятнами. Тяжело дыша, он крикнул:

— Взять его!

Негры потащили несчастного Питта по длинной дорожке меж золотистых стен тростника. Их провожали испуганные взгляды работавших невольников. Отчаяние Питта было безгранично. Его мало трогали предстоящие мучения; главная причина его душевных страданий заключалась в том, что тщательно разработанный план спасения из этого ада был сорван так неожиданно и так глупо.

Пройдя мимо палисада, негры, тащившие Питта, направились к белому дому надсмотрщика, откуда хорошо

была видна Карлайлская бухта. Питт бросил взгляд на пристань, у которой качались на волнах черные шлюпки.

Он поймал себя на мысли о том, что в одной из этих шлюпок, если бы им хоть немного улыбнулось счастье, они могли уже быть за горизонтом.

И он тоскливо посмотрел на морскую синеву. Там, подгоняемый легким бризом, едва рябившим сапфировую поверхность Карибского моря, величественно шел под английским флагом красный фрегат³².

Полковник остановился и, прикрыв руками глаза от солнца, внимательно посмотрел на корабль. Несмотря на легкий бриз, корабль медленно входил в бухту только под нижним парусом на передней мачте. Остальные паруса были свернуты, открывая взгляду внушительные очертания корпуса корабля — от возвышающейся в виде башни высокой надстройки на корме до позолоченной головы на форштевне³³, сверкавшей в ослепительных лучах солнца.

Осторожное продвижение корабля свидетельствовало, что его шкипер³⁴ плохо знал местные воды и пробирался вперед, то и дело измеряя глубину. Судя по скорости движения, кораблю требовалось не менее часа, для того чтобы бросить якорь в порту. Пока полковник рассматривал корабль, видимо восхищаясь его красотой, Питта увели за палисад и заковали в колодки, всегда стоявшие наготове для рабов, нуждавшихся в наказании.

Сюда же неторопливой, раскачивающейся походкой подошел полковник Бишоп.

— Непокорная дворняга, которая осмеливается показывать клыки своему хозяину, расплачивается за обучение хорошим манерам своей исполосованной шкурой, — сказал он, приступая к исполнению обязанностей палача.

То, что он сам, своими собственными руками, выполнял работу, которую большинство людей его положения, хотя бы из уважения к себе, поручали слугам, может дать представление о том, как низко пал этот человек. С видимым наслаждением наносил он удары по голове и спине своей жертвы, будто удовлетворяя свою дикую страсть. От сильных ударов гибкая трость расщепилась на длинные, гибкие полосы с краями, острыми, как бритва. Когда полковник, обессилев, отбросил в сторону измочаленную трость, вся спина несчастного невольника представляла собой кровавое месиво.

— Пусть это научит тебя нужной покорности! — сказал палач-полковник. — Ты останешься в колодках без пищи

и воды — слышишь меня: без пищи и воды! — до тех пор, пока не соблаговолишь сообщить мне имя твоего застенчивого друга и зачем он сюда приходил.

Плантатор повернулся на каблуках и ушел в сопровождении своих телохранителей.

Питт слышал его будто сквозь сон. Сознание почти оставило его, истерзанного страшной болью, измученного отчаянием. Ему было уже безразлично — жив он или нет.

Однако новые муки пробудили его из состояния тупого оцепенения, вызванного болью. Колодки стояли на открытом месте, ничем не защищенном от жгучих лучей тропического солнца, которые, подобно языкам жаркого пламени, лизали изуродованную, кровоточащую спину Питта. К этой нестерпимой боли прибавилась и другая, еще более мучительная. Свирепые мухи Антильских островов, привлеченные запахом крови, тучей набросились на него.

Вот почему изобретательный полковник, так хорошо владеющий искусством развязывать языки упрямцев, не счел нужным прибегать к другим формам пыток. При всей своей дьявольской жестокости он не смог бы придумать больших мучений, нежели те, которые природа так щедро отпустила на долю Питта.

Рискуя переломать себе руки и ноги, молодой моряк стоял, корчился и извивался в колодках.

В таком состоянии его и нашел Питер Блад, который внезапно появился перед затуманенным взором Питта, с большим пальмовым листом в руках. Отогнав мух, облепивших Питта, он привязал лист к шее юноши, укрыв его спину от назойливых насекомых и от палящего солнца. Усевшись рядом с Питтом, Блад положил голову страдальца к себе на плечо и обмыл ему лицо холодной водой из фляжки. Питт вздрогнул и, тяжело вздохнув, простонал:

— Пить! Ради Бога, пить!

Блад поднес к дрожащим губам мученика флягу с водой. Молодой человек жадно припал к ней, стуча зубами о горлышко, и осушил ее до дна, после чего, почувствовав облегчение, попытался сесть.

— Спина, моя спина! — простонал он.

В глазах Питера Блада что-то сверкнуло, кулаки его сжались, а лицо передернуло гримаса сострадания, но, когда он заговорил, голос его снова был спокойным и ровным:

— Успокойся, Питт. Я прикрыл тебе спину, хуже ей пока не будет. Расскажи мне покороче, что с тобой случилось. Ты, наверное, полагал, будто мы обойдемся без штурмана, если дал этой скотине Бишопу повод чуть не убить тебя?

Питт застонал. Однако на этот раз его мучила не столько физическая, сколько душевная боль.

— Не думаю, Питер, что штурман вообще понадобится.

— Что, что такое? — вскричал Блад.

Прерывистым голосом Питт, задыхаясь, поведал другу обо всем случившемся.

— Я буду гнить здесь... пока не скажу ему имя... затем он... приходил сюда...

Блад поднялся на ноги, и рычание вырвалось из его горла.

— Будь проклят этот грязный рабовладелец! — сказал он. — Но мы должны что-то придумать. К черту Нэтталла! Внесет он залог или нет, выдумает какое-либо объяснение или нет, — все равно шлюпка наша. Мы убежим, а вместе с нами и ты.

— Фантазия, Питер, — прошептал мученик. — Мы не сможем бежать... Залог не внесен... Чиновники конфискуют шлюпку... Если даже Нэтталл не выдаст нас... и нам не заклсймят лбы...

Блад отвернулся и с тоской взглянул на море, по голубой глади которого он так мучительно надеялся вернуться к свободной жизни.

Огромный красный корабль к этому времени уже приблизился к берегу и сейчас медленно входил в бухту. Две или три лодки отчалили от пристани, направляясь к нему. Блад видел сверкание медных пушек, установленных на носу, и различал фигуру матроса около передней якорной цепи с левой стороны судна, готовившегося бросить лот³⁵.

Чей-то гневный голос прервал его мысли:

— Какого дьявола ты здесь делаешь?

Это был полковник Бишоп со своими телохранителями.

На смуглом лице Блада появилось иное выражение.

— Что я делаю? — вежливо спросил он. — Как всегда, выполняю свои обязанности.

Разгневанный полковник заметил пустую фляжку рядом с колодками, в которых корчился Питт, и пальмовый лист, прикрывавший его спину.

— Ты осмелился это сделать, подлец? — на лбу плантатора, как жгуты, вздулись вены.

— Да, я это сделал! — В голосе Блада звучало искреннее удивление.

— Я приказал, чтобы ему не давали пищи и воды до моего распоряжения.

— Простите, господин полковник, но ведь я не слышал этого распоряжения.

— Ты не слышал?! О мерзавец! Исчадие ада! Как же ты мог слышать, когда тебя здесь не было?

— Но в таком случае, можно ли требовать от меня, чтобы я знал о вашем распоряжении? — с нескрываемым огорчением спросил Блад. — Увидев, что ваш раб страдает, я сказал себе: «Это один из невольников моего полковника, а я у него врач и, конечно, обязан заботиться о его собственности». Поэтому я дал этому юноше глоток воды и прикрыл спину пальмовым листом. Разве я не был прав?

— Прав? — От возмущения полковник потерял дар речи.

— Не надо волноваться! — умоляюще произнес Блад. — Вам это очень вредно. Вас разобьет паралич, если вы будете так горячиться...

Полковник с проклятиями оттолкнул доктора, бросился к колодкам и сорвал пальмовый лист со спины пленника.

— Во имя человеколюбия... — начал было Блад.

Полковник, задыхаясь от ярости, заревел:

— Убирайся вон! Не смей даже приближаться к нему, пока я сам не пошлю за тобой, если ты не хочешь отведать бамбуковой палки!

Он был ужасен в своем гневе, но Блад даже не вздрогнул. И полковник, почувствовав на себе пристальный взгляд его светло-синих глаз, казавшихся такими удивительно странными на этом смуглом лице, как бледные сапфиры в медной оправе, подумал, что этот мерзавец-доктор в последнее время стал слишком много себе позволять. Такое положение требовалось исправить немедленно. А Блад продолжал спокойно и настойчиво:

— Во имя человеколюбия, разрешите мне облегчить его страдания, или клянусь вам, что я откажусь выполнять свои обязанности врача и не дотронусь ни до одного пациента на этом отвратительном острове.

Полковник был так поражен, что сразу не нашелся, что сказать. Потом он заорал:

— Милостивый Бог! Ты смеешь разговаривать со мной подобным тоном, собака? Ты осмеливаешься ставить мне условия?

— А почему бы и нет? — Синие глаза Блада смотрели в упор на полковника, и в них играл демон безрассудства, порожденный отчаянием.

В течение нескольких минут, показавшихся Бладу вечностью, Бишоп молча рассматривал его, а затем изрек:

— Я слишком мягко относился к тебе. Но это можно исправить. — Губы его сжались. — Я прикажу пороть тебя до тех пор, пока на твоей паршивой спине не останется клочка целой кожи!

— Вы это сделаете? Гм-м!.. А что скажет губернатор?

— Ты не единственный врач на острове.

Блад засмеялся:

— И вы осмелитесь сказать это губернатору, который мучается от подагры так, что не может даже стоять? Вы прекрасно знаете, что он не потерпит другого врача.

Однако полковника, охваченного диким гневом, нелегко было успокоить.

— Если ты останешься в живых после того, как мои черномазые над тобой поработают, возможно, ты одумаешься.

Он повернулся к неграм, чтобы отдать приказание, но в это мгновение, сотрясая воздух, раздался мощный, раскатистый выстрел. Бишоп подскочил от неожиданности, а вместе с ним подскочили оба его телохранителя и даже внешне невозмутимый Блад. После этого все они, как по команде, повернулись лицом к морю.

Внизу, в бухте, там, где на расстоянии кабельтова³⁶ от форта стоял большой красивый корабль, за клубились облака белого дыма. Они целиком скрыли корабль, оставив видимыми только верхушки мачт. Стая испуганных морских птиц, поднявшаяся со скалистых берегов, с пронзительными криками кружила в голубом небе.

Ни полковник, ни Блад, ни Питт, глядевший мутными глазами на голубую бухту, не понимали, что происходит. Но это продолжалось недолго — лишь до той поры, как английский флаг быстро соскользнул с флагштока на грот-мачте³⁷ и исчез в белой облачной мгле, а на смену ему через несколько секунд взвился золотисто-пурпурный стяг Испании. Тогда все сразу стало понятно.

— Пираты! — заревел полковник. — Пираты!

Страх и недоверие смешались в его голосе. Лицо Бишоп побледнело, приняв землистый оттенок, маленькие глазки вспыхнули гневом. Его телохранители в недоумении глядели на хозяина, выкатив белки глаз и скаля зубы.

ИСПАНЦЫ

Большой корабль, которому разрешили так спокойно войти под чужим флагом в Карлайлскую бухту, оказался испанским канером³⁸. Он явился сюда не только для того, чтобы расквитаться за кое-какие крупные долги хищного «берегового братства», но и для того, чтобы отомстить за поражение, которое нанес «Прайд оф Девон» двум галионам³⁹, шедшим с грузом ценностей в Кадис. Поврежденным галионом, скрывшимся с поля битвы, командовал дон Диего де Эспиноса-и-Вальдес — родной брат испанского адмирала дона Мигеля де Эспиноса, очень вспыльчивого и надменного господина.

Проклиная себя за понесенное поражение, дон Диего поклялся дать англичанам такой урок, которого они никогда не забудут. Он решил позаимствовать кое-что из опыта Моргана⁴⁰ и других морских разбойников и предпринять карательный налет на ближайшую английскую колонию. К сожалению, рядом с ним не было брата-адмирала, который мог бы отговорить Диего де Эспиноса от этой авантюры, когда в Сан-Хуан-де-Пуэрто-Рико он оснащал для этой цели корабль «Синко Льягас». Объектом своего налета он наметил остров Барбадос, полагая, что защитники его, понадеявшись на естественные укрепления острова, будут застигнуты врасплох. Барбадос он наметил еще и потому, что, по сведениям, доставленным ему шпионами, там еще стоял «Прайд оф Девон», а ему хотелось, чтобы его мщение имело какой-то оттенок справедливости. Время для налета он выбрал такое, когда в Карлайлской бухте не было ни одного военного корабля.

Его хитрость осталась нераскрытой настолько, что, не возбудив подозрений, он преспокойно вошел в бухту и отсалютовал форту в упор бортовым залпом из двадцати пушек.

Прошло несколько минут, и зрители, наблюдавшие за бухтой, заметили, что корабль осторожно продвигается в клубах дыма. Подняв грот⁴¹ для увеличения хода и идя в крутом бейдевинде⁴², он наводил пушки левого борта на не подготовленный к отпору форт.

Сотрясая воздух, раздался второй залп. Грохот его

вывел полковника Бишоп из оцепенения. Он вспомнил о своих обязанностях командира барбадосской милиции.

Внизу, в городе, лихорадочно били в барабаны, слышался звук трубы, как будто требовалось еще оповещать об опасности.

Место полковника Бишоп было во главе немногочисленного гарнизона форта, который испанские пушки превращали сейчас в груды камней.

Невзирая на гнетущую жару и свой немалый вес, полковник поспешно направился в город. За ним рысцей трусили его телохранители.

Повернувшись к Джереми Питту, Блад мрачно улыбнулся:

— Вот это и называется своевременным вмешательством судьбы. Хотя один лишь дьявол знает, что из всего этого выйдет!

При третьем залпе он поднял пальмовый лист и осторожно прикрыл им спину своего друга.

И как раз в это время на территории, огороженной частоколом, появились охваченные паникой Кент и человек десять рабочих с плантации. Они вбежали в низкий белый дом и минуту спустя вышли оттуда уже с мушкетами и кортиками.

Сюда же, к белому дому Кента, группками по два, по три человека стали собираться сосланные на Барбадос повстанцы-рабы, брошенные охраной и почувствовавшие общую панику.

— В лес! — скомандовал Кент рабам. — Бегите в лес и скрывайтесь там, пока мы не расправимся с этими испанскими свиньями.

И он поспешил вслед за своими людьми, которые должны были присоединиться к милиции, собиравшейся в городе для оказания сопротивления испанскому десанту.

Если бы не Блад, рабы беспрекословно подчинились бы этому приказанию.

— А к чему нам спешить в такую жару? — спросил Блад, и невольники удивились, что доктор говорил на редкость спокойно. — Мы можем поглядеть на этот спектакль, а если нам и придется уходить, — продолжал Блад, — то мы успеем это сделать, когда испанцы уже захватят город.

Рабы-повстанцы — а всего их набралось более двадцати человек — остались на возвышенности, откуда хорошо была видна вся сцена действия и закипавшая на ней отчаянная схватка.

Милиция и жители острова, способные носить оружие, с отчаянной решимостью людей, понимавших, что в случае поражения им не будет пощады, пытались отбросить десант. Зверства испанской солдатни были общеизвестны, и даже самые гнусные дела Моргана бледнели перед жестокостью кастильских насильников.

Командир испанцев хорошо знал свое дело, чего, не погрешив против истины, нельзя было сказать о барбадосской милиции.

Используя преимущество внезапного нападения, испанец в первые же минуты обезвредил форт и показал барбадосцам, кто является хозяином положения.

Его пушки вели огонь с борта корабля по открытой местности за молом, превращая в кровавую кашу людей, которыми бездарно командовал неповоротливый Бишоп. Испанцы умело действовали на два фронта: своим огнем они не только вносили панику в нестройные ряды оборонявшихся, но и прикрывали высадку десантных групп, направлявшихся к берегу.

Под лучами палящего солнца битва продолжалась до самого полудня, и, судя по тому, что трескотня мушкетов слышна была все ближе и ближе, становилось очевидным, что испанцы теснили защитников города.

К заходу солнца двести пятьдесят испанцев стали хозяевами Бриджтауна. Островитяне были разоружены, и дон Диего, сидя в губернаторском доме, с изысканностью, весьма похожей на издевательство, определял размеры выкупа губернатору Стиду, со страха забывшему о своей подагре, полковнику Бишопу и нескольким другим офицерам.

Дон Диего милостиво заявил, что за сто тысяч песо и пятьдесят голов скота он воздержится от превращения города в груды пепла.

Пока их утихивый, с изысканными манерами командир уточнял эти детали с перепуганным британским губернатором, испанцы занимались грабежом, пьянством и насилиями, как это они обычно делали в подобных случаях.

С наступлением сумерек Блад рискнул спуститься вниз — в город. То, что он там увидел, было позднее поведано им Джереми Питту, записавшему рассказ Блада в свой многотомный труд, откуда и позаимствована значительная часть моего повествования. У меня нет намерения повторять здесь что-либо из этих записей, ибо поведение испанцев было отвратительно до тошноты.

Трудно поверить, чтобы люди, как бы низко они ни пали, могли дойти до таких пределов жестокости и разврата.

Гнусная картина, развернувшаяся перед Бладом, заставила его побледнеть, и он поспешил выбраться из этого ада. На узенькой улочке с ним столкнулась бегущая ему навстречу девушка с распущенными волосами. За ней с хохотом и бранью гнался испанец в тяжелых башмаках. Он уже почти настиг ее, когда Блад внезапно преградил ему дорогу. В руках у него была шпага, которую он несколько раньше снял с убитого солдата и на всякий случай захватил с собой.

Удивленный испанец сердито остановился, увидев, как в руках у Блада сверкнул клинок шпаги.

— А, английская собака! — закричал он и бросился навстречу своей смерти.

— Надеюсь, что вы подготовлены для встречи со своим создателем? — вежливо осведомился Блад и с этими словами проткнул его шпагой насквозь. Сделал он это очень умело, с искусством врача и ловкостью фехтовальщика.

Испанец, не успев даже простонать, бесформенной массой рухнул наземь.

Повернув к себе плачущую девушку, стоявшую у стены, Блад схватил ее за руку.

— Идите за мной! — сказал он.

Однако девушка оттолкнула его и не двинулась с места.

— Кто вы? — испуганно спросила она.

— Вы будете ждать, пока я предъявлю вам свои документы? — огрызнулся Блад.

За углом улочки, откуда выбежала девушка, спасаясь от испанского головореза, послышались тяжелые шаги. И, возможно, успокоенная его чистым английским произношением, она, не задавая больше вопросов, подала ему руку.

Быстро пройдя по переулку и поднявшись в гору по пустынным улочкам, они, к счастью, никого не встретив, вышли на окраину Бриджтауна. Скоро город остался позади, и Блад из последних сил втащил девушку на крутую дорогу, ведущую к дому полковника Бишопа. Дом был погружен в темноту, что заставило Блада вздохнуть с облегчением, ибо, если бы здесь уже были испанцы, в нем горели бы огни. Блад постучал в дверь

несколько раз, прежде чем ему робко ответили из верхнего окна:

— Кто там?

Дрожащий голос, несомненно, принадлежал Арабелле Бишоп.

— Это я — Питер Блад, — сказал он, переводя дыхание.

— Что вам нужно?

Питер Блад понимал ее страх: ей следовало опасаться не только испанцев, но и рабов с плантацией ее дяди — они могли взбунтоваться и стать не менее опасными, нежели испанцы. Но тут девушка, спасенная Бладом, услышав знакомый голос, обрадованно вскрикнула:

— Арабелла! Это я, Мэри Трэйл.

— О, Мэри?! Ты здесь?

После этого удивленного восклицания голос наверху смолк, и несколько секунд спустя дверь распахнулась. В просторном вестибюле стояла Арабелла, и мерцание свечи, которую она держала в руке, таинственно освещало ее стройную фигуру в белой одежде.

Блад всбжал в дом и тут же закрыл дверь. Его спутница упала на грудь Арабеллы и разрыдалась. Но Блад не обратил внимания на слезы девушки: нельзя было терять времени.

— Есть в доме кто-нибудь из слуг? — быстро и решительно спросил он.

Из мужской прислуги в доме оказался только старый негр Джеймс.

— Он-то нам и нужен, — сказал Блад, вспомнив, что Джеймс был грумом. — Прикажите подать лошадей и сейчас же отправляйтесь в Спейгстаун. Там вы будете в полной безопасности. Здесь оставаться нельзя. Торопитесь!

— Но ведь сражение уже закончилось... — нерешительно начала Арабелла и побледнела.

— Самое страшное впереди. Мисс Трэйл потом вам расскажет. Ради Бога, поверьте мне и сделайте так, как я говорю!

— Он... он спас меня, — со слезами прошептала мисс Трэйл.

— Спас ~~тебя~~? — Арабелла была ошеломлена. — От чего спас, Мэри?

— Об этом после! — почти сердито прервал их Блад. — Вы сможете говорить целую ночь, когда выберетесь отсюда в безопасное место. Пожалуйста, позовите Джеймса и сделайте так, как я говорю! Немедленно!

— Вы не говорите, а приказываете.

— Боже мой! Я приказываю! Мисс Трэйл, ну скажите жс, есть ли у меня основания...

— Да, да, — тут же откликнулась девушка, не дослушав его. — Арабелла, умоляю, послушайся его!

Арабелла Бишоп вышла, оставив мисс Трэйл вдвоем с Бладом.

— Я... я никогда не забуду, что вы сделали для меня, сэр! — с глазами, полными слез, проговорила Мэри.

И только сейчас Блад как следует разглядел тоненькую, хрупкую девушку, похожую на ребенка.

— В своей жизни я делал кое-что посерьезней, — ласково сказал он и добавил с горечью: — Поэтому-то я здесь и очутился.

Она, конечно, не поняла его слов и не пыталась сделать вид, будто они ей понятны.

— Вы.. вы убили его? — со страхом спросила Мэри.

Пристально взглянув на девушку, освещенную мерцанием свечи, Блад ответил:

— Надеюсь, что да. Это вполне вероятно, но совсем неважно. Важно лишь, чтобы Джеймс поскорее подал лошадей.

Наконец лошадей подали. Их было четыре, так как, помимо Джеймса, сехавшего в качестве проводника, Арабелла взяла с собой и служанку, которая ни за что не хотела оставаться в доме.

Посадив на лошадь легкую, как перышко, Мэри Трэйл, Блад повернулся, чтобы попрощаться с Арабеллой, уже сидевшей в седле. Он пожелал ей счастливого пути, хотел добавить еще что-то, но не сказал ничего.

Лошади тронулись и вскоре исчезли в лиловом полумраке звездной ночи, а Блад все еще продолжал стоять около дома полковника Бишоп.

Из темноты до него донесся дрожащий детский голос:

— Я никогда не забуду, что вы сделали для меня, мистер Блад! Никогда!

Однако слова эти не доставили Бладу особой радости, так как ему хотелось, чтобы нечто похожее было сказано другим голосом. Он постоял в темноте еще несколько минут, наблюдая за светлячками, роившимися над рододендронами, пока не стихло цоканье копыт, а затем, вздохнув, вернулся к действительности. Ему предстояло сделать еще очень многое.

Он спустился в город вовсе не для того, чтобы познакомиться с тем, как ведут себя победители. Ему

нужно было кое-что разузнать. Эту задачу он выполнил и быстро вернулся обратно к палисаду, где в глубокой тревоге, но с некоторой надеждой его ждали друзья — рабы полковника Бишопа.

Глава IX

ССЫЛЬНЫЕ ПОВСТАНЦЫ

К тому времени, когда фиолетовый сумрак тропической ночи опустился над Карибским морем, на борту «Синко Льягас» оставалось не более десяти человек охраны: настолько испанцы были уверены — и, надо сказать, не без оснований — в полном разгроме гарнизона острова. Говоря о том, что на борту находилось десять человек охраны, я скорее имею в виду цель их оставления, нежели обязанности, которые они на самом деле исполняли. В то время как почти вся команда корабля пьянствовала и бесчинствовала на берегу, оставшийся на борту канонир⁴³ со своими помощниками, так хорошо обеспечившими легкую победу, получив с берега вино и свежее мясо, пировал на оружейной палубе. Часовые — один на носу и другой на корме — несли вахту. Но их бдительность была весьма относительной, иначе они давно уже заметили бы две большие лодки, которые отошли от пристани и бесшумно пришвартовались под кормой корабля.

С кормовой галереи⁴⁴ все еще свисала веревочная лестница, по которой днем спустился в шлюпку дон Диего, отправлявшийся на берег. Часовой, проходя по галерее, неожиданно заметил на верхней ступеньке лестницы темный силуэт.

— Кто там? — спокойно спросил он, полагая, что перед ним кто-то из своих.

— Это я, приятель, — тихо ответил Питер Блад по-испански.

Испанец подошел ближе:

— Это ты, Педро?

— Да, меня зовут примерно так, но сомневаюсь, чтобы я был тем Питером, которого ты знаешь.

— Как, как? — останавливаясь, спросил испанец.

— А вот так, — ответил Блад.

Испанец, застигнутый врасплох, не успев издать и звука, перелетел через низкий гакаборт⁴⁵ и камнем упал в воду, едва не свалившись в одну из лодок, стоявших

под кормой. В тяжелой кирасе, со шлемом на голове, он сразу же пошел ко дну, избавив людей Блада от дальнейших хлопот.

— Тс!.. — прошептал Блад ожидавшим его внизу людям. — Поднимайтесь без шума.

Пять минут спустя двадцать сильных повстанцев уже были на борту. Выбравшись из узкой галереи, они ничком растянулись на корме. Впереди горели огни. Большой фонарь на носу корабля освещал фигуру часового, расхаживавшего по полубаку⁴⁶. Снизу, с оружейной палубы, доносились дикие крики оргии.

Сочный мужской голос пел веселую песню, и ему хором подтягивали остальные:

Вот какие славные обычаи в Кастилии!

— После сегодняшних событий этому можно поверить. Обычаи хоть куда! — заметил Блад и тихо скомандовал: — Вперед, за мной!

Неслышно, как тени, повстанцы, пригибаясь, пробрались вдоль поручней кормовой части палубы на шкафут⁴⁷. Кое-кто из повстанцев был вооружен мушкетам. Их добыли в доме надсмотрщика и вытащили из тайника, где хранилось оружие, с большим трудом собранное Бладом на случай бегства. У остальных были ножи и абордажные сабли.

Со шкафута можно было видеть всю палубу от кормы до носа, где, на свою беду, торчал часовой. Бладу пришлось тут же им заняться. Вместе с двумя товарищами он потолз к часовому, оставив других под командой того самого Натаниэля Хатторпа, который когда-то был офицером королевского военно-морского флота.

Блад задержался ненадолго. Когда он вернулся к своим товарищам, ни одного часового на палубе испанского корабля уже не было.

Испанцы продолжали беззаботно веселиться внизу, считая себя в полной безопасности. Да и чего им было бояться? Гарнизон Барбадоса разгромлен и разоружен, товарищи на берегу, став полными хозяевами города, жадно ушнвались успехами легкой победы. Испанцы не поверили своим глазам, когда их внезапно окружили ворвавшиеся к ним полуобнаженные, обросшие волосами люди, казавшиеся ордой дикарей, хотя в недавнем прошлом они, видимо, были европейцами.

Песня и смех сразу же оборвались, и подвыпившие испанцы в ужасе и замешательстве вытаращили глаза на дула мушкетов, направленные в упор на них.

Из толпы дикарей вышел стройный, высокий человек со смуглым лицом и светло-синими глазами, в которых блеснул огонек зловещей иронии, и сказал по-испански:

— Вы избавитесь от многих неприятностей, если тут же признаете себя моими пленниками и позволите без сопротивления удалить вас в безопасное место.

— Боже мой! — прошептал канонир, хотя восклицание лишь в малой степени отражало то изумление, которое он сейчас испытывал.

— Прошу вас, — сказал Блад.

После чего испанцы без всяких увещеваний, если не считать легких подталкиваний мушкетами, были загнаны через люк в трюм.

Затем повстанцы угостились хорошими блюдами, оставшимися от испанцев. После соленой рыбы и маисовых лепешек, которыми питались рабы Бикиона в течение долгих месяцев, жареное мясо, свежие овощи и хлеб показались им райской пищей. Но Блад не допустил никаких излишеств, для чего ему потребовалось применить всю твердость, на которую он был только способен.

В конце концов повстанцы выиграли лишь предварительную схватку. Предстояло еще удержать в руках ключ к свободе и укрепить победу. Нужно было приготовиться к дальнейшим событиям, и приготовления эти заняли значительную часть ночи. Однако все было закончено до того, как над горой Хиллаби взошло солнце, которому предстояло освещать день, богатый неожиданностями.

Едва лишь солнце поднялось над горизонтом, как один из ссыльных повстанцев, расхаживавший по палубе в кирасе и шлеме, с испанским мушкетом в руках, объявил о приближении лодки. Дон Диего де Эспиноса-и-Вальдес возвращался на борт своего корабля с четырьмя огромными ящиками. В каждом из них находилось по двадцать пять тысяч песо выкупа, доставленного ему на рассвете губернатором Стидом. Дона Диего сопровождали его сын дон Эстебан и шесть гребцов.

На борту фрегата царил обычный порядок. Корабль, левым бортом обращенный к берегу, спокойно покачивался на якоре. Лодка с доном Диего и его богатством подошла к правому борту, с которого свисал шторм-трап⁴⁸. Питер Блад очень хорошо подготовился к встрече, так как не зря служил под начальством де Ритёра: с борта свисали тали, у лебедки стояли люди, а внизу в готовности

ждали канониры под командой решительного Огла. Уже одним своим видом он внушал доверие.

Дон Диего, ничего не подозревая, в превосходном настроении поднялся на палубу. Да и почему он мог что-либо подозревать?

Удар палкой по голове, умело нанесенный Хагторпом, сразу же погрузил дона Диего в глубокий сон. Бедняга не успел даже взглянуть на караул, выстроенный для его встречи.

Испанского гранда немедленно унесли в капитанскую каюту, а ящики с богатством подняли на палубу. Закончив погрузку сокровищ на корабль, дон Эстебан и гребцы по одному поднялись по веревочной лестнице на палубу, где с ними разделились так же неторопливо и умело, как и с командиром корабля. Питер Блад проводил подобного рода операции с удивительным блеском и, как я подозреваю, не без некоторой театральности. Несомненно, драматическое зрелище, разыгравшееся сейчас на борту испанского корабля, могло бы украсить собой сцену любого театра.

К сожалению, описанная драматическая сцена из-за дальности расстояния была недоступна многочисленным зрителям, находившимся на берегу. Жители Бриджтауна во главе с полковником Бишопом и страдающим от подагры губернатором Стидом, уныло сидевшими на развалинах порта, глядели не на корабль, а на восьмерку лодок, в которые усаживались испанские головорезы, утомленные насилиями и пресыщенные убийствами.

Барбадосцы следили за отплытием лодок со смешанным чувством радости и отчаяния. Они радовались уходу беспощадных врагов и приходили в отчаяние от тех ужасных опустошений, какие, по крайней мере на время, нарушили счастье и процветание маленькой колонии.

Наконец лодки отчалили от берега. Гогочущие испанцы откровенно глумились над своими несчастными жертвами. Лодки были уже на полпути между пристанью и кораблем, когда воздух внезапно сотрясся от гула выстрела.

Пушечное ядро упало в воду за кормой передней лодки, обдав брызгами находившихся в ней гребцов. На минуту они перестали грести, застыв от изумления, а затем заговорили все разом, проклиная опасную неосторожность их канонира, которому вздумалось салютовать им из пушки, заряженной ядром. Они все еще проклинали его, когда второе ядро, более метко направленное, разнесло

одну из лодок в щепки. Все, кто был в лодке — живые и мертвые, — оказались в воде.

Однако если холодная ванна заставила этих головорезов умолкнуть, то ругательства и проклятия с остальных семи лодок только усилились. Подняв весла над водой и вскочив на ноги, испанцы посылали непристойные проклятия, умоляя небо и всех чертей сообщить им, какой пьяный идиот добрался до корабельных пушек.

Но тут третье ядро превратило в обломки еще одну лодку, пустив на дно все ее содержимое. За минутой зловещего молчания последовал новый взрыв брани и невнятных криков, сопровождаемых всплесками весел. Испанские пираты растерялись: одни из них спешили вернуться на берег, другие хотели направиться прямо к кораблю и выяснить, что за чертовщина там творится. В том, что на корабле происходит что-то очень серьезное, никаких сомнений уже не оставалось. Это было тем более очевидно, что, пока они спорили, ругались и посылали проклятия в голубое небо, два новых ядра потопили третью лодку.

Решительный Огл получил прекрасную возможность попрактиковаться и полностью доказал правильность своих утверждений, что он кое-что понимает в пушкарском деле. Замешательство же испанцев облегчило ему его задачу, так как все их лодки сгрудились вместе.

Новый выстрел положил предел разногласиям пиратов. Словно сговорившись, они развернулись или, вернее, попытались развернуться, но, прежде чем им удалось это сделать, еще две лодки отправились на дно.

Три оставшиеся лодки, не утруждая себя оказанием помощи утопающим, поспешили обратно к пристани.

Если испанцы не могли сообразить, что же именно происходит на корабле, то еще непонятнее все это было для несчастных островитян, пока они не увидели, как с грот-мачты «Синко Льягас» соскользнул флаг Испании и вместо него взвился английский флаг. Но и после этого они оставались в замешательстве и со страхом наблюдали за возвращением на берег своих врагов, несомненно, готовых выместить на барбадосцах свою злобу, вызванную столь неприятными событиями.

Однако Огл продолжал доказывать, что его знакомство с пушками не устарело, и вдогонку спасавшимся испанцам прогремело несколько выстрелов. Последняя лодка разлетелась в щепки, едва причалив к пристани.

Таков был конец пиратской команды, не более десяти

минут назад со смехом подсчитывавшей количество песо⁴⁹, которое придется на долю каждого грабителя за участие в совершенных ими злодеяниях. Человек шестьдесят все же ухитрились добраться до берега. Однако были ли у них какие-либо основания поздравлять себя с избавлением от смерти, я не могу сказать, так как никаких записей, по которым можно было бы проследить их дальнейшую судьбу, не сохранилось. Такое отсутствие документов уже достаточно красноречиво говорит за себя. Нам известно, что, как только испанцы вскарабкивались на берег, их тут же связывали; а учитывая свежесть и глубину их преступлений, можно не сомневаться в том, что они имели серьезные основания сожалеть о своем спасении после гибели их лодок.

Кто же были эти таинственные помощники, которые в последнюю минуту отомстили испанцам, сохранив вымогательно полученный с островитян выкуп в сто тысяч песо? Загадка эта еще требовала разрешения. В том, что «Синко Льягас» находился в руках друзей, сейчас, после получения таких наглядных доказательств, никто уже не сомневался. «Но кто были эти люди? — спрашивали друг у друга жители Бриджтауна. — Откуда они появились?» Единственное их предположение приближалось к истине: несомненно, какая-то кучка смелых островитян проникла нынешней ночью на корабль и овладела им. Оставалось лишь выяснить личность этих таинственных спасителей и воздать им должные почести.

Именно с таким поручением и отправился на корабль полковник Бишоп как полномочный представитель губернатора (сам губернатор Сид не смог этого сделать по состоянию здоровья) в сопровождении двух офицеров.

Поднявшись по штурм-трапу на борт корабля, полковник узрел рядом с главным люком четыре денежных ящика. Это было чудесное зрелище, и глаза полковника радостно заблестели, тем более, что содержимое одного из ящиков почти полностью было доставлено им лично.

По обеим сторонам ящиков поперек палубы двумя стройными шеренгами стояли человек двадцать солдат с мушкетами, в кирасах и в испанских шлемах.

Нельзя было требовать от полковника Бишоп, чтобы он с первого же взгляда признал в этих подтянутых, дисциплинированных солдатах тех грязных оборванцев, которые только еще вчера трудились на его плантациях.

Еще меньше можно было ожидать, чтобы он сразу же опознал человека, подошедшего к нему с приветствием. Это был сухошавый джентльмен с изысканными манерами, одетый по испанской моде во все черное с серебряными позументами. На расшитой золотом перевязи висела шпага с позолоченной рукояткой, а из-под широкополой шляпы с большим плюмажем⁵⁰ видны были тщательно завитые локоны черного парика.

— Приветствую вас на борту «Синко Льягас», дорогой полковник! — прозвучал чей-то смутно знакомый голос. — В честь вашего прибытия нам по возможности пришлось использовать гардероб испанцев, хотя, честно говоря, мы даже не осмеливались ожидать вас лично. Вы находитесь среди друзей, среди ваших старых друзей!

Полковник остолбенел от изумления: перед ним стоял Питер Блад — чисто выбритый и, казалось, помолодевший, хотя фактически он выглядел так, как это соответствовало его тридцатитрехлетнему возрасту.

— Питер Блад! — удивленно воскликнул Бишоп. — Значит, это ты...

— Вы не ошиблись. А вот это мои и ваши друзья. — И Блад, небрежным жестом откинув манжету из тонких кружев, указал рукой на застывшую шеренгу.

Полковник взгляделся внимательно.

— Черт меня побери! — с идиотским ликованием закричал он. — И с этими ребятами ты захватил испанский корабль и поменялся ролями с испанцами! Это изумительно! Это героизм!

— Героизм? Нет, скорее это эпический подвиг. Вы, кажется, начинаете признавать мои таланты, полковник?

Бишоп сел на крышку люка, снял свою широкополую шляпу и вытер пот со лба.

— Ты меня удивляешь! — все еще не оправившись от изумления, продолжал он. — Клянусь спасением души, это поразительно! Вернуть все деньги, захватить такой прекрасный корабль со всеми находящимися на нем богатствами! Это хотя бы частично возместит другие наши потери. Черт меня побери, но ты заслуживаешь хорошей награды за это.

— Полностью разделяю ваше мнение, полковник.

— Будь я проклят! Вы все заслуживаете хорошей награды и моей признательности.

— Разумеется, — заметил Блад. — Вопрос заключается в том, какую награду мы, по-вашему, заслужили и в чем будет заключаться ваша признательность.

Полковник Бишоп удивленно взглянул на него:

— Но это же ясно. Его превосходительство губернатор Стил сообщит в Англию о вашем подвиге, и, возможно, вам снизят сроки заключения.

— О, великодушие короля нам хорошо известно! — насмешливо заметил Натаниэль Хагторп, стоявший рядом, а в шеренге ссыльных повстанцев раздался смех.

Полковник Бишоп слегка поежился, впервые ощутив некоторос беспокойство. Ему пришло в голову, что дело может повернуться совсем не так гладко.

— Кроме того, есть еще один вопрос, — продолжал Блад. — Это вопрос о вашем обещании меня выпороть. В этих делах, полковник, вы держите свое слово, чего нельзя сказать о других. Насколько я помню, вы заявили, что не оставите и дюйма целой кожи на моей спине.

Плантатор слабо махнул рукой с таким видом, будто слова Блада обидели его:

— Ну как можно вспоминать о таких пустяках после того, что вы совершили, дорогой доктор!

— Рад, что вы настроены так миролюбиво. Но я думаю, мне очень повезло. Ведь если бы испанцы появились не вчера, а сегодня, то сейчас я находился бы в таком же состоянии, как бедный Джереми Питт...

— Ну, к чему об этом сейчас говорить?

— Приходится, дорогой полковник. Вы причинили людям столько зла и столько жестокостей, что ради тех, кто может здесь оказаться после нас, я хочу, чтобы вы получили хороший урок, который остался бы у вас в памяти. В кормовой рубке лежит сейчас Джереми, чью спину вы разукрасили во все цвета радуги. Бедняга проболает не меньше месяца. И если бы не испанцы, то сейчас он, может быть, был бы уже на том свете, и там же мог бы оказаться и я...

Но тут выступил вперед Хагторп, высокий, энергичный человек с резкими чертами привлекательного лица.

— Зачем вы тратите время на эту жирную свинью? — удивленно спросил бывший офицер королевского военно-морского флота. — Выбросьте его за борт, и дело с концом.

Глаза полковника вылезли из орбит.

— Что за чушь вы мелете?! — заревел он.

— Должен вам сказать, полковник, — перебил его Питер Блад, — что вы очень счастливый человек, хотя даже и не догадываетесь, чему вы обязаны своим счастьем.

Вмешался еще один человек — загорелый, одноглазый

Волверстон, настроенный более воинственно, нежели его товарищ.

— Повесить его на ноке рея⁵¹! — сердито крикнул он, и несколько бывший невольников, стоявших в шеренге, охотно поддержали его предложение.

Полковник Бишоп задрожал. Блад повернулся. Лицо его было совершенно невозмутимо.

— Позволь, Волверстон, но командуешь судном все-таки не ты, а я, и я поступлю так, как найду нужным. Так мы договаривались, и прошу об этом не забывать, — сказал он громко, как бы обращаясь ко всей команде. — Я хочу, чтобы полковнику Бишопу была сохранена жизнь. Он нужен нам как заложник. Если же вы будете настаивать на том, чтобы его повесить, то вам придется повесить вместе с ним и меня.

Никто ему не ответил. Хагторп пожал плечами и криво улыбнулся. Блад продолжал:

— Помните, друзья, что на борту корабля может быть только один капитан. — И, обернувшись к полковнику, он сказал: — Хотя вам обещано сохранить жизнь, но я должен впредь до нашего выхода в открытое море задержать вас на борту как заложника, который обеспечит порядочное поведение со стороны губернатора Стида и тех, кто остался в форте.

— Впредь до вашего выхо... — Ужас, охвативший полковника, помешал ему закончить свою речь.

— Совершенно верно, — сказал Блад и повернулся к офицерам, сопровождавшим Бишопа: — Господа, вы слышали, что я сказал. Прошу передать это его превосходительству вместе с моими наилучшими пожеланиями.

— Но, сэр... — начал было один из них.

— Больше говорить не о чем, господа. Моя фамилия Блад, я — капитан «Синко Льягас», захваченного мною у дона Диего де Эспиноса-и-Вальдес, который находится здесь же, на борту, в роли пленника. Вот трап, господа офицеры. Я полагаю, что вам удобнее воспользоваться им, нежели быть вышвырнутыми за борт, как это и произойдет, если вы задержитесь.

Невзирая на истошные вопли полковника Бишоп, офицеры сочли за лучшее ретироваться — правда, после того, как их слегка подтолкнули мушкетерами. Однако бешенство полковника усилилось, после того как он остался один перед лицом своих бывших рабов, которые имели все основания смертельно его ненавидеть.

Только человек шесть повстанцев обладали кое-какими

скудными познаниями в морском деле. К ним, разумеется, относился и Джереми Питт. Однако сейчас он был ни к чему не пригоден.

Хатторп немало времени провел в прошлом на кораблях, но искусства навигации никогда не изучал. Все же он имел некоторое представление, как управлять судном, и под его командой вчерашние невольники начали готовиться к отплытию.

Убрав якорь и подняв парус на грот-мачте, они при легком бризе направились к выходу в открытое море. Форт молчал. Поведение губернатора не вызывало нареканий.

Корабль проходил уже неподалеку от мыса, в восточной части бухты, когда Питер Блад подошел к полковнику, уныло сидевшему на крышке главного люка.

— Скажите, полковник, вы умеете плавать?

Бишоп испуганно взглянул на Блада. Его большое лицо пожелтело, а маленькие глазки стали еще меньше, чем обычно.

— Как врач, я прописываю вам купание, чтобы вы остыли, — с любезной улыбкой произнес Блад и, не получив ответа, продолжал: — Вам повезло, что я по натуре не такой кровожадный человек, как вы или некоторые из моих друзей. Мне дьявольски трудно было уговорить их забыть о мести, впрочем, совершенно законной. И я склонен сомневаться, что ваша шкура стоит тех усилий, которые я на вас затратил.

Никаких сомнений у Блада не было. Ему приходилось сейчас лгать, ибо если бы он поступил так, как ему подсказывали ум и инстинкт, то полковник давно уж болтался бы на рее, и Блад считал бы это справедливым возмездием.

Но мысль об Арабелле Бишоп заставила его сжалиться над палачом, вынудила его выступить не только против своей совести, но и против естественной жажды мести его друзей — невольников. Только потому, что полковник был дядей Арабеллы, хотя сам Бишоп и не подозревал этого, к нему была проявлена такая снисходительность.

— Вам придется немножко поплавать, — продолжал Блад. — До мыса не больше четверти мили, и, если в пути ничего не произойдет, вы легко туда доберетесь. К тому же у вас такая солидная комплекция, что вам нетрудно будет держаться на воде. Живей! Не медлите! Иначе вы уйдете с нами в дальнейшее плавание, и только дьяволу известно, что с вами может случиться завтра

или послезавтра. Вас здесь любят не больше, чем вы этого заслуживаете.

Полковник Бишоп овладел собой и встал. Беспощадный тиран, который никогда и ни в чем себя не сдерживал, сейчас вел себя, как смиренная овечка.

Питер Блад отдал распоряжение, и поперек планшира⁵² привязали длинную доску.

— Прошу вас, полковник, — сказал Блад, изящным жестом руки указывая на доску.

Полковник со злобой взглянул на него, но тут же согнал с лица это выражение. Он быстро снял башмаки, сбросил на палубу свой красивый камзол из светло-коричневой тафты и влез на доску.

Цепляясь руками за ванты⁵³, он с ужасом посматривал вниз, где в двадцати пяти футах от него плескались зеленые волны.

— Ну, еще один шаг, дорогой полковник, — произнес позади него спокойный, насмешливый голос.

Продолжая цепляться за веревки, Бишоп оглянулся и увидел фальшборт⁵⁴, над которым торчали загорелые лица. Еще вчера они побледнели бы от страха, если бы он только слегка нахмурился, а сегодня злорадно скалили зубы.

На мгновение бешенство вытеснило его страх и осторожность. Он громко, но бессвязно выругался, выпустил веревки и пошел по доске. Сделав три шага, Бишоп потерял равновесие и, перевернувшись в воздухе, упал в зеленую бездну.

Когда он, жадно глотая воздух, вынырнул, «Синко Льягас» был уже в нескольких сотнях ярдов от него с подветренной стороны. Но до Бишопы еще доносились издевательские крики, которыми его напутствовали ссыльные повстанцы, и бессильная злоба вновь овладела плантатором.

Глава X

ДОН ДИЕГО

Дон Диего де Эспиноса-и-Вальдес очнулся от сильной боли в затылке и мутным взглядом окинул каюту, залитую солнечным светом, струившимся в квадратные иллюминаторы, выходящие на корму. Он застонал от боли, закрыв глаза, и, лежа так, попытался определиться

во времени и в пространстве. Но дикая боль в затылке и сумбур в голове мешали ему мыслить связно.

Ощущение смутной тревоги заставило его вновь открыть глаза и осмотреться еще раз.

Бесспорно, он лежал в большой каюте у себя на корабле «Синко Льягас», а если это так, то он не должен был ощущать чувство тревоги. И все же обрывки смутных воспоминаний упорно подсказывали ему, что не все было так, как нужно.

Судя по положению солнца, сквозь иллюминаторы заливавшего каюту золотистым светом, сейчас должно было быть раннее утро, если, конечно, корабль шел на запад. Затем ему пришла в голову другая мысль. Возможно, они шли на восток — тогда сейчас была уже вторая половина дня. То, что корабль двигался, ему было ясно по слабой килевой качке судна. Но как случилось, что он, капитан, не имел понятия, шли они на восток или на запад, что он не знал, куда же направлялся корабль?

Мысли его вернулись к вчерашним событиям, если они действительно случились вчера. Он отчетливо представил свое успешное нападение на Барбадос. Все детали этой удачной экспедиции были свежи в его памяти вплоть до самого возвращения на борт корабля. Здесь все его воспоминания внезапно и необъяснимо обрывались.

Его уже начали терзать различные догадки, когда открылась дверь, и он с удивлением увидел, как в каюту вошел его лучший камзол. Это был на редкость элегантный, отделанный серебряными позументами испанский костюм из черной тафты, сшитый около года назад в Кадисе. Командир «Синко Льягас» настолько хорошо знал все его детали, что никак не мог ошибиться.

Камзол остановился, чтобы закрыть за собой дверь, и направился к дивану, на котором лежал дон Диего. В камзоле оказался высокий, стройный джентльмен, примерно такого же роста, как и дон Диего, и почти с такой же фигурой. Заметив, что испанец с удивлением рассматривает его, джентльмен ускорил шаги и спросил по-испански:

— Как вы себя чувствуете?

Ошеломленный дон Диего встретил взгляд синих глаз. Смуглое насмешливое лицо джентльмена обрамляли черные локоны. Склонив голову, он ожидал ответа; но

испанец был слишком взволнован, чтобы ответить на такой простой вопрос.

Незнакомец прикоснулся рукой к затылку дона Диего. Испанец поморщился и застонал.

— Больно? — спросил незнакомец, взяв дона Диего за руку повыше кисти большим и указательным пальцами.

Озадаченный испанец спросил:

— Вы доктор?

— Да, помимо всего прочего, — ответил смуглый незнакомец, продолжая щупать пульс своего пациента. — Пульс частый, ровный, — наконец объявил он, опуская руку. — Большого вреда вам не причинили.

Дон Диего с трудом поднялся и сел на диван, обитый красным плюшем.

— Кто вы такой, черт побери? — спросил он. — И какого дьявола вы залезли в мой костюм и на мой корабль?

Прямые черные брови незнакомца приподнялись, а губы тронула легкая усмешка:

— Боюсь, что вы все еще бредите. Это не ваш корабль, а мой. И костюм этот также принадлежит мне.

— Ваш корабль? — ошеломленно переспросил испанец и еще более ошеломленно добавил: — Ваш костюм? Но... тогда... — Ничего не понимая, он огляделся вокруг, затем еще раз внимательно осмотрел каюту, останавливаясь на каждом знакомом предмете. — Может быть, я сошел с ума? — наконец спросил он. — Но ведь этот корабль, вне всякого сомнения, «Синко Льягас»?

— Да, это «Синко Льягас».

— Тогда...

Испанец умолк, а взгляд его стал еще более беспокойным.

— Господи помилуй! — закричал он, как человек, испытывающий сильную душевную муку. — Может быть, вы скажете мне, что и дон Диего де Эспиноса — это тоже вы?

— О нет. Мое имя Блад, капитан Питер Блад. Ваш корабль, так же как и этот изящный костюм, принадлежат мне как военные трофеи. Вы же, дон Диего, мой пленник.

Как ~~мы~~ ~~несождажно~~ неожиданно показалось дону Диего это объяснение, все же оно слегка успокоило испанца, так

как было более естественно, нежели то, что он уже начал воображать.

— Но... значит, тогда вы не испанец?

— Вы льстите моему испанскому произношению. Я имею честь быть ирландцем. Вы, очевидно, думаете, что произошло какое-то чудо. Да, так оно и есть, но это чудо создал я, у которого, как можете судить по результатам, неплохо варит голова.

И капитан Блад вкратце изложил ему все события последних суток. Слушая его рассказ, испанец попеременно то бледнел, то краснел. Дотронувшись до затылка, дон Диего нащупал там шишку величиной с голубиное яйцо, полностью подтверждавшую слова Блада. Широко раскрыв глаза, испанец уставился на улыбающегося капитана и закричал:

— А мой сын? Где мой сын? Он был со мной, когда я прибыл на корабль.

— Ваш сын в безопасности. Как он, так и гребцы вместе с вашим канониром и его помощниками крепко закованы в кандалы и сидят в уютном трюме.

Дон Диего устало вздохнул, но его блестящие черные глаза продолжали внимательно изучать смуглое лицо человека, который стоял перед ним. Обладая твердым характером, присущим человеку отчаянной профессии, он взял себя в руки. Ну что ж, на сей раз кости упали не в его пользу. Его заставили отказаться от роли в тот самый момент, когда успех был уже у него в руках. Со спокойствием фаталиста⁵⁵ он смирился с новой обстановкой и хладнокровно спросил:

— Ну, а что же дальше, господин капитан?

— А дальше, — ответил капитан Блад, если согласиться со званием, которое он сам себе присвоил, — как человек гуманный, я должен выразить сожаление, что вы не умерли от нанесенного вам удара. Ведь это означает, что вам придется испытать все неприятности, связанные с необходимостью умирать снова.

— Да? — Дон Диего еще раз глубоко вздохнул и внешне невозмутимо спросил: — А есть ли в этом необходимость?

В синих глазах капитана Блада промелькнуло одобрение: ему нравилось самообладание испанца.

— Задайте этот вопрос себе, — сказал он. — Как опытный и кровожадный пират скажите мне: что бы вы сделали на моем месте?

— О, но ведь между нами есть разница. — Дон Диего

уселся прочнее, опершись локтем на подушку, чтобы продолжить обсуждение этого серьезного вопроса. — Разница заключается в том, что я не называю себя гуманным человеком.

Капитан Блад пристроился на краю большого дубового стола.

— Но ведь я тоже не дурак, — сказал он, — и моя ирландская сентиментальность не мешает мне сделать то, что необходимо. Оставлять на корабле вас и десяток оставшихся в живых мерзавцев — опасно. Как вам известно, в трюме моего корабля не так уж много воды и продуктов. Правда, у нас малочисленная команда, но вы и ваши соотечественники, к большому нашему неудобству, увеличиваете количество едоков. Сами видите, что из благоразумия мы должны отказать себе в удовольствии побыть в вашем обществе и, подготовив ваши нежные сердца к неизбежному, любезно пригласить вас перешагнуть через борт.

— Да, да, я понимаю, — задумчиво заметил испанец. Он понял этого человека и пытался разговаривать с ним в том же тоне напускной изысканности и внешнего спокойствия. — Должен вам признаться, что ваши слова довольно убедительны.

— Вы снимаете с меня большую тяжесть, — сказал капитан Блад. — Мне не хотелось бы быть грубым без особой к тому необходимости, тем более, что мои друзья и я многим вам обязаны. Независимо от того, что произошло с другими, но для нас ваше нападение на Барбадос окончилось весьма благополучно. Мне приятно убедиться в вашем согласии с тем, что у нас нет иного выбора.

— Но позвольте, друг мой, почему нет выбора? В этом я с вами не могу согласиться.

— Если у вас есть иное предложение, я буду счастлив рассмотреть его.

Дон Диго провел рукой по своей черной бородке, подстриженной клинышком.

— Можете ли вы дать мне время подумать до утра? Сейчас у меня так болит голова, что я не способен что-либо соображать. Согласитесь сами: такой вопрос все-таки следует обдумать.

Капитан Блад поднялся, снял с полки песочные часы, рассчитанные на тридцать минут, повернул их так, чтобы колбочка с рыжим неском оказалась наверху, и поставил на стол.

— Сожалею, дорогой дон Диего, что мне приходится торопить вас. Вот время, на которое вы можете рассчитывать. — И он указал на песочные часы. — Когда этот песок окажется внизу, а мы не придем к приемлемому для меня решению, я буду вынужден просить вас и ваших друзей прогуляться за борт.

Вежливо поклонившись, капитан Блад вышел и закрыл за собой дверь на ключ.

Опершись руками о колени и положив на ладони подбородок, дон Диего наблюдал, как ржавый песок сыплется из верхней колбочки в нижнюю. По мере того как шло время, его сухое загорелое лицо все более мрачнело.

И едва лишь последние песчинки упали на дно нижней колбочки, дверь распахнулась.

Испанец вздохнул и, увидев возвращающегося капитана Блада, сразу же сообщил ему ответ, за которым тот пришел:

— У меня есть план, сэр, но осуществление его зависит от вашей доброты. Не можете ли вы высадить нас на один из островов этого неприятного архипелага, предоставив нас своей судьбе?

Капитан Блад провел языком по сухим губам.

— Это несколько затруднительно, — медленно произнес он.

— Я опасался, что вы так и ответите. — Дон Диего снова вздохнул и встал. — Давайте не будем больше говорить об этом.

Синие глаза пристально глядели на испанца:

— Вы не боитесь умереть, дон Диего?

Испанец откинул назад голову и нахмурился:

— Ваш вопрос оскорбителен, сэр!

— Тогда разрешите мне задать его по-иному и, пожалуй, в более приемлемой форме: хотите ли вы остаться в живых?

— О, на это я могу ответить. Я хочу жить, а еще больше мне хочется, чтобы жил мой сын. Но как бы ни было сильно мое желание, я не стану игрушкой в ваших руках, господин насмешник.

Это был первый признак испытываемого им гнева или возмущения. Капитан Блад ответил не сразу. Как и прежде, он присел на край стола.

— А не хотели бы вы, сэр, заслужить жизнь и свободу себе, вашему сыну и остальным членам вашего экипажа, находящимся сейчас здесь, на борту?

— Заслужить? — переспросил дон Диего, и от внимания Блада не ускользнуло, что испанец вздрогнул. — Вы говорите — заслужить? Почему же нет, если служба, которую вы предложите, не будет связана с бесчестьем как для меня лично, так и для моей страны.

— Как вы можете подозревать меня в этом! — негодуя, сказал капитан. — Я понимаю, что честь имеется даже у пиратов. — И он тут же изложил ему свое предложение: — Посмотрите наружу, дон Диего, и вы увидите на горизонте нечто вроде облака. Не удивляйтесь, но это остров Барбадос, хотя мы — что для вас вполне понятно — стремились как можно дальше отойти от этого проклятого острова. У нас сейчас большая трудность. Единственный человек, знающий кораблевождение, лежит в лихорадочном бреду, а в открытом океане, вне видимости земли, мы не можем вести корабль туда, куда нам нужно. Я умею управлять кораблем в бою, и, кроме того, на борту есть еще два-три человека, которые помогут мне. Но держаться все время берегов и бродить около этого, как вы удачно выразились, неприятного архипелага — это значит накликать на себя новую беду. Мое предложение очень несложно: мы хотим кратчайшим путем добраться до голландской колонии Кюрасао. Можете ли вы дать мне честное слово, что если я вас освобожу, то вы приведете нас туда? Достаточно вашего согласия, и по прибытии в Кюрасао я отпущу на свободу вас и всех ваших людей.

Дон Диего опустил голову на грудь и в раздумье подошел к иллюминаторам, выходящим на корму. Он стоял, всматриваясь в залитое солнцем море и в пенящуюся кильватерную струю⁵⁶ корабля. Это был его собственный корабль. Английские собаки захватили этот корабль и сейчас просят привести его в порт, где он будет полностью потерян для Испании и, вероятно, оснащен для военных операций против его родины. Эти мысли лежали на одной чаше весов, а на другой были жизни шестнадцати человек. Жизни четырнадцати человек значили для него очень мало, но две жизни принадлежали ему и его сыну.

Наконец он повернулся и, став спиной к свету, так, чтобы капитан не мог видеть, как побледнело его лицо, произнес:

— Я согласен!

СЫНОВНЯЯ ПОЧТИТЕЛЬНОСТЬ

После того как дон Диего де Эспиноса дал слово привести корабль в Кюрасао, ему были переданы обязанности штурмана и предоставлена полная свобода передвижения на его бывшем корабле. Все повстанцы относились к испанскому гранду с уважением в ответ на его изысканную учтивость. Это вызывалось не только тем, что никто, кроме него, не мог вывести корабль из опасных вод, омывавших берега Мейна, но также и тем, что рабы Бишопы, увлеченные собственным спасением, не видели всех ужасов и несчастий, перенесенных Бриджтауном, иначе они к любому испанскому пирату относились бы как к злому и коварному зверю, которого нужно убивать на месте. Дон Диего обедал в большой каюте вместе с Бладом и тремя его офицерами: Хагторпом, Волверстоном и Дайком.

В лице дона Диего они нашли приятного и интересного собеседника, и расположение их к нему подкреплялось выдержкой и невозмутимостью, с какими он переносил постигшее его несчастье.

Нельзя было даже заподозрить, чтобы дон Диего вел нечестную игру. Он сразу же указал им на их ошибку: отойдя от Барбадоса, они пошли по ветру, в то время как, направляясь от архипелага в Карибское море, должны были оставить остров Барбадос с подветренной стороны. Исправляя ошибку, они вынуждены были вновь пересечь архипелаг, чтобы выйти к Кюрасао. Перед тем как лечь на этот курс, он предупредил, что такой маневр связан с некоторым риском. В любой точке между островами они могли встретиться с таким же или более мощным кораблем, и, независимо от того, будет ли он испанским или английским, им грозила одинаковая опасность: при нехватке людей, ощущаемой на «Синко Льягас», они не могли бы дать бой. Стремясь предельно уменьшить этот риск, дон Диего повел корабль вначале на юг, а затем повернул на запад. Они счастливо прошли между островами Тобаго и Гренада, миновали опасную зону и выбрались в относительно спокойные воды Карибского моря.

— Если ветер не переменится, — сказал дон Диего,

определив местонахождение корабля, — мы через три дня будем на Кюрасао.

Ветер стойко держался в течение этих трех дней, а на второй день даже несколько посвежел, и все же, когда наступила третья ночь, никаких признаков суши не было. Рассекая волны, «Синко Льягас» шел быстрым ходом, но, кроме моря и голубого неба, ничего не было видно.

Встревоженный капитан Блад сказал об этом дону Диего.

— Земля покажется завтра утром, — невозмутимо ответил испанец.

— Клянусь всеми святыми, но у вас, испанцев, все завтра, а это «завтра» никогда не наступает, мой друг.

— Не беспокойтесь, на этот раз «завтра» наступит. Как бы рано вы ни встали, перед вами уже будет земля, дон Педро.

Успокоенный капитан Блад отправился навестить своего пациента — Джереми Питта, болезненному состоянию которого дон Диего был обязан своей жизнью. Вот уже второй день, как у Питта не было жара, и раны на спине начали подживать.

Он чувствовал себя настолько лучше, что пожаловался на свое пребывание в душной каюте. Уступая его просьбам, Блад разрешил больному подышать свежим воздухом, и вечером, с наступлением сумерек, опираясь на руку капитана, Джереми Питт вышел на палубу.

Сидя на крышке люка, он с наслаждением вдыхал свежий ночной воздух, любовался морем и по привычке моряка с интересом наблюдал темно-синий свод неба, усыпанный мириадами звезд. Некоторое время он был спокоен и счастлив, но потом стал тревожно озиаться и всматриваться в яркие созвездия, сиявшие над безбрежным океаном.

Прошло несколько минут, и Питт перевел взгляд на капитана Блада.

— Ты что-нибудь понимаешь в астрономии, Питер? — спросил он.

— В астрономии? К сожалению, я не могу отличить пояс Ориона от пояса Венеры⁵⁷.

— Жаль. И все остальные члены нашей разношерстной команды, должно быть, так же невежественны в этом, как и ты?

— Ты будешь ближе к истине, если предположишь, что они знают еще меньше меня.

Джереми показал на светлую точку в небе справа, по носу корабля, и сказал:

— Это Полярная звезда. Видишь?

— Разумеется, вижу, — ленивым голосом ответил Блад.

— А Полярная звезда, если она висит перед нами, почти над правым бортом, означает, что мы идем курсом норд-норд-вест или, может быть, норд-вест, так как я сомневаюсь, чтобы мы находились более чем в десяти градусах к западу.

— Ну и что же? — удивился капитан Блад.

— Ты говорил мне, что, пройдя между островами Тобаго и Гренада, мы пошли на Кюрасао западнее архипелага. Но если бы мы шли таким курсом, то Полярная звезда должна была бы быть у нас на траверсе⁵⁸ — вон там.

Состояние лени, владевшее Бладом, исчезло мгновенно. Он сжался от какого-то мрачного предчувствия и только хотел что-то сказать, как луч света из двери каюты на корме прорезал темноту у них над головой. Дверь закрылась, и они услышали шаги по трапу. Это был дон Диего. Капитан Блад многозначительно сжал пальцами плечо Джереми и, подозвав испанца, обратился к нему по-английски, как обычно делал в присутствии людей, не знавших испанского языка.

— Разрешите наш маленький спор, дон Диего, — шутливо сказал он. — Мы здесь спорим с Питтом, какая из этих звезд — Полярная.

— И это все? — спокойно спросил испанец. В его тоне звучала явная ирония. — Если мне не изменяет память, вы говорили, что господин Питт — ваш штурман.

— Да, за неимением лучшего, — с шутливым пренебрежением заметил капитан. — Но я сейчас был готов спорить с ним на сто песо, что искомая звезда — вот эта. — И он небрежно указал рукой на первую попавшуюся светлую точку в небе.

Блад потом признался Питту, что, если бы дон Диего с ним согласился, он убил бы его на месте. Однако испанец откровенно выразил свое презрение к астрономическим познаниям Блада.

— Ваше убеждение основано на невежестве, дон Педро. Вы проиграли: Полярная звезда — вот эта, — сказал он, указывая на нее.

— А вы убеждены в этом?

— Мой дорогой дон Педро! — запротестовал испанец, которого начал забавлять этот разговор. — Ну мыслимо

ли, чтобы я ошибся? Да и у нас есть, наконец, такое доказательство, как компас. Пойдемте взглянуть, каким курсом мы идем.

Его полная откровенность и спокойствие человека, которому нечего скрывать, сразу же рассеяли подозрения Блада. Однако убедить Питта было не так легко.

— В таком случае, дон Диего, — спросил он, — почему же мы идем на Кюрасао таким странным курсом?

— У вас есть все основания задать мне такой вопрос, — без малейшего замешательства ответил дон Диего и вздохнул. — Я надеялся, что допущенная мной небрежность не будет замечена. Обычно я не веду астрономических наблюдений, так как всецело полагаюсь на навигационное счисление пути⁹⁹. Но, увы, никогда нельзя быть слишком уверенным в себе.

Сегодня, взяв в руки квадрант, я, к своему стыду, обнаружил, что уклонился на полградуса к югу, а поэтому Кюрасао находится от нас сейчас почти прямо к северу. Именно эта ошибка и вызвала задержку в пути. Но теперь все в порядке, и мы придем туда к утру.

Объяснение это было настолько прямым и откровенным, что не оставляло сомнений в честности дона Диего. И когда испанец ушел, Блад заметил, что вообще нелепо подозревать его в чем-либо, ибо он доказал свою честность, открыто заявив о своем согласии скорее умереть, чем взять на себя какие-либо обязательства, несовместимые с его честью.

Впервые попав в Карибское море и не зная повадок здешних авантюристов, капитан Блад все еще питал по отношению к ним некоторые иллюзии.

Однако события следующего дня грубо их развеяли.

Выйдя на палубу до восхода солнца, он увидел перед собой туманную полосу земли, обещанную им испанцем накануне. Примерно в десяти милях от корабля тянулась длинная береговая линия, простираясь по горизонту далеко на восток и запад. Прямо перед ними лежал большой мыс. Очертания берегов смутили Блада, он нахмурился, так как никогда не думал, что остров Кюрасао может быть так велик. То, что находилось перед ним, скорее походило не на остров, а на материк.

Справа по борту, в трех-четыре милях от них, шел большой корабль, водоизмещением не меньшим, если не большим, чем «Синко Льягас». Пока Блад наблюдал за

ним, корабль изменил курс, развернулся и в крутом бейдевинде пошел на сближение.

Человек двенадцать из команды Блада, встревоженные, бросились на бак, нетерпеливо посматривая на сушу.

— Вот это и есть обещанная земля, дон Педро, — услышал он позади себя чей-то голос, говоривший по-испански.

Нотка скрытого торжества, прозвучавшая в этом голосе, сразу же разбудила в Бладе все его подозрения. Он так круто повернулся к дону Диего, что увидел ироническую улыбку, не успевшую исчезнуть с лица испанца.

— Ваша радость при виде этой земли по меньшей мере непонятна, — сказал Блад.

— Да, конечно! — Испанец потер руки, и Блад заметил, что они дрожали. — Это радость моряка.

— Или предателя, что вернее, — спокойно сказал Блад. Когда испанец попятился от него с внезапно изменившимся выражением лица, которое полностью уничтожило все сомнения Блада, он указал рукой на сушу и резко спросил: — Хватит ли у вас наглости и сейчас утверждать, что это берег Кюрасао? — Он решительно наступал на дона Диего, который шаг за шагом отходил назад. — Может быть, вы хотите, чтобы я сказал вам, что это за земля? Вы хотите этого?

Уверенность, с которой говорил Блад, казалось, ошеломила испанца; он молчал. И здесь капитан Блад наугад, а быть может, и не совсем наугад, рискнул высказать свою догадку. Если эта береговая линия не принадлежала Мейну, что было не совсем невероятно, то она могла принадлежать либо Кубе, либо Гаити. Но остров Куба, несомненно, лежал дальше к северо-западу, и Блад тут же сообразил, что дон Диего, замыслив предательство, мог привести их к берегам ближайшей из этих испанских территорий.

— Эта земля, предатель и клятвопреступник, — остров Гаити!

Он пристально всматривался в смуглое и сразу же побледневшее лицо испанца, чтобы убедиться, как он будет реагировать на его слова. Но сейчас отступавший испанец дошел уже до середины шканцев⁶⁰, где бизань⁶¹ мешала стоявшим внизу англичанам видеть Блада и дона Диего. Губы испанца скривились в презрительной улыбке.

— Ты слишком много знаешь, английская собака! —

тяжело дыша, сказал он и, бросившись на Блада, схватил его за горло.

Они отчаянно боролись, крепко обхватив друг друга. Блад подставил испанцу ногу и вместе с ним упал на палубу. Испанец, слишком понадеявшись на свои силы, рассчитывал, что сумеет задушить Блада и выиграть полчаса, необходимые для подхода того прекрасного судна, которое уже направлялось к ним. То, что судно было испанским, не вызывало никаких сомнений, так как ни один корабль другой национальности не мог бы так смело крейсировать в испанских водах у берегов Гаити. Однако расчеты дона Диго не оправдались, и он сообразил это слишком поздно, когда стальные мускулы сжали его клешами. Прижав испанца к палубе коленом, Блад криками сзывал своих людей, которые, топая по трапу, поднимались наверх.

— Не пора ли тебе помолиться за свою грязную душу? — в ярости спросил Блад.

Однако дон Диго, положение которого было совершенно безнадежным, заставил себя улыбнуться и ответил издевательски:

— А кто помолится за твою душу, когда вот этот галион возьмет вас на abordaj?!

— Вот этот галион? — переспросил Блад, мучительно осознав, что уже было нельзя избежать последствий предательства дона Диго.

— Да, этот галион! Ты знаешь, что это за корабль? Это «Энкарнасьон» — флагманский корабль главнокомандующего испанским флотом в здешних водах — адмирала дона Мигеля де Эспиноса, моего брата. Это очень удачная встреча. Всевышний, как видишь, блюдет интересы католической Испании.

Светлые глаза капитана Блада блеснули, а лицо приняло суровое выражение.

— Связать ему руки и ноги! — приказал Блад своим людям и добавил: — Чтобы ни один волосок не упал с драгоценной головы этого мерзавца!

Такое предупреждение было отнюдь не лишним, так как его люди, рассвирепев от мысли, что им угрожает рабство более страшное, чем то, из которого они только что вырвались, были готовы разорвать испанца в клочья. И если сейчас они подчинились своему капитану и удержались от этого, то только потому, что стальная нотка в голосе Блада обещала дону Диго де Эспино-

са-и-Вальдес не обычную смерть, а нечто более изощренное.

— Грязный пират! — презрительно бросил Блад. — Где же твое честное слово, подлец!

Дон Диего взглянул на него и засмеялся.

— Ты недооцениваешь меня, — сказал он по-английски, чтобы все его поняли. — Да, я говорил, что не боюсь смерти, и докажу это! Понятно, английская собака?!

— Ирландская, с твоего разрешения, — поправил его Блад. — А где же твое честное слово, испанская скотина?

— Неужели ты мог допустить, чтобы я оставил в ваших грязных лапах прекрасный корабль, на котором вы сражались бы с испанцами? Ха-ха-ха! — злорадно засмеялся дон Диего. — Идиоты! Можете меня убить, но я умру с сознанием выполненного долга. Не пройдет и часа, как всех вас закуют в кандалы, а «Синко Льягас» будет возвращен Испании.

Капитан Блад, спокойное лицо которого побледнело, несмотря на густой загар, испытующе взглянул на пленника. Разъяренные повстанцы стояли над ним, готовые его растерзать. Они жаждали крови.

— Не смейте его трогать! — властно скомандовал капитан Блад, повернулся на каблуках, подошел к борту и застыл в глубоком раздумье.

К нему подошли Хагторп, Волверстон и канонир Огл. Молчаливо всматривались они в приближавшийся корабль.

Сейчас он шел наперерез курсу «Синко Льягас».

— Через полчаса он сблизится с нами, и его пушки сметут все с нашей палубы, — заметил Блад.

— Мы будем драться! — с проклятием закричал одноглазый гигант.

— Драться? — насмешливо улыбнулся Блад. — Разве мы можем драться, если у нас на борту всего двадцать человек? Нет, у нас только один выход: убедить капитана этого корабля в том, что мы испанцы, что на борту у нас все в порядке, а затем продолжать наш путь.

— Но как это сделать? — спросил Хагторп.

— Как это сделать? — повторил Блад. — Конечно, если бы... — Он смолк и задумчиво стал всматриваться в зеленую воду.

Огл, склонный к сарказму, предложил:

— Конечно, мы могли бы послать дона Диего де Эспиноса с испанскими гребцами заверить его брата-ад-

мирала, что все мы являемся верноподданными его католического величества, короля Испании...

Капитан вскипел и резко повернулся к нему, с явным намерением ударить насмешника. Но внезапно выражение его лица изменилось, а в глазах вспыхнуло вдохновение.

— Черт возьми, а ведь ты прав! Проклятый пират не боится смерти, но у сына может быть другое мнение. Сыновняя почтительность у испанцев — весьма распространенное и сильное чувство... Эй, вы! — обратился он к людям, стоявшим возле пленника. — Тащите его сюда!

И, показывая дорогу, Блад спустился через люк в полумрак трюма, где воздух был пропитан запахом смолы и снастей, затем направился к корме и, широко распахнув дверь, вошел в просторную кают-компанию.

Несколько человек волокли за ним связанного испанца. Все, кто остался на борту, готовы были примчаться сюда, чтобы узнать, как Блад расправится с предателем, но капитан приказал им не покидать палубы.

В кают-компании стояли три заряженные кормовые пушки. Их дула высовывались в открытые амбразуры.

— За работу, Огл! — приказал Блад, обращаясь к коренастому канониру, указав ему на среднюю пушку. — Откати ее назад.

Огл тотчас же выполнил распоряжение капитана. Блад кивнул головой людям, державшим дона Диго.

— Привяжите его к жерлу пушки! — приказал он и, пока они торопливо выполняли его приказ, сказал, обращаясь к остальным: — Отправляйтесь в кормовую рубку и приведите сюда испанских пленников. А ты, Дайк, беги наверх и прикажи поднять испанский флаг.

Дон Диго, привязанный к жерлу пушки, неистово вращал глазами, проклиная капитана Блада. Руки испанца были заведены за спину и туго стянуты веревками, а ноги привязаны к станинам лафета. Даже бесстрашный человек, смело глядящий в лицо смерти, может ужаснуться, точно узнав, какой именно смертью ему придется умирать.

На губах у испанца выступила пена, но он не переставал проклинать и оскорблять своего мучителя:

— Варвар! Дикарь! Проклятый еретик! Неужели ты не можешь прикончить меня как-нибудь по-христиански?

Капитан Блад, не удостоив его даже словом, повернулся к шестнадцати закованным в кандалы испанским пленникам, спешно согнанным в кают-компанию.

Уже по пути сюда они слышали крики дона Диего, а сейчас с ужасом увидели, в каком положении он находится. Миловидный подросток с кожей оливкового цвета, выделявшийся среди пленников своим костюмом и манерой держаться, рванулся вперед и крикнул:

— Отец!

Извиваясь в руках тех, кто с силой удерживал его, он призывал небо и ад отвлечь этот кошмар, а затем обратился к капитану с мольбой о милосердии, причем эта мольба в одно и то же время была и неистойвой и жалобной. Взглянув на молодого испанца, капитан Блад с удовлетворением подумал, что отпрыск дона Диего в достаточной степени обладает чувством сыновней привязанности.

Позже Блад признавался, что на мгновенье его разум возмущился против выработанного им жестокого плана. И для того, чтобы прогнать это чувство, он вызвал в себе воспоминание о злодеяниях испанцев в Бриджтауне. Он припомнил побледневшее личико Мэри Трэйл, когда она в ужасе спасалась от насильника-головореза, которого он убил; он вспомнил и другие, не поддающиеся описанию картины этого кошмарного дня, и это укрепило угасавшую в нем твердость. У бесчувственных, кровожадных испанцев, с их религиозным фанатизмом, не было даже искры той христианской веры, символ которой был водружен на мачте приближавшегося к ним корабля. Еще минуту назад мстительный и злобный дон Диего утверждал, будто Господь Бог благоволит к католической Испании. Ну что ж, дон Диего будет сурово наказан за это заблуждение.

Почувствовав, что твердость вернулась в его сердце, Блад приказал Оглу зажечь фитиль и снять свинцовый фартук с запального отверстия пушки, к жерлу которой был привязан дон Диего. И едва лишь Эспиноса-младший разразился новыми проклятиями, перемешанными с мольбой, Блад круто повернулся к нему.

— Молчи! — гневно бросил он. — Молчи и слушай! Я вовсе не имею намерения отправить твоего отца в ад, как он этого заслуживает. Я не хочу убивать его, понимаешь?

Удивленный таким заявлением, сын дона Диего сразу же замолчал, и капитан Блад заговорил на том безупречном испанском языке, которым он так блестяще владел, к счастью как для дона Диего, так и для себя:

— Из-за подлого предательства твоего отца мы попали

в тяжкое положение. У нас есть все основания опасаться, что этот испанский корабль захватит «Синко Льягас». И тогда нас ждет гибель. Так же, как твой отец опознал флагманский корабль своего брата, так и его брат, конечно, уже узнал «Синко Льягас». Когда «Энкарнасьон» приблизится к нам, то твой дядя поймет, что именно здесь произошло. Нас обстреляют или возьмут на abordаж. Твой отец знал, что мы не в состоянии драться, потому что нас слишком мало, но мы не сдадимся без боя, а будем драться! — Он положил руку на лафет пушки, к которой был привязан дон Диего. — Ты должен ясно представить себе одно: на первый же выстрел с «Энкарнасьон» ответит вот эта пушка. Надеюсь, ты понял меня?

Дрожащий от страха Эспиноса-младший взглянул в беспощадные глаза Блада, и его оливковое лицо посерело.

— Понял ли я? — запинаясь, пробормотал юноша. — Но что я должен понять? Если есть возможность избежать боя и я могу помочь вам, скажите мне об этом.

— Боя могло бы и не быть, если бы дон Диего де Эспиноса лично прибыл на борт корабля своего брата и заверил его, что «Синко Льягас» по-прежнему принадлежит Испании, как об этом свидетельствует его флаг, и что на борту корабля все в порядке. Но дон Диего не может отправиться лично к брату, так как он... занят другим делом. Ну, допустим, у него легкий приступ лихорадки и он вынужден оставаться в своей каюте. Как его сын, ты можешь передать все это своему дяде и засвидетельствовать ему свое почтение. Ты поедешь с шестью гребцами-испанцами, из которых сам отберешь наиболее болтливых, а я, знатный испанец, освобожденный вами на Барбадосе из английского плена, буду сопровождать тебя. Если я вернусь живым и если ничто не помешает нам беспрепятственно отплыть отсюда, дон Диего останется жить, так же, как и все вы. Но если случится какая-либо неприятность, то бой с нашей стороны, как я уже сказал, начнется выстрелом вот из этой пушки, и твой отец станет первой жертвой схватки.

Он умолк. Из толпы его товарищей слышались возгласы одобрения, а испанские пленники заволновались. Эспиноса-младший, тяжело дыша, ожидал, что отец даст ему какие-то указания, но дон Диего молчал.

Видимо, мужество покинуло его в этом жестоком испытании, и он предоставлял решение сыну, так как,

возможно, не рискнул советовать ему отвергнуть предложение Блада или, по всей вероятности, посчитал для себя унижительным убеждать подростка согласиться с ним.

— Ну, хватит! — сказал Блад. — Теперь тебе все понятно. Что ты скажешь?

Дон Эстебан провел языком по сухим губам и дрожащей рукой вытер пот, выступивший у него на лбу. Он в отчаянии взглянул на отца, словно умоляя его сказать что-нибудь, но дон Диего продолжал молчать. Подросток всхлипнул, и из его горла вырвался звук, похожий на рыдание.

— Я... согласен, — ответил он наконец и повернулся к испанцам. — И вы... вы тоже согласны! — с волнением и настойчивостью произнес он. — Ради дона Диего, ради меня, ради всех нас. Если вы не согласитесь, то с нами расправятся без всякой пощады.

Поскольку дон Эстебан дал согласие, а их командир не приказывал им сопротивляться, то зачем же им надо было проявлять какой-то бесполезный героизм? Не раздумывая, они ответили, что сделают все, как нужно.

Блад отвернулся от них и подошел к дону Диего:

— Очень сожалею, что я вынужден оставить вас на некоторое время в таком неудобном положении... — Тут он на секунду прервал себя, нахмурился, внимательно поглядел на своего пленника и после этой едва заметной паузы продолжал: — Но я думаю, что вам уже нечего опасаться. Надеюсь, худшего не случится.

Дон Диего не отвечал и продолжал молчать.

Питер Блад еще раз внимательно поглядел на бывшего командира «Синко Льягас» и затем, поклонившись ему, отошел.

Глава XII

ДОН ПЕДРО САНГРЕ⁶²

Обменявшись приветственными сигналами, «Синко Льягас» и «Энкарнасьон» легли в дрейф на расстоянии четверти мили⁶³ друг от друга. Через это пространство покрытого рябью и залитого солнцем моря от «Синко Льягас» к «Энкарнасьон» направилась шлюпка с шестью гребцами. На корме с доном Эстебаном де Эспиноса сидел капитан Блад.

На дне шлюпки стояли два железных ящика, хранивших пятьдесят тысяч песо.

Золото во все времена было отличным доказательством добросовестности, а Блад считал необходимым произвести самое благоприятное впечатление.

Правда, люди Блада пытались доказать ему, что он слишком уж усердствовал в обеспечении обмана, однако он сумел настоять на своем. Он взял с собой также объемистую посылку с многочисленными печатями герба де Эспиноса-и-Вальдес, адресованную испанскому гранду, — еще одно «доказательство», поспешно сфабрикованное на «Синко Льягас». В немногие минуты, оставшиеся до прибытия на «Энкарнасьон», Блад давал последние указания своему молодому спутнику — дону Эстебану, который, видимо, все еще колебался в чем-то и не мог решиться высказать вслух свои сомнения.

Блад внимательно взглянул на юношу.

— Ну, а если вы сами выдадите себя? — воскликнул тот.

— Тогда все закончится крайне печально для... всех. Я просил твоего отца молиться за наш успех, а от тебя ожидаю, что ты мне поможешь, — сказал Блад.

— Я сделаю все, что смогу. Клянусь Богом, я сделаю все! — с юношеской горячностью воскликнул дон Эстебан.

Блад задумчиво кивнул головой, и никто уже не произнес ни слова до тех пор, пока шлюпка не коснулась обшивки плавучей громады «Энкарнасьон».

Дон Эстебан в сопровождении Блада поднялся по веревочному трапу. На шкафуте в ожидании гостей стоял сам адмирал — высокий, надменный человек, весьма похожий на дона Диего, но немного старше его и с сединой на висках. Рядом с ним стояли четыре офицера и монах в черно-белой сутане доминиканского ордена⁶⁴.

Испанский адмирал прижал к груди своего племянника, объяснив себе его трепет, бледность и прерывистое дыхание волнением от встречи с дядей. Затем, повернувшись, он приветствовал спутника дона Эстебана.

Питер Блад отвесил изящный поклон, вполне владея собой, если судить только по его внешнему виду.

— Я — дон Педро Сангре, — объявил он, переводя буквально свою фамилию на испанский язык, — несчастный кабальеро⁶⁵ из Леона, освобожденный из плена храбрейшим отцом дона Эстебана. — И в нескольких словах он изложил те воображаемые обстоятельства, при

которых он якобы попал в плен к проклятым еретикам с острова Барбадос и как его освободил дон Диего.

— *Benidicticamus Domino**, — сказал монах, выслушав эту краткую историю.

— *Ex hoc nunc et usque in seculum***, — скромно опустив глаза, ответил Блад, который всегда, когда это было ему нужно, вспоминал о том, что он католик.

Адмирал и офицеры, сочувственно выслушав рассказ кабальеро, сердечно его приветствовали. Но вот наконец был задан давно уже ожидаемый вопрос:

— А где же мой брат? Почему он не прибыл на корабль, чтобы лично приветствовать меня?

Эспиноса-младший ответил так:

— Мой отец с огорчением вынужден был лишиться себя этой чести и удовольствия. К сожалению, дорогой дядя, он немного нездоров, и это заставляет его не покидать своей каюты... О нет, нет, ничего серьезного! У него легкая лихорадка от небольшой раны, полученной им во время недавнего нападения на остров Барбадос, когда, к счастью, был освобожден из неволи и этот кабальеро.

— Позволь, племянник, позволь! — с притворной суровостью запротестовал дон Мигель. — Какое нападение? Мне ничего не известно обо всем этом. Я имею честь представлять здесь его католическое величество короля Испании, а он находится в мире с английским королем. Ты уже и так сообщил мне больше, чем следовало бы... Я попытаюсь забыть все это, о чем попрошу и вас, господа, — добавил он, обращаясь к своим офицерам. При этом он подмигнул улыбающемуся капитану Бладу и добавил: — Ну что ж! Если брат не может приехать ко мне, я сам поеду к нему.

Дон Эстебан побледнел, как мертвец, с лица Блада сбежала улыбка, но он не потерял присутствия духа и конфиденциальным тоном, в котором восхитительно смешивались почтительность, убеждение и ирония, сказал:

— С вашего позволения, дон Мигель, осмеливаюсь заметить, что вот именно этого вам не следует делать. И в данном случае я высказываю точку зрения дона Диего. Вы не должны встречаться с ним, пока не заживут его раны. Это не только его желание, но и главная

---

* *Benidicticamus Domino (лат.)* — Возблагодарим Господа.

** *Ex hoc nunc et usque in seculum (лат.)* — Ныне и присно и во веки веков.

причина, объясняющая его отсутствие на борту «Энкарнасьон». Говоря по правде, раны вашего брата, дон Мигель, не настолько уж серьезны, чтобы помешать его прибытию сюда. Дона Диего гораздо больше тревожит не его здоровье, а опасность поставить вас в ложное положение, если вы непосредственно от него услышите о том, что произошло несколько дней назад. Как вы изволили сказать, ваше высокопревосходительство, между его католическим величеством королем Испании и английским королем — мир, а дон Диего, ваш брат... — Блад на мгновение запнулся. — Полагаю, у меня нет необходимости добавлять. То, что вы услышали о каком-то нападении, только слухи, вздорные слухи, не больше. Ваше высокопревосходительство прекрасно понимает это, не правда ли?

Его высокопревосходительство адмирал нахмурился.

— Да, я понимаю, но... не все, — сказал он задумчиво.

На какую-то долю секунды Бладом овладело беспокойство. Не вызвала ли его личность сомнение у этого испанца? Но разве по своей одежде и по языку кабальеро Педро Сангре не был настоящим испанцем и разве не стоял рядом с ним дон Эстебан, готовый подтвердить его историю? И прежде чем адмирал успел вымолвить хотя бы слово, Блад поспешил дать дополнительное подтверждение:

— А вот здесь в лодке два сундука с пятьюдесятью тысячами песо, которые нам поручено доставить вашему высокопревосходительству.

Его высокопревосходительство даже подпрыгнул от восторга, а офицеры его внезапно заволновались.

— Это выкуп, полученный доном Диего от губернатора Барба...

— Ради Бога, ни слова больше! — воскликнул адмирал. — Я ничего не слышал... Мой брат желает, чтобы я доставил для него эти деньги в Испанию? Хорошо! Но это дело семейное. Оно касается только моего брата и меня. Сделать это, конечно, можно. Но я не должен знать... — Он смолк. — Гм! Пока будут поднимать на борт эти сундуки, прошу ко мне на стаканчик малаги, господа.

И адмирал в сопровождении четырех офицеров и монаха, специально приглашенных для этого случая, направился в свою каюту, убранную с королевской роскошью.

Слуга, разлив по стаканам коричневатое вино, уда-

лился. Дон Мигель, усевшись за стол, погладил свою курчавую острую бородку и, улыбаясь, сказал:

— Пресвятая Дева! У моего брата, господина, предусмотрительнейший ум. Ведь я мог бы неосторожно посетить его на корабле и увидеть там такие вещи, которые мне, как адмиралу Испании, было бы трудно не заметить.

Эстебан и Блад тут же с ним согласились. Затем Блад, подняв стакан, выпил за процветание Испании и за гибель идиота Якова, сидящего на английском престоле. Вторая половина его тоста была вполне искренней.

Адмирал рассмеялся:

— Сеньор! Сеньор! Жаль, нет моего брата. Он обуздал бы ваше неблагоразумие. Не забывайте, что его католическое величество и король Яков — хорошие друзья, и, следовательно, тосты, подобные вашим, в этой каюте, согласитесь, неуместны, но поскольку такой тост уже произнесен человеком, у которого есть особые причины ненавидеть этих английских собак, мы, конечно, можем выпить, господина, но... неофициально.

Все громко рассмеялись и выпили за гибель короля Якова с еще большим энтузиазмом, поскольку тост был неофициальным. Затем дон Эстебан, беспокоясь за судьбу своего отца и помня, что страдания его затягивались по мере их задержки здесь, поднялся и объявил, что им пора возвращаться.

— Мой отец торопится в Сан-Доминго, — объяснил юноша. — Он просил меня прибыть сюда только для того, чтобы обнять вас, дорогой дядя. Поэтому прошу вашего разрешения откланяться.

Адмирал, разумеется, не считал возможным их задерживать.

Подходя к веревочному трапу, Блад тревожно взглянул на матросов «Энкарнасьон», которые, перегнувшись через борт, болтали с гребцами шлюпки, качавшейся на волнах глубоко внизу. Поведение гребцов, однако, не вызывало оснований для беспокойства. Люди из команды «Синко Льягас», к счастью для себя, держали язык за зубами.

Адмирал попрощался с Эстебаном нежно, а с Бладом церемонно:

— Весьма сожалею, что нам приходится расставаться с вами так скоро, дон Педро. Мне хотелось бы, чтобы вы провели больше времени на «Энкарнасьон».

— Мне, как всегда, не везет, — вежливо ответил Блад.

— Но лшу себя надеждой, что мы вскоре встретимся, кабальеро.

— Вы оказываете мне высокую честь, дон Мигель, — церемонно ответил Блад. — Она превышает мои скромные заслуги.

Они спустились в шлюпку и, оставляя за собой огромный корабль, с гакаборта которого адмирал махал им рукой, услышали пронзительный свисток боцмана, приказывающий команде занять свои места. Еще не дойдя до «Синко Льягас», они увидели, что «Энкарнасьон», подняв паруса и делая поворот оверштаг⁶⁶, приспустил в знак прощания флаг и отсалютовал им пушечным выстрелом.

На борту «Синко Льягас» у кого-то (позже выяснилось, что у Хагторпа) хватило ума ответить тем же. Комедия заканчивалась, но финал ее был неожиданно окрашен мрачной краской.

Когда они поднялись на борт «Синко Льягас», их встретил Хагторп.

Блад обратил внимание на какое-то застывшее, почти испуганное выражение его лица.

— Я вижу, что ты уже это заметил, — тихо сказал Блад.

Хагторп понимающе взглянул на него и тут же отбросил мелькнувшую в его мозгу мысль: капитан Блад явно не мог знать о том, что он хотел ему сказать.

— Дон Диего... — начал было Хагторп, но затем остановился и как-то странно посмотрел на Блада.

Дон Эстебан перехватил взгляды, какими обменялись Хагторп и Блад, побледнел, как полотно, и бросился к ним.

— Вы не сдержали слова, собаки? Что вы сделали с отцом? — закричал он, а шестеро испанцев, стоявших позади него, громко зароптали.

— Мы не нарушали обещания, — решительно ответил Хагторп, и ропот сразу умолк. — В этом не было никакой необходимости. Дон Диего умер еще до того, как вы подошли к «Энкарнасьон».

Питер Блад продолжал молчать.

— Умер? — рыдая, спросил Эстебан. — Ты хочешь сказать, что вы убили его! Отчего он умер?

Хагторп посмотрел на подростка.

— Насколько я могу судить, — сказал он, — он умер от страха.

Услышав такой оскорбительный ответ, дон Эстебан

влепил Хагторпу пощечину, и тот, конечно, ответил бы ему тем же, если бы Блад не встал меж ними и если бы его люди не схватили подростка.

— Перестань, — сказал Блад. — Ты сам вызвал мальчишку на это, оскорбив его отца.

— Я думаю не об оскорблении, — ответил Хагторп, потирая щеку, — а о том, что произошло. Пойдем посмотрим.

— Мне нечего смотреть, — сказал Блад. — Он умер еще до того, как мы сошли с борта «Синко Льягас», и уже мертвый висел на веревках, когда я с ним разговаривал.

— Что вы говорите? — закричал Эстебан.

Блад печально взглянул на него, чуть-чуть улыбнулся и спокойно спросил:

— Ты сожалел о том, что не знал об этом раньше? Не так ли?

Эстебан недоверчиво смотрел на него широко открытыми глазами.

— Я вам не верю, — наконец сказал он.

— Это твоё дело, но я врач и не могу ошибиться, когда вижу перед собой умершего.

Снова наступила пауза, и подросток медленно начал сознавать, что случилось.

— Знай я об этом раньше, ты уже висел бы на ноке рея «Энкарнасьон»!

— Несомненно. Вот поэтому я сейчас и думаю о той выгоде, какую человек может извлечь из того, что знает он и чего не знают другие.

— Но ты еще будешь там болтаться! — бушевал мальчик.

Капитан Блад пожал плечами и отвернулся. Однако слова эти он запомнил, так же как запомнили их Хагторп и все, кто стоял на палубе.

Это выяснилось на совете, состоявшемся вечером.

Совет собрался для решения дальнейшей судьбы испанских пленников. Всем было ясно, что они не смогут добраться до Кюрасао, так как запасы воды и продовольствия были уже на исходе, а Питт еще не мог приступить к своим штурманским обязанностям. Обсудив все это, они решили направиться к востоку от острова Гаити и, пройдя вдоль его северного побережья, добраться до острова Тортуга.

Там, в порту, принадлежавшем французской Вест-Ин-

дской компании, им, по крайней мере, не угрожала опасность захвата.

Сейчас возникал вопрос, должны ли они тащить с собой испанских пленников или же, посадив их в лодку, дать им возможность самим добираться до земли, находившейся всего лишь в десяти милях. Именно это предлагал сделать Блад.

— У нас нет иного выхода, — настойчиво доказывал он. — На Тортуге их сожгут живьем.

— Эти свиньи заслуживают и худшего! — проворчал Волверстон.

— Вспомни, Питер, — вмешался Хартторп, — чем тебе сегодня угрожал мальчишка. Если он спасётся и расскажет дяде-адмиралу о том, что случилось, осуществление его угрозы станет более чем возможным.

— Я не боюсь его угроз.

— А напрасно, — заметил Волверстон. — Разумнее было бы повесить его вместе с остальными.

— Гуманность проявляется не только в разумных поступках, — сказал Блад, размышляя вслух. — Иногда лучше ошибаться во имя гуманности, даже если эта ошибка, пусть даже в виде исключения, объясняется состраданием. Мы пойдем на такое исключение. Я не могу согласиться с таким хладнокровным убийством. На рассвете дайте испанцам шлюпку, бочонок воды, несколько лепешек, и пусть они убираются к дьяволу!

Это было его последнее слово. Люди, наделившие Блада властью, согласились с его решением, и на рассвете Дон Эстебан и его соотечественники покинули корабль. Два дня спустя «Синко Льягас» вошел в окруженную скалами Кайонскую бухту. Эта созданная природой бухта представляла собой неприступную цитадель для тех, кому посчастливилось ее захватить.

Глава XIII

ТОРТУГА⁶⁷

Сейчас будет вполне своевременно предать гласности тот факт, что история подвигов капитана Блада дошла до нас только благодаря трудолюбию Джереми Питта — шкипера из Сомерсетшира. Молодой человек был не только хорошим моряком, но и обладателем неугомонного

пера, которое он энергично использовал, воодушевляемый несомненной привязанностью к Питеру Бладу.

Питт вел судовой журнал так, как не велся ни один подобного рода журнал из тех, что мне довелось видеть. Он состоял из двадцати с лишним томов различного формата. Часть томов безвозвратно утрачена, в других не хватает многих страниц. Однако, если при тщательном ознакомлении с ними в библиотеке г-на Джеймса Спекса из Комертина я временами страшно досадовал на пропуски, то порой меня искренне удручало чрезмерное многословие Питта, создававшее большие трудности при отборе наиболее существенных фактов из беспорядочной массы дошедших до нас документов.

Первые тома журнала Питта почти целиком заняты изложением событий, предшествовавших появлению Блада на Тортуге. Эти тома, так же как и собрание протоколов государственных судебных процессов, пока что являются главными, хотя и не единственными источниками, откуда я черпал материалы для моего повествования.

Питт особенно подчеркивает тот факт, что именно эти обстоятельства, на которых я подробно останавливался, вынудили Питера Блада искать убежища на Тортуге. Он пишет об этом пространно и с заметным пристрастием, убеждающим нас в том, что в свое время на этот счет высказывалось другое мнение.

Он настаивает на отсутствии у Блада и его товарищей по несчастью каких-либо предварительных намерений объединиться с пиратами, которые превратили, под полуофициальной защитой французов, Тортугу в свою базу, откуда и совершали пиратские набеги на испанские колонии и корабли.

По утверждению Питта, Блад вначале стремился уехать во Францию или Голландию. Однако в ожидании попутного корабля он израсходовал почти все имевшиеся у него деньги. Их у него было очень немного, и Питт сообщает, что тогда-то он и заметил признаки внутреннего беспокойства, мучившего его друга. Питт высказывает предположение, что Блад, общаясь в эти дни вынужденного бездействия с искателями приключений, заразился их настроениями, столь характерными для этой части Вест-Индии.

Я не думаю, чтобы Питта можно было обвинить в умышленном придумывании каких-то оправданий для своего друга, потому что многое действительно могло угнетать Питера Блада. Несомненно, он часто думал об

Арабелле Бишоп и сходил с ума, сознавая, что она для него недостижима. Он любил Арабеллу и в то же время понимал, что она потеряна для него безвозвратно. Вполне объяснимо, конечно, его желание уехать во Францию или Голландию, но вряд ли он мог объяснить и отчетливо представить себе, что будет там делать. Ведь, в конце концов, он был беглым рабом, человеком, объявленным вне закона у себя на родине, и бездомным изгнанником на чужбине. Оставалось только море, открытое для всех и особенно манящее к себе тех, кто чувствовал себя во вражде со всем человечеством.

Таким образом, душевное состояние Блада и свойственный ему дух смелой предприимчивости, толкнувшие его в свое время на поиски приключений просто из-за любви к ним, вынудили его уступить, а наличие у него богатого опыта и, я сказал бы, даже таланта в командовании военными кораблями лишь умножило соблазнительность выдвигаемых предложений.

Следует также помнить, что такие заманчивые предложения исходили не только от знакомых ему пиратов, наполнявших кабачки Тортуги, но даже и от губернатора острова д'Ожерона, получавшего от корсаров в качестве портовых сборов десятую часть всей их добычи. Помимо этого, д'Ожерон неплохо зарабатывал и на комиссионных поручениях, принимая наличные деньги и выдавая взамен их векселя, подлежащие оплате во Франции.

Занятие, которое казалось бы отвратительным, если бы в защиту его высказывались только грязные, полупьяные авантюристы, охотники, лесорубы и прибрежные жители, собирающие все то, что выбрасывалось морем, становилось солидной, почти узаконенной разновидностью каперства⁶⁸, когда его необходимость убедительно доказывал изысканно одетый господин, представляющий здесь интересы «Французской Вест-Индской компании» с таким видом, будто он был представителем самой Франции.

Все, кто спасся с Питером Бладом с плантаций Барбадоса, и в числе их сам Джереми Питт, в ушах которого постоянно шумел настойчивый зов моря, почувствовав себя вечными изгнанниками, также хотели присоединиться к великому «береговому братству», как называли себя пираты. Они настоятельно требовали от Блада согласия быть их вожаком и клялись следовать за ним повсюду.

Если подвести итог под записями Джереми, посвященными этому вопросу, то выйдет так, что Блад

подчинился своим настроениям и настояниям друзей и отдался течению судьбы, заявив, что от нее все равно никуда не уйдешь.

Я думаю, что основной причиной его колебаний и столь длительного сопротивления была мысль об Арабелле Бишоп. Ни тогда, ни позже он не задумывался о том, что им, может быть, не суждено больше встретиться. Он представлял себе, с каким презрением она будет вспоминать о нем, услышав, что он стал корсаром, и это презрение, существовавшее пока лишь в его воображении, причиняло ему такую боль, как если бы оно уже стало реальностью.

Мысль об Арабелле Бишоп никогда не покидала его. Совершив сделку со своей совестью, — а воспоминания об этой девушке делали его совесть болезненно чувствительной, — он дал клятву сохранить свои руки настолько чистыми, насколько это было возможно для человека отчаянной профессии, которую он сейчас выбрал. Он, видимо, не питал никаких обманчивых надежд когда-либо добиться взаимности этой девушки или даже вообще встретиться с ней, но горькая память о ней должна была навсегда сохраниться в его душе.

Приняв решение, он с увлечением занялся подготовкой к пиратской деятельности. Д'Ожерон, пожалуй, самый услужливый из всех губернаторов, дал ему значительную ссуду на снаряжение корабля «Синко Льягас», переименованного в «Арабеллу». Блад долго раздумывал, перед тем как дать кораблю новое имя, опасаясь выдать этим свои истинные чувства. Однако его друзья увидели в новом имени корабля лишь выражение иронии, свойственной их руководителю.

Неплохо разбираясь в людях, Блад добавил к числу своих сторонников еще шестьдесят человек, тщательно отобранных им из числа искателей приключений, околачивавшихся на Тортуге. Как было принято неписаными законами «берегового братства», он заключил договор с каждым членом своей команды, по которому договаривающийся получал определенную долю захваченной добычи. Но во всех остальных отношениях этот договор резко отличался от соглашений подобного рода. Все проявления буйной недисциплинированности, обычные для корсарских кораблей, на борту «Арабеллы» категорически запрещались. Те, кто уходил с Бладом в океан, обязывались полностью и во всем подчиняться ему и ими

самими выбранным офицерам, а те, кого не устраивали эти условия, могли искать себе другого вожака.

В канун Нового года, после окончания сезона штормов, Блад вышел в море на хорошо оснащенном и полностью укомплектованном корабле. но, еще прежде чем он возвратился в мае из затянувшегося и насыщенного событиями плавания, слава о нем промчалась по Карибскому морю подобно ряби, гонимой ветром.

В самом начале плавания в Наветренном проливе⁶⁹ произошла битва с испанским галионом, закончившаяся его потоплением. Затем с помощью нескольких пирог был совершен дерзкий налет на испанскую флотилию, занимавшуюся добычей жемчуга у Риоача⁷⁰, и захвачена вся добыча этой флотилии. Потом была предпринята десантная экспедиция на золотые прииски Санта-Мария на Мейнс, подробностям описания которой даже трудно поверить, и совершенно еще несколько других менее громких дел. Из всех схваток команда «Арабеллы» вышла победительницей, захватив богатую добычу и понеся небольшие потери в людях.

Итак, слава об «Арабелле», возвратившейся на Тортугу в мае следующего года, и о капитане Питере Бладе прокатилась от Багамских до Наветренных островов и от Нью-Провиденс⁷¹ до Тринидада.

Эхо этой славы докатилось и до Европы. Испанский посол при Сент-Джеймском дворе, как называли тогда двор английского короля, представил раздраженную ноту, на которую ему официально ответили, что капитан Блад не только не состоит на королевской службе, но является осужденным бунтовщиком и беглым рабом, в связи с чем все мероприятия против подлого преступника со стороны его католического величества⁷² получают горячее одобрение Якова II.

Дон Мигель де Эспиноса — адмирал Испании в Вест-Индии — и племянник его дон Эстебан страстно мечтали захватить этого авантюриста и повесить его на носок рея своего корабля. Вопрос о захвате Блада, имевший сейчас международный характер, был для них личным, семейным делом.

Дон Мигель не скупился на угрозы по адресу Блада. Слухи об этих угрозах долетели до Тортуги одновременно с заявлением испанского адмирала о том, что в своей борьбе с Бладом он опирается не только на мощь своей страны, но и на авторитет английского короля.

Хвастовство адмирала не испугало капитана Блада.

Он не позволил себе и своей команде бездельничать на Тортуге, решив сделать Испанию козлом отпущения за все свои муки. Это вело к достижению двоякой цели: удовлетворяло кипящую в нем жажду мести и приносило пользу — конечно, не ненавистному английскому королю Якову II, но Англии, а с нею и всей остальной части цивилизованного человечества, которую жадная и фанатичная Испания пыталась не допустить к общению с Новым Светом.

Однажды, когда Блад, покуривая трубку, вместе с Хагторпом и Волверстоном сидел за бутылкой рома в пропахшей смолой и табаком прибрежной таверне, к ним подошел неизвестный человек в расшитом золотом камзоле из темно-голубого атласа, подпоясанном широким малиновым кушаком.

— Это вы тот, кого называют Ле Санг*? — обратился он к Бладу.

Прежде чем ответить на вопрос, капитан Блад взглянул на разряженного головореза. В том, что это был именно головорез, не стоило сомневаться — достаточно было взглянуть на быстрые движения его гибкой фигуры и грубо-красивое лицо с орлиным носом. Его не очень чистая рука покоилась на эфесе длинной рапиры, на безымянном пальце сверкал огромный брильянт, а уши были украшены золотыми серьгами, полуприкрытыми длинными локонами маслянистых каштановых волос.

Капитан Блад вынул изо рта трубку и ответил:

— Мое имя Питер Блад. Испанцы знают меня под именем дона Педро Сангре, а француз, если ему нравится, может называть меня Ле Санг.

— Хорошо, — сказал авантюрист по-английски и, не ожидая приглашения, пододвинул стул к грязному столу. — Мое имя Левасер, — сообщил он трем собеседникам, из которых по крайней мере двое подозрительно его рассматривали. — Вы, должно быть, слыхали обо мне.

Да, его имя, конечно, было им известно. Левасер командовал двадцатипушечным капером, неделю назад бросившим якорь в Тортугской бухте. Команда корабля состояла из французов-охотников, которые жили в северной части Гаити и ненавидели испанцев еще сильнее, чем англичане. Левасер вернулся на Тортугу после малоуспешного похода, однако потребовалось бы нечто гораздо большее, нежели отсутствие успехов, для

---

* Санг (le sang) — по-французски «кровь».

того чтобы умерить чудовищное тщеславие этого горластого авантюриста. Сварливый, как базарная торговка, пьяница и азартный игрок, он пользовался шумной известностью у дикого «берегового братства». За ним укрепилась и еще одна репутация совсем иного сорта. Его щегольское беспутство и смазливая внешность привлекали к нему женщин из самых различных слоев общества. Он открыто хвастался своими успехами у «второй половины человеческого рода», как выражался сам Левасер, и надо отдать справедливость — у него были для этого серьезные основания.

Ходили упорные слухи, что даже дочь губернатора, мадемуазель д'Ожерон, вошла в число его жертв, и Левасер имел наглость просить у отца ее руки. Единственно, чем мог ответить губернатор на лестное предложение стать тестем распутного бандита, — это указать ему на дверь, что он и сделал. Левасер в ярости удалился, поклявшись, что он женится на дочери губернатора, невзирая на сопротивление всех отцов и матерей в мире, а д'Ожерон будет горько сожалеть, что он оскорбил будущего зятя.

Таков был человек, который за столиком портовой таверны предлагал капитану Бладу объединиться для совместной борьбы с испанцами.

Лет двенадцать назад Левасер, которому тогда едва исполнилось двадцать лет, плавал с жестоким чудовищем — пиратом Л'Оллонэ* — и своими последующими «подвигами» доказал, что не зря провел время в его школе.

Среди «берегового братства» тех времен вряд ли нашелся бы больший негодяй, нежели Левасер. Капитан Блад, чувствуя отвращение к авантюристу, все же не мог отрицать, что его предложения отличаются смелостью и изобретательностью и что совместно с ним можно было бы предпринять более серьезные операции, чем те, которые были под силу каждому из них в отдельности. Одной из таких операций, предлагаемых Левасером, был план нападения на богатый город Маракайбо, лежавший вдали от морского берега⁷³. Для этого набег требовалось не менее шестисот человек, а их, конечно, нельзя было перевезти на двух имевшихся сейчас у них кораблях. Блад понимал, что без двух-трех предварительных рейдов,

---

* Голландец (фр.).

целью которых явился бы захват недостающих кораблей, не обойдешься.

Хотя Левасер не понравился Бладу и он не захотел сразу же брать на себя какие-либо обязательства, но предложения авантюриста показались ему заманчивыми. Он согласился обдумать их и дать ответ. Хагторп и Волверстон, не разделявшие личной неприязни Блада к этому французу, оказали сильное давление на своего капитана, и в конце концов Левасер и Блад заключили договор, подписанный не только ими, но, как это было принято, и выборными представителями обеих команд.

Договор, помимо всего прочего, предусматривал, что все трофеи, захваченные каждым из кораблей, даже в том случае, если они будут действовать не в совместном бою, а вдвоем друг от друга, должны строго учитываться: корабль оставлял себе три пятых доли захваченных трофеев, а две пятых обязан был передать другому кораблю. Эти доли в соответствии с заключенным договором следовало честно делить между командами каждого корабля. В остальном все пункты договора не отличались от обычных, включая пункт, по которому любой член команды, признанный виновным в краже или укрытии любой части трофейного имущества, даже если бы стоимость утаенного не превышала одного песо, должен был быть немедленно повешен на рее.

Закончив все эти предварительные дела, корсары начали готовиться к выходу в море. Но уже в канун самого отплытия Левасер едва не был застрелен стражниками, когда перебирался через высокую стену губернаторского сада, для того чтобы нежно распрощаться с влюбленной в него мадемуазель д'Ожерон. Ему не удалось даже повидать ее, так как по приказу осторожного папы стражники, сидевшие в засаде среди густых душистых кустарников, дважды в него стреляли. Левасер удалился, поклявшись, что после возвращения все равно добьется своего.

Эту ночь Левасер спал на борту своего корабля, названного им, с характерной для него склонностью к крикливости, «Ла Фудр», что в переводе означает «молния». Здесь же на следующий день Левасер встретился с Бладом, полунасмешливо приветствуя его как своего адмирала. Капитан «Арабеллы» хотел уточнить кое-какие детали совместного плавания, из которых для нас представляет интерес только их договоренность о том, что,

если в море — случайно или по необходимости — им придется разделиться, они поскорее должны будут снова встретиться на Тортуге.

Закончив недолгое совещание, Левасер угостил своего адмирала обедом, и они подняли бокалы за успех экспедиции. При этом Левасер проявил такое усердие, что напился почти до потери сознания.

Под вечер Питер Блад вернулся на свой корабль, красный фальшборт которого и позолоченные амбразуры сверкали в лучах заходящего солнца.

На душе у него было беспокойно. Я уже отмечал, что он неплохо разбирался в людях, и неприятное впечатление, произведенное на него Левасером, вызвало опасения, увеличивавшиеся по мере приближения выхода в море.

Он сказал об этом Волверстону, встретившему его на борту «Арабеллы»:

— Черт бы вас взял, бродяги! Уговорили вы меня заключить этот договор. Вряд ли из нашего содружества выйдет толк.

Но гигант, насмешливо прищулив единственный, налитый кровью глаз, улыбнулся и, выдвинув вперед свою массивную челюсть, заметил:

— Мы свернем шею этому псу, если он попытается нас предать.

— Да, конечно, если к тому времени у нас будет возможность сделать это, — сказал Блад и, уходя в свою каюту, добавил: — Утром, с началом отлива, мы выходим в море.

Глава XIV

«ПОДВИГИ» ЛЕВАСЕРА

Утром, за час до отплытия, к борту «Ла Фудр» подошло легкое каноэ — маленькая туземная лодка. В ней сидел мулат в коротких штанах из невыделанной кожи и с красным одеялом на плечах, служившим ему плащом. Вскрабавшись, как кошка, по веревочному трапу на борт, мулат передал Левасеру сложенный в несколько раз грязный клочок бумаги.

Капитан развернул измятую записку с неровными, прыгающими строчками, написанными дочерью губернатора:

«Мой возлюбленный! Я нахожусь на голландском бриге»⁷⁴ «Йонгроув». Он скоро должен выйти в море. Мой отец-тиран решил разлучить нас навсегда и под опекой моего брата отправляет меня в Европу. Умоляю вас о спасении! Освободите меня, мой герой!

Покинутая вами, но горячо любящая вас Мадлен».

Эта страстная мольба до глубины души растрогала «горячо любимого» героя. Нахмурившись, он окинул взглядом бухту, ища в ней голландский бриг, который должен был уйти в Амстердам с грузом кож и табака.

В маленькой, окруженной скалами гавани брига не было, и Левасер в ярости набросился на мулата с требованием сообщить, куда девался корабль.

Вместо ответа мулат дрожащей рукой указал на пенящееся море, где белел небольшой парус. Он был уже далеко за рифами, которые служили естественными стражами цитадели.

— Бриг там, — пробормотал он.

— Там?! — Лицо француза побледнело; несколько минут он пристально всматривался в море, а затем, не сдерживая более своего мерзкого темперамента, заорал: — А где ты шлялся до сих пор, чертова образина? Почему только сейчас явился? Кому показывал это письмо? Отвечай!

Перепуганный непонятым взрывом ярости, мулат сжался в комок. Он не мог дать какого-либо объяснения, даже если бы оно у него и было, так как его парализовал страх.

Злобно оскалив зубы, Левасер схватил мулата за горло и, дважды тряхнув, с силой отшвырнул к борту. Ударившись головой о планшир, мулат упал и остался неподвижным. Из полуоткрытого рта побежала струйка крови.

— Выбросить эту дрянь за борт! — приказал Левасер своим людям, стоявшим на шкафуте. — А затем поднимайте якорь. Мы идем в погоню за голландцем.

— Спокойно, капитан. В чем дело?

И Левасер увидел перед собой широкое лицо лейтенанта Каузака, плотного, коренастого и кривоногого бретонца, который спокойно положил ему руку на плечо.

Пересыпая свой рассказ непристойной бранью, Левасер сообщил ему, что он намерен предпринять.

Каузак покачал головой.

— Голландский бриг? Нет, это не пойдет! Нам никто этого не позволит.

— Какой дьявол может мне помешать? — вне себя не то от гнева, не то от изумления вскричал Левасер.

— Прежде всего твоя собственная команда. Ну, а кроме нее, есть еще капитан Блад.

— Капитана Блада я не боюсь...

— А его следует бояться. Он обладает превосходством в силе, в мощи огня и в людях, и, думается мне, он скорее потопит нас, чем позволит нам разделаться с голландцами. Я ведь рассказывал тебе, что у этого капитана свои взгляды на каперство.

— Да?! — процедил Левасер, заскрежетав зубами.

Не спуская глаз с далекого паруса, он задумался, но ненадолго. Сообразительность и инициатива, подмеченные капитаном Бладом, помогли ему тут же найти выход из положения. Он проклинал в душе свое содружество с Бладом и обдумывал, как ему обмануть компаньона. Каузак был прав: Блад ни за что не позволит напасть на голландское судно. Но ведь это можно сделать и в отсутствие Блада. Ну, а после того, как все закончится, он вынужден будет согласиться с Левасером, так как спорить уже будет поздно.

Не прошло и часа, как «Арабелла» и «Ла Фудр» подняли якоря и вышли в море. Капитан Блад был удивлен, что Левасер повел свой корабль несколько иным курсом, но вскоре «Ла Фудр» лег на ранее договоренный курс, которого держалось, кстати сказать, и одетое белоснежными парусами судно, бегущее к горизонту.

Голландский бриг был виден в течение всего дня, хотя к вечеру он уменьшился до едва заметной точки в северной части безбрежного водного круга. Курс, которым должны были следовать Блад и Левасер, пролегал на восток, вдоль северного побережья острова Гаити. Всю ночь «Арабелла» тщательно придерживалась этого направления, но, когда занялась заря следующего дня, она оказалась одна. «Ла Фудр» под покровом темноты, подняв на реях все свои паруса, повернул на северо-восток.

Каузак еще раз пытался возразить против самовольства Левасера.

— Черт бы тебя побрал! — ответил заносчивый капитан. — Судно остается судном, безразлично — голландское оно или испанское. Наша задача — это захват кораблей, и команде достаточно этого объяснения.

Его лейтенант не сказал ничего. Но, зная о содержании письма, привезенного покойным мулатом, и понимая, что предметом вожделений Левасера является не корабль, а девушка, он мрачно покачал головой. Однако приказ капитана — есть приказ, и,ковыляя на своих кривых ногах, лейтенант пошел отдавать необходимые распоряжения.

На рассвете «Ла Фудр» оказался на расстоянии мили от «Йонгроува». Брат мадемуазель д'Ожерон, опознавший корабль Левасера, встревожился не на шутку и внушил свое беспокойство капитану голландского судна. На «Йонгроуве» подняли дополнительные паруса, пытаясь уйти от «Ла Фудр».

Левасер, чуть свернув вправо, гнался за голландцем наперерез курсу «Йонгроува». Голландец, повернувшись кормой, открыл огонь, и небольшие пушечные ядра со свистом пронеслись над кораблем Левасера, нанося незначительные повреждения парусам. И пока корабли шли на сближение, «Йонгроуву» удалось сделать только один бортовой залп. Пять минут спустя абордажные крюки крепко вцепились в борт «Йонгроува», и корсары с криками начали перепрыгивать с палубы «Ла Фудр» на шкафут голландского судна.

Капитан «Йонгроува», побагровев от гнева, подошел к пирату. Голландца сопровождал элегантный молодой человек, в котором Левасер узнал своего будущего шурина.

— Капитан Левасер! — сказал голландец. — Это неслыханная наглость! Что вам нужно на моем корабле?

— Мне нужно только то, что у меня украли. Но коль скоро вы первыми начали военные действия: открыв огонь, повредили «Ла Фудр» и убили пять человек из моей команды, то ваш корабль будет моим военным трофеем.

Стоя у перил кормовой рубки, мадемуазель д'Ожерон, затаив дыхание, восхищалась своим возлюбленным. Властный, смелый, он казался ей в эту минуту воплощением героизма. Левасер, увидев девушку, с радостным криком бросился к ней. На его пути оказался голландский капитан, протянувший руки, чтобы задержать пирата. Левасер, горевший нетерпением поскорее обнять свою возлюбленную, взмахнул алебардой, и голландец упал с раскроенным черепом. Нетерпеливый любовник переступил через труп и помчался в рубку. Мадемуазель д'Ожерон в ужасе отпрянула от перил. Это была

высокая, стройная девушка, готовящаяся стать восхитительной женщиной. пышные черные волосы обрамляли ее гордое лицо цвета слоновой кости. Выражение высокомерия еще сильнее подчеркивалось низко опущенными веками больших черных глаз.

Левасер взбежал наверх и, отбросив в сторону окровавленную алебарду, широко раскрыл объятия, намереваясь прижать к груди свою возлюбленную.

Но, попав в объятия, из которых ей уже трудно было вырваться, она съежилась от страха, и гримаса ужаса исказила ее лицо, согнав с него обычное выражение высокомерия.

— О, наконец-то ты моя! Моя, несмотря ни на что! — напыщенно воскликнул ее герой.

Но она, упираясь руками в его грудь, пыталась оттолкнуть его и едва слышно проговорила:

— Зачем, зачем вы его убили?

Ее герой громко засмеялся и, подобно божеству, которое милостиво снисходит к простому смертному, с пафосом произнес:

— Он стоял между нами! Пусть его смерть послужит символом и предупреждением для всех, кто осмелится стать между нами!

Этот блестящий и широкий жест так очаровал Мадлен, что она, отбросив в сторону свои страхи, перестала сопротивляться и покорилась своему герою. Перебросив девушку через плечо, он под торжествующие крики своих людей легко перенес свою драгоценную ношу на «Ла Фудр». Ее отважный брат мог бы помешать этой романтической сцене, если бы Каузак со свойственной ему предупредительностью не успел сбить его с ног и крепко связать ему руки. А затем, пока капитан Левасер наслаждался в каюте улыбками своей дамы, лейтенант занялся подробным учетом плодов победы. Голландскую команду посадили в баркас и велели убираться к дьяволу. К счастью, голландцев оказалось не более тридцати человек, и баркас, хотя и перегруженный, мог их вместить. Затем Каузак, осмотрев груз, оставил на «Йонгроув» своего старшину и человек двадцать людей, приказав им следовать за «Ла Фудр», направлявшимся на юг — к Подветренным островам⁷⁵. Настроение у Каузака было отвратительное. Риск, которому они подвергались, захватив голландский бриг и совершив насилие над членами семьи губернатора Тортуги, совсем не соответ-

ствовал ценности их добычи. Не скрывая своего раздражения, он сказал об этом Левасеру.

— Держи свое мнение при себе! — ответил ему капитан. — Неужели ты думаешь, что я такой идиот, который сует голову в петлю, не зная заранее, как ее оттуда вытащить? Я поставлю губернатору Тортуги такие условия, что он не сможет их не принять. Веди корабль к острову Вихрен Магра. Мы сойдем там и на берегу уладим все. Да прикажи доставить в каюту этого щенка д'Ожерона.

И Левасер вернулся в каюту к даме своего сердца.

Туда же вскоре привели и ее брата. Капитан приподнялся с места, чтобы встретить его, нагнувшись при этом из опасения удариться головой о потолок каюты. Мадемуазель д'Ожерон также встала.

— Зачем это? — спросила она, указывая на связанные руки брата.

— Весьма сожалею об этой вынужденной необходимости, — сказал Левасер. — Мне самому хочется положить этому конец. Пусть господин д'Ожерон даст слово...

— Никакого слова я не дам! — воскликнул побледневший от гнева юноша, не испытывавший недостатка в храбрости.

— Ну, вот видишь, — пожал плечами Левасер, как бы выражая этим свое сожаление.

— Анри, это же глупо! — воскликнула девушка. — Ты ведешь себя не как мой друг. Ты...

— Моя маленькая глупышка... — ответил ей брат, хотя слово «маленькая» совсем не подходило к ней, так как она была значительно крупнее его. — Маленькая глупышка, неужели я мог бы считать себя твоим другом, если бы унился до переговоров с этим мерзавцем-пиратом?

— Спокойно, молодой петушок! — засмеялся Левасер, но его смех не сулил ничего приятного.

— Подумай, сестра, — говорил Анри, — погляди, к чему привела тебя глупость! Несколько человек уже погибло по милости этого чудовища. Ты не отдаешь себе отчета в своих поступках. Неужели ты можешь верить этому псу, родившемуся в канаве и выросшему среди воров и убийц?..

Он мог добавить еще кое-что, но Левасер ударил юношу кулаком в лицо. Как и многие другие, он очень мало интересовался правдой о себе.

Мадемуазель д'Ожерон подавила готовый вырваться у

нее крик, а ее брат, шатаясь от удара, с рассеченной губой, прислонился к переборке. Но дух его не был сломен; он искал глазами взгляд сестры, и на бледном его лице появилась ироническая улыбка.

— Смотри, — спокойно заметил д'Ожерон. — Любуйся его благородством. Он бьет человека, у которого связаны руки.

Простые слова, произнесенные тоном крайнего презрения, разбудили в Левасере гнев, всегда дремавший в несдержанном, вспыльчивом французе.

— А что бы ты сделал, щенок, если бы тебе развязали руки? — И, схватив пленника за ворот камзола, он неистово начал его трясти. — Отвечай мне! Что бы ты сделал, пустозвон, мерзавец, подлец... — И вслед за этим хлынул поток слов, значения которых мадемуазель д'Ожерон не знала, но все же могла понять их грязный и гнусный смысл. Она смертельно побледнела и вскрикнула от ужаса. Опомнившись, Левасер распахнул дверь и вышвырнул ее брата из каюты.

— Бросьте этого мерзавца в трюм! — проревел он, захлопывая дверь.

Взяв себя в руки, Левасер, заискивающе улыбаясь, повернулся к девушке. Но бледное лицо ее окаменело. До этой минуты она приписывала своему герою несуществующие добродетели; сейчас же все, что она увидела, наполнило ее душу смятением. Вспомнив, как он зверски убил голландского капитана, она сразу же убедилась в справедливости слов, сказанных ее братом об этом человеке, и на лице ее отразились ужас и отвращение.

— Ну, что ты, моя дорогая? Что с тобой? — говорил Левасер, приближаясь к ней.

Сердце девушки болезненно сжалось. Продолжая улыбаться, он подошел к ней и с силой притянул ее к себе.

— Нет... нет!.. — задыхаясь, закричала она.

— Да, да! — передразнивая ее, смеялся Левасер.

Его насмешка показалась ей ужаснее всего. Он грубо тащил ее к себе, умышленно причиняя боль. Отчаянно сопротивляясь, девушка пыталась вырваться из его объятий, но он, рассвирепев, насильно поцеловал ее, и с его лица слетели последние остатки маски героя.

— Глупышка, — сказал он. — Именно глупышка, как назвал тебя твой брат. Не забывай, что ты здесь по своей воле. Со мной играть нельзя! Ты знала, на что

шла, поэтому будь благоразумна, моя кошечка! — И он поцеловал ее снова, но на сей раз чуть ли не с презрением и, отшвырнув в сторону, добавил: — Чтоб я больше не видел таких сердитых взглядов, а то тебе придется пожалеть об этом!

Кто-то постучал в дверь каюты. Левасер открыл ее и увидел перед собой Каузака.

Лицо бретонца было мрачно. Он пришел доложить, что в корпусе корабля, поврежденного голландским ядром, обнаружена течь. Встревоженный Левасер отправился вместе с ним осмотреть повреждение. Пока стояла тихая погода, пробоина не представляла опасности, но даже небольшой шторм сразу же мог изменить положение. Пришлось спустить за борт матроса, чтобы он прикрыл пробоину парусиной, и привести в действие помпы...

Наконец на горизонте показалось длинное низкое облако, и Каузак объяснил, что это самый северный остров из группы Виргинских островов.

— Надо поскорей дойти туда, — сказал Левасер. — Там мы отстоимся и починим «Ла Фудр». Я не доверяю этой удушливой жаре. Нас может захватить шторм...

— Шторм или кое-что похуже, — буркнул Каузак. — Ты видишь? — И он указал рукой через плечо Левасера.

Капитан обернулся, и у него перехватило дыхание. Не дальше чем в пяти милях он увидел два больших корабля, направлявшихся к ним.

— Черт бы их побрал! — выругался он.

— А вдруг они вздумают нас преследовать? — спросил Каузак.

— Мы будем драться, — решительно сказал Левасер. — Готовы мы к этому или нет — все равно.

— Смелость отчаяния, — сказал Каузак, не скрывая своего презрения, и, чтобы еще больше подчеркнуть его, плюнул на палубу. — Вот что случается, когда в море выходит изнывающий от любви идиот! Надо взять себя в руки, капитан! Из этой дурацкой истории с голландцем мы так просто не выкрутимся.

С этой минуты из головы Левасера вылетели все мысли, связанные с мадемуазель д'Ожерон. Он ходил по палубе, нетерпеливо поглядывая то на далекую сушу, то на медленно, но неумолимо приближавшиеся корабли.

Искать спасения в открытом море было бесполезно, а при наличии течи в его корабле и небезопасно. Он понимал, что драки не миновать. Уже к вечеру, находясь

в трех милях от побережья и намереваясь отдать приказ готовиться к бою, Левасер чуть не упал в обморок от радости, услышав голос матроса с наблюдательного поста на мачте.

— Один из двух кораблей — «Арабелла», — доложил тот. — А другой, наверно, трофейный.

Однако это приятное сообщение не обрадовало Каузака.

— Час от часу не легче! — проворчал он мрачно. — А что скажет Блад по поводу нашего голландца?

— Пусть говорит все, что ему угодно! — засмеялся Левасер, все еще находясь под впечатлением огромного облегчения, испытанного им.

— А как быть с детьми губернатора Тортуги?

— Он не должен о них знать.

— Но в конце концов он же узнает.

— Да, но к тому времени, черт возьми, все будет в порядке, так как я договорюсь с губернатором. У меня есть средство заставить д'Ожерона договориться со мной.

Вскоре четыре корабля бросили якоря у северного берега Вихрен Магра. Это был лишенный растительности, безводный, крохотный и узкий островок длиной в двенадцать миль и шириной в три мили, населенный только птицами и черепахами. В южной части острова было много соляных прудов.

Левасер приказал спустить лодку и в сопровождении Каузака и двух своих офицеров прибыл на «Арабеллу».

— Наша недолгая разлука оказалась, как я вижу, весьма прибыльной, — приветствовал Левасера капитан Блад, направляясь с ним в свою большую каюту для подведения итогов.

«Арабелле» удалось захватить «Сантьяго» — большой испанский двадцатипушечный корабль из Пуэрто-Рико, который вез 120 тонн какао, 40 тысяч песо и различные ценности стоимостью в 10 тысяч песо.

Две пятых этой богатой добычи, согласно заключенному договору, принадлежали Левасеру и его команде. Деньги и ценности были тут же поделены, а какао решили продать на острове Тортуга.

Наступила очередь Левасера отчитаться в том, что сделал он, и, слушая хвастливый рассказ француза, Блад постепенно мрачнел. Сообщение компаньона вызвало резкое неодобрение Блада. Глупо было превращать дружественных голландцев в своих врагов из-за такой

безделицы, как табак и кожи, стоимость которых в лучшем случае не превышала двадцати тысяч песо.

Но Левасер ответил ему так же, как незадолго перед этим Каузаку, что корабль остается кораблем, а им нужны суда для намеченного похода. Быть может, потому, что этот день был удачным для капитана Блада, он пожал плечами и махнул рукой. Затем Левасер предложил, чтобы «Арабелла» и захваченное ею судно возвратились на Тортугу, разгрузили там какао, а Блад набербовал дополнительно людей, благо сейчас их уже было на чем перевезти. Сам Левасер, по его словам, хотел заняться необходимым ремонтом своего корабля, а затем направиться на юг, к острову Салтаудос, удобно расположенному на 11°11' северной широты. Здесь Левасер был намерен ожидать Блада, чтобы вместе с ним уйти в набег на Маракайбо.

К счастью для Левасера, капитан Блад не только согласился с его предложением, но и заявил о своей готовности отплыть немедленно.

Едва лишь ушла «Арабелла», как Левасер завел свои корабли в лагуну и приказал разбить на берегу палатки, в которых должна была жить команда корабля на время ремонта «Ла Фудр».

Вечером к заходу солнца ветер усилился, а затем перешел в сильный шторм. Левасер был рад тому, что успел вывезти людей на берег, а корабли ввести в безопасное убежище. На минуту он задумался было над тем, каково сейчас приходилось капитану Бладу, попавшему в этот ужасный шторм, но тут же отогнал эти мысли, так как не мог позволить себе, чтобы они долго его беспокоили.

Глава XV

ВЫКУП

Утро следующего дня было великолепно. В прозрачном и бодрящем после шторма воздухе чувствовался солоноватый запах озер, доносившийся с южной части острова. На песчаной отмели Вихрен Магра, у подножия белых дюн, рядом с парусиновой палаткой Левасера разыгрывалась странная сцена.

Сидя на пустом бочонке, французский пират был

занят решением важной проблемы: он размышлял, как обезопасить себя от гнева губернатора Тортуги.

Вокруг него, как бы охраняя своего жоака, слонялись человек шесть его офицеров, пятеро из них — неотесанные охотники в грязных кожаных куртках и таких же штанах, а шестой — Каузак. Перед Левасером стоял молодой д'Ожерон, а по бокам у него два полуобнаженных негра. На д'Ожероне была сорочка с кружевными оборками на рукавах, сатиновые короткие панталоны и на ногах красивые башмаки из дубленой козлиной кожи. Камзол с него был сорван, руки связаны за спиной. Миловидное лицо молодого человека осунулось. Здесь же на песчаном холмике в неловкой позе сидела его сестра. Она была очень бледна и под маской высокомерия тщетно пыталась скрыть душившие ее слезы.

Левасер долго говорил, обращаясь к д'Ожерону, и наконец с напускной учтивостью заявил:

— Полагаю, месье, что теперь вам все ясно, но, во избежание недоразумений, повторю: ваш выкуп определяется в двадцать тысяч песо, и, если вы дадите слово вернуться сюда, можете отправляться за ними на остров Тортуга. На поездку я даю вам месяц и предоставляю все возможности туда добраться. Мадемуазель д'Ожерон останется здесь заложницей. Вряд ли ваш отец сочтет эту сумму чрезмерной, ибо в нее входит цена за свободу сына и стоимость приданого дочери. Черт меня побери, но мне кажется, что я слишком скромн! Ведь о господине д'Ожероне ходят слухи, что он человек богатый.

Д'Ожерон-младший, подняв голову, бесстрашно взглянул прямо в лицо пирату:

— Я отказываюсь категорически и бесповоротно! Понимаете? Делайте со мной, что хотите. И будьте вы прокляты, грязный пират без совести и чести!

— О, какие слова! — усмехнулся Левасер. — Какой темперамент и какая глупость! Вы не подумали, что я могу с вами сделать, если вы будете упорствовать в своем отказе? А у меня есть возможность заставить любого упрямяца согласиться. И кроме того, советую помнить, что честь вашей сестры находится у меня в залоге. Ну, а если вы забудете вернуться с приданым, то не считайте меня нечестным, если я забуду жениться на Мадлен.

И Левасер, осклабясь, подмигнул молодому человеку, заметив, что лицо брата Мадлен передернулось от ужаса. Д'Ожерон бросил дикий взгляд на сестру и увидел в

ее глазах отчаяние. Отвращение и ярость снова овладели молодым человеком.

— Нет, собака! Нет! Тысячу раз нет!

— Глупо упорствовать, — холодно, без малейшей злобы, но с издевательским сожалением заметил Левасер. В его руках вилась и дергалась бечевка, по всей длине которой он механически завязывал крепкие узелки. Подняв ее над собой, он произнес:

— Знаете, что это такое? Это четки боли. После знакомства с ними многие упрямые еретики превратились в католиков. Эти четки помогают человеку стать благоразумным, так как от них глаза вылезают на лоб.

— Делайте, что вам угодно!

Левасер швырнул бечевку одному из негров, который на лету поймал ее и быстро закрутил вокруг головы пленника. Между бечевкой с узлами и головой он вставил небольшой кусок металла, круглый и тонкий, как чубук трубки. Тупо уставившись на своего капитана, негр ожидал его знака начинать пытку. Левасер взглянул на свою жертву. Лицо д'Ожерона стало свинцово-бледным, и на лбу, ниже бечевки, выступили капли пота.

Мадемуазель д'Ожерон вскрикнула и хотела подняться, но, удерживаемая стражами, со стоном опустила на песок.

— Образумьтесь и избавьте свою сестру от малопривлекательного зрелища, — медленно сказал Левасер. — Ну что такое, в конце концов, та сумма, которую я назвал? Для вашего отца это сущий пустяк. Повторяю еще раз: я слишком скромен. Но если уж сказано — двадцать тысяч песо, пусть так и останется.

— С вашего позволения, я хотел бы знать, за что вы назначили сумму в двадцать тысяч песо?

Вопрос этот был задан на скверном французском языке, но четким и приятным голосом, в котором, казалось, звучали едва приметные нотки той злой иронии, которой так щеголял Левасер.

Левасер и его офицеры удивленно оглянулись.

На самой верхушке дюны на фоне темно-синего неба отчетливо вырисовывалась изящная фигура высокого, стройного человека в черном камзоле, расшитом серебряными галунами. Над широкими полями шляпы, прикрывавшей смуглое лицо капитана Блада, ярким пятном выделялся темно-красный плюмаж из страусовых перьев.

Выругавшись от изумления, Левасер поднялся с бо-

чонка, но тут же взял себя в руки. Он предполагал, что капитан Блад, если ему удалось выдержать вчерашний шторм, должен был находиться сейчас далеко за горизонтом, на пути к Тортуге.

Легко скользя по осыпающемуся песку, в котором по щиколотку проваливались его сапоги из мягкой испанской кожи, капитан Блад спустился на отмель. Его сопровождал Волверстон и с ним человек двенадцать из команды «Арабеллы». Подойдя к ошеломленной его появлением группе людей, Блад снял шляпу, отвесил низкий поклон мадемуазель д'Ожерон, а затем повернулся к Левасеру.

— Доброе утро, капитан! — сказал он, сразу же приступая к объяснению причин своего внезапного появления. — Вчерашний ураган вынудил наши корабли возвратиться. У нас не было иного выхода, как только убрать паруса и отдаться на волю стихии. А шторм пригнал нас обратно. К довершению несчастья, грот-мачта «Сантьяго» дала трещину, и я рад был случаю поставить его на якорь в бухточке западного берега острова, в двух милях отсюда. Ну, а затем мы решили пересечь этот остров, чтобы размять ноги и поздороваться с вами... А кто это? — И он указал на пленников.

Левасер закусил губу и переменился в лице, но, сдержавшись, вежливо ответил:

— Как видите, мои пленники.

— Да? Выброшенные на берег вчерашним штормом, а?

— Нет! — Левасер, взбешенный этой явной насмешкой, с трудом сдерживался. — Они — с голландского брига.

— Не припомню, чтобы вы раньше упоминали о них.

— А зачем вам это знать? Они — мои личные пленники. Это мое личное дело. Они — французы.

— Французы? — И светлые глаза капитана Блада впились сначала в Левасера, а потом в пленников.

Д'Ожерон вздрогнул от пристального взгляда, но выражение ужаса исчезло с его лица. Это вмешательство, явно неожиданное как для мучителя, так и для жертвы, внезапно загло в сердце молодого человека огонек надежды.

Его сестра, широко раскрыв глаза, устремилась вперед.

Капитан Блад, мрачно нахмурясь, сказал Левасеру:

— Вчера вы удивили меня, начав военные действия против дружественных нам голландцев. А сейчас выходит,

что даже ваши соотечественники должны вас остерегаться.

— Ведь я же сказал, что они... что это мое личное дело.

— Ах, так! А кто они такие? Как их зовут?

Спокойное, властное, слегка презрительное поведение капитана Блада выводило из себя вспыльчивого Левасера. На его лице медленно выступили красные пятна, взгляд стал наглым, почти угрожающим. Он хотел ответить, но пленник опередил его:

— Я Анри д'Ожерон, а это — моя сестра.

— Д'Ожерон? — удивился Блад. — Не родственник ли нашего доброго приятеля — губернатора острова Тортуга?

— Это мой отец.

— Да сохраняют нас все святые! Вы что, Левасер, совсем сошли с ума? Сначала вы нападаете на наших друзей — голландцев, потом берете в плен двух своих соотечественников. А на поверку выходит, что эти молодые люди — дети губернатора Тортуги, острова, который является единственным нашим убежищем в этих морях...

Левасер сердито прервал его:

— В последний раз повторяю, что это мое личное дело! Я сам отвечаю за это перед губернатором Тортуги.

— А двадцать тысяч песо? Это тоже ваше личное дело?

— Да, мос.

— Ну, знаете, я совсем не намерен соглашаться с вами. — И капитан Блад спокойно уселся на бочонок, на котором недавно сидел Левасер. — Не будем зря тратить время! — сказал он резко. — Я отчетливо слышал предложение, сделанное вами этой леди и этому джентльмену. Должен также напомнить вам, что мы с вами связаны совершенно строгим договором. Вы определили сумму их выкупа в двадцать тысяч песо. Следовательно, эта сумма принадлежит вашей и моей командам в тех долях, какие установлены договором. Надеюсь, вы не станете этого отрицать. А самое неприятное и печальное — это то, что вы утаили от меня часть трофеев. Такие поступки, согласно нашему договору, караются, и, как вам известно, довольно сурово.

— Ого! — нагло засмеялся Левасер, а затем добавил: — Если вам не нравится мое поведение, то мы можем расторгнуть наш союз.

— Не премину это сделать, — с готовностью ответил Блад. — Но мы расторгнем его только тогда и только так, как я найду нужным, и это случится немедленно после выполнения вами условий соглашения, заключенного нами перед отправлением в плавание.

— Что вы имеете в виду?

— Постараюсь быть предельно кратким, — сказал капитан Блад. — Я не буду касаться недопустимости военных действий против голландцев, захвата французских пленников и риска навлечь гнев губернатора Тортуги. Я принимаю все дела в таком виде, в каком их нашел. Вы сами назначили сумму выкупа за этих людей в двадцать тысяч песо, и, насколько я понимаю, леди должна перейти в вашу собственность. Но почему она должна принадлежать вам, когда, по нашему обоюдному соглашению, этот трофей принадлежит всем нам?

Лицо Левасера стало мрачнее грозовой тучи.

— Тем не менее, — добавил Блад, — я не намерен отнимать ее у вас, если вы ее купите.

— Куплю ее?

— Да, за ту же сумму, которая вами назначена.

Левасер с трудом сдерживал бушевавшую в нем ярость, пытаясь как-то договориться с ирландцем:

— Это сумма выкупа за мужчину, а внести ее должен губернатор Тортуги.

— Нет, нет! Вы объединили этих людей и, должен признаться, сделали это как-то странно. Их стоимость определена именно вами, и вы, разумеется, можете их получить за установленную вами сумму. Вам придется заплатить за них двадцать тысяч песо, и эти деньги должны быть поделены среди наших команд. Тогда наши люди, быть может, снисходительно отнесутся к нарушению вами соглашения, которое мы вместе подписали.

Левасер зло рассмеялся:

— Вот как?! Черт побери! Это неплохая шутка.

— Полностью с вами согласен, — заметил капитан.

Смысл этой шутки заключался для Левасера в том, что капитан Блад с дюжиной своих людей осмелился явиться сюда, чтобы запугать его, хотя он, Левасер, мог бы легко собрать здесь до сотни своих головорезов.

Однако при этих своих подсчетах Левасер упустил из виду одно важное обстоятельство, которое правильно учел его противник. И когда Левасер, все еще смеясь, повернулся к своим офицерам, чтобы пригласить их пошутиться за компанию, он увидел то, от чего его

напускная веселость мгновенно померкла. Капитан Блад искусно сыграл на алчности авантюристов, побуждавшей их заниматься ремеслом пиратов. Левасер прочел на их лицах полное согласие с предложением Блада поделить между всеми выкуп, который их вожак думал себе присвоить. Головорез на минуту задумался и, мысленно кляня жадность своих людей, вовремя сообразил, что он должен действовать осторожно.

— Вы не поняли меня, — сказал он, подавляя в себе бешенство. — Выкуп, как только он будет получен, мы поделим между всеми. А пока девушка останется у меня.

— Это дело другое, — проворчал Каузак. — Тогда все устраивается само собой.

— Вы так полагаете? — заметил капитан Блад. — А если губернатор д'Ожерон откажется внести этот выкуп? Тогда что? — Он засмеялся и не спеша встал. — Нет, нет! Капитан Левасер хочет пока оставить у себя девушку? Хорошо. Пусть будет так. Но до этого он обязан внести выкуп и взять на себя риск, связанный с тем, что мы можем и не получить его.

— Правильно! — воскликнул один из офицеров Левасера. А Каузак добавил:

— Капитан Блад прав. Это соответствует нашему договору.

— Что соответствует договору? Болваны! — Левасер терял самообладание. — Дьявол вас раздери! Откуда я возьму двадцать тысяч песо? У меня нет и половины этой суммы. Я буду вашим должником, пока не заработаю таких денег. Вас это устраивает?

Пираты одобительно зашумели. Можно было не сомневаться, что это их устраивало бы, но у капитана Блада были иные соображения:

— А если вы умрете до того, как заработаете такую сумму? Ведь наша профессия полна неожиданностей, мой капитан.

— Будьте вы прокляты! — заревел Левасер, побагровев от злости. — Вас ничто не удовлетворит!

— О, совсем нет. Двадцать тысяч песо и немедленный дележ.

— У меня их нет.

— Тогда пусть пленников купит тот, у кого есть такие деньги.

— А у кого же, по-вашему, они есть, если их нет у меня? Кто может выложить такую сумму?

— Я, — ответил капитан Блад.

— Вы? — изумился Левасер. — Вам... вам нужна эта девушка?

— Почему же нет? Я превосхожу вас не только в галантности, идя на определенные материальные жертвы, чтобы получить эту девушку, но и в честности, поскольку готов платить за то, что мне требуется.

Левасер остолбенел от удивления и, по-идиотски открыв рот, глядел на капитана «Арабеллы». Так же изумленно глядели на него и офицеры «Ла Фудр».

Капитан Блад, снова усевшись на бочонок, вытащил из внутреннего кармана своего камзола маленький кожаный мешочек.

— Мне приятно решить трудную задачу, которая кажется вам неразрешимой.

Левасер и его офицеры не сводили выпученных глаз с маленького мешочка, который медленно развязывал Блад. Осторожно раскрыв его, он высыпал на левую ладонь четыре или пять жемчужин. Каждая из них была величиной с воробьиное яйцо. Двадцать таких жемчужин достались Бладу при дележе трофеев, захваченных после разгрома испанской флотилии искателей жемчуга.

— Вы как-то хвастались, Кауза, что хорошо разбираетесь в жемчуге. Во что вы оцените эту жемчужину?

Бретонец алчно схватил грубыми пальцами блестящий, нежно переливающийся всеми цветами радуги шарик и, любуясь им, стал его рассматривать.

— Тысяча песо, — ответил он хриплым от волнения голосом.

— На Тортуге или Ямайке за эту жемчужину дадут несколько больше, а в Европе она стоит в два раза дороже. Но я принимаю вашу оценку, лейтенант. Как видите, все они почти одинаковы. Вот вам двенадцать жемчужин, то есть двенадцать тысяч песо, которые и являются долей экипажа «Ла Фудр» — три пятых стоимости трофеев, как обусловлено нашим договором. За восемь тысяч песо, следуемых «Арабелле», я несу ответственность перед своими людьми... А сейчас, Волверстон, прошу доставить мою собственность на борт «Арабеллы». — И, указав на пленников, он поднялся с бочонка.

— О нет! — взвыл Левасер, дав волю своей ярости. — Вы ее не получите!

И он бросился на стоявшего в стороне настороженного

и внимательного Блада, но один из офицеров Левасера преградил ему дорогу:

— Бог с тобой, капитан! Ведь все улажено честь по чести, и все довольны.

— Все? — завизжал Левасер. — Ага! Вы все довольны. скоты!

Каузак, сжимая в своей огромной ручище жемчужины, подбежал к Левасеру:

— Не будь идиотом, капитан! Ты хочешь вызвать драку между командами? У Блада вдвое больше людей. Ну что ты цепляешься за эту девку? Черт с ней, и не связывайся, ради Бога, с Бладом. Он хорошо заплатил за нее и честно поступил с нами...

— Честно? — заревел взбешенный капитан. — Ты!.. Ты!.. — И, не найдя в своем обширном гнусном словаре подходящего ругательства, он так ударил лейтенанта кулаком, что чуть не сбил его с ног. Жемчужины рассыпались по песку. Каузак и его люди стремительно, подобно пловцам, прыгающим в воду, бросились за жемчужинами, полагая, что с мщением можно подождать.

Они ползали на четвереньках, старательно разыскивая жемчужины и не обращая внимания на то, что над ними развернулись важные события.

Левасер, положив руку на эфес шпаги, с побледневшим от бешенства лицом встал перед капитаном Бладом. собравшимся уходить.

— Пока я жив, ты ее не получишь! — закричал он.

— Тогда это будет после твоей смерти, — сказал Блад, и клинок его шпаги блеснул на солнце. — Наш договор предусматривает, что любой из членов экипажа кораблей, кто утаит часть трофеев хотя бы на один песо, должен быть повешен на ноке рея. Именно так я и намерен был с тобой поступить. Но поскольку тебе не нравится веревка, то, так и быть, навозная дрянь, я ублажу тебя по-иному! — Он знаком остановил людей, которые пытались помешать столкновению, и со звоном скрестил свой клинок со шпагой Левасера.

Д'Ожерон ошеломленно наблюдал за ним, совершенно не представляя, что может означать для него исход этой схватки. Между тем два человека из команды «Арабеллы», сменившие негров, охранявших французов, сняли бечевку с головы молодого человека. Его сестра, с лицом блее мела и с выражением дикого ужаса в глазах, поднялась

на ноги и, прижимая руки к груди, неотступно следила за схваткой.

Схватка закончилась очень быстро. Звериная сила Левасера, на которую он так надеялся, уступила опыту и ловкости ирландца. И когда пронзенный в грудь Левасер ничком упал на белый песок, капитан Блад, стоя над сраженным противником, спокойно взглянул на Каузака.

— Я думаю, это аннулирует наш договор, — сказал он.

Каузак равнодушным и циничным взглядом окинул корчившееся в судорогах тело своего жоака. Возможно, дело кончилось бы совсем не так, будь Левасер человеком другого склада. Но тогда, очевидно, и капитан Блад применил бы к нему другую тактику. Сейчас же люди Левасера не питали к нему ни любви, ни жалости. Единственным их побуждением была алчность. Блад искусно сыграл на этой черте их характера, обвинив капитана «Ла Фудр» в самом тяжком преступлении — в присвоении того, что могло быть обращено в золото и поделено между ними. И сейчас, когда пираты, угрожающе потрясая кулаками, спустились к отмели, где разыгралась эта стремительная трагикомедия, Каузак успокоил их несколькими словами.

Видя, что они все еще колеблются, Блад для ускорения благоприятной развязки добавил:

— На нашей стоянке вы можете получить свою долю добычи с захваченного нами «Сантьяго» и поступить с ней по своему усмотрению. Как видите, я поступаю честно.

И в ответ на эти слова пираты одобрительно зашумели. Сопровождая Блада, они вместе с обоими пленниками пересекли остров и пришли к стоянке «Арабеллы».

Во второй половине дня, после раздела добычи, они бы расстались, если бы Каузак, по настоянию своих людей, избравших его преемником Левасера, не предложил капитану Бладу услуги всей французской команды.

— Хорошо, я согласен, — ответил Блад, — но только при обязательном условии: вы должны помириться с голландцами и вернуть им бриг вместе с грузом.

Условие было принято без колебаний, и капитан Блад отправился к своим гостям — детям губернатора Тортуги.

Мадемуазель д'Ожерон и ее брат, освобожденный от веревок, сидели в большой каюте «Арабеллы». Бенджамен,

черный слуга и повар Блада, поставив на стол вино и еду, уговаривал их поесть. Но они ни к чему не притронулись. В мучительном замешательстве сидели брат и сестра, полагая, что их спасение было лишь сменой огня на поल्या.

Наконец мадемуазель д'Ожерон, измученная неизвестностью, бросилась на колени перед братом, умоляя его о прощении за все страдания, которые она причинила ему своим легкомыслием. Однако ее брат не был склонен к снисходительности:

— Надеюсь, ты наконец поймешь, что ты натворила. Сейчас тебя купил другой пират, и ты принадлежишь ему. Надеюсь, тебе тоже это понятно...

Он мог бы сказать и больше, но умолк, заметив, что дверь каюты приоткрывается. На пороге стоял капитан Блад. Он пришел сюда после того, как закончил расчеты с людьми Левасера, и хорошо слышал последние слова д'Ожерона. Поэтому его не удивило, что мадемуазель д'Ожерон, увидев своего нового хозяина, вздрогнула и сжалась от страха. Сняв шляпу с пером, Блад подошел к столу.

— Мадемуазель, прошу вас успокоиться, — сказал он на плохом французском языке. — Здесь, на борту «Арабеллы», с вами будут обращаться со всем подобающим вам уважением. Как только наши корабли выйдут в море, мы направимся на остров Тортуга, чтобы отвезти вас к отцу. И забудьте, пожалуйста, о том, что я вас купил, как сейчас говорил вам ваш брат. Чтобы избавить вас от опасности, я вынужден был подкупить банду негодяев и убедить их выйти из повиновения еще большему негодяю, который руководил ими. Если найдете нужным, считайте данный мной за вас выкуп дружеским займом.

Девушка, не веря своим ушам, изумленно смотрела на него, а ее брат даже привстал от удивления:

— Вы серьезно это говорите?

— Вполне! Хотя такие слова вы услышите не часто. Я — пират, но я не могу поступать так, как Левасер. У меня есть свое понятие о чести и своя честь... или, допустим, остатки от прежней чести.

И, перейдя на деловой тон, он добавил:

— Обед будет подан через час. Надеюсь, вы окажете мне честь отобедать со мной. А пока мой Бенджамен позаботится о вашем гардеробе.

И, поклонившись, он повернулся, чтобы уйти, но

мадемуазель д'Ожерон остановила его громким восклицанием:

— Капитан! Месье!

Блад повернулся, а она, медленно приближаясь к нему и глядя на него со страхом и удивлением, сказала взволнованно:

— Вы благородный человек, капитан!

— О, мадемуазель, вы преувеличиваете мои достоинства, — улыбнулся Блад.

— Нет, нет! — горячо воскликнула она. — Вы благородны, вы настоящий рыцарь! Я очень виновата в том, что произошло. Я должна вам рассказать... Вы имеете на это право.

— Мадлен! — закричал ее брат, пытаясь удержать ее.

Но ей трудно было сдерживать свою пылкую благодарность, переполнявшую ее сердце. Внезапно она упала перед Бладом на колени, схватила его руку и, прежде чем он успел опомниться, поцеловала ее.

— Что вы делаете? — воскликнул он.

— Пытаюсь искупить свою вину. Мысленно я обесчестила вас. Я думала, что вы такой же, как и Левасер, а ваша схватка с ним — это драка шакалов. На коленях умоляю вас — простите меня!

Капитан Блад взглянул на нее, и мгновенно промелькнувшая улыбка зажгла огонек в его голубых глазах, которые будто засветились на его смуглом лице.

— Не нужно, дитя мое, — мягко сказал он, поднимая ее. — Ведь ваша мысль обо мне, в сущности, была совершенно правильной. Иначе вы и не могли думать.

Он пытался уверить себя, что, вызволив молодых людей из неволи, совершил неплохой поступок, и тут же вздохнул.

Его сомнительная слава, так быстро распространившаяся в обширных границах Карибского моря, несомненно, дошла уже до Арабеллы Бишоп. Он был убежден, что она относится к нему с презрением, считая его таким же мерзавцем, какими являлись все прочие пираты. Он надеялся поэтому, что какое-то, пусть даже очень отдаленное, эхо сегодняшнего его поступка также докатится до нее и хоть немного смягчит ее сердце. Он, конечно, скрыл от мадемуазель д'Ожерон истинную причину ее спасения. Блад решил рискнуть своей жизнью, движимый единственной мыслью, что Арабелла Бишоп была бы довольна им, если бы смогла присутствовать здесь сегодня.

ЗАПАДНЯ

Спасение мадемуазель д'Ожерон, естественно, улучшило и без того хорошие отношения между капитаном Бладом и губернатором Тортуги. Капитан стал желанным гостем в красивом белом доме с зелеными жалюзи, который д'Ожерон построил для себя к востоку от Кайоны, среди большого, роскошного сада. Губернатор считал, что его долг Бладу не ограничивается двадцатью тысячами песо, которые тот уплатил за Мадлен. Умному и опытному дельцу не чужды были и благородство и чувство признательности. Француз доказал это различными способами, и под его покровительством акции капитана Блада среди пиратов поднялись к зениту.

Когда пришло время оснащать эскадру для набега на Маракайбо, в свое время предложенного Левасером, у капитана Блада оказалось достаточно и людей, и кораблей. Он легко набрал пятьсот авантюристов, а при желании мог бы наберечь и пять тысяч. Точно так же ему ничего не стоило вдвое увеличить и свою эскадру, но он предпочел ограничиться тремя кораблями: «Арабеллой», «Ла Фудр» с командой в сто двадцать французов под начальством Каузака и «Сантьяго», оснащенного заново и переименованного в «Элизабет». Это имя они дали кораблю в честь английской королевы, во времена царствования которой моряки проучили Испанию так же, как сейчас собирался это сделать снова капитан Блад.

Командиром «Элизабет» он назначил Хагторпа, и это назначение было одобрено всеми членами пиратского братства.

В августе 1687 года небольшая эскадра Блада после некоторых приключений в пути, о которых я умалчиваю, вошла в огромное озеро Маракайбо и совершила нападение на одноименный богатый город Мейна. Операция эта прошла не столь гладко, как предполагал Блад, и отряд его попал в опасное положение. Сложность этого положения лучшего всего характеризуют слова Каузака — их старательно записал Питт, — произнесенные в пылу ссоры, вспыхнувшей на ступенях церкви Нуэстра-Сеньора-дель-Кармен, в которой Блад бесцеремонно устроил кордегардию⁷⁶. Раньше я уже упоминал, что

ирландец был католиком только тогда, когда это его устраивало.

В споре принимали участие, с одной стороны, Хагторп, Волверстон и Питт, а с другой — Каузака, чья трусость и послужила причиной спора. Перед жокаками пиратов, на выжженной солнцем пыльной площади, окаймленной редкими пальмами с опущенными от зноя листьями, бурлила толпа из нескольких сот головорезов обеих партий.

Каузака, видимо, никто не останавливал, и его резкий, крикливый голос покрывал нестройный шум толпы, стихавший по временам, когда француз бессвязно обвинял Блада во всех смертных грехах. Питт утверждает, что Каузака говорил на ужасном английском языке, который Питт даже не пытается воспроизвести. Одежда на французском капитане была так же нелепа и растрепана, как и его речь, и весь облик Каузака резко отличался от скромной фигуры Хагторпа, одетого в чистый костюм, и от почти щегольского облика Питта, появившегося там в нарядном камзоле и блестящих туфлях. Вымазанная в крови блуза из синей бумажной ткани, мешковато сидевшая на французе, была расстегнута, открывая его грязную волосатую грудь; за поясом кожаных штанов у него торчали нож и целый арсенал пистолетов, и, кроме того, на перевязи болталась абордажная сабля. Над широким и скуластым, как у монгола, лицом свисал красный шарф, обвязанный вокруг головы в виде тюрбана.

— Разве я не предупреждал вас еще вначале, что все идет слишком гладко, слишком благополучно? — выкрикивал он, яростно подпрыгивая на своих кривых ногах. — Я ведь не дурак, друзья! У меня все-таки есть глаза. Мы входим в озеро — и что мы видим? Брошенный форт. Вы помните, да? Там никого не было. Помните? Никто в нас не стрелял. Пушки молчали. Я тогда уже заподозрил неладное. Да и любой бы на моем месте, у кого есть глаза и мозги, думал бы так же. Но мы все-таки плывем дальше, и что же мы находим? Такой же брошенный, как и форт, город, из которого бежали жители, забрав с собой все ценное. Я снова предупреждаю капитана Блада, я говорю ему, что это неспроста, что тут ловушка. Но он меня не слушает, не хочет слушать. Мы продолжаем идти дальше, не встречая никакого сопротивления. Наконец все уже видят, что еще немного — и думать о возвращении будет слишком поздно.

Я снова предупреждаю, но меня по-прежнему никто не слушает. Боже мой! Капитан Блад должен идти дальше! И мы двигаемся дальше и доходим до Гибралтара⁷⁷. Правда, здесь в конце концов мы находим вице-губернатора, заставляем его заплатить нам выкуп две тысячи песо! Может быть, вы ответите мне, что это такое? Или я вам должен объяснить? Это кусок сыра, понимаете? Кусок сыра в мышеловке! Кто же мыши? — спросите вы. Мыши — это мы, черт возьми! А кошки? О, они еще ожидают нас! Кошки — это четыре испанских военных корабля, которые стерегут нас у выхода из этой мышеловки. Боже мой! Мы попали в капкан из-за дурацкого упрямства нашего замечательного капитана Блада!

Волверстон засмеялся, Каузак рассвирепел.

— А-а, черт возьми! Ты еще смеешься, скотина! Отвечай мне: как мы сможем выбраться отсюда, если не примем условий испанского адмирала?

Пираты, стоявшие на ступеньках внизу, одобрительно загудели. Огромный Волверстон, гневно взглянув на них своим единственным глазом, сжал кулаки, как бы готовясь ударить француза, подстрекавшего людей к бунту. Но Каузака это не смутило. Воодушевленный поддержкой пиратов, он продолжал:

— Ты, должно быть, полагаешь, что капитан Блад — это бог и что он может творить чудеса, да? Да знаешь ли ты, что ваш хваленый капитан Блад смешон...

Он внезапно умолк, потому что как раз в эту минуту из церкви не торопясь выходил капитан Блад. Рядом с ним шел Ибервиль, длинноногий, высокий француз. Несмотря на свою молодость, он уже пользовался славой лихого корсара, и его считали настоящим морским волком еще до того, как гибель собственного судна вынудила Ибервиля поступить на службу к Бладу. Капитан «Арабеллы», в широкополой шляпе с плюмажем, приближался к пиратам, слегка опираясь на длинную трость из черного дерева. По внешнему виду никто не назвал бы его корсаром; он скорее походил на праздного шеголя с Пелл-Мелл или с Аламеда⁷⁸. Последнее, пожалуй, вернее, так как его элегантный камзол с отделанными золотом петлями был сшит по последней испанской моде. Но при более пристальном взгляде на него это впечатление менялось. Длинная боевая шпага, небрежно откинутаая назад, и стальной блеск в глазах Блада выдавали в нем искателя приключений.

— Вы находите меня смешным, Каузак, а? — спросил он, останавливаясь перед бретонцем, который вдруг как-то внезапно выдохся. — Кем же тогда я должен считать вас? — Он говорил тихим, утомленным голосом. — Вы кричите, что наша задержка породила опасность. А кто в этой задержке виноват? Мы потратили почти месяц на то, что можно было сделать за одну неделю, если бы не ваши ошибки.

— О, боже мой! Значит, я еще и виноват, что...

— А разве я посадил «Ла Фудр» на мель посреди озера? Вы понадеялись на себя, отказались от лоцмана. Это привело к тому, что мы потеряли три драгоценных дня на разгрузку вашего корабля, чтобы стащить его с мели. За эти три дня жители Гибралтара не только узнали о нас, но и успели скрыться. Вот что вынудило нас гнаться за губернатором и потерять у стен этой проклятой крепости около сотни людей и две недели времени! Вот в чем причина нашей задержки! А пока мы со всем этим возились, подоспела испанская эскадра, вызванная из Ла-Гуайры кораблем береговой охраны. Но даже и сейчас мы могли бы вырваться в открытое море, если бы не был потерян «Ла Фудр». И вы еще осмеливаетесь обвинять меня в том, в чем виноваты вы сами или, вернее, ваша глупость!

Надеюсь, вы согласитесь со мной, что сдержанность Блада трудно не назвать удивительной, если учесть, что испанской эскадрой, сторожившей выход из озера Маракайбо, командовал его злейший враг — дон Мигель де Эспиноса-и-Вальдес, адмирал Испании. У адмирала, помимо долга перед страной, были, как вам уже известно, и личные причины желать встречи с Бладом из-за истории, которая произошла около года назад на борту «Энкарнасьона» и завершилась смертью его брата дона Диего. Вместе с доном Мигелем плавал и его племянник дон Эстебан, еще более, чем адмирал, жаждавший мщения.

И все же капитан Блад сохранял полное спокойствие и высмеивал трусливое поведение Каузака.

— Сейчас нечего говорить о том, что сделано в прошлом! — закричал Каузак. — Вопрос сейчас стоит так: что мы теперь будем делать?

— Такого вопроса вообще не существует! — отрезал Блад.

— Как не существует? — кипятился Каузак. — Испанский адмирал дон Мигель обещал обеспечить нам без-

опасность, если мы немедленно уйдем, оставив город в целости, если мы освободим пленных и вернем все, что захватили в Гибралтаре.

Капитан Блад улыбнулся, зная цену обещаниям дона Мигеля, а Ибервиль, не скрывая своего презрения к Каузаку, сказал:

— Это лишний раз доказывает, что испанский адмирал, несмотря на все преимущества, какими он располагает, все же боится нас.

— Так это потому, что ему неизвестно, насколько мы слабы! — закричал Каузак. — Нам нужно принять его условия, так как иного выхода у нас нет. Таково мое мнение.

— Но не мое, — спокойно заметил Блад. — Поэтому-то я и отклонил эти условия.

— Отклонили? — Широкое лицо Каузака побагровело. Ропот стоявших позади людей подбодрил его. — Отклонили и даже не посоветовались со мной?

— Ваш отказ ничего изменить не может. Нас большинство, так как Хагторп придерживается того же мнения, что и я. Но если вы и ваши французские сторонники хотите принять условия испанца, то мы вам не будем мешать. Пошлите сообщить об этом адмиралу. Можно не сомневаться, что ваше решение только обрадует дона Мигеля.

Каузак сердито посмотрел на него, а затем, взяв себя в руки, спросил:

— Какой ответ вы дали адмиралу?

Лицо и глаза Блада осветились улыбкой.

— Я ответил ему, что если в течение двадцати четырех часов он не гарантирует нам свободного выхода в море и не выплатит за сохранность Маракайбо пятьдесят тысяч песо, то мы превратим этот прекрасный город в груды развалин, а затем выйдем отсюда и уничтожим его эскадру.

Услышав столь дерзкий ответ, Каузак потерял дар речи. Однако многим пиратам из англичан пришлось по душе смелый юмор человека, который, будучи в западне, все же диктовал свои условия тому, кто завлек его в эту ловушку. В толпе пиратов раздались хохот и крики одобрения. Многие французские сторонники Каузака были захвачены этой волной энтузиазма. Каузак же со своим свирепым упрямством остался в одиночестве. Обиженный, он ушел и не мог успокоиться до следующего дня, который стал днем его мщения.

В этот день от дона Мигеля прибыл посланец с письмом. Испанский адмирал торжественно клялся, что, поскольку пираты отклонили его великодушное предложение, он будет ждать их теперь у выхода из озера, чтобы уничтожить. Если же отплытие пиратов задержится, предупреждал дон Мигель, то, как только его эскадра будет усилена пятым кораблем — «Санто-Ниньо», идущим к нему из Ла-Гайры, он сам войдет в озеро и захватит их у Маракайбо.

На сей раз капитан Блад был выведен из равновесия.

— Не беспокой меня больше! — огрызнулся он на Каузака, который с ворчанием снова ввалился к нему. — Сообщи адмиралу, что ты откололся от меня, черт побери, и он выпустит тебя и твоих людей. Возьми шлюп⁷⁹ и убирайся к дьяволу!

Каузак, конечно, последовал бы этому совету, если бы среди французов было единодушие в этом вопросе. Их раздирали жадность и беспокойство: уходя с Каузаком, они начисто отказывались от своей доли награбленного, а также и от захваченных ими рабов и пленных. Если же хитроумному капитану Бладу удастся выбраться отсюда невредимым, то он, конечно, на законном основании захватит все, что они потеряют. Одна лишь мысль о такой ужасной перспективе была слишком горькой. И в конце концов, несмотря на все уговоры Каузака, его сторонники перешли на сторону Питера Блада. Они заявили, что отправились в этот поход с Бладом и вернутся только с ним, если им вообще доведется вернуться. Об этом решении угрюмо сообщил ему сам Каузак.

Блад был рад такому решению и пригласил бретонца принять участие в совещании, на котором как раз в это время обсуждался вопрос о дальнейших действиях. Совещание происходило в просторном внутреннем двореке губернаторского дома. В центре, окруженный аркадами каменного четырехугольника, под сеткой вьющихся растений бил прохладный фонтан. Вокруг фонтана росли апельсиновые деревья, и неподвижный вечерний воздух был напоен их ароматом. Это было одно из тех приятных снаружи и внутри сооружений, которые мавританские архитекторы строили в Испании по африканскому образцу, а испанцы затем уже перенесли в Новый Свет.

В совещании принимали участие всего лишь шесть человек, и оно закончилось поздней ночью. На этом

совещании обсуждался план действий, предложенный Бладом.

Огромное пресноводное озеро Маракайбо тянулось в длину на сто двадцать миль, кое-где достигая такой же ширины. Его питали несколько рек, стекавших со снежных хребтов, окружавших озеро с двух сторон. Как я уже говорил, озеро это имеет форму гигантской бутылки с горлышком, направленным в сторону моря у города Маракайбо.

За этим горлышком озеро расширяется снова, а ближе к морю лежат два длинных острова — Вихилиас и Лас-Паломас, закрывая выход в океан. Единственный путь для кораблей любой осадки проходит между этими островами через узкий пролив. К берегам острова Лас-Паломас могут пристать только небольшие, мелкосидящие суда, за исключением его восточной оконечности, где, господствуя над узким выходом в море, высится мощный форт, который во время подхода к нему корсаров оказался брошенным. На водной глади между этими островами стояли на якорях четыре испанских корабля.

Флагманский корабль «Энкарнасьон», с которым мы уже встречались, был мощным галионом, вооруженным сорока восьмью большими пушками и восьмью малыми. Следующим по мощности был тридцатипушечный «Сальвадор», а два меньших корабля — «Инфанта» и «Сан-Фелипе» — имели по двадцать пушек и по сто пятьдесят человек команды каждый.

Такова была эскадра, на вызов которой должен был ответить капитан Блад, располагавший, помимо «Арабеллы» с сорока пушками и «Элизабет» с двадцатью шестью пушками, еще двумя шлюпами, захваченными в Гибралтаре, каждый из которых был вооружен четырьмя кулевринами⁸⁰. Против тысячи испанцев корсары могли выставить не более четырехсот человек.

План, представленный Бладом, отличаясь смелостью замысла, со стороны все же казался отчаянным, и Каузак сразу же высказал свои опасения.

— Да, не спору, — согласился капитан Блад, — но мне приходилось идти и на более отчаянные дела. — Он с удовольствием закурил трубку, набитую душистым табаком, которым так славился Гибралтар. — И что еще более важно, — все эти дела кончались удачно. *Audaces fortuna juvat**, — добавил он по-латыни и на-

* *Audaces fortuna juvat* (лат.) — счастье покровительствует смелым.

последок сказал: — Честное слово, старики римляне были умные люди.

Своей уверенностью он заразил даже недоверчивого и трусоватого Каузака. Все деятельно принялись за работу и три дня с восхода до заката готовились к бою, сулившему победу. Время не ждало. Они должны были ударить первыми, прежде чем к дону Мигелю де Эспиноса могло подоспеть подкрепление в виде пятого галиона «Санто-Ниньо», идущего из Ла-Гайры.

Основная работа велась на большем из двух шлюпов, захваченных в Гибралтаре. Этот шлюп играл главную роль в осуществлении плана Блада. Все перегородки и переборки на нем были сломаны, и судно превратилось как бы в пустую скорлупу, прикрытую досками палубы, а когда в его бортах просверлили сотни отверстий, то оно стало походить на половину пустого ореха, источенного червями. Затем в палубе было пробито еще несколько люков, а внутрь корпуса уложен весь запас смолы, дегтя и серы, найденных в городе. Ко всему этому добавили еще шесть бочек пороха, выставив их наподобие пушек из бортовых отверстий шлюпа.

К вечеру четвертого дня, когда все работы были закончены, пираты оставили за собой приятный, но безлюдный город Маракайбо. Однако снялись с якоря только часа через два после полуночи, воспользовавшись отливом, который начал их тихо сносить по направлению к бару⁸¹. Корабли шли, убрав все паруса, кроме бушпритных⁸², подгоняемые легким бризом, едва ощутимым в фиолетовом мраке тропической ночи. Впереди шел наскоро сделанный брандер⁸³ под командованием Волверстона, с шестью добровольцами. Каждому из них, кроме специальной награды, было обещано еще по сто песо сверх обычной доли добычи. За брандером шла «Арабелла», на некотором расстоянии от нее следовала «Элизабет» под командой Хагторпа, на этом же корабле разместились и Каузак с французскими пиратами. Арьергард замыкали второй шлюп и восемь каноэ с пленными, рабами и большей частью захваченных товаров. Пленных охраняли два матроса, управлявшие лодками, и четыре пирата с мушкетами.

По плану Блада, они должны были находиться в тылу и ни в каком случае не принимать участия в предстоящем сражении.

Едва лишь первые проблески рассвета рассеяли темноту, корсары, напряженно всматривавшиеся в даль,

увидели в четверти мили от себя очертания рангоутов и такселей⁸⁴ испанских кораблей, стоявших на якорях.

Испанцы, полагаясь на свое подавляющее превосходство, не проявили большей бдительности, чем им диктовала их обычная беспечность, и обнаружили эскадру Блада только после того, как их уже заметили корсары. Увидя сквозь предрассветный туман испанские галионы, Волверстон поднял на реях своего брандера все паруса, и не успели испанцы опомниться, как он уже вплотную подошел к ним.

Направив свой шлюп на огромный флагманский корабль «Энкарнасьон», Волверстон намертво закрепил штурвал и, схватив висевший около него тлеющий фитиль, зажег огромный факел из скрученной соломой, пропитанной нефтью. Факел вспыхнул ярким пламенем в ту минуту, когда маленькое судно с треском ударилось о борт флагманского корабля. Запутавшись своими снастями в его вантах, оно начало разваливаться. Шестеро людей Волверстона без одежды стояли на своих постах с левого борта шлюпа: четверо на планшире и двое — на реях, держа в руках цепкие абордажные крючья. Как только брандер столкнулся с испанским кораблем, они тут же закинули крючья за его борт и как бы привязали к нему брандер. Крюки, брошенные с рей, должны были еще больше перепутать снасти и не дать испанцам возможности освободиться от неспрошенных гостей.

На борту испанского галиона затрубили тревогу, и началась паника. Испанцы, не успев продрать от сна глаза, бегали, суетились, кричали. Они пытались было поднять якорь, но от этой попытки, предпринятой с отчаяния, пришлось отказаться, поскольку времени на это все равно не хватило бы. Испанцы полагали, что пираты пойдут на абордаж, и в ожидании нападения схватились за оружие. Странное поведение нападающих ошеломило экипаж «Энкарнасьона», потому что оно не походило на обычную тактику корсаров. Еще более поразил их вид голого верзилы Волверстона, который, размахивая поднятым над головой огромным пылающим факелом, носился по палубе своего суденышка. Испанцы слишком поздно догадались о том, что Волверстон поджигал фитили у бочек с горючим. Один из испанских офицеров, обезумев от паники, приказал послать на шлюп абордажную группу.

Но и этот приказ запоздал. Волверстон, убедившись, что шестеро его молодцов блестяще выполнили данные

им указания и уже прыгнули за борт, подбежал к ближайшему открытому люку, бросил в трюм пылающий факел, а затем нырнул в воду, где его подобрал баркас с «Арабеллы». Но еще до того, как подобрали Волверстона, шлюп стал похож на гигантский костер, откуда силой взрывов выбрасывались и летели на «Энкарнасьон» пылающие куски горючих материалов. Длинные языки пламени лизали борт галиона, отбрасывая назад немногих испанских смельчаков, которые хотя и поздно, но все же пытались оттолкнуть шлюп.

В то время, как самый мощный корабль испанской эскадры уже в первые минуты сражения быстро выходил из строя, Блад приближался к «Сальвадору». Проходя перед его носом, «Арабелла» дала бортовой залп, который с ужасной силой смел все с палубы испанского корабля. Затем «Арабелла» повернулась и, продвигаясь вдоль борта «Сальвадора», произвела в упор по его корпусу второй залп из всех своих бортовых пушек. Оставив «Сальвадор» наполовину выведенным из строя и продолжая следовать своим курсом, «Арабелла» несколькими ядрами из носовых пушек привела в замешательство команду «Инфанты», а затем с грохотом ударилась о ее корпус, чтобы взять испанский корабль на абордаж, пока Хагторп проделывал подобную операцию с «Сан-Фелипе».

За все это время испанцы не успели сделать ни одного выстрела — так врасплох они были захвачены и таким ошеломляющим был внезапный удар Блада.

Взятые на абордаж и уstraшенные сверкающей сталью пиратских клинков, команды «Сан-Фелипе» и «Инфанты» не оказали никакого сопротивления. Зрелище обьятного пламенем флагманского корабля и выведенного из строя «Сальвадора» так потрясло их, что они бросили оружие.

Если бы «Сальвадор» оказал решительное сопротивление и воодушевил своим примером команды других неповрежденных кораблей, вполне возможно, что счастье в этот день могло бы переключиться на сторону испанцев. Но этого не произошло по характерной для испанцев жадности: «Сальвадору» нужно было спасти находившуюся на нем казну эскадры. Озабоченный прежде всего тем, чтобы пятьдесят тысяч песо не попали в руки пиратов, дон Мигель, перебравшийся с остатками своей команды на «Сальвадор», приказал идти к форту на острове Лас-Паломас. Рассчитывая на неизбежную встречу с пиратами, адмирал перевооружил форт и оставил в нем гарнизон. Для этой цели он снял с форта Кохеро, находившегося в

глубине залива, несколько дальнобойных «королевских» пушек, более мощных, чем обычные.

Ничего не знавший об этом капитан Блад на «Арабелле» в сопровождении «Инфанты», уже с командой из корсаров и Ибервилем во главе, бросился в погоню за испанцами. Кормовые пушки «Сальвадора» беспорядочно отвечали на сильный огонь пиратов. Однако повреждения на нем были так серьезны, что, добравшись до мелководья под защиту пушек форта, корабль начал тонуть и опустился на дно, оставив часть своего корпуса над водой. Команда корабля на лодках и вплавь добралась до берега Лас-Паломас.

Когда капитан Блад считал битву уже выигранной, а выход в море — свободным, форт внезапно показал свою огромную, но скрытую до этого мощь. Раздался залп «королевских» пушек. Тяжелыми ядрами была снесена часть борта и убито несколько пиратов. На судне началась паника.

За первым залпом последовал второй, и если бы Питт, штурман «Арабеллы», не подбежал к штурвалу и не повернул корабль резко вправо, то «Арабелле» пришлось бы плохо. «Инфанта» пострадала значительно сильнее. В пробойны у ватерлинии ее левого борта хлынула вода, и корабль, несомненно, затонул бы, если бы решительный и опытный Ибервиль не приказал немедленно сбросить в воду все пушки левого борта.

«Инфанту» удалось удержать на воде, хотя корабль сильно накренился на правый борт, и все же он шел вслед за «Арабеллой». Пушки форта продолжали стрелять вдогонку по уходящим кораблям, но уже не могли причинить им значительных повреждений. Выйдя из-под огня форта и соединившись с «Элизабет» и «Сан-Фелипе», «Арабелла» и «Инфанта» легли в дрейф, и капитаны четырех кораблей могли наконец обсудить свое нелегкое положение.

Глава XVII

ОДУРАЧЕННЫЕ

На полуноче⁸⁵ «Арабеллы» под яркими лучами утреннего солнца заседал поспешно созванный совет. Капитан Блад, председательствовавший на совете, совершенно пал духом. Много лет спустя он говорил Питту, что этот день был самым тяжелым днем его жизни. Он

провел бой с искусством, которым по справедливости можно было гордиться, и разгромил противника, обладающего безусловно подавляющими силами. И все же Блад понимал всю бесплодность этой победы. Всего лишь три удачных выстрела батареи, о существовании которой они не подозревали, — и победа превратилась в поражение. Им стало ясно, что сейчас нужно бороться за свое освобождение, а оно могло прийти лишь после захвата форта, охраняющего выход в море.

Вначале капитан Блад сгоряча предложил немедленно приступить к ремонту кораблей и тут же сделать новую попытку прорваться в море. Но его отговорили от этого рискованного шага: так можно было потерять все. И капитан Блад, едва лишь спокойствие вернулось к нему, трезво оценил сложившуюся обстановку: «Арабелла» не могла выйти в море, «Инфанта» едва держалась на воде, а «Сан-Фелипе» получил серьезные повреждения еще до захвата его пиратами.

В конце концов Блад согласился с тем, что у них нет иного выхода, как вернуться в Маракайбо и там заново оснастить корабли, прежде чем сделать еще одну попытку прорваться в море.

Так они и решили. И вот в Маракайбо вернулись победители, побежденные в коротком, но ужасном бою. Раздражение Блада еще более усилил мрачный пессимизм Каузака. Испытав головокружение от быстрой и легкой победы над превосходящими силами противника, бретонец сразу же впал в глубокое отчаяние, заразив своим настроением большую часть французских корсаров.

— Все кончено, — заявил он Бладу. — На этот раз мы попались.

— Я слышал это от тебя и раньше, — терпеливо ответил ему капитан Блад. — А ведь ты, кажется, можешь понять, что произошло. Ведь никто не станет отрицать, что мы вернулись с большим количеством кораблей и пушек. Погляди сейчас на наши корабли.

— Я и так на них смотрю.

— Ну, тогда я и разговаривать не хочу с такой трусливой тварью!

— Ты смеешь называть меня трусом?

— Конечно!

Бретонец, тяжело сопя, исподлобья взглянул на обидчика. Однако требовать от него удовлетворения он не мог, помня судьбу Левасера и прекрасно понимая,

какое удовлетворение можно получить от капитана Блада. Поэтому он пробормотал обиженно:

— Ну, это слишком! Очень уж много ты себе позволяешь!

— Знаешь, Каузак, мне смертельно надоело слушать твои нытье и жалобы, когда все идет не так гладко, как на званом обеде. Если ты ищешь спокойной жизни, то не выходи в море, а тем более со мной, потому что со мной спокойно никогда не будет. Вот все, что я хотел тебе сказать.

Разразившись проклятиями, Каузак оставил Блада и отправился к своим людям, чтобы посоветоваться с ними и решить, что делать дальше.

А капитан Блад, не забывая и о своих врачебных обязанностях, отправился к раненым и пробыл у них до самого вечера. Затем он поехал на берег, в дом губернатора, и, усевшись за стол, на изысканном испанском языке написал дону Мигелю вызывающее, но весьма учтивое письмо.

«Нынче утром Вы, Ваше высокопревосходительство, убедились, на что я способен, — писал он. — Несмотря на Ваше более чем двойное превосходство в людях, кораблях и пушках, я потопил или захватил все суда Вашей эскадры, пришедшей в Маракайбо, чтобы нас уничтожить. Сейчас Вы не в состоянии осуществить свои угрозы, если даже из Ла-Гуайры подойдет ожидаемый Вами «Санто-Ниньо». Имея некоторый опыт, Вы легко можете себе представить, что еще произойдет. Мне не хотелось беспокоить Вас, Ваше высокопревосходительство, этим письмом, но я человек гуманный и ненавижу кровопролитие. Поэтому, прежде чем раздаться с Вашим флотом, который Вы считаете неприступным, так же как раньше я расправился с Вашей эскадрой, которую Вы тоже считали непобедимой, я из элементарных человеческих побуждений делаю Вам последнее предупреждение. Если Вы предоставите мне возможность свободно выйти в море, заплатите выкуп в пятьдесят тысяч песо и поставите сто голов скота, то я не стану уничтожать город Маракайбо и оставляю его, освободив сорок взятых мною здесь пленных. Среди них есть много важных лиц, которых я задержу как заложников впредь до нашего выхода в открытое море, после чего они будут отосланы обратно в каное, специально захваченных мною для этой цели. Если Вы, Ваше высокопревосходительство, неблагоприятно от-

клоните мои скромные условия и навяжете мне необходимость захватить форт, хотя это будет стоить многих жизней, я предупреждаю Вас, что пощады не ждите. Я начну с того, что превращу в развалины чудесный город Маракайбо...»

Закончив письмо, Блад приказал привести к себе захваченного в Гибралтаре вице-губернатора Маракайбо. Сообщив ему содержание письма, он направил его с этим письмом к дону Мигелю.

Блад правильно учел, что вице-губернатор был самым заинтересованным лицом из всех жителей Маракайбо, который согласился бы любой ценой спасти город от разрушения.

Так оно и произошло. Вице-губернатор, доставив письмо дону Мигелю, действительно дополнил его своими собственными настойчивыми просьбами.

Но дон Мигель не склонился на просьбы и мольбы. Правда, его эскадра частично была захвачена, а частично потоплена. Но адмирал успокаивал себя тем, что его застигли врасплох, и клялся, что это никогда больше не повторится. Захватить форт никому не удастся. Пусть капитан Блад сотрет Маракайбо с лица земли, но ему все равно не уйти от сурового возмездия, как только он решится выйти в море, а рано или поздно ему, конечно, придется это сделать!

Вице-губернатор был в отчаянии. Он вспылил и наговорил адмиралу много дерзостей. Но ответ адмирала был еще более дерзким:

— Если бы вы были верноподданным нашего короля и не допустили бы сюда этих проклятых пиратов, так же как я не допущу, чтобы они ушли отсюда, мы не попали бы сейчас в такое тяжелое положение. Поэтому прошу не давать мне трусливых советов. Ни о каком соглашении с капитаном Бладом не может быть речи, и я выполняю свой долг перед моим королем. Помимо этого, у меня есть личные счета с этим мерзавцем, и я намерен с ним расплатиться. Так и передайте тому, кто вас послал!

Этот ответ адмирала вице-губернатор и принес в свой красивый дом в Маракайбо, где так прочно обосновался капитан Блад, окруженный сейчас главарями корсаров. Адмирал проявил такую выдержку после происшедшей катастрофы, что вице-губернатор чувствовал себя посрамленным и, вручая Бладу ответ, вел себя

весьма дерзко, чем адмирал остался бы очень доволен, если бы мог это видеть.

— Ах так! — спокойно улыбаясь, сказал Блад, хотя его сердце болезненно сжалось, так как он все же рассчитывал на иной ответ. — Ну что ж, я сожалею, что адмирал так упрям. Именно поэтому он и потерял свой флот. Я ненавижу разрушения и кровопролития. Но ничего не поделаешь. Завтра утром сюда доставят вязанки хвороста. Может быть, увидев зарево пожара, адмирал поверит, что Питер Блад держит свое слово. Вы можете идти, дон Франсиско.

Утратив остатки своей смелости, вице-губернатор ушел в сопровождении стражи, с трудом волоча ноги.

Как только он вышел, Каузак, побледнев, вскочил с места и, размахивая дрожащими руками, хрипло закричал:

— Клянусь концом моей жизни, что ты на это скажешь? — И, не ожидая ответа, продолжал: — Я знал, что адмирала так легко не напугаешь. Он загнал нас в ловушку и знает об этом, а ты своим идиотским письмом обрeck всех на гибель.

— Ты кончил? — спокойно спросил Блад, когда француз остановился, чтобы передохнуть.

— Нет.

— Тогда избавь меня от необходимости выслушивать твой бред. Ничего нового ты не можешь сказать.

— А что скажешь ты? Что ты можешь сказать? — завизжал Каузак.

— Черт возьми! Я надеялся, что у тебя будут какие-нибудь предложения. Но если ты озабочен только спасением своей собственной шкуры, то лучше будет тебе и твоим единомышленникам убраться к дьяволу. Я уверен, что испанский адмирал с удовольствием узнает, что нас стало меньше. На прощанье мы дадим вам шлюп. Отправляйтесь к дону Мигелю, так как все равно от вас пользы не дождешься.

— Пусть это решат мои люди! — зарычал Каузак и, подавив в себе ярость, отправился к своей команде.

Придя на следующее утро к капитану Бладу, он застал его одного во внутреннем дворе. Опустив голову на грудь, Блад расхаживал взад и вперед. Его раздумье Каузак ошибочно принял за уныние.

— Мы ршили воспользоваться твоим предложением, капитан! — вызывающе объявил он.

Капитан Блад, продолжая держать руки за спиной,

остановился и равнодушно взглянул на пирата. Каузак пояснил:

— Сегодня ночью я послал письмо испанскому адмиралу и сообщил, что расторгаю союз с тобой, если он разрешит нам уйти отсюда с военными почестями. Сейчас я получил ответ. Адмирал принимает наше предложение при условии, что мы ничего с собой не возьмем. Мои люди уже грузятся на шлюп, и мы отплываем немедленно.

— Счастливого пути, — ответил Блад и, кивнув головой, повернулся, чтобы возобновить свои прерванные размышления.

— И это все, что ты мне хочешь сказать? — закричал Каузак.

— Я мог бы тебе сказать еще кое-что, — стоя спиной к Каузаку, отвечал Блад, — но знаю, что это тебе не понравится.

— Да?! Ну, тогда прощай, капитан! — И ядовито добавил: — Я верю, что мы больше не встретимся.

— Я не только верю, но и хочу на это надеяться, — ответил Блад.

Каузак с проклятиями выбежал из двора. Еще до полудня он отплыл вместе со своими сторонниками. Их набралось человек шестидесят. Настроение их было подавленное, так как они позволили Каузаку уговорить себя согласиться уйти с пустыми руками, несмотря на все попытки Ибервиля отговорить их. Адмирал сдержал свое слово и позволил им свободно выйти в море, чего Блад, хорошо зная испанцев, даже не ожидал.

Едва лишь французы успели отплыть, как капитану Бладу доложили, что вице-губернатор умоляет его принять. Ночные размышления пошли на пользу дону Франсиско: они усилили его опасения за судьбу города Маракайбо, так же как и возмущение непреклонностью адмирала.

Капитан Блад принял его любезно:

— С добрым утром, дон Франсиско! Я отложил фейерверк до вечера. В темноте он будет виден лучше.

Дон Франсиско, хилый, нервный, пожилой человек, несмотря на знатное происхождение, не отличался особой храбростью. Будучи принят Бладом, он сразу же перешел к делу:

— Я хочу просить вас, дон Педро, отложить разрушение города на три дня. За это время я обязуюсь

собрать выкуп — пятьдесят тысяч песо и сто голов скота, которые отказался дать вам дон Мигель.

— А где же вы его соберете? — спросил Блад с чуть заметным удивлением.

Дон Франсиско повел головой.

— Это мое личное дело, — ответил он, — и в этом деле мне помогут мои соотечественники. Освободите меня под честное слово, оставив у себя заложником моего сына.

И так как Блад молчал, вице-губернатор принялся умолять капитана принять его предложение. Но тот резко прервал его:

— Клянусь всеми святыми, дон Франсиско, я удивлен тем, что вы решились прийти ко мне с такой басней! Вам известно место, где можно собрать выкуп, и в то же время вы отказываетесь назвать его мне. А не кажется ли вам, что с горящими фитилями между пальцами вы станете более сговорчивым?

Дон Франсиско чуть побледнел, но все же снова покачал головой:

— Так делали Морган, Л'Оллонэ и другие пираты, но так не может поступить капитан Блад. Если бы я не знал этого, то не сделал бы вам такого предложения.

— Ах, старый плут! — рассмеялся Питер Блад. — Вы пытаетесь сыграть на моем великодушии, не так ли?

— На вашей чести, капитан!

— На чести пирата? Нет, вы определенно сошли с ума!

Однако дон Франсиско продолжал настаивать:

— Я верю в честь капитана Блада. О вас известно, что вы воюете, как джентльмен.

Капитан Блад снова засмеялся, но на сей раз его смех звучал издевательски, и это вызвало у дона Франсиско опасение за благоприятный исход их беседы. Ему в голову не могло прийти, что Блад издевается над самим собой.

— Хорошо, — сказал капитан. — Пусть будет так, дон Франсиско. Я дам вам три дня, которые вы просите.

Дон Франсиско, освобожденный из-под стражи, отправился выполнять свое обязательство, а капитан Блад продолжал размышлять о том, что репутация рыцаря в той мере, в какой она совместима с деятельностью пирата, все же может иногда оказаться полезной.

К исходу третьего дня вице-губернатор вернулся в Маракайбо с мулами, нагруженными деньгами и слитками

драгоценных металлов. Позади шло стадо в сто голов скота, которых гнали рабы-негры.

Скот был передан пиратам, ранее занимавшимся охотой и умевшим заготавливать мясо впрок. Большую часть недели они провели на берегу за разделкой туш и засолом мяса.

Пока шла эта работа и производился ремонт кораблей, капитан Блад неустанно размышлял над задачей, от решения которой зависела его дальнейшая судьба. Разведчики-индейцы сообщили ему, что испанцам удалось снять с «Сальвадора» тридцать пушек и таким образом увеличить и без того мощную артиллерию форта еще на одну батарею. В конце концов Блад, надеясь, что вдохновение осенит его на месте, решил провести разведку самостоятельно. Рискую жизнью, он под покровом ночи с двумя индейцами, ненавидевшими жестоких испанцев, перебрался в каноэ на остров и, спрятавшись в низком кустарнике, покрывавшем берег, пролежал там до рассвета. Затем уже в одиночку Блад отправился исследовать остров и подобрался к форту значительно ближе, чем это позволяла осторожность.

Но он пренебрег осторожностью, чтобы проверить возникшее у него подозрение.

Возвышенность, на которую Блад взобрался ползком, находилась примерно на расстоянии мили от форта. Отсюда все внутреннее расположение крепости открывалось, как на ладони. С помощью подзорной трубы он смог убедиться в основательности своих подозрений: да, вся артиллерия форта была обращена в сторону моря.

Довольный разведкой, он вернулся в Маракайбо и внес на рассмотрение Питта, Хагторпа, Ибервиля, Волверстона, Дайка и Огла предложение о штурме форта с берега, обращенного в сторону материка. Перебравшись в темноте на остров, они нападут на испанцев внезапно и сделают попытку разгромить их до того, как они для отражения атаки смогут перебросить свои пушки.

Предложение Блада было холодно встречено всеми офицерами, за исключением Волверстона, который по своему темпераменту относился к типу людей, любящих риск. Хагторп же немедленно выступил против.

— Это очень легкомысленный шаг. Питер. — сурово сказал он, качая головой. — Подумал ли ты о том, что мы не сможем подойти незамеченными к форту на расстояние, откуда можно будет броситься на штурм?

Испанцы не только вовремя обнаружат нас, но и успеют персташить свои пушки. А если даже нам удастся подойти к форту незаметно, то мы не сможем взять с собой наши пушки и должны будем рассчитывать только на легкое оружие. Неужели ты допускаешь, что три сотни смельчаков — а их осталось столько после дезертирства Каузака — могут атаковать превосходящего вдвое противника, сидящего в укрытии?

Другие — Дайк, Огл, Ибервиль и даже Питт — шумно согласились с Хатторпом. Блад внимательно выслушал все возражения и попытался доказать, что он учел все возможности, взвесил весь риск.

И вдруг Блад умолк на полуслове, задумался на мгновение, затем в глазах его загорелось вдохновение. Опустив голову, он некоторое время что-то взвешивал, бормоча то «да», то «нет», а потом, смело взглянув в лицо своим офицерам, сказал громко:

— Слушайте! Вы, конечно, правы — риск очень велик. Но я придумал выход. Атака, затеваемая нами, будет ложной. Вот план, который я предлагаю вам обсудить!

Блад говорил быстро, отчетливо, и, по мере того, как он излагал свое предложение, лица его офицеров свстлели. Когда же он кончил свою краткую речь, все в один голос закричали, что они спасены.

— Ну, это еще нужно доказать, — сказал он.

Они решили выйти из Маракайбо утром следующего дня, так как еще накануне все уже было готово к отплытию и корсаров ничто больше не задерживало.

Уверенный в успехе своего плана, капитан Блад приказал освободить заложников и даже пленных негров-рабов, которых все считали законной добычей. Единственная предосторожность по отношению к освобожденным пленным заключалась в том, что всех их поместили в большой каменной церкви и заперли там на замок. Освободить пленных должны были уже сами горожане после своего возвращения в город.

Погрузив в трюмы все захваченные ценности, корсары подняли якорь и двинулись к выходу в море. На буксире у каждого корабля было по три пироги.

Адмирал, заметив паруса пиратских кораблей, блиставшие в ярких лучах полуденного солнца, с удовлетворением потирал длинные, сухие руки и злорадно хихикал.

— Наконец-то! — радостно приговаривал он. — Сам Бог доставляет их прямо в мои руки. Рано или поздно,

но так должно было случиться. Ну, скажите, господа, — обратился он к офицерам, стоявшим позади него, — разве не подтвердилось мое предположение? Итак, сегодня конец всем пакостям, которые причинял подданным его католического величества короля Испании этот негодяй дон Педро Сангре, как он мне однажды представился.

Тут же были отданы необходимые распоряжения, и вскоре форт превратился в оживленный улей. У пушек выстроилась прислуга, в руках у канониров тлели фитили, но корсарская эскадра, идя на Лас-Паломас, почему-то стала заметно отклоняться к западу. Испанцы в недоумении наблюдали за странными маневрами пиратских кораблей.

Примерно в полутора милях от форта и в полумиле от берега, то есть там, где начиналось мелководье, все четыре корабля стали на якорь как раз в пределах видимости испанцев, но вне пределов досягаемости их самых дальнобойных пушек.

Адмирал торжествующе захохотал:

— Ага! Эти английские собаки колеблются! Клянусь Богом, у них есть для этого все основания!

— Они будут ждать наступления темноты, — высказал свое предположение его племянник, дрожавший от возбуждения.

Дон Мигель, улыбаясь, взглянул на него:

— А что им даст темнота в этом узком проливе под дулами моих пушек? Будь спокоен, Эстебан, сегодня ночью мы отомстим за твоего отца и моего брата.

Он прильнул к окуляру подозрительной трубы и не поверил своим глазам, увидев, что пироги, шедшие на буксире за пиратскими кораблями, были подтянуты к бортам. Он не мог понять этого маневра, но следующий маневр удивил его еще больше: побыв некоторое время у противоположных бортов кораблей, пироги одна за другой уже с вооруженными людьми появились снова и, обойдя суда, направились в сторону острова. Лодки шли по направлению к густым кустарникам, сплошь покрывавшим берег и вплотную подходившим к воде. Адмирал, широко раскрыв глаза, следил за лодками до тех пор, пока они не скрылись в прибрежной растительности.

— Что означает эта чертовщина? — спросил он своих офицеров.

Никто ему не мог ответить, все они в таком же недоумении глядели вдаль. Минуты через две или три

Эстебан, не сводивший глаз с водной поверхности, дернул адмирала за рукав и, протянув руку, закричал:
— Вот они, дядя!

Там, куда он указывал, действительно показались пироги. Они шли обратно к кораблям. Однако сейчас в лодках, кроме гребцов, никого не было. Все вооруженные люди остались на берегу.

Пироги подошли к кораблям и снова отвезли на Лас-Паломас новую партию вооруженных людей. Один из испанских офицеров высказал наконец свое предположение:

— Они хотят атаковать нас с суши и, конечно, попытаются штурмовать форт.

— Правильно, — улыбнулся адмирал. — Я уже угадал их намерения. Если боги хотят кого-нибудь наказать, то прежде всего они лишают его разума.

— Может быть, мы сделаем вылазку? — возбужденно сказал Эстебан.

— Вылазку? Через эти заросли? Чтобы нас перестреляли? Нет, нет, мы будем ожидать их атаки здесь. И как только они нападут, мы тут же их уничтожим. Можете в этом не сомневаться.

Однако к вечеру адмирал был уже не так уверен в себе. За это время пироги шесть раз доставили людей на берег и, как ясно видел в подзорную трубу дон Мигель, перевезли по меньшей мере двенадцать пушек.

Он уже больше не улыбался и, повернувшись к своим офицерам, не то с раздражением, не то с беспокойством заметил:

— Какой болван говорил мне, что корсаров не больше трехсот человек? Они уже высадили на берег по меньшей мере вдвое больше людей.

Адмирал был изумлен, но изумление его значительно увеличилось бы, если бы ему сказали, что на берегу острова Лас-Паломас нет ни одного корсара и ни одной пушки. Дон Мигель не мог догадаться, что пироги возили одних и тех же людей: при поездке на берег они сидели и стояли в лодках, а при возвращении на корабли лежали на дне лодок, и поэтому со стороны казалось, что в лодках нет никого.

Возрастающий страх испанской солдатни перед неизбежной кровавой схваткой начал передаваться и адмиралу.

Испанцы боялись ночной атаки, так как им уже стало известно, что у этого кошмарного капитана Блада оказалось вдвое больше сил, нежели было прежде.

И в сумерках испанцы наконец сделали то, на что так рассчитывал капитан Блад: они приняли именно те самые меры для отражения атаки с суши, подготовка к которой была столь основательно симулирована пиратами. Испанцы работали как проклятые, перетаскивая громоздкие пушки, установленные так, чтобы полностью простреливать узкий проход к морю.

Со стонами и криками, обливаясь потом, подстегиваемые грозной бранью и плетками своих офицеров, в лихорадочной спешке и панике перетаскивали они через всю территорию форта на сторону, обращенную к суше, свои тяжелые пушки. Их нужно было установить заново, чтобы подготовиться к отражению атаки, которая могла начаться в любую минуту.

И когда наступила ночь, испанцы были уже более или менее подготовлены к отражению атаки. Они стояли у своих пушек, смертельно страшась предстоящего штурма. Безрассудная храбрость сумасшедших дьяволов капитана Блада давно уже стала поговоркой.

Но, пока они ждали нападения, эскадра корсаров под прикрытием ночи, воспользовавшись отливом, тихо подняла якоря. Нашупывая путь промерами глубин, четыре неосвещенных корабля направились к узкому проходу в море. Капитан Блад приказал спустить все паруса, кроме бушпритных, которые обеспечивали движение кораблей и были выкрашены в черный цвет.

Впереди борт о борт шли «Элизабет» и «Инфанта». Когда они почти поравнялись с фортом, испанцы, целиком поглощенные наблюдениями за противоположной стороной, заметили в темноте неясные очертания кораблей и услышали тихий плеск рассекаемых волн и журчание кильватерных струй. И тут в ночном воздухе раздался такой взрыв бессильной человеческой ярости, какого, вероятно, не слышали со дня вавилонского столпотворения⁸⁶.

Чтобы умножить замешательство среди испанцев, «Элизабет» в ту минуту, когда быстрый отлив проносил ее мимо, произвела по форту залп из всех своих пушек левого борта.

Тут только адмирал понял, что его одурачили и что птичка благополучно улетает из клетки, хотя он еще не мог сообразить, как это произошло. В неистовом гнев дон Мигель приказал перенести на старые места только что и с таким трудом снятые оттуда пушки. Он погнал канониров на те слабенькие батареи, которые

из всего его мощного, но пока бесполезного вооружения одни охраняли проход в море. Потеряв еще несколько драгоценных минут, эти батареи наконец открыли огонь.

В ответ прогремел ужасающей силы бортовой залп «Арабеллы», поднимавшей все свои паруса. Взмешенные испанцы на мгновение увидели ее красный корпус, освещенный огромной вспышкой огня. Скрип фалов⁸⁷ утонул в грохоте залпа, и «Арабелла» исчезла, как призрак.

Скрывшись в благоприятствующую им темноту, куда беспорядочно и наугад стреляли мелкокалиберные испанские пушки, уходящие корабли, чтобы не выдать своего местоположения растерявшимся и одураченным испанцам, не произвели больше ни одного выстрела.

Повреждения, нанесенные кораблям корсаров, были незначительны. Подгоняемая хорошим южным бризом, эскадра Блада миновала узкий проход и вышла в море.

А дон Мигель, оставшись на острове, мучительно переживал казавшуюся такой прекрасной, но, увы, уже утраченную возможность расквитаться с Бладом и думал о том, какими словами он доложит высшему совету католического короля обстоятельства ухода Питера Блада из Маракайбо с двумя двадцатипушечными фрегатами, ранее принадлежавшими Испании, не говоря уже о двухстах пятидесяти тысячах песо и всякой другой добыче. Блад ушел, несмотря на то, что у дона Мигеля было четыре галиона и сильно вооруженный форт, которые позволяли испанцам держать пиратов в прочной ловушке.

«Долг» Питера Блада стал огромным, и дон Мигель страстно поклялся перед небом взыскать его сполна, чего бы это ему ни стоило.

Однако потери, понесенные королем Испании, этим не исчерпывались. Вечером следующего дня у острова Аруба эскадра Блада встретила «Санто-Ниньо». Корабль на всех парусах спешил в Маракайбо на помощь дону Мигелю. Испанцы решили вначале, что навстречу им идет победоносный флот дона Мигеля, возвращающийся после разгрома пиратов. Когда же корабли сблизились и на грот-мачте «Арабеллы», к величайшему разочарованию испанцев, взвился английский вымпел, капитан «Санто-Ниньо», решив, что храбрость не всегда полезна в жизни, спустил свой флаг.

Капитан Блад приказал команде испанского корабля погрузиться в шлюпки и отправиться на Арубу, в Маракайбо, к черту на рога или куда им только

заблагорассудится. Он был настолько великодушен, что подарил им несколько пирог, которые все еще шли на буксире за его кораблями.

— Вы застанете дону Мигеля в дурном настроении. Передайте адмиралу привет и скажите, что я беру на себя смелость напомнить ему следующее: во всех несчастиях, выпавших на его долю, он должен винить только самого себя. Все зло, которое он совершил, разрешив своему брату произвести неофициальный рейд на остров Барбадос, воздалось ему сторицей. Пусть он подумает дважды или трижды до того, как решится снова выпустить своих дьяволов на какое-либо английское поселение.

С этими словами он отпустил капитана «Санто-Ниньо» и приступил к осмотру своего нового трофея. Подняв люки, люди «Арабеллы» обнаружили, что в трюмах испанского корабля находится живой груз.

— Рабы, — сказал Волверстон и на все лады проклинал испанцев, пока из трюма не выполз Каузак, шурясь и морщась от яркого солнечного света.

Бретонец морщился, конечно, не только от солнца. И те, кто выползал вслед за ним — а это были остатки его команды, — последними словами ругали Каузака за малодушные, заставившее их пережить позор, который заключался в том, что их спасли те самые люди, кого они предательски бросили и обрекли на гибель.

Три дня назад «Санто-Ниньо» потопил шлюп, подаренный им великодушным Бладом. Каузак едва спасся от виселицы, но, должно быть, лишь только для того, чтобы на долгие годы стать посмешищем «берегового братства».

И долго потом на острове Тортуга его издевательски расспрашивали:

«Куда же ты девал свое маракайбское золото?»

Глава XVIII

«МИЛАГРОСА»

Дело в Маракайбо должно считаться шедевром карьеры капитана Блада. Хотя в любом из многих его боев, с любовной тщательностью описанных Джереми Питтом, легко сразу обнаружить проявления военного таланта Питера Блада, однако ярче всего этот

талант тактика и стратега проявился в боях при Маракайбо, завершившихся победоносным спасением из капкана, расставленного доном Мигелем де Эспиноса.

Блад и до этого пользовался большой известностью, но ее нельзя было сравнить с огромной славой, приобретенной им после этих сражений. Это была слава, какой не знал ни один корсар, включая даже и знаменитого Моргана.

В Тортуге, где Блад провел несколько месяцев, оснащая заново корабли, захваченные им из эскадры, готовившейся его уничтожить, он стал объектом поклонения буйного «берегового братства». Множество пиратов добивались высокой чести служить под командованием Блада. Это дало ему редкую возможность разборчиво подбирать экипажи для новых кораблей своей эскадры, и, когда он отправился в следующий поход, под его началом находились пять прекрасно оснащенных кораблей и более тысячи корсаров. Это была не просто слава, но и сила. Три захваченных испанских судна он, с некоторым академическим юмором, переименовал в «Клото», «Лаксис» и «Атропос»⁸⁸, будто для того, чтобы сделать свои корабли вершителями судеб тех испанцев, которые в будущем могли встретиться Бладу на морях.

В Европе известие об этой эскадре, пришедшее вслед за сообщением о разгроме испанского адмирала под Маракайбо, вызвало сенсацию. Испания и Англия были обеспокоены, хотя у этого беспокойства были разные основания, и если вы потрудитесь перелистать дипломатическую переписку того времени, посвященную этому вопросу, то увидите, что она окажется довольно объемистой и не всегда корректной.

А между тем дон Мигель де Эспиноса совершенно обезумел. Опала, явившаяся следствием поражений, нанесенных ему капитаном Бладом, чуть не свела с ума испанского адмирала. Рассуждая беспристрастно, нельзя не посочувствовать дону Мигелю. Ненависть стала ежедневной пищей этого несчастного, а жажда мщения глодала его, как червь. Словно одержимый, метался он по волнам Карибского моря в поисках своего врага и, не находя его, нападал на все английские и французские корабли, встречавшиеся на его пути, чтобы как-то удовлетворить эту жажду мести.

Говоря попросту, прославленный флотоводец и один из наиболее знатных грандов Испании потерял голову

и, гоняясь за пиратскими кораблями, сам, в свою очередь, стал пиратом. Королевский совет мог, разумеется, осудить адмирала за его корсарские занятия. Но что это значило для человека, который уже давно был осужден без всякой надежды на прощение? А вот если бы ему удалось схватить и повесить капитана Блада, то Испания, быть может, более снисходительно отнеслась бы к тому, что сейчас делал ее адмирал. и к тому, что он натворил прежде, потеряв несколько превосходных кораблей и упустив из своих рук знаменитого корсара.

И, не учитывая того обстоятельства, что капитан Блад располагал сейчас подавляющим превосходством, испанец настойчиво искал дерзкого пирата на непроторенных просторах морей. Однако целый год поиски были тщетными. Наконец ему все же удалось встретиться с Бладом, но при очень странных обстоятельствах.

15 сентября 1688 года три корабля бороздили воды Карибского моря.

Первым из них был одинокий флагманский корабль «Арабелла». Ураган, разразившийся в районе Малых Антильских островов, оторвал капитана Блада от его эскадры. Порывистый юго-восточный бриз этого душного периода года нес «Арабеллу» к Навстренному проливу; Блад спешил к острову Тортуга — единственному месту встречи мореплавателей, потерявших друг друга.

Вторым кораблем был огромный испанский галион «Милагроса», на борту которого плавал мстительный дон Мигель. Вспомогательный фрегат «Идальго» скрывался в засаде у юго-западных берегов острова Гаити.

Третьим, и последним из кораблей, которые нас сейчас интересуют, был английский военный корабль, стоявший в упомянутый мною день на якоре во французском порту Сен-Никола, на северо-западном берегу Гаити. Он следовал из Плимута на Ямайку и вез очень важного пассажира — лорда Джулиана Уэйда. Лорд Сандерленд, родственник лорда Уэйда, дал ему довольно ответственное и деликатное поручение, прямо вытекающее из неприятностей переписки между Англией и Испанией.

Французское правительство, так же как и английское, было весьма раздражено действиями корсаров, ухудшавшими и без того натянутые отношения с Испанией. Тщетно пытались положить конец их операциям, правительства требовали от губернаторов своих колоний

максимальной суровости к пиратам. Однако губернаторы, подобно губернатору Тортуги, наживались на своих тайных сделках с корсарами или же, подобно губернатору французской части Гаити, полагали, что пиратов следует не истреблять, а поощрять, так как они играют роль сдерживающей силы против мощи и алчности Испании. Поэтому губернаторы, не сговариваясь друг с другом, опасались применять какие-либо решительные меры, которые могли бы заставить корсаров перенести свою деятельность в новые районы.

Министр иностранных дел Англии лорд Сандерленд, стремясь быстрее выполнить настойчивое требование короля Якова во что бы то ни стало умиротворить Испанию, посол которой неоднократно изъяснял крайнее недовольство своего правительства, назначил губернатором Ямайки решительного человека. Этим решительным человеком был самый влиятельный плантатор Барбадоса — полковник Бишоп.

Полковник принял назначение на пост губернатора с особым рвением, которое объяснялось тем, что он жаждал поскорее свести личные счета с Питером Бладом.

Оставив свои плантации, явившиеся источником его огромных богатств, Бишоп сразу же после прибытия на Ямайку дал почувствовать корсарам, что он не намерен с ними яхшаться. Многим из них пришлось туговато. Лишь один корсар, бывший раб бывшего плантатора, не давался в руки Бишопу и всегда ускользал от него. Бесстрашно он продолжал тревожить испанцев на воде и на суше. Его смелые набеги и налеты никак не улучшали натянутых отношений между Англией и Испанией, а это было особенно нежелательно в те годы, когда мир в Европе сохранялся с таким трудом.

Доведенный до бешенства не только день ото дня копившимся в нем раздражением, но и бесконечными выговорами из Лондона за неумение справиться с капитаном Бладом, полковник Бишоп начал всерьез думать о захвате своего противника непосредственно на Тортуге. К счастью для себя, он отказался от этой безумной затеи: его остановили не только мощные природные укрепления острова, но и важные соображения о том, что затея очистить Тортугу от корсаров может быть расценена Францией как разбойничий налет и тяжкое оскорбление дружественного государства. И все же полковнику Бишопу казалось, что если не принять

каких-то решительных мер, то тогда вообще ничего не изменится. Эти мысли он и выложил в своем письме министру иностранных дел.

Это письмо, по существу правильно излагавшее истинное положение дел, привело лорда Сандерленда в отчаяние. Он понимал, что такую неприятную проблему немисливо решить обычными средствами и что в таком деле не обойдешься без применения средств чрезвычайных. Он вспомнил о Моргане, который при Карле II был привлечен на королевскую службу, и подумал, что такой же метод лестного для пирата решения вопроса мог бы оказаться полезным и по отношению к капитану Бладу. Его светлость учел, что противозаконную деятельность Блада вполне можно объяснить не его враждебными дурными наклонностями, а лишь абсолютной необходимостью, что он был вынужден заняться корсарством лишь в силу обстоятельств, связанных с его появлением на Барбадосе, и что сейчас Блад может обрадоваться, получив возможность отказаться от небезопасного занятия.

Действуя в соответствии с этим выводом, Сандерленд и послал на остров Ямайку своего родственника лорда Джулиана Уэйда, снабдив его несколькими полностью заполненными, за исключением фамилий, офицерскими патентами. Министр дал ему четкие указания, какой линии поведения он должен придерживаться, но вместе с тем предоставил полную свободу действий при выполнении этих указаний. Прожженный интриган и хитрый политик, Сандерленд посоветовал своему родственнику в случае, если Блад окажется несговорчивым или Уэйд по каким-либо причинам сочтет нецелесообразным брать его на королевскую службу, заняться его офицерами и, соблазнив их, настолько ослабить Блада, чтобы он стал легкой жертвой полковника Бишопа.

«Ройял Мэри», корабль, на котором путешествовал этот сносно образованный, слегка распушенный и безукоризненно элегантный посол лорда Сандерленда, благополучно добрался до Сен-Никола — своей последней стоянки перед Ямайкой. Еще в Лондоне было решено, что лорд Джулиан явится сначала к губернатору в Порт-Ройал, а оттуда уже отправится для свидания с прославленным пиратом на Тортугу. Но еще до знакомства с губернатором лорду Джулиану посчастливилось познакомиться с его племянницей, гостившей в Сен-Никола у своих родственников, пережидая здесь со-

вершенно нестерпимую в этот период года жару на Ямайке. Пробыв здесь несколько месяцев, она возвращалась домой, и просьба предоставить ей место на борту «Ройял Мэри» была сразу же удовлетворена.

Лорд Джулиан обрадовался ее появлению на корабле. До сих пор путешествие было просто очень интересным, а сейчас приобретало даже некоторую пикантность. Дело в том, что его светлость принадлежал к тем галантным кавалерам, для которых существование, не украшенное присутствием женщины, было просто жалким и бессмысленным прозябанием.

Мисс Арабелла Бишоп, прямая, искренняя, без малейшего жеманства и с почти мальчишеской свободой движений, конечно, не была той девушкой, на которой в лондонском свете остановились бы глаза разборчивого лорда Уэйда, молодого человека лет двадцати восьми, выше среднего роста, но казавшегося более высоким из-за своей худощавости. Длинное, бледное лицо его светлости с чувственным ртом и тонкими чертами, обрамленное локонами золотистого парика, и светло-голубые глаза придавали ему какое-то мечтательное или, точнее, меланхолическое выражение. Его изощренный и тщательно тренированный в таких вопросах вкус направлял его внимание к иным девушкам — томным, беспомощным, но женственным. Очарование мисс Бишоп было бесспорным. Однако оценить его мог только человек с добрым сердцем и острым умом, а лорд Джулиан, хотя совсем не был мужланом, но вместе с тем и не обладал должной деликатностью. Говоря так, я вовсе не хочу, чтобы все это было понято как какой-то намек, компрометирующий его светлость.

Но, как бы там ни было, Арабелла Бишоп была молодой, интересной женщиной из очень хорошей семьи, а на той географической широте, на которой оказался сейчас лорд Джулиан, это явление уже само по себе представляло редкость. Он же, со своей стороны, с его титулом и положением, любезностью и манерами опытного придворного, был представителем того огромного мира, который Арабелле, проводшей большую часть своей жизни на Антильских островах, был известен лишь понаслышке. Следует ли удивляться тому, что они почувствовали взаимный интерес еще до того, как «Ройял Мэри» вышла из Сен-Никола! Каждый из них мог рассказать много такого, чего не знал другой. Он мог усладить ее воображение занимательными историями

о Сент-Джеймском дворе, во многих из них отводя себе героическую или хотя бы достаточно примстную роль. Она же могла обогатить его ум важными сведениями о Новом Свете, куда он приехал впервые.

Еще до того как Сен-Никола скрылся из виду, они уже стали добрыми друзьями, и его светлость, внося поправки в свое представление о ней, ощутил очарование прямого и непосредственного чувства товарищества, заставлявшего ее относиться к каждому мужчине как к брату. И можно ли удивляться, зная, насколько голова лорда Уйда была занята делами его миссии, что он как-то заговорил с ней о капитане Бладе!

— Интересно знать, — сказал он, когда они прогуливались по корме, — видели ли вы когда-нибудь этого Блада? Ведь одно время он был рабом на плантациях вашего дяди.

Мисс Бишоп остановилась и, облокотившись на гакаборт, глядела на землю, скрывающуюся за горизонтом. Прошло несколько минут, прежде чем она ответила спокойным, ровным голосом:

— Я часто видела его и знаю его очень хорошо.

— Да?! Не может быть!

Его светлость был слегка выведен из того состояния невозмутимости, которое он так старательно в себе культивировал, и поэтому не заметил внезапно вспыхнувшего румянца на щеках Арабеллы Бишоп, хотя лорд считал себя очень наблюдательным человеком.

— Почему же не может быть? — с явно деланным равнодушием спросила Арабелла.

Но Уйд не заметил и этого странного спокойствия ее голоса.

— Да, да, — кивнул он, думая о своем. — Конечно, вы могли его знать. А что же он собой представляет, по вашему мнению?

— В те дни я уважала его, как глубоко несчастного человека.

— Вам известна его история?

— Он рассказал ее мне. Поэтому-то я и ценила его за удивительную выдержку, с какой он переносил свое несчастье. Однако после того, что он сделал, я уже почти сомневаюсь, рассказал ли он мне правду.

— Если вы сомневаетесь в несправедливости по отношению к нему со стороны королевской комиссии, судившей мятежников Монмута, то все, что вам рассказал Блад, соответствует действительности. Точно вы-

яснено, что он не принимал участия в восстании Монмута и был осужден по такому параграфу закона, которого мог и не знать, а судьи расценили его естественный поступок как измену. Но, клянусь честью, он в какой-то мере отомстил за себя.

— Да, — сказала она едва слышно, — но ведь эта месть и погубила его.

— Погубила? — рассмеялся лорд Уэйд. — Вряд ли вы правы в этом. Я слышал, что он разбогател и обращает испанскую добычу во французское золото, которое хранится им во Франции. Об этом побеспокоился его будущий тесть д'Ожерон.

— Его будущий тесть? — переспросила Арабелла, и глаза ее широко раскрылись от удивления. — Д'Ожерон? Губернатор Тортуги?

— Он самый, — подтвердил лорд. — Как видите, у капитана Блада сильный защитник. Должен признаться, я был огорчен этими сведениями, полученными мной в Сен-Никола, потому что все это осложняет выполнение задачи, которую мой родственник лорд Сандерленд поручил решить вашему покорному слуге. Все это не радует меня, но это так. А для вас, я вижу, это новость?

Она молча кивнула головой, отвернулась и стала смотреть на журчащую за кормой воду. Но вот Арабелла заговорила снова, и голос ее опять звучал спокойно и бесстрастно:

— Мне трудно во всем этом разобраться. Но, если бы это было правдой, он не занимался бы сейчас корсарством. Если он... если бы он любил женщину и хотел на ней жениться и если он так богат, как вы говорите, то зачем ему рисковать жизнью и...

— Вы правы. Я тоже так думал, — прервал ее сиятельный собеседник, — пока мне не объяснили, в чем тут дело. А дело, конечно, в д'Ожероне: он алчен не только для себя, но и для своей дочери. Что же касается мадемуазель д'Ожерон, то мне рассказывали, что это дикая штучка, вполне под стать такому человеку, как Блад. Удивляюсь, почему он не женится и не возьмет ее на свой корабль, чтобы пиратствовать вместе. Нового в этом для нас ничего не будет. И я удивляюсь терпению Блада. Он ведь убил человека, чтобы добиться ее взаимности.

— Убил человека? Из-за нее? — Голос Арабеллы прервался.

— Да, французского пирата по имени Левасер. Француз был возлюбленным девушки и сообщником Блада в какой-то аванюре. Блад домогался любви этой девушки и, чтобы получить ее, убил Левасера. История, конечно, омерзительная. Но что поделаешь? У людей, живущих в этих краях, иная мораль...

Арабелла подняла на него мертвенно бледное лицо. Ее карие глаза сверкнули, когда она резко прервала его попытку оправдать Блада:

— Да, должно быть, вы правы. Это мир иной морали, если его сообщники позволили ему жить после этого.

— О, почему же так? Мне говорили, что вопрос о девушке был решен в честном бою.

— Кто это сказал вам?

— Некий француз по имени Каузак, которого я встретил в портовой таверне Сен-Никола. Он служил у Левасера лейтенантом и присутствовал на дуэли, в которой был убит Левасер.

— А девушка была там, когда они дрались?

— Да. Она тоже была там, и Блад увел ее после того, как разделался со своим товарищем корсаром.

— И сторонники убитого позволили ему уйти? (Он услышал в ее голосе нотку сомнения.) О, я не верю этой выдумке и не поверю никогда!

— Уважаю вас за это, мисс Бишоп. Я тоже не мог поверить, пока Каузак не объяснил мне, как было дело.

— Что? Что? — И чувство сомнения, будто вдохнувшее в нее бодрость, сразу же исчезло. Она вцепилась в поручни, словно боясь упасть, хотя море было на редкость спокойным.

Позднее, припоминая ее поведение в эти минуты, Уэйд нашел, что оно было несколько странным, но тогда он не обратил на это внимания.

— Блад купил у них право взять девушку себе. Он заплатил им за согласие жемчужинами, стоившими более двадцати тысяч песо. — Его светлость презрительно засмеялся. — Хорошая цена! Клянусь честью, но все они продажные мерзавцы... Простите меня, мисс. Такие истории не для женских ушей.

Она отвела глаза и с удивлением обнаружила, что горизонт, и небо, и реи корабля стали нерезкими и расплывчатыми, будто она глядела сквозь слезы. Но, собрав все свои силы, Арабелла спустила несколько секунд

уже менее ровным голосом, чем раньше, спросила пытливо:

— А для чего француз рассказал вам эту гнусную историю? Должно быть, он ненавидит этого капитана Блада?

— Н-не думаю, — медленно растягивая слова, сказал лорд Уэйд. — У меня не сложилось такого впечатления. Он передал это мне... ну, как банальность, как банальный эпизод из жизни пиратов.

— Банальность! — воскликнула она. — Боже мой!

— Осмелюсь заметить, мисс Бишоп, что все мы еще дикири под тонкой оболочкой цивилизации, — сказал Уэйд. — Ну, а этот Блад, судя по тому, что Каузак сообщил мне, — способный человек. В прошлом он был бакалавром медицины.

— Да, это правда, — едва слышно прошептала она.

— Он служил в иностранных флотах и армиях. Каузак говорит — чему я с трудом могу поверить, — что он воевал под командованием де Ритера.

— Это тоже правда, — сказала она и тяжело вздохнула. — Очевидно, ваш Каузак хорошо знает его. Увы!

— Вы сожалеете об этом?

Арабелла мельком взглянула на него, и он заметил ее бледное лицо и лихорадочный блеск глаз.

— Все мы сожалеем о смерти человека, которого мы уважали. Когда-то я относилась к нему, как к несчастному, но достойному человеку. Сейчас... — по губам ее скользнула слабая, кривая улыбка, — сейчас о таком человеке лучше всего забыть. — И она постаралась тут же перевести беседу на другие темы.

За короткое время дружба Арабеллы Бишоп с лордом Уэйдом углубилась и окрепла. Способность вызывать такую дружбу была величайшим даром Арабеллы. Но вскоре произошло событие, испортившее то, что обещало быть наиболее приятной частью путешествия его светлости.

Это приятное путешествие сиятельного лорда и очаровательной девушки нарушил все тот же сумасшедший испанский адмирал, которого они встретили на второй день после отплытия из Сен-Никола. Капитан «Ройял Мэри» был смелым моряком. Его сердце не дрогнуло даже тогда, когда дон Мигель открыл огонь. Высокий борт испанского корабля отчетливо возвышался над водой и представлял такую чудесную цель, что английский капитан решил достойно встретить неожиданного

противника. Если командир этого корабля, плававшего под вымпелом Испании, лез на рожон — ну что же, капитан «Ройял Мэри» мог удовлетворить его желание. Вполне возможно, что в этот день разбойничья карьера дон Мигеля де Эспиноса могла бы бесславно окончиться, если бы удачный выстрел с «Милагросы» не взорвал пороха, сложенного на баке «Ройял Мэри». От этого взрыва половина английского корабля взлетела на воздух еще до начала боя. Как этот порох очутился на баке — никто никогда не узнает: храбрый капитан не пережил своего корабля и, следовательно, не смог произвести надлежащего расследования.

В одно мгновение «Ройял Мэри» была изуродована, потеряла управление и беспомощно закачалась на воде, а ее капитан и часть команды погибли.

И прежде чем оставшиеся в живых английские моряки могли прийти в себя, испанцы уже взяли корабль на abordаж.

Когда дон Мигель как победитель вступил на борт «Ройял Мэри», Арабелла Бишоп была в капитанской каюте на корме, а лорд Джулиан пытался успокоить и ободрить ее заверениями, что все окончится благополучно. Сам Джулиан Уэйд чувствовал себя не очень спокойно, а лицо его было несколько бледнее обычного. Нельзя, конечно, сказать, что он принадлежал к числу трусов. Но мысль о рукопашном бое неведомо с кем в качающейся деревянной посудине, которая в любую минуту могла погрузиться в морскую пучину, была весьма неприятна для человека, довольно храброго на суше. К счастью, мисс Бишоп не нуждалась в том слабом утешении, которое мог ей предложить лорд Уэйд. Конечно, она тоже слегка побледнела, ее карие глаза стали немного большими, нежели обычно. Но девушка хорошо владела собой и, склонившись над капитанским столом, сохраняла в себе достаточно самообладания, чтобы успокаивать свою перепуганную мулатку-горничную, ползавшую у ее ног.

Дверь распахнулась, и в каюту вошел дон Мигель, высокий, загорелый, с орлиным носом. Лорд Джулиан быстро повернулся к нему, положив руку на эфес шпаги.

Однако испанец, не тратя слов, перешел к делу.

— Не будьте идиотом! — сказал он резко. — Ваш корабль тонет.

За доном Мигелем стояли несколько человек в шлемах,

и лорд Джулиан мгновенно оценил обстановку. Он выпустил эфес шпаги, и клинок мягко скользнул в ножны. Дон Мигель улыбнулся, сверкнув белыми зубами, и протянул к шпаге руку.

— С вашего разрешения, — сказал он.

Лорд Джулиан заколебался и взглянул на Арабеллу.

— Я думаю, что так будет лучше, — сказала она с полным самообладанием.

Его светлость передернул плечами и отдал свою шпагу.

— А сейчас идите на мой корабль, — сказал им дон Мигель и вышел из каюты.

Никто и не подумал отклонить это приглашение, высказанное в повелительной форме. Во-первых, испанец обладал силой, чтобы заставить их; во-вторых, было бессмысленно оставаться на тонущем корабле. Они задержались здесь еще на несколько минут только для того, чтобы Арабелла успела собрать кое-какие вещи, а лорд Уэйд — схватить свой саквояж с документами.

Моряки, уцелевшие на изуродованных остатках того, что недавно называлось «Ройял Мэри», были представлены самим себе. Они могли спастись на шлюпках; ну, а если шлюпок не хватало, то у них оставалась возможность держаться на воде, цепляясь за какой-нибудь обломок мачты, или же просто утонуть без долгих мучений. Если лорда Уэйда и Арабеллу Бипон взяли на испанский корабль, то это объяснялось тем, что их явная ценность была слишком очевидной для дона Мигеля. Он вежливо принял их в своей большой каюте и церемонно предложил оказать ему честь, сообщив свои фамилии.

Лорд Джулиан, еще находившийся под влиянием только что пережитого ужаса, с трудом заставил себя назвать свое имя. Но тут же, в свою очередь, потребовал, чтобы ему сказали, кто именно напал на «Ройял Мэри» и захватил подданных английского короля. Уэйд был очень раздражен и зол на самого себя и на все окружающее. Он сознавал, что не сделал ничего компрометирующего в столь необычном и трудном положении, в какое поставила его судьба, но и ничем положительным он также не мог похвастаться. Все это, в общем, не имело бы существенного значения, если бы свидетелем его посредственного поведения не была дама. Он был полон решимости при первом же удобном случае исправить ее впечатление о себе.

— Я дон Мигель де Эспиноса, — прозвучал насмешливый ответ, — адмирал военно-морского флота короля Испании.

Лорд Джулиан оцепенел от изумления.

Если Испания подняла такой шум из-за разбоев ренегата-авантюриста капитана Блада, то что же теперь могла говорить Англия?

— Тогда ответьте мне, почему вы ведете себя, как проклятый пират? — спросил он. А затем добавил: — Я надеюсь, вам понятно, каковы будут последствия сегодняшнего дня и как строго спросят за кровь, бессмысленно пролитую вами, и за ваше насилие над этой леди и мною?

— Я не совершал над вами никакого насилия, — ответил адмирал, ухмыляясь, как может ухмыляться человек, у которого на руках все козыри. — Наоборот, а спас вам жизнь...

— Спасли нам жизнь! — Лорд Джулиан на мгновение даже лишился языка от такой наглости. — А что вы скажете о погубленных вами жизнях? Клянусь Богом, они дорого вам обойдутся!

Дон Мигель продолжал улыбаться.

— Возможно, — сказал он. — Все возможно. Но это будет потом. А пока вам дорого обойдутся ваши собственные жизни. Полковник Бишоп — человек с большим состоянием. Вы, милорд, несомненно, также богаты. Я подумаю над этим и определю сумму вашего выкупа.

— Вы все-таки проклятый, кровожадный пират, как я и предполагал! — вспыхнул Уэйд. — И у вас есть еще наглость называть себя адмиралом флота короля Испании! Посмотрим, что скажет ваш король по этому поводу.

Адмирал сразу же нахмурился, и сквозь напускную любезность прорвалось сдерживаемое до сих пор бешенство.

— Я поступаю с английскими еретиками-собаками так, как они поступают с испанцами! — заорал он. — Вы грабители, воры, исчадия ада! У меня хватает честности действовать от своего собственного имени, а вы... вы, вероломные скоты, натравливаете на нас ваших морганов, бладов и хагторпов, снимая с себя ответственность за все их бесчинства! Вы умываете руки, как Пилат⁸⁹. — Он злобно засмеялся. — А сейчас Испания сыграет роль Пилата. Пусть она снимет с себя ответственность и свалит ее на меня, когда ваш

посол явится в Эскуриал жаловаться на пиратские действия дона Мигеля де Эспиноса.

— Капитан Блад — не английский адмирал! — воскликнул лорд Джулиан.

— А откуда я знаю, что это не ложь? Как это может быть известно Испании? Разве вы способны говорить правду, английские еретики?

— Сэр! — негодуяюще вскричал лорд Джулиан, и глаза его заблестели. По привычке он схватился рукой за то место, где обычно висела его шпага, затем пожал плечами и насмешливо улыбнулся. — Конечно, — сказал он спокойно, — вы можете безнаказанно оскорблять безоружного человека, вашего пленника. Это так соответствует и вашему поведению, и всему, что я слышал об испанской чести.

Лицо адмирала побагровело. Он уже почти поднял руку, чтобы ударить Уэйда, но сдержал свой гнев — возможно, под влиянием только что сказанных слов, — резко повернулся и ушел, ничего не ответив.

Глава XIX

ВСТРЕЧА

Адмирал ушел, хлопнув дверью. Лорд Джулиан повернулся к Арабелле, пытаясь улыбнуться. Он чувствовал, что неплохо держал себя в ее присутствии, и от этого испытывал почти детское удовлетворение.

— Вы все же согласитесь со мной, что последнее слово сказал я! — самодовольно заметил он, потряхнув своими золотистыми локонами.

Арабелла Бишоп подняла на него глаза:

— Какая разница, кто именно сказал последнее слово? Я думаю об этих несчастных с «Ройял Мэри». Многие из них действительно уже сказали свое последнее слово. А за что они погибли? За что потоплен прекрасный корабль?

— Вы очень взволнованы, мисс Бишоп. Я...

— Взволнована?! — Она принужденно засмеялась. — Уверяю вас, сэр, я спокойна. Мне просто хочется знать, зачем испанец сделал все это? Для чего?

— Вы же слышали, что он говорил! — Уэйд сердито пожал плечами, затем коротко добавил: — Кроважность.

— Кроважадность? — спросила она в изумлении. — Но это же дико, чудовищно!

— Да, вы правы, — согласился лорд Джулиан.

— Я не понимаю этого. Три года назад испанцы напали на Бриджтаун. Они вели себя так бесчеловечно и жестоко, что этому трудно даже поверить. И когда я сейчас вспоминаю об этом, мне кажется, что я видела кошмарный сон. Неужели люди такие скоты?

— Люди? — удивленно переспросил лорд Джулиан. — Скажите — испанцы, и я тут же соглашусь с вами. Клянусь честью, все это может почти оправдать поступки людей, подобных Бладу!

Она вздрогнула, словно от озноба, а затем, поставив локти на стол и оперевшись подбородком на ладони, уставилась перед собой.

Наблюдая за девушкой, лорд Джулиан видел, что она осунулась и побледнела. Причин для этого было достаточно. Ни одна женщина из числа его знакомых не сохранила бы столько самообладания в таком тяжелом испытании. Если же говорить о страхе, то за все время она не проявила и малейшего признака его. Уйд восхищался ее мужеством.

В каюту вошел слуга-испанец с чашкой шоколада и коробкой перуанских сладостей на серебряном подносе, который он поставил на стол перед Арабеллой.

— Адмирал просит вас откусать, — сказал он и, поклонившись, вышел.

Арабелла Бишоп, погруженная в свои думы, не обратила внимания ни на слугу, ни на то, что он принес. Она продолжала сидеть, глядя прямо перед собой. Лорд Джулиан прошелся по длинной и узкой каюте, свет в которую падал сквозь люк в потолке и большие квадратные иллюминаторы. Каюта была богато обставлена: на полу — роскошные восточные ковры, у стен — книжные шкафы, а резной буфет из орехового дерева ломился от серебра. Под одним иллюминатором на длинном низком рундуке⁹⁰ лежала гитара, украшенная лентами. Лорд Джулиан взял гитару, нервно пробежал пальцами по струнам и положил инструмент обратно на рундук.

В каюте воцарилась тишина, но ее вскоре нарушил Уйд. Обернувшись к Арабелле, он сказал:

— Меня прислали сюда уничтожить пиратство. Но, черт возьми, простите меня, мисс, я склоняюсь к

мысли, что французы правы, желая сохранить его как меру для обуздания этих испанских мерзавцев...

Прошло совсем немного времени, прежде чем эта резкая характеристика получила веское подтверждение. Но пока дон Мигель относился к своим пленникам достаточно внимательно и вежливо. Это лишь соответствовало предположению, презрительно высказанному Арабеллой, что, поскольку их держат для получения выкупа, у них нет оснований опасаться за свою жизнь. Арабелле и ее служанке-мулатке была предоставлена отдельная каюта, в другой каюте поместили лорда Джулиана. Они могли свободно ходить по кораблю, и адмирал пригласил их обедать вместе с ним. Однако о своих дальнейших намерениях он продолжал хранить молчание.

«Милагроса» в сопровождении «Идальго», неотступно следовавшего за ней, двигалась в западном направлении, а затем, обойдя мыс Тибюрон⁹¹, свернула на юго-запад. Выйдя в открытое море, откуда земля казалась едва приметным облачком на горизонте, «Милагроса» направилась на восток и попала прямо в объятия капитана Блада, который, как нам уже известно, шел к Навстремному проливу. Это событие произошло ранним утром следующего дня. Тщетные поиски своего врага, которыми дон Мигель занимался на протяжении целого года, закончились неожиданной встречей.

Таковы странные дороги судьбы. Но ирония судьбы состояла еще и в том, что дон Мигель встретил «Арабеллу» в тот самый момент, когда она, оторвавшись от своей эскадры, находилась в явно невыгодном положении. И дону Мигелю показалось, что фортуна, так долго сопутствовавшая Бладу, теперь наконец отвернулась от него.

Арабелла только что встала и вышла на шканцы подышать свежим воздухом. Ее сопровождал галантный джентльмен — лорд Джулиан. И тут они увидели большой красный корабль, некогда носивший имя «Синко Льягас». Наклонив вперед громаду белоснежных парусов, корабль шел им навстречу. На грот-мачте его трепетал развеваемый утренним бризом длинный вымпел с изображением креста святого Георга⁹². Золоченные края портов⁹³ в красных бортах корабля и позолоченная деревянная скульптура на носу ярко сверкали в лучах восходящего солнца.

Арабелла Бишоп не могла, конечно, распознать в

этом огромном корабле тот самый «Синко Льягас», который она видела однажды в такой же яркий тропический день три года назад у острова Барбадос. Судя по флагу, это был английский корабль, величаво направлявшийся к ним. При виде его у нее пробудилось чувство гордости за свою страну, и она даже не подумала о той опасности, какая могла ей угрожать, если между кораблями завяжется бой.

Арабелла и лорд Джулиан взбежали на полуют. Захваченные открывшимся перед ними зрелищем, они всматривались в приближавшийся корабль. Лорд Джулиан, однако, не разделял радости Арабеллы, так как, побывав вчера в своем первом морском сражении, чувствовал, что этих впечатлений ему хватит надолго. Но я снова вынужден подчеркнуть, что этим фактом никак не хочу бросить тень на его светлость.

— Взгляните! — воскликнула она, указывая рукой на корабль.

И лорд Джулиан, к своему величайшему удивлению, заметил, что глаза ее заблестали. «Понимает ли она, что сейчас произойдет?» — подумал он.

Но Арабелла тут же рассеяла его сомнения, закричав:

— Это английский корабль! Он идет к нам! Его капитан намерен драться.

— Помоги ему Бог в таком случае, — уныло пробормотал лорд, — но он, должно быть, не в своем уме. Идти в бой против таких сильных кораблей, как эти?! Если им удалось так легко потопить «Ройял Мэри», то во что они превратят этот корабль? Посмотрите на этого дьявола, дона Мигеля! В своем злорадстве он просто отвратителен.

Адмирал шнырял взад и вперед по шканцам, где лихорадочно готовились к бою. Заметив пленников, он махнул рукой, указав на английский корабль, и возбужденно прокричал по-испански какие-то слова, смысл которых заглушил шум на палубе.

Они подошли к перилам полуюта и стали наблюдать за суматохой. Дон Мигель, подпрыгивая от нетерпения, распоряжался на шканцах, размахивая подозрительной трубой. Его канониры раздували фитили; часть моряков, снуя по вантам, спешно убирала паруса, другие натягивали над шкафутом прочную веревочную сеть для защиты от падающих обломков рангоута. Между тем «Идальго» по сигналу «Милагросы» уверенно выдвинулся вперед и, поравнявшись с «Милагросой», находился справа от

нес примерно на расстоянии полукабельтова. С высокого полюта лорд Джулиан и Арабелла Бишоп видели суматоху на «Идальго» и могли также заметить, что и на борту английского корабля, приближавшегося к ним, готовились к предстоящему бою: на корабле убирались все паруса, за исключением парусов на бизань-мачте и бушприте. Не сговариваясь друг с другом, без вызова или обмена сигналами между собой, оба противника будто заранее решили, что сражение неизбежно.

Убрав паруса, «Арабелла» несколько замедлила ход, но все же продолжала идти на сближение и уже находилась в пределах досягаемости мелких пушек с испанских кораблей. Испанцы ясно видели фигуры людей на баке и блеск медных пушек. Подняв пальники, канониры «Милагросы» начали раздувать тлеющие фитили, нетерпеливо поглядывая на адмирала.

Однако адмирал отрицательно покачал головой.

— Терпение! — закричал он. — Стреляйте только на-верняка. Он идет прямо к своей гибели — прямо на нок рея и к веревке, которая давно уж его ожидает!

— Порази меня Бог! — воскликнул лорд Джулиан. — Этот англичанин, должно быть, храбрец, если вступает в бой с такими неравными силами. Однако осторожность иногда является лучшим качеством, чем храбрость.

— Но храбрость чаще сокрушает силу, — возразила Арабелла. Взглянув на нее, его светлость заметил в лице девушки только возбуждение, но ни малейшего признака страха. Лорд Джулиан уже больше не изумлялся. Да, она не принадлежала к числу тех женщин, с которыми его сталкивала жизнь.

— А сейчас, — сказал он, — я вынужден проводить вас в безопасное место.

— Отсюда мне лучше видно, — ответила она и тихо добавила: — Я молюсь за этого англичанина. Он и вправду очень смел!

Лорд Джулиан мысленно проклял смелость безвестного соотечественника.

«Арабелла» шла сейчас курсом, линия которого пролегла как раз между двумя испанскими кораблями.

Лорд Джулиан схватился за голову и воскликнул:

— Ну конечно, ваш смельчак сумасшедший! Сам лезет в западню. Когда он будет проходить между испанскими кораблями, они разнесут его в щепки.

Неудивительно, что этот черномазый дон не стреляет. На его месте я поступил бы точно так же.

В это мгновение адмирал поднял руку. Внизу на шкафуте проиграла труба, и вслед за этим канонир на баке выстрелил из своих пушек. И как только прокатился их грохот, лорд Джулиан увидел позади английского корабля и неподалеку от левого его борта два больших всплеска. Почти одновременно из медных пушек на носу «Арабеллы» вырвались две вспышки огня. Одно из ядер упало в воду, обдав брызгами дозорных на корме, а второе ядро с грохотом ударилось в носовую часть «Милагросы», сотрясло весь корабль и разлетелось мелкими осколками. В ответ «Идальго» выстрелил по «Арабелле» из своих носовых пушек, но и на таком близком расстоянии — всего каких-нибудь двести-триста ярдов — ни одно ядро не попало в цель.

И тут как раз носовые пушки «Арабеллы» дали залп по «Милагросе». На этот раз ядра превратили ее бушприт в обломки, и, теряя управление, она уклонилась влево. Дон Мигель грубо выругался. Едва лишь корабль испанского адмирала резким поворотом руля был возвращен на свой прежний курс, в бой вновь вступили передние пушки «Милагросы». Но прицел был взят слишком высоко: одно из ядер пролетело сквозь ванты «Арабеллы», оцарапав ее грот-мачту, а второе ядро упало в воду. Когда дым от выстрелов рассеялся, выяснилось, что английский корабль, идя тем же курсом, который, по мнению лорда Джулиана, должен был привести его в западню, находился уже почти между двумя испанскими кораблями.

Лорд Джулиан замер, Арабелла Бишоп ухватилась за поручни и задышала часто-часто. Перед ней промелькнула злая физиономия дона Мигеля и ухмыляющиеся лица канониров, стоявших у пушек. Наконец «Арабелла» полностью оказалась между испанскими кораблями. Дон Мигель прокричал что-то трубачу, который, забравшись на ют, стоял подле адмирала. Трубач поднес к губам серебряный горн, чтобы дать сигнал стрелять из бортовых пушек. Но едва он успел поднести к губам трубу, как адмирал схватил его за руку. Только сейчас он сообразил, что слишком долго медлил и что капитан Блад воспользовался этой медлительностью. Попытка стрелять в «Арабеллу» привела бы к тому, что «Милагроса» и «Идальго» обстреливали бы друг друга. Дон Мигель приказал рулевым резко по-

вернуть корабль влево, чтобы занять более удобную позицию. Но и это приказание запоздало. «Арабелла», проходя между испанскими кораблями, как будто взорвалась: из всех ее тридцати шести бортовых пушек одновременно раздался залп в упор по корпусам «Милагросы» и «Идальго».

Корабль дона Мигеля вздрогнул от носа до кормы и от киля до верхушки грот-мачты. Оглушенная и потерявшая равновесие Арабелла Бишоп непременно упала бы, если бы не его светлость, оказавший пассивную, но реальную помощь. Лорд Джулиан успел вцепиться в поручни, а девушка ухватилась за его плечи и благодаря этому удержалась на ногах. Палуба покрылась клубами едкого дыма, от которого все на испанском корабле начали задыхаться и кашлять.

На корму доносились со шкафута крики отчаяния, крепкая испанская ругань и стоны раненых. Покачиваясь на волнах, «Милагроса» медленно двигалась вперед; в ее борту зияли огромные дыры, фок-мачта была разбита, а в натянутой над палубой сетке чернели обломки реев. Нос корабля был изуродован: одно из ядер разорвалось внутри большого носового кубрика, превратив его в щепы.

Дон Мигель лихорадочно выкрикивал какие-то распоряжения, тревожно вглядываясь в густую пелену порохового дыма, медленно ползущего к корме. Он пытался определить, что происходит с «Идальго».

В рассеивающейся дымке показались неясные очертания корабля. По мере его приближения контуры красного корпуса стали вырисовываться отчетливее. Это был корабль капитана Блада. Его мачты были обнажены. Только на бушприте смутно белел парус.

Дон Мигель был уверен, что «Арабелла» будет следовать своим прежним курсом, но вместо этого она под прикрытием пушечного дыма сделала поворот оверштаг и двинулась обратно, быстро сближаясь с «Милагросой».

И прежде чем взбешенный дон Мигель мог что-либо сообразить, послышался треск ломающегося дерева и лязг абордажных крючьев, будто железные щупальцы вцепились в борта и в палубу «Милагросы».

Пелена дыма наконец разорвалась, и адмирал увидел, что «Идальго», накренившись на левый борт, быстро идет ко дну. До полного его погружения в морскую

пучину оставались считанные секунды. Команда в отчаянии пыталась спустить на воду шлюпки.

Потрясенный этим зрелищем, дон Мигель не успел перевести быстрый взгляд с «Идальго» на «Милагросу», как на ее палубу с ревом ринулись вооруженные пираты капитана Блада. Никогда еще уверенность столь быстро не сменялась отчаянием, никогда еще охотник не превращался так быстро в беспомощную дичь. А испанцы оказались именно в таком положении.

Мгновенно выполненный abordаж, последовавший за мощным бортовым залпом «Арабеллы», захватил их врасплох. Немногие из офицеров дона Мигеля мужественно пытались дать отпор атакующим. Но испанцы, никогда не отличавшиеся завидной храбростью в рукопашном бою, сейчас растерялись еще более, так как знали, с каким страшным противником им нужно будет драться. Под натиском корсаров испанские моряки отступали со шкафута на корму и на нос корабля, а пока этот молниеносный бой бушевал на верхней палубе, группа корсаров прорвалась через главный люк на нижнюю палубу и захватила канониров, стоявших около своих пушек.

Большая часть пиратов под командованием одноглазого, обнаженного до пояса верзилы Волверстона устремилась на ют, где, окаменев от отчаяния и бешенства, стоял дон Мигель де Эспиноса-и-Вальдес, адмирал Испании. Чуть повыше его, на полукюте, находились лорд Джулиан и Арабелла Бишоп.

Уйд был в ужасе от этой жестокой схватки, кипевшей на ограниченной площадке палубы. Арабелла старалась держаться спокойно и невозмутимо, но, не выдержав кровавого кошмара, с ужасом отпрянула от перил и на несколько мгновений потеряла сознание.

Недолгий, но ожесточенный бой кончился. Какой-то корсар своей abordажной саблей перерубил фал, и флаг Испании соскользнул с верхушки мачты. Пираты сейчас уже овладели всем кораблем, и обезоруженные испанцы, как стадо баранов, толпились на верхней палубе.

Арабелла Бишоп быстро пришла в себя и, широко открыв глаза, едва удержалась, чтобы не броситься вперед. Но усилием воли она остановилась, и лицо ее покрылось мертвенной бледностью.

Осторожно пробираясь среди трупов и обломков, по палубе шел легкой и непринужденной походкой высокий

человек с загорелым лицом. На голове его сверкал испанский шлем, а кираса из вороненой стали была богато украшена золотыми арабесками. На концах перевязи из пурпурного шелка, надетой поверх кирасы наподобие шарфа, свисали пистолеты с рукоятками, оправленными в серебро. Спокойно и уверенно поднявшись по широкому трапу на ют, он остановился перед испанским адмиралом и отвесил ему церемонный поклон. До Арабеллы и лорда Уэйда, стоявших на полуяте, донесся звонкий, отчетливый голос человека, говорившего на прекрасном испанском языке. И его слова лишь усилили восхищение, с которым лорд Джулиан давно уже наблюдал за этим человеком.

— Наконец-то мы встретились снова, дон Мигель, — произнес высокий человек. — Лышу себя надеждой, что вы удовлетворены, хотя, быть может, встреча происходит не так, как представлялась она вашему воображению. Но, как мне известно, вы страшно желали и добивались ее.

Потеряв дар речи, с лицом, искаженным от злобы, дон Мигель де Эспиноса выслушал ироническое приветствие человека, которого он считал виновником всех своих несчастий. Издав нечленораздельный вопль бешенства, адмирал хотел схватиться за шпагу, но не успел сделать это, так как его противник быстро сжал его руку своими железными пальцами.

— Спокойно, дон Мигель! — сказал он твердым голосом. — Не вызывайте своим безрассудством тех жестокостей, которые допустили бы ваши люди, окажись вы победителем.

Несколько секунд они стояли молча, не сводя глаз друг с друга.

— Что вы намерены со мной делать? — спросил наконец испанец хриплым голосом.

Капитан Блад пожал плечами, и его твердо сжатые губы тронула слабая улыбка.

— Мои намерения уже осуществлены. Я не хочу причинять вам других огорчений, кроме тех, в которых вы сами повинны. Встречи со мной вы сами добивались. — Он повернулся и, указывая на шлюпки, которые корсары спускали с талей, сказал: — Вы и ваши люди можете взять эти шлюпки, а мы сейчас пустим этот корабль ко дну. Вон берега острова Гаити, вы доберетесь туда без особых затруднений. И заодно примите мой совет, сударь: не гоняйтесь за мной. Думаю, что я

приношу вам только несчастье. Уезжайте домой, в Испанию, дон Мигель, и займитесь там чем-нибудь, что вы знаете лучше, нежели морское дело.

Побежденный адмирал молча и с ненавистью глядел на Блада, а затем, шатаясь, как пьяный, спустился по трапу, волоча за собой побрякивающую шпагу. Победитель, даже не потрудившись обезоружить адмирала, повернулся к нему спиной и увидел на юте Уэйда с Арабеллой. Если бы мысли лорда Джулиана не были заняты чем-то другим, он мог бы заметить, как сразу же изменилась походка этого смельчака, как еще больше потемнело его лицо. На секунду он задержался, пристально рассматривая своих соотечественников, потом быстро взбежал по трапу. Лорд Джулиан сделал шаг вперед, чтобы встретить неизвестного капитана пиратского корабля под английским флагом.

— Неужели вы, сэр, отпустите на свободу этого испанского мерзавца? — воскликнул он по-английски.

Джентльмен в вороненой кирасе, кажется, только сейчас заметил его светлость.

— А какое вам дело и кто вы такой, черт возьми? — спросил он с заметным ирландским акцентом.

Его светлость решил, что невежливость этого человека и отсутствие должного почтения к нему должны быть немедленно исправлены.

— Я лорд Джулиан Уэйд! — гордо отчеканил он.

— Да что вы говорите?! Настоящий лорд? И вы, быть может, объясните мне, какая чума занесла вас на испанский корабль? Что вы тут делаете?

Лорд Джулиан едва удержался, чтобы не вспылить. Вспыльчивость, однако, была ни к чему, и он стал объяснять, что к испанцу они попали не по своей вине.

— Он взял вас в плен, не так ли? И вместе с вами мисс Бишоп?

— Вы знакомы с мисс Бишоп? — с удивлением воскликнул лорд Уэйд.

Однако невежливый капитан, не обращая внимания на слова лорда, низко склонился перед Арабеллой. К удивлению лорда, она не только не ответила на его галантный поклон, но всем своим видом выразила презрение. Тогда капитан повернулся к лорду Джулиану и с запозданием ответил на его вопрос.

— Когда-то я имел такую честь, — сказал он хмуро, — но, оказывается, у мисс Бишоп очень короткая память.

Его губы исказила кривая улыбка, а в голубых глазах под черными бровями появилось выражение мучительной боли, и все это так странно сочеталось с иронией, прозвучавшей в его ответе. Но Арабелла Бишоп, заметив только эту иронию, вспыхнула от негодования.

— Среди моих знакомых нет воров и пиратов, капитан Блад! — отрезала она, а его светлость чуть не подскочил от неожиданности.

— Капитан Блад! — воскликнул он. — Вы капитан Блад?

— Ну, а кто же еще, по вашему мнению?

Блад задал свой вопрос устало, занятый совсем другими мыслями. «Среди моих знакомых нет воров и пиратов...» Эта жестокая фраза многократным эхом отдавалась в его мозгу.

Но лорд Джулиан не мог допустить, чтобы на него не обращали внимания. Одной рукой он схватил Блада за рукав, а другой указал на удалявшуюся фигуру дона Мигеля:

— Капитан Блад, вы в самом деле не собираетесь повесить этого мерзавца?

— Почему я должен его повесить?

— Потому что он презренный пират, и я могу это доказать.

— Да?! — сказал Блад, и лорд Джулиан удивился, как быстро поблекло лицо и погасли глаза капитана Блада. — Я сам тоже презренный пират и поэтому снисходителен к людям моего сорта. Пусть дон Мигель гуляет на свободе.

Лорд Джулиан задыхался от возмущения:

— И это после того, что он сделал? После того, как он потопил «Ройял Мэри»? После того, как он так жестоко обращался со мной... с нами? — негодуя протестовал лорд Джулиан.

— Я не состою на службе Англии или какой-либо другой страны, сэр. И меня совсем не волнуют оскорбления, наносимые ее флагу.

Его светлость даже отшатнулся от того свирепого взгляда, которым обжег его капитан Блад. Но гнев ирландца угас так же быстро, как и вспыхнул, и он уже спокойно добавил:

— Буду признателен, если вы проводите мисс Бишоп на мой корабль. Прошу поторопиться — эту посудину мы сейчас потопим.

Он медленно повернулся, чтобы уйти, но лорд Джулиан задержал его и, сдерживая свое возмущение, холодно произнес:

— Капитан Блад, вы окончательно разочаровали меня. Я надеялся, что вы сделаете блестящую карьеру!

— Убирайтесь к дьяволу! — бросил капитан Блад и, повернувшись на каблуках, ушел.

Глава XX

«ВОР И ПИРАТ»

На полукуте, под золотистым сиянием огромного кормового фонаря, где ярко горели три лампы, расхаживал в одиночестве капитан Блад. На корабле царила тишина. Обе палубы, тщательно вымытые швабрами, блистали чистотой. Никаких следов боя уже нельзя было найти. Группа моряков, рассеявшись на корточках вокруг главного люка, сонно напевала какую-то мирную песенку. Спокойствие и красота тропической ночи смягчили сердца этих грубых людей — вахтенных левого борта. Они ожидали, что вот-вот пробьет восемь склянок²⁴.

Капитан Блад не слышал песни; он вообще ничего не слышал, кроме эха жестоких слов, заклеивших его.

Вор и пират!

Одна из странных особенностей человеческой природы состоит в том, что человек, имеющий твердое представление о некоторых вещах, все же приходит в ужас, когда непосредственно убеждается, что его представление соответствует действительности. Когда три года назад, на острове Тортуга, Блада уговаривали встать на путь искателя приключений, он еще тогда знал, какого мнения будет о нем Арабелла Бишоп. Только твердая уверенность в том, что она для него потеряна навсегда, ожесточила его душу, и, окончательно отчаявшись, он избрал этот путь.

Блад не допускал даже мысли, что когда-либо встретит Арабеллу, решив, что они разлучены навсегда. Постоянные думы об этом были источником его мучений. И все же, несмотря на его глубокое убеждение в том, что эти мучения не могли бы вызвать у нее даже легкой жалости, он все эти бурные годы носил в своем сердце ее милый образ. Мысль о ней помогала

ему сдерживать не только себя, но и тех, кто за ним шел.

Никогда еще за всю историю корсарства пираты не подчинялись такой жестокой дисциплине и никогда еще ими не управляла такая железная рука, никогда еще так решительно не пресекались обычные грабежи и насилие, как это было среди пиратов, плававших с капитаном Бладом. Как вы помните, в соглашениях, которые он заключал, предусматривалось, что во всех вопросах они обязаны были беспрекословно повиноваться своему капитану. И, поскольку счастье всегда ему сопутствовало, он и сумел ввести среди корсаров невиданную дотоле дисциплину. Как смеялись бы над ним его пираты, если бы он сказал им, что все это делалось им из уважения к девушке, в которую он так сентиментально был влюблен! Как злорадствовали бы они, если бы узнали, что эта девушка презрительно бросила ему в лицо: «Среди моих знакомых нет воров и пиратов!»

Вор и пират!

Какими едкими были эти слова, как они жгли его!

Совершенно не разбираясь в сложных переживаниях женской души, он даже и не подумал о том, почему она встретила его такими оскорблениями.

Почему она была так раздражена? Он не мог разобраться, да и не хотел разбираться в этих естественных вопросах. Иначе ему пришлось бы сделать вывод, что если вместо заслуженной им благодарности за освобождение ее из плена она выразила презрение, то это произошло потому, что она сама была чем-то оскорблена и что оскорбление предшествовало благодарности и было связано с его именем. Если бы он подумал обо всем этом, то светлый луч надежды мог бы озарить его мрачное и зловещее отчаяние, он мог, наконец, понять, что только сильная обида, нанесенная девушке, или даже горе, причиной которого был он сам, могли вызвать такое презрение.

Так рассуждали бы вы. Но не так рассуждал капитан Блад. Более того: в эту ночь он вообще не рассуждал. В его душе боролись два чувства: святая любовь, которую он в продолжение всех этих лет питал к ней, и жгучая ненависть, которая была сейчас в нем разбужена. Крайности сходятся и часто сливаются так, что их трудно различить. И сегодня вечером любовь

и ненависть переплелись в его душе, превратившись в единую чудовищную страсть.

Вор и пират!

Вот кем она считала его без всяких оговорок, забыв о том, что он был осужден жестоко и несправедливо. Она ничего не знала об отчаянном положении, в каком очутился он после бегства с острова Барбадос, и не считалась с обстоятельствами, превратившими его в пирата. То, что он, будучи пиратом, поступал не как пират, а как джентльмен, также не трогало ее, и она не нашла у себя в сердце никакого сострадания. Всего лишь двумя словами Арабелла вынесла ему окончательный приговор. В ее глазах он был только вор и пират.

Ну что ж! Если она назвала его вором и пиратом, то он и будет теперь вором и пиратом; будет таким же беспощадным и жестоким, как все пираты.

Он прекратит эту идиотскую борьбу с самим собой, он не желает больше оставаться в двух мирах одновременно — быть пиратом и джентльменом. Она ясно указала ему, к какому миру он принадлежит. И сейчас она получит доказательства, что была права. Она у него на корабле, она в его власти, и он сделает с ней все, что ему вздумается.

Блад издевательски засмеялся.

Но тут же он оборвал свой смех, и из его горла вырвалось нечто похожее на рыдание. Схватившись за голову, Блад обнаружил на лбу холодные капли пота.

Лорд Джулиан, знавший женскую половину рода человеческого несколько лучше капитана Блада, был занят в эту же ночь решением странной загадки, которую не мог разрешить и корсар. Я подозреваю, что это занятие его светлости было вызвано смутным чувством ревности. Поведение Арабеллы Бишоп в тех испытаниях, которым они подверглись, заставило его наконец понять, что девушка даже без врожденной грации и женственности все же может быть еще более привлекательной. Его очень заинтересовали прежние отношения Арабеллы с капитаном Бладом, и он чувствовал некоторое стеснение в груди и беспокойство, толкавшее его сейчас быстрее разобраться в этом вопросе.

Бесцветные, сонные глаза его светлости отличались умением замечать вещи, ускользавшие от внимания других людей, а ум у него, как я уже упоминал, был довольно острым.

Лорд Уэйд проклинал себя за то, что до сих пор не замечал многого или, по крайней мере, не присматривался ко всему более внимательно.

Сейчас же он старался сопоставить все, что замечал раньше, с более свежими наблюдениями, сделанными им в этот самый день.

Он, например, заметил, что корабль Блада носит имя мисс Бишоп, и это, несомненно, было неспроста. Он заметил также странные детали встречи капитана Блада с Арабеллой и те перемены, которые произошли с каждым из них после этой встречи.

Почему она была так оскорбительно груба с капитаном? Вести себя так по отношению к человеку, который ее спас, было очень глупо, а его светлость не считал Арабеллу глупой. И все же, несмотря на ее грубость, несмотря на то, что она была племянницей злейшего врага Блада, к ней и к лорду Джулиану все относились исключительно внимательно. Каждому из них была дана отдельная каюта и предоставлена возможность свободно передвигаться по всему кораблю; обедали они за одним столом со шкипером Питтом и лейтенантом Волверстоном, которые относились к ним с подчеркнутой вежливостью. И вместе с тем было ясно, что сам Блад тщательно уклонялся от встречи с ними.

Лорд Джулиан, продолжая свои наблюдения, связывал воедино разрозненные факты, внимательно перебирая в уме все наблюдения, какими он располагал. Не придя к определенному выводу, он решил получить дополнительные сведения у Арабеллы Бишоп за обеденным столом. Для этого нужно было подождать, пока уйдут Питт и Волверстон. Уэйд не пришлось долго ждать дополнительных сведений. Едва лишь Питт поднялся из-за стола и направился вслед за ушедшим Волверстоном, как Арабелла Бишоп остановила его вопросом.

— Мистер Питт, — спросила она, — не были ли вы среди тех, кто бежал с Барбадоса вместе с капитаном Бладом?

— Да, мисс. Я тоже был одним из рабов вашего дяди.

— А потом вы все время плавали вместе с капитаном Бладом?

— Да, мисс, я его бессменный штурман.

Арабелла кивнула головой. Она говорила очень сдержанно, но его светлость все же обратил внимание на

ее необычную бледность, хотя в этом не было ничего удивительного, если учесть все то, что ей пришлось недавно пережить.

— Плавали ли вы когда-либо с французом по имени Каузак?

— Каузак? — Питт засмеялся, так как это имя вызвало у него в памяти курьезные воспоминания. — Да, он был с нами в Маракайбо.

— А другой француз, по имени Левасер? — допытывалась она, и лорд Джулиан удивился, как она могла запомнить все эти имена.

— Да, Каузак был лейтенантом на корабле Левасера, пока он не умер.

— Пока кто не умер?

— Да этот Левасер. Он был убит года два назад на одном из Виргинских островов.

Наступило короткое молчание, а затем Арабелла Бишоп еще более спокойным голосом спросила:

— А кто его убил?

Питт охотно, поскольку не видел необходимости скрывать правду, продолжал отвечать, заинтригованный таким градом вопросов:

— Его убил капитан Блад.

— За что?

Питт замялся, полагая, что история о гнусностях Левасера не для девичьих ушей.

— Они поссорились, — коротко ответил он.

— Эта ссора произошла... из-за женщины? — неумолимо продолжала Арабелла.

— Можно сказать, что так...

— А как звали эту женщину?

Питт удивленно поднял брови, но все же ответил:

— Мисс д'Ожерон, дочь губернатора Тортуги. Она бежала с этим Левасером... и... Блад вырвал ее из его грязных лап. Левасер был очень скверный человек, мисс, и, поверьте мне, он получил от Питера Блада по заслугам.

— Понимаю. И... все же капитан Блад не женился на ней?

— Пока нет, — засмеялся Питт, зная полную беспочвенность тортугских сплетен, в которых мадемуазель д'Ожерон называлась будущей женой его капитана.

Арабелла Бишоп молча кивнула головой, и Джереми Питт, обрадованный, что допрос наконец кончился, повернулся и хотел было уйти. Но, не желая так

заканчивать этот странный разговор, похожий на допрос, он остановился в дверях и поделился с гостями новостью:

— Может быть, вам будет приятно узнать, что капитан изменил для вас курс корабля. Он намерен высадить вас на Ямайке, как можно ближе к Порт-Ройалу. Мы уже сделали поворот, и если ветер удержится, вы скоро будете дома.

— Мы очень признательны капитану... — протянул его светлость, заметив, что Арабелла не намеревается отвечать. Она сидела нахмурившись, печально глядя перед собой.

— Да... вы можете быть ему признательны, — кивнул головой Питт. — Капитан очень рискует. Вряд ли кто согласился бы так рисковать на его месте. Но он уж всегда такой...

Питт вышел, оставив лорда Джулиана в задумчивости. Его светлость с возрастающим беспокойством продолжал тщательно изучать лицо Арабеллы, хотя бесцветные глаза его сохраняли все то же сонливое выражение.

Наконец Арабелла перевела на него взгляд и сказала:

— Ваш Каузак, по-видимому, говорил правду.

— Я заметил, что вы это проверяли, — сказал лорд Джулиан, — и ломаю себе голову, к чему вам это знать.

Не получив ответа, он стал молча наблюдать за ней, перебирая пальцами локоны золотистого парика, обрамлявшие его длинное лицо.

Арабелла в задумчивости сидела у стола и, казалось, очень внимательно рассматривала чудесные испанские кружева, которыми была обшита скатерть. Лорд Джулиан прервал молчание.

— Этот человек поражает меня, — медленно произнес он вялым голосом. — Изменить свой курс для нас?.. Удивительно! Но еще удивительнее то, что из-за нас он подвергается большой опасности, решаясь войти в воды, омывающие Ямайку... Нет, этот человек просто поражает меня!

Арабелла Бишоп рассеянно взглянула на него. Затем ее губы как-то странно, почти с презрением, вздрогнули. Своими пальчиками она начала что-то выстукивать по столу.

— Меня гораздо больше поражает иное, — сказала она. — То, что он не считает нас людьми, за которых можно взять хороший выкуп.

— Хотя это то, чего вы заслуживаете.

— Да? А почему?

— Потому что вы оскорбили его.

— Я привыкла называть вещи их собственными именами.

Тут лорд Джулиан взорвался:

— Вы привыкли? Но я, чтоб мне лопнуть, не хвастался бы этим! Это свидетельствует либо о крайней молодости, либо о крайней глупости. — Он помолчал секунду, чтобы вернуть себе обычное хладнокровие, и добавил: — Это также и проявление неблагодарности. Неблагодарность, конечно, человеческое свойство, но проявлять ее... ребячество.

На щеках Арабеллы выступил слабый румянец.

— Ваша светлость, вы огорчены моим поведением... Но я... я не понимаю вас. К кому я проявила неблагодарность? И в чем, когда?

— К капитану Бладу. Разве он не пришел и не спас нас?

— Пришел? — холодно переспросила Арабелла. — Я не имела понятия о том, что он знал о нашем пребывании на «Милагросе».

Его светлость позволил себе проявить чуть заметную нетерпеливость.

— Как бы то ни было, а именно он освободил нас от этого испанского мерзавца, — сказал лорд Джулиан. — Неужели в этой варварской части света до сих пор не заметили того, что хорошо известно даже в Англии? Ведь капитан Блад, по существу, воюет только против испанцев. И назвать его вором и пиратом, как это сделали вы, по меньшей мере неблагоразумно и неосторожно.

— Неосторожно? — презрительно переспросила она. — А какое мне дело до осторожности?

— Вижу, что никакого. Но подумайте тогда хотя бы об элементарном чувстве признательности. Должен честно сказать вам, мисс Бишоп, что на месте Блада я не мог бы так вести себя. Чтоб мне утонуть! Поразмыслите, сколько мучений он претерпел от своих соотечественников, и вы, так же как и я, удивитесь, что он еще способен отличать англичан от испанцев. Быть проданным в рабство! Бр-р-р! — И его светлость содрогнулся. — И кому? Проклятому колониальному плантатору... — Он запнулся. — Извините меня, мисс...

— Вы, кажется, слишком увлеклись, защищая этого...

морского разбойника! — презрение Арабеллы перешло почти в озлобление.

Лорд Джулиан пристально посмотрел на нее, а затем, полузакрыв свои большие бесцветные глаза и слегка наклонив голову, мягко заметил:

— Меня интересует, за что вы его так ненавидите?

Он решил, что рассердил Арабеллу, потому что щеки ее вспыхнули, а в глазах загорелся гнев. Но взрыва не последовало: она тут же взяла себя в руки.

— Ненавижу его? О, мой Бог! Как это могло прийти вам в голову! Я его просто не замечаю.

— А напрасно! Вам следовало бы его заметить, мисс Бишоп! — Его светлость говорил откровенно, именно то, что думал. — Он стоит этого. Человек, который может действовать так, как он действовал против этого адмирала, был бы драгоценным приобретением для нашего флота. Он не напрасно служил под командованием де Ритера. Ритер был гениальным флотоводцем, и, будь я проклят, ученик достоин своего учителя, если я вообще в чем-либо разбираюсь! Сомневаюсь, чтобы в военно-морском флоте Англии кто-либо мог с ним сравниться. Подумать только! Умышленно втиснуться между двумя испанскими кораблями на расстояние прямого выстрела и таким образом заставить их поменяться ролями! Для этого нужны смелость, находчивость, изобретательность! Он обманул своим маневром не только меня, плохого моряка. Испанский адмирал разгадал его намерения слишком поздно, когда Блад стал уже хозяином положения. Это великий человек, мисс Бишоп! Человек, которого стоит заметить!

Арабелла уже не могла удержаться от сарказма:

— Тогда используйте свое влияние на лорда Сандерленда. Пусть он посоветует королю предложить Бладу офицерское звание.

Лорд Джулиан с удовольствием рассмеялся:

— О, это уже сделано! Его офицерский патент лежит у меня в кармане.

И он коротко рассказал ей о цели своей поездки сюда.

Оставив ее в изумлении, лорд Уэйд отправился на поиски капитана, так и не выяснив отношения Арабеллы к Бладу. Будь она к нему немножко снисходительней, его светлость чувствовал бы себя счастливее.

Он нашел капитана Блада рассказывающим по четвердеку⁹³.

Капитан был совершенно измучен своей борьбой с дьяволом, хотя его светлость даже и не подозревал о таком занятии Блада. С обычной для него фамильярностью лорд Джулиан, взяв капитана под руку, пошел рядом с ним.

— Что вам надо? Это еще что такое? — сердито спросил Блад, у которого было отвратительное настроение. Его светлость не смутили эти слова.

— Я хотел бы, сэр, чтобы мы стали друзьями, — вкрадчиво сказал он.

— Весьма польщен! — отрывисто бросил Блад. — Очень снисходительно с вашей стороны.

Лорд Джулиан не обратил внимания на явную иронию.

— Удивительно, что судьба столкнула нас. Ведь я приехал в Вест-Индию специально для того, чтобы вас увидеть.

— Вы не первый, кому это удастся, — насмешливо ответил Блад. — Однако другие в основном были испанцами, и им не так везло, как вам.

— Вы не поняли меня, — сказал лорд Джулиан, серьезно приступая к изложению цели своей миссии.

Когда он закончил, капитан Блад, удивленно слушавший его, сказал:

— На этом корабле вы мой гость, а от прежних дней я еще сохранил какое-то представление о порядочном обращении с гостями, хотя и могу считаться сейчас вором и пиратом. Поэтому не скажу, что думаю о вас. Умолчу и о том, что я думаю о лорде Сандерленде, поскольку он ваш родственник, а также и о наглom предложении, которое вы мне сделали. Но для меня, конечно, не новость, что один из министров Якова Стюарта считает возможным соблазнить любого человека взятками и этим заставить его пойти на предательство тех, кто ему доверился. — И он махнул рукой по направлению к шкафуту, откуда доносилась грустная песня корсаров.

— Вы опять меня не понимаете! — воскликнул лорд Джулиан, подавляя свое возмущение. — Ваши люди также будут взяты на королевскую службу.

— И вы полагаете, что они будут охотиться вместе со мной за своими товарищами из «берегового братства»? Клянусь, лорд Джулиан, это вы ничего не понимаете! Неужто в Англии не осталось даже и тени чести? Но не будем об этом говорить. Поговорим о другом. Как вы могли думать, что я приму от короля Якова

офицерское звание? Мне не хочется даже пачкать вашим патентом свои руки, хотя это руки вора и пирата. Вы слышали, как мисс Бишоп назвала меня сегодня вором и пиратом, то есть презренным человеком, отщепенцем. А кто меня сделал таким человеком? Кто сделал меня вором и пиратом?

— Если вы были бунтовщиком... — начал лорд Джулиан.

Но его перебил капитан Блад:

— Вы-то должны знать, что я не был бунтовщиком и вообще не участвовал в восстании. Если бы это было так или если бы судьи просто ошиблись, то их несправедливость по отношению ко мне я мог бы простить, но никакой ошибки не было. Меня осудили именно за то, что я сделал, не больше и не меньше. Этот кровавый вампир Джефрейс, будь он проклят, приговорил меня к смерти, а достойный его хозяин Яков Стюарт превратил меня в раба. А за что? За то, что я, выполняя свой профессиональный долг, из сострадания, не думая об убеждениях или политике, пытался облегчить муки другого человека, позднее осужденного за измену. Вот все мое преступление. Это легко проверить по документам. И за это я был продан в рабство! Видели ли вы хотя бы во сне, что значит быть рабом?..

Блад внезапно умолк, и было заметно, как он боролся с собой, а затем устало засмеялся.

От этого смеха легкий холодок пробежал по спине лорда Джулиана.

— Ну, хватит, — сказал капитан Блад. — Похоже на то, что я собираюсь защищать себя, а всем известно, что это не входит в мои привычки. Признателен вам, лорд Джулиан, за ваши добрые намерения. Да, да! Возможно, вы поймете меня. Вы кажетесь мне человеком, способным меня понять.

Лорд Джулиан стоял не двигаясь. Он был глубоко взволнован словами Блада и страстным взрывом его негодования. В нескольких коротких и ясных выражениях Блад убедительно изложил причины своего озлобления и своей ненависти, так же как и доводы в свою защиту и оправдание. Уэйд посмотрел на энергичное, смелое лицо капитана, освещенное огромным кормовым фонарем, тяжело вздохнул и медленно произнес:

— Жаль, чертовски жаль! — и, движимый внезапным хорошим чувством, протянул Бладу руку. — Надеюсь,

вы все же не будете обижаться на меня, капитан Блад?

— Нет, милорд. Всдь я... вор и пират. — Он невесело засмеялся и, не обратив внимания на протянутую руку, ушел.

Лорд Джулиан постоял на месте, наблюдая за высокой фигурой, медленно удалявшейся вдоль гакаборта. Затем, уныло покачив головой, он направился в каюту.

А в дверях коридора его светлость чуть не наткнулся на Арабеллу Бишоп, идущую туда же, куда шел и он. Уйд следовал за нею, слишком занятый мыслями о капитане Бладе, чтобы поинтересоваться, куда она могла ходить.

В каюте он бросился в кресло и вспылil с необычайной для него силой:

— Будь я проклят, если когда-либо встречал человека, который мне так нравился бы! И тем не менее с ним ничего нельзя сделать.

— Да, я слышала все, — призналась Арабелла слабым голосом, склонив голову и не отрывая глаз от сложенных на коленях рук.

Он удивленно взглянул на нее и, помолчав немного, сказал задумчиво:

— Я вот о чем думаю.. Не вы ли виновны в том, что произошло с капитаном? Ваши слова гнетут его, он не может забыть их. Он отказался пойти на королевскую службу и даже не захотел пожать мне руку. Ну что можно сделать с таким человеком? Да, ему сопутствуют счастье, успех, удачи, а жизнь он кончит на ноке рея. Сейчас же этот донкихотствующий болван из-за нас подвергает себя смертельной опасности!

— Как? Почему? — взволнованно вскрикнула она.

— Как? Да разве вы забыли, что мы идем к Ямайке, где находится штаб английского флота? Правда, этим флотом командует ваш дядя...

Арабелла, подняв голову, прервала его, и он заметил, что дыхание ее участилось, а широко открытые глаза тревожно взглянули на лорда Джулиана.

— Боже мой! — воскликнула она. — Это не поможет ему. Даже и не думайте об этом. В мире у него нет врага злее, чем мой дядя. Он ничего не прощает. Я уверена, что только надежда схватить и повесить капитана Блада заставила его оставить свои плантации на Барбадосе и принять пост губернатора Ямайки.

Капитан Блад этого, конечно, не знает... — Она умолкла и беспомощно развела руками.

— Не думаю, чтобы Блад изменил свое решение, если бы даже узнал об этом, — печально заметил лорд Джулиан. — Человека, который мог простить такого врага, как дон Мигель, и так решительно отвергнуть мое предложение, по обычным правилам судить нельзя. Он рыцарь до идиотизма.

— И все же на протяжении этих трех лет он был тем, кем был, и сделал то, что сделал, — грустно сказала Арабелла без всякого намека на презрение.

Лорд Джулиан, как я полагаю, любил читать нравоучения и был склонен к афоризмам.

— Жизнь чертовски сложная штука, — заключил он со вздохом.

Глава XXI

НА СЛУЖБЕ У КОРОЛЯ ЯКОВА

На следующий день рано утром Арабеллу Бишоп разбудили пронзительные звуки горна и настойчивый звон судового колокола. Она лежала с открытыми глазами, лениво посматривая на покрытую зыбью зеленую воду, бежавшую мимо позолоченного иллюминатора. Постепенно до нее начал доходить шум, похожий на суматоху: из кают-компания доносился топот ног, хриплые крики и оживленная возня. Нестройный шум означал нечто иное, нежели обычную судовую работу. Охваченная смутной тревогой, Арабелла поднялась с постели и разбудила служанку.

Лорд Джулиан, разбуженный этим шумом, уже встал, торопливо оделся и вышел из своей каюты. Он с удивлением увидел возвышающуюся над его головой гору парусов. Они были подняты для того, чтобы поймать утренний бриз. Впереди, справа и слева от «Арабеллы», простиралась безбрежная гладь океана, сверкавшая золотом под лучами солнца, пламенеющий диск которого еще только наполовину вышел из-за горизонта.

На шкафуте, где еще прошлой ночью все было так мирно, лихорадочно работали человек шестьдесят. У перил полукюта капитан Блад ожесточенно спорил с одноглазым верзилой Волверстоном. Голова лейтенанта была повязана красным бумажным платком, а расстег-

нутая синяя рубаша открывала дочерна загорелую грудь. Едва лишь показался лорд Джулиан, как они тут же умолкли. Капитан Блад повернулся и поздоровался с ним.

— Я допустил очень большую ошибку, сэр, — сказал Блад, обменявшись приветствиями. — Мне не следовало бы так близко подходить к Ямайке ночью. Но я очень торопился высадить вас. Поднимитесь-ка сюда, сэр.

Удивленный лорд Джулиан поднялся по трапу. Взглянув в ту сторону горизонта, куда ему указывал капитан, он ахнул от изумления. Не более чем в трех милях к западу от них лежала земля, тянувшаяся ярко-зеленой полосой. А милях в двух со стороны открытого океана шли три огромных белых корабля.

— На них нет флагов, но это, конечно, часть ямайской эскадры, — спокойно сказал Блад. — Мы встретились с ними на рассвете, повернули, и с этого времени они начали погоню. Но так как «Арабелла» четыре месяца была в плавании, то у нее слишком обросло дно и она не может развить нужную нам скорость.

Волверстон, засунув огромные руки за широкий кожаный пояс, с высоты своего роста насмешливо взглянул на лорда Джулиана.

— Похоже, что вам, ваша светлость, придется еще раз побывать в морском бою до того, как мы разделимся с этими кораблями, — сказал гигант.

— Об этом как раз мы сейчас и беседовали, — пояснил капитан Блад. — Я считаю, что мы не можем драться в таких неблагоприятных условиях.

— К черту неблагоприятные условия! — вскричал Волверстон, упрямо выставив свою массивную челюсть. — Для нас такие условия не новость. В Маракайбо они были еще хуже, но мы все же победили и захватили три корабля. Вчера, когда мы вступили в бой с доном Мигелем, преимущество тоже было не на нашей стороне.

— Да, но то были испанцы.

— А эти лучше? Неужели ты боишься этого неуклюжего барбадосского плантатора? Что тебя беспокоит, Питер? Ты еще ни разу не вел себя так, как сегодня.

Позади них грохнул пушечный выстрел.

— Это сигнал лечь в дрейф, — тем же равнодушным голосом заметил Блад и тяжело вздохнул.

И тут Волверстон вскипел.

— Да я скорее соглашусь встретиться с Бишопом в аду, чем лягу в дрейф по его приказу! — вскричал он и в сердцах плюнул на палубу.

Его светлость вмешался в разговор:

— О, вам нечего опасаться полковника Бишоп. Учитывая то, что вы сделали для его племянницы и для меня...

Волверстон хриплым смехом прервал лорда Джулиана.

— Вы не знаете полковника, — сказал он. — Ни ради племянницы, ни ради дочери и ни ради даже собственной матери он не откажется от крови, если только сможет ее пролить. Он — кровопийца и гнусная тварь! Нам с капитаном это известно. Мы были его рабами.

— Но ведь здесь же я! — с величайшим достоинством сказал его светлость.

Волверстон рассмеялся еще пуще, отчего его светлость покраснел и вынужден был повысить свой голос.

— Уверяю вас, мое слово кое-что значит в Англии! — горделиво сказал он.

— Так то в Англии! Но здесь, черт побери, не Англия!

Тут грохот второго выстрела заглушил его слова. Ядро шлепнулось в воду неподалеку от кормы.

Блад перегнулся через перила к белокурому молодому человеку, стоявшему под ним у штурвала, и сказал спокойно:

— Прикажи убрать паруса, Джереми. Мы ложимся в дрейф.

Но Волверстон, нагнувшись над перилами, проревел:

— Стой, Джереми! Не смей! Подожди! — он резко повернулся к капитану.

Блад с грустной улыбкой положил ему на плечо руку.

— Спокойно, старый волк! Спокойно! — твердо, но дружески сказал он.

— Успокаивай не меня, а себя, Питер! Ты сумасшедший! Уж не хочешь ли ты отправить нас в ад из-за твоей привязанности к этой холодной, шупленькой девчонке?

— Молчать! — закричал Блад, внезапно рассвирепев.

Однако Волверстон продолжал неистовствовать:

— Я не стану молчать! Из-за этой проклятой юбки ты стал трусом! Ты трясешься за нес, а ведь она племянница проклятого Бишоп! Клянусь Богом, я взбун-

тую команду, я подниму мятеж! Это все же лучше, чем сдаться и быть повешенным в Порт-Ройале!

Их взгляды встретились. В одном был мрачный вызов, в другом — притупившийся гнев, удивление и боль.

— К чему говорить о чьей-либо сдаче. Речь идет обо мне, — сказал Блад. — Если Бишоп сообщит в Англию, что я схвачен и повешен, он заработает славу и в то же время утолит свою личную ненависть ко мне. Моя смерть удовлетворит его. Я направлю ему письмо и сообщу, что готов явиться на борт его корабля вместе с мисс Бишоп и лордом Джулианом и сдаться, но только при условии, что «Арабелла» будет беспрепятственно продолжать свой путь. Насколько я его знаю, он согласится на такую сделку.

— Эта сделка никогда не будет предложена! — зарычал Волверстон. — Ты окончательно спятил, Питер, если можешь даже думать об этом!

— Я все-таки не такой сумасшедший, как ты. Погляди на эти корабли. — И он указал на преследовавшие их суда, которые приближались медленно, но неумолимо. — О каком сопротивлении ты можешь говорить? Мы не пройдем и получили, как окажемся под их огнем.

Волверстон замысловато выругался и вдруг внезапно смолк, заметив уголком своего единственного глаза нарядную фигурку в сером шелковом платье. Они были так поглощены своим спором, что не увидели спешившей к ним Арабеллы Бишоп, а также Огла, который стоял несколько поодаль в окружении двух десятков пиратов-канониров.

Но Блад, не обращая на них внимания, повернулся, чтобы взглянуть на мисс Бишоп. Он удивился тому, что она рискнула сейчас прийти на квартердек, хотя еще вчера избегала встречи с ним. Ее присутствие здесь, учитывая характер его спора с Волверстоном, было по меньшей мере стеснительным.

Милая и изящная, она стояла перед ним в скромном платье из блестящего серого шелка. Ее щеки покрывал легкий румянец, а в ясных карих глазах светилось возбуждение. Она была без шляпы, и утренний бриз ласково шевелил ее золотисто-каштановые волосы.

Капитан Блад, обнажив голову, молча приветствовал ее поклоном.

Сдержанно и церемонно ответила она на его приветствие.

— Что здесь происходит, лорд Джулиан? — спросила она.

Как бы в ответ на ее вопрос послышался третий пушечный выстрел с кораблей, которые она удивленно рассматривала. Нахмутив брови, Арабелла Бишоп оглядела каждого из присутствовавших мужчин. Они угрюмо молчали и чувствовали себя неловко.

— Это корабли ямайской эскадры, — ответил ей лорд Джулиан.

Но Арабелле не удалось задать больше ни одного вопроса. По широкому трапу бежал Огл, а за ним спешили его канониры. Это мрачное шествие наполнило сердце Арабеллы смутной тревогой.

На верху трапа Оглу преградил путь Блад. Его лицо и вся фигура выражали непреклонность и строгость.

— Что это такое? — резко спросил капитан. — Твое место на оружейной палубе. Почему ты ушел оттуда?

Резкий окрик сразу остановил Огла. Тут сказала прочно укоренившаяся привычка к повиновению и огромный авторитет капитана Блада среди своих людей, что, собственно, и составляло секрет его власти над ними. Но канонир усилием воли преодолел смущение и осмелился возразить Бладу.

— Капитан, — сказал он, указывая на преследующие их корабли, — нас догоняет полковник Бишоп, а мы не можем уйти и не в состоянии драться.

Выражение лица Блада стало еще более суровым. Присутствующим показалось даже, что он стал как-то выше ростом.

— Огл, — сказал он холодным и режущим, как стальной клинок, голосом, — твое место на оружейной палубе. Ты немедленно вернешься туда со своими людьми или...

Но Огл прервал его:

— Дело идет о нашей жизни, капитан. Угрозы бесполезны.

— Ты так полагаешь?

Впервые за всю пиратскую деятельность Блада человек отказывался выполнять его приказ. То, что послушником был один из его друзей по Барбадосу, старый дружище Огл, заставило Блада поколебаться, прежде чем прибегнуть к тому, что он считал неизбежным. И рука

его задержалась на рукоятке пистолета, засунутого за пояс.

— Это не поможет тебе, — предупредил его Огл. — Люди согласны со мной и настают на своем!

— А на чем именно?

— На том, что нас спасет. И пока эта возможность в наших руках, мы не будем потоплены или повешены.

Толпа пиратов, стоявшая за спиной Огла, шумно одобрила его слова.

Капитан мельком взглянул на этих решительно настроенных людей, а затем перевел свой взгляд на Огла. Во всем этом чувствовался какой-то необычный мятежный дух, которого Блад еще не мог понять.

— Значит, ты пришел дать мне совет, не так ли? — спросил он с прежней суровостью.

— Да, капитан, совет. Вот она... — и он указал на Арабеллу, — вот эта девушка, племянница губернатора Ямайки... мы требуем, чтобы она стала заложницей нашей безопасности.

— Правильно! — заревели внизу корсары, а затем послышались несколько выкриков, подтверждающих это одобрение.

Капитан Блад внешне никак не изменился, но в сердце его закрался страх.

— И вы представляете себе, — спросил он, — что мисс Бишоп станет такой заложницей?

— Конечно, капитан, и очень хорошо, что она оказалась у нас на корабле. Прикажи лечь в дрейф и просигналить им — пусть они пришлют шлюпку и удостоверятся, что мисс здесь. Потом скажи им, что если они попытаются нас задержать, то мы сперва повесим ее, а потом будем драться. Может быть, это охладит пыл полковника Бишопы.

— А может быть, и нет, — послышался медлительный и насмешливый голос Волверстона. И неожиданный союзник, подойдя к Бладу, стал рядом с ним.

— Кое-кто из этих желторотых ворон может поверить таким басням, — и он презрительно ткнул большим пальцем в толпу пиратов, которая стала сейчас гораздо многочисленней, — но тот, кто мучился на плантациях Бишопы, не может. Если тебе, Огл, вздумалось сыграть на чувствах этого мерзавца-плантатора, то ты еще больший дурак во всем, кроме пушек, чем я мог подумать. Ведь ты-то знаешь Бишопы! Нет, мы не ляжем в дрейф, чтобы нас потопили наверняка. Если

бы наш корабль был нагружен только племянницами Бишопа, то и это никак не подействовало бы на него. Неужели ты забыл этого подлеца? Этот грязный рабовладелец ради родной матери не откажется от мести. Я только что говорил об этом лорду Уэйду. Он тоже, вроде тебя, считал, что мы в безопасности, поскольку у нас на корабле мисс Бишоп. И если бы ты не был болваном, Огл, мне не нужно было бы объяснять тебе это. Мы будем драться, друзья...

— Как мы можем драться? — гневно заорал Огл, пытаясь рассеять впечатление, произведенное на пиратов убедительной речью Волверстона.

— Может быть, ты прав, а может быть, и нет. Мы должны попытаться. Это наш единственный козырь...

Его слова были заглушены одобрительными криками пиратов. Они требовали выдать им девушку. Но в это мгновение еще громче, чем раньше, раздался пушечный выстрел с подветренной стороны, и далеко за правым бортом «Арабеллы» взметнулся высокий фонтан от падения ядра в воду.

— Они уже в пределах досягаемости наших пушек! — воскликнул Огл и, наклонившись над поручнями, командовал: — Положить руля к ветру!

Питт, стоявший рядом с рулевым, повернулся к возбужденному канониру:

— С каких это пор ты стал командовать, Огл? Я получаю приказы только от капитана!

— На этот раз ты исполнишь мой приказ, или же клянусь Богом, что ты...

— Стой! — крикнул Блад, схватив руку канонира. — У нас есть лучший выход.

Он искоса взглянул на приближающиеся корабли и скользнул взглядом по мисс Бишоп и лорду Джулиану, которые стояли вместе в нескольких шагах от него. Арабелла, волнуясь за свою судьбу, была бледна и, полураскрыв рот, не спускала взора с капитана Блада.

Блад лихорадочно размышлял, пытаясь представить себе, что случится, если он убьет Огла и вызовет этим бунт. Кое-кто, несомненно, станет на сторону капитана. Но так же несомненно, что большинство пиратов пойдут против него. Тогда они добьются своего, и при любом исходе событий Арабелла погибнет. Даже если полковник Бишоп согласится с требованиями пиратов, ее все равно будут держать как заложницу и в конце концов расправятся с нею.

Между тем Огл, поглядывая на английские корабли и теряя терпение, потребовал от капитана немедленного ответа:

— Какой это лучший выход? У нас нет иного выхода, кроме предложенного мной. Мы испытаем наш единственный козырь.

Капитан Блад не слушал Огла, а взвешивал все «за» и «против». Его лучший выход был тот, о котором он уже говорил Волверстону. Но был ли смысл говорить о нем сейчас, когда люди, настроенные Оглом, вряд ли могли что-либо соображать! Он отчетливо понимал одно: если они и согласятся на его сдачу, то от своего намерения сделать Арабеллу заложницей все равно не откажутся. А добровольную сдачу самого Блада они просто используют как дополнительный козырь в игре против губернатора Ямайки.

— Из-за нее мы попали в эту западню! — продолжал бушевать Огл. — Из-за нее и из-за тебя! Ты рисковал нашими жизнями, чтобы доставить ее на Ямайку. Но мы не собираемся расставаться с жизнью...

И тут Блад принял решение. Медлить было немислимо! Люди уже отказывались ему повиноваться. Вот-вот они стащат девушку в трюм...

Решение, принятое им, мало его устраивало, более того — оно было очень неприятным для него выходом, но он все же не мог не использовать его.

— Стойте! — закричал снова он. — У меня есть иной выход. — Он перегнулся через поручни и приказал Питту: — Положить руля к ветру! Лечь в дрейф и просигнализировать, чтобы выслали шлюпку.

На корабле мгновенно воцарилось молчание, таившее в себе изумление и подозрение: никто не мог понять причину такой внезапной уступчивости капитана. Но Питт, хотя и разделявший чувства большинства, повиновался.

Прозвучала поданная им команда, и после короткой паузы человек двадцать пиратов бросились выполнять приказ: заскрипели блоки, захлопали, поворачиваясь против ветра, паруса. Капитан Блад взглянул на лорда Джулиана и кивком головы подозвал его к себе. Его светлость подошел, удивленный и недоверчивый. Недоверие его разделяла и мисс Бишоп, которая, так же как и Уэйд и все остальные на корабле (хотя совсем по другим причинам), была ошеломлена внезапной уступкой Блада.

Подойдя к поручням вместе с лордом Джулианом, капитан Блад кратко и отчетливо сообщил команде о цели приезда лорда Джулиана на Ямайку и рассказал о предложении, которое ему вчера сделал Уэйд.

— Я отверг это предложение, как его светлость может вам подтвердить, считая его оскорбительным для себя. Те из вас, кто пострадал по милости короля Якова, поймут меня. Но сейчас, в нашем положении... — он бросил взгляд на корабли, почти уже догнавшие «Арабеллу», и к ним же обратились взоры всех пиратов, — я готов следовать путем Моргана — пойти на королевскую службу и этим прикрыть вас всех.

На мгновение все оцепенели, как от удара грома, а затем поднялось настоящее столпотворение — крики радости, вопли отчаяния, смех, угрозы смешались в единый нестройный шум. Большая часть пиратов все же обрадовалась такому выходу, и радость эта была понятна: люди, которые готовились умирать, внезапно получили возможность остаться в живых. Но многие из них колебались принять окончательное решение, пока капитан Блад не даст удовлетворительных ответов на несколько вопросов, главный из которых был задан Оглом:

— Посчитается ли Бишоп с королевским патентом, когда ты его получишь?

На это ответил лорд Джулиан:

— Бишопу не поздоровится, если он попытается пренебречь властью короля. Даже если он посмеет сделать такую попытку, офицеры эскадры никогда его не поддержат.

— Да, — сказал Огл, — это правда.

Однако несколько корсаров категорически возражали против такого выхода.

Одним из них был старый волк Волверстон.

— Я скорее соглашусь сгореть в аду, чем пойду на службу к королю! — в бешенстве заорал он.

Но Блад успокоил и его, и тех, кто думал так же, как и он.

— Кто из вас не желает идти на королевскую службу, вовсе не обязан следовать за мной. Я иду только с теми, кто этого хочет. Не думайте, что я охотно на это соглашаюсь, но у нас нет иной возможности спастись от гибели. Никто не тронет тех, кто не пожелает идти за мной, и они останутся на свободе. Таковы условия, на которых я продал себя королю.

Пусть лорд Джулиан, представитель министра иностранных дел, скажет, согласен ли он с этими условиями.

Уэйд согласился немедленно, и дело на этом, собственно, закончилось.

Лорд Джулиан поспешно бросился в свою каюту за патентом, весьма обрадованный таким поворотом событий, давшим ему возможность так хорошо выполнить поручение своего правительства.

Тем временем боцман просигналил на ямайские корабли, вызывая лодку.

Пираты на шкафуте столпились вдоль бортов, с чувством недоверия и страха разглядывая огромные, величественные галионы, подходившие к «Арабелле».

Как только Огл покинул квартердек, Блад повернулся к Арабелле Бишоп. Она все время следила за ним сияющими глазами, но сейчас выражение ее лица изменилось, потому что капитан был мрачен, как туча. Арабелла поняла, что его, несомненно, гнетет принятое им решение, и с замешательством, совершенно необычным для нее, легко прикоснулась к руке Блада.

— Вы поступили мудро, сэр, — похвалила она его, — даже если это идет вразрез с вашими желаниями.

Он хмуро взглянул на Арабеллу, из-за которой пошел на эту жертву.

— Я обязан этим вам, или думаю, что обязан, — тихо ответил Блад.

Арабелла не поняла его.

— Ваше решение избавило меня от кошмарной опасности, — призналась она и содрогнулась при одном лишь воспоминании. — Но я не понимаю, почему вы вначале отклонили предложение лорда Уэйда. Ведь это почетная служба.

— Служба королю Якову? — насмешливо спросил он.

— Англии, — укоризненно поправила она его. — Страна — это все, сэр, а суверен — ничто. Король Яков уйдет, придут и уйдут другие, но Англия останется, чтобы ей честно служили ее сыны, не считаясь со своим озлоблением против людей, временно стоящих у власти.

Он несколько удивился, а затем чуть улыбнулся.

— Умная защита, — одобрил он. — Вы должны были бы сказать это команде. — А затем, с добродушной насмешкой в голосе, заметил: — Не кажется ли вам сейчас, что такая почетная служба могла бы восстановить доброе имя человека, который был вором и пиратом?

Арабелла быстро опустила глаза, и голос ее слегка дрожал, когда она ответила:

— Если он... хочет знать, то, может быть... нет, даже наверно... о нем было вынесено слишком суровое суждение...

Голубые глаза Блада сверкнули, а твердо стиснутые губы смягчились.

— Ну... если вы думаете так, — сказал он, вглядываясь в нее с какой-то странной жадью во взоре, — то, в конце концов, даже служба королю Якову может показаться терпимой.

Взглянув на море, Блад заметил шлюпку, отвалившую от одного из больших кораблей, которые, мягко покачиваясь на волнах, лежали в дрейфе не более чем в трехстах ярдах от них. Он тут же взял себя в руки, чувствуя новые силы и бодрость, как бывает у выздоравливающего после мучительной и тяжелой болезни.

— Если вы спуститесь вниз, возьмете служанку и свои вещи, то мы сразу же отправим вас на один из кораблей эскадры, — сказал он, указывая на шлюпку.

Когда Арабелла ушла, Блад, подзвав Волверстона и опершись на борт, стал вместе с ним наблюдать за приближением шлюпки, в которой сидели двенадцать гребцов под командованием человека в красном. Капитан навел подзорную трубу на эту фигуру.

— Это не Бишоп, — полувопросительно, полуутвердительно заметил Волверстон.

— Нет, — ответил Блад, складывая подзорную трубу. — Не знаю, кто это может быть.

— Ага! — с иронической злостью воскликнул Волверстон. — Полковник, видать, совсем не жаждет появиться здесь самолично. Он уже побывал раньше на этой посудине, и мы тогда заставили его поплавать. Помня об этом, он посылает своего заместителя.

Этим заместителем оказался Кэлверлей — энергичный, самонадеянный офицер, не очень давно прибывший из Англии. Было совершенно очевидно, что полковник Бишоп тщательно проинструктировал его, как следует обращаться с пиратами.

Выражение лица Кэлверлея, когда он ступил на шкафут «Арабеллы», было надменным, суровым и презрительным.

Блад с королевским патентом в кармане стоял рядом с лордом Джулианом. Капитан Кэлверлей был слегка

удивлен, увидев перед собой двух людей, так резко отличавшихся от того, что он ожидал встретить. Однако его надменность от этого не уменьшилась, и он удостоил лишь мимолетным взглядом свирепую орду полуобнаженных людей, стоявших полукругом за Бладом и Уэйдом.

— Добрый день, сэр, — любезно поздоровался с ним Блад. — Имею честь приветствовать вас на борту «Арабеллы». Мое имя Блад, капитан Блад. Возможно, вы слышали обо мне.

Капитан Кэлверлей угрюмо взглянул на Блада. Знаменитый корсар своей внешностью отнюдь не походил на отчаявшегося человека, вынужденного к позорной капитуляции. Неприятная, кислая улыбка скривила надменно сжатые губы офицера.

— У тебя будет возможность поважничать на виселице! — презрительно буркнул он. — А сейчас мне нужна твоя капитуляция, но не твоя наглость.

Капитан Блад, делая вид, что он очень удивлен и огорчен, обратился к лорду Джулиану.

— Вы слышите? Вы когда-либо слышали что-либо подобное? Вы понимаете, милорд, как заблуждается этот молодой человек. Может быть, мы предотвратим опасность поломки костей кое-кому, если ваша светлость объяснит, кто я такой и каково мое положение?

Лорд Джулиан, выступив вперед, небрежно и даже презрительно кивнул этому еще совсем недавно надменному, а сейчас опарашенному офицеру. Питт, который с квартердека наблюдал за этой сценой, рассказывает в своих записках, что его светлость был мрачен, как аббат при совершении казни через повешение. Однако я склонен подозревать, что эта мрачность была лишь маской, которой забавлялся лорд Джулиан.

— Имею честь сообщить вам, сэр, — надменно заявил он, — что капитан Блад является офицером королевского флота, о чем свидетельствует патент с печатью лорда Семдерленда, министра иностранных дел его величества короля Англии.

Капитан Кэлверлей выпучил глаза. Лицо его побагровело. В толпе корсаров послышались хохот, заковыристая брань и радостные восклицания, которыми они выражали свое удовольствие разыгрывающейся комедией. Кэлверлей молча глядел на Уэйда, пытаясь понять, откуда у этого проходимца такой дорогой, элегантно костюм, такой спокойный, уверенный вид

и столь холодная, чеканная речь. Должно быть, этот прохвост некогда вращался в изысканном обществе?

— Кто ты такой, черт тебя побери? — вспыхнул наконец Кэлверлей.

Голос его светлости стал более холодным и отчужденным:

— Вы дурно воспитаны, сэр, как я замечаю. Моя фамилия Уэйд, лорд Джулиан Уэйд. Я — посол его величества в этих варварских краях и близкий родственник лорда Сендерленда. Полковник Бишоп должен был знать о моем прибытии.

Внезапная перемена в манерах Кэлверлея при имени лорда Джулиана показала, что сообщение о нем уже дошло до Ямайки и Бишопу было об этом известно.

— Я... полагаю... полковник был уведомлен, — ответил Кэлверлей, колеблясь между сомнением и подозрением. — То есть ему было сообщено о приезде лорда Джулиана Уэйда. Но... но... на этом корабле?.. — Он виновато развел руками и, окончательно смешавшись, умолк.

— Я плыл на «Ройял Мэри»...

— Нам так и было сообщено.

— Но «Ройял Мэри» была потоплена испанским капером, и я никогда не добрался бы сюда, если бы не храбрость капитана Блада, который меня спас.

В хаос, царивший в мозгу Кэлверлея, проник луч света.

— Я вижу, я понимаю...

— Весьма сомневаюсь в этом. — Его светлость продолжал оставаться таким же суровым. — Но это придет со временем... Капитан Блад, предъявите ему ваш патент. Это, вероятно, рассеет все его сомнения, и мы сможем следовать дальше. Я был бы рад поскорее добраться до Порт-Ройала.

Капитан Блад сунул пергамент прямо в вытаращенные глаза Кэлверлея.

Офицер внимательно ознакомился с документом, особенно присматриваясь к печатям и подписям, а затем, обескураженный, отошел и растерянно поклонился.

— Я должен вернуться к полковнику Бишопу за распоряжениями, — смущенно пробормотал он.

В эту минуту толпа пиратов расступилась, и в образовавшемся проходе показалась мисс Бишоп в сопровождении своей служанки-мулатки. Искоса поглядев через плечо, капитан Блад заметил ее приближение.

— Быть может, вы проводите к полковнику его

племянницу? — сказал Блад Кэлверлею. — Мисс Бишоп также была вместе с его светлостью на «Ройял Мэри». Она сможет ознакомить дядю со всеми деталями гибели этого корабля и с настоящим положением дел.

Не успев прийти в себя от изумления, капитан Кэлверлей мог ответить на этот новый сюрприз только поклоном.

— Что же касается меня, — растягивая слова, сказал лорд Джулиан, — то я останусь на борту «Арабеллы» до прибытия в Порт-Ройал. Передайте полковнику Бишопу привет и скажите ему, что в ближайшем будущем я надеюсь с ним познакомиться.

Глава XXII

ССОРА

«Арабелла» стояла в огромной гавани Порты-Ройала, достаточно вместительной, чтобы дать пристанище кораблям всех военных флотов мира. По существу, корабль был в плену, так как примерно в четверти мили от правого борта вздымалась тяжелая громада круглой башни форта, а не более чем в двух кабельтовых за кормой и с левого борта «Арабеллу» стерегли шесть военных судов ямайской эскадры, стоявших на якоре.

Прямо перед «Арабеллой», на противоположном берегу гавани, белели плоские фасады зданий довольно большого города, спускавшегося почти к самой воде. За этими зданиями подобно террасам поднимались красные крыши, обозначая отлогий склон берега, на котором был расположен город.

На фоне далеких зеленых холмов, под небом, напоминавшим купол из полированной стали, местами возвышались среди крыш остроконечные башенки и шпили.

Лежа на плетеной кушетке, прикрытой для защиты от жгучего солнца самодельным тентом из бурой парусины, на четвертьдеке скучал Питер Блад. В руках его была истрепанная книга — «Оды» Горация в переплете из телячьей кожи.

С нижней палубы доносилось шарканье швабр и журчание воды в шпигатах⁹⁶.

Было еще очень рано, и моряки под командой

боцмана Хэйтона работали на шкафуте и баке, а один из моряков хриплым голосом напевал корсарскую песенку:

В борт ударились бортом,
Перебили всех потом,
И отправили притом на дно морское!
Дружнее, хо! Смелей, йо-хо!
Кто теперь на чертов Мейн пойдет со мной?

Блад вздохнул, и по его энергичному загорелому лицу пробежало что-то вроде улыбки, а затем, забыв обо всем окружающем, он погрузился в размышления.

Последние две недели со дня получения им офицерского патента дела его шли отвратительно. Сразу же после прибытия на Ямайку начались неприятности с Бишопом. Едва лишь Блад и лорд Джулиан сошли на берег, как их встретил человек, даже не попытавшийся скрыть величайшей своей досады по поводу такого неожиданного поворота событий и своей решимости изменить положение. Вместе с группой офицеров Бишоп ждал их на молу.

— Насколько я догадываюсь, вы лорд Джулиан Уэйд? — грубо спросил он, бросив злобный взгляд на капитана Блада.

Лорд Джулиан поклонился.

— Как мне кажется, я имею честь разговаривать с губернатором Ямайки полковником Бишопом? — спросил лорд с изысканной вежливостью, и его слова прозвучали так, как если бы его светлость давал полковнику Бишопу урок хорошего тона.

Сообразив это, полковник, хотя и с опозданием, сняв свою широкополую шляпу, отвесил церемонный поклон, а затем сразу же приступил к делу:

— Мне сказали, что вы выдали этому человеку королевский офицерский патент. — В его голосе чувствовалось раздраженное ожесточение. — Ваши мотивы были, несомненно, благородны... вы были признательны за освобождение из рук испанцев. Но патент должен быть немедленно аннулирован. Это недопустимая оплошность, милорд.

— Я вас не понимаю, — холодно заметил лорд Джулиан.

— Конечно, не понимаете, иначе вы никогда бы так не поступили. Этот человек обманул вас. Вначале он был бунтовщиком, потом стал беглым рабом, а сейчас это кровожадный пират. Весь прошлый год я за ним охотился.

— Мне все это хорошо известно, сэр. Я не так легко раздаю королевские патенты.

— Да? А как же тогда назвать то, что вы сделали? Но ничего, я как губернатор Ямайки, назначенный его величеством королем Англии, исправлю вашу ошибку по-своему.

— Каким же образом?

— Этого мерзавца ждет виселица в Порт-Ройале.

Блад хотел вмешаться, но лорд Джулиан предупредил его.

— Я вижу, сударь, что вы не можете понять сути дела. Если патент выдан по ошибке, то эта ошибка не моя. Я действую в соответствии с инструкциями лорда Сендерленда. Его светлость, хорошо зная обо всех этих фактах, поручил мне передать патент капитану Бладу, если капитан Блад согласится его принять.

От испуга полковник Бишоп разинул рот:

— Лорд Сендерленд дал такие указания?

— Да.

Не дождавшись ответа губернатора, который окончательно потерял дар речи, лорд Джулиан спросил:

— Осмелитесь ли вы сейчас настаивать на том, что я ошибся? Берете ли вы на себя ответственность исправить мою ошибку?

— Я... я... не думал...

— Это я понимаю, сэр. Разрешите представить вам капитана Блада.

Волей-неволей полковник Бишоп вынужден был сделать самое любезное выражение лица, на какое только был способен. Однако все понимали, что под этой маской он скрывал лютую ярость.

А вслед за таким сомнительным началом положение дел не только не улучшилось, но, пожалуй, даже ухудшилось.

Лежа на кушетке, Блад думал еще и о другом. Он уже две недели находится в Порт-Ройале, так как его корабль фактически вошел в состав ямайской эскадры. Когда весть об этом дойдет до острова Тортуга и корсаров, ожидающих его возвращения, имя капитана Блада, до сих пор пользовавшееся таким уважением «берегового братства», теперь будет упоминаться с омерзением. Недавние друзья будут рассматривать его поступок как предательство, как переход на сторону врага. Пройдет еще немного времени, и может случиться, что он поплатится за это своей жизнью. Ради чего

ему нужно было ставить себя в такое положение? Ради девушки, которая все время упорно не замечает его? Он считал, что Арабелла по-прежнему питает к нему отвращение. За эти две недели она едва достаивала его взглядом. А ведь именно для этого он ежедневно торчал в резиденции ее дяди, не обращая внимания на нескрываемую враждебность полковника. Но и это еще было не самое худшее. Он видел, что все свое внимание Арабелла уделяет только лорду Джулиану — молодому и элегантному вельможе из числа бездельников Сент-Джеймского двора. Какие же надежды у него, отъявленного авантюриста, изгнанного из общества, против такого соперника, который вдобавок ко всему был еще и несомненно способным человеком?

Нетрудно вообразить себе, какой горечью наполнилась его душа. Капитан Блад сравнивал себя с той собакой из басни, что выпустила из пасти кость, погнавшись за ее отражением.

Он попытался найти утешение в двух строках на странице открытой им книги:

Люби не то, что хочется любить,

А то, что можешь, то, чем обладаешь...

Но и любимый Гораций не мог утешить капитана Блада. Его мрачные раздумья прервал приход шлюпки, которая, незаметно подойдя с берега, ударилась о высокий красный корпус «Арабеллы»; потом послышался чей-то хриплый голос, судовой колокол отчетливо и резко пробил две склянки, и вслед за ними раздался длинный, пронзительный свисток боцмана.

Эти звуки окончательно привели в себя капитана Блада, и он поднялся с кушетки. Его красивый красный мундир, расшитый золотом, свидетельствовал о новом звании капитана. Сунув в карман книгу, он подошел к резным перилам квартердека и увидел Питта, поднимавшегося по трапу.

— Записка от губернатора, — сказал шкипер, протягивая ему сложенный лист бумаги.

Капитан сломал печать и пробежал глазами записку.

Питт, в просторной рубаше и бриджах, облокотясь на перила, наблюдал за ним, и его честное, открытое лицо выражало явную озабоченность и тревогу.

Блад, взглянув на Питта, засмеялся, но сразу же умолк, скривив губы.

— Весьма повелительный вызов, — сказал он, передавая своему другу записку.

Молодой шкипер прочел ее, а затем задумчиво погладил свою золотистую бородку.

— Ты, конечно, не поедешь?! — сказал он полувопросительно, полуутвердительно.

— А почему бы и нет? Разве я не бываю ежедневно в форту?..

— Но он хочет вести разговор о нашем старом волке. Эта история дает ему повод для недовольства. Ты ведь знаешь, Питер, что только лорд Джулиан мешает Бишопу расправиться с тобой. Если сейчас он сможет доказать, что...

— Ну, а если даже он сможет? — беззаботно прервал его Блад. — Разве на берегу я буду в большей опасности, чем здесь, когда у нас осталось не более пятидесяти равнодушных мерзавцев, которые так же будут служить королю, как и мне? Клянусь Богом, дорогой Джереми, «Арабелла» здесь в плену, под охраной форта и вот этой эскадры. Не забывай этого.

Питт сжал кулаки и, не скрывая недовольства, спросил:

— Но почему же, в таком случае, ты разрешил уйти Волверстону и другим? Ведь можно же было предвидеть...

— Перестань, Джереми! — перебил его Блад. — Ну, скажи по совести, как я мог удержать их? Ведь мы так договорились. Да и чем они помогли бы мне, если бы даже остались с нами?

Питт ничего не ответил, и капитан Блад, опустив руку на плечо друга, сказал:

— Вижу, что сам понимаешь. Я возьму шляпу, трость и шпагу и отправлюсь на берег. Прикажи готовить шлюпку.

— Ты отдаешь себя в лапы Бишопу! — предупредил его Питт.

— Ну, это мы еще посмотрим. Может быть, меня не так-то легко взять, как ему кажется. Я еще могу кусаться! — И засмеявшись, Блад ушел в свою каюту.

На этот смех Джереми Питт ответил ругательством. Несколько минут он стоял в нерешительности, а затем нехотя спустился по трапу, чтобы отдать распоряжение гребцам.

— Если с тобой что-нибудь случится, Питер, — сказал он, когда Блад спускался с борта корабля, — то пусть

Бишоп пеняет на себя. Эти пятьдесят парней сейчас, может быть, и равнодушны, но если нас обманут, то от их равнодушия и следа не останется.

— Ну что со мной может случиться, Джереми? Не волнуйся! Обещаю тебе, что буду обратно к обеду.

Блад спустился в ожидавшую его шлюпку, хорошо понимая, что, отправляясь сегодня на берег, подвергает себя очень большому риску.

Может быть, поэтому, ступив на узкий мол у невысокой стены форта, из амбразур которого торчали черные жерла пушек, он приказал гребцам ждать его здесь. Ведь могло случиться, что ему придется немедленно возвращаться на корабль.

Он не спеша обогнул зубчатую стену и через большие ворота вошел во внутренний двор. Здесь бездельничало с полдюжины солдат, а в тени стены медленно прогуливался комендант форта майор Мэллэрд. Заметив капитана Блада, он остановился и отдал ему честь, как полагалось по уставу, но улыбка, ошетинившая его жесткие усы, была мрачно-насмешливой. Однако внимание Питера Блада было поглощено совсем другим.

Справа от него простирался большой сад, в глубине которого находился белый дом губернатора. На главной аллее сада, обрамленной пальмами и сандаловыми деревьями, он увидел Арабеллу Бишоп. Быстрыми шагами Блад пересек внутренний двор и догнал ее.

— Доброе утро, сударыня! — поздоровался он, снимая шляпу, и тут же протестующе добавил: — Честное слово, безжалостно заставляя меня гнаться за вами в такую жару!

— Зачем же вы тогда гнались? — холодно спросила она и торопливо добавила: — Я спешу, и, надеюсь, вы извините меня, что я не могу задержаться.

— Вы совсем не спешили до моего появления, — шутливо запротестовал он, и хотя его губы улыбались, но в голубых глазах появилось какое-то странное, жесткое выражение.

— Но если вы заметили это, сэр, то меня удивляет ваша настойчивость.

Их шпаги скрестились. И не в привычках Блада было уклоняться от схватки.

— Честное слово, вы могли бы как-то объясниться, — заметил он. — Ведь только ради вас я нацепил этот королевский мундир, и вам должно быть неприятно, что его носит вор и пират.

Она пожала плечами и отвернулась, чувствуя одновременно и обиду и раскаяние. Однако, опасаясь выдать свое раскаяние, она решила прикрыться обидой и заметила:

— Я делаю все от меня зависящее...

— Чтобы время от времени заниматься благотворительностью. — И он попытался улыбнуться. — Слава Богу, признателен вам и за это. Я, может быть, беру на себя слишком много, но не могу забыть, что, когда я был только рабом на плантациях вашего дяди, вы относились ко мне с большей добротой.

— Тогда вы имели основание на нее рассчитывать. В то время вы были просто несчастным человеком.

— Ну, а кем же вы можете назвать меня сейчас?

— Едва ли несчастным. Ваше счастье на морях стало пословицей. Были слухи и еще кое о чем: о вашем счастье и ваших успехах в других делах.

Она сказала это, вспомнив о мадемуазель д'Ожерон, и, если бы могла, тут же взяла бы свои слова обратно. Но Питер Блад и не придавал им значения, совсем не поняв ее намека.

— Да? Все это ложь, черт побери, и я могу это доказать вам.

— Я даже не понимаю, к чему вам утруждать себя доказательствами, — заметила она, чтобы выбить оружие у него из рук.

— Для того, чтобы вы думали обо мне лучше.

— То, что я думаю, сэр, должно очень мало вас трогать.

Это был обезоруживающий удар, и он, отказавшись от боя, принялся ее уговаривать:

— Как вы можете говорить так, видя на мне мундир королевской службы, которую я ненавижу? Разве не вы сказали мне, что я могу искупить свою вину? Мне хочется только восстановить свое доброе имя в ваших глазах. Ведь в прошлом я не сделал ничего такого, чего мне следовало бы стыдиться.

Она не выдержала его пристального взгляда и опустила глаза.

— Я... я не понимаю, почему вы так говорите, со мной, — сказала она уже не с той уверенностью, как раньше.

— Ах так! Теперь вы не понимаете! — воскликнул он. — Тогда я скажу вам.

— О нет, не нужно! — В ее голосе прозвучала по-

длинная тревога. — Я сознаю все, что вы сделали, и понимаю, что вы хоть немного, но беспокоились за меня. Верьте мне, я очень признательна. Я всегда буду признательна вам...

— Но если вы будете всегда думать обо мне как о воре и пирате, то, честное слово, оставьте вашу признательность при себе. Мне она ни к чему.

На щеках Арабеллы вспыхнул яркий румянец, и Блад заметил, как ее грудь под белым шелком стала чаще вздыматься. Если даже ее и возмутили слова Блада и тон, каким они были произнесены, она все же подавила в себе возмущение, поняв, что сама была причиной его гнева. Арабелла честно попыталась исправить свою оплошность.

— Вы ошибаетесь, — начала она. — Это не так.

Но им не суждено было понять друг друга. Ревность — дурной спутник благоразумия, а она шла рядом с каждым из них.

— Но, в таком случае, что же так... или, вернее, кто? — спросил он и тут же добавил: — Лорд Джулиан?

Она взглянула на него с возмущением.

— О, будьте откровенны со мной! — безжалостно настаивал он. — Сделайте мне милость, скажите прямо.

Несколько минут Арабелла стояла молча. Она прерывисто дышала, и румянец на ее щеках то появлялся, то исчезал.

— Вы... вы совершенно невыносимы, — сказала она, отводя глаза. — Разрешите мне пройти.

Он отступил и своей широкополой шляпой, которую все еще держал в руке, сделал жест в сторону дома.

— Я больше не задерживаю вас, сударыня. В конце концов, я могу еще исправить свой отвратительный поступок. Потом вы припомните, что меня вынудила это сделать ваша жестокость.

Она тут же остановилась и взглянула ему прямо в лицо. Теперь она уже защищалась, и голос ее дрожал от негодования.

— Вы говорите со мной таким тоном! Вы осмеливаетесь разговаривать со мной подобным образом! — воскликнула она, поражая его своей страстностью. — Вы имеете наглость укорять меня за то, что я не хочу касаться ваших рук, когда мне известно, что они обгажены кровью, когда я знаю вас не только как убийцу...

Он глядел на нее, приоткрыв рот от удивления.

— Убийца? Я? — выговорил он наконец.

— Назвать вам ваши жертвы? Да? Разве не вы убили Левасера?

— Левасер? — Он даже чуть-чуть улыбнулся. — Значит, вам и это сказали?!

— А вы отрицаете это?

— К чему? Вы правы — я убил его. Но я могу припомнить еще одно убийство другого человека при аналогичных обстоятельствах. Это произошло в Бриджтауне в ночь, когда на город напали испанцы. Мэри Трэйл может рассказать вам все подробности. Она была при этом.

Он яростно нахлобучил шляпу и сердито ушел, до того как она успела что-либо ответить ему или хотя бы уразуметь смысл всего, что он ей сказал.

Глава XXIII

ЗАЛОЖНИКИ

Стоя у колонны портика губернаторского дома, Питер Блад с болью и гневом в душе смотрел на огромный рейд Порт-Ройала, на зеленые холмы и цепь Голубых гор, смутно видимых в дымке струившегося от зноя воздуха.

Раздумье Блада было прервано возвращением негра, который ходил доложить губернатору о приходе капитана. Следуя за слугой, он прошел на широкую веранду, в тени которой полковник Бишоп с лордом Джулианом Уэйдом спасались от удушливой жары.

— А, пришли! — приветствовал его губернатор, сопровождая свое приветствие мычанием, не предвещавшим ничего доброго.

Бишоп не потрудился подняться с места даже после того, как это сделал более воспитанный лорд Джулиан. Нахмутив брови, бывший барбадосский плантатор рассматривал своего бывшего раба. Блад стоял, держа в руке шляпу и слегка опираясь на длинную, украшенную лентами трость. Внешне он был спокоен, и ничто не выдавало его гнева, вызванного таким высокомерным приемом.

Помолчав немного, полковник сурово и вместе с тем самодовольно заявил:

— Я послал за вами, капитан Блад, потому что мне сообщили, что вчера с рейда ушел фрегат с

вашим сообщником Волверстоном и сотней пиратов из полутора ста человек, находившихся до этого под вашим командованием. Мы с его светлостью хотели знать, на каком основании вы разрешили им уйти.

— Разрешил? — переспросил Блад. — Я просто приказал им уйти.

Полковник на мгновение остолбенел от такого ответа.

— Приказали? — наконец сказал он с изумлением, в то время как лорд Джулиан недоумевающе поднял брови. — Черт побери! Может быть, вы объяснитесь точнее? Куда вы послали Волверстона?

— На Тортугу. Я поручил ему сообщить от моего имени командирам четырех других кораблей моей эскадры то, что здесь произошло, и почему им не следует больше меня ждать.

Блад заметил, как полковник от бешенства побагровел. Глаза его налились кровью, и казалось, что от гнева он готов лопнуть. Плантатор резко повернулся к лорду Джулиану.

— Вы слышали, милорд? Он отпустил Волверстона, самого опасного после него человека из этой пиратской шайки. Я надеюсь, что ваша светлость теперь понимает, как безрассудно было выдать королевский офицерский патент такому человеку. Ведь это же... бунт... измена! Клянусь Богом, этим делом должен заняться военно-полевой суд!

— Может быть, вы прекратите вздорную болтовню о бунте, измене и военно-полевом суде? — Блад надел шляпу и, не ожидая приглашения, сел. — Я послал Волверстона сообщить Хагторпу, Кристиану, Ибервилю и другим моим людям, что у них есть месяц на размышление, в течение которого они должны последовать моему примеру, прекратить пиратство и вернуться к мирным занятиям — охоте или заготовке леса, или же убраться из Карибского моря. Вот какое я дал поручение!

— Ну, а люди? — задал вопрос его светлость своим ровным голосом, не повышая тона. — Ведь Волверстон захватил с собой еще сто человек.

— Это люди из моей команды, которым не по душе служба у короля Якова. Нашим соглашением, милорд, предусматривалось, что никто из них не будет подвергаться какому-либо принуждению.

— Я не помню этого, — с искренним убеждением сказал Уэйд.

Блад удивленно посмотрел на него и пожал плечами:

— Не хочу обвинять вас в забывчивости, милорд: так именно было, и я не лгу. Во всяком случае, нельзя даже и предполагать, чтобы я согласился на что-либо другое.

Губернатор уже не мог больше сдерживаться:

— Значит, вы предупреждали этих проклятых мерзавцев на Тортуге, чтобы они имели возможность спастись! Вот что вы сделали! Вот как вы используете офицерский патент, благодаря которому сами спаслись от виселицы!

Питер Блад невозмутимо взглянул на него.

— Хочу напомнить вам, — тихо сказал он, — что целью миссии лорда Уэйда, — не принимая во внимание ваши собственные аппетиты, которые, как всем известно, являются аппетитами палача, — это освобождение Карибского моря от пиратов. Я принял сейчас самые эффективные меры для выполнения этой задачи. Известие о моем переходе на королевскую службу само по себе будет способствовать роспуску эскадры, которой я командовал до недавнего времени.

— Пожимаю! — насмешливо проговорил губернатор. — Ну, а если этого не будет?

— У нас есть время обдумать, какие шаги можно будет предпринять.

Лорд Джулиан предупредил новую вспышку гнева полковника Бишопа.

— Возможно, — сказал он, — что лорд Сендерленд будет доволен, если исход дела окажется таким, как вы общаете.

Это были примирительные слова. Лорд Джулиан стремился не отступать от своих инструкций из расположения к Бладу. Поэтому сейчас он дружески протягивал ему руку, чтобы помочь преодолеть новое, весьма серьезное затруднение, которое создал сам капитан, дав в руки Бишопу оружие против себя. К сожалению, молодой вельможа был тем самым человеком, от которого Блад не хотел никакой помощи, потому что смотрел на него глазами, ослепленными ревностью.

— Во всяком случае, — ответил Блад не только вызывающе, но и с насмешкой, — это максимум того, на что вы можете рассчитывать и что лорд Сендерленд может от меня получить.

Лорд Джулиан нахмурился и несколько раз приложил к губам носовой платок.

— Мне все это как-то не нравится, — сказал он уныло. — Более того, поразмыслив, я могу сказать, что мне это совсем не нравится.

— Сожалею, что это так, — дерзко улыбнулся Блад, — но я вовсе не намерен смягчать свои слова.

Его светлость слегка приподнял брови над чуть расширившимися бесцветными глазами.

— О! — покачал он головой. — Вы удивительно невежливы. Я разочаровался в вас, сэр. Мне казалось, что вы могли бы еще стать джентльменом.

— И это не единственная ошибка вашей светлости, — вмешался Бишоп. — Вы сделали еще более грубую ошибку, выдав ему офицерский патент и буквально сняв его с виселицы, которую я приготовил для него в Порт-Ройале.

— Да, но самая грубая ошибка во всей этой истории с патентом, — сказал Блад, обращаясь к лорду Джулиану, — была допущена при назначении этого разжиревшего рабовладельца на пост губернатора Ямайки, в то время как его следовало бы назначить ее палачом. Эта должность ему больше подошла бы.

— Капитан Блад! — с упреком воскликнул лорд Джулиан. — Клянусь честью, вы заходите слишком далеко. Вы...

Но тут Бишоп прервал его. С трудом поднявшись и дав волю своей ярости, он разразился потоком непристойных ругательств. Капитан Блад, также встав с места, спокойно наблюдал за полковником. Когда Бишоп наконец умолк, Блад невозмутимо обратился к лорду Джулиану, будто ничего не произошло.

— Ваша светлость, вы, кажется, хотели что-то сказать? — спросил он с вызывающей вкрадчивостью.

Но к лорду Уэйду уже возвращалась его обычная выдержка и прежняя склонность занимать примирительную позицию. Он засмеялся и пожал плечами.

— Честное слово, мы слишком горячимся, — сказал он. — Одному Богу известно, как этому способствует ваш проклятый климат. Возможно, что вы, полковник Бишоп, слишком непреклонны, а вы, сэр, слишком вспыльчивы. Я уже заявил от имени лорда Сендерленда, что намерен ждать результатов вашего эксперимента.

Но Бишоп, рассвирепев, дошел уже до такого состояния, что удержать его было невозможно.

— Ах так! — проревел он. — Ну, а я не согласен. Это вопрос, в котором, с вашего позволения, я могу

разобраться лучше вас. В любом случае я беру на себя смелость действовать на свою собственную ответственность.

Лорд Джулиан устало улыбнулся, пожал плечами и беспомощно махнул рукой. Губернатор продолжал буживать.

— Поскольку лорд Джулиан выдал вам патент, то я не имею права разделаться с вами так, как вы этого заслуживаете, но вы предстанете перед военно-полевым судом за ваши действия в отношении Волверстона и будете нести ответственность за последствия.

— Все ясно, — сказал Блад. — Теперь мы добрались до сути дела. Вы как губернатор будете председательствовать на этом суде. Вас, должно быть, очень радует возможность повесить меня и свести старые счеты. — Он засмеялся и добавил: — *Præsumptus præsumptus*.

— Что это значит? — резко спросил лорд Джулиан.

— Я полагал, что ваша светлость человек образованный, а вы даже латыни не знаете. — Он усиленно старался вести себя вызывающе.

— Я не спрашиваю у вас, сэр, точного значения этих слов, — с ледяным достоинством произнес лорд Джулиан. — Я хочу знать, что вы желаете этим сказать.

— Можете сами догадаться, — сказал Блад. — Желаю вам всего доброго! — Он сделал широкий жест своей шляпой с перьями и галантно раскланялся.

— Прежде чем вы уйдете, — сказал Бишоп, — хочу добавить, что капитан порта и комендант форта получили все необходимые распоряжения. Вы не уйдете из порта, висельник! Будь я проклят, если я не обеспечу вам вечную стоянку здесь, на пирсе для казней!

Питер Блад насторожился и взглянул на обрюзгшее лицо своего врага. Переложив длинную трость в левую руку, он небрежно засунул правую руку за отворот своего камзола и быстро повернулся к лорду Джулиану:

— Если мне не изменяет память, вы обещали мне неприкосновенность.

— Да, я обещал, — сказал лорд Джулиан, — но вы своим поведением затрудняете выполнение этого обещания. — Он поднялся. — Вы оказали мне услугу, капитан Блад, и я надеялся, что мы сможем быть друзьями. Но поскольку вы предпочитаете другое... — Он пожал плечами и, взмахнув рукой, указал на губернатора.

Блад закончил фразу за него:

— Вы хотите сказать, что у вас не хватает твердости, чтобы противостоять требованиям этого хвастуна. — Внешне он был спокоен и даже улыбался. — Хорошо, *graeomitus graemunitus*. В латыни вы действительно не очень сильны, а то могли бы знать, что эти слова означают: кто предупрежден, тот вооружен.

— Предупрежден? Ого! — зарычал Бишоп. — Но предупреждение немножко запоздало. Вы не уйдете из этого дома! — Он сделал шаг по направлению к двери. — Эй, кто там!.. — раздался его зычный голос.

И тут же, издав горлом какой-то неопределенный звук, он застыл на месте. Капитан Блад, вытащив из-за отворота камзола правую руку, держал в ней пистолет, богато украшенный золотом и серебром. Черное дуло пистолета глядело прямо в лоб губернатору.

— И вооружен, — сказал Блад. — Ни с места, милорд, а то может произойти несчастный случай, — предупредил он лорда Джулиана, который бросился было Бишопу на помощь.

Лорд застыл на месте. Губернатор с внезапно побледневшим лицом и отвисшей нижней губой закачался. Питер Блад мрачно смотрел на него, вызывая этим еще больший страх у полковника.

— Сам удивляюсь, почему бы мне не прикончить вас на месте без дальнейших разговоров, — сказал он спокойно. — И если я этого не делаю, то по той же причине, по которой однажды уже подарил вам жизнь, хотя и тогда вы не имели на нее права. Убежден, что вы не знаете этой причины, но пусть вас утешает то, что она существует. И я советую вам не злоупотреблять моим терпением. Сейчас оно переселилось в мой указательный палец, лежащий на собачке пистолета. Вы хотите меня повесить... Это самое худшее, что может ожидать меня, но до этого, как вы понимаете, я не поколеблюсь выбить из вашей головы мозги. — Он отбросил трость, освободив левую руку. — Будьте добры, полковник Бишоп, дайте мне вашу руку. Живо, живо. Вашу руку!

Побуждаемый повелительным тоном, взглядом решительных голубых глаз и блеском пистолета, Бишоп повиновался без возражений. Его отвратительное многословие иссякло, и он не мог заставить себя произнести хотя бы одно слово. Капитан Блад продел свою левую

руку сквозь согнутую руку губернатора, потом засунул свою правую руку с оружием за отворот камзола.

— Хотя пистолета и не видно, но тем не менее он направлен в ваше жирное брюхо. Даю честное слово, что при малейшей провокации, безразлично, от кого она будет исходить — от вас или от кого-либо другого, — я уложу вас на месте... Имейте это в виду, лорд Джулиан... Ну, а сейчас, гнусная рожа, шагай живо, деловито, улыбайся любезно, насколько это тебе удастся, и веди себя как следует, не то тебе придется подумать о черных водах Коцита⁷⁷.

Рука об руку они прошли через дом и спустились в сад, где взволнованная Арабелла ожидала Блада.

Размышление над последними словами капитана сначала внесло в ее душу смутение, но затем она ясно представила себе то, что могло быть причиной смерти Левасера. Она сообразила, что сделанный ею вывод мог быть с таким же успехом применен и к истории спасения Бладом Мэри Трейл. Когда мужчина ради женщины рискует своей жизнью, то легко, конечно, предположить, что он лично заинтересован в этом, так как на свете найдется очень немного мужчин, которые рисковали бы, не надеясь получить что-либо взамен. Но Блад был одним из этих немногих.

Теперь ему не пришлось бы долго убеждать Арабеллу в той чудовищной несправедливости, с какой она к нему относилась. Ей вспомнились все слова, случайно подслушанные на борту корабля, названного ее именем, и то, что он сказал, когда она одобрила его решение принять королевский патент, и, наконец, все сказанное им в это утро и вызвавшее лишь ее негодование. Все это приобрело новое значение в ее сознании, освободившемся от необоснованных подозрений.

Вот почему она и решила задержаться в саду до его возвращения, извиниться и положить конец всем недоразумениям между ними. Она ждала его, но казалось, что ее терпение должно было подвергнуться новому испытанию. Когда Блад наконец появился, он был не один, а с дядей, причем они шли, к ее удивлению, дружески беседуя. С досадой она поняла, что объяснение откладывается. Но, если бы только она могла догадаться, на какое длительное время это объяснение откладывается, ее досада перешла бы в отчаяние.

Вместе со своим спутником Блад вышел из благоухающего сада и прошел во внутренний дворик форта.

Комендант, получивший строгий приказ быть в готовности и иметь при себе некоторое количество солдат на случай ареста Блада, был крайне удивлен, увидев губернатора под руку с человеком, которого предполагалось арестовать. Его поразило их поведение, так как Блад оживленно болтал и непринужденно смеялся.

Никем не задержанные, они вышли из ворот и дошли до мола, где их ждала шляпка с «Арабеллы». Не прерывая дружеской беседы, они уселись рядом на корме и отплыли к большому красному кораблю, где Джереми Питт с беспокойством ожидал новостей.

Вам нетрудно представить себе изумление шкипера, когда он увидел губернатора, который в сопровождении Блада, пытаясь, карабкался по веревочной лестнице.

— Конечно, ты прав, Джереми: я попал в западню! — приветствовал его капитан Блад. — Но, как видишь, я выбрался оттуда, захватив с собой мерзавца, заманившего меня в ловушку. Эта скотина, как тебе известно, любит жизнь.

Полковник Бишоп, с лицом землистого цвета и отвислой губой, стоял на шкафуте. Он боялся даже взглянуть на коренастых головорезов, столпившихся на готтлюке около ящика с ядрами.

Обратившись к боцману, который стоял тут же, опираясь на баковую надстройку, Блад громко распорядился:

— Перекинь веревку с петлей через рей!.. Не пугайтесь, дорогой полковник. Это только мера предосторожности на случай, если вы будете несговорчивым, хотя я уверен, что этого не случится. Мы обсудим вопрос за обедом. Надеюсь, вы окажете мне честь пообедать со мной.

Он ответил в свою большую каюту безвольного, усмирного хвостуна. Слуга Питера Блада негр Бенджамен, в белых штанах и полотняной рубашке, бросился выполнять распоряжения капитана об обеде.

Полковник Бишоп, свалившись на рундук, стоявший под выходившими на корму иллюминаторами, пробормотал, заикаясь:

— М-м-могу я с-спросить, ка...каковы ваши н-намерения?

— Конечно, конечно. В них нет ничего страшного, полковник. Хотя вы вполне заслужили веревки на ноге, но уверяю вас, что к этому мы прибегнем лишь в крайнем случае. Вы мне сказали, что лорд Джулман

сделал ошибку, вручив мне патент, выданный министром иностранных дел. Пожалуй, вы правы. Я снова уйду в море. *Cras ingens iterabimus aequor**. Вы хорошо будете знать латынь к тому времени, когда я с вами покончу. Я возвращаюсь на Тортугу, к своим корсарам, честным и славным ребятам. Вас же я захватил с собой в качестве заложника.

— Боже мой! — простонал губернатор. — Вы... вы хотите взять меня на Тортугу?

— О нет! — рассмеялся Блад. — Я не окажу вам такой дурной услуги. Нет, нет! Я хочу, чтобы мне был обеспечен свободный выход из Порт-Ройала. Если вы окажетесь сговорчивым, то я на этот раз даже не заставлю вас плавать. Вы сообщили мне о том, что дали кое-какие распоряжения капитану порта и коменданту этого проклятого форта. А сейчас вам придется вызвать их на корабль и в моем присутствии сказать им, что сегодня, во второй половине дня, «Арабелла» уйдет в море по служебной надобности и никто не должен препятствовать ее отправлению. Ваши офицеры совершат маленькую поездку с нами, чтобы я был уверен в их повиновении. Вот все, что мне от вас нужно. А сейчас садитесь к столу и пишите, если вы, конечно, не предпочитаете нок рея.

Полковник Бишоп попытался протестовать.

— Вы принуждаете меня силой... — начал было он. Капитан Блад любезно прервал его:

— Позвольте, я ни к чему не хочу вас принуждать. К чему насилие? Вам предоставляется совершенно свободный выбор между пером и веревкой. Этот вопрос можете решить только вы сами.

Бишоп гневно взглянул на него, а затем взял перо и присел к столу. Дрожащей рукой он написал офицерам письмо. Блад отправил его на берег, а затем пригласил своего невольного гостя к столу:

— Надеюсь, полковник, вы не потеряли своего хорошего аппетита.

Жалкий Бишоп сел на указанный ему стул, но от страха не мог даже думать о еде, и Блад не настаивал. Сам же он с аппетитом приступил к обеду. Не успел он разделаться с ним и наполовину, как пришел

---

* *Cras ingens iterabimus aequor* (лат.) — Завтра снова мы выйдем в огромное море.

Хэйтон с докладом о прибытии на корабль лорда Джулиана Уэйда. Блад просил немедленно принять его.

— Я этого ждал, — сказал он. — Приведи его сюда.

С суровым и надменным видом в каюту вошел лорд Джулиан и с первого взгляда понял обстановку. Капитан Блад поднялся с места со словами приветствия:

— Это очень дружеский жест, милорд, что вы решили к нам присоединиться.

— Капитан Блад, — резко сказал Уэйд, — ваш юмор несколько неуместен! Я не знаю ваших намерений, но меня интересует, отдаете ли вы себе отчет в том риске, на какой вы идете.

— А меня интересует, милорд, отдаете ли вы себе отчет в том риске, на какой пошли вы, явившись ко мне на корабль?

— Что это значит, сэр?

Блад подал знак Бенджамену, стоявшему позади Бишопа:

— Стул для его светлости... Хэйтон, отправь шлюпку его светлости на берег. Передай, что он здесь задержится.

— Что такое? — воскликнул лорд Джулиан. — Черт побери! Вы хотите задержать меня? Вы сошли с ума!

— Лучше подожди, Хэйтон, на случай, если его светлость вздумает буйствовать... Бенджамен, ты слышал распоряжение? Иди и передай его.

— Скажете ли вы, что вы намерены делать, сэр? — потребовал его светлость, дрожа от гнева.

— Просто хочу обезопасить себя и своих ребят от виселицы полковника Бишопа. Я правильно рассчитал, что ваше воспитание не позволит вам покинуть его в беде и вы последуете за ним сюда. Я отправил на берег письменное распоряжение полковника капитану порта и коменданту форта немедленно явиться на корабль. Как только они поднимутся на борт «Арабеллы», у меня будут все заложники, которые обеспечат нам полную безопасность.

— Это подлость! — процедил сквозь зубы лорд Джулиан.

— О, это зависит от того, как смотреть на вещи, — спокойно сказал Блад. — Обычно я никому не позволяю безнаказанно оскорблять меня. Но, учитывая, что в свое время вы по доброй воле оказали мне одну услугу, я не буду обращать внимания на вашу грубость.

Его светлость засмеялся.

— Вы идиот! — сказал он. — Неужели вы думаете,

что я прибыл сюда, не приняв нужных предосторожностей? Коменданту уже известно, как вы заставили полковника Бишопа вас сопровождать. И об этом знает также капитан порта. Судите сами, явятся ли они сюда и позволят ли уйти вашему кораблю.

— Весьма сожалею об этом, милорд, — сказал Блад.

— Я знал, что вы будете сожалеть, сэр, — ответил лорд Джулиан.

— Да, но я сожалею совсем не о себе. Мне жаль губернатора. Знаете, что вы наделали? Вы уже почти повесили его.

— Боже мой! — воскликнул Бишоп, задрожав от страха.

— Если по моему кораблю будет сделан хотя бы один выстрел, мы тут же вздернем губернатора на ноке рее. Ваша единственная надежда, полковник, заключается в том, что я пошлю ~~им~~ словечко о моем намерении. И для того, чтобы вы, милорд, могли как можно лучше исправить нанесенный вами вред, вы сами отправитесь с этим посланием.

— Да я скорее отправлюсь в ад, чем поеду на берег! — продолжал бушевать Уэйд.

— Крайне неблагоприятный поступок, милорд, — сказал Блад. — Но, если вы так настроены... не буду вас уговаривать. Придется послать кого-нибудь другого. А вы останетесь на корабле. Ну что ж, еще один заложник! Это только усиливает мою позицию.

Лорд Джулиан уставился на него, сообразив, от чего он отказался.

— Может быть, вы перерешите, после того, как я вам все разъяснил? — спросил Блад.

— Послушайтесь его, поезжайте, ради Бога, милорд! — брызжа слюной, простонал Бишоп. — Пусть немедленно выполнят его приказание. Этот проклятый пират схватил меня за горло...

Его светлость бросил на Бишопа взгляд, весьма далекий от восхищения.

— Конечно, если вы на этом настаиваете... — начал было он, но затем, пожав плечами, снова повернулся к Бладу: — Я могу положиться на вас, что полковнику Бишопу не будет причинено никакого вреда, если вам позволят отплыть?

— Даю вам слово, — сказал Блад, — так же как обещаю, что полковник Бишоп без задержки будет высажен на берег.

Лорд Джулиан надменно поклонился притихшему губернатору.

— Вы понимаете, сэр, что я поступаю так по вашему желанию, — холодно заметил он.

— Да... конечно, да! — поспешно согласился Бишоп.

— Хорошо! — Лорд Джулиан снова поклонился и пошел к борту.

Блад проводил его до штурм-трапа, у которого все еще покачивалась шляпка «Арабеллы».

— До свидания, милорд, — сказал Блад. — Да, чуть было не забыл! — Он вынул из кармана патент. — Бишоп был прав, говоря, что он был выдан мне по ошибке.

Лорд Джулиан внимательно посмотрел на Блада, и выражение его лица смягчилось.

— Мне очень жаль, — искренне проговорил он.

— При иных обстоятельствах, милорд... — начал было Блад. — Э, да что там! Вы понимаете... Шляпка вас ждет.

Уже поставив ногу на первую ступеньку трапа, лорд Джулиан заговорил:

— Будь я проклят, но я ничего не могу понять! Почему вы не можете послать на берег кого-нибудь другого и не оставляете на корабле меня, как еще одного завожника?

Своими ясными синими глазами Блад посмотрел прямо в честные и чистые глаза Уэйда и грустно улыбнулся. Казалось, Блад колеблется, но затем он решительно и откровенно сказал, что думал:

— Да почему бы мне и не сказать вам напоследок? Причина все та же, милорд. Она толкала меня и на ссору с вами, чтобы иметь удовольствие проткнуть вас шпагой. Принимая ваш патент, я надеялся, что он поможет мне искупить свою вину за прошлое в глазах мисс Бишоп, ради которой, как вы, вероятно, догадались, я и взял его. Но теперь я понял, что все это напрасно. Мои надежды — это горячечный бред больного. Я понял также, что если Арабелла Бишоп, как мне кажется, из нас двоих предпочла вас, то я думаю, что она поступила правильно. Вот почему я не хочу оставлять вас на корабле и подвергать опасности — а такая существует: нас могут обстрелять, мы будем защищаться. Слепой случай может вас погубить...

Пораженный лорд Джулиан уставился на Блада. Его длинное холеное лицо было очень бледно.

— Боже мой! — прошептал он. — И вы... вы говорите это мне!

— Я говорю вам это потому, что... Ах, черт возьми, ну, чтобы заставить ее понять, что вор и пират, которым она меня считает, все еще сохранил кое-что от тех времен, когда он был джентльменом. Ее счастье для меня драгоценней всего на свете. Зная об этом, она сможет... с большей теплотой вспоминать меня иногда, хотя бы только в своих молитвах. Это все, милорд!

Лорд Джулиан долго смотрел на корсара, а потом молча протянул ему руку. Блад так же молча пожал ее.

— Я не уверен, что вы правы, — сказал лорд Джулиан. — Возможно, что из нас двоих вы являетесь для нее лучшим.

— Это только ваше мнение, милорд, а что касается Арабеллы, сделайте так, чтобы я оказался прав. Прощайте!

Лорд Джулиан крепко пожал ему руку. Затем он спустился в лодку и направился к берегу. Отплыв на некоторое расстояние, он помахал рукой Бладу, который, облокотившись на фальшборт, наблюдал за удаляющейся шлюпкой.

Часом позже, пользуясь легким бризом, «Арабелла» вышла из порта. Форт молчал. Ни один из кораблей ямайской эскадры не сделал и движения, чтобы помешать ее уходу. Лорд Джулиан хорошо выполнил поручение, и было ясно, что он подкрепил его своими личными распоряжениями.

Глава XXIV

ВОЙНА

Милях в пяти от Порт-Ройала, в открытом море, когда очертания побережья Ямайки стали затягиваться дымкой, «Арабелла» легла в дрейф, и к ее борту подтянули шлюпку, которую она тащила за кормой.

Капитан Блад проводил своего невольного гостя к веревочному трапу. Полковник Бишоп, пребывавший в течение нескольких часов в состоянии смертельной тревоги, наконец вздохнул свободно. И по мере того как рассеивался его страх, к нему возвращалась его ненависть

к дерзкому корсару. Но держался он осторожно. Если мысленно Бишоп и клялся не шадить по возвращении в Порт-Ройал ни усилий, ни нервов, чтобы захватить Питера Блада и доставить его к месту вечной стоянки на пирсе казней, то внешне он этого не показывал и старательно прятал свои чувства.

Питер Блад не питал никаких иллюзий в отношении Бишопа, но вел себя с ним так только потому, что настоящим пиратом он не был и никогда не хотел быть. В Карибском море вряд ли нашелся бы такой корсар, который отказав бы себе в удовольствии вздернуть мстительного и жестокого губернатора на ноке рея. Однако Питер Блад, во-первых, не принадлежал к пиратам такого типа, а во-вторых, он не мог забыть, что Бишоп был дядей Арибаллы.

Поэтому-то капитан и улыбнулся, глядя на пожелтевшее, одутловатое лицо Бишопа с маленькими глазками, уставившимися на него с нескрываемой враждебностью.

— Желаю вам счастливого пути, дорогой полковник! — любезно сказал он на прощанье, и, судя по его спокойному виду, никто не догадался бы о сомнениях, раздражавших его сердце. — Вы второй раз оказываете мне услугу в качестве заложника. Советую вам не делать этого в третий раз. Пора уж понять, что я приношу вам несчастье, полковник!

Шкипер Джереми Питт, стоя рядом с Бладом, мрачно наблюдал за отъездом губернатора. Позади них с суровыми и загорелыми лицами толпились дюжие пираты, и только железная воля их капитана мешала им раздавить Бишопа, как мерзкого клопа. Еще в Порт-Ройале узнали они об опасности, грозившей Питеру Бладу, и, хотя корсары, так же как и он, были рады развязаться с королевской службой, их все же глубоко возмутили обстоятельства, сделавшие эту развязку неизбежной. Они поражались сдержанности своего капитана в отношении этого мерзавца Бишопа. Губернатора со всех сторон встречали яростные взгляды пиратов, и чувство самосохранения подсказывало ему, что любое несобдуманное слово, вырвавшееся у него, могло вызвать такой взрыв ненависти, от которой его не спасла бы уже никакая сила. Поэтому, оставляя корабль, он, не говоря ни слова, поспешно кивнул головой капитану и неуклюже спустился в шлюп.

Негры-гребцы, оттолкнувшись от красного корпуса

«Арабеллы», согнувшись над длинными веслами и, подняв паруса, направились в Порт-Ройал, рассчитывая добраться туда до наступления темноты. Грузный Бишоп, поджав толстые губы и скорчившись, как вареный краб, понуро сидел на корме. Злоба и жажда мщения овладели им сейчас с такой силой, что он забыл обо всем: и о своем страхе, и о том, что он чудом спасся от петли.

На молу в Порт-Ройале, около низкой зубчатой стены, его ожидали майор Мэллэрд и лорд Джулиан. С чувством огромного облегчения они помогли ему выбраться из шлюпа.

Майор Мэллэрд сразу же начал с извинений.

— Рад вас видеть в добром здравии, сэр! — сказал он. — Я должен был бы потопить корабль Блада, но этому помешал ваш собственный приказ, переданный мне лордом Джулианом. Его светлость заверил меня, что Блад дал слово не причинять вам никакого вреда, если ему будет разрешено беспрепятственно уйти. Признаюсь, я считал, что его светлость поступил опрометчиво, полагаясь на слово презренного пирата...

— Он держит свое слово не хуже, чем другие, — прервал красноречие майора его светлость.

Он произнес эти слова с ледяным достоинством, которое весьма умело напускал на себя. У его светлости к тому же было омерзительное настроение. Сообщив министру иностранных дел о блестящем успехе своей миссии, он был поставлен сейчас перед необходимостью послать дополнительное сообщение с призыванием, что успех этот оказался эфемерным. И так как губы майора Мэллэрда кривились насмешкой над таким доверием к слову пирата, его светлость еще более резко добавил:

— Мои действия оправданы благополучным возвращением полковника Бишопа. По сравнению с этим, сэр, ваше мнение не стоит и фартинга!⁹⁸ Вы должны отдавать себе отчет в этом!

— О, как вам угодно, ваша светлость! — с иронией процедил майор Мэллэрд. — Конечно, полковник вернулся живым и невредимым, но вот там в море такой же живой и невредимый капитан Блад снова начнет свои пиратские разбои.

— Сейчас я не намерен обсуждать этот вопрос, майор Мэллэрд.

— Ничего! Это долго не протянется! — зарычал полковник, к которому наконец вернулся дар речи. — Я

страчу все свое состояние до последнего шиллинга, но не успокоюсь до тех пор, пока не поймаю этого мерзавца и не повешу ему на шею пеньковый галстук! — От бешеной злобы он побагровел так, что у него на лбу вздулись вены. Слегка отдышавшись, он обратился к майору: — Вы хорошо сделали, выполнив указания лорда Джулиана! — И, похвалив Мэллэрда, он взял Уэйда за руку: — Пойдемте, милорд. Нам нужно все это обсудить.

Они направились к дому, где с большим беспокойством их ждала Арабелла. Увидев дядю, она почувствовала огромное облегчение не только за него, но и также за капитана Блада.

— Вы очень рисковали, сэр, — серьезно сказала она лорду Джулиану после того, как они обменялись обычными приветствиями.

Но лорд Джулиан ответил ей так же, как и майору Мэллэрду, что никакого риска в этом не было.

Она взглянула на него с некоторым удивлением. Его длинное аристократическое лицо было более задумчивым, чем обычно, и, чувствуя в ее взгляде вопрос, он ответил:

— Мы разрешили Бладу беспрепятственно пройти мимо форта при условии, что полковнику Бишопу не будет причинено вреда. Блад дал мне в этом слово.

По ее печальному лицу скользнула мимолетная улыбка, а на щеках выступил слабый румянец. Она продолжала бы разговор на эту тему, но у губернатора было совсем другое настроение. Он выхлест и негодовал при одном лишь упоминании о том, что вообще можно верить слову Блада, забыв, что Блад сдержал свое слово и что только благодаря этому он сам остался жив.

За ужином и еще долго после ужина Бишоп говорил только о своих планах захвата капитана Блада и о том, каким ужасным пыткам он его подвергнет. Полковник пил вино без удержу, и речь его становилась все грубее и грубее, а угрозы все ужаснее и ужаснее. В конце концов Арабелла не выдержала и поспешно вышла из-за стола, стараясь лишь не разрыдаться. Бишоп не так уж часто открывал перед своей племянницей истинную свою сущность, но в этот вечер излишне выпитое вино развязало язык жестокому плантатору.

Лорд Джулиан с трудом выносил омерзительное

поведение Бишопа. Извинившись, он ушел вслед за Арабеллой. Он искал ее, чтобы передать просьбу капитана Блада, и, как ему казалось, нынешний вечер представлял для этого благоприятную возможность. Но Арабелла уже ушла к себе на покой, и лорд Джулиан вынужден был, несмотря на свое нетерпение, отложить объяснение до утра.

На следующий день, еще до того, как жара стала невыносимой, он из своего окна заметил Арабеллу в саду, среди цветущих азалий. Они служили прекрасным обрамлением для той, которая своей прелестью выделялась среди всех женщин, так же как азалия среди цветов. Уйдя поспешил присоединиться к ней, и, когда, пробудившись от своей задумчивости, Арабелла с улыбкой пожелала ему доброго утра, он заявил, что у него есть к ней поручение от капитана Блада.

Уйдя заметил, как она встрепелась, насторожилась и как слегка вздрогнули ее губы. Он обратил внимание и на ее бледность, и на темные круги под глазами, на необычно печальное выражение ее глаз, не замеченное им вчера вечером.

Они перешли с открытой территории сада в тенистую аллею, обсаженную благоухающими апельсиновыми деревьями. Лорд Джулиан, восхищенно любуясь ею, удивлялся, почему ему понадобилось так много времени, чтобы заметить ее тонкую своеобразную грацию и то, что для него она была именно той милой и желанной женщиной, которая могла озарить его банальную жизнь и превратить ее в сказку.

Он заметил и нежный блеск ее мягких каштановых волос, и как изящно лежали на ее молочно-белой шее длинные шелковистые локоны. На ней было платье из тонкой блестящей ткани, а на груди, как кровь, пламенела только что сорванная пунцовая роза. И много позже, вспоминая об Арабелле, он представлял ее себе именно такой, какой она была в это удивительное утро и какой он раньше ее никогда не видел.

Так, молча, они углубились в тень зеленой аллеи.

— Вы сказали что-то о вашем поручении, сэр, — напомнила она, выдавая свое нетерпение.

Он в замешательстве перебирал кудри своего парика, несколько смущаясь предстоящим объяснением и обдумывая, с чего бы ему начать.

— Он попросил меня, — сказал он наконец, — передать

вам, что в нем все же сохранилось еще кое-что от того джентльмена, которого вы когда-то знали.

— Сейчас в этом уже нет необходимости, — печально сказала она.

Он не понял ее, так как не знал, что еще вчера ей все казалось в другом свете.

— Я думаю... нет, я знаю, что вы были несправедливы к нему.

Арабелла не спускала с лорда Джулиана своих карих глаз.

— Если вы передадите мне то, о чем он вас просил, может быть, я сумею лучше разобраться...

Лорд Джулиан смешался. Дело было весьма деликатным и требовало очень осторожного подхода; впрочем, его не столько заботило то, как выполнить поручение капитана Блада, сколько то, как использовать его в своих собственных интересах. Его светлость, весьма опытный в искусстве обращения с женским полом и всегда чувствовавший себя непринужденно в обществе светских дам, испытывал сейчас странную неловкость перед этой прямой и бесхитростной девушкой — племянницей колониального плантатора.

Они шли молча к освещенному ярким солнцем перекрестку, где аллею пересекала дорожка, ведущая по направлению к дому. Здесь в солнечных лучах порхала красивая, величиной с ладонь, бабочка, шелковистые крылышки которой отливали пурпурными тонами. Блуждающий взгляд его светлости следил за бабочкой до тех пор, пока она не скрылась из виду, и только после этого он ответил:

— Мне нелегко говорить, разрази меня гром! Этот человек заслуживает лучшего к себе отношения. И, говоря между нами, мы все мешали ему стать иным: ваш дядя — тем, что не мог расстаться со своим озлоблением, а вы... вы, сказав ему, что королевской службой он искупит свое прошлое, не захотели признать за ним этого искупления, когда он перешел на службу королю. И вы так поступили, несмотря на то, что только забота о вашем спасении была единственной причиной, заставившей его принять такое решение.

Она отвернулась от него, чтобы лорд Уэйд не увидел ее лица.

— Я знаю, теперь я знаю! — мягко сказала она и после небольшой паузы задала вопрос: — А вы? Какую

роль сыграли в этом вы? Почему вам нужно было вместе с нами портить ему жизнь?

— Моя роль? — Он снова заколебался, а затем отчаянно ринулся вперед, как обычно поступают люди, решившись поскорей сделать то, чего они боятся. — Если я понял его правильно, то мое, хотя и пассивное, участие тем не менее было очень активным... Умоляю вас не забывать, мисс Арабелла, что я только передаю его собственные слова. От себя я ничего не добавляю... Он сказал, что мое присутствие затруднило ему восстановить свое доброе имя в ваших глазах. А без этого ни о каком искуплении для него не могло быть и речи.

Она тревожно посмотрела ему прямо в глаза и в недоумении нахмурилась.

— Он считал, что ваше присутствие помешало ему восстановить свое доброе имя?.. — повторила она. Было ясно, что она просит разъяснить значение этих слов.

И он, краснея и волнуясь, стал путано и сбивчиво объяснять ей:

— Да, он сообщил мне это в таких выражениях... я понял из них то, на что хочу очень надеяться... но не осмеливаюсь верить... Богу известно, что я не фат, Арабелла. Он сказал... Прежде всего позвольте мне рассказать вам с самого начала — вы поймете мое положение. Я явился к нему на корабль, чтобы потребовать немедленно выдачи вашего дяди. Блад рассмеялся мне в лицо. Ведь полковник Бишоп был заложником его безопасности. Приехав на корабль, я сам, в своем лице, дал ему еще одного заложника, по меньшей мере столь же ценного, как и полковник Бишоп. И все же капитан попросил меня уехать. Он сделал это совсем не из страха перед последствиями — нет, он вообще ничего не боится. Он поступил так и не из какого-то личного уважения ко мне. Напротив, он признался, что ненавидит меня по той же причине, которая вынуждает его беспокоиться о моей безопасности...

— Я не понимаю, — сказала она, когда лорд Джулиан запнулся на мгновение. — Все это как-то противоречиво...

— Это так только кажется... а дело в том, Арабелла, что этот несчастный осмелился... полюбить вас.

Она вскрикнула и схватила рукой за грудь. Сердце у нее учащенно забилося. В изумлении она смотрела на лорда Джулиана.

— Я... я напугал вас? — озабоченно спросил он. — Я опасался этого, но все же должен был вам рассказать, чтобы вы наконец знали все.

— Продолжайте, — попросила она.

— Хорошо. Он видел во мне человека, мешавшего ему, как он сказал, добиться вашей взаимности. Он с удовольствием расправился бы со мной, убив меня на дуэли. Но, поскольку моя смерть могла бы причинить вам боль и поскольку ваше счастье для него драгоценнее всего на свете, он добровольно отказался задержать меня как заложника. Если бы ему помешали отплыть и я мог бы погибнуть во время боя, то возможно, что... вы стали бы оплакивать меня. На это он также не соглашался. Он сказал — я точно передаю его слова, — что вы назвали его вором и пиратом, и если из нас двоих вы предпочли меня, то ваш выбор, по его мнению, был сделан правильно. Поэтому он предложил мне покинуть корабль и приказал своим людям доставить меня на берег.

Глазами, полными слез, она взглянула на него.

Затаив дыхание, он сделал шаг по направлению к ней и протянул ей руку:

— Был ли он прав, Арабелла? Мое счастье зависит от вашего ответа.

Но она молча продолжала смотреть на него. В глазах ее стояли слезы. Пока она молчала, он не решался подойти к ней ближе.

Сомнения, мучительные сомнения овладели им. А когда она заговорила, он сразу же почувствовал, насколько верными были эти сомнения.

Своим ответом Арабелла сразу же дала понять ему, что из всего сказанного им до ее сознания дошла и осталась в нем только та часть его сообщения, которая касалась чувств Блада к ней.

— Он так сказал?! — воскликнула она. — О, Боже мой!

Она отвернулась от него и сквозь листву апельсиновых деревьев, окаймлявших аллею, стала смотреть на блестящую гладь огромной бухты и холмы, видневшиеся вдали. Прошло несколько минут. Уйдя стоял, со страхом ожидая, что она скажет дальше. И вот Арабелла наконец заговорила снова — медленно, словно размышляя вслух.

— Вчера вечером, когда мой дядя полыхал таким бешенством и такой злобой, я начала понимать, что

безумная мстительность — это свойство тех людей, которые поступают дурно и неправильно. Они доводят себя до безумия, чтобы оправдать любые свои поступки. Я слишком легко верила всем ужасам, которые приписывали Питеру Бладу. Вчера он сам объяснил мне эту историю с Левасером, которую вы слышали в Сен-Никола. А сейчас.... вы сами подтверждаете его правдивость и порядочность... Только очень хороший человек мог поступить так благородно...

— Я такого же мнения, — мягко сказал лорд Джулиан. Арабелла тяжело вздохнула.

— А что сегодня стоит ваше или мое мнение? — сказала она, вздохнув еще раз. — Как тяжело и горько думать о том, что если бы я не оттолкнула его вчера своими словами, он мог бы быть спасен! Если бы мне удалось переговорить с ним до его ухода! Я ждала, но он возвращался не один, с ним был мой дядя, и я даже не подозревала, что не увижу его больше. А сейчас он снова изгнанник, снова пират... Ведь когда-нибудь его все равно поймают и повесят. И виновата в этом я, одна я!

— Ну что вы говорите! Единственный виновник — это ваш дядя с его дикой алчностью и упрямством. Не обвиняйте себя ни в чем.

Арабелла нетерпеливо обернулась к нему, и глаза ее по-прежнему были полны слез.

— Как вы можете так говорить? — воскликнула она. — Он же сам рассказал вам, что виновата именно я. Он же сам говорил вам о том, как я оскорбляла его, как была к нему несправедлива, и я знаю теперь, как это верно.

— Не оторчайтесь, Арабелла, — уснокаивал ее лорд Джулиан. — Поверьте мне, я сделаю все возможное, чтобы спасти его.

От волнения у нее перехватило дыхание.

— Правда? — воскликнула она со страстной надеждой. — Вы обещаете? — Она порывисто протянула ему руку, и он сжал ее в своих руках.

— Клянусь вам! Все, что от меня будет зависеть, — ответил он и, не выпуская ее руки, тихо сказал: — Но вы не ответили на мой вопрос, Арабелла...

— Какой вопрос? — Она изумленно взглянула на него, как на сумасшедшего. Что могли значить сейчас какие-то вопросы, когда речь шла о судьбе Питера?

— Вопрос, касающийся лично меня, всего моего бу-

душего, — сказал лорд Джулиан. — Я хочу знать... То, чему верил Блад, что заставляло его... правда ли... что я вам не безразличен?

— Не безразличны? — переспросила она его. — Ну конечно, нет. Мы — хорошие друзья, и я надеюсь, лорд Джулиан, что мы останемся добрыми друзьями.

— Друзья! Хорошие друзья? — произнес он не то с отчаянием, не то с горечью. — Я прошу не только вашей дружбы, Арабелла! Неужели вы скажете мне, что Питер Блад ошибся?

Выражение ее лица стало тревожным. Она мягко попыталась высвободить свою руку. Вначале он хотел удержать ее, но, сообразив, что этим совершает насилие, выпустил из своих пальцев.

— Арабелла! — воскликнул он с болью в голосе.

— Я останусь вашим другом, лорд Джулиан. Только другом.

Воздушный замок рухнул, и его светлость почувствовал, будто на него неожиданно свалилось несчастье. Она обещала ему дружбу, а ведь он мог бы обеспечить ей такое положение, которое племяннице колониального плантатора даже и во сне не могло привидеться. Она отказывается и вместо этого говорит о дружбе. Значит, Питер Блад ошибся. Но тогда... тогда выходит, что Арабелла... его размышления оборвались. К чему гадать дальше? Зачем бередить свою рану? Нет! Ему нужен точный ответ. И он с суровой прямоотой спросил ее:

— Это Питер Блад?

— Питер Блад? — повторила она, не поняв смысла его вопроса. А когда поняла, то ее лицо покрылось густым румянцем. — Н-не знаю, — запинаясь, сказала она.

Вряд ли этот ответ был правильным. Произошло так, словно сегодня утром с ее глаз спала пелена и наконец она увидела, как Питер Блад относился к людям. И это ощущение, запоздавшее на целые сутки, наполнило ее сердце жалостью и тоской.

Лорд Джулиан достаточно хорошо знал женщин, чтобы продолжать сомневаться. Он склонил голову, чтобы скрыть гнев, сверкнувший в его глазах, ибо, будучи порядочным человеком, стыдился его и вместе с тем не мог его все же подавить.

И поскольку природа в нем была сильнее воспитания — впрочем, как и у большинства из нас, — лорд

Джулиан с этого времени, почти вопреки своему желанию, начал заниматься тем, что весьма походило на подлость. Мне неприятно отмечать это в человеке, к которому вы, по-видимому, уже начали относиться с некоторым уважением. Однако истина заключалась в том, что желание уничтожить своего соперника и занять его место вытеснило в нем остаток расположения к Питеру Бладу. Он поощрял Арабелле использовать все свое влияние в защиту Блада. К сожалению, мне приходится сообщить, что он не только забыл о своем обещании, но втайне от Арабеллы стал подстрекать ее дядю и содействовал ему в составлении планов поимки и казни корсара. Если бы лорд Уэйда обвинили в этом, то, вполне возможно, он принялся бы доказывать, что он только выполняет свой долг, на что вполне резонно можно было бы ответить, что в этом деле его долг находится в плену у ревности.

Несколько дней спустя, когда английская эскадра вышла в море, в каюте флагового корабля вице-адмирала Крофорда вместе с полковником Бишопом отплыл и лорд Джулиан Уэйд. В их поездке не было никакой необходимости. Более того, обязанности губернатора требовали, чтобы Бишоп оставался на берегу, а лорд Джулиан, как мы знаем, вообще не мог принести пользы на корабле. И все же они оба отправились на охоту за капитаном Бладом, причем каждый из них использовал свое положение в качестве предлога для удовлетворения личных целей. Эта общая задача как-то связала их между собой и создала какое-то подобие дружбы, которая при других обстоятельствах была бы невозможной между людьми, столь отличавшимися друг от друга по своему воспитанию и по своим стремлениям.

И вот охота началась. Они крейсировали у берегов острова Ганти, ведя наблюдение за Наветренним проливом и страдая от лишений, связанных с наступлением дождливого сезона. Но охота была безрезультатной, и месяц спустя они вернулись с пустыми руками в Порт-Ройал, где их ожидали крайне неприятные известия из Старого Света.

Мания величия Людовика XIV разожгла в Европе пожар войны. Французские легионеры опустошили рейнские провинции, а Испания присоединилась к государствам, объединившимся для своей защиты от неистовых притязаний короля Франции. И это еще было

не самое худшее: из Англии, где народ изнемогал от изуверской тирангии короля Якова, ползли слухи о гражданской войне. Сообщалось, что Вильгельм Оранский получил приглашение прибыть в Англию. Шли недели, и каждый прибывающий из Англии корабль доставлял в Порт-Ройал новые известия. Вильгельм прибыл в Англию, и в марте 1689 года на Ямайке узнали, что он вступил на английский престол и что Яков бежал во Францию, пообещавшую оказать ему помощь в борьбе с новым королем.

Родственников Сендерленда не могли радовать такие известия. А вскоре было получено письмо от министра иностранных дел короля Вильгельма. Министр сообщал полковнику Бишопу о начале войны с Францией, что должно было отразиться и на колониях. В связи с этим в Вест-Индию направлялся генерал-губернатор лорд Уиллогби, и с ним для усиления ямайской эскадры, на всякий случай, следовала эскадра под командованием адмирала ван дер Кэйлена.

Полковник Бишоп понял, что его безраздельной власти в Порт-Ройале пришел конец, даже если бы он и остался губернатором. Лорд Джулиан не получал никаких известий лично для себя и не имел понятия, что ему следует делать. Поэтому он устанавливал с полковником Бишопом более близкие и дружественные отношения, связанные с надеждами получить Арабеллу. Полковник же, опасаясь, что политические события вынудят его уйти в отставку, еще сильнее, чем прежде, мечтал породниться с лордом Джулианом, так как отдавал себе ясный отчет, что такой аристократ, как Уэйд, всегда будет занимать высокое положение.

Короче говоря, между ними установилось полное взаимопонимание, и лорд Джулиан сообщил полковнику все, что он знал о Бладе и Арабелле.

— Единственное наше препятствие — капитан Блад, — сказал он. — Девушка любит его.

— Вы сошли с ума! — воскликнул Бишоп.

— У вас, конечно, есть все основания прийти к такому выводу, — меланхолически заметил его светлость, — но я в здравом уме и говорю так потому, что знаю об этом.

— Знаете?

— Совершенно точно. Арабелла сама мне в этом призналась.

— Какое бесстыдство! Клянусь Богом, я с ней раз-
делаюсь по-своему!

— Не будьте идиотом, Бишоп! — Презрение, с каким лорд Джулиан произнес эти слова, охладило пыл работорговца гораздо скорее, чем любые доводы. — Девушку с таким характером нельзя убедить угрозами. Она ничего не боится. Вы должны сдерживать свой язык и не вмешиваться в это дело, если не хотите навсегда погубить мои планы.

— Не вмешиваться? Боже мой, но что же делать?

— Послушайте! У Арабеллы твердый характер. Я полагаю, что вы еще не знаете своей племянницы. До тех пор, пока Питер Блад жив, она будет ждать его.

— А если Блад исчезнет, то она образумится?

— Ну, вот теперь вы, кажется, начинаете рассуждать здраво! — похвалил его лорд Джулиан. — Это первый важный шаг на пути к нашей цели.

— И у нас есть возможность сделать это! — воскликнул Бишоп с энтузиазмом. — Война с Францией аннулирует все запреты по отношению к Тортуге. Исходя из государственных интересов, нам следует напасть на Тортугу. А одержав победу, мы неплохо зарекомендуем себя перед новым правительством.

— Гм! — пробурчал его светлость и, задумавшись, потянул себя за губу.

— Я вижу, вам все ясно! — грубо захохотал Бишоп. — Нечего тут долго и думать: мы сразу уьем двух зайцев, а? Отправимся к этому мерзавцу прямо в его берлогу, превратим Тортугу в груды развалин и захватим проклятого пирата.

Два дня спустя, то есть примерно через три месяца после ухода Блада из Порт-Ройала, они снова отправились за неуловимым корсаром, взяв с собой всю эскадру и несколько вспомогательных кораблей. Арабелле и другим даво было понять, что они намерены совершить налет на французскую часть острова Гаити, поскольку только такая экспедиция могла послужить удобным предлогом для отъезда Бишопа с Ямайки. Чувство долга, особенно ответственное в такое время, должно было бы прочно удерживать полковника в Порт-Ройале. Но чувство это потонуло в ненависти — наиболее бесполезном и разлагающем чувстве из всех человеческих эмоций. В первую же ночь огромная каюта «Императора», флагманского корабля эскадры вице-адмирала

Крофорда, превратилась в кабак. Бишоп был мертвецки пьян и в своих подогретых винными парами мечтах предвкушал скорый конец карьеры капитана Блада.

Глава XXV

НА СЛУЖБЕ У КОРОЛЯ ЛЮДОВИКА

А примерно за три месяца до этих событий корабль капитана Блада, гонимый сильными ветрами, достиг Кайонской гавани и бросил здесь якорь. Блад успел прибыть в Тортугу несколько раньше фрегата, который накануне вышел из Порт-Ройала под командой старого волка Волверстона. В душе капитана Блада царил ад.

Четыре корабля его эскадры с командой в семьсот человек ожидали своего капитана в гавани, окруженной высокими скалами. Он расстался с ними, как я уже сообщал, во время шторма у Малых Антильских островов, и с тех пор пираты не видели своего вожака. Они радостно приветствовали «Арабеллу», и радость эта была искренней — ведь многие всерьез начали беспокоиться о судьбе Блада. В его честь прогремел салют, и суда разукрасились флагами. Все население города, взбудораженное шумом, высыпало на мол. Пестрая толпа мужчин и женщин различных национальностей приветствовала знаменитого корсара.

Блад сошел на берег, вероятно, только для того, чтобы не обмануть всеобщего ожидания. На лице его застыла мрачная улыбка, он решил молчать, потому что ничего приятного сказать не мог. Пусть только прибудет Волверстон, и все эти восторги по поводу его возвращения превратятся в проклятия.

На молу его встретили капитаны Хагторп, Кристиан, Ибервиль и несколько сот корсаров. Он оборвал их приветствия, а когда они начали приставать к нему с расспросами, предложил им дождаться Волверстона, который полностью сможет удовлетворить их любопытство. Отделавшись от них, он протолкался сквозь пеструю толпу, состоявшую из моряков, плантаторов и торговцев — англичан, французов и голландцев, из подлинных охотников с острова Гаити и охотников, ставших пиратами, из лесорубов и индейцев, из мулатов — торговцев фруктами и негров-рабов, из женщин легкого поведения

и прочих представителей человеческого рода, превращавших Кайонскую гавань в подобие Вавилона.

С трудом выбравшись из этой разношерстной толпы, капитан Блад направился с визитом к д'Ожерону, чтобы засвидетельствовать свое почтение губернатору и его семье.

Расходясь после встречи Блада, корсары поспешно сделали вывод, что Волверстон должен прибыть с каким-то редким военным трофеем. Но мало-помалу с борта «Арабеллы» начали доходить иные слухи, и радость корсаров перешла в недоумение. Однако простые моряки из небольшого экипажа «Арабеллы» в течение двух дней до возвращения Волверстона в разговорах со своими тортугскими друзьями были все же сдержанны во всем, что касалось истинного положения вещей. Объяснялось это не только их преданностью своему капитану, но также и тем, что если Блад был повинен в ренегатстве, то в такой же степени были виноваты и они. Их недомолвки и умолчания, однако, не мешали возникновению самых тревожных и фантастических историй о компрометирующих (с точки зрения корсаров) поступков капитана Блада.

Обстановка накалилась так сильно, что, если бы в это время не вернулся Волверстон, возможно, произошел бы взрыв. Едва лишь корабль старого волка встал на якорь, как все бросились за объяснениями, которые уже намеревались требовать от Блада.

У Волверстона был только один глаз, но видел он им гораздо лучше, чем многие видят двумя. И хотя голова Волверстона, живописно обвязанная пестрым тюрбаном, серебрилась сединой, сердце его было юным, и большое место занимала в нем любовь к Питеру Бладу.

Когда корабль Волверстона обходил форт, высившийся на скалистом мысе, старый волк увидел «Арабеллу», которая стояла в бухте на якорю. Эта неожиданная картина поразила его. Он протер свой единственный глаз, выпучил его снова и все же не мог поверить тому, что видел. Но Дайк, ушедший вместе с ним из Порт-Ройала и сейчас стоявший рядом с Волверстоном, своим восклицанием подтвердил, что он был не одинок в своем замешательстве:

— Клянусь небом, это «Арабелла» или ее призрак!

Волверстон уже открыл было рот, но тут же захлопнул его и сжал губы. Старый волк всегда проявлял большую

осторожность, особенно в непонятных для него делах. В том, что эта была «Арабелла», уже не оставалось никаких сомнений. Ну, а если это было так, то ему, прежде чем что-то сказать, следовало хорошенько подумать. Какого черта торчит здесь «Арабелла», когда ему известно, что она осталась в Порт-Ройале? Продолжал ли Блад командовать «Арабеллой» или же остатки команды ушли на ней, бросив своего капитана?

Дайк повторил вопрос, и на этот раз Волверстон ответил ему укоризненно:

— У тебя же два глаза, Дайк, а у меня только один.

— Но я вижу «Арабеллу».

— Конечно. А ты чего ожидал?

— Ожидал? — Разинув рот, Дайк уставился на него. — А разве ты сам ожидал, что увидишь тут «Арабеллу»?

Взглянув на него с презрением, Волверстон засмеялся, а затем громко, чтобы слышали все окружающие, сказал:

— Конечно! А что же еще? — Он снова засмеялся — как показалось Дайку, надзвательно — и отвернулся от него, занявшись швартовкой корабля.

Когда Волверстон сошел на берег, его окружили недоумевавшие пираты. Их вопросы помогли ему выяснить положение дел. Он понял, что либо из-за недостатка мужества, либо по каким-то другим мотивам Блад не рассказал корсарам о том, что произошло после того, как шторм оторвал «Арабеллу» от других кораблей эскадры. Волверстон искренне поздравил себя с той выдержкой, какую он проявил в разговоре с Дайком.

— Уж очень наш капитан скромничает, — глубоко-мысленно заявил он Хатторпу и другим, столпившимся вокруг него пиратам. — Он, как вы знаете, никогда не любил хвастаться. А дело было так: встретились мы с нашим старым знакомым доном Мигелем и, после того как поговорили сго, взяли на борт одного лондонского хлыща, который не по своей воле оказался на испанском корабле. Здесь же выяснилось, что этого придворного шаркуна послал к нам министр иностранных дел. Он предлагал капитану принять офицерский патент, бросить пиратство и вообще вести себя панишкой. Капитан послал его, конечно, ко всем чертям. Но вскоре мы встретились с ямайской эскадрой, которой командовал этот жирный дьявол Бинноп. Капитану Бладу и каждому из нас угрожала веревка. Ну, я пошел к Бладу и

сказал ему: «Да возьми ты этот паршивый королевский патент, и ты спасешь от виселицы и свою шею, и наши». Он, конечно, ни в какую. Но я уломал его, и он меня послушался. Лондонский хлыщ сразу выдал ему патент, и Бишоп чуть не лопнул от злобы, узнав о таком сюрпризе. Но сделать с капитаном он уже ничего не мог, Ему пришлось примириться. Ну, мы уже как люди короля прибыли вместе с Бишопом в Порт-Ройал. Однако этот чертов полковник не очень нам доверял, так как слишком хорошо знал нас. Не будь там этого франта из Лондона, Бишоп наплевал бы на королевский патент и повесил бы капитана. Блад хотел скрыться из Порт-Ройала в ту же ночь, но эта собака Бишоп предупредил форт, чтобы за нами хорошенько следили. В конце концов Блад все же перехитрил Бишопа, хотя на это и потребовалось две недели. За это время я успел купить фрегат, перевел на него две трети наших людей, и ночью мы бежали из Порт-Ройала, а утром капитан Блад на «Арабелле» бросился за мной в погоню, чтобы поймать меня... понимаете! Вот в этом и заключался хитроумный план Питера. Как ему удалось вырваться из порта, я точно не знаю, так как он прибыл сюда раньше меня, но я и полагал, что Бладу удастся его предприятие.

В лице Волверстона человечество, несомненно, потеряло великого историка. Он обладал таким богатым воображением, что точно знал, насколько можно отклониться от истины и как ее приукрасить, чтобы правда приняла форму, которая соответствовала бы его целям.

Состряпав вполне удобоваримое блюдо из правды и выдумки и добавив еще один подвиг к приключениям Питера Блада, Волверстон поинтересовался, что сейчас делает капитан. Ему ответили, что он сидит на своем корабле, и Волверстон отправился туда, чтобы, по его выражению, отрапортовать о своем благополучном прибытии.

Он нашел Питера Блада одного, мертвецки пьяного, в большой каюте «Арабеллы». В таком состоянии никто и никогда еще не видел Блада. Узнав Волверстона, он рассмеялся, и хотя этот смех был идиотским, в нем звучала ирония.

— А, старый волк! — сказал он, пытаясь подняться. — Наконец-то ты сюда добрался! Ну, что ты собираешься

делать со своим капитаном, а? — И он мешком опустился в кресло.

Волверстон мрачно взглянул на него. Многое пришлось повидать ему на своем веку, и вряд ли что-либо могло уже тронуть сердце старого волка, но вид пьяного капитана Блада сильно потряс его. Чтобы выразить свое горе, Волверстон длинно и сочно выругался, так как иначе никогда и не выражал своих чувств, а потом подошел к столу и уселся в кресло против капитана:

— Черт тебя подери, Питер, может быть, ты объяснишь мне, что это такое?

— Ром, — ответил капитан Блад, — ямайский ром. — Он подвинул бутылку и стакан к Волверстону, но тот даже не взглянул на них.

— Я спрашиваю, что с тобой? Что тебя мучает? — спросил он.

— Ром, — снова ответил капитан, криво улыбаясь. — Ну, просто ром. Вот видишь, я отвечаю на все... твои... вопросы. А почему ты не... отвечаешь на мои? Что... ты... думаешь делать со мной? А?

— Я уже все сделал, — ответил Волверстон. — Слава Богу, что у тебя хватило ума держать язык за зубами. Достаточно ли ты еще трезв, чтобы понимать меня?

— И пьяный... и трезвый... я всегда тебя понимаю.

— Тогда слушай. — И Волверстон передал ему придуманную им басню об обстоятельствах, связанных с пребыванием Питера Блада в Порт-Ройале.

Капитан с трудом заставил себя слушать его историю.

— А мне все равно, что ты выдумал, — сказал он Волверстону, когда тот закончил. — Спасибо тебе, старый волк... спасибо, старина... Все это... неважно. Чего ты беспокоишься? Я уже не пират и никогда им не буду! Конечно! — Он ударил кулаком по столу, а глаза его яростно блеснули.

— Я приду к тебе опять, и мы с тобой потолкуем, когда у тебя в башке останется поменьше рома, — поднимаясь, сказал Волверстон. — Пока же запомни твердо мой рассказ о тебе и не вздумай опровергать мои слова. Не хватало еще, чтобы меня обозвали брехуном! Все они, и даже те, кто отплыл со мной из Порт-Ройала, верят мне, понимаешь? Я заставил их поверить. А если они узнают, что ты действительно согласился принять королевский патент и решил пойти по пути Моргана, то...

— Они устроят мне преисподнюю, — сказал капитан, — и это как раз то, чего я стою!

— Ну, я вижу, ты совсем раскис, — проворчал Волверстон. — Завтра мы поговорим опять.

Этот разговор состоялся, но толку из него почти не вышло. С таким же результатом они разговаривали несколько раз в течение всего периода дождей, начавшихся в ночь после возвращения Волверстона. Старый волк сообразил, что капитан болен вовсе не от рома. Ром был только следствием, но не причиной. Сердце Блада разъедала язва, и Волверстон хорошо знал природу этой язвы.

Он проклинал все юбки на свете и ждал, чтобы болезнь прошла, как проходит все в нашем мире. Но болезнь оказалась затяжной. Если Блад не играл в кости или не пьянствовал в тавернах Тортуги в такой компании, которой еще недавно избегал, как чумы, то сидел в одиночестве у себя в каюте на «Арабелле».

Его друзья из губернаторского дома всячески пытались развлечь его. Особенно огорчена была мадемуазель д'Ожерон. Она почти ежедневно приглашала его к ним в дом, но Блад очень редко принимал ее приглашения.

Позднее, по мере приближения конца дождливого сезона, к нему стали обращаться его капитаны с проектами различных выгодных набегов на испанские поселения. Но ко всем предложениям он относился равнодушно.

Вначале это вызывало недоумение, а когда установилась хорошая погода, недоумение перешло в раздражение.

В один из солнечных дней в каюту Блада вломился Кристиан — командир «Клото» — и с бранью потребовал, чтобы ему сказали, что он должен делать.

— Знаешь что, пошел ты к черту, — равнодушно ответил Блад, даже не выслушав его.

Взбешенный Кристиан ушел. А утром следующего дня его корабль снялся с якоря и ушел. Так был показан пример дезертирства, и вскоре от повторения этого примера не могли удержать своих корсаров даже преданные Бладу капитаны других кораблей. Но они не осмеливались пускаться в крупные операции, ограничиваясь мелкими налетами на одиночные суда.

Иногда Блад задавал себе вопрос, зачем он вернулся на остров Тортуга.

Непрестанно думая об Арабелле, назвавшей его вором

и пиратом, он поклялся себе, что корсарством заниматься больше не будет. Зачем же тогда он торчит здесь? И на этот вопрос он отвечал себе другим вопросом: ну, а куда же он может уехать?

У всех на глазах Блад терял интерес и вкус к жизни. Раньше он одевался почти щегольски и очень заботился о своей внешности, а сейчас на его щеках и подбородке, прежде всегда чисто выбритых, торчала черная щетина. Энергичное и загорелое лицо приняло нездоровый, желтоватый оттенок, а недавно еще живые голубые глаза потускнели и стали безжизненными.

Только Волверстон, который знал о подлинных причинах этого перерождения Блада, рискнул однажды — и только однажды — поговорить с Бладом откровенно.

— Будет ли когда-нибудь этому конец, Питер? — проворчал старый верзила. — Долго ли ты еще будешь пьянствовать из-за этой хорошенькой дуры из Порт-Ройала? Ведь она же не обращает на тебя никакого внимания! Гром и молния! Да если тебе нужна эта девчонка, так почему ты, чума тебя задави, не отправившись туда и не возьмишь ее?

Блад исподлобья взглянул на Волверстона, и в тускло-голубых глазах его блеснул огонек... Но Волверстон, не обращая на это внимания, продолжал:

— Ей-богу, можно волочить за девушкой, если из этого выйдет какой-то толк. Но я лучше сдохну, чем стану отравлять себя ромом из-за какой-то юбки. Это не в моем духе. Почему тебе не напасть на Порт-Ройал, если другие дела тебя не интересуют? Ты, конечно, можешь сказать, что это английский город и тому подобное. Но в этом городе распоряжается Бишоп, и среди наших ребят найдется немало головорезов, которые согласятся пойти с тобой хоть в ад, лишь бы схватить этого мерзавца за глотку. Я уверен в успехе этого предприятия. Нам нужно только дождаться дня, когда из Порт-Ройала уйдет ямайская эскадра. В городе найдется немало добра, чтобы вознаградить наших молодцов, а ты получишь свою девчонку. Хочешь, я выясню настроение, поговорю с нашими людьми...

Блад подскочил, глаза его сверкнули, а побелевшее лицо исказила судорога:

— Если ты сейчас же не уберешься вон, то, клянусь небом, отсюда унесут твои кости! Как ты смеешь, паршивый пс, являться ко мне с такими предложе-

ниями? — И, разразившись ужаснейшими проклятиями, он вскочил на ноги, потрясая кулаками.

Волверстон, придя в ужас от этой ярости, не успел больше сказать ни слова и выбежал из каюты. А капитан Блад остался наедине с самим собой и со своими мыслями.

Но однажды в ясное солнечное утро на «Арабеллу» явился давний друг капитана — губернатор Тортуги. Его сопровождал маленький, пухленький человек с добродушным выражением на любезной и несколько самоуверенной физиономии.

— Дорогой капитан, — заявил д'Ожерон, — я прибыл к вам с господином де Кюсси, губернатором французской части острова Гаити. Он желал бы переговорить с вами.

Из уважения к своему другу Блад вынул трубку из рта и попытался протрезветь хотя бы немного. Потом он встал и поклонился де Кюсси.

— Прошу вас, — сказал он тоном любезного хозяина.

Де Кюсси ответил на поклон и принял приглашение сесть на рундук около окна, выходившего на корму.

— Вы командуете сейчас крупными силами, дорогой капитан, — заметил он.

— Да, у меня около восьмисот человек, — небрежно ответил Блад.

— Насколько мне известно, они уже немножко волнуются от безделья.

— Они могут убираться к дьяволу, если это им угодно.

Де Кюсси деликатно отправил в нос понюшку табаку.

— Я хочу вам предложить интересное дело, — сказал он.

— Ну что ж, предлагайте, — равнодушно ответил Блад.

Де Кюсси, чуть приподняв брови, скосил глаза на д'Ожерона. Поведение капитана Блада было отнюдь не обнадеживающим. Но д'Ожерон, сжав губы, энергично кивнул головой, и губернатор Гаити приступил к изложению своего предложения:

— Мы получили сообщение, что между Францией и Испанией объявлена война.

— Это не новость, — буркнул Блад.

— Я говорю официально, дорогой капитан. Я имею в виду не те неофициальные стычки и неофициальные грабительские действия, на которые мы здесь закрываем глаза. В Европе между Францией и Испанией идет

война, настоящая война. Франция намерена перенести военные действия в Новый Свет. Для этой цели сюда идет из Бреста⁹⁹ эскадра под командованием барона де Ривароля. У меня есть письмо от него, в котором он поручает оснастить вспомогательную эскадру и выставить отряд, не меньше чем в тысячу человек, для усиления его эскадры. Мое предложение, с которым я прибыл к вам по рекомендации нашего доброго друга д'Ожерона, вкратце сводится к тому, что вы, вместе с вашими людьми и кораблями, поступите к нам на французскую службу под командование барона де Ривароля.

Блад взглянул на него уже с некоторым интересом — правда, еще очень слабым.

— Вы предлагаете нам пойти на французскую службу? — спросил он. — На каких условиях?

— В качестве капитана первого ранга для вас и с соответствующими рангами для ваших офицеров. Вы будете получать жалованье, положенное этому рангу, и будете иметь право, вместе с вашими людьми, на одну десятую долю всех захваченных трофеев.

— Мои люди вряд ли сочтут ваше предложение заманчивым. Они скажут, что могут сами отплыть отсюда завтра или послезавтра, разгромить какой-нибудь испанский город и оставить себе всю добычу.

— Да, но не забудьте о риске, связанном с такими пиратскими действиями. С нами же ваше положение будет вполне законным. У барона де Ривароля сильная эскадра, и вместе с ним вы сможете предпринимать операции в значительно более широком масштабе, чем те, какие осуществите сами. При совместных действиях одна десятая часть трофеев, пожалуй, будет побольше, чем вся стоимость трофеев, которые вы захватите одни.

Капитан Блад задумался. То, что ему предлагали, уже не было пиратством. Речь шла о законной службе под знаменем короля Франции.

— Я посоветуюсь со своими офицерами, — сказал он и послал за ними.

Они явились немедленно, и де Кюсси изложил им свое предложение.

Хатторп заявил сразу же, что предложение приемлемо. Люди изнывают от затянувшегося безделья и, несомненно, согласятся пойти на службу, предлагаемую де Кюсси от имени короля Франции. Говоря это, Хатторп взглянул

на мрачного Блада, который в знак согласия кивнул головой.

Ободренные этим, они приступили к обсуждению условий. Ибервиль, молодой французский корсар, указал де Кюсси, что доля трофеев, предложенная им, слишком мала. Только за одну пятую долю трофеев, и не меньше, офицеры могли бы дать согласие от имени своих людей.

Де Кюсси расстроился. У него были точные инструкции, и превысить их он не имел права или же должен был взять на себя очень большую ответственность. Но корсары не уступали. Торг между ними и де Кюсси тянулся более часа, но после того, как он все же решился превысить свои полномочия, соглашение было составлено и подписано тут же. Корсары обязались к концу января быть в Пти-Гоав, где к этому же времени ожидали прибытия эскадры де Ривароля.

А вслед за этим на Тортуге наступили дни кипучей деятельности: суда оснащались в дальний поход, заготавливалось мясо и другие продукты, грузились различные запасы, необходимые для военных действий. Во всей этой суматохе капитан Блад не принимал никакого участия, хотя прежде посвящал такой подготовке все свое время. Сейчас же он держался в стороне равнодушно и безучастно, согласившись участвовать в операциях под французским флагом, или, говоря точнее, уступив желанию своих офицеров только потому, что новое дело было обычной военно-морской службой, непосредственно не связанной с пиратством. Но служба, на которую он поступил, не вызвала у него никакого энтузиазма. Хагторп пытался протестовать против подобного отношения к делу. Но Блад ответил, что ему совершенно безразлично, отправятся ли они в Пти-Гоав или в преисподнюю, поступят ли они на службу к королю Людовику XIV или к самому сатане.

Глава XXVI

ДЕ РИВАРОЛЬ

В этом же отвратительном состоянии духа капитан Блад отплыл с острова Тортуга и прибыл, как было условлено, в бухту Пти-Гоав. В таком же настроении он приветствовал барона де Ривароля, прибывшего наконец в середине февраля с эскадрой из пяти военных

кораблей. Французы добирались сюда полтора месяца, так как их задержала неблагоприятная погода.

Де Ривароль вызвал Блада к себе, и капитан явился в замок Пти-Гоав, где должна была состояться встреча. Барон, высокий горбоносый человек лет сорока, державшийся холодно и сухо, взглянул на Блада с явным неодобрением. Вместе с капитаном пришли Хагторп, Ибервиль и Волверстон, но Ривароль не удостоил их даже взглядом. Де Кюсси предложил Бладу стул.

— Одну минуточку, господин де Кюсси. Мне кажется, что барон не заметил, что я здесь не один. Разрешите мне, сэр, представить вам моих спутников: капитан Хагторп с «Элизабет», капитан Волверстон с «Атропос», капитан Ибервиль с «Лаксис».

Барон надменно взглянул на капитана Блада, а потом высокомерно и чуть заметно кивнул головой каждому из представленных ему корсаров. Всем своим поведением он давал понять, что презирает их всех, и хотел, чтобы они это почувствовали. Поведение барона произвело на капитана Блада своеобразное действие — он был оскорблен таким приемом, и в нем заговорило чувство собственного достоинства, дремавшее в течение всего последнего времени. Ему стало стыдно за свой неряшливый вид, и это, вероятно, заставило его держаться еще более вызывающе. Жест, которым он поправил португезу, так, чтобы эфес его длинной шпаги оказался на виду у Ривароля, был почти намеком. Обращаясь к своим офицерам, Блад, указав рукой на стулья, стоявшие вдоль стены, сказал:

— Придвигайтесь ближе к столу, ребята. Вы заставляете барона ждать.

Корсары повиновались, а Волверстон при этом многозначительно ухмыльнулся. Выражение лица де Ривароля стало еще более надменным. Он считал для себя бесчестьем сидеть за одним столом с этими разбойниками, полагая, что корсары должны были выслушать его стоя, за исключением, возможно, только одного Блада. И чтобы подчеркнуть разницу между собой и корсарами, он сделал единственное, что ему еще оставалось, — надел шляпу.

— Вот это совершенно правильно, — дружески заметил Блад. — Я и не заметил, что здесь сквозит. — И он надел свою широкополую шляпу с плюмажем.

Де Ривароль от гнева заметно вздрогнул и какое-то

мгновение, прежде чем открыть рот, сдерживал себя, чтобы не вспылить. Де Кюсси было явно не по себе.

— Сэр, — ледяным тоном заявил барон, — вы вынуждаете меня напомнить вам, что имете звание капитана первого ранга и находитесь в присутствии генерала, командующего сухопутными и военно-морскими силами Франции в Америке. Я вынужден также напомнить вам, что вы обязаны с почтением относиться к человеку моего ранга.

— Счастлив заверить вас, — ответил Блад, — что это напоминание излишне. Я считаю себя джентльменом, хотя сейчас и не очень на него похожу, и как джентльмен всегда с уважением относился к тем, кого природа или фортуна поставила надо мной. Но вместе с этим, по моему мнению, надо уважать и тех, кто не имеет возможности возмутиться, если к ним проявляют неуважение. — Это был упрек, умело облаченный в такую форму, что к нему нельзя было придаться. Де Ривароль прикусил губу, а Блад, не давая ему возможности ответить, продолжал: — А если этот вопрос выяснен, то мы, может быть, перейдем к делу?

Де Ривароль угрюмо посмотрел на него:

— Да, пожалуй, это будет лучше, — сказал он и взял лист бумаги. — Это копия соглашения, которое вы подписали вместе с господином де Кюсси. Я должен отметить, что, предоставив вам право на одну пятую часть захваченных трофеев, господин де Кюсси превысил свои полномочия. Он мог согласиться выделить вам не более, чем одну десятую долю.

— Этот вопрос касается только вас и де Кюсси.

— О нет! В этом заинтересованы и вы.

— Извините, генерал. Соглашение подписано, и для нас вопрос исчерпан. Из уважения к господину де Кюсси нам не хотелось бы выслушивать ваши упреки по его адресу.

— Не ваше дело, что я найду нужным ему сказать.

— Это то же самое, что говорю и я, генерал.

— Но, мой Бог, мне кажется, вас должно интересовать, что мы не можем дать вам больше, чем одну десятую часть добычи! — Де Ривароль раздраженно ударил кулаком по столу: этот пират был дьявольски ловок в споре.

— А вы уверены, господин барон, что не можете дать?

— Уверен, что не дам!

Капитан Блад с презрением пожал плечами.

— В таком случае, — сказал он, — мне придется установить сумму, которая компенсирует нам потерю времени и нарушение наших планов в результате прибытия в Пти-Гоав. Как только этот вопрос будет урегулирован, мы расстанемся друзьями, господин барон. Пока никто никакого вреда никому не причинил, как я полагаю.

— Черт вас возьми, что вы имеете в виду? — Барон встал из-за стола.

— Разве я неясно выразился? — удивленно спросил Блад. — Возможно, что я не очень бегло говорю по-французски, но...

— О, вы говорите по-французски достаточно бегло, господин пират! Но я не позволю вам валять дурака. Вы с вашими людьми поступили на службу к королю Франции. Вы имеете звание капитана первого ранга и, согласно этому званию, получаете жалованье, а ваши офицеры имеют звание лейтенантов. С этими рангами связаны не только обязанности, которые вам следует хорошенько изучить, но и наказания за невыполнение этих обязанностей, что вам также не мешает знать. Наказания эти иногда довольно суровы. Первейшая обязанность офицера — повиновение. Обращаю на это ваше внимание. Не воображайте себя моим союзником в намеченных мною операциях. Вы только мои подчиненные. Надеюсь, вы поняли меня?

— О, конечно! — засмеялся капитан Блад. Этот конфликт, эта борьба с заносчивым генералом помогла Бладу быстро стать самим собой, и только одна мысль портила ему настроение — мысль о том, что он был небрит. — Уверяю вас, генерал, я ничего не забываю. Я, например, отлично помню — чего нельзя сказать о вас, — что условия нашей службы определялись подписанным нами соглашением. По этому соглашению мы должны были получить пятую долю трофеев. Отказываясь от этого обязательства, вы аннулируете соглашение и, следовательно, отказываетесь использовать наши силы и опыт. А мы, разумеется, лишаемся чести служить под вашим командованием.

Три офицера Блада громко выразили свое одобрение.

Прижатый к стене, де Ривароль гневно посмотрел на них.

— Практически... — робко начал де Кюсси.

— Практически все это ваша работа! — набросился на него барон, обрадовавшись, что нашелся наконец

человек, на котором он мог выместить свое раздражение. — Вас следует наказать за это. Вы ставите меня в дурацкое положение.

— Итак, вы не можете выделить нам договоренную часть трофеев, — заключил Блад спокойно. — В таком случае, нет никакой необходимости кричать на господина де Кюсси или наказывать его. Он не виноват в том, что на меньшую долю трофеев мы не соглашались. Так как вы заявили, что не можете пойти на предоставление нам большей доли, то мы удаляемся. Положение остается таким же, каким оно было бы, если бы господин де Кюсси точно придерживался ваших инструкций. Говоря по чести, вы аннулировали соглашение и потому не можете претендовать на наши услуги или задерживать наше отплытие.

— Говоря по чести? Что это значит? Вы намекаете на то, что я могу поступить бесчестно?

— Я ни на что не намекаю и не намерен больше спорить попусту, — ответил Блад. — Слово за вами, генерал: аннулируете ли вы соглашение или нет?

Командующий королевскими сухопутными и морскими силами Франции в Америке побагровел и, чтобы успокоиться, снова сел за стол.

— Я обдумаю этот вопрос, — сердито сказал он, — и уведомя о своем решении.

Капитан Блад встал. Его офицеры последовали за ним.

— Честь имею откланяться, господин барон! — сказал Блад и удалился вместе со своими корсарами.

Вы понимаете, конечно, что за этим наступило несколько неприятных минут для господина де Кюсси. От брани надменного де Ривароля вся самоуверенность слетела с него, как осенью слетают пушинки с одуванчика. Командующий королевскими армиями кричал на губернатора Гаити, как на мальчишку. Де Кюсси, защищаясь, приводил ту самую точку зрения, которую капитан Блад так замечательно уже изложил от его имени. Однако де Ривароль угрозами и бранью заставил его замолчать.

Исчерпав арсенал ругательств, он перешел к оскорблениям. По его мнению, де Кюсси не мог оставаться губернатором Гаити, и потому он сам решил исполнять губернаторские обязанности до времени своего отъезда во Францию. Исполнение обязанностей он начал с

приказа выставить усиленную охрану вокруг замка де Кюсси.

Однако его непродуманные действия сразу же вызвали неприятности. Когда утром следующего дня на берег сошел Волверстон, одетый очень живописно, с цветным платком на голове, то какой-то офицер из состава только что высадившихся французских войск начал потешаться над старым волком.

Волверстон высмеял офицера, пообещав надрать ему уши. Офицер вскипел и перешел к оскорблениям. В ответ на оскорбления Волверстон нанес обидчику такой удар, что француз свалился без памяти. Через час об этом уже было доложено де Риваролю, и барон тут же приказал арестовать Волверстона и поместить под стражу в замок.

А еще через час, когда барон и де Кюсси сели обедать, негр-лакей доложил им о приходе капитана Блада. После того как де Ривароль раздраженно согласился его принять, в комнату вошел элегантно одетый молодой джентльмен. На нем был дорогой черный камзол, отделанный серебром.

Его смуглое, с правильными чертами лицо было тщательно выбрито. На воротник из тонких кружев падали длинные локоны парика. В правой руке джентльмен держал широкополую черную шляпу с плюмажем из красных страусовых перьев, а в левой — трость из черного дерева. Подвязки с пышными бантами из лент поддерживали его шелковые чулки. Черные розетки на башмаках были искусно отделаны золотом.

Де Ривароль и де Кюсси не сразу узнали Блада. Он выглядел сейчас на десять лет моложе. К нему полностью вернулось чувство собственного достоинства, и даже внешностью он хотел подчеркнуть свое равенство с бароном.

— Я пришел не вовремя, — вежливо извинился он. — Сожалею об этом, но мое дело не терпит отлагательства. Речь идет, господин де Кюсси, о капитане Волверстоне, которого вы арестовали.

— Арестовать Волверстона приказал я, — заявил де Ривароль.

— Да? А я полагал, что губернатором острова Ганти является господин де Кюсси.

— Пока я здесь, высшая власть принадлежит мне, — самодовольно заявил барон.

— Приму к сведению. Но вы, вероятно, не знаете, что здесь произошла ошибка.

— Ошибка?

— Да, ошибка. Это подходящее слово, так как оно избавляет нас от лишних споров, но вообще-то оно слишком мягко. Ваши люди, господин де Ривароль, арестовали невинного. Виноват французский офицер, который вел себя вызывающе и нагло, а задержанным оказался капитан Волверстон. Прошу немедленно отменить ваше распоряжение.

Де Ривароль в гнев выпучил на него свои черные глаза, а его ястребиное лицо покрылось багровым румянцем.

— Это... н-нагло, это... н-недопустимо! — На этот раз генерал так рассвирепел, что начал даже заикаться.

— Вы напрасно тратите слова, господин барон. Мы с вами в Новом Свете. Это не пустое название. Здесь все ново для человека, выросшего среди предрассудков Старого Света. У вас, разумеется, еще не было времени понять всю его новизну, поэтому я не обращаю внимания на ваши оскорбительные выражения. Но справедливость и в Новом Свете и в Старом остается одним и тем же понятием. Несправедливость так же нетерпима здесь, как и там. Сейчас справедливость требует освобождения моего офицера и наказания вашего. Вот эту справедливость я покорно прошу вас осуществить.

— Покорно? — едва сдерживая себя от гнева, медленно произнес де Ривароль. — Покорно?

— Именно так, барон. Но в то же время хочу напомнить вам, генерал, что в моем распоряжении восемьсот корсаров, а у вас только пятьсот солдат. Господин де Кюсси легко подтвердит, что один корсар в бою стоит по меньшей мере трех солдат. Я совершенно откровенен с вами, барон. Либо вы немедленно освобождаете капитана Волверстона, либо я сам приму меры для его освобождения. Последствия будут, конечно, ужасными, но вы можете предупредить их одним словом. Вы, господин барон, представляете здесь высшую власть, и от вас зависит, какой выбор сделать.

Де Ривароль побледнел, как полотно. За всю его жизнь никто так дерзко не разговаривал с ним и не проявлял такого неуважения. Но барон считал за лучшее сдержаться:

— Буду признателен, если вы подождете в приемной, господин капитан. Я переговорю с господином де Кюсси.

Как только за капитаном закрылась дверь, вся ярость барона снова обрушилась на голову де Кюсси:

— Так вот каковы люди, взятые вами на королевскую службу! И этот Блад! Капитан первого ранга! Позор! Он не только не желает повиноваться, но еще и диктует! Какое объяснение вы можете мне дать? Предупреждаю, что я очень недоволен вами. Более того, я просто взбешен!

Хотя вся самоуверенность де Кюсси давно уже исчезла, но он вытянулся и надменно произнес:

— Ни ваш ранг, господин генерал, ни факты не дают вам права упрекать меня. Я привлек на службу именно тех людей, которых вы хотели привлечь. Не моя вина, что вы не умеете обращаться с ними. Капитан Блад вам ясно сказал, что мы находимся в Новом Свете.

— Так, так! — злобно ухмыльнулся де Ривароль. — Вы еще осмеливаетесь утверждать, что я виноват! Мне это начинает нравиться. По-вашему, здесь Новый Свет и, надо полагать, новые понятия и новые порядки. Но так не будет! Я заставлю ваш Новый Свет приспособиться ко мне! — начал угрожать барон и тут же прервал угрозы, вспомнив о капитане Бладе. — Сегодня я еще соглашусь с вами, де Кюсси. Но не завтра! А сейчас вы, знаток варварских порядков Нового Света, скажите, что нам делать?

— Господин барон! Арест корсарского капитана был глупостью. Держать его под арестом будет безумием. Мы не можем силой отвечать на силу, потому что мы слабее.

— Замечательно! Тогда сообразовайте мне ответить, что же мы будем делать в дальнейшем? Значит, я буду обязан подчиняться этому капитану Бладе? Значит, операция, которую мы предпринимаем, будет проводиться так, как он этого пожелает? Короче, должен ли я, представитель короля Франции в Америке, быть в зависимости у этих мерзавцев?

— О, совсем нет. Я рекрутирую добровольцев на острове Гаити и набираю отряд негров. Когда я это сделаю, наши силы возрастут до тысячи человек.

— Так почему же, в таком случае, нам не отказаться сейчас же от услуг пиратов?

— Потому что они явятся острием любого оружия, которое мы выкуем. В военных действиях того типа, что нам предстоит вести, они очень искусны, и заявление

капитана Блада, которое вы слышали, — не пустая похвальба. Один корсар на самом деле стоит трех солдат, а может быть, и четырех. А тогда у нас будет достаточно своих людей, чтобы держать корсаров в руках. Должен добавить, что у них есть твердое понятие о чести. Если мы выполним свои обязательства, корсары не причинят нам никаких неприятностей. Я даю вам в этом свое слово, так как знаю их не первый год.

— Хорошо, я вам верю, — сказал барон, спасая свой престиж. — Будьте добры пригласить сюда этого капитана.

Блад с достоинством вошел в комнату. Его уверенный вид раздражал де Ривароля, но он скрыл свое раздражение под маской суровой любезности.

— Вот что, капитан: я посоветовался с губернатором и допускаю возможность ошибки, но, будьте уверены, справедливость восторжествует. Я сам буду председательствовать на совете, в который войдут два моих старших офицера, вы и один из ваших офицеров. Мы сразу же проведем беспристрастное расследование, и виновный, то есть тот, кто затеял ссору, будет наказан.

Капитан Блад поклонился. Без острой необходимости ему вовсе не хотелось прибегать к крайним мерам.

— Превосходно, господин барон. Разрешим тогда еще один вопрос. Я хотел бы знать: подтверждаете ли вы наше соглашение или аннулируете его?

Глаза де Ривароля сузились. Он целиком был поглощен мыслью о том, что сказал ему де Кюсси: корсары должны стать острием любого оружия, которое он выкует. Отказаться от них было немислимо. Несомненно, он допустил тактическую ошибку, торгуясь с Бладом. Отказ от соглашения всегда связан с потерей престижа. Торговаться с корсарами явно не следовало. Ведь де Кюсси набирал сейчас добровольцев, укрепляя французский отряд. Когда эти волонтеры станут реальной силой, то вопрос о распределении трофеев можно будет пересмотреть. А пока необходимо отступить как можно приличнее.

— Я думал также и об этом, — сказал он. — Мое мнение, разумеется, остается прежним. Но мы обязаны выполнить обязательства, данные де Кюсси от нашего имени. Поэтому я подтверждаю соглашение, сэр.

Капитан Блад снова поклонился. Де Ривароль тщетно искал на его твердо сжатых губах хотя бы какое-то

подобие торжествующей улыбки, однако лицо корсара по-прежнему оставалось бесстрастным.

В тот же день Волверстон был освобожден, а его обидчик приговорен к двум месяцам ареста. Справедливость была восстановлена. Но такое начало не предвещало ничего хорошего, и дурное продолжение не замедлило последовать.

Спустя неделю Блад вместе со своими офицерами был вызван на совет, собравшийся для обсуждения плана операций против Испании. Де Ривароль изложил свой план нападения на богатый испанский город Картахену.

Капитан Блад не мог скрыть своего изумления. Когда барон раздраженно спросил, что его так сильно удивляет, Блад высказался совершенно откровенно:

— Если бы я командовал французскими вооруженными силами в Америке, у меня не было бы никаких сомнений или колебаний, как лучше принести пользу моему королю и французскому народу. Для господина де Кюсси и для меня совершенно ясно, что сейчас необходимо захватить испанскую часть острова Гаити и сделать весь этот плодородный и чудесный остров собственностью Франции.

— Это можно сделать потом, — ответил де Ривароль. — А я хочу начать с Картахены.

— Вы хотите сказать, сэр, что, отправляясь в эту авантюрную экспедицию через все Карибское море, мы должны пренебречь тем, что лежит здесь, у самых наших дверей. В наше отсутствие испанцы могут вторгнуться во французскую часть острова Гаити. Если же мы разгромим испанцев здесь, на месте, то эта опасность исчезнет. Франция получила бы вдобавок к своим владениям в Вест-Индии такую колонию, на которую зарятся многие страны. Эта операция не представляет больших трудностей, и ее можно провести очень быстро. А после этого у нас будет достаточно времени, чтобы решить, чем заняться дальше. Мне кажется, что надо начинать именно с такой операции.

Он умолк. Воцарилось молчание. Де Ривароль сидел в кресле, покусывая острыми зубами кончик гусиного пера. Наконец он откашлялся, чтобы прочистить горло, и спросил:

— Кто еще придерживается мнения капитана Блада? — Никто ему не ответил. Офицеры де Ривароля, запуганные бароном, молчали. Сторонники Блада, со своей пиратской

точки зрения, естественно, одобряли выбор Картахены, так как там было значительно больше добычи, но из уважения к своему вожаку также помалкивали.

— Вы, кажется, одиноки в своем мнении, — с кислой улыбкой заметил барон.

Капитан Блад внезапно рассмеялся. Но в его смехе было больше гнева, чем презрения. Его расчеты покончить с пиратством не оправдались. Выходило так, что он обманывал себя. Только уверенность, что на французской службе его не заставят делать что-либо позорное, вынудила его согласиться пойти под знамена Франции. И вот теперь этот напыщенный, гордый, заносчивый генерал французской армии предлагает самый настоящий грабительный рейд. Под предлогом законных военных действий генерал хотел совершить обыкновенный пиратский налет.

Де Ривароль, заинтригованный этим взрывом веселья, сердито нахмурился:

— Почему вы смеетесь, черт возьми!

— Да потому, что все это чертовски смешно, господин барон. Вы, командующий королевскими сухопутными и морскими силами Франции в Америке, предлагаете мне пиратский рейд, а я, пират, отстаиваю необходимость операции, которая сделала бы честь Франции. Не находите ли вы, что это очень смешно?

Де Ривароль побагровел от гнева. Он вскочил, как ошпаренный, и все, кто был вместе с ним в комнате, поднялись со своих мест. Только де Кюсси продолжал сидеть, и на его лице блуждала мрачная улыбка. Он так же, как и Блад, читал мысли барона, словно в открытой книге, и так же, как Блад, презирал алчного генерала.

— Господин пират, — хрипло произнес де Ривароль, — неужели мне надо напоминать, что я ваш начальник?

— Мой начальник? Вы? Силы небесные! Да вы самый настоящий пират! И на сей раз, перед всеми этими джентльменами, которые имеют честь служить королю Франции, вы услышите всю правду о себе. Мне, «пирату и морскому разбойнику», приходится доказывать вам здесь, в чем состоят интересы и честь Франции. Вы же, французский генерал, пренебрегая всем этим, намереваетесь тратить предоставленные в ваше распоряжение средства на авантюру, не имеющую никакого значения для Франции. Вы хотите пролить кровь французов и захватить город, который нельзя

удержать. Вы идете на это с целью личного обогащения, зная, что в Картахене много золота. Такое поведение вполне достойно торговца, который пытается урвать хоть кусочек из нашей доли добычи и выторговывает уступки уже после подписания договора. Если я неправ, пусть господин де Кюсси скажет об этом. Если я ошибаюсь, докажите мне это, и я извинюсь перед вами. А сейчас я ухожу, не желая принимать участие в таком совете. Я пошел на службу к королю Франции, намереваясь честно выполнять свои обязательства. Честная служба, по-моему, несовместима с налетами и грабежами, и я не могу согласиться с напрасными потерями человеческих жизней и средств. Ответственность целиком ляжет на вас, генерал, и только на вас. Я хочу, чтобы господин де Кюсси передал мое мнение французскому правительству. Я буду, разумеется, выполнять ваши приказы, поскольку наше соглашение действует, а если вам кажется, что вы оскорблены моими словами, то я всегда к вашим услугам. Имею честь откланяться, господин барон!

Он ушел, и вместе с ним ушли все три преданных ему офицера, хотя они считали, что Блад сошел с ума. Де Ривароль был похож на рыбу, вытащенную из воды. От неприкрашенной правды, которую его заставили выслушать, он задыхался и не мог говорить. Придя в себя, он бурно поблагодарил небо, что капитан Блад избавил совет от своего дальнейшего присутствия. Внутренне же де Ривароль сгорал от стыда и ярости. С него сорвали маску, и его, командующего королевскими сухопутными и морскими силами Франции в Америке, сделали посмешищем...

Тем не менее в середине марта они все же отплыли в Картахену. Отряд под личным командованием де Ривароля, усиленный добровольцами и неграми, насчитывал около тысячи двухсот человек. Де Ривароль полагал, что, располагая такими силами, он в случае необходимости сумеет заставить корсаров повиноваться.

Внушительную эскадру де Ривароля возглавлял мощный восьмидесятипушечный флагманский корабль «Викторьез». Каждый из четырех других французских кораблей не уступал по своим боевым качествам «Арабелле» Блада с ее сорока пушками. За эскадрой шли корсарские корабли — «Элизабет», «Лаксис» и «Атропос», а также двенадцать фрегатов, груженных запасами, не считая лодок, которые тянулись на буксире. По пути они

чуть не столкнулись с ямайской эскадрой полковника Бишопа, которая вышла к острову Тортуга через два дня после того, как корабли де Ривароля проследовали в южном направлении.

Глава XXVII

КАРТАХЕНА

Французская эскадра, сдерживаемая сильными встречными ветрами, пересекла Карибское море и только в начале апреля смогла лечь в дрейф в виду Картахены. Для обсуждения плана штурма де Ривароль созвал на борту своего флагманского судна капитанов всех кораблей.

— Внезапность — первое дело, господа, — заявил он собравшимся. — Мы захватим город до того, как он сможет приготовиться к обороне, и таким образом не дадим испанцам возможности увести в глубь страны находящиеся там ценности. Я предполагаю сегодня с наступлением темноты высадить к северу от города отряд, который сможет выполнить это задание. — И он подробно изложил детали разработанного им плана.

Офицеры де Ривароля выслушали его почтительно и с одобрением. Блад не скрывал своего презрения к этому плану, потому что был единственным человеком среди присутствующих, который точно знал, что надо делать. Два года назад он сам намечал налет на Картахену и произвел обстоятельную рекогносцировку. А предложения барона основывались только на знакомстве с картами.

В географическом и стратегическом отношении город Картахена расположен очень своеобразно. Он представляет собой четырехугольник, выходящий своей южной стороной к внутреннему рейду, являющемуся одним из двух морских подступов к городу. С востока и севера город прикрыт холмами. Доступ на внешний рейд проходит через защищенный фортом узкий пролив, известный под названием Бока Чика, или Маленькая Горлоуина. Длинная, узкая коса, покрытая густым лесом, выдается на запад и служит естественным молом Картахены. А ближе к внутреннему рейду лежит еще одна полоска земли, расположенная под прямым углом к естественному молу, и тянется на восток по направлению к матерiku.

Неподалеку от материка эта полоска обрывается, образуя очень узкий, но глубокий канал, который служит своеобразными воротами в безопасный внутренний рейд. Проход защищен сильным фортом. К востоку и северу от Картахены лежит материк, не представляющий для нас никакого интереса. Но на западе и северо-западе город, так хорошо охраняемый с других сторон, непосредственно выходит к морю и, помимо невысоких каменных стен, не имеет других видимых укреплений. Однако эта видимость была обманчивой, и де Ривароль, составляя свой план, был полностью введен в заблуждение этой видимостью легкого захвата города с ничем не защищенной стороны.

Когда барон сообщил, что корсарам предоставляется честь быть первым отрядом, штурмующим город по разработанному им плану, Блад вынужден был объяснить ему, с какими трудностями им придется встретиться.

Капитан саркастически улыбался, слушая сообщение де Ривароля об оказании такой чести корсарам. Это было именно то, чего он ожидал. Корсарам доставался весь риск, а Ривароль — весь почет, слава и вся добыча.

— Честь, которую вы так любезно нам оказываете, я должен отказать, — холодно заметил капитан.

Волверстон что-то буркнул в знак одобрения, а Хатторп кивнул головой. Ибервиль, так же как и все, возмущался высокомерием своего соотечественника, никогда не ставя под сомнение правоту своего капитана. Присутствующие французские офицеры с высокомерным удивлением уставились на вожака корсаров, а де Ривароль спросил вызывающе:

— Что? Вы отклоняете? Вы говорите, что отказываетесь выполнить мой приказ?

— Как я понимаю, господин барон, вы создали нас обсудить план штурма.

— О нет, господин капитан. Я вызвал вас для получения моего приказа. Мной все уже продумано и решено. Надеюсь, что теперь вы понимаете?

— Да, я-то понимаю! — засмеялся Блад. — А вот понимаете ли вы? — И, не давая барону возможности задать вопрос, Блад продолжал: — Вы все уже продумали и все решили? Но, если ваше решение не основано на желании погубить большую часть моих людей, вы сейчас же измените его, как только узнаете то, что известно мне. Картахена кажется вам очень уязвимой

с северной стороны, где она выходит к морю. А не возникал ли у вас, господин барон, законный вопрос: почему испанцы, строившие этот город, постарались так укрепить его с юга и оставили его таким незащищенным с севера?

Де Ривароль ничего не ответил, потому что в самом деле вынужден был задуматься.

— Испанцы совсем не такие уж болваны, какими вы их себе представляете, — продолжал Блад. — Два года назад, готовясь к рейду на Картахену, я провел рекогносцировку города. Вместе с несколькими дружественными индейцами-торговцами, переодевшись индейцем, я явился туда и провел в городе целую неделю, досконально изучая все подходы к нему. С той стороны, где город кажется таким соблазнительно доступным для штурма, испанцы защищены мелководьем. Оно простирается более чем на полмили от берега и не дает возможности кораблям приблизиться настолько, чтобы огонь из пушек мог нанести ущерб городу.

— Но мы высадим десант на каное, пирогах и плоскодонных лодках! — нетерпеливо воскликнул один из офицеров.

— Даже в самую спокойную погоду прибой помешает осуществить вам такую операцию, — возразил ему Блад. — И следует также иметь в виду, что мы не сможем прикрывать наш десант огнем корабельных пушек. Людям будет угрожать опасность от своей же собственной артиллерии.

— Если мы проведем атаку ночью, ее не придется прикрывать огнем пушек, — сказал де Ривароль. — Ваш отряд будет на берегу еще до того, как испанцы успеют опомниться.

— Вы исходите из того, что в Картахене живут только ослы и слепые. Неужели вы полагаете, что они уже не сосчитали наши паруса и не задали себе законного вопроса: кто мы такие и зачем сюда пожаловали?

— Но если они считают себя в безопасности с севера, как вы утверждаете, — нетерпеливо воскликнул барон, — то это чувство безопасности и усыпляет их!

— Оно не усыпляет их, а напротив — не обманывает. Всякая попытка высадиться с этой стороны моря обречена на неудачу самой природой.

— И все же мы сделаем такую попытку! — упрямо настаивал барон, так как его высокомерие не позволяло

ему уступить в чем-либо в присутствии своих подчиненных.

— Ну что ж, — сказал капитан Блад, — если вас не убеждают мои слова, действуйте. Это, конечно, ваше право. Но я не поведу своих людей на верную смерть.

— А если я прикажу вам... — начал было барон.

— Послушайте, барон! — бесцеремонно прервал его Блад. — Нас привлекли на военную службу не только из-за тех сил, которыми мы располагаем, но и учитывая наши знания и опыт в военных действиях такого характера. Я предоставляю в ваше распоряжение мой личный опыт и мои знания и добавлю еще, что в свое время я отказался от намеченного мною нападения на Картахену, так как не располагал достаточными силами, чтобы захватить гавань — единственные ворота города. Теперь же наши силы делают выполнение такой задачи возможным.

— Да, но пока мы будем заняты этой военной операцией, испанцы вывезут из города большую часть богатств. Мы должны напасть на них внезапно.

Капитан Блад пожал плечами:

— С точки зрения пирата, ваши соображения, конечно, очень убедительны. Так в свое время думал и я. Но если вы заинтересованы в том, чтобы сбить спесь с испанцев и водрузить флаг Франции на фортах этого города, то потеря какой-то части богатств не должна серьезно вас беспокоить.

Де Ривароль прикусил губу. Мрачно и с ненавистью он посмотрел на корсара, который так независимо держал себя.

— А если я прикажу действовать вам? — спросил он. — Отвечайте мне на этот вопрос! Кто в конце концов командует этой экспедицией — вы или я?

— Ну, знаете, вы мне просто надоели, — сказал капитан Блад и быстро повернулся к де Кюсси, который чувствовал себя очень неловко и сидел как на иголках. — Господин губернатор, подтвердите наконец генералу, что я прав!

Де Кюсси очнулся от своего унылого раздумья:

— В связи с тем, что капитан Блад представил...

— К черту! — заревел де Ривароль. — Выходит так, что вокруг меня одни трусы. Послушайте, вы, господин капитан! Вы боитесь вести эту операцию, и поэтому командовать ею буду я. Погода стоит хорошая, и мы успешно высадимся на берег. Если это будет так — а

это так и будет, — то завтра вам придется выслушать кое-что мало приятное. Я слишком великодушен, сэр! — Он сделал величественный жест рукой. — Разрешаю вам удалиться.

Де Риваролем руководили глупое упрямство и пустое тщеславие, и он, конечно, получил вполне заслуженный урок. Во второй половине дня эскадра подошла поближе к берегу. Под покровом темноты триста человек, из которых двести были неграми (то есть все негры, участвовавшие в экспедиции), отправились на берег в каноэ, пирогах и лодках. Де Ривароль вынужден был взять на себя личное командование десантным отрядом, хотя это совсем не прельщало его.

Первые шесть лодок, подхваченные прибоем и брошенные на скалы, превратились в щепки еще до того, как находившиеся в них люди смогли броситься в воду. Грохот волн, разбивающихся о камни, и крики утопающих послужили убедительным сигналом для экипажей других лодок. Командующий десантом барон сразу же отдал приказ уходить из опасной зоны и заняться спасением утопающих. Эта авантюра обошлась недешево: погибло около пятидесяти человек и было потеряно шесть лодок с боеприпасами.

Де Ривароль вернулся на свой корабль взбешенным, но отнюдь не поумневшим. Он не принадлежал к числу тех людей, которые становятся мудрее, накапливая жизненный опыт. Он гневался на все и на всех и от огорчения тут же завалился спать.

На рассвете его разбудили раскаты пушечных залпов. Выбежав на корму в ночном колпаке и ночных туфлях, барон увидел страшную картину, от которой его ярость удвоилась. Четыре корсарских корабля, подняв все паруса, совершали непонятные маневры, находясь приблизительно в полумиле от Бока Чика и почти на таком же расстоянии от французской эскадры. Временами, окутываясь клубами порохового дыма, они обстреливали залпами большой круглый форт, защищавший узкий канал — вход на рейд. Пушки форта отвечали энергично, однако корсары маневрировали парусами и стреляли с такой исключительной точностью, что их огонь накрывал защитников форта в тот самый момент, когда они перезаряжали пушки. Произведя залп, корсарские корабли круто поворачивались, так, что канониры форта видели перед собой движущуюся мишень в виде кормы или носа кораблей противника. Маневрирование это произ-

водилось настолько искусно, что за одну-две секунды перед самым залпом испанцев пиратские корабли выстраивались только в перпендикулярной позиции к форту, так, что мачты кораблей сливались в одну линию.

Бормоча под нос проклятия, де Ривароль наблюдал за боем, по собственной инициативе начатым Бладом. Офицеры «Викторьез» столпились здесь же, на корме, и, когда наконец к ним присоединился де Кюсси, барон уже не мог больше сдерживать душившее его негодование.

Собственно говоря, де Кюсси сам навлек на себя эту бурю. Он подошел к барону, потирая руки и всем своим видом выражая удовольствие энергичными действиями тех, кого он привлек на службу.

— Ну как, господин де Ривароль, — засмеялся он, — не находите ли вы, что этот Блад блестяще знает дело, а? Он водрузит знамя Франции на этом форту еще до завтрака.

Барон с рычанием резко повернулся к нему:

— Вы говорите, что он знает свое дело, да? У вас не хватает ума понять, что его дело — выполнять мои приказы! Разве я отдавал такой приказ, черт возьми? Когда все это кончится, я разделаюсь с ним за его самочинство.

— Позвольте, господин барон, но его действия будут полностью оправданы, если принесут удачу.

— Оправданы? О дьявольщина! Да разве можно оправдать самовольные поступки солдата?! — вспылил барон, взглянув на своих офицеров, также ненавидевших Блада.

А сражение корсаров с испанцами продолжалось. Форт получил серьезные повреждения. Однако и корабли Блада, несмотря на свои искусные маневры, сильно пострадали от огня форта. Планшир правого борта «Атропос» был превращен в щепки, и одно из крупных ядер разорвалось в кормовой каюте корабля. На «Элизабет» была серьезно повреждена носовая часть, а на «Арабелле» сбита грот-мачта. К концу боя и «Лахесис» вышла из строя.

Барон явно наслаждался этим зрелищем.

— Молю небо, чтобы испанцы потопили все эти мерзкие корабли!

Но небо не слышало его молитв. Едва он произнес эти слова, как раздался ужасный взрыв, и половина форта взлетела на воздух. Одно из корсарских ядер попало в пороховой погреб.

Часа через два после боя капитан Блад, спокойный и нарядный, будто он только что вернулся с бала, ступил на квартердек «Викторьез». Его встретил де Ривароль, все еще в халате и в ночном колпаке.

— Разрешите доложить, господин барон, что мы овладели фортом на Бока Чика. На развалинах башни развеивается знамя Франции, а эскадре открыт доступ в гавань.

Де Ривароль вынужден был сдержать свой гнев, хотя он почти задыхался от него. Его офицеры так бурно выражали свой восторг, что разносить Блада ему было просто неудобно. Но глаза его по-прежнему сохраняли злобное выражение, а лицо было бледным от ярости.

— Вам повезло, господин Блад, — сказал он, — что бой выигран. В случае неудачи вам пришлось бы жестоко поплатиться. В другой раз извольте ждать моих приказов, так как может случиться, что у вас не будет таких хороших оправданий, как сегодня.

Блад улыбнулся, сверкнув белыми зубами, и поклонился:

— Сейчас я был бы рад получить ваш приказ, генерал, чтобы развить наше преимущество. Надеюсь, вы понимаете, насколько важна в данный момент быстрота действий.

Ривароль растерянно взглянул на него; в своем гневе барон совершенно забыл о том, что необходимо руководить развертывающимися операциями.

— Зайдите ко мне в каюту! — властно приказал он Бладу, но тот остановил его.

— Я полагаю, генерал, что нам лучше переговорить здесь, когда перед вами, как на карте, открыта вся сцена наших предстоящих действий. — Он указал рукой на лагуну, на окружающую ее местность и на большой город, расположенный в некотором отдалении от берега. — Если это не будет расценено как моя самонадеянность, я хотел бы сделать предложение... — Он умолк.

Де Ривароль пристально посмотрел на него, подозревая насмешку, но смуглое лицо корсара было невозмутимым, а его проницательные глаза — спокойными.

— Ну ладно, послушаем, — милостиво согласился барон.

Блад указал на форт при входе на внутренний рейд, башни которого скрывались за пальмами, качавшимися на узкой полосе земли. Он заявил, что этот

форт вооружен значительно слабее, чем внешний форт, который они уже захватили. Но вместе с тем и канал здесь сужается, и, чтобы пройти по каналу, необходимо захватить это укрепление. Он предложил, чтобы французские корабли, войдя на внешний рейд, начали оттуда бомбардировку форта, а тем временем триста корсаров с пушками высадятся на восточном берегу лагуны позади острова, густо заросшего душистыми деревьями. Как только начнется бомбардировка с моря, пираты бросятся на штурм форта с тыла. Блад полагал, что испанцы не смогут долго сопротивляться. После этого отряд де Ривароля останется в форту, а Блад со своими людьми продолжит наступление и захватит церковь Нуэстра-Сеньора-де-ла-Попа, стоящую на высоком холме к востоку от города. Захватив эту возвышенность, они будут контролировать единственную дорогу из Картахены в глубь страны и отрежут путь испанцам, которые не смогут вывезти из города ценности.

Как Блад рассчитывал, так и произошло: последний аргумент оказался для Ривароля самым убедительным. До этого барон надменно слушал корсара, намереваясь раскритиковать его предложение, но здесь он, приняв озабоченный вид, снизошел до того, что похвалил план Блада и приказал немедленно начать бомбардировку форта.

Нам нет нужды описывать здесь все подробности этой операции. Из-за ошибок французских командиров она прошла не совсем гладко, и пушечным огнем форта были потоплены два французских корабля. Но к вечеру, благодаря неукротимой ярости пиратов при штурме с тыла, форт сдался. Еще до наступления ночи Блад вместе со своими людьми захватил господствующую над городом высоту Нуэстра-Сеньора-де-ла-Попа и поставил там несколько пушек.

К середине следующего дня Картахена послала де Риваролю предложение о капитуляции.

Надувшись от гордости за победу, которую он целиком приписывал себе, барон продиктовал условия капитуляции. Он потребовал сдать все деньги, товары и все общественные ценности. Жителям была предоставлена возможность либо остаться в городе, либо уходить, но те, кто хотел уйти, обязаны были полностью сдать все свое имущество, а оставшиеся сдавали только половину и становились подданными короля Франции. Де Ривароль обещал пощадить молитвенные дома и церкви,

но потребовал, чтобы они предоставили ему отчеты о всех имеющихся у них суммах и ценностях.

Картахена приняла эти условия, так как другого выхода у нее не было.

На следующий день, 5 апреля, де Ривароль вошел в город, объявив его французской колонией и назначив ее губернатором де Кюсси. После этого он проследовал в кафедральный собор, где в честь победы была отслужена благодарственная обедня. Все это было только передышкой, так как после этих церемоний де Ривароль приступил к грабежу. Захват Картахены французами отличался от обычного пиратского налета только тем, что солдатам под страхом строжайших наказаний было категорически запрещено заходить в дома горожан. Однако в действительности этот гуманный приказ был издан не для защиты личности и имущества побежденных. Де Ривароль беспокоился о том, чтобы какой-либо дублон из огромного потока богатств не уплыл в карманы солдат. Но едва лишь этот поток золота прекратился, как барон снял все ограничения и отдал город на разграбление своим солдатам. Они растащили имущество и той части горожан, которые стали французскими подданными, хотя де Ривароль обещал им неприкосновенность и защиту.

Добыча была колоссальной. На протяжении четырех дней более ста мулов перевозили награбленное золото из города в порт, и оттуда оно переправлялось на корабли.

Глава XXVIII

«ЧЕСТНОСТЬ» ГОСПОДИНА ДЕ РИВАРОЛЯ

Капитан Блад во время капитуляции и после нее занимал возвышенность Нуэстра-Сеньора-де-ла-Попа, ничего не зная о том, что происходило в Картахене. Пираты отлично понимали свою роль во взятии города, в котором оказалось так много богатств. И тем не менее капитана даже не пригласили на военный совет, где барон де Ривароль определял условия капитуляции.

В другое время Блад не стерпел бы такого пренебрежения. Но сейчас, порвав с пиратством, он довольствовался тем, что свое презрение выражал насмешливой улыбкой. Однако его офицеры, а тем более

матросы, продолжавшие оставаться пиратами, были настроены совершенно иначе. Блад смог успокоить корсаров лишь обещанием немедленно переговорить с бароном де Риваролем.

Он нашел генерала в одном из больших домов города, гудевшем, как пчелиный улей. Это была созданная бароном канцелярия, регистрировавшая доставленные сюда ценности и проверявшая кассовые книги торговых фирм для точного определения сумм, подлежащих сдаче. Окруженный клерками, де Ривароль, рассевшись, как купец, проверял grossбухи и подсчитывал цифры, чтобы убедиться, не утаили ли побежденные хотя бы одно песо. Это занятие, откровенно говоря, мало подходило для командующего королевскими сухопутными и морскими силами Франции в Америке, но де Ривароля эти торгашеские операции увлекали гораздо больше, нежели военные. С нескрываемым раздражением он вынужден был прервать их, когда в канцелярии появился капитан Блад.

— Здравствуйте, господин барон! — приветствовал его Блад. — Мне нужно откровенно поговорить с вами, как бы это ни было вам неприятно. Мои люди на грани бунта!

Де Ривароль высокомерно приподнял брови:

— Капитан Блад, я также должен откровенно поговорить с вами, как бы это ни было неприятно вам. За бунт будете отвечать лично вы и ваши офицеры. Кроме того, вы ошибаетесь, разговаривая со мной тоном союзника. С самого начала я дал вам ясно понять, что вы только мой подчиненный. И пустых разговоров, как вы знаете, я не терплю.

Капитан Блад с трудом сдержал себя. Но он отлично понимал, что рано или поздно ему придется сбить спесь с этого высокомерного петуха.

— Вы можете определять мое положение, как вам заблагорассудится, генерал, — сказал он. — Пустые разговоры меня тоже не интересуют. Речь идет о соглашении, подписанном двумя сторонами. Мои люди не удовлетворены.

— Чем они не удовлетворены? — бросил барон с презрением.

— Вашей честностью, барон де Ривароль.

Пощечина вряд ли оказала бы более сильное действие на барона. Он вскочил из-за стола, глаза его засверкали,

лицо побледнело. Клерки за столом с ужасом ожидали взрыва.

Молчание продолжалось несколько минут. Наконец де Ривароль, едва сдерживаясь, воскликнул:

— Вы сомневаетесь в моей честности? Вы и грязные воры, которые окружают вас! Вы ответите мне за это оскорбление, хотя дуэль с вами была бы для меня просто бесчестьем!

— Напоминаю вам, — спокойно сказал Блад, — что я говорю не от себя лично, а от имени своих людей. Мои люди недовольны. Они угрожают, что если их требования не будут удовлетворены добровольно, то они удовлетворят их силой.

— Силой? — воскликнул де Ривароль, содрогаясь от бешенства. — Пусть попытаются и...

— Не будьте опрометчивы, барон. Мои люди правы, и вам это известно. Они требуют, чтобы вы ответили им, когда будет произведен раздел добычи и когда они получат свою пятую часть в соответствии с соглашением.

— Боже, дай мне терпение! Как мы можем делить добычу, если она еще не собрана полностью?

— Мои люди не без основания считают, что вся добыча уже собрана. Кроме того, они с законным недоверием относятся к тому, что она целиком находится на ваших кораблях и в полном вашем распоряжении. Они утверждают, что не в состоянии определить из-за этого объем добычи.

— О силы небесные! Но ведь все записано в книгах, и любой может их видеть.

— Они не будут проверять ваши книги, тем более что мало кто из моих людей вообще умеет читать. Но им хорошо известно — вы заставляете меня быть резким, — что ваши подсчеты фальшивые. По вашим книгам стоимость добычи в Картагене составляет около десяти миллионов ливров¹⁰⁰. В действительности же стоимость добычи превышает сорок миллионов ливров. Вот почему мои люди требуют, чтобы ценности были предъявлены и взвешены в их присутствии, как это принято среди «берегового братства».

— Я ничего не знаю о пиратских обычаях! — презрительно сказал де Ривароль.

— Но вы быстро их освоили, барон.

— Что вы имеете в виду, черт побери? Я — командующий армией солдат, а не грабителей!

— Да? — Блад не мог скрыть иронии. — Но кем бы вы ни были, предупреждаю, что, если вы не удовлетворите наших требований, у вас будут неприятности. Меня не удивит, если вы вообще застрянете в Картахене и не сможете отправить во Францию хотя бы одно песо.

— А-а! Вы еще и угрожаете мне?

— Ну что вы, барон! Я просто предупреждаю о неприятностях, которых при желании можно легко избежать. Вы не подозреваете, что сидите на вулкане. Вы еще не знаете всех корсарских обычаев. Картахена захлебнется в крови, и король Франции вряд ли получит от этого какую-либо пользу.

Де Ривароль сообразил, что дело зашло слишком далеко, и постарался перевести спор на менее враждебную почву. Он продолжался недолго и наконец закончился вынужденным согласием барона удовлетворить требования корсаров. Было очевидно, что генерал пошел на это только после того, как Блад доказал ему опасность дальнейшей оттяжки дележа добычи. Вооруженное столкновение, возможно, могло бы кончиться поражением пиратов, а возможно, и нет. Но если бы даже де Риваролю удалось справиться с пиратами, то эта победа обошлась бы ему очень дорого — у него не осталось бы достаточно людей, чтобы удержать захваченную добычу.

В конце концов де Ривароль обещал немедленно уладить недоразумение. Он дал слово честно рассчитаться. Если капитан Блад со своими офицерами завтра утром явятся на «Викторьез», им предъявят и взвесят в их присутствии все золото, все ценности, а затем они смогут доставить на свои корабли причитающуюся им одну пятую долю добычи.

В этот вечер корсары веселились в ожидании завтрашнего богатого дележа и ядовито посмеивались над неожиданной уступчивостью де Ривароля. Но едва лишь рассвет забрезжил над Картахеной, причины этой уступчивости стали понятны. В гавани на якоре стояли только «Арабелла» и «Элизабет», а «Лаксис» и «Атропос» сошли на берег, вытасненные туда для заделки повреждений, полученных в бою. Ни одного французского корабля на рейде не было. Поздней ночью они бесшумно ушли из гавани.

Только три маленьких, чуть заметных паруса в западной части горизонта напоминали о французах и

де Ривароле. В Картахене остались с пустыми руками не только обманутые им корсары, но и де Кюсси вместе с добровольцами и неграми с острова Гаити.

Дикая ярость объединила пиратов с людьми де Кюсси. Предчувствуя новые грабежи, жители Картахены испытывали еще больший страх по сравнению с тем, что им пришлось перенести со дня появления эскадры де Ривароля.

Только капитан Блад внешне оставался спокойным, но это нелегко ему давалось, он с трудом сдерживал кипевшее в нем негодование. Ему хотелось в минуту расставания с подлым де Риваролем полностью рассчитаться за все обиды и оскорбления. Однако это свидание не состоялось.

— Мы должны догнать его! — сгоряча объявил он.

Вначале все подхватили его призыв, но тут же вспомнили, что в море могут выйти только два корабля, да и на тех не было достаточных продовольственных запасов для дальнего похода. Капитаны «Лаксис» и «Атропос» вместе со своими командами отказались принять участие в погоне за де Риваролем. Успех этой погони был сомнительным, а в Картахене еще оставалась возможность собрать немало ценностей. Поэтому они решили чинить свои корабли и одновременно заняться грабежом. А Блад, Хагторп и те, кто пойдет вместе с ними, могут поступать, как им угодно.

Только сейчас Блад сообразил, как опрометчиво было предлагать погоню за французской эскадрой. Он едва не вызвал схватку между двумя группами, на которые разделились корсары, обсуждая его предложение. А паруса французских кораблей становились все меньше и меньше. Блад был в отчаянии. Если он уйдет в море и оставит здесь пиратов, то только небу известно, что будет с городом. Если же он останется, то люди его и Хагторпа начнут дикий грабеж вместе с командами других пиратских кораблей.

Но пока Блад размышлял, его люди вместе с людьми Хагторпа, озлобленные против де Ривароля, решили этот вопрос за своих капитанов: де Ривароль вел себя как подлец и мошенник, и поэтому он заслуживал наказания; значит, у этого французского генерала, нагло нарушившего соглашение, можно было взять не только одну пятую захваченных ценностей, но всю добычу целиком.

Разрываемый противоречивыми соображениями, Блад

колебался, и пираты почти силой доставили его на корабль.

Через час, когда на корабль доставили бочки с водой, «Арабелла» и «Элизабет» бросились в погоню.

«Когда мы вышли в открытое море, — пишет Питт в своем журнале, — и курс «Арабеллы» был уже продолжен, я спустился к капитану, зная, как болезненно переживает он эти события. Блад сидел один у себя в каюте, обхватив голову руками, и взгляд его выражал страдание.

— Ну, что с тобой, Питер? — спросил я. — Что тебя мучает? Не мысли же о де Ривароле!

— Нет, — хрипло ответил Блад и с откровенностью высказал мне все, чем он терзался. Я был его верным другом и, несомненно, заслуживал его доверия. — Если бы она знала! Если б она только знала! Боже мой! А я-то думал, что покончил с пиратством навсегда! И этот мерзавец втянул меня в разбой, грабеж, насилия, убийства! Подумай о Картахене! Что творят там сейчас наши дьяволы! И ответственность за все это падает на меня!

— Нет, нет, Питер! — успокаивал я его. — За это отвечаешь не ты, а де Ривароль. Этот подлый вор — виновник всего, что произошло. Ну, что ты мог сделать, чтобы предотвратить события?

— Я мог бы остаться в Картахене.

— Ты сам знаешь, что это было бы бесполезно. Зачем же тебе мучиться?

— Да ведь дело не только в этом, — со стоном сказал Блад. — А что же дальше? Что делать дальше? Служба у англичан для меня невозможна. Служба у французов привела к тому, что ты видишь. Какой же выход? Продолжать пиратствовать? Но с этим я покончил. Навсегда! Клянусь Богом, мне кажется, остается единственная возможность — предложить свою шпагу королю Испании!

Но оставался еще один выход, которого он ждал меньше всего. И к этому выходу мы приближались сейчас на своих кораблях, бежавших по морю, блиставшему в ослепительных лучах тропического солнца.

Корсары шли на север, к острову Гаити, рассчитывая, что де Ривароль до отправления во Францию должен будет отремонтировать там свои корабли. Подгоняемые умеренно благоприятным ветром, «Арабелла» и «Элизабет» в течение двух дней бороздили море, и за все это

время дозорные не видели своего противника хотя бы издали. На рассвете третьего дня корабли попали в полосу легкого тумана, который ограничивал видимость двумя-тремя милями, и корсары были озабочены и раздосадованы, что де Ривароль может вообще от них скрыться.

По записям Питта в судовом журнале, корабли в это время находились на 75° 30' западной долготы и 17° 45' северной широты. Ямайка лежала примерно в тридцати милях к западу от них по левому борту. Вскоре на северо-западе показался мощный хребет Голубых гор, похожий на едва заметную гряду облаков. Голубовато-сиреневые вершины как бы висели в прозрачном воздухе над низко лежащими грядами тумана. Корабли шли в бейдевинде при западном ветре, и до корсаров доносился какой-то далекий гул, который для новичков мог бы показаться отдаленным шумом прибоя.

— Пушки! — воскликнул Питт, который стоял рядом с Бладом на квартердеке.

Блад, внимательно прислушиваясь, кивнул головой.

— По-моему, это милях в десяти-пятнадцати отсюда, где-то около Порт-Ройала, — добавил Питт, взглянув на своего капитана.

— Пушечная стрельба неподалеку от Порт-Ройала... — задумчиво сказал Блад. — Должно быть, полковник Бишоп с кем-то сражается. Против кого же он может действовать, если не против наших друзей? При всех обстоятельствах нам нужно подойти поближе. Дай распоряжение рулевым.

Они продолжали идти тем же курсом, руководствуясь гулом канонады, усиливавшимся по мере их приближения к месту сражения. Так продолжалось, наверно, около часа. Блад в подзорную трубу внимательно всматривался во мглу, вот-вот ожидая увидеть корабли, ведущие бой.

Внезапно грохот пушек умолк.

Корсары продолжали идти тем же курсом. Все, кто был свободен от вахты, высыпали на палубу и озабоченно всматривались вдаль. Вскоре они увидели большой корабль, объятый пламенем. По мере их приближения очертания пылающего корабля вырисовывались отчетливее, потом на фоне дыма и пламени показались черные мачты, и капитан Блад ясно разглядел в подзорную

трубу трепетавший на грот-мачте выпел с крестом святого Георга.

— Английский корабль! — воскликнул он, продолжая осматривать море и желая увидеть наконец победителя, жертва которого находилась перед ними.

И только подойдя ближе к тонущему кораблю, пираты смогли различить смутные очертания трех высоких судов, удалявшихся по направлению к Порт-Ройалу. Они сразу же сделали вывод, что три уходящих корабля принадлежат ямайской эскадре, а потерпевшее поражение судно было, несомненно, пиратским. Они поспешили подойти к нему поближе, чтобы подобрать моряков, сидевших в трех до отказа перегруженных шлюпках, качавшихся на волнах. А Питт неотступно продолжал следить в подзорную трубу за удаляющимися кораблями: от его опытного глаза не укрылись некоторые их особенности, и еще через несколько минут он громко объявил о своем совершенно невероятном открытии. Самым большим из трех кораблей оказался флагманский корабль де Ривароля — «Викторьез».

Корсарские корабли подошли к шлюпкам и обломкам, за которые цеплялись моряки с тонущего корабля. Чтобы подобрать всех спасшихся и утопающих, «Арабелла» и «Элизабет» убрали паруса и легли в дрейф.

Глава XXIX

НА СЛУЖБЕ У КОРОЛЯ ВИЛЬГЕЛЬМА

Одна из шлюпок пристала к борту «Арабеллы», и на палубу поднялся сухопарый, небольшого роста человек, щегольски одетый в темно-красный атласный, шитый золотом камзол. Пышный черный парик обрамлял желтое, сморщенное лицо, выражавшее крайнее раздражение, и такое же раздражение светилось в маленьких острых глазах. Дорогой и модный костюм совершенно не пострадал от пережитого несчастья, и владелец этого костюма держался с непринужденной уверенностью настоящего вельможи. По всему было ясно, что это не пират. Вслед за ним на палубе появился второй человек, дородный мужчина с загорелым, обветренным лицом и добродушной складкой у губ. Лицо его было кругло, как луна, а в голубых глазах мерцал незатухающий веселый огонек. На нем был хороший камзол без всяких украшений,

но при взгляде на эту дородную фигуру и военную выправку сразу чувствовалось, что этот человек привык командовать.

Как только сухопарый джентльмен ступил с трапа на шканцы, его острые, как у хорька, глаза быстро пробежали по пестрой толпе собравшейся команды «Арабеллы» и с удивлением остановились на капитане Бладе.

— Что за дьявольщина? Куда я попал? — резко спросил он. — Вы англичанин или еще кто, черт бы вас побрал?

— Я лично имею честь быть ирландцем, сэр. Моя фамилия Блад, капитан Питер Блад, а это мой корабль «Арабелла». К вашим услугам, сэр.

— Блад?! — пронзительно воскликнул сухопарый человек. — Проклятие! Пират! — Он быстро обернулся к своему огромному спутнику: — Ван дер Кэйлен, вы слышите: пират! Будь я проклят, мы попали от Сциллы к Харибде¹⁰¹!

— Да? — гортанным голосом спросил его спутник. — Это очень интересный приключения! — И он рассмеялся.

— Чего вы хохочете, дельфин? — брызжа слюной, заорал человек в темно-красном камзоле. — Нечего сказать, посмеются же над нами в Англии! Сначала адмирал ван дер Кэйлен ночью теряет весь свой флот, потом французская эскадра топит его флагманский корабль, а кончается это тем, что его самого захватывают пираты. Весьма рад, что вы можете смеяться. Должно быть, судьба в наказание за мои грехи связала меня с вами, но будь я проклят, если мне смешно!

— Позволю себе сделать замечание, что здесь происходит явное недоразумение, — спокойно произнес Блад. — Вы, сэр, вовсе не захвачены, а просто спасены. Когда вы это поймете, то, возможно, найдете нужным поблагодарить меня за гостеприимство. Правда, очень скромное гостеприимство, но, во всяком случае, вы будете иметь здесь все лучшее, чем я только располагаю.

Неистовый маленький человечек уставился на него своими острыми глазками.

— Черт побери! Вы позволяете себе еще иронизировать? — сердито сказал он и, очевидно, пытаясь прекратить дальнейшие насмешки, представился: — Я — лорд Уиллогби, назначенный королем Вильгельмом на пост генерал-губернатора Вест-Индии. А это — адмирал ван дер Кэйлен, командующий вест-индской эскадрой его

величества короля Вильгельма, которую он потерял где-то тут, в этом проклятом Карибском море.

— Короля Вильгельма? — удивленно переспросил Блад, заметив, что и Питт, и Дайк, и стоявшие позади него пираты стали подходить ближе, охваченные тем же удивлением, что и он. — А кто такой король Вильгельм, ваша светлость? Король какой страны?

— Что, что такое? — Лорд Уиллогби, изумленный этим вопросом, посмотрел на Блада и, помолчав некоторое время, сказал: — Я говорю о его величестве короле Вильгельме Третьем — Вильгельме Оранском, который вместе с королевой Марией уже свыше двух месяцев правит Англией.

Воцарилось молчание. Блад не сразу осознал эту довольно ясную информацию.

— Вы хотите сказать, ваша светлость, что английский народ восстал и вышвырнул этого мерзавца Якова вместе с его бандой головорезов?

Добродушно улыбаясь, ван дер Кэйлен толкнул лорда Уиллогби локтем в бок и заметил:

— У него ошень правильный политический взгляд, а?

Его светлость также улыбнулся, отчего на его высушенном лице образовались глубокие морщины.

— Боже милосердный! Да вы ничего не знаете!.. Где же вас носил черт все это время?

— Последние три месяца мы были оторваны от всего мира, сэр, — ответил Блад.

— Оно и видно! А за эти три месяца в мире произошли кое-какие перемены...

И Уиллогби коротко рассказал о них: король Яков бежал во Францию под защиту короля Людовика; по этой причине и по многим другим Англия присоединилась к антифранцузскому союзу и сейчас воюет с Францией; поэтому сегодня утром флагманский корабль голландского адмирала был атакован эскадрой де Ривароля. Очевидно, по пути из Картахены француз встретил какой-то корабль и от него узнал о начавшейся войне.

Капитан Блад еще раз заверил генерал-губернатора и адмирала, что на «Арабелле» к ним будут относиться с подобающим уважением, и провел их к себе в каюту. Между тем работа по спасению утопающих продолжалась.

Капитана взволновали полученные известия. Если король Яков свергнут с престола и бежал во Францию, значит, наступил конец ссылке Блада и он мог вернуться

в Англию к мирной жизни, столь трагически нарушенной четыре года назад. Внезапно открывшиеся перед ним возможности буквально ошеломили его. Он был так глубоко взволнован и растроган, что не мог молчать. Беседуя с умным и проницательным Уиллогби, все время наблюдавшим за ним, Блад рассказал ему даже больше, чем намеревался рассказать.

— Ну что ж! Если хотите, отправляйтесь домой, — сказал Уиллогби, когда Блад умолк. — Можете быть уверены, за пиратство вас никто не будет преследовать, особенно учитывая то обстоятельство, которое вас вынудило им заняться. Но к чему такая спешка? Мы, конечно, слышали о вас и знаем, что вы можете делать на море. Именно здесь вы можете прекрасно проявить себя, если вам надоело пиратство. Если вы поступите на службу к королю Вильгельму на время войны, то здесь своими знаниями вы можете быть очень полезны английскому правительству, а оно не останется в долгу. Подумайте об этом. Будь я проклят, сэр, но я повторяю: вам предоставляется прекрасная возможность проявить себя.

— Эту возможность предоставляете мне вы, ваша светлость, — поправил его Блад. — Я очень благодарен, но должен признаться, что сейчас способен думать только о тех важных событиях, которые меняют лицо мира. Прежде чем определить свое место в этом изменившемся мире, я должен приучить себя рассматривать его в новом виде.

В каюту вошел Питт и доложил, что спасенные сорок пять человек размещены на двух корсарских кораблях. Он попросил дальнейших распоряжений. Блад встал.

— Я беспокою вас своими делами и забываю о ваших. Вы хотите, чтобы я вас высадил в Порт-Ройале?

— В Порт-Ройале? — Маленький человек гневно заерзал в кресле, а затем раздраженно сообщил Бладу, что вчера вечером они уже заходили в Порт-Ройал, но губернатора там не застали. Забрав всю эскадру, он отправился на остров Тортуга в поисках каких-то корсаров.

Блад удивленно посмотрел на него, а потом рассмеялся.

— Он отправился, вероятно, еще до того, как узнал о смене правительства в Англии и о войне с Францией.

— Вовсе нет! — огрызнулся Уиллогби. — Губернатору

было известно и о том и о другом, так же как и о моем прибытии, еще до того, как он отправился в поход.

— О, но это невозможно!

— Я тоже так думал. Но эта информация получена мной от майора Мэллэрда, который, видимо, управляет Ямайкой в отсутствие этого болвана.

— Но нужно быть сумасшедшим, чтобы бросить свой пост в такое время! — изумленно произнес Блад.

— И это еще не все! — раздраженно добавил лорд. — Этот идиот взял с собой всю эскадру, так что в случае нападения французов город остается без защиты. Вот каков губернатор, которого свергнутое правительство нашло возможным сюда назначить! Это неплохо характеризует всю их деятельность. Он оставляет Порт-Ройал на произвол судьбы, а его ветхий форт может быть превращен в развалины в течение какого-нибудь часа. Поведение Бишопа преступно!

Улыбка с лица Блада мгновенно исчезла.

— Известно ли об этом де Риваролю? — резко спросил он.

На этот вопрос ответил голландский адмирал:

— Разве Ривароль пошел бы туда, если бы не знал этого? Он закатил в плен кое-кого из наших людей и, наверно, расвязал им язык. Такой короший возможность он не пропускал.

— Этот мерзавец Бишоп ответит головой, если здесь произойдет что-нибудь неприятное! — зарычал Уиллогби. — А может быть, он сделал это умышленно, а? Может быть, он не дурак, а изменник? Может быть, он так служит королю Якову, который его сюда назначил, а?

Капитан Блад не согласился с этим.

— Вряд ли это так, — сказал он. — Им руководила лишь жажда мести. Он хотел захватить на Тортуге меня. Но я полагаю, что, пока он меня ищет, мне следует за него побеспокоиться о сохранении Ямайки для короля Вильгельма. — Он засмеялся, и в смехе этом было больше веселья, чем за все последние месяцы.

— Возьми курс на Порт-Ройал, Джереми, — приказал он Питту. — Нам надо попасть туда как можно скорее. Мы еще успеем расквитаться с де Риваролем.

Лорд Уиллогби и адмирал ван дер Кэйлен вскочили.

— Будь я проклят, но у вас же нет для этого

достаточно сил! — воскликнул его светлость. — Каждый из кораблей французской эскадры по мощности не уступает «Арабелле» и «Элизабет», вместе взятым.

— По количеству пушек — да, — улыбаясь, сказал Блад. — Но в таких делах пушки не самое главное. Если ваша светлость желает видеть сражение по всем правилам военно-морского искусства, я вам предоставлю такую возможность.

Они оба посмотрели на Блада.

— Но условия неблагоприятны для вас, — продолжал настаивать его светлость.

— Это невозможно, — сказал ван дер Кэйлен, качая своей круглой головой. — Конечно, кораблевождение — очень ваше дело, но пушки остаются пушки.

— Если мы не сможем победить де Ривароля, то я потоплю свои корабли в канале и не дам ему возможности уйти из Порт-Ройала. А тем временем вернется Бишоп со своей проклятой охоты или же появится ваша эскадра.

— Ну, а что это нам даст? — спросил Уиллогби.

— Вот это как раз я и хотел вам сказать. Де Ривароль просто идиот, что пошел на Порт-Ройал, так как у него на кораблях награбленные им в Картахене ценности, стоимостью около сорока миллионов ливров. (Оба его слушателя подскочили при упоминании об этой колоссальной сумме.) Он отправился в Порт-Ройал с этими ценностями. Безразлично, победит он меня или я его, этих ценностей из Порт-Ройала ему не увезти. Рано или поздно они попадут в казну короля Вильгельма, после того, как, скажем, одна пятая часть их будет выплачена моим корсарам. Согласны, лорд Уиллогби?

Его светлость встал и протянул ему свою холеную руку.

— Капитан Блад, мне кажется, вы — великий человек! — сказал он.

— Позвольте, ваша светлость! У вас очень хорошее зрение, если вам удалось это увидеть, — засмеялся капитан.

— Да, да! Но как он это сделать? — проворчал ван дер Кэйлен.

И капитан Блад, смеясь, ответил:

— Поднимитесь на палубу, и не успеет еще зайти солнце, как я вам это продемонстрирую.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ «АРАБЕЛЛЫ»

-III Свои вы идете, мой друг? — ворчал ван дер Кэйлен.

— Да, да, ради бога, чего вы ожидаете? — раздраженно повторил вслед за ним Уиллогби.

Был полдень того же самого дня. Оба корсарских корабля плавно покачивались на волнах, и ветер, дующий со стороны рейда Порт-Ройала, лениво хлопал парусами. Корабли находились менее чем в миле от защищенного фортом входа в пролив, ведущий на этот рейд. Прошло уже больше двух часов, как они подошли сюда, никем не замеченные ни из форта, ни с кораблей де Ривароля, так как между французами и защитниками форта шел бой и воздух все время сотрясало от грохота пушек, стрелявших и с суши, и с моря.

Длительное пассивное ожидание уже начало отражаться на нервах лорда Уиллогби и адмирала ван дер Кэйлена.

— Вы обещали показать нам кое-какой короший вещи. Кте эти ваш короший вещи? — спросил адмирал.

Уверенно улыбаясь, Блад стоял перед адмиралом в своей кирасе из вороненой стали.

— Я не намерен злоупотреблять вашим терпением, — сказал он. — Огонь начал уже стихать. Дело в том, что спешкой мы ничего не выиграем, а, ударив в должный момент, мы добьемся очень многого, и я вам сейчас это докажу.

Лорд Уиллогби с подозрением посмотрел на него:

— Вы надеетесь, что тем временем может вернуться Бишоп или подойти эскадра ван дер Кэйлена?

— О нет, ваша светлость, этих мыслей у меня нет и в помине. Я думаю вот о чем: де Ривароль, как мне известно, плохой командир, и его эскадра в бою с фортом неизбежно получит какие-то повреждения, что хотя бы немного уменьшит его превосходство над нами. А мы вступим в бой, когда форт расстреляет все свои ядра.

— Правильно! — резко одобрил сухопарый генерал-губернатор Вест-Индии. — Я одобряю ваши намерения. Вы обладаете качествами талантливого флотоводца, и я прошу извинить меня, что не понял вас раньше.

— О, это очень любезно с вашей стороны, милорд! Вы понимаете, у меня есть некоторый опыт ведения таких боев. Я пойду на любой неизбежный риск, но не буду рисковать в тех случаях, когда в этом нет необходимости... — Он умолк и прислушался. — Да, я был прав. Канонада стихает. Значит, сопротивление Мэллэрда подходит к концу. Эй, Джереми!

Он перегнулся через резные перила и отдал четкое приказание. Боцман пронзительно засвистел, и, казалось, сонный корабль мгновенно пробудился. Послышались топанье ног на палубе, скрип блоков и хлопанье поднимаемых парусов. «Арабелла» двинулась вперед. За «Арабеллой» пошла «Элизабет». Блад вызвал к себе канонира Огла, и минуту спустя Огл помчался на свое место на оружейной палубе.

Через четверть часа они подошли к выходу на рейд и внезапно на расстоянии выстрела мелкокалиберной пушки появились перед тремя кораблями де Ривароля.

На месте форта дымилась груда развалин. Победители с вымпелами Франции, реющими на грот-мачтах, быстро направлялись на шлюпках к берегу, чтобы овладеть богатым городом, укрепления которого они только что разгромили.

Блад внимательно осмотрел французские корабли и тихо рассмеялся. «Викторьез» и «Медуза», видимо, были лишь слегка поцарапаны. А третий корабль — «Валейн» — полностью вышел из строя. Огромная пробоина зияла в его правом борту, и капитан, спасая судно от гибели, положил его в дрейф на левый борт, чтобы в пробоину не хлынула вода.

— Вы видите! — закричал Блад ван дер Кэйлену и, не ожидая одобрительного ворчания голландца, отдал приказ:

— Лево руля!

Вид поворачивающегося бортом к французам огромного красного корабля с позолоченной скульптурой на носу и открытыми бортами ошеломляюще подействовал на де Ривароля, только что ликовавшего по случаю победы.

Но еще до того, как он мог сдвинуться с места, чтобы отдать приказ и сообразить вообще, какой приказ отдать, смертоносный шквал огня и металла бортового залпа корсаров смел все с палубы «Викторьез».

Продолжая идти своим курсом, «Арабелла» уступила место «Элизабет», которая совершила такой же маневр. Застигнутые врасплох, французы растерялись, их охва-

тила паника. Между тем «Арабелла», сделав поворот оверштаг, вернулась на свой прежний курс, но в обратном направлении, и ударила из всех орудий левого борта. Еще один бортовой залп прогремел с «Элизабет», после чего трубач «Арабеллы» проиграл какой-то сигнал, прекрасно понятый Хагторпом.

— Вперед, Джереми! — закричал Блад. — Прямо на них, пока они не успели опомниться! Внимание! Приготовиться к абордажу! Хэйтон... кроуки!

Он сбросил свою шляпу с перьями и надел стальной шлем, принесенный ему подростком-негром. Блад хотел лично руководить абордажем и коротко объяснил своим гостям:

— Абордаж — для нас единственный шанс на победу. У противника слишком много пушек.

И, как бы в доказательство его слов, последовал немедленный ответ французов. Оправившись от паники, они открыли огонь по «Арабелле», которая из двух противников была наиболее опасным.

В отличие от корсаров, стрелявших из своих пушек по палубам, французы стремились повредить корпус «Арабеллы». Под ударами ужасающей силы корабль Блада вздрогнул и замедлил движение, хотя Питт старался вести его таким курсом, чтобы «Арабелла» представляла наименьшую мишень для противника. Корабль продолжал двигаться, однако носовая часть его была изуродована, а чуть повыше ватерлинии чернела огромная пробоина. Чтобы вода не проникла в трюм, Блад приказал сбросить за борт носовые пушки, якоря и все, что было под рукой.

Французы, сделав поворот оверштаг, обстреляли также и «Элизабет». «Арабелла» при слабом попутном ветре пыталась подойти к своему противнику вплотную. Но, прежде чем корсарам удалось это сделать, «Викторьез» снова в упор произвел по «Арабелле» залп из пушек правого борта. В грохоте канонады, среди треска ломающихся снастей и стонов раненых «Арабелла» еще раз рванулась вперед, закачалась и окуталась облаком дыма, который скрыл ее от глаз французов. Прошло еще несколько мгновений, и Хэйтон закричал, что «Арабелла» уходит носом под воду. Сердце Блада в отчаянии замерло. Но тут же сквозь густой и едкий дым он увидел голубой с позолотой борт «Викторьез». Однако искалеченная «Арабелла» двигалась очень мед-

ленно, и ему стало ясно, что она затонет раньше, чем дойдет до «Викторьез».

Точно такого же мнения был и голландский адмирал, изрыгавший ругательства и проклятия. Лорд Уиллогби также проклинал Блада за то, что он, идя на абордаж, азартно поставил все на карту.

— У нас не было иного выхода! — дрожа как в лихорадке, воскликнул Блад. — Вы правы, что это отчаянный шаг. Но мои действия диктовались обстановкой и недостатком сил. Я терплю поражение накануне победы.

Однако корсары еще не помышляли о сдаче. Хэйтон с двумя десятками коренастых головорезов, державших в руках абордажные крюки, скорчившись, притаились среди обломков на носу корабля. Ярдах в семи-восьми от «Викторьез» «Арабелла» остановилась, и, когда на глазах у ликующих французов ее бак уже начал покрываться водой, корсары Хэйтона вскочили и с дикими воплями забросили абордажные крюки. Два из них впились в деревянные части французского корабля. Опытные пираты действовали с молниеносной быстротой. Ухватившись за цепь одного из этих крюков, они начали тянуть ее изо всех сил к себе, чтобы сблизить корабли.

Блад, наблюдавший с квартердека за этой смелой операцией, закричал громовым голосом:

— Мушкетеры — на нос!

Мушкетеры, стоявшие в готовности на шкафуте, повиновались команде с потрясающей быстротой, в которой заключалась их единственная надежда на спасение от смерти. Пятьдесят мушкетеров бросились вперед, и над головами людей Хэйтона, из-за обломков носовой части, засвистели пули.

Это было как раз вовремя, потому что французские солдаты, убедившись в невозможности освободиться от крюков, глубоко впившихся в борта и палубу «Викторьез», готовились открыть огонь сами.

Корабли с резким стуком ударились друг о друга правыми бортами.

Спустившись с квартердека на шкафут, Блад отдавал приказания, и они выполнялись с поразительной скоростью: мгновенно были спущены паруса, обрублены веревки, поддерживающие реи, выстроен на корме авангард абордажного отряда. В ту секунду, когда корабли столкнулись друг с другом, пираты по команде Блада

взмахнули абордажными крючьями: тонущая «Арабелла» была накрепко пришвартована к «Викторьез».

Уиллогби и ван дер Кэйлен, затаив дыхание, стояли на юте и широко открытыми глазами наблюдали за изумительной быстротой и точностью, с которыми действовали капитан Блад и его отчаянная команда. Но вот трубач проиграл атаку, и Блад, увлекая своих людей, стремительно ринулся на палубу французского корабля. Корсары из арьергардной группы абордажников, руководимые Оглом, с криком перескакивали на носовую часть «Викторьез», до уровня которой уже опустилась высокая корма «Арабеллы». Следуя примеру своего вожака, они накинулись на французов, как гончие собаки на загнанного оленя. А вслед за смельчаками с «Арабеллы» на борт «Викторьез» бросились все остальные пираты. На палубе тонущего корабля остались только лорд Уиллогби и голландец, продолжавшие наблюдать на боем с четвердека.

Бой длился не более получаса. Начавшись в носовой части корабля, он быстро перекинулся на шкафут. Французы упорно сопротивлялись, ободряя себя тем, что они численно превосходят противника, и ожесточая свои сердца сознанием, что противник их не помиует. Но, несмотря на отчаянную доблесть французов, пираты постепенно оттесняли их к одной стороне палубы, и «Викторьез» под тяжестью пришвартованной «Арабеллы» опасно кренился на правый борт.

Корсары дрались с безумной храбростью людей, знающих, что им некуда отступать и что они должны либо победить, либо погибнуть. И в конце концов им удалось овладеть «Викторьез», хотя эта победа стоила жизни половине экипажа. Уцелевшие защитники «Викторьез», загнанные на четвердек и подгоняемые разъяренным де Риваролем, еще пытались кое-как сопротивляться. А когда де Ривароль упал с простреленной головой, его соотечественники, оставшиеся в живых, бросили оружие и взмолились о пощаде.

Но и после этого люди Блада не могли еще отдохнуть. «Элизабет» и «Медуза», сцепленные абордажными крючьями, представляли собой единое поле боя, и французы уже дважды отбрасывали людей Хагторпа со своего корабля. Хагторпу требовалась срочная помощь. Пока Питт с матросами занимался парусами, а Огл наводил порядок на нижней оружейной палубе, Блад приказал вытащить крюки, чтобы освободить за-

хваченный корабль от тяжелого груза. Лорд Уиллогби и адмирал ван дер Кэйлен уже перешли на «Викторьез», и, когда он сделал поворот, спеша на помощь Хагторпу, Блад, стоя на четвердеке, бросил последний взгляд на «Арабеллу», которая так долго служила ему и стала почти частью его самого. После того как отцепили крюки, «Арабелла» несколько минут покачивалась на волнах, а затем начала медленно погружаться, и вскоре там, где она затонула, остались только маленькие булькающие водовороты над верхушками ее мачт.

Блад молча стоял среди трупов и обломков, не сводя глаз с места исчезновения «Арабеллы». Он не слышал, как кто-то подошел к нему, и опомнился только тогда, когда позади него раздался голос.

— Вот уже второй раз за нынешний день я должен извиняться перед вами, капитан Блад. Никогда еще мне не приходилось видеть, как доблесть делает невозможное возможным и поражение превращает в победу!

Блад резко повернулся, и лорд Уиллогби только сейчас увидел страшный облик капитана. Шлем его был сбит на сторону, передняя часть кирасы прогнута, жалкие обрывки рукава прикрывали обнаженную правую руку, забрызганную кровью. Из-под всклокоченных волос его струился алый ручеек — кровь из раны превращала его черное, измученное лицо в какую-то ужасную маску.

Но сквозь эту страшную маску неестественно ярко блестели голубые глаза, и, смывая кровь, грязь и пороховую копоть, катились по щекам слезы.

Глава XXXI

ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО ГУБЕРНАТОР

Дорого обошлась корсарам эта победа. Из трехсот пиратов, вышедших с Бладом из Картахены, осталось в живых не более ста человек. «Элизабет» получила настолько серьезные повреждения, что едва ли можно было ее отремонтировать. Хагторп, так доблестно сражавшийся в последнем бою, был убит. Но ценой этих потерь корсары, значительно уступавшие французам в численности, своим умением драться и отчаянной храбростью спасли Ямайку от бомбардировки и разграбления, захватив при

этом для короля Вильгельма эскадру де Ривароля и огромные ценности.

Вечером следующего дня запоздавшая эскадра ван дер Кэйлена, в составе девяти кораблей, бросила якорь на рейде Порт-Ройала, и адмирал не замедлил тут же и в соответствующих выражениях сообщить своим голландским и английским офицерам, что он действительно о них думает. Шесть кораблей эскадры немедленно же стали готовиться к новому выходу в море. Новый генерал-губернатор лорд Уиллогби хотел поскорее побывать в нескольких вест-индских колониях, чтобы посмотреть, как они управляются.

— А между тем, — жаловался он адмиралу, — я должен задерживаться здесь из-за этого болвана губернатора!

— Да? — сказал ван дер Кэйлен. — Но пошему этот болван должен вас задерживать?

— Потому что я хочу наказать эту собаку и назначить на его место человека, не только понимающего свои обязанности, но и способного их выполнять.

— Ага! Но зачем вам себя задерживать, когда француз может нападать на плохо защищенный Барбадос? Ви имейт такой шеловек. Для этоко шеловека не надо особой инструкций. Лутше, шем мы с вами, он знайт, как защищать Порт-Ройал.

— Вы иместе в виду Блада?

— Ну да. Кто же может лутше еко подкодить для эта должность? Ви же видели, што он за шеловек.

— Вы тоже так думаете, а? Черт побери! В самом деле, почему нет? Он, дьявол меня раздери, лучше Моргана, а ведь Морган в свое время был назначен губернатором.

Послали за Бладом. Он явился, нарядный и жизнерадостный, так как воспользовался пребыванием в Порт-Ройале, чтобы привести себя в порядок.

Когда лорд Уиллогби сообщил ему о своем предложении, Блад был ошеломлен. Ни о чем подобном он никогда даже и не мечтал, и его сразу же начали обуревать сомнения в своей способности справиться с таким ответственным постом.

— Что это еще за новости? — вспылил Уиллогби. — Разве я мог бы предложить вам этот пост, если бы сомневался, что вы справитесь с ним? Если это ваше единственное возражение...

— Нет, милорд, есть и другие причины. Я мечтал поехать домой. Я соскучился по зеленым улочкам

Англии... — он вздохнул, — и по яблоням в цвету в садах Сомерсета¹⁰².

— «Яблони в цвету»! — Его светлость повысил голос, с явной насмешкой повторяя эти слова. — Что за дьявольщина... «Яблони в цвету»! — Он взглянул на ван дер Кэйлена.

Адмирал приподнял брови и провел языком по толстым губам. По его лицу промелькнула добродушная усмешка.

— Да, — сказал он, — это ошень поэтишно!

Милорд повернулся к капитану Бладу.

— Вам еще надо искупить прошлое пиратство, мой друг, — с улыбкой заметил он. — Кое-что в этом направлении вы уже сделали, проявив немалые свои способности. Вот поэтому-то от имени его величества короля Англии я и предлагаю вам пост губернатора Ямайки. Из всех людей, какие мне известны, я считаю вас наиболее подходящим человеком.

Блад низко поклонился.

— Ваша светлость очень добры. Но...

— Никаких «но»! Хотите, чтобы ваше прошлое было забыто, а будущее обеспечено? Вам представляется для этого блестящая возможность. И не относитесь к моему предложению легкомысленно из-за каких-то яблонь в цвету и прочей sentimentalной дребедени. Ваш долг — остаться здесь хотя бы до окончания войны. А потом вы сможете вернуться в Сомерсет к сидру или в родную вам Ирландию к потину¹⁰³. Пока же примиритесь на Ямайке с ее ромом.

Ван дер Кэйлен громко рассмеялся. Но Блад даже не улыбнулся. Его лицо было спокойно и почти мрачно, потому что он думал сейчас об Арабелле Бишоп. Она была где-то здесь, в этом самом доме, но после его прибытия в Порт-Ройал они еще не виделись. Если бы только она проявила к нему хоть немного сострадания...

Его думы были прерваны лордом Уиллогби, который высоким, пронзительным голосом продолжал бранить его за колебания и несерьезное отношение к открывшейся перед ним замечательной перспективе. Блад, опомнившись, поклонился лорду Уиллогби:

— Вы правы, милорд. Пожалуйста, не считайте меня неблагодарным. Если я и колебался, то только потому, что у меня были другие соображения, которыми я не хочу беспокоить вашу светлость.

— Наверно, опять что-нибудь вроде яблонь в цвету? — презрительно фыркнул его светлость.

На этот раз Блад засмеялся, но в его глазах все еще таилась грусть.

— Я с благодарностью принимаю ваше предложение, милорд, — сказал капитан Блад. — Я постараюсь оправдать ваше доверие и заслужить благодарность его величества. Можете положиться на меня — я буду служить честно.

— О Господи, да если бы у меня не было в этом уверенности, разве я предложил бы вам пост губернатора!

Так был разрешен этот вопрос.

В присутствии коменданта форта Мэллэрда и других офицеров гарнизона лорд Уиллогби выписал Бладу документ о назначении его на пост губернатора и приложил к нему свою печать. Мэллэрд и его офицеры наблюдали за всей этой операцией, выпучив от изумления глаза, но свои мысли держали при себе.

— Ну, теперь мы можем заняться нашими делами, — сказал ван дер Кэйлен.

— Мы отплываем завтра, — объявил его светлость.

Блад очень удивился.

— А полковник Бишоп? — спросил он.

— Теперь вы — губернатор, и это уже дело ваше. Когда он вернется, вы можете поступить с ним по своему усмотрению. Можете вздернуть этого болвана на рее его собственного корабля. Он вполне заслуживает этого.

— Задача не очень приятная, милорд, — заметил Блад.

— Конечно. И вдобавок я оставляю еще для него письмо. Надеюсь, оно ему понравится!

Капитан Блад немедленно приступил к исполнению своих обязанностей.

Прежде всего следовало привести Порт-Ройал в состояние обороноспособности: восстановить разрушенный форт, отремонтировать трофейные французские корабли, которые были уже вытасканы на берег.

Сделав эти распоряжения, Блад собрал своих корсаров и с разрешения лорда Уиллогби передал им одну пятую часть захваченных ценностей.

Он предложил недавним своим соратникам выбор: либо уехать с Ямайки, либо поступить на службу к королю Вильгельму.

Человек двадцать из них решили последовать его примеру. Среди них были Джереми Питт, Огл и Дайк,

для которых, так же как и для Блада, ссылка окончилась после свержения с престола короля Якова. Только они, да еще старый Волверстон, оставшийся в Картахене, и уцелели из той группы осужденных повстанцев, что бежали с Барбадоса на «Синко Льягас».

На следующий день утром, когда эскадра ван дер Кэйлена заканчивала последние приготовления к выходу в море, в просторный кабинет губернатора, где сидел Блад, явился майор Мэллэрд с докладом о том, что на горизонте показалась эскадра полковника Бишоп.

— Очень хорошо, — сказал Блад. — Я рад, что Бишоп возвращается еще до отъезда лорда Уиллогби. Майор Мэллэрд, как только полковник спустится на берег, арестуйте его и доставьте ко мне сюда... Подождите, — сказал он майору и поспешно написал записку. — Немедленно передайте это лорду Уиллогби.

Майор Мэллэрд отдал честь и ушел. Питер Блад, нахмурившись, глядел в потолок, размышляя о странных превратностях судьбы. Его размышления прервал осторожный стук в дверь, и в кабинет вошел пожилой слуга-негр с покорнейшей просьбой к его превосходительству принять мисс Бишоп.

Его превосходительство изменился в лице. Сердце его тревожно забилося и замерло. Он сидел неподвижно, уставившись на негра и чувствуя, что голос у него отнялся, что он не может произнести ни слова, и ему пришлось ограничиться кивком головы в знак согласия принять посетительницу.

Когда Арабелла Бишоп вошла, Блад встал, и если он не был бледен так же, как она, то потому только, что эту бледность скрывал загар. Какое-то мгновение они молча смотрели друг на друга. Затем она пошла ему навстречу и, запинаясь, что было удивительно для такой сдержанной девушки, сказала срывающимся голосом:

— Я... я... майор Мэллэрд сообщил мне...

— Майор Мэллэрд превысил свои обязанности, — прервал ее Блад. Он хотел сказать это спокойно, но именно поэтому его голос прозвучал хрипло и неестественно громко. Заметив, как она вздрогнула, он сразу же решил успокоить ее.

— Вы напрасно тревожитесь, мисс Бишоп. Каковы бы ни были мои отношения с вашим дядей, я не последую его примеру. Я не стану пользоваться своей властью и сводить с ним свои личные счета. Наоборот,

мне придется злоупотребить своей властью, чтобы защитить его. Лорд Уиллоуби требовал отнестись к вашему дяде без всякого снисхождения. Я же собираюсь отослать его обратно на его плантации в Барбадос.

Арабелла прижала руки к груди.

— Я... я рада, что вы так поступите. Рада прежде всего за вас... — И, сделав к нему шаг, она протянула ему руку.

Он недоверчиво взглянул на нее.

— Мне, вору и пирату, не полагается касаться вашей руки, — сказал он с горечью.

— Но вы уже ни тот, ни другой, — ответила Арабелла, пытаясь улыбнуться.

— Да, но, к сожалению, не вас я должен за это благодарить. И на эту тему нам, пожалуй, говорить не стоит. Могу еще заверить вас, что лорду Джулиану Уэйдю меня бояться нечего. Такая гарантия, полагаю, нужна для вашего спокойствия.

— Ради вас — да. Но только ради вас самого. Я не хочу, чтобы вы поступали низко или бесчестно.

— Хотя я — вор и пират? — вырвалось у него.

В отчаянии она всплеснула руками:

— Неужели вы никогда не простите мне этого?

— Должен признаться, мне нелегко это сделать. Но после всего сказанного какос это имеет значение?

На мгновение задумавшись, она посмотрела на него своими чистыми карими глазами, а затем снова протянула ему руку:

— Я уезжаю, капитан Блад. Поскольку вы так добры к моему дяде, я возвращаюсь вместе с ним на Барбадос. Вряд ли мы с вами когда-нибудь встретимся. Может быть, мы расстанемся добрыми друзьями? Я еще раз прошу извинить меня. Может быть... может быть, вы попросаетесь со мной?

Он заставил себя говорить мягче, взял протянутую Арабеллой руку и, удерживая ее в своей руке, заговорил, угрюмо, с тоской глядя на Арабеллу.

— Вы возвращаетесь на Барбадос, и лорд Джулиан едет с вами? — медленно спросил он.

— Почему вы спрашиваете меня об этом? — И она бесстрашно подняла на него глаза.

— Позвольте, разве он не выполнил моего поручения? Или он что-нибудь напутал?

— Нет, он ничего не напутал и передал мне все, как вы сказали. Меня очень тронули ваши слова. Они

заставили меня понять и мою ошибку, и мою несправедливость к вам. Я судила вас слишком строго, хотя вообще-то и судить было не за что.

— А как же тогда лорд Джулиан? — спросил он, продолжая удерживать ее руку в своей и глядя на Арабеллу глазами, блестящими, как сапфиры, на его медного цвета лице.

— Вероятно, лорд Джулиан вернется в Англию. Здесь ему делать нечего.

— Разве он не просил вас поехать с ним?

— Да, просил, и я прощаю вам такой неуместный вопрос.

В нем внезапно пробудилась безумная надежда:

— А вы? О, благодарение небу! Вы хотите сказать... вы отказались... Да? Отказались, чтобы... стать моей женой, когда...

— О! Вы невыносимы! — Она вырвала руку и отпрянула от него. — Мне не следовало приходиться... Прощайте!

Арабелла быстро пошла к двери, но Блад догнал ее и схватил за руку. Лицо девушки залилось румянцем, и она обиженно посмотрела на него:

— Вы ведете себя по-пиратски. Отпустите меня!

— Арабелла! — умоляюще воскликнул он. — Что вы говорите? Разве я могу отпустить вас? Разве я могу позволить вам уехать и никогда больше не видеть вас? Может быть, вы останетесь и поможете мне перенести эту недолгую ссылку, а потом мы уедем вместе?... О, вы плачете! Почему? Что же я сказал такого, чтобы заставить тебя расплакаться, родная?

— Я думала, что ты мне никогда этого не скажешь, — произнесла Арабелла, улыбаясь сквозь слезы.

— Да, но ведь здесь был лорд Джулиан, красивый, знатный...

— Для меня всегда был только ты один, Питер...

Им многое нужно было сказать друг другу. Так много, что губернатор Блад позабыл о всех своих обязанностях. Наконец он добрался до конца своего пути. Его одиссея кончилась.

А тем временем эскадра полковника Бишопа бросила якорь на рейде.

Расстроенный полковник Бишоп сошел на мол, где ему предстояло расстроиться еще больше. Его сопровождал лорд Джулиан Уэйд.

Для встречи Бишопа был выстроен отряд морской

полиции. Перед отрядом стояли майор Мэллэрд и еще два человека, незнакомых губернатору: один — маленький, пожилой, в темно-красном атласном камзоле, а другой — большой, дородный, в камзоле военно-морского покроя.

Майор Мэллэрд подошел к Бишопу.

— Полковник Бишоп! — сказал он. — Я имею приказ о вашем аресте. Вашу шпагу, сэр!

Бишоп побагровел и уставился на него:

— Что за дьявольщина... Вы говорите — арестовать... Арестовать меня?

— По приказу губернатора Ямайки, — сказал элегантно одетый маленький человечек, стоявший позади Мэллэрда.

Бишоп быстро повернулся к нему:

— Губернатора? Вы сошли с ума! — Он взглянул сначала на одного незнакомца, затем на другого. — Но губернатор-то — я!

— Вы были им, — сухо сказал маленький человечек, — но в ваше отсутствие многое изменилось. Вы сняты за то, что покинули свой пост без уважительной причины и тем подвергли опасности колонию, за которую несли ответственность. Это серьезная провинность, полковник Бишоп, как вам придется убедиться. Учитывая, что на этот пост вы были назначены правительством короля Якова, возможно, вам будет предъявлено обвинение в измене. Ваш преемник сам решит вопрос — повесить вас или нет.

Бишоп, у которого почти замерло дыхание, выругался, а затем, дрожа от страха, спросил:

— А кто вы такие, черт побери?

— Я лорд Уиллогби, генерал-губернатор колоний его величества короля Англии в Вест-Индии. Мне кажется, вы должны были получить уведомление о моем прибытии.

У Бишопа мгновенно испарились последние остатки его гнева. Холеное лицо стоявшего позади него лорда Джулиана побелело и вытянулось.

— Но, милорд... — начал было полковник.

— Меня не интересуют ваши объяснения, сэр! — резко прервал его Уиллогби. — Я отплываю, и у меня нет времени вами заниматься. Губернатор выслушает вас и, несомненно, воздаст вам по справедливости. — Он махнул рукой майору Мэллэрду, и охрана повела съездившегося, совершенно поникшего полковника Бишопа.

Вместе с ним пошел лорд Джулиан, которого никто не задерживал. Несколько придя в себя, Бишоп обрел наконец способность говорить.

— Это еще одно добавление к моему счету с этим мерзавцем Бладом! — процедил он сквозь зубы. — Ох, как я разделяюсь с ним, когда мы встретимся!

Майор Мэллэрд отвернулся в сторону, чтобы скрыть улыбку. Молча он отвел арестованного в губернаторский дом, который так долго был резиденцией полковника Бишопа. Оставив полковника под охраной в вестибюле, майор доложил губернатору, что арестованный доставлен. Мисс Бишоп все еще была у Питера Блада, когда вошел Мэллэрд. Его сообщение вернуло их к действительности.

— Ты пощадишь его, Питер? Ради меня! — умоляюще сказала она и вспыхнула, увидев выпученные от удивления глаза майора Мэллэрда.

— Постараюсь, моя дорогая, — ответил Блад, весело взглянув на обалдевшего майора, — но боюсь, что обстоятельства не позволят мне этого.

Смушенная Арабелла, сообразив, что при майоре иного ответа она и не могла услышать, убежала в сад, а майор Мэллэрд отправился за полковником.

— Его высокопревосходительство губернатор сейчас примет вас, — объявил он и широко распахнул дверь.

Полковник Бишоп, шатаясь, вошел в кабинет и остановился в ожидании.

За столом сидел незнакомый ему человек. Видна была только макушка тщательно завитого парика. Потом губернатор Ямайки поднял голову, и его голубые глаза сурово взглянули на арестованного. Полковник Бишоп издал горлом нечленораздельный звук и, остолбенев от изумления, уставился на его высокопревосходительство губернатора Ямайки, узнав в нем человека, за которым он так долго и безуспешно охотился.

Эту сцену лучше всего охарактеризовал ван дер Кэйлен в разговоре с лордом Уиллогби, когда они ступили на палубу флагманского корабля адмирала.

— Это очень поэтично, — сказал он, и в его голубых глазах промелькнул веселый огонек. — Капитан Блад любит поэзию. Ви помните яблок в цвету? Да? Ха-ха!

ХРОНИКА КАПИТАНА БЛЛДА

Роман

Глава I

ХОЛОСТОЙ ВЫСТРЕЛ

В судовом журнале, оставленном Джереми Питом, немалое место уделено длительной борьбе Питера Блада с капитаном Истерлингом, и последний предстает перед нами как некое орудие судьбы, решившее дальнейшую участь тех заключенных, которые, захватив корабль «Синко Льягас», бежали на нем с Барбадоса.

Люди эти могли уповать лишь на милость случая. Изменишь тогда направление или сила ветра, и вся их жизнь могла сложиться по-иному. Судьбу Питера Блада, без сомнения, ршил октябрьский шторм, который загнал десятипушечный шлюп капитана Истерлинга в Кайонскую бухту, где «Синко Льягас» безмятежно покачивался на якоре почти целый месяц.

Капитан Блад вместе с остальными беглецами нашел приют в этом оплоте пиратства на острове Тортуга, зная, что они могут укрыться там на то время, пока не решат, как им надлежит действовать дальше. Их выбор пал на эту гавань, так как она была единственной во всем Карибском море, где им не угрожало стать предмстом докучливых расспросов. Ни одно английское поселение не предоставило бы им приюта, памятуя об их прошлом. В лице Испании они имели заклятого врага, и не только потому, что были англичанами, а главным образом потому, что владели испанским судном.

Ни в одной французской колонии они не могли бы чувствовать себя в безопасности, ибо между правительствами Франции и Англии только что было заключено соглашение, по которому обе стороны взаимно обязались задерживать и препровождать на родину всех беглых каторжников. Оставалась еще Голландия, соблюдавшая нейтралитет. Но Питер Блад считал, что состояние нейтралитета чревато самыми большими неожиданностями, ибо оно открывает полную свободу действий в любом направлении. Поэтому, держась подалее от берегов Голландии, как и от всех прочих населенных мест, он взял курс прямо на остров Тортугу, которым владела французская Вест-Индская компания и который являлся номинально французским, но именно только номинально, а по существу не принадлежал никакой нации, если, конечно, «береговое братство» — так именovali себя пираты — нельзя было рассматривать, как нацию. Во всяком случае, законы Тортуги не вступали в противоречие с законами столь могущественного братства. Французское правительство было заинтересовано в том, чтобы оказывать покровительство этим стоящим вне закона людям, дабы они, в свою очередь, могли послужить Франции, стремившейся обуздать алчность Испании и воспрепятствовать ее хищническим посягательствам на Вест-Индию.

Поэтому беглецы — бунтовщики и бывшие каторжники — почувствовали себя спокойно на борту «Синко Льягас», бросившего якорь у Тортуги, и только появление Истерлинга возмутило этот покой, вынудило их положить конец бездействию и определило тем их дальнейшую судьбу.

Капитан Истерлинг — самый отъявленный негодяй из всех, бороздивших когда-либо воды Карибского моря, — держал в трюме своего судна несколько тонн какао, облегчив от этого груза голландский торговый корабль, возвращавшийся на родину с Антильских островов. Подвиг сей, как ему вскоре пришлось убедиться, не увенчал его славой, ибо слава в глазах этого пирата измерялась ценностью добычи, ценность же добычи была в этом случае слишком ничтожна, чтобы поднять капитана во мнении «берегового братства», бывшего о нем не слишком высокого мнения. Знай Истерлинг, что груз голландского купца столь небогат, он дал бы судну спокойно пройти мимо. Но, взяв его на абордаж, он почел долгом в интересах всей шайки негодяев, служивших под его

командой, забрать хотя бы то, что нашлось. Если на корабле не оказалось ничего более ценного, чем какао, то в этом, конечно, была повинна злая судьба, которая, как считал Истерлинг, преследовала его последнее время, отчего ему с каждым днем становилось все труднее вербовать для себя людей.

Раздумывая над этим и мечтая о великих подвигах, он привел свой шлюп «Бонавентура» в укромную, скалистую гавань Тортуги, как бы самой природой предназначенную служить надежным приютом для кораблей. Отвесные скалы, вздымаясь ввысь, ограждали с двух сторон этот небольшой залив. Проникнуть в него можно было только через два пролива, а для этого требовалось искусство опытного лоцмана. Рука человека продолжила здесь дело природы, воздвигнув Горный форт — грозную крепость, защищавшую вход в проливы. Из этой гавани французские и английские пираты, превратившие ее в свое логово, могли спокойно бросать вызов могуществу испанского короля, к которому они все питали лютую ненависть, ибо это он своими преследованиями превратил их из мирных поселенцев в грозных морских разбойников.

Однако, войдя в гавань, Истерлинг позабыл о своих мечтах — столь удивительным оказалось то, что предстало ему здесь наяву. Это необычайное видение имело форму большого корабля, чей алый корпус горделиво возвышался среди остальных мелких суденышек, словно величавый лебедь в стае гусей. Подойдя ближе, Истерлинг прочел название корабля, выведенное крупными золотыми буквами на борту, а под ним — и название порта, к которому корабль был приписан: «Синго Льягас», Кадис. Истерлинг протер глаза и прочел снова. После этого ему оставалось только теряться в догадках о том, как этот великолепный испанский корабль мог очутиться в таком пиратском гнезде, как Тортуга. Корабль был прекрасен — весь от золоченого украшения на носу, над которым поблескивали на солнце медные жерла пушек, до высокой кормы; прекрасен и могуч, ибо опытный глаз Истерлинга уже насчитал сорок орудий за его задраенными портами.

«Бонавентура» бросил якорь в десяти сажнях от большого корабля в западной части гавани у самого подножия Горного форта, и капитан Истерлинг сошел на берег, спеша найти разгадку этой тайны.

На рыночной площади за молом он смешался с

пестрой толпой. Здесь шумели и суетились торговцы всевозможных национальностей, но больше всего было англичан, французов и голландцев; здесь встречались путешественники и моряки самого различного рода; флибустьеры¹, все еще остававшиеся таковыми, и флибустьеры, уже откровенно превратившиеся в пиратов; здесь были лесорубы, ловцы жемчуга, индусы, негры-рабы, мулаты — торговцы фруктами и множество других представителей рода человеческого, которые ежедневно прибывали в Кайонскую бухту — одни, чтобы поторговать, другие, чтобы просто поклониться. Истерлинг без труда отыскал двух хорошо осведомленных прошелыг, и те охотно поведали ему необычайную историю благородного кадисского судна с кучкой беглых каторжников на борту, бросившего якорь в Кайонской бухте.

Истерлинга рассказ этот не только позабавил, но и ошеломил. Он пожелал получить более подробные сведения о людях, принимавших участие в этом неслыханном предприятии, и узнал, что их всего десятка два, не больше, и что все они — политические преступники-бунтовщики, сражавшиеся в Англии на острове Монмута и не попавшие на виселицу только потому, что вест-индским плантаторам требовались рабы. Ему доложили все, что было известно и об их вожаке Питере Бладе. Прежде он был врачом, сообщили ему, и добавили еще кое-какие подробности.

Шел слух, что Питер Блад хочет вернуться к профессии врача и потому решил вместе с большинством своих сподвижников при первой возможности отвести корабль обратно в Европу. Лишь кое-кто из самых отчаянных головорезов, неразлучных с морем, выразили желание остаться здесь и примкнуть к «береговому братству».

Вот что услышал Истерлинг на рыночной площади, позади мола, пока его острый взгляд продолжал рассматривать и изучать большой красный корабль.

Будь у него такой корабль, каких бы дел мог он натворить! Перед глазами Истерлинга поплыли видения. Слава Генри Моргана, под командой которого он когда-то плавал и который посвятил его в науку пиратства, померкла бы перед его славой! Несчастные беглые каторжники, надо полагать, будут только рады продать ему этот корабль, уже сослуживший им свою службу, и, верно, не заломят за него слишком высокой цены.

Хватит с них и груза какао, спрятанного в трюме «Бонавентуры».

Капитан Истерлинг погладил свою черную курчавую бороду и улыбнулся. У него-то сразу хватило смекалки сообразить, какие возможности таятся в этом корабле, который уже месяц как стоит здесь на причале у всех на виду. Так, значит, ему и пожить, раз он оказался умнее всех.

И он побрел через весь город мимо невзрачных домишек, по запорошенной коралловой пылью дороге — такой ослепительно белой под ярким солнцем, что глаз человека невольно старался отдохнуть на пятнах тени, ложившихся на дорогу от росших по сторонам ее чахлах пальм.

Он так спешил к своей цели, что прошел мимо таверны «У французского короля», не обратив внимания на тех, кто окликал его с порога, и не зашел выпить стакан вина с веселой и шумной пиратской братией, разодетой причудливо и пестро. Дело влекло его в этот утренний час к господину д'Ожерону, почтенному, любезному губернатору Тортуги, представлявшему в своем лице и французскую Вест-Индскую компанию, и тем самым как бы и саму Францию и с достоинством высокого сановника обдeldывавшему дела сомнительной честности, но несомненной прибыточности для компании.

В красивом белом доме с зелеными ставнями, уютно укpывшемся среди ароматных перечных деревьев и душистых кустарников, губернатор — худощавый, элегантно одетый француз, принеcший в дикие просторы Тортуги отзвук непринужденной галантности Версаля, — оказал капитану Истерлингу церемонно-дружелюбный прием.

Шагнув из спящей белизны улицы в прохладу просторной комнаты, куда свет проникал сквозь узкие щели между планками закрытых ставен, капитан Истерлинг в первое мгновение погрузился, как ему показалось, в кромешную тьму, и лишь постепенно глаза его освоились с полумраком.

Губернатор предложил ему сесть и приготовился его выслушать.

Что касалось груза какао, то этот вопрос не встретил никаких затруднений. Господина д'Ожерона ни в коей мере не интересовало, откуда взялся этот груз. Впрочем, он не питал на этот счет никаких иллюзий, что явствовало из цены, за которую он готов был этот груз приобрести. Он предложил примерно половину

нормальной рыночной стоимости. Губернатор д'Ожерон весьма добросовестно соблюдал интересы французской Вест-Индской компании.

Истерлинг сделал безуспешную попытку поторговаться, поворчал немного, уступил и першел к главному вопросу. Он заявил о своем желании приобрести испанское судно, стоящее в гавани на якоре. Не согласится ли господин д'Ожерон купить это судно от его имени у беглых каторжников, которые, как известно, сейчас им владеют?

Господин д'Ожерон ответил не сразу.

— Но быть может, — сказал он, подумав, — они не захотят его продать.

— Не захотят продать? Помилуй Бог, зачем этим несчастливым оборванцам такой корабль?

— Я лишь высказываю предположение, что и такая возможность не исключена, — заметил д'Ожерон. — Заходите ко мне сегодня вечером, и я дам вам ответ.

Капитан Истерлинг повторил свой визит, как ему было предложено, и застал д'Ожерона не одного. Когда губернатор встал, приветствуя своего гостя, следом за ним поднялся высокий худошавый мужчина лет тридцати с небольшим; на смуглом, как у цыгана, гладко выбритом лице его невольно приковывали к себе внимание синие глаза, смотревшие твердо и пронизательно. Если господин д'Ожерон манерами и платьем заставлял вспомнить Версаль, то его гость невольно приводил на память Аламеда. На нем был дорогой черный костюм испанского покроя, украшенный серебряной пеной пышных кружевных манжет и жабо, и черный парик с локонами до плеч.

Господин д'Ожерон представил незнакомца:

— Вот, капитан, это мистер Питер Блад — он сам ответит на ваш вопрос.

Истерлинг был сильно обескуражен — так не вязалась внешность этого человека с тем обликом, который он заранее себе нарисовал. Капитан подумал было, что все эти красивые испанские одежды украдены, надо полагать, у бывшего командира «Синко Льягас», но тут этот необыкновенный беглый каторжник отвесил ему поклон с изысканной грацией придворного. Однако капитан Истерлинг припомнил еще кое-что.

— Ага! Как же, знаю, вы — доктор! — сказал он и рассмеялся, несколько не к месту.

Питер Блад заговорил. У него был красивый голос;

чуть металлические нотки его смягчались ирландским акцентом. Однако его слова лишь пробудили нетерпеливое раздражение капитана Истерлинга — оказывается, продажа «Синко Льягас» не входила в намерения мистера Блада.

Пират принял угрожающую позу: он стоял перед элегантным Питером Бладом — огромный, волосатый, свирепый, в грубой рубаше и кожаных штанах, в желто-красном цветастом платке, стянутом узлом на коротко стриженной голове. Вызывающим тоном он потребовал у Блада объяснений; по какой причине хочет он удерживать в своих руках корабль, который совершенно не нужен ни ему, ни другим беглым каторжникам, его друзьям.

Ответ Питера Блада прозвучал вежливо и мягко, что лишь усилило презрительное отношение к нему Истерлинга. Мистер Блад готов был заверить капитана Истерлинга, что его предположение несколько ошибочно. Вполне возможно, что беглецы с Барбадоса захотят использовать это судно, чтобы вернуться на нем в Европу — во Францию или в Голландию.

— Быть может, мы не совсем те, за кого вы нас принимаете, капитан. Один из моих товарищей — опытный шкипер, а трое других несли различную службу в английском королевском флоте.

— Ба! — Вся мера презрения Истерлинга выразилась в этом громогласном восклицании. — Вы что, спятили? Это опасная штука — плавать по морю, приятель. А если вас схватят? Такое ведь тоже может случиться! Что вы будете тогда делать с вашей жалкой командой? Об этом вы подумали?

Но Питер Блад был все так же спокоен и невозмутим.

— Если у нас маловато матросов, то вполне достаточно пушек и полновесных ядер. Провести корабль через океан я, быть может, и не сумею, но командовать этим кораблем, если придется принять бой, безусловно могу. Мне преподал эту науку сам де Ритер.

Это прославленное имя на мгновение согнало саркастическую усмешку с лица Истерлинга.

— Ритер?

— Да, я служил под его командованием несколько лет тому назад.

Истерлинг был явно озадачен.

— А я ведь думал, что вы — корабельный врач.

— И врач тоже, — спокойно подтвердил ирландец.

Пират выразил свое удивление по этому поводу в нескольких щедро одобренных богохульствами восклицаниях. Но тут губернатор д'Ожерон нашел уместным положить конец визиту:

— Как видите, капитан Истерлинг, все ясно, и говорить больше не о чем.

По-видимому, все действительно было ясно, и капитан Истерлинг угрюмо откланялся. Однако, раздраженно шагая обратно к молу и ворча себе под нос, он думал о том, что если говорить больше и не о чем, то предпринять кое-что еще можно. Уже привыкнув в воображении считать величественный «Синко Льягас» своим, он отнюдь не был расположен отказать от обладания этим кораблем.

Губернатор д'Ожерон, со своей стороны, также, по-видимому, считал, что к сказанному можно еще кое-что добавить, и сделал это, когда Истерлинг скрылся за дверью.

— Дурной и очень опасный человек Истерлинг, — заметил он. — Советую вам, месье Блад, учесть это.

Но Питер Блад отнесся к предостережению довольно беспечно.

— Вы меня ничуть не удивили. Даже не зная, что этот человек — пират, с первого взгляда я понял, что он негодяй.

Легкое облачко досады затуманило на мгновение тонкие черты губернатора Тортуги.

— О месье Блад, флибустьер не обязательно должен быть негодяем, и, право же, вам не стоит с чрезмерным высокомерием относиться к профессии флибустьера. Среди них немало людей, которые сослужили хорошую службу и вашей родине, и моей, ставя препону алчному хищничеству Испании. А ведь, собственно говоря, оно-то их и породило. Если бы не флибустьеры, Испания столь же безраздельно, сколь и бесчеловечно хозяйничала бы в этих водах, где ни Франция, ни Англия не могут держать своего флота. Не забудьте, что ваша страна высоко оценила заслуги Генри Моргана, почтив его рыцарским званием и назначив губернатором Ямайки. А он был еще более грозным пиратом, чем ваш сэръ Френсис Дрейк, или Хокинс, или Фробишер² и все прочие, чью память у вас на родине чтят до сих пор.

И вслед за этим губернатор д'Ожерон, извлекавший очень значительные доходы в виде морской пошлины со всех награбленных ценностей, попадавших в гавань

Тортуги, в самых торжественных выражениях посоветовал мистеру Бладу пойти по стопам вышеупомянутых героев. Питер Блад, бездомный изгнанник, объявленный вне закона, обладал прекрасным судном и небольшой, но весьма способной командой, и господин д'Ожерон не сомневался, что при недюжинных способностях мистера Блада его ждут большие успехи, если он вступит в «береговое братство» флибустьеров.

У самого Питера Блада также не было на этот счет никаких сомнений; тем не менее он не склонялся к такой мысли. И, возможно, никогда бы и не пришел к ней, сколько бы ни пытались склонить его к этому большинство его приверженцев, не случись тех событий, которые вскоре последовали.

Среди этих приверженцев наибольшую настойчивость проявляли Питт, Хагторп и гигант Волверстон, потеврявший глаз в бою при Сегморе. Бладу, конечно, легко мечтать о возвращении в Европу, толковали они. У него в руках хорошая, спокойная профессия врача и он всегда заработает себе на жизнь и во Франции, и в Нидерландах. Ну, а они — моряки и ничего другого, кроме мореходства, не знают. Да и Дайк, который до того, как погрузиться в политику и примкнуть к бунтовщикам, служил младшим офицером в английском военном флоте, держался примерно того же мнения, а Огл, канонир, требовал, чтобы какой-нибудь бог, или черт, или сам Блад сказали ему, есть ли во всем британском адмиралтействе такой дурак, что решится доверить пушку человеку, сражавшемуся под знаменами Монмута.

Было ясно, что у Питера Блада оставался только один выход — распрощаться с этими людьми, с которыми сроднили его перенесенные вместе опасности и невзгоды. Именно в этот критический момент судьбе и было угодно избрать своим орудием капитана Истерлинга и поставить его на пути Питера Блада.

Три дня спустя после свидания с Бладом в доме губернатора капитан Истерлинг подплыл утром в небольшой шлюпке к «Синко Льягас» и поднялся на борт. Грозно шагая по палубе, он поглядывал своими острыми темными глазками по сторонам. Он увидел, что «Синко Льягас» не только отменно построенный корабль, но и содержится в образцовом порядке. Палубы были надраены, такелаж в безупречном состоянии, каждый предмет находился на положенном месте. Мушкеты стояли в

козлах возле грот-мачты, и все медные части и крышки портов ослепительно сверкали в лучах солнца, отливая золотом. Как видно, эти беглые каторжники, из которых Блад сколотил свою команду, были не такими уж рохлями.

А вот и сам Питер Блад собственной персоной — весь в черном с серебром, что твой испанский гранд; он снимает свою черную шляпу с темно-красным плюмажем и отвешивает такой низкий поклон, что локоны его черного парика, раскачиваясь из стороны в сторону, как уши спаниеля, почти закрывают ему лицо. Рядом с ним стоит Натаниель Хагторп, очень приятный с виду господин, примерно такого же возраста, как сам Блад; у него чисто выбритое лицо и спокойный взгляд благовоспитанного человека. Позади них — еще трое: Джереми Питт, молодой, светловолосый шкипер из Сомерсетшира; коренастый здоровяк Николас Дайк, младший офицер морского флота, служивший королю Якову, когда тот был еще герцогом Йоркским, и гигант Волверстон.

Все эти господа отнюдь не походят на оборванцев, какими поспешно нарисовало их себе воображение Истерлинга. Даже дородный Волверстон облек свои могучие мышцы для такого торжественного случая в испанскую мишуру.

Представив их своему гостю, Питер Блад пригласил капитана «Бонавентуры» в капитанскую каюту, огромные размеры и богатое убранство которой превосходили все, что Истерлингу приходилось когда-либо видеть на судах.

Негр-слуга в белой куртке — юноша, взятый в услужение на корабль с Тортуги, — подал, помимо обычных рома, сахара и свежих лимонов, еще бутылку золотистого канарского вина из старых запасов судна, и Питер Блад радушно предложил непрошеному гостю отведать его.

Помня предостережение губернатора д'Ожерона, Питер Блад почел за лучшее принять опасного гостя со всей возможной учтивостью, рассчитывая отчасти на то, что, почувствовав себя свободно, Истерлинг, быть может, скорее раскроет свои коварные замыслы.

Развалившись в изящном мягком кресле перед столом из черного дуба, капитан Истерлинг щедро воздавал должное канарскому вину, столь же щедро его похваливая. Затем он перешел к делу и спросил Питера

Блада, не переменил ли он по зрелом размышлении своего решения и не продаст ли он судно.

— А если согласитесь продать, — добавил он, скользнув взглядом по лицам четырех товарищей Блада, — так увидите, что я не поскуплюсь, поскольку эти денежки вам придется поделить на всех.

Если капитан Истерлинг рассчитывал таким способом произвести впечатление на остальных собеседников, то следует отметить, что невозмутимое выражение их физиономий несколько его разочаровало.

Питер Блад покачал головой.

— Вы напрасно утруждаете себя, капитан. Какое бы мы ни приняли решение, «Синко Льягас» останется у нас.

— Какое бы вы ни приняли решение? — Густые черные брови на низком лбу удивленно поползли вверх. — Значит, вы еще не решили отплыть в Европу? Что ж, тогда я сразу перейду к делу и, раз вы не хотите продать судно, сделаю вам другое предложение. Давайте-ка вы с вашим кораблем присоединяйтесь к моей «Бонавентуре», и мы сообща сварганим одно дельце, которое будет не безделицей. — И капитан, очень довольный своим плоским каламбуром, оглушительно расхохотался, блеснув белыми зубами в обрамлении курчавой черной бороды.

— Благодарю вас за честь, но мы не собирались заниматься пиратством.

Истерлинг не обиделся, но и бровью не повел. Только взмахнул огромной ручищей, словно отметая нелесное предположение.

— Я вам не пиратствовать предлагаю.

— Что же тогда?

— Могу я вам довериться? — спросил он, и его взгляд снова обежал все лица.

— Как вам будет угодно, но боюсь, что при любых условиях вы только даром потратите время.

Это звучало не слишком обнадеживающе. Тем не менее Истерлинг приступил к делу.

Известно ли им, что он плавал вместе с Морганом? Совместно с Морганом он проделал большой переход через Панамский перешеек, и ни для кого не секрет, что когда подошло время делить добычу, унесенную ими из разграбленного испанского города, она оказалась куда меньше, чем рассчитывали пираты. Поговаривали, что Морган произвел дележку не по чести, что он

успел заранее припрятать у себя большую часть захваченных сокровищ. Так вот, все это говорили недаром: он, Истерлинг, может поручиться. Морган в самом деле припрятал тайком жемчуга и драгоценных камней из Сан-Фелипе на баснословную сумму. Но когда об этом поползли слухи, он струсил. Побоялся, что припрятанные у него сокровища найдут, и тогда ему крышка. И однажды ночью, когда они шли через перешеек, он где-то на полпути зарыл в землю присвоенные им драгоценности.

— И только один человек на свете знал об этом, — заявил капитан Истерлинг напряженно внимавшим ему слушателям (а подобное сообщение могло заинтересовать кого угодно). — Знал тот, кто помогал ему все это зарывать, — одному-то ему во век бы не справиться. Так вот, этим человеком был я.

Истерлинг помолчал, дабы грандиозность сделанного им сообщения поглубже проникла в сознание слушателей, и заговорил снова.

Он предложил беглецам отправиться вместе с ним на «Синко Льягас» в экспедицию за сокровищами, которые они потом поделят между собой по законам «берегового братства».

— Морган зарыл там ценностей самое малое на четыре миллиона реалов³.

Подобная сумма заставила всех слушателей широко раскрыть глаза. Всех, даже самого капитана Блада, впрочем, совсем по иной причине.

— Право же, это очень странно, — задумчиво произнес он.

— Что кажется вам странным, мистер Блад?

Капитан Блад ответил вопросом на вопрос:

— Сколько у вас людей на борту «Бонавентуры»?

— Да что-то около двух сотен.

— И несмотря на это, двадцать человек моей команды представляют для вас такой интерес, что вы нашли для себя возможным обратиться ко мне с подобным предложением?

Истерлинг загоготал прямо ему в лицо.

— Я вижу, что вы ничего не понимаете. Люди мне не нужны, мне нужно хорошее крепкое судно, чтобы надежно поместить на нем наше сокровище. В трюме такого корабля, как ваш, оно будет спокойненько лежать себе, как в крепости, и тогда плевать я хотел на все испанские галионы, пусть они лучше ко мне не суются.

— Черт побери, теперь мне понятно, — сказал Волверстон, а Питт, Дайк и Хагторп согласно закивали головами.

Но холодные синие глаза Питера Блада все так же, не мигая, смотрели на грузного пирата, и выражение их не изменилось.

Истерлинг надул щеки и сделал широкий жест своей огромной лапищей.

— А какую дележку предлагаете вы?

— Мы должны это обсудить. Но, во всяком случае, наша доля не может быть меньше одной пятой.

Лицо пирата осталось непроницаемым. Он молча поклонил повязанную пестрым платком голову. Потом сказал:

— Притащите этих ваших приятелей завтра ко мне на «Бонавентуру», мы пообедаем вместе и составим соглашение.

Секунды две Питер Блад, казалось, был в нерешительности. Затем он принял приглашение, учтиво за него поблагодарив.

Но когда пират отбыл, капитан поспешил охладить пыл своих сподвижников.

— Меня предупреждали, что Истерлинг — человек опасный. Думаю, что ему польстили. Опасный человек должен быть умн, а капитан Истерлинг этим качеством не обладает.

— Сдается мне, ты что-то блажишь, Питер, — заметил Волверстон.

— Я просто стараюсь разгадать, зачем понадобилось ему заключать союз с нами, и раздумываю над тем объяснением, которое он этому дал. Вероятно, он просто не мог придумать ничего лучшего, когда ему был поставлен вопрос в упор.

— Так оно же, проще простого, — решительно вмешался Хагторп. Ему казалось, что Питер Блад зря усложняет дело.

— Проще простого! — Блад рассмеялся. — Даже чересчур просто, если хотите знать. Проще простого и яснее ясного, пока вы не вдумаетесь в это хорошенько. Да, конечно, на первый взгляд он сделал нам заманчивое, даже блестящее предложение. Только не все то золото, что блестит. Надежный, как крепость, корабль, в трюме которого упрятано на четыре миллиона сокровищ, а мы с вами — его хозяева! Доверчивый же малый этот Истерлинг, слишком доверчивый для мошенника!

Помощники Блада задумались, в глазах их промелькнуло сомнение. Впрочем, Питт все еще оставался при своем мнении.

— У него нет другого выхода, и он верит в нашу честность, знает, что мы не обманем.

Питер Блад смотрел на него с усмешкой.

— Не думаю, чтобы человек с такими глазами, как у этого Истерлинга, мог верить во что-нибудь, кроме захвата. Если он действительно хочет спрятать свое сокровище на нашем корабле (а тут, мне кажется, он не врёт), то это значит, что он намерен завладеть и самим кораблем. Поверит он нам, как же! Разве может подобный человек, для которого не существует понятия чести, поверить, что мы не ускользнем от него однажды ночью, после того как примем его сокровища на борт, или даже попросту не потопим его шлюп, обстреляв его из наших орудий? Ты мне смешон, Джереми, со своими рассуждениями о чести.

Однако и Хагторпу еще не все было ясно.

— Ладно. Тогда зачем понадобилось ему искать этого союза с нами?

— Да он же сам сказал зачем. Ему нужен наш корабль! То ли для перевозки сокровища, если оно действительно существует, то ли еще зачем-то. Ведь он же пытался сначала купить у нас «Синко Льягас». Да, корабль ему нужен, это совершенно очевидно. А вот мы ему не нужны, и он постарается как можно быстрее от нас избавиться, можете не сомневаться.

И все же перспектива участвовать в дележе моргановского клада была, как заметил Питер Блад, весьма заманчива, и его товарищам очень не хотелось отвергнуть предложение Истерлинга. Стремясь к влскущей их цели, люди часто готовы идти на риск, готовы поверить в возможность удачи. Так было и с Хагторпом, и с Питтом, и с Дайком. Они решили, что Блад предубежден, что его восстановил против Истерлинга губернатор д'Ожерон, а тот мог при этом и преследовать какие-то свои цели. Почему бы, во всяком случае, не пообедать с Истерлингом и не послушать, какие условия он предложит?

— А вы уверены, что он не отравит нас? — спросил Блад.

Ну, уж это он в своей подозрительности хватил через край. Товарищи прямо-таки подняли его на смех. Как это Истерлинг может их отравить, когда он сам

будет пить и есть вместе с ними? Да и чего он этим достигнет? Разве это поможет ему завладеть «Синко Льягас»?

— Разумеется! Поднимается на борт с шайкой своих головорезов и захватит наших ребят, оставшихся без командиров, врасплох.

— Что, что? — вскричал Хагторп. — Здесь, на Тортуге? В этой пиратской гавани? Полно, полно, Питер!

— Ты волен, конечно, рассуждать так. Я же склонен думать совсем обратное. Меня как будто бы никто не считал боязливым, однако я предостерег бы вас всех от такого опрометчивого шага.

Однако мнение большинства было против него. Вся команда загорелась желанием участвовать в походе, когда ей сообщили о том, какое было сделано предложение.

И на другой день, как только пробило восемь склянок, капитан Блад в сопровождении Хагторпа, Питта и Дайка должен был волей-неволей подняться на борт «Бонавентуры». Волверстона оставили наблюдать за порядком на «Синко Льягас».

Истерлинг, окруженный толпой своих головорезов, шумно приветствовал гостей. Вся его команда была на корабле. больше полутораста пиратов расположились на шкафуте, на полубаке и на корме — все до единого с оружием за поясом. Питер Блад мог бы и не обращать внимания своих спутников на эту странность: зачем пираты забрались на корабль, вместо того чтобы, как повелось, сидеть себе в тавернах на берегу? Все трое товарищей Блада уже и сами отметили про себя это подозрительное обстоятельство. Не укрылись от них и ядовитые ухмылочки этих негодяев, и у каждого мелькнула мысль, не был ли, в конце концов, прав Питер Блад в своих опасениях и не попались ли они в западню.

Но отступать было поздно. На полукате, возле трапа, ведущего в каюту, стоял капитан Истерлинг, встречая гостей.

Питер Блад приостановился на мгновение и поглядел на ясное голубое небо и верхушки мачт, над которыми кружили чайки. Потом перевел взгляд на серую твердыню форта, утопавшую в жарком мареве на вершине скалы, на мол, пустынный в эти часы полуденного зноя, и, наконец, на большой красный корабль, мощный и величественный, отраженный в сверкающей глади залива.

Его товарищам показалось, что он словно бы ищет, с какой стороны может прийти к ним помощь в случае нужды... Затем по приглашению Истерлинга Питер Блад ступил на полутемный трап, и его товарищи последовали за ним.

Каюта, как и весь корабль, запущенный и грязный, ни в коей мере не походила на капитанскую каюту «Синко Льягас». Потолок был так низок, что рослые Блад и Хатторп едва не касались его головой. Столь же убога была и обстановка каюты: несколько ларей с брошенными на них подушками вокруг простого, некрашеного стола, изрезанного ножами, давно не мытого. Невзирая на распахнутые настежь кормовые окна, воздух в каюте был спертым и удушливым: пахло канатами, затхлой трюмной водой.

Обед соответствовал обстановке. Свинина была пережарена, овощи переварены, и деликатный желудок мистера Блада положительно отказывался принимать эту с отвращением проглоченную пищу.

Под стать всему остальному была и приглашенная Истерлингом компания. С полдюжины головорезов изображали его почетную гвардию. Команда избрала их, заявил Истерлинг, чтобы они выработали и подписали соглашение от лица всех прочих. Помимо них, здесь было еще одно лицо — молодой француз, по имени Жуанвиль, секретарь губернатора д'Ожерона, присланный последним, дабы придать сделке законность. Если присутствие этого довольно никчемного субъекта с бесцветными глазками должно было в какой-то мере усыпить подозрения мистера Блада, то следует сказать, что оно только сильнее его насторожило.

Тесная каюта была заполнена до отказа. Гвардия Истерлинга расположилась за столом так, что гости с «Синко Льягас» оказались разьединенными. Питер Блад и капитан «Бонавентуры» уселись на противоположных концах стола.

К делу приступили, как только с обедом было покончено, и прислуживавший за столом негр удалился. Пока же длилась трапеза, пираты веселились на свой лад, отпуская соленые шутки, видимо претендующие на остроумие. Наконец на столе не осталось ничего, кроме бутылок, чернильницы, перьев и двух листов бумаги — одного перед Истерлингом, другого перед Питером Бладом, — и капитан «Бонавентуры» изложил свои условия, впервые позволив себе назвать капитаном и своего гостя.

Без лишних слов он тут же объявил Бладу, что запрошенную им одну пятую долю добычи команда «Бонавентуры» признала непомерной.

Питер Блад оживился.

— Давайте поставим точку над *i*, капитан. Вы, по-видимому, хотите сказать, что ваша команда не согласна на мои условия?

— А как же еще иначе можно меня понять?

— В таком случае, капитан, нам остается только откланяться, поблагодарив за радушный прием и заверив вас, что мы высоко ценим это приятное и столь обогатившее нас знакомство.

Однако изысканная галантность всех этих чрезмерно преувеличенных любезностей не произвела ни малейшего впечатления на толстокожего Истерлинга. Обратив к Питеру Бладу багровое лицо, он нахально уставился на него своими хитрыми глазками и переспросил, утирая пот со лба:

— Откланяться? — В хриплом голосе его прозвучала насмешка. — Я уж тоже попрошу вас выражаться точнее. Люблю людей прямых и прямые слова. Вы что ж, хотите сказать, что отказываетесь от сделки?

И тотчас двое-трое из его гвардии повторили слова своего капитана, которые в их устах прозвучали словно грозное эхо.

Капитан Блад — назовем его теперь полным титулом, присвоенным ему Истерлингом, — казалось, был несколько смущен оборотом дела. Как бы в замешательстве он поглядел на своих товарищей, быть может, ожидая от них совета, но они ответили ему только растерянными взглядами.

— Если вы находите наши условия неприемлемыми, — сказал он наконец, — я должен предположить, что вы не желаете более заниматься этим вопросом, и нам не остается ничего другого, как распрощаться.

Такая неуверенность прозвучала в голосе Питера Блада, что его товарищи были изумлены — никогда еще не случалось им видеть, чтобы их капитан сробел перед какой бы то ни было опасностью. У Истерлинга же его ответ вызвал презрительный смехок — ничего другого он и не ожидал от этого лекаришки, волею случая ставшего искателем счастья.

— Ей-богу, доктор, — сказал он, — вы бы уж лучше вернулись к вашим банкам и пиявкам, а корабли оставили людям, которые знают, как ими управлять.

В холодных синих глазах блеснула молния и мгновенно потухла. Но выражение неуверенности не сбегало со смуглого лица. Тем временем Истерлинг уже обратился к секретарю губернатора, сидевшему по правую руку от него.

— Ну, а вы что скажете, мусью Жуанвиль?

Белокурый, изнеженный французик снисходительно улыбнулся, наблюдая за оробевшим Питером Бладом.

— Не кажется ли вам, капитан Блад, что сейчас было бы вполне своевременно и разумно выслушать условия, которые может предложить капитан Истерлинг?

— Я уже слышал их. Однако, если...

— Никаких «если», доктор, — грубо оборвал его Истерлинг. — Условия мои все те же, какие я вам ставил. Все делим поровну между вашими людьми и моими.

— Но ведь это значит, что на долю «Синко Льягас» придется не больше одной десятой части добычи. — Теперь и Блад, в свою очередь, повернулся к мистеру Жуанвиллю. — Считаете ли вы, месье, такие условия справедливыми? Я уже объяснял капитану Истерлингу, что, хотя на нашем корабле меньше людей, зато у нас больше пушек, а приставлен к ним, смею вас заверить, такой канонир, какой еще никогда не бороздил вод Карибского моря. Этого малого зовут Огл, Нед Огл. Замсчательный канонир этот Нед Огл. Не канонир, а сущий сатана. Поглядели бы вы, как он топил испанские суда у Бриджтауна!..

Казалось, он еще долго мог бы распространяться о достоинствах канонира Неда Огла, если бы Истерлинг снова не прервал его:

— Черт побери, приятель, да на что нам сдался этот канонир! Подумаешь, велика важность!

— Да, конечно, если бы это был обыкновенный канонир. Но это совсем необыкновенный канонир. У него необычайно меткий глаз. Такой канонир, как Нед Огл, — это все равно что поэт. Один рождается поэтом, другой — канониром. Он так ловко может пустить корабль ко дну, этот Нед Огл, как другой не вырвет и зуба.

Истерлинг стукнул кулаком по столу.

— Да при чем тут ваш канонир?

— Может случиться, что будет при чем. А пока я просто хочу указать вам, какого ценного союзника приобретаете вы в нашем лице. — И Блад снова принялся расхваливать своего канонира. — Он ведь проходил служ-

бу в королевском военно-морском флоте, наш Нед Огл, и это был поистине черный день для королевского военно-морского флота, когда Нед Огл, пристрастившись к политике, стал на сторону протестантов при Седжмуре...

— Да брось ты своего Огла, — зарычал один из офицеров «Бонавентуры» — здоровенный детина по имени Чард. — Брось, не то мы эдак проваландаемся здесь целый день.

Истерлинг, крепко выругавшись, поддержал своего офицера.

Питер Блад отметил про себя, что никто из пиратов даже не пытался скрыть свою враждебность, и с этой минуты их поведение предстало перед ним в ином свете: он понял, к чему они стремятся.

Тут вмешался Жуанвиль:

— Не согласитесь ли вы, капитан Истерлинг, пойти на некоторые уступки? В конце концов доводы капитана Блада по-своему резонны. Он вполне мог бы набрать на корабль команду в сто матросов и тогда получил бы значительно большую долю.

— Тогда, может, она бы ему и причиталась, — последовал грубый ответ.

— Она причитается мне и теперь, — продолжал настаивать Блад.

— Ну да, как же! — получил он в ответ вместе с щелчком пальцами перед самым носом.

Блад видел, что Истерлинг нарочно старается вывести его из себя, чтобы затем наброситься на него вместе со своими разбойниками и тут же на месте прирезать и его, и всех его товарищей. А месье Жуанвиля он заставит потом засвидетельствовать перед губернатором, что его гости первые затеяли ссору. Ему стало теперь ясно, для чего понадобилось Истерлингу присутствие здесь этого французика!

А Жуанвиль тем временем продолжал увещевать:

— Полноте, полноте, капитан Истерлинг! Так вы никогда не достигнете соглашения. Судно капитана Блада представляет для вас интерес, а за такие вещи следует платить. Вы, мне кажется, могли бы предложить ему хотя бы одну восьмую или даже одну седьмую долю.

Прикрикнув на Чарда, который громким ревом выразил свой протест, Истерлинг внезапно заговорил почти вкрадчиво:

— Что скажет на это капитан Блад?

Капитан Блад ответил не сразу, он раздумывал. Затем пожал плечами.

— Что должен я сказать? Как вы сами понимаете, я не могу сказать ничего, пока не узнаю мнения своих товарищей. Мы возобновим наш разговор как-нибудь в другой раз, после того, как я выясню их намерения.

— Что за дьявольщина! — загремел Истерлинг. — Вы что, смеетесь, что ли? Разве вы не привели сюда своих офицеров? Разве они не могут говорить за всех ваших людей, так же, как мои? Что мы здесь решим, то мои ребята и примут. Таков закон «берегового братства». Значит, я имею право ждать того же самого и от вас, объясните-ка ему это, мусью Жуанвиль.

Француз мрачно кивнул, и Истерлинг зарычал снова.

— Мы тут, черт побери, не дети малые... И собрались не в игрушки играть, а договариваться о деле, и вы уйдете отсюда не раньше, чем мы договоримся, будь я проклят.

— Или не договоримся, как легко может случиться, — спокойно проронил капитан Блад. Нетрудно было заметить, что всю его нерешительность уже как рукой сняло.

— Как это — не договоримся? Какого дьявола, что это еще значит? — Истерлинг вскочил на ноги, всем своим видом изображая величайшую ярость, которая Питеру Бладу показалась несколько напускной — словно некий дополнительный штрих разыгравшейся здесь комедии.

— Я имею в виду самую простую вещь: мы можем и не договориться. — По-видимому, Блад решил, что пришло время заставить пиратов раскрыть свои карты. — Если мы с вами не придем к соглашению, что ж, значит, с этим покончено.

— Ого! Покончено, вот как? Нет, пусть меня повесят! На этом не кончится, а, пожалуй, только начнется.

— Это я и предполагал. Что же именно начнется, не угодно ли вам будет пояснить, капитан Истерлинг?

— В самом деле, капитан! — вскричал Жуанвиль. — Что вы имеете в виду?

— Что я имею в виду? — Капитан Истерлинг воззрился на француза. Казалось, он был вне себя от бешенства. — Что? — повторил он. — А вот что, послушайте, мусью. Этот докторишка Блад, этот беглый каторжник, хотел выпытать у меня тайну моргановского клада и нарочно притворился, будто решил войти со мной в дело. А

теперь, когда все выпытал, начинает, как видите, от-вливать, бьет отбой. Теперь уж он вроде как и не хочет входить с нами в долю. Он хочет пойти на попятный. Мне думается, вам, мусью Жуанвиль, должно быть ясно, почему он хочет пойти на попятный, и нетрудно догадаться, почему я не могу этого допустить.

— Какое жалкое измышление! — насмешливо произнес Блад. — Что за тайна мне открыта, помимо пустых рассказней о каком-то где-то зарытом кладе?

— Нет, не «где-то», а вы знаете где. Я свалил дурака, все вам открыл.

Блад искренне расхохотался, чем даже напугал своих товарищей, которые теперь уже ясно видели, что дело принимает для них худой оборот.

— Ну да, где-то на Дарьенском перешейке! Весьма точный адрес, клянусь честью! При наличии таких сведений мне остается только отправиться прямо на место и забрать клад себе! А что касается всего остального, то я прошу вас, месье Жуанвиль, обратить внимание на то, что «отвливать» здесь начал вовсе не я. Я еще мог бы заключить сделку с капитаном Истерлингом, если бы, как было мною предложено с самого начала, нам гарантировали одну пятую добычи. Но теперь, после того как все мои подозрения подтвердились, я не намерен вести с ним никаких дел даже за половину всего его сокровища, если предположить, что оно действительно существует, чего я лично не допускаю.

При этих словах пираты, словно по команде, повскакали с мест, готовые к драке. Поднялся дикий шум, но Истерлинг, взмахнув рукой, заставил всех приумолкнуть. Когда шум стих, раздался тоненький голосок месье Жуанвиля:

— Вы на редкость неблагоразумный человек, капитан Блад.

— Все может быть, все может быть, — беспечно сказал Блад. — Поживем — увидим. Последнее слово еще не сказано.

— Ну, значит, пора его сказать, — возвестил Истерлинг; он внезапно стал зловеще спокоен. — Я хотел предупредить вас, что раз вам известен наш секрет, вы не уйдете с этого судна, пока не подпишете соглашения. Но какие уж тут предупреждения, когда вы открыто показали нам свои намерения.

Не вставая из-за стола, капитан Блад поднял глаза

на грузную фигуру капитана «Бонавентуры», стоявшего в угрожающей позе, и трое его помощников с «Синго Льягас» заметили с недоумением и тревогой, что он улыбается. Сначала он был необычайно нерешителен и робок, а теперь вел себя так непринужденно, так вызывающе! Понять его поведение было невозможно. Он молчал, и заговорил Хагторп:

— Что вы хотите этим сказать, капитан Истерлинг? Каковы ваши намерения?

— А вот каковы: заковать всех вас в кандалы и бросить в трюм, где вы не сможете никому причинить вреда.

— Помилуй Бог, сэр... — начал было Хагторп, но тут его прервал спокойный, ясный голос капитана Блада:

— И вы, месье Жуанвиль, допустите такой произвол, не выразив со своей стороны протеста?

Жуанвиль развел руками, выпятив нижнюю губу, и пожал плечами.

— Вы сами прямо напрашивались на это, капитан Блад.

— Так вот, значит, для чего вы присутствуете здесь — чтобы сделать соответствующее сообщение месье д'Ожерону? Ну, ну! — И Блад рассмеялся не без горечи.

И тут внезапно полуденную тишину нарушил гром орудийного выстрела, заставивший вздрогнуть всех. Испуганно закричали всполошившиеся чайки, все с недоумением посмотрели друг на друга, и в наступившей затем тишине прозвучал вопрос Истерлинга, обращенный с тревогой неизвестно к кому:

— Это что еще за дьявольщина?!

Ответил ему капитан Блад, и при том самым любезным тоном:

— Пусть это не тревожит вас, дорогой капитан. Прогремел всего-навсего салют в вашу честь. Его произвел Огл, весьма искусный канонир, с «Синко Льягас». Я, кажется, уже сообщал вам о нем? — И Блад обвел вопросительным взглядом всю компанию.

— Салют? — повторил, как это, Истерлинг. — Чума и ад! Какой еще салют?

— Обыкновенная вежливость — напоминание нам и предостережение вам. Напоминание нам о том, что мы уже целый час отнимаем у вас время и не должны более злоупотреблять вашим гостеприимством. — Капитан Блад поднялся на ноги и выпрямился во весь рост, непринужденный и элегантный в своем черном с сербром

испанском костюме. — Разрешите пожелать вам, капитан, провести остаток дня столь же приятно.

Побагровев от ярости, Истерлинг выхватил из-за пояса пистолет.

— Ты не сойдешь с этого корабля, фигляр несчастный, скоморох!

Но капитан Блад продолжал улыбаться.

— Клянусь, это будет весьма прискорбно для корабля и для всех, кто находится на его борту, включая нашего бесхитростного месье Жуанвиля, который, кажется, и в самом деле верит, что вы выплатите ему обещанную долю вашего призрачного сокровища, если он будет лжесвидетельствовать перед губернатором, дабы очернить меня и оправдать захват вами моего корабля. Как видите, я ничуть не обольщаюсь на ваш счет, мой дорогой капитан. Вы слишком простоваты для негодяя.

Размахивая пистолетом, Истерлинг изрыгал проклятия и угрозы. Однако он не пускал оружия в ход — какое-то смутное беспокойство удерживало его руку: слишком уж хладнокровно насмешлив был капитан Блад.

— Мы напрасно теряем время, — прервал его Блад. — А сейчас, поверьте мне, каждая секунда дорога. Пожалуй, вам следует уразуметь положение вещей. Огл получил от меня приказ: если спустя десять минут после этого салюта я вместе с моими товарищами не покину палубы «Бонавентуры», ему надлежит проделать хорошую круглую дыру в вашем полубаке на уровне ватерлинии и еще столько дыр, сколько потребуется, чтобы пустить ваш корабль ко дну. А потребуется не так уж много. У Огла поразительно точный прицел. Он отлично рекомендовал себя во время службы в королевском флоте. Я, кажется, уже рассказывал вам об этом.

Снова на мгновение воцарилась тишина, и на этот раз ее нарушил месье Жуанвиль:

— Я здесь совершенно ни при чем!

— Заткни свою писклявую глотку, ты, французская крыса! — заревел взбешенный Истерлинг. Продолжая размахивать пистолетом, он обратил свою ярость на Блада: — А ты, жалкий лекаришка!.. Ты, ученый навозный жук! Ты бы лучше орудовал своими банками и пиявками, как я тебе советовал!

Было ясно, что он не остановится перед убийством. Но Блад оказался проворнее. Прежде чем кто-либо успел разгадать его намерения, он схватил стоявшую

перед ним бутылку канарского вина и хватил ею капитана Истерлинга по голове.

Капитан «Бонавентуры» отлетел к переборке. Питер Блад сопровождал его полет легким поклоном.

— Сожалею, — сказал он, — что у меня не оказалось под рукой ни банок, ни пива, но, как видите, кровопускание можно произвести и с помощью бутылки.

Потеряв сознание, Истерлинг грузно осел на пол возле переборки. Повскакав с мест, пираты надвинулись на капитана Блада. Раздались хриплые выкрики, кто-то схватил его за плечо. Но его звучный голос перекрыл шум:

— Берегитесь! Время истекает. Десять минут уже прошло, и либо я и мои товарищи покинем сейчас ваше судно, либо мы все вместе пойдем на дно.

— Во имя всего святого подумайте, что вы делаете! — вскричал Жуанвиль, бросаясь к двери.

Однако один из пиратов, человек практической складки, уже успел, как видно, кое о чем подумать и, схватив Жуанвиля за шиворот, отшвырнул его в сторону.

— Ну, ты! — крикнул он капитану Бладу. — Лезь на палубу и забирай с собой остальных. Да поживее! Мы не хотим, чтобы нас тут потопили, как крыс!

Все четверо поднялись, как им было предложено, на палубу. Вслед им полетели проклятия и угрозы.

Пираты, остававшиеся на палубе, не были, по-видимому, посвящены в намерения Истерлинга, а, быть может, подчинялись отданному кем-то приказу, но, так или иначе, они не препятствовали капитану Бладу и его товарищам покинуть корабль.

В шлюпке, на полпути к кораблю, к Хагторпу вернулся дар речи:

— Клянусь спасением души, Питер, я уже подумал было, что нам крышка.

— Да и я, — с жаром подхватил Питт. — Что ни говори, они могли разделаться с нами в два счета. — Он повернулся к Питеру Бладу, сидевшему на корме. — Ну, а если бы по какой-нибудь причине нам не удалось выбраться оттуда за эти десять минут и Огл и вправду принялся бы палить, что тогда?

— О, — сказал Питер Блад, — главная-то опасность в том и заключалась, что он вовсе не собирался палить.

— Как так, ты же ему приказал!

— Да, вот как раз это я и забыл сделать. Я сказал ему только, чтобы он дал холостой выстрел, когда мы

пробудем на «Бонавентуре» час. Как бы ни обернулось дело, это все равно нам не повредит, подумал я. И, клянусь честью, кажется, не повредило. Фу, черт побери! — Блад снял шляпу и, словно не замечая изумления своих спутников, вытер вспотевший лоб. — Ну и жара! Солнце так и печет.

Глава II

НЕЖДАННАЯ ДОБЫЧА

Капитан Блад любил повторять, что человека следует оценивать не по его способностям задумывать великие предприятия, но по тому, как он умеет распознать удобный случай и своевременно воспользоваться им.

Захватив великолепный испанский корабль «Синко Льягас», Блад доказал, что обладает этими способностями, и подтвердил это еще раз, разрушив замыслы подлого пирата капитана Истерлинга, вознамеривавшегося завладеть этим благородным судном. Однако после того как он сам и его корабль чудом избежали гибели, стало ясно, что воды Тортуги для них опасны. В тот же день на шкафуте был созван совет, и Блад изложил на нем следующую простую философию: когда на человека нападают, ему надо либо драться, либо бежать.

— А поскольку мы не сможем драться, когда на нас нападут, а нападут на нас обязательно, следовательно, нам остается только сыграть роль трусов, хотя бы для того, чтобы остаться в живых и доказать свою храбрость впоследствии.

Все с ним согласились. Однако если и было принято решение немедленно спасаться бегством, то, куда именно бежать, предстояло обдумать позднее. Пока же необходимо было уйти подальше от Тортуги и от капитана Истерлинга, в чьих коварных намерениях сомневаться больше не приходилось. И вот в глухую полночь, звездную, но безлунную, величественный фрегат, бывший некогда гордостью верфей Кадиса, бесшумно поднял якорь и, ловя парусами попутный бриз, используя отлив, повернул в открытое море. Если скрип кабестана, лязганье якорной цепи и визг блоков и выдавали этот маневр Истерлингу, стоявшему на борту «Бонавентуры» в кабельтове от «Синко Льягас», то помешать намерениям Блада он все равно был не в силах.

По меньшей мере три четверти его разбойничьей команды пьянствовали на берегу, и Истерлинг не мог идти на abordаж с пиратами, остававшимися на корабле, хотя их и было вдвое больше, чем матросов на «Синко Льягас». Впрочем, если бы даже все двести человек его команды находились на борту, Истерлинг все равно не сделал бы попытки воспрепятствовать отплытию капитана Блада. Он уже попытался захватить «Синко Льягас» в водах Тортуги с помощью хитрости, однако даже его дерзкая наглость отступила перед мыслью об открытом насильственном захвате корабля в этом порту, тем более что губернатор д'Ожерон был, по-видимому, дружески расположен к Бладу и его товарищам-беглецам.

В открытом море дело будет обстоять иначе, а потом он такую историю сочинит о том, как «Синко Льягас» попал к нему в руки, что никто в Кайоне не сумеет вывести его на чистую воду.

Итак, капитан Истерлинг позволил Питеру Бладу беспрепятственно покинуть порт и был даже доволен его отплытием. Он не торопился кинуться в погоню: излишняя спешка могла выдать его намерения. Истерлинг готовился даже с некоторой медлительностью и поднял якорь лишь на следующий день, ближе к вечеру. Он не сомневался, что сумеет правильно отгадать направление, выбранное Бладом, а превосходство «Бонавентуры» в быстроходности давало ему все основания полагать, что он догонит свою добычу прежде, чем Блад успеет отойти достаточно далеко. Рассуждал он вполне логично. Ему было известно, что на «Синко Льягас» припасов недостаточно для долгого плавания, следовательно, Блад никак не мог направиться прямо в Европу.

Прежде всего Бладу нужно было пополнить запасы провианта, а так как он не посмел бы зайти ни в один английский или испанский порт, выход у него был один: попробовать счастья в какой-нибудь из нейтральных голландских колоний, причем, не имея опытного лоцмана, он вряд ли рискнул бы провести свой корабль среди опасных рифов Багамских островов. Поэтому нетрудно было догадаться, что Блад возьмет курс на Наветренные острова, чтобы зайти на Сен-Мартен, Сабу или Синт-Эстатиус⁴. И вот, не сомневаясь, что он сумеет догнать Блада задолго до того, как тот доберется до ближайшего из этих голландских поселений, расположенных в двухстах лигах⁵ от Тортуги, Истерлинг поплыл на восток вдоль северных берегов Эспаньолы.

Однако все пошло далеко не так гладко, как рассчитывал этот пират. Ветер, вначале попутный, к вечеру задул с востока и за ночь достиг силы шторма, так что на рассвете — зловещем **рассвете**, занявшемся среди багровых туч, — «Бонавентура» не только не продвинулась вперед, но была отнесена на несколько миль в сторону от своего курса. К полудню ветер опять переменился, теперь он дул с севера, и еще сильнее, чем раньше. Над Карибским морем бушевал ураган, и в течение суток «Бонавентура» металась под ударами шквала, убрав все паруса и задрав люки, а грозные волны накатывались на нее с кормы и швыряли с гребня на гребень, как пробку.

Однако Истерлинг был не только упрямым бойцом, но и опытным моряком. Благодаря его умелому управлению «Бонавентура» нисколько не пострадала, и едва улегся шторм и задул устойчивый юго-западный ветер, шлюп вновь кинулся за своей жертвой. Поставив все паруса, «Бонавентура» летела по все еще высокой после шторма волне.

Истерлинг ободрял своих людей, напоминая им, что ураган, задержавший их, несомненно, задержал также и «Синко Льягас», а если попомнить о том, как неопытна команда бывшего испанского фрегата, так, пожалуй, буря и вовсе могла быть на руку «Бонавентуре».

Что уготовила для них буря, им предстояло узнать на следующее же утро, когда за мысом Энганьо они увидели галион, который за дальностью расстояния сочли было сперва за «Синко Льягас», но потом довольно скоро убедились, что это какое-то другое судно. Оно, несомненно, было испанским, о чем свидетельствовала не только массивность его форм, но и флаг Кастилии, развевавшийся под распятием на клотике грот-мачты. Все паруса грот-мачты были зарифлены, и, неся полными только фок, бизань и кливер⁷, галион неуклюже продвигался левым галфиндом⁸ по направлению к проливу Мона.

Завидя этот бурей поврежденный корабль, Истерлинг повел себя, как гончая при виде оленя. «Синко Льягас» на время был забыт. Ведь совсем рядом была куда более легкая добыча.

Наклонившись над перилами юта, Истерлинг принялся поспешно выкрикивать команды. С лихорадочной быстротой с палуб было убрано все лишнее и от носа до кормы натянута сеть на случай, если в предстоящем

бою шальное ядро собьет стеньгу или рей. Чард, помощник Истерлинга, коренастый силач, несмотря на свою тупость, умевший превосходно управлять кораблем и работать абордажной саблей, встал к рулю. Канониры заняли свои места, вытащили свинцовые затычки из запальных отверстий и, держа наготове тлеющие фитили, ожидали команды. Какими бы буйными и своевольными ни были люди Истерлинга в обычное время, перед боем и в бою они свято блюли дисциплину.

Их капитан, стоя на юте, внимательно осматривал испанский корабль, который они быстро нагоняли, и с презрением наблюдал поднявшуюся на его палубе суматоху. Его опытный взгляд сразу определил, что произошло с галионом, и резким гнусавым голосом он сообщил о своих выводах Чарду, стоявшему под ним у штурвала.

— Они шли на родину в Испанию, когда их захватил ураган. Грот-мачта у них треснула, а может, они получили и еще повреждения и теперь возвращаются в Санто-Доминго залечивать раны. — Истерлинг удовлетворенно рассмеялся и погладил густую черную бороду. На багровой физиономии злорадно блеснули темные наглые глаза. — Испанец, который спешит домой, — это лакомый кусочек, Чард. Там будет чем поживиться. Черт побери, наконец-то нам повезло!

Ему действительно повезло. Он давно уже злобствовал, что его шлюп «Бонавентура» не обладает достаточной мощностью, чтобы захватить в Карибском море по-настоящему ценный приз, и по этой-то причине он и стремился завладеть «Синко Льягас». Но, конечно, он никогда не рискнул бы напасть на отлично вооруженный галион, если бы не повреждения, которые лишили испанский корабль возможности маневрировать и стрелять по борту противника.

Галион первым дал залп из орудий левого борта по «Бонавентуре», тем самым подписав себе смертный приговор. «Бонавентура», повернутая к вражескому кораблю носом, был для него плохой мишенью и, если не считать одной пробоины в кубрике, не получила никаких повреждений. Истерлинг ответил залпом из носовых погонных орудий⁹, целя по палубе испанца. Затем, ловко предупредив неуклюжую попытку галиона развернуться, «Бонавентура» подошла к его левому борту, пушки которого были только что разряжены. Раздался треск, тяжелый удар, скрежет перепутавшегося такелажа,

грохот падающих стеньг и стук абордажных кошек, впившихся в обшивку испанца. И вот, сцепившись намертво, оба корабля поплыли вместе, увлекаемые востром, а пираты по команде великана Истерлинга дали залп из мушкетов и, как муравьи, посыпались на палубу галиона. Их было около двухсот человек — озверелых бандитов в широких кожаных штанах; кое-кто был в рубахах, но большинство предпочитало драться голыми по пояс, и обнаженная загорелая кожа, под которой перскатывались мышцы, делала их еще ужаснее с виду.

Им противостояло от силы пятьдесят испанцев в кожаных панцирях и железных шлемах: построившись на шкафуте галиона, словно перед смотром, они спокойно целились из мушкетов, ожидая команды горбоносого офицера в шляпе с развевающимся плюмажем.

Офицер скомандовал, и мушкетный залп на мгновение задержал нападающих. Затем волна пиратов захлестнула испанских солдат, и галион «Санта-Барбара» был взят.

Пожалуй, в ту эпоху в этих морях трудно было отыскать человека более жестокого и безжалостного, чем Истерлинг, и те, кто плавал под его командой, как это обычно случается, старались во всем подражать своему свирепому капитану. Они принялись хладнокровно убивать испанских солдат, выбрасывая трупы за борт, и так же хладнокровно разделились с канонирами на орудийной палубе, несмотря на то, что эти несчастные сдались без сопротивления, в тщетной надежде спасти свою жизнь.

Через десять минут после того, как галион «Санта-Барбара» был взят на абордаж, из его команды остались в живых только капитан дон Ильдефонсо де Пайва, которого Истерлинг оглушил рукояткой пистолета, штурман и четверо матросов, в момент атаки находившихся на мачтах. Этих шестерых Истерлинг решил пощадить, прикинув, что они еще могут ему пригодиться.

Пока его команда сновала по мачтам, освобождая перепутавшиеся снасти обоих кораблей и на скорую руку исправляя поломки, Истерлинг, прежде чем приступить к осмотру захваченного корабля, начал допрашивать дона Ильдефонсо.

Испанец, землисто-бледный, со вздувшейся на лбу шишкой — там, где его поразила рукоятка пистолета, — сидел на ларе в красивой просторной каюте и, хотя руки его были связаны, пытался сохранить надменность,

приличествующую кастильскому гранду в присутствии наглого морского разбойника. Но Истерлинг свирепо пригрозил развязать ему язык с помощью самого незамысловатого средства, именуемого пыткой, после чего дон Ильдефонсо, поняв, что сопротивление бессмысленно, начал угрюмо отвечать на вопросы пирата. Его ответы, как и дальнейшее обследование корабля, показали Истерлингу, что ценность захваченной им добычи превосходила самые смелые его мечты.

В руки этого пирата, в последнее время совсем не знавшего удачи, попало одно из тех сокровищ, о которых мечтали все морские бродяги со времен Фрэнсиса Дрейка. Галион «Санта-Барбара» вышел из Портобело, нагруженный золотом и серебром, доставленным через перешеек из Панамы.

Галион покинул гавань под охраной трех военных кораблей и намеревался зайти в Санто-Доминго, чтобы пополнить запасы провианта, перед тем как плыть к берегам Испании. Но ураган, разбушевавшийся над Карибским морем, разлучил галион с его охраной и загнал с поврежденной грот-мачтой в пролив Мона. Теперь он возвращался назад в Санто-Доминго, надеясь встретиться там со своими спутниками или дожидаться другого каравана, идущего в Испанию.

Когда горевшие алчностью глаза Истерлинга увидели слитки в трюме «Санта-Барбары», он оценил это сокровище примерно в два — два с половиной миллиона рсалов. Подобная добыча может попасть в руки пирата лишь раз в жизни; теперь и он и его команда должны были стать состоятельными людьми.

Однако владение богатством всегда чревато тревогой, и Истерлинг думал сейчас только о том, как бы поскорее доставить свою добычу в безопасное место, на Тортугу.

Он перевел с «Бонавентуры» на галион призовую команду в сорок человек и, будучи не в силах расстаться со своим сокровищем, сам перешел туда вместе с ними. Затем, наспех устранив повреждения, оба корабля повернули обратно. Двигались они медленно, так как шли против ветра, а галион к тому же почти утратил ходкость, и давно уже миновал полдень, когда они вновь увидели на траверзе мыс Рафаэль. Истерлинга тревожила такая близость Эспаньолы, и он собрался было отойти подальше от берега, когда с марса «Сан-

та-Барбары» донесся крик, и вскоре уже все они заметили то же, что и дозорный.

Не далес как в двух милях от них огромный красный корабль огибал мыс Рафазль и шел прямо на них под всеми парусами. Истерлинг, не веря своим глазам, схватил подзорную трубу; сомнений быть не могло, хотя это и казалось невероятным: перед ним был «Синко Льягас» — корабль, за которым он гнался и в спешке, по-видимому, перегнал.

На самом же деле «Синко Льягас» был захвачен бурей вблизи Саманы, и его шкипер, Джереми Питт, укрывшись там за мысом, в безопасном убежище переждал бурю, а затем поплыл дальше.

Истерлинг не стал гадать, каким образом «Синко Льягас» так неожиданно появился перед ним, а просто счел это знаком, подтверждавшим, что фортуна, столь немилостивая к нему прежде, теперь решила осыпать его дарами. Ведь если ему удастся завладеть этим могучим красным кораблем и перенести на него сокровища «Санта-Барбары», он сможет, ничего не опасаясь, немедленно возвратиться на Тортугу.

Нападая на судно, хорошо вооруженное, как «Синко Льягас», но обладающее столь малочисленной командой, разумнее всего было идти прямо на abordаж, и капитану Истерлингу казалось, что для более ходкой и маневренной «Бонавентуры» это не составит труда, тем более что себя он считал опытным моряком, а своего противника — тупоголовым невеждой в морском деле, презренным докторишкой.

Поэтому Истерлинг просигналил Чарду о своих намерениях, и Чард, жаждавший свести счеты с человеком, который уже однажды посмел одурачить их всех, проскользнув ужом у них между пальцами, сделал крутой поворот и приказал своим людям готовиться к бою.

Питт вызвал из каюты капитана Блада, тот поднялся на ют и принялся наблюдать в подзорную трубу за приготовлениями на борту «Бонавентуры». Смысл их стал ему тут же ясен. Конечно, он был морским врачом, но вовсе не таким уж тупоголовым невеждой, каким опрометчиво назвал его Истерлинг. Его служба во флоте де Ритера в те ранние бурные дни, когда он не слишком усердно занимался медициной, помогла ему постичь тактику морских сражений так основательно, как и не снилось Истерлингу. И теперь он был спокоен.

Он покажет этим пиратам, что уроки, преподанные великим флотоводцем, не пропали даром.

Если «Бонавентура» могла рассчитывать на победу, только пойдя на abordаж, то «Синко Льягас» должен был полагаться лишь на свои пушки. Ведь, располагая всего двадцатью способными драться людьми, Блад не мог надеяться на благоприятный исход схватки с противником, который, по его расчетам, десятикратно превосходил их численностью. Поэтому он приказал Питту привести корабль как можно ближе к ветру¹⁰, чтобы затем поставить его против борта «Бонавентуры». На орудейную палубу он послал Огла, бывшего канонира королевского флота, отдав под его начало всю команду, кроме шестерых человек, которым предстояло управлять парусами.

Чард немедленно догадался, что он задумал, и выругался сквозь зубы — ветер благоприятствовал этому маневру Блада. Кроме того, у Чарда были связаны руки — ведь он хотел захватить «Синко Льягас» целым и невредимым, а следовательно, не мог, прежде чем взять его на abordаж, предварительно расстрелять из пушек. К тому же он отлично понимал, что грозит «Бонавентуре», если на «Синко Льягас» сумеют правильно использовать свои дальнобойные крупнокалиберные пушки. А судя по всему, кто бы сейчас ни командовал этим кораблем, ему нельзя отказать ни в умении, ни в решительности.

Тем временем расстояние между кораблями быстро сокращалось, и Чард понял, что должен немедленно что-то предпринять, иначе «Синко Льягас» подойдет на пушечный выстрел со стороны его правого борта. Держать еще круче к ветру он не мог и поэтому повернул на юго-восток, намереваясь описать широкий круг и приблизиться к «Синко Льягас» с наветренной стороны.

Истерлинг наблюдал за этим маневром с палубы «Санта-Барбары» и, не поняв, в чем дело, выругал Чарда дураком. Он принялся осыпать его еще более свирепыми ругательствами, когда увидел, что «Синко Льягас» внезапно сделал левый поворот, словно намереваясь преследовать «Бонавентуру». Чард, однако, только обрадовался этому маневру, и, обрасопив рей¹¹, позволил противнику приблизиться. Затем, вновь забрав ветер всеми парусами, «Бонавентура» галсом бакштаг¹² помчалась вперед, намереваясь описать задуманный круг.

Блад догадался о его намерении и, в свою очередь

обрасопив паруса, занял такую позицию, что «Бонавентура», поворачиваясь на север, неминуемо должна была подставить ему свой борт на расстоянии выстрела его тяжелых орудий. Чтобы избежать этого, Чард был вынужден снова идти на юг.

Истерлинг следил за тем, как оба противника в результате этих маневров уходят от него все дальше, и, побагровев от ярости, в гневе взывал к небесам и преисподней. Он отказывался верить своим глазам: Чард спасается бегством от тупоголового лекаришки! Чард, однако, и не думал бежать. Проявляя отличную выдержку и самообладание, он выжидал удобной минуты, чтобы броситься на бордаж. А Блад с не меньшей выдержкой и упрямством следил за тем, чтобы не предоставить ему этой возможности.

Таким образом, исход дела должна была решить первая же ошибка, допущенная одним из них, и ее совершил Чард. Заботясь только о том, чтобы не подставить свой борт «Синко Льягасу», он забыл о носовых орудиях фрегата и, маневрируя, подпустил его к себе на слишком близкое расстояние. Он понял свой промах в тот миг, когда две пушки внезапно рывкнули у него за кормой и ядра пронизали его паруса. Это взбесило Чарда, и от злости он приказал дать залп из кормовых орудий. Однако орудия эти были слишком малы, и их ядра не достигли цели. Тогда, совсем рассвирепев, Чард повернул «Бонавентуру» так, чтобы дать продольный бортовой залп по противнику в надежде сбить его паруса, после чего, потеряв ход, «Синко Льягас» оказался бы во власти его абордажников.

Однако из-за сильной зыби и большого расстояния его замысел потерпел неудачу, и залп прогремел впустую, оставив лишь облако дыма между ним и «Синко Льягас». Блад тотчас же повернул и разрядил все двадцать орудий своего левого борта в это облако, надеясь поразить скрытый за ним беззащитный борт «Бонавентуры». Этот его маневр также не увенчался успехом, однако он показал Чарду, с кем ему приходится иметь дело, и убедил его, что с таким противником шутки плохи. Тем не менее Чард все-таки решил рискнуть еще раз и быстро пошел на сближение, рассчитывая, что плывущие в воздухе клубы дыма скроют его от врага и он успеет захватить «Синко Льягас» врасплох. Однако для этого маневра требовалось слишком много времени. Когда «Бонавентура» легла на новый курс,

дым уже почти рассеялся, Блад успел разгадать замысел Чарда, и «Синко Льягас», шедший левым галсом, мчался теперь по волнам почти вдвое быстрее «Бонавентуры», которой ветер не благоприятствовал.

Чард снова сделал крутой поворот и бросился вперед, намереваясь пересхватить противника и подойти к нему с ветра. Однако Блад, отдалившийся на расстояние мили, имел в своем распоряжении достаточно времени, чтобы повернуть и в подходящую минуту пустить в ход орудия своего правого борта. Чтобы избежать этого, Чард вновь пошел на юг, подставляя под пушки Блада только корму.

В результате этих маневров оба судна постепенно отошли так далеко, что «Санта-Барбара», на юте которой бесновался, изрыгая ругательства, Истерлинг, уже превратилась в маленькое пятнышко на северном горизонте, и они все еще не вступили в настоящий бой.

Чард проклинал ветер, благоприятствовавший капитану Бладу, и проклинал капитана Блада, так хорошо использовавшего преимущества своей позиции. Тупоголовый лекаришка, по-видимому, прекрасно разбирался в положении вещей и с почти сверхъестественной проницательностью находил ответ на каждый ход своего противника. Изредка они обменивались залпами носовых и кормовых орудий, целясь высоко, чтобы сбить паруса врага, но расстояние было слишком велико, и эти выстрелы не достигали цели.

Питер Блад, стоявший у поручней на юте в великолепном панцире и каске из черной дамасской стали, принадлежавших некогда испанскому капитану «Синко Льягас», чувствовал усталость и тревогу. Хагторп, стоявший рядом с ним в таком же облачении, исполнин Волверстон, для которого на всем корабле не нашлось панциря подходящего размера, и Питт у штурвала — все заметили эту тревогу в его голосе, когда он обратился к ним со следующим вопросом:

— Как долго может продолжаться такая игра в пятнашки? И как бы долго она ни продолжалась, конец все равно может быть только один. Рано или поздно ветер либо спадет либо переменится, или же мы наконец потеряем силы, и тогда в любом случае окажемся во власти этого негодая.

— Но остаются еще неожиданности, — сказал юный Питт

— Да, конечно, и спасибо, что ты напомнил мне

об этом, Джерри. Так возложим свои надежды на какую-нибудь неожиданность, хотя, право же, я не могу себе представить, откуда она может явиться.

Однако эта неожиданность уже приближалась, и даже очень быстро, но один только Блад сумел ее распознать, когда она к ним пожаловала. Длинный западный галс привел их к берегу, и тут из-за мыса Эспада менее чем в миле от них появился огромный вооруженный тяжелыми пушками корабль, который шел круто к ветру, открыв все двадцать пушечных портов своего левого борта; на его клотике развевался флаг Кастилии. При виде этого нового врага иного рода Волверстон пробормотал ругательство, более походившее на всхлипывание.

— Вот нам и пришел конец! — воскликнул он.

— А по-моему, это скорее начало, — ответил Блад, и в голосе его, недавно таком усталом и унылом, послышался смехок. Он быстро и четко отдал команду, которая ясно показала, что он замыслил. — Ну-ка, подымите испанский флаг и прикажите Оглу дать залп по «Бонавентуре» из носовых орудий, когда мы начнем поворот.

Питт переложил руль и под звон напрягшихся снастей и скрип блоков «Синко Льягас» медленно повернул, а над его кормой заплескалось на ветру пурпурно-золотое знамя Кастилии. Через мгновение загрелись две пушки на его носу — вполне бесполезно в одном отношении, но весьма полезно в другом. Их залп яснее всяких слов сказал испанцу, что он видит перед собой соотечественника, который гонится за английским пиратом.

Несомненно, потом придется выдумывать какие-то объяснения, особенно если окажется, что испанцам известна недавняя история «Синко Льягас». Однако давать объяснения им придется лишь после того, как они разделаются с «Бонавентурой», а сейчас Блада заботило только это.

Тем временем испанский корабль береговой охраны из Санто-Доминго, который, неся патрульную службу, был привлечен звуком пушечных залпов в море и, обогнув мыс Эспада, повел себя именно так, как и следовало ожидать. Даже и без флага форма и оснастка «Синко Льягас» явно свидетельствовали о его испанском происхождении, и вместе с тем было ясно и то, что бой он ведет с английским шлюпом. Испанец без малейших колебаний вмешался в схватку и дал бортовой

залп по «Бонавентуре» в тот момент, когда Чард делал поворот, чтобы избежать этой новой и непредвиденной опасности.

Когда шлюп задрожал под ударами по носу и корме и его разбитый бушприт повис на путанице снастей поперек носа, Чардом овладел безумный гнев. Вне себя от ярости он приказал дать ответный залп, который причинил некоторые повреждения испанцу, хотя и не лишил его маневренности. Испанец, охваченный воинственным пылом, повернул так, чтобы ударить по шлюпу пушками правого борта, и Чард, к этому времени уже утративший от злости способность соображать, тоже повернул, стремясь ответить на этот залп или даже предупредить его.

И только уже осуществив этот маневр, сообразил он, что разряженные пушки превратят его в беспомощную мишень для атакующего «Синко Льягас».

Ибо Блад, предугадав этот удобный момент, тотчас встал к шлюпу бортом и дал по нему залп из своих тяжелых орудий. Этот залп с относительно близкого расстояния смел все с палубы «Бонавентуры», разбил иллюминаторы надстройки, а одно удачно пущенное ядро пробило нос шлюпа почти на самой ватерлинии, и волны начали захлестывать пробоину.

Чард понял, что его судьба решена, и с недавшая его злоба стала еще мучительнее, когда он сообразил, какое недоразумение было причиной его гибели. Он увидел испанский флаг над «Синко Льягас» и усмехнулся в бессильной ярости.

Однако тут ему в голову пришла отчаянная мысль, и он спустил флаг, показывая, что сдается. Рискованный расчет Чарда строился на том, что испанец, не зная численности его экипажа, попадется на удочку, подойдет к нему вплотную для высадки призовой партии и, захваченный врасплох, окажется в его власти, а он, завладев таким кораблем, сможет выйти из этой переделки благополучно и с честью.

Однако бдительный капитан Блад предвидел возможность такого маневра и понимал, что в любом случае встреча Чарда с испанским капитаном грозит ему серьезной опасностью. Поэтому он послал за Оглом, и по его приказу искусный канонир ударил тридцатидвухфунтовым ядром по ватерлинии в средней части «Бонавентуры», чтобы усилить уже начавшую течь. Капитан испанского сторожевого корабля, возможно, удивился

тому, что его соотечественник продолжает стрелять по сдавшемуся кораблю, однако это не могло показаться ему особенно подозрительным, хотя, вероятно, и раздосадовало его, так как теперь корабль, который можно было бы взять в качестве приза, неизбежно должен был пойти ко дну.

А Чарду было уже не до размышлений. «Бонавентура» так быстро погружалась в воду, что Чард мог спастись сам и спасти свою команду, только попытавшись выбросить корабль на берег. Поэтому он повернул к мели у подножия мыса Эспада, благодаря Бога за то, что ветер теперь ему благоприятствовал. Однако скорость шлюпа зловеще уменьшалась, хотя пираты, чтобы облегчить его, вышвырнули за борт все пушки. Наконец киль «Бонавентуры» заскрежетал по песку, а волны уже накатывались на его ют и бак, еще остававшийся над водой, как и ванты, почерневшие от людей, искавших на них спасения. Испанец тем временем лег в дрейф, и его паруса лениво полоскались, а капитан с недоумением взирает на то, как в полумиле от него «Синко Льягас» уже повернул на север и начал быстро удаляться.

На борту фрегата капитан Блад обратился к Питту с вопросом, входят ли в его морские познания и испанские сигналы, а если да, то не может ли он расшифровать флаги, поднятые сторожевым кораблем. Молодой шкипер сознался в своем невежестве и высказал предположение, не означает ли это то, что они попали из огня да в полымя.

— Ну, разве можно так мало доверять госпоже фортуне! — заметил Блад. — Мы просто отсалютуем им флагом в знак того, что торопимся заняться каким-то другим делом. По виду мы — истинные испанцы. В этой испанской сбруе нас с Хагторпом не отличишь от кастильцев даже в подзорную трубу. А нам давно пора бы посмотреть, как идут дела у хитроумного Истерлинга. На мой взгляд, пришло время познакомиться с ним поближе.

Если сторожевой корабль и был удивлен тем, что фрегат, которому он помог разделаться с пиратским шлюпом, удаляется столь бесцеремонно, то заподозрить, как в действительности обстоит дело, он все же не мог. И его капитан, рассудив, что фрегат спешит куда-то по своей надобности, да и сам торопясь взять в плен команду «Бонавентуры», не сделал никакой попытки погнаться за «Синко Льягас».

И вот спустя два часа капитан Истерлинг, задержавшийся в ожидании Чарда неподалеку от берега между мысом Рафаэль и мысом Энганьо, с удивлением и ужасом увидел, что к нему стремительно приближается красный корабль Питера Блада.

Он уже давно внимательно и с некоторой тревогой прислушивался к далеким залпам, однако, когда они прекратились, сделал вывод, что «Синко Льягас» захвачен. Теперь же, увидев, как этот фрегат, целый и невредимый, быстро режет волны, он не мог поверить своим глазам. Что случилось с Чардом? «Бонавентуры» не было видно. Неужто Чард совершил какой-то глупейший промах и позволил капитану Бладу утопить себя?

Однако другие куда более неприятные размышления вскоре заслонили эти мысли. Каковы могут быть намерения этого проклятого каторжника-доктора? Будь у Истерлинга возможность пойти на abordаж, он не опасался бы ничего, потому что даже его призовая команда на «Санта-Барбаре» вдвое превосходила численностью экипаж Блада. Но как подвести искалеченный галион вплотную к борту «Синко Льягас», если Блад будет этому препятствовать? Если же после своей схватки с «Бонавентурой» Блад замыслил недоброе, то «Санта-Барбара» станет беспомощной мишенью для его пушек.

Эти соображения, достаточно гнетущие сами по себе, довели Истерлинга до иступления, когда он вспомнил, какой груз лежит в трюме корабля. Как видно, фортуна вовсе не была к нему милостива, а лишь посмеялась над ним, позволив захватить то, что ему не суждено было удержать.

И тут, словно всех этих бед было еще мало, взбунтовалась призовая команда. Предводительствуемые негодяем по имени Ганнинг, отличавшимся почти таким же гигантским ростом и такой же жестокостью, как сам Истерлинг, матросы с яростью обрушились на своего капитана, проклиная его чрезмерную слепую алчность, которая ввергла их в беду: угроза смерти или плена казалась им особенно горькой при мысли о богатстве, доставшемся им на столь краткий срок. Захватив такой приз, Истерлинг не имел права рисковать, кричали матросы, он должен был бы удержать «Бонавентуру» при себе для охраны и не зариться на «Синко Льягас» с его пустыми трюмами. Команда злобно осыпала капитана упреками, на которые он, сознавая их справед-

ливость, мог ответить только ругательствами, что он и не преминул сделать.

Пока длилась эта перепалка, «Синко Льягас» подошел совсем близко, и помощник Истерлинга крикнул ему, что фрегат поднял какие-то сигналы. Это было требование: капитану «Санта-Барбары» предлагалось немедленно явиться на «Синко Льягас».

Истерлинг перетрусил. Его багровые щеки побледнели, толстые губы стали лиловыми. Пусть доктор Блад проваливает ко всем чертям, заявил он.

Однако матросы заверили капитана, что они отправят к чертям его самого, если он не подчинится, и притом без промедления.

Блад не может знать, какой груз везет «Санта-Барбара», напомнил капитану Ганнинг, и, значит, есть еще надежда, что этот каторжник поддастся убеждениям и позволит галиону спокойно продолжать свой путь.

Одна из пушек «Синко Льягас» рывкнула, и над носом «Санта-Барбары» просвистело ядро — это было предупреждение. Его оказалось вполне достаточно. Ганнинг оттолкнул помощника, сам встал у руля и положил корабль в дрейф, показывая, что подчиняется приказу. После этого пираты спустили ялик, куда спрыгнуло шесть гребцов, а затем Ганнинг, угрожая Истерлингу пистолетом, принудил его последовать за ними.

И когда через несколько минут Истерлинг поднялся на шкафут «Синко Льягас», лежащего в дрейфе на расстоянии кабельтова от «Санта-Барбары», в его глазах был ад, а в душе — ужас. Навстречу ему шагнул презренный докторишка, высокий и стройный, в испанском панцире и каске. Позади него стояли Хагторп и еще шестеро человек из его команды. На губах Блада играла чуть заметная усмешка.

— Наконец-то, капитан, вы стоите там, куда так давно стремились, — на палубе «Синко Льягас».

В ответ на эту насмешку Истерлинг только гневно буркнул что-то. Его мощные кулаки сжимались и разжимались, будто ему не терпелось схватить за горло издевавшегося над ним ирландца. Капитан Блад продолжал:

— Никогда не следует зариться на то, что не по зубам, капитан. Вы не первый, кто в результате оказывается с пустыми руками. Ваша «Бонавентура» была прекрасным быстроходным шлюпом. Казалось бы, вы могли быть ею довольны. Жаль, что она больше

не будет плавать. Ведь она затонула или, вернее, затонет, когда поднимется прилив. — Внезапно он спросил резко: — Сколько у вас человек?

Ему пришлось повторить этот вопрос, и лишь тогда Истерлинг угрюмо ответил, что на борту «Санта-Барбары» находится сорок человек.

— А сколько у вас шлюпок?

— Три, считая ялик.

— Ну, этого должно хватить для ваших людей. Прикажите им спуститься в шлюпки, и немедленно, если вам дорога их жизнь. Через пятнадцать минут я открою по галиону огонь и потоплю его. Я вынужден так поступить, потому что у меня не хватит людей, чтобы послать на него призывную команду, а оставить его на плаву — значит позволить вам продолжать разбойничать.

Истерлинг яростно запротестовал, перемежая возражения жалобами. Он указывал на то, какими опасностями грозит ему и его людям высадка на Эспаньолу. Но Блад перебил его:

— С вами обходятся так милосердно, как вы, наверное, никогда не обходились со своими пленниками. Советую воспользоваться моим мягкосердечием. Если же испанцы на Эспаньоле пощадят вас, когда вы там высадитесь, возвращайтесь к своей охоте и копчению свинины — для этого вы годитесь лучше, чем для моря. А теперь убирайтесь.

Но Истерлинг не сразу покинул фрегат. Он стоял, широко расставив сильные ноги, и, покачиваясь, все сжимал и разжимал кулаки. Наконец он принял решение:

— Оставьте мне этот корабль, и на Тортуге, когда я туда доберусь, я уплачу вам четыреста тысяч испанских реалов. По-моему, это для вас выгоднее, чем пустое злорадство, если вы просто высадите нас на берег.

— Поторапливайтесь! — только и ответил ему Блад, но уже более грозным тоном.

— Восемьсот тысяч! — воскликнул Истерлинг.

— А почему не восемь миллионов? — с притворным изумлением спросил Блад. — Обещать их столько же легко, как и нарушать подобное обещание. Я в такой же мере готов положиться на ваше слово, капитан Истерлинг, как поверить, что в вашем распоряжении имеется восемьсот тысяч испанских реалов.

Злобные глаза Истерлинга прищурились. Скрытые черной бородой толстые губы плотно сомкнулись, а

потом слегка раздвинулись в улыбке. Раз ничего нельзя добиться, не открыв секрета, так он промолчит. Пусть Блад утопит сокровище, которое ему, Истерлингу, во всяком случае уже не достанется.

Эта мысль доставила пирату даже какое-то горькое удовлетворение.

— Надеюсь, мы еще когда-нибудь встретимся, капитан Блад, — сказал он с притворной угрюмой вежливостью. — Тогда я вам кое-что расскажу, и вы пожалеете о том, что сейчас творите.

— Если мы с вами когда-нибудь встретимся, не сомневаюсь, что эта встреча послужит поводом для многих сожалений. Прощайте, капитан Истерлинг, и помните, что у вас ровно пятнадцать минут.

Истерлинг злобно усмехнулся, пожал плечами и, резко повернувшись, спустился в ожидавший его ялик, покачивавшийся на волнах.

Когда он сообщил решение Блада своим пиратам, они впали в дикую ярость при мысли, что им предстоит лишиться всей добычи. Их неистовые вопли донеслись даже до «Синко Льягас», заставив Блада, не подозревавшего об истинной причине их возмущения, презрительно усмехнуться.

Он смотрел, как спускали шлюпки, и вдруг с удивлением увидел, что эта разъяренная вопящая толпа внезапно исчезла с палубы «Санта-Барбары». Прежде, чем покинуть корабль, пираты кинулись в трюм, намереваясь увезти с собой хоть частицу сокровищ. Капитана Блада стало раздражать это промедление.

— Передайте Оглу, чтобы он пустил ядро по их баку. Этих негодяев следует поторопить.

Грохот выстрела и удар двадцатичетырехфунтового ядра, пробившего высокую носовую надстройку, заставили пиратов в страхе покинуть трюм и устремиться к шлюпкам. Однако, опасаясь за свою жизнь, они сохраняли некоторое подобие дисциплины — при таком волнении шлюпке ведь ничего не стоило перевернуться.

Мокрыс лопасти весел засверкали на солнце, шлюпки отплыли от галиона и стали удаляться в сторону мыса, до которого было не более двух миль. Едва они отошли, как Блад скомандовал открыть огонь, но тут Хатторп вцепился ему в локоть.

— Погоди-ка! Стойте! Смотрите, там кто-то остался!

Блад с удивлением посмотрел на палубу «Санта-Барбары», потом поднес к глазу подозрную трубу. Он

увидел на корме человека с непокрытой головой, в панцире и сапогах, по виду совсем не похожего на пирата; человек отчаянно размахивал шарфом. Блад сразу догадался, кто это мог быть.

— Наверное, какой-нибудь испанец, которому Истерлинг забыл перерезать глотку, когда захватил галион.

Блад приказал спустить шлюпку и послал за испанцем шестерых людей под командой Дайка, немного знавшего испанский язык.

Дон Ильдефонсо, которого безжалостно оставили погибать на обреченном корабле, сумел освободиться от своих пут и теперь, спустившись на якорную цепь, ожидал приближающуюся шлюпку. Он весь дрожал от радостного волнения: ведь и он сам и его судно с бесценным грузом были спасены! Это внезапное избавление казалось ему поистине чудом. Дело в том, что, подобно капитану сторожевого судна, дон Ильдефонсо, если бы даже и не распознал испанской постройки корабля, так неожиданно пришедшего ему на выручку, все равно решил бы, что перед ним соотечественники, так как на «Синко Льягас» продолжал развеяться испанский флаг.

И вот, не успела еще шлюпка подойти к борту «Санта-Барбары», как испанский капитан, захлебываясь от возбуждения, уже рассказывал Дайку, что произошло с его кораблем и какой груз он везет. Они должны одолжить ему десяток матросов, и вместе с теми шестью, которые заперты в трюме «Санта-Барбары», он сумеет благополучно добраться с сокровищами до Санто-Доминго.

Этот рассказ ошеломил Дайка. Однако он не утратил самообладания. Боясь, что его испанская речь позволит дону Ильдефонсо догадаться об истинном положении вещей, он ответил со всем возможным лаконизмом:

— Буэно*, я передам капитану.

Затем он шепотом приказал гребцам отваливать, чтобы спешно вернуться на «Синко Льягас».

Когда Блад выслушал эту историю и оправился от первого изумления, он расхохотался:

— Так вот что собирался рассказать мне этот негодяй при нашей будущей встрече! Черт побери, я не доставлю ему этой радости!

---

* Хорошо (исп.).

Десять минут спустя «Синко Льягас» пришвартовался к борту «Санта-Барбары».

В отдалении Истерлинг и его команда, заметив этот маневр, опустили весла и, злобно переговариваясь, наблюдали за происходящим. Они уже понимали, что лишились даже предвкушаемого ими жалкого удовольствия видеть, как капитан Блад, ничего не подозревая, топчет бесценное сокровище. Истерлинг вновь разразился проклятиями.

— Кровь и смерть! Я забыл этого чертова испанца в каюте, и он проболтался про золото. Вот к чему приводит милосердие! Если бы я перерезал ему глотку...

Тем временем капитан Блад, которого легко было принять за испанца, если бы не его синие глаза на загорелом лице, на безупречнейшем кастильском языке¹³ объяснял недоумевающему дону Ильдефонсо, почему он поставил «Синко Льягас» борт о борт с его кораблем.

Он не может одолжить матросов «Санта-Барбаре», потому что ему самому не хватает людей. А в таком случае оставить ее на плаву — значит вновь отдать в руки гнусных пиратов, у которых ему удалось ее отбить. И остается только одно: прежде чем потопить галион, перенести на борт «Синко Льягас» сокровища, которые, по словам дона Ильдефонсо, спрятаны в трюме. Он будет счастлив предложить дону Ильдефонсо и шести его уцелевшим матросам гостеприимство на борту «Синко Льягас» и доставить их на Тортугу; или же, если дон Ильдефонсо, что весьма вероятно, этого не пожелает, капитан Блад даст им одну из своих шлюпок, и, выбрав благоприятную минуту, они смогут добраться до берега Эспаньолы.

Хотя в этот день дон Ильдефонсо уже не раз был вынужден удивляться, эта речь показалась ему самой удивительной из всего, что он когда-либо слышал.

— Тортуга! Тортуга! Вы сказали, что плывете на Тортугу? Но зачем? Во имя Бога, кто вы такой?

— Меня зовут Питер Блад, а вот кто я такой — право же, я и сам не знаю.

— Вы англичанин? — в ужасе воскликнул испанец, начиная постигать какую-то долю истины.

— О нет! Я, во всяком случае, не англичанин. — Капитан Блад с достоинством выпрямился. — Я имею честь быть ирландцем.

— Ирландцы и англичане — это одно и то же.

— Отнюдь нет. Между ними нет ничего общего.

Испанец гневно посмотрел на него. Щеки его побледнели, рот презрительно искривился.

— Ирландец вы или англичанин, все равно вы — подлый пират.

Лицо Блада омрачилось, и он вздохнул.

— Боюсь, вы правы, — согласился он. — Я всячески старался этого избежать, но что делать, если судьба настойчиво навязывает мне эту роль и предлагает для подобной карьеры столь великолепное начало?

Глава III

ПОСЛАНЕЦ КОРОЛЯ

Ослепительным майским утром 1690 года в порту Сантьяго острова Пуэрто-Рико появился некий господин в сопровождении негра-слуги, несшего на плече саквояж. Незнакомец был доставлен к пристани в шлюпке с желтого галиона, который стал на рейд, подняв на верхушку грот-мачты испанский флаг. Высадив незнакомца, шлюпка тотчас развернулась и пошла назад к кораблю, где ее подняли и пришвартовали к борту, после чего все праздные зеваки, толпившиеся на молу, сделали вывод, что тот, кто на ней прибыл в порт, не торопится возвращаться на корабль.

Зеваки проводили незнакомца исполненными любопытства взглядами. Впрочем, внешность его вполне оправдывала такое внимание — она невольно приковывала к себе взоры. Даже несчастные полутолые белые рабы, укладывавшие крепостную стену, и испанские конвойные, сторожившие их, и те глазели на незнакомца.

Высокий, стройный, худощавый и сильный, он был одет элегантно, хотя и несколько мрачно, — в черный с серебром испанский костюм. Локоны черного парика свободно падали на плечи; широкополая черная шляпа с черным плюмажем оставляла в тени верхнюю половину лица; обращали на себя внимание твердый, гладко выбритый подбородок, тонкий нос с горбинкой и надменная складка губ. На груди незнакомца поблескивали драгоценные камни, кисти рук утопали в кружевных манжетах, на длинной черной трости с золотым набалдашником развевались шелковые ленты. Он мог бы сойти за щеголя с Аламеды, если бы от всего облика этого человека не веяло недюжинной силой и спокойной

уверенностью в себе. Равнодушное пренебрежение к неистово палящему солнцу, проявляемое незнакомцем в черном одеянии, указывало на железное здоровье, а взгляд его был столь высокомерен, что любопытные невольно опускали перед ним глаза.

Незнакомец осведомился, как пройти к дому губернатора, и командир конвоиров отрядил одного из своих солдат проводить его.

Они миновали площадь, которая ничем бы не отличалась от площади любого маленького городка старой Испании, если бы не пальмы, отбрасывавшие черные тени на ослепительно белую, спекшуюся от зноя землю. За площадью была церковь с двумя шпилями и мраморными ступенями, а за церковью — высокие чугунные ворота, пройдя в которые, незнакомец, следуя за своим провожатым, оказался в саду и по аллее, обсаженной акациями, приблизился к большому белому дому с глубокими лоджиями, утопавшему в кустах жасмина. Слуги-негры в нелепо пышных, красных с желтыми галунами ливреях распахнули перед посетителем дверь и доложили губернатору Пуэрто-Рико, что к нему пожаловал дон Педро де Кейрос — посланец короля Филиппа.

Не каждый день появлялись посланцы испанского короля в этих отдаленных и едва ли не самых незначительных из всех заокеанских владений его католического величества. Вернее сказать, это случилось впервые, и дон Хайме де Вильямарга, необычайно взволнованный этим сообщением, сам еще не понимал, должен ли он приписать свое волнение приливу гордости или страху.

Дон Хайме, обладавший, при своем среднем росте и весьма посредственном интеллекте, непропорционально большой головой и большим животом, принадлежал к числу тех государственных деятелей, которые могли бы оказать наилучшую услугу Испании, отдалившись от нее на возможно большее расстояние, и, быть может, именно в силу этих соображений и было ему уготовано назначение на пост губернатора Пуэрто-Рико. Даже благоговейный страх перед его величеством, посланцем которого явился к нему дон Педро, не мог поколебать неистребимое самодовольство дона Хайме. Важный, напыщенный, принимал он королевского гонца, и холодный, высокомерный взгляд синих глаз дона Педро отнюдь не заставил дона Хайме присмиреть. Пожилой доминикан-

ский монах, высокий и тощий, помогал его превосходительству принимать гостя.

— Сеньор, я вас приветствую. — Могло показаться, что дон Хайме говорит с набитым ртом. — Я уповаю услышать от вас, что его величество решил почтить меня своей великой милостью.

Дон Педро снял шляпу с плюмажем, отвесил поклон и передал шляпу вместе с тростью негру-слуге.

— Я прибыл сюда после некоторых, по счастью благополучно завершившихся, приключений, чтобы сообщить вам монаршую милость. Я только что сошел с борта «Санто Томаса», испытав за время своего путешествия многие превратности судьбы. Теперь корабль отплыл в Санто-Доминго и возвратится сюда за мной дня через три-четыре. А на этот короткий промежуток времени мне придется воспользоваться гостеприимством вашего превосходительства. — Создавалось впечатление, что гость не столько просит оказать ему любезность, сколько заявляет о своих правах.

— Так, так, — соизволил произнести дон Хайме.

Склонив голову набок и важно улыбаясь в седеющие усы, он ждал, когда гость приступит к более подробному изложению послания короля.

Гость, однако, не проявлял торопливости. Он окинул взглядом большую прохладную комнату, роскошно обставленную резной дубовой и ореховой мебелью, доставленной сюда из Старого Света вместе с устилавшими пол коврами и развешанными по стенам картинами, и непринужденно, как человек, привыкший чувствовать себя свободно в любой обстановке, спросил, не разрешат ли ему сесть. Его превосходительство, слегка утратив свою величавость, поспешил предложить гостю стул.

Посланец короля все так же неторопливо, с легкой усмешкой, чрезвычайно не понравившейся дону Хайме, опустился на стул и вытянул ноги.

— Мы с вами в какой-то мере родственники, дон Хайме, — объявил он.

Дон Хайме уставился на него.

— Не имею удовольствия об этом знать.

— Именно поэтому я и спешу уведомить вас. Эти родственные узы возникли в результате вашего брака, сеньор. Я — троюродный брат доньи Эрнанды.

— О! Мой жены! — В тоне его превосходительства явственно прозвучал оттенок пренебрежения к упомянутой выше даме и ее родственникам. — Я обратил внимание

на ваш имя: Кейрос. — Его превосходительству стала теперь ясна причина жесткого акцента дона Педро, от которого страдало его в остальном безупречное кастильское произношение. — Вы, значит, португалец, как донья Эрнанда? — И снова в тоне его превосходительства проскользнуло презрение к португальцам, и особенно к тем из них, кто состоит на службе у короля Испании, в то время как Португалия уже столетия назад восстановила свою независимость.

— Наполовину португалец, разумеется. Моя семья...

— Да, да, — прервал его нетерпеливый дон Хайме. — Так с каким же поручением прислал вас ко мне его величество?

— Ваше нетерпение, дон Хайме, вполне естественно, — с оттенком иронии произнес дон Педро. — Не взыщите, что я позволил себе коснуться семейных дел. Итак, поручение, которое мне дано... Вас, вероятно, не удивит, сеньор, что слуха его величества, да хранит его Бог, — дон Педро благоговейно склонил голову, принудив дону Хайме последовать его примеру, — достигают сообщения не только о вашем прекрасном, весьма похвальном управлении этим островом, именуемым Пуэрто-Рико, но и о большом усердии, проявленном вами в стремлении освободить эти моря от губительных набегов различных морских разбойников, и особенно от английских пиратов, мешающих нашему мореходству и нарушающих мирное течение жизни в наших испанских поселениях.

Да, конечно, дон Хайме не нашел в этом ничего удивительного и неожиданного. Не нашел даже после некоторого размышления. Будучи отпетым дураком, он не догадывался, что из всех испанских владений в Вест-Индии вверенный его попечению остров Пуэрто-Рико является наиболее дурно управляемым. А что до остального, то дон Хайме действительно содействовал очищению вод Карибского моря от пиратов. Совсем недавно, кстати сказать, — и совсем случайно, вынуждены мы добавить, — он весьма существенно помог достижению этой цели, о чем и не замедлил тут же упомянуть.

Задрав подбородок и выпятив грудь, он горделиво рассказывал перед доном Педро, повествуя о своих подвигах. Если его старания оценены по заслугам, это, разумеется, приносит ему глубокое удовлетворение, заметил он. Такое поощрение порождает стремление к дальнейшей усердной службе. Он не желал бы показаться

нескромным, однако по справедливости должен сказать, что под его эгидой остров Пуэрто-Рико процветает. Вот фрай* Алонсо может засвидетельствовать, что это так. Христианская религия насаждена твердой рукой, и ни о какой ереси на Пуэрто-Рико не может быть и речи. А в отношении пиратов им сделано решительно все, что только в его положении возможно, хотя он, разумеется, и желал бы достичь большего. Однако обязанности призывают его находиться на берегу. Обратил ли дон Педро внимание на новые укрепления, которые он здесь возводит? Сооружение их уже близится к концу, и едва ли даже у этого злодея, у самого капитана Блада, хватит теперь наглости нанести ему визит. Он уже показал этому грозному пирату, что с ним шутки плохи. Несколько дней назад кучка головорезов из его пиратской шайки осмелилась высадиться на южном берегу острова. Но люди дона Хайме проявили бдительность. Он сам позаботился об этом. Вооруженный отряд всадников прибыл на место вовремя. Они налетели на пиратов и задали им хорошую трепку. При одном воспоминании об этом дон Хайме начал разбирать смех, и он не выдержал и расхохотался. Дон Педро учтиво рассмеялся вместе с ним и, проявляя вполне уместное любопытство, вежливо пожелал узнать дальнейшие подробности.

— Вы прикончили их всех до единого, разумеется? — поинтересовался он. Тон его вопроса не оставлял сомнения в том, что он исполнен презрения к этим пиратам.

— Пока еще нет. — Его превосходительство, казалось, смаковал предстоящее ему жестокое удовольствие. — Но они все сидят у меня под замком, все шестеро, которых я захватил в плен. Мы еще не решили, как лучше с ними разделаться. Вздернем, вероятно. А может, устроим аутодафе во славу Божию. Они же все еретики, конечно. Мы с фраем Алонсо еще не решили этот вопрос.

— Так, так, — сказал дон Педро, которому разговор о пиратах, как видно, уже прискучил. — Желает ли ваше превосходительство услышать то, что я имею ему сообщить?

Его превосходительство был раздражен этим намеком, призывавшим его прервать свою пространную похвальбу.

---

* Фрай (сокращение исп. *fratre*) — брат (о монахе).

С надутым видом он принужденно отвесил чопорный поклон посланцу его величества.

— Прошу прощения, — произнес он ледяным тоном.

Но надменный дон Педро, казалось, даже не заметил его надутого вида. Он извлек из кармана своего роскошного одеяния сложенный в несколько раз пергамент и небольшой плоский кожаный футляр.

— Прежде всего я должен объяснить вашему превосходительству, почему этот предмет попадает к вам в таком неподобающем состоянии. Я уже имел честь сообщить — но вы, мне кажется, не обратили на это внимания, — что мое путешествие сюда было сопряжено со многими превратностями. По правде говоря, уже одно то, что мне в конце концов удалось все же попасть на этот остров, похоже на чудо. Я сам пал жертвой этого дьявола — капитана Блада. Корабль, на котором я отплыл из Кадиса, был им потоплен неделю назад. Мой двоюродный брат, дон Родриго де Кейрос, сопровождавший меня, попал в руки страшного пирата и в настоящее время находится у него в плену, но я оказался счастливее его — мне удалось бежать. Впрочем, это слишком длинный рассказ, и я не стану утомлять вас описанием всего, что произошло.

— Меня это нисколько не утомит! — вскричал его превосходительство, от любопытства теряя свою чванливость.

Однако дон Педро не пожелал вдаваться в подробности, невзирая на проявленный к ним интерес.

— Нет, нет, как-нибудь потом, если у вас еще не пропадет охота. Не столь уж это существенно. Для вашего превосходительства существенно, главным образом, то, что мне удалось бежать. Меня подобрал корабль «Санто-Томас» и доставил сюда, и я счастлив, что могу выполнить данное мне поручение. — Он протянул губернатору свернутый пергамент. — Я упомянул о моих злоключениях лишь для того, чтобы объяснить вам, как могло случиться, что этот документ так сильно пострадал от морской воды, хотя, впрочем, не настолько, чтобы стать неусудобочитаемым. В этом послании государственный секретарь его величества оповещает вас о том, что нашему монарху, да хранит его Бог, угодно было в знак признания ваших уже упомянутых мною заслуг одарить вас своей высокой милостью, возведя в ранг рыцаря самого высшего ордена — Сантьяго-де-Компостела.

Дон Хайме побледнел, затем побагровел. В неопи-
суемом волнении он взял дрожащей рукой послание и
развернул его. Документ и в самом деле был сильно
подмочен морской водой. Некоторые слова совсем рас-
плылись. На месте титула губернатора Пуэрто-Рико и
его фамилии было водянистое чернильное пятно, а еще
несколько слов и вовсе смыло водой, однако основное
содержание письма, целиком соответствовавшее сообще-
нию дона Педро, явствовало из этого послания с полной
очевидностью и было скреплено королевской подписью,
которая нисколько не пострадала.

Когда дон Хайме оторвал наконец глаза от бумаги,
дон Педро протянул ему кожаный футляр и нажал
пружинку. Крышка отскочила, и глаза губернатора ос-
лепил блеск рубинов, сверкавших, подобно раскинутым
углям, на черном бархате футляра.

— Вот орден, — сказал дон Педро. — Крест Сантьяго-
де-Компостела — самый высокий и почетный из всех
орденов, и вы им награждаетесь.

Дон Хайме с опаской, словно святыню, взял в руки
футляр и уставился на сверкающий крест. Монах,
приблизившись к губернатору, бормотал слова поздрав-
ления. Любой орден был бы высокой и нежданной
наградой для дона Хайме за его заслуги перед испанской
коронай. Но награждение его самым высоким, самым
почетным из всех орденов превосходило всякое вероятие,
и губернатор Пуэрто-Рико на какое-то мгновение был
совершенно ошеломлен величием этого события.

Однако через несколько минут, когда в комнату
вошла очаровательная молодая дама, изящная и хрупкая,
к дону Хайме уже вернулись его обычное самодовольство
и самоуверенность.

Увидав элегантного незнакомца, тотчас поднявшегося
при ее появлении, дама в смущении и нерешительности
замерла на пороге. Она обратилась к дону Хайме:

— Извините. Я не знала, что вы заняты.

Дон Хайме язвительно рассмеялся и повернулся к
монаху.

— Вы слышите! Она не знала, что я занят. Я —
представитель короля на Пуэрто-Рико, губернатор этого
острова по повелению его величества, а моя супруга
не знает, что я могу быть занят, — она полагает, что
у меня много свободного времени! Это же просто
невообразимо! Однако подойди сюда, Эрнанда, подойди
сюда! — В голосе его звучали хвастливые нотки. —

Взгляни, какой чести удостоил король своего ничтожного слугу. Быть может, хотя бы это поможет тебе понять то, что уже понял его величество, воздав мне должное, в то время как моя супруга оказалась не в состоянии этого сделать, — король оценил по заслугам усердие, с коим несу я бремя моего поста.

Донья Эрнанда робко приблизилась, повинувшись его зову.

— Что это, дон Хайме?

— «Что это!» — насмешливо передразнил дон Хайме свою супругу. — Да всего-навсего вот что! — Он раскрыл перед ней футляр. — Его величество награждает меня крестом ордена Сантьяго-де-Компостела!

Донья Эрнанда чувствовала, что над ней смеются. Ее бледные, нежные щеки слегка порозовели. Но не радость, нет, породила этот румянец, и тоскующий взгляд больших темных глаз не заискрился от удовольствия при виде ордена. Скорее, подумалось дону Педро, донья Эрнанда покраснела от негодования и стыда за своего грубияна мужа, так презрительно и неучтиво обошедшегося с ней в присутствии незнакомца.

— Я очень рада, дон Хайме, — сказала она мягко. Голос ее прозвучал устало. — Поздравляю вас. Я очень рада.

— Ах, вот как! Вы рады? Фрай Алонсо, прошу вас отметить, что донья Эрнанда рада. — В своих насмешках над женой дон Хайме даже не давал себе труда проявлять остроумие. — Кстати, этот господин, доставивший сюда орден, какой-то твой родственник, Эрнанда.

Донья Эрнанда обернулась, снова взглянула на элегантного незнакомца — взглянула как на чужого. Однако она как будто не решалась заявить, что не знает его. Отказаться признать посланца короля, принесшего весть о высокой награде, да еще в присутствии такого супруга, как дон Хайме, — на это решиться нелегко. К тому же род их был очень многочислен, и могли ведь оказаться у нее и такие родственники, с которыми она не была знакома лично.

Незнакомец низко поклонился; локоны парика почти закрыли его лицо.

— Вы едва ли помните меня, донья Эрнанда. Тем не менее, я ваш кузен, и вы, без сомнения, слышали обо мне от другого вашего кузена — Родриго. Я — Педро де Кейрос.

— Вы Педро? Вот как... — Она взглядела в него

более пристально и принужденно рассмеялась. — Я помню Педро. Мы играли вместе, когда были детьми, Педро и я.

В ее голосе прозвучал оттенок недоверия. Но Педро невозмутимо произнес, глядя ей в глаза:

— Вероятно, это было в Сантарене¹⁴?

— Да, в Сантарене. — Его уверенность, казалось, поколебала ее. — Но вы тогда были толстый, маленький крепыш с золотистыми кудрями.

Дон Педро рассмеялся:

— Я немного отошал, пока рос, и мне пришлось по вкусу черный парик.

— Вероятно, от этого глаза у вас неожиданно стали синими. Я что-то не помню, чтобы у вас были синие глаза...

— О Боже праведный, ну не дурочка ли! — не выдержал ее супруг. — Вы же никогда ничего не помните!

Она повернулась к нему, губы ее задрожали, но глаза твердо встретили его насмешливый взгляд. Резкое слово вот-вот готово было слететь с ее губ, но она сдержалась и промолвила очень тихо:

— О нст. Есть вещи, которых женщины не забывают.

— Что касается памяти, — с холодным достоинством произнес дон Педро, обращаясь к губернатору, — то я, со своей стороны, тоже что-то не припомню, чтобы в нашем роду встречались дурочки.

— Значит, черт побери, вам нужно было попасть в Пуэрто-Рико, чтобы сделать это открытие, — хрипло расхохотавшись, отпарировал его превосходительство.

— О! — со вздохом произнес дон Педро. — Мои открытия могут не ограничиться только этим.

Что-то в его тоне не понравилось дону Хайме. Большая голова его заносчиво откинулась назад, брови нахмурились.

— Что вы имеете в виду? — спросил он.

Дон Педро уловил мольбу в темном, влажном взгляде маленькой, хрупкой женщины, стоявшей перед ним. Снисходя к этой мольбе, он рассмеялся и сказал:

— Мне еще, по-видимому, предстоит открыть, где ваше превосходительство соблаговолит поместить меня на то время, пока я вынужден пользоваться вашим гостеприимством. Если мне позволено будет сейчас удалиться...

Губернатор резко обернулся к донье Эрнанде:

— Вы слышали? Ваш родственник вынужден напомнить

нам о наших обязанностях по отношению к гостю. А вам даже в голову не пришло, что вы должны позаботиться о нем.

— Но я же не знала... Мне никто не сказал, что у нас гость...

— Прекрасно. Теперь вы знаете. Обедать мы будем через полчаса.

За обедом дон Хайме пребывал в преотличнейшем расположении духа, иначе говоря, был попеременно то невероятно важен, то невероятно шумлив, и стены столовой то и дело дрожали от его громового хохота.

Дон Педро почти не давал себе труда скрывать неприязнь к нему. Он держался с ним все более холодно и надменно и почти полностью перенес свое внимание на подвергавшуюся насмешкам супругу.

— У меня есть весточка для вас, — сообщил он ей, когда подали десерт. — От кузена Родриго.

— Вот как? — язвительно заметил дон Хайме: — Она будет рада получить от него весть. Моя супруга всегда проявляла необычайный интерес к своему кузену Родриго, а он — к ней.

Донья Эрнанда вспыхнула, но не подняла глаз. Дон Педро легко, непринужденно тотчас пришел ей на выручку.

— В нашей семье все привыкли проявлять интерес друг к другу. Все, кто носит фамилию Кейрос, считают своим долгом заботиться друг о друге и готовы в любую минуту этот долг исполнить. — Говоря это, дон Педро в упор посмотрел на дона Хайме, как бы призывая губернатора лучше вникнуть в скрытый смысл его слов. — И это имеет прямое отношение к тому, о чем я собираюсь поведать вам, кузина Эрнанда. Как я уже имел честь сообщить его превосходительству, корабль, на котором мы с доном Родриго отплыли вместе из Испании, подвергся нападению этого ужасного пирата капитана Блада и был потоплен.

Пираты захватили в плен нас обоих, однако мне посчастливилось бежать...

— Но вы не поведали нам, как вам это удалось, — прервал его губернатор. — Вот теперь расскажите.

Однако дон Педро пренебрежительно махнул рукой.

— Это не столь уж интересно, и я не люблю говорить о себе — мне становится скучно. Но если вы так настаиваете... Нет, как-нибудь в другой раз. Сейчас

я лучше расскажу вам о Родриго. Он узник капитана Блада. Но не поддавайтесь чрезмерной тревоге.

Слова ободрения прились как нельзя более кстати. Донья Эрнанда, слушавшая его затаив дыхание, смертельно побледнела.

— Не тревожьтесь. Родриго здоров, и жизни его ничто не угрожает. Мне из личного опыта известно, что этот страшный человек, этот Блад, не чужд понятию рыцарственности. Он человек чести, хотя и пират.

— Пират — человек чести? — Дон Хайме так и покотился со смеху. — Вот это здорово, клянусь жизнью! Вы мастер говорить парадоксами, дон Педро. А что скажете вы, фрай Алонсо?

Тощий монах угодливо улыбнулся. Донья Эрнанда, побледневшая, испуганная, терпеливо ждала, когда дон Педро сможет продолжать. Дон Педро сдвинул брови.

— Парадокс не во мне, парадоксален сам капитан Блад. Этот грабитель, этот сатана в облике человека никогда не проявляет бессмысленной жестокости и всегда держит слово. Вот почему я повторяю, что вы можете не опасаться за судьбу дон Родриго. Вопрос о его выкупе уже согласован между ним и капитаном Бладом, и я взялся этот выкуп добыть. А пока что Родриго чувствует себя совсем неплохо, с ним обращаются почтительно, и, пожалуй, можно даже сказать, что у них с капитаном Бладом завязалось нечто вроде дружбы.

— Вот этому я охотно могу поверить, черт побери! — вскричал губернатор, а донья Эрнанда со вздохом облегчения откинулась на спинку стула. — Родриго всегда готов был водить дружбу с мошенниками. Верно, Эрнанда?

— На мой взгляд... — негодуяще начала донья Эрнанда, но внезапно умолкла и добавила другим тоном: — я никогда этого не замечала.

— Вы никогда этого не замечали! А вы вообще: когда-нибудь что-нибудь замечали, позвольте вас спросить? Так-так, значит, Родриго ждет выкупа. Какой же назначен выкуп?

— Вы хотите внести свою долю? — обрадованно и уже почти дружелюбно воскликнул дон Педро.

Губернатор подскочил так, словно его ужалили. Лицо его сразу стало хмурым.

— Я? Нет, клянусь Святой Девой Марией! И не подумаю. Это дело касается только семейства Кейрос.

Улыбка сбежала с лица дон Педро. Он вздохнул.

— Разумеется, разумеется! Тем не менее... Мне все же думается, что вы со своей стороны еще внесете кое-какую лепту.

— Напрасно вам это думается, — со смехом возразил дон Хайме, — ибо вас постигнет горькое разочарование.

Обед закончился, все встали из-за стола и, как повелось в часы полуденного зноя, разошлись по своим комнатам отдыхать.

Они встретились снова за ужином в той же комнате, уже в приятной вечерней прохладе, при зажженных свечах в тяжелых серебряных подсвечниках, привезенных из Испании.

Самодовольство губернатора, радость его по поводу полученной им необычайно высокой награды не знали границ; весь свой послеобеденный отдых он провел в созерцании драгоценного ордена. Он был чрезвычайно весел, шутлив и шумен, но и тут не обошел донью Эрнанду своими насмешками. Вернее, именно ее-то он и избрал мишенью своих грубых шуток. Он высмеивал свою супругу на все лады и призывал дону Педро и монаха посмеяться вместе с ним. Дон Педро, однако, не смеялся. Он оставался странно серьезен; пожалуй, даже в его взгляде, устремленном на бледное, страдальческое, трагически-терпеливое лицо доньи Эрнанды, мелькало сочувствие.

В тяжелом черном шелковом платье, резко оттенявшем ослепительную белизну ее шеи и плеч, она казалась особенно стройной и хрупкой, а гладко причесанные, блестящие черные волосы подчеркивали бледность ее нежного лица. Она была похожа на изваяние из слоновой кости и черного дерева и казалась дону Педро безжизненной, как изваяние, пока после ужина он не остался с ней наедине в одной из оплетенных жасмином, овеваемых прохладным ночным бризом с моря лоджий.

Его превосходительство удалился сочинять благодарственное послание королю и для подмоги взял с собой монаха. Гостя он оставил на попечении своей супруги, не забыв посочувствовать ему по этому случаю. Донья Эрнанда предложила дону Педро выйти на воздух, и, когда теплая тропическая ночь повеяла на них своим ароматом, супруга губернатора внезапно пробудилась к жизни и, задыхаясь от волнения, обратилась с вопросом к гостю:

— Все это правда — то, что рассказали вы нам сегодня о доне Родриго? Его действительно захватил и

держит в плену капитан Блад? И он в самом деле цел и невредим и ожидает выкупа?

— Все истинная правда, от слова до слова.

— И вы... вы можете поручиться в этом? Поручиться честным словом дворянина? Я не могу не считать вас достойным дворянином, раз вы посланец короля.

— Единственно по этой причине? — Дон Педро был несколько задет.

— Можете вы поручиться мне честным словом? — настойчиво повторила она.

— Без малейшего колебания. Даю вам честное слово. Почему вы сомневаетесь?

— Вы дали мне повод. Вы не слишком правдивы. Зачем, например, выдаете вы себя за моего кузена?

— Значит, вы не помните меня?

— Я помню Педро де Кейроса. Годы могли прибавить ему роста и стройности, солнце могло покрыть бронзовым загаром его лицо, а волосы под этим черным париком могут быть по-прежнему белокуры, хотя я позволю себе усомниться в этом, — но каким образом, разрешите вас спросить, мог измениться цвет его глаз? Ведь у вас глаза синие, а у Педро были карие.

С минуту он молчал, словно обдумывая что-то, а она глядела на его красивое, суровое лицо, отчетливо выступавшее из мрака в резком луче света, падавшем из окна. Он не смотрел на нее. Его взгляд был обращен вдаль, к морю, которое серебрилось под усыпанным звездами небом, отражая мерцающие огни стоявших на рейде судов. Потом его глаза проследили полет светлячка, преследующего мотылька в кустах... Дон Педро глядел по сторонам, избегая взгляда хрупкой, маленькой женщины, стоявшей возле него.

Наконец он заговорил спокойно, с легкой усмешкой признаваясь в обмане:

— Мы надеялись, что вы забудете эту маленькую подробность.

— Мы? — переспросила она.

— Да, мы с Родриго. Мы с ним в самом деле подружились. Он спешил к вам, когда все это произошло. Вот почему мы оказались на одном корабле.

— И он сам пожелал, чтобы вы явились сюда самозванцем?

— Он подтвердит вам это, когда прибудет сюда. А он будет здесь через несколько дней, не сомневайтесь. Он явится к вам, как только я смогу его выкупить,

что произойдет тотчас после моего отъезда. Когда я бежал — я ведь, в отличие от него, не был связан словом, — он попросил меня явиться сюда и назваться вашим кузеном, чтобы до его прибытия служить вам, если это потребуется.

Она задумалась. В молчании они сделали несколько шагов по лоджии.

— Вы подвергали себя непростительному риску, — сказала она, давая понять, что верит его словам.

— Настоящий дворянин, — произнес он сентенциозно, — всегда готов рискнуть ради дамы.

— Вы рискуете ради меня?

— А вам кажется, что я рискую для собственного удовольствия?

— Нет. Едва ли.

— Так зачем напрасну ломать себе голову? Я поступаю так, как пожелал Родриго. Он явится и сам объяснит вам, зачем ему это понадобилось. А пока я — ваш кузен и прибыл сюда вместо него. Если этот мужлан, ваш супруг, будет вам слишком докучать...

— Зачем вы это говорите? — В ее голосе прозвучало смущение.

— Ведь я здесь вместо Родриго. Не забывайте об этом, больше я вас ни о чем не прошу.

— Благодарю вас, кузен, — сказала она и оставила его одного.

Прошло трое суток. Дон Педро продолжал быть гостем губернатора Пуэрто-Рико, и каждый последующий день был похож на предыдущий, если не считать того, что дон Хайме день ото дня все сильнее проникался сознанием своего величия, вследствие чего становился все более невыносим. Однако дон Педро с завидной стойкостью терпел его общество, и порой ему словно бы даже нравилось разжигать чудовищное тщеславие губернатора. Так, на третьи сутки за ужином дон Педро предложил его превосходительству отметить оказанную ему высокую монаршую милость каким-либо событием, которое запечатлелось бы у всех в памяти и нашло бы свое место в анналах острова Пуэрто-Рико.

Дон Хайме жадно ухватился за это предложение.

— Да, да. Это великолепная мысль. Что бы вы мне посоветовали предпринять?

Дон Педро, улыбаясь, запротестовал:

— Как я могу давать советы дону Хайме де Вильямарга? Но, во всяком случае, это должно быть нечто

такое, что было бы под стать столь значительному и торжественному событию.

— Да, разумеется... Это верно. (Однако мозг этого тупицы был не способен родить какую-либо идею.) Вопрос в том, что именно можно считать приличествующим случаю?

Фрай Алонсо предложил устроить большой бал в доме губернатора, и донья Эрнанда заплодировала. Но дон Педро позволил себе не согласиться с ней: по его мнению, бал останется в памяти только у тех, кто будет на него приглашен. Надо придумать нечто такое, что произведет неизгладимое впечатление на всех жителей острова.

— Почему бы вам не объявить амнистию? — предложил он наконец.

— Амнистию? — Три пары удивленных глаз вопросительно уставились на него.

— Именно. Почему бы нет? Вот это был бы поистине королевский жест. А разве губернатор не является в какой-то мере королем — вице-королем, наместником монарха, — и разве народ не ждет от него поступков, достойных короля? В честь полученной вами высокой награды откройте ваши тюрьмы, дон Хайме, как делают это короли в день своей коронации!

Дон Хайме, ошеломленный величием этой идеи, не сразу вышел из столбняка. Наконец он стукнул по столу кулаком и заявил, что это блестящая мысль. Завтра он обнародует свое решение, отменит судебные приговоры и выпустит на волю всех преступников.

— Кроме, — добавил он, — шестерых пиратов. Населению не понравится, если я их освобожу тоже.

— Мне кажется, — сказал дон Педро, — что любое исключение сведет на нет значение этого акта. Исключений не должно быть.

— Но эти преступники сами исключение. Разве вы не помните — я рассказал вам, как захватил шестерых пиратов из тех, что имели наглость высадиться на Пуэрто-Рико?

Дон Педро нахмурился, припоминая.

— Да, да! — воскликнул он. — Вы что-то рассказывали.

— А говорил ли я вам, сэр, что один из этих пиратов не кто иной, как эта собака Волверстон.

— Волверстон? — повторил дон Педро. — Вы схватили Волверстона? — Не могло быть сомнений в том, что это сообщение глубоко его поразило, да и неудивительно: ведь

Волверстон считался правой рукой капитана Блада. Испанцам он был так же хорошо известен, как сам капитан Блад, и ненавидели они его, пожалуй, не меньше. — Вы схватили Волверстона? — повторил дон Педро и в первый раз за все время поглядел на дона Хайме с явным уважением. — Вы мне этого не говорили. Ну, в таком случае, друг мой, вы подрезали капитану Бладу крылья. Без Волверстона он уже наполовину не так страшен. Теперь недолго ждать, чтобы погиб и он, и своим избавлением от него Испания будет обязана вам.

Дон Хайме с притворным смирением развел руками.

— Быть может, этим я хоть немного заслужу ту великую честь, которой удостоил меня король.

— Хотя немного! — повторил дон Педро. — Будь его величество оповещен об этом, он, быть может, почел бы даже орден Сантьяго-де-Компостела недостаточно почетным для вас.

Донья Эрнанда бросила на него быстрый взгляд, полагая, что он шутит. Но дон Педро, казалось, говорил вполне искренне и серьезно. И даже обычное его высокомерие сейчас не так бросалось в глаза. Помолчав, он добавил:

— Да, разумеется, разумеется, этих преступников вы ни в коем случае не должны амнистировать. Это же не заурядные злодеи, это заклятые враги Испании. — Внезапно, словно придя к какому-то решению, он спросил: — Как вы намерены с ними поступить?

Дон Хайме задумчиво выпятил нижнюю губу.

— Я еще до сих пор не решил, отправить ли мне их на виселицу или отдать фрейю Алонсо для предания огню как еретиков. По-моему, я уже говорил вам об этом.

— Да, конечно, но я не знал тогда, что один из них — Волверстон. Это меняет дело.

— Почему же?

— Ну как же, судите сами! Подумайте хорошенько. По некотором размышлении вы сами поймете, что вам следует делать. Это же совершенно ясно.

Дон Хайме начал размышлять, как ему было предложено. Потом пожал плечами.

— Черт побери, сеньор, это может быть ясно для вас, но я, по правде говоря, не вижу, что тут еще можно придумать, кроме костра или веревки.

— В конечном счете так оно и будет. Либо то, либо другое. Но не здесь, не на Пуэрто-Рико. Это было бы

недостаточно эффективным завершением ваших славных дел. Отправьте этих преступников в Испанию, дон Хайме. Пошлите их его величеству в знак вашего усердия, за которое он удостоил вас своей награды. Пусть это послужит доказательством, что вы действительно заслуживаете награды и даже еще более высоких наград в будущем. Так вы проявите свою благодарность монарху.

С минуту дон Хайме безмолвствовал, выпучив от удивления и восторга глаза. Щеки его пылали.

— Видит Бог, я бы никогда до этого не додумался, — промолвил он наконец.

— Ваша скромность единственно тому причиной.

— Все может быть, — согласился дон Хайме.

— Но теперь вам уже самому все ясно?

— О да, теперь мне ясно. Король, конечно, будет поражен.

Но фрай Алонсо огорчился. Он очень мечтал об аутодафе. А донью Эрнанду более всего поразила внезапная перемена, происшедшая в ее кузене: куда девалось его презрительное высокомерие, почему он вдруг стал так мягок и обходителен? Дон Педро же тем временем все подливал масла в огонь.

— Его величество сразу увидит, что таланты вашего превосходительства растрачиваются впустую в таком незначительном поселении, как здесь, на этом Пуэрто-Рико. Я уже вижу вас губернатором куда более обширной колонии. Быть может, даже вице-королем, как знать... Вы проявили столько рвения, как ни один из наместников Испании в ее заокеанских владениях.

— Но как же я переправлю их в Испанию? — заволновался дон Хайме, уже не сомневавшийся более в целесообразности самого мероприятия.

— А вот тут я могу оказать услугу вашему превосходительству. Я возьму их на борт «Санто-Томаса», который должен прийти за мной с минуты на минуту. Вы напишете еще одно письмо его величеству о том, что препровождаете ему это живое свидетельство вашего усердия, а я доставлю ваше послание вместе с заключенными. Общую амнистию вы повремените объявлять, пока мой корабль не отвалит от пристани, и тогда это торжество ничем не будем омрачено. Оно будет совершенным, полным и весьма внушительным.

Дон Хайме был в восторге и, рассыпаясь в благо-

дарностях перед гостем, дошел даже до такой крайности, что позволил себе назвать его кузеном.

Решение было принято как раз вовремя, ибо на следующее утро на заре жители Сантьяго были потревожены пушечным выстрелом и, пожелав узнать причину этой тревоги, увидели, что желтый испанский корабль, доставивший к берегам острова дона Педро, снова входит в бухту.

Дон Педро немедленно разыскал губернатора и, сообщив ему, что то был сигнал к отплытию, учтиво выразил сожаление, что его обязанности не позволяют ему злоупотреблять долее великодушным гостеприимством дона Хайме. Пока негр-лакей укладывал его саквояж, дон Педро пошел попрощаться с доньей Эриандой и еще раз заверил эту миниатюрную задумчивую женщину в том, что у нее нет оснований тревожиться за судьбу своего кузена Родриго, который в самом непродолжительном времени предстанет перед ней.

После этого дон Хайме в сопровождении адъютанта повез дона Педро в городскую тюрьму, где содержались пираты.

В полутемной камере, освещавшейся только маленьким незастекленным окошком с толстой решеткой под самым потолком, они лежали на голом каменном полу вместе с двумя-тремя десятками разного рода преступников. В этом тесном, грязном помещении стояло такое зловоние, что дон Педро отшатнулся, словно от удара в грудь, и дон Хайме громко расхохотался над его чувствительностью. Однако сам он вытащил из кармана носовой платок, благоухавший вербеной, и поднес его к носу, после чего время от времени повторял эту операцию снова и снова.

Волверстон и его пятеро товарищей, закованные в тяжелые цепи, образовали небольшую группу немного поодаль от остальных заключенных. Одни лежали, другие сидели на корточках у стены, где на пол было брошено немного гнилой соломы, заменявшей им постель. Грязные, нечесанные и небритые, так как все туалетные принадлежности были у них отобраны, они жались друг к другу, словно стремясь обрести в своем союзе силу и защиту против окружавших их жуликов и бандитов. Гиганта Волверстона по одежде можно было бы принять за купца. Дайк, в прошлом младший офицер королевского военно-морского флота, имел вид почтенного добропорядочного горожанина. Остальные четверо были в бу-

мажных рубашках и кожаных штанах — обычной одежде всех флибустьеров — и с цветными повязками на головах.

Никто из них не шелхнулся, когда скрипнула на чугунных петлях дверь и с полдюжины закованных в латы испанцев с пиками в руках — почетный эскорт и охрана его превосходительства — вошли и стали у порога. Когда же сия высокая персона в сопровождении адъютанта и благородного гостя самолично вступила в камеру и все остальные заключенные вскочили и в почтительном испуге выстроились по стенам, корсары равнодушно продолжали сидеть на своей соломе. Однако они не были вовсе безразличны к происходящему. Когда дон Педро небрежно шагнул вперед, лениво пираясь на увитую лентами трость и похлопывая по губам носовым платком, который он тоже почел не лишним извлечь из кармана, Волверстон приподнялся на своем вонючем ложе, и его единственный глаз (второй он, как известно, потерял в битве при Седжмуре) округлился от ярости.

Дон Хайме жестом указал на корсаров.

— Вот они, эти проклятые пираты, дон Педро. Смотрите — сбились в кучу, словно воронье, слетевшееся на падаль.

— Эти? — надменно спросил дон Педро, ткнув в сторону корсаров тростью. — Клянусь небом, вид их вполне под стать их ремеслу.

Единственный глаз Волверстона сверкнул еще более грозно, однако корсар продолжал хранить презрительное молчание. Сразу было видно, что этот негодяй упрям, как буйвол.

Дон Педро, безукоризненно изящный в своем черном с серебром костюме — живое олицетворение гордости и величия Испании, — приблизился к корсарам. Коренастый, неуклюжий губернатор, облаченный в травянисто-зеленую тафту, шагнул вместе с ним, нога в ногу, и обратился к пленным со следующей речью:

— Ну вы, английские собаки! Почувствовали теперь, что значит бросать вызов могуществу Испании? Ничего, успеете почувствовать еще не раз, покуда вас не прикончат. Я вынужден отказать себе в удовольствии отправить вас на виселицу, как намеревался, потому что хочу дать вам возможность отплыть в Мадрид, где по вас сучает костер.

Волверстон ухмыльнулся, оскалив зубы.

— Вы благородный человек, — произнес он на скверном, но все же вразумительном испанском языке. —

Благородный, как все испанцы. Вы оскорбляете людей, пользуясь их беспомощностью.

Взбешенный губернатор обозвал его всеми непечатными словами, которые мгновенно приходят на язык любому испанцу, и еще долго продолжал бы сквернословить, если бы дон Педро не остановил его, положив руку ему на плечо.

— Стоит ли зря тратить порох? — презрительно сказал он. — Вы лишь попусту задерживаете нас в этой зловонной дыре.

Корсары в каком-то изумлении уставились на него. Дон Педро резко повернулся на каблуках.

— Идемте, дон Хайме. — Голос его звучал повелительно. — Выведите их отсюда. «Санто-Томас» нас ожидает, и скоро начнется прилив.

Губернатор, казалось, был в нерешительности; затем, выпустив в корсаров еще один заряд сквернословия, он отдал распоряжение своему адъютанту и пошел следом за гостем, который уже направлялся к двери. Адъютант отдал приказ солдатам. Солдаты с бранью принялись поднимать корсаров, подталкивая их древками пик. Подгоняемые солдатами, корсары, пошатываясь, звеня кандалами и наручниками, выбрались на свежий воздух и солнечный простор. Оборванные, грязные, измученные, эти обреченные виселице люди устало побрели через площадь, мимо высоких, чуть колеблемых морским ветром пальм, мимо остановившихся поглазеть на них жителей, — побрели к молу, где покачивалась на причале восьмивесельная шлюпка.

Губернатор и его гость дождались, пока корсары в сопровождении своих вооруженных конвоиров спустятся в шлюпку. Затем дон Хайме и дон Педро заняли места на носу; за ними последовал негр-слуга дона Педро с его саквояжем. Шлюпка отчалила, и гребцы, рассекая голубые волны, повели ее к величавому кораблю, на мачте которого развевался испанский флаг.

Шлюпка приблизилась к желтому корпусу корабля возле трапа, и дежуривший на борту матрос приготовил отпорный крюк.

Дон Педро, стоя на носу шлюпки, повелительно отдал приказ мушкетерам построиться на шкафуте. Над фальшбортом появилась голова в остроконечном шлеме, и последовало сообщение, что мушкетеры уже построены, после чего, неуклюже переступая ногами в кандалах, корсары, подгоняемые конвоирами, начали медленно взби-

раться по трапу и переваливаться один за другим через борт.

Дон Педро сделал знак своему черному слуге следовать за ним и жестом предложил дону Хайме первым подняться на борт. Сам дон Педро начал подниматься сейчас же вслед за ним, и когда наверху трапа дон Хайме внезапно остановился, дон Педро, продолжая подниматься, подтолкнул его вперед, и притом так сильно, что дон Хайме едва не полетел головой вниз на шкафут. Но дюжина проворных рук подхватила его и поставила на ноги под громкий смех и приветственные крики. Однако руки, оказавшие ему помощь, принадлежали не кому иному, как корсарам, а приветствия были произнесены на английском языке. Весь шкафут был заполнен корсарами, и некоторые из них уже спешили снять кандалы с Волверстона и его товарищей.

Разинув от удивления рот и побледнев, как мертвец, испуганный дон Хайме де Вальямарга повернулся к дону Педро. Этот испанский гранд остановился на последней ступеньке трапа и, держась рукой за трос, наблюдал происходящее. На губах его играла улыбка.

— Вам совершенно нечего опасаться, дон Хайме. Даю вам слово. А слово мое крепко. Я — капитан Блад.

И он спрыгнул на палубу, а губернатор продолжал молча таращить на него глаза — он все еще ничего не понимал. Когда же слова капитана Блада проникли в его сознание, в потрясенном мозгу этого тупицы все мысли спутались окончательно.

Высокий, стройный мужчина, элегантно одетый, выступил вперед навстречу капитану, и губернатор с возрастающим изумлением узнал в нем кузена своей жены — дона Родриго. Капитан Блад дружески его приветствовал.

— Как видите, я доставил сюда ваш выкуп, дон Родриго, — сказал он, указывая на закованных в кандалы пленников. — Вы теперь свободны и можете покинуть корабль вместе с доном Хайме. Наше прощание, к сожалению, должно быть кратким, так как мы уже поднимаем якорь. Хагторп, распорядись!

Дону Хайме показалось, что он начинает кое-что понимать. Взмешенный, он повернулся к кузену своей жены:

— Черт побери, так вы с ними заодно? Вы были в сговоре с этими врагами Испании с целью...

Чья-то крепкая рука стиснула его плечо, откуда-то донесся резкий свисток боцмана.

— Мы поднимаем якорь, — произнес капитан Блад. — Вам лучше покинуть этот корабль, поверьте мне. Для меня было большой честью познакомиться с вами. Отправляйтесь с Богом, дон Хайме, и постарайтесь оказывать больше уважения вашей супруге.

Губернатор, подталкиваемый сзади, шагнул, словно во сне, к трапу и начал спускаться в шлюпку. Дон Родриго, любезно распрощавшись с капитаном Бладом, последовал за губернатором.

Дон Хайме, как мешок с трухой, повалился на корму шлюпки. Но через несколько мгновений он вскочил и вне себя от ярости принялся угрожать дону Родриго, требуя у него объяснений.

Дон Родриго старался сохранить хладнокровие:

— Постарайтесь выслушать меня спокойно. Я плыл на этом корабле, на «Санто-Томасе», и направлялся в Санто-Доминго, когда капитан Блад напал на корабль и захватил его. Всю нашу команду он высадил на берег на одном из Виргинских островов. Но меня, в соответствии с моим рангом, оставил заложником.

— И, чтобы спасти свою шкуру и свой кошелек, вы вступили с ним в эту бесстыдную сделку?..

— Я предложил вам выслушать меня. Все это было совсем не так. Он обращался со мной в высшей степени почтительно, и мы с ним в какой-то мере даже подружились. Он весьма обаятельный человек, как вы сами могли заметить. Мы много беседовали, и он мало-помалу узнал кое-что о моей личной жизни, а также и о вашей, так как между нами существует некоторая связь, поскольку моя кузина Эрнанда стала вашей женой. Неделию спустя, после того как вы захватили в плен Волверстона и еще кое-кого из тех корсаров, что сошли на берег, Блад решил воспользоваться полученными от меня сведениями, а также моими бумагами, которыми он, разумеется, завладел. Он сообщил мне о своих намерениях и пообещал, что не будет требовать за меня выкупа, если ему удастся, использовав мое имя и мои бумаги, освободить захваченных вами людей.

— А вы что же? Согласились?

— Согласился? Порой вы, в самом деле, бываете на редкость тупы. Никто и не спрашивал моего согласия. Я был просто поставлен в известность. Ваше глупое

тщеславие и орден Сантьяго-де-Компостела довершили остальное. Вероятно, он вручил его вам и так вас этим ослепил, что вы уже готовы были поверить каждому его слову.

— Так это вы везли мне орден? И пират захватил его вместе с вашими бумагами? — промолвил дон Хайме, решив, что теперь наконец он что-то уразумел.

На худом загорелом лице дона Родриго появилась угрюмая усмешка.

— Я его вез губернатору Эспаньолы, дону Хайме де Гусману. Ему же было адресовано и письмо.

Дон Хайме де Вильямарга разинул рот. Потом он побледнел.

— Как! И это тоже обман? Орден предназначался не мне? Это тоже была его дьявольская выдумка?

— Вам следовало получше рассмотреть послание короля.

— Но письмо было испорчено морской водой! — в полном отчаянии вскричал губернатор.

— Тогда вам следовало получше спросить свою совесть. Она бы подсказала вам, что вы еще не сделали решительно ничего, чтобы заслужить такую высокую награду.

Дон Хайме был слишком ошеломлен, чтобы достойно ответить на эту насмешку. Однако, добравшись до дому, он успел несколько оправиться, и у него достало силы обрушиться на жену, упрекая ее за то, что его так одурачили. Впрочем, действуя подобным образом, он лишь навлек на себя еще большее унижение.

— Как это могло случиться, сударыня, — спросил он, — что вы приняли его за своего кузена?

— Я не принимала его за кузена, — ответила донья Эрнанда и рассмеялась в отместку за все нанесенные ей обиды.

— Вы не принимали его за кузена? Так вам было известно, что это не ваш кузен? Вы это хотите сказать?

— Да, именно это.

— И вы не сообщили об этом мне? — Все завертелось перед глазами дона Хайме, ему показалось, что мир рушится.

— Вы сами не позволили мне. Когда я сказала, что не могу припомнить, чтобы у моего кузена Педро были синие глаза, вы заявили, что я никогда ничего не помню, и назвали меня дурочкой. Мне не хотелось, чтобы меня еще раз назвали дурочкой в присутствии посторонних, и поэтому я больше не вмешивалась.

Дон Хайме вытер вспотевший лоб и в бессильной ярости обратился к дону Родриго:

— А вы что скажете?

— Мне нечего сказать. Могу только напомнить вам, как напутствовал вас капитан Блад при прощанье. Мне помнится, он советовал вам оказывать впредь больше уважения вашей супруге.

Глава IV

ГРОЗНОЕ ВОЗМЕЗДИЕ

Ввязавшись в морской бой с «Арабеллой», испанский фрегат «Атревида», несомненно, проявил необычайную храбрость, однако вместе с тем и необычайное безрассудство, если учесть полученное им предписание, а также значительное превосходство в огневой силе, которым обладал его противник.

Ведь что это было за судно — «Арабелла»? Да все тот же «Синко Льягас» из Кадиса, отважно захваченный капитаном Бладом и переименованный им в честь некой дамы с Барбадоса — Арабеллы Бишоп, воспоминание о которой всегда служило ему путеводной звездой и обуздывало его пиратские набеги.

«Арабелла» быстро шла в западном направлении, стремясь догнать остальные корабли капитана Блада, опередившие ее на целый день пути, и где-то в районе 19° северной широты и 66° западной долготы была замечена фрегатом «Атревида»; фрегат повернул, лег поперек курса «Арабеллы» и открыл сражение, дав залп по ее клюзам¹⁵.

Командир испанского фрегата дон Висенте де Касанegra никогда не страдал от сознания собственной ограниченности и в этом случае, как всегда, был побуждаем к действию неколебимой верой в самого себя.

В результате произошло то, чего и следовало ожидать. «Арабелла» тотчас переменила галс с западного на южный и оказалась с наветренной стороны «Атревиды», тем самым сразу сведя на нет первоначальное тактическое преимущество фрегата. После этого, будучи еще в недостижимости его носовых орудий, она открыла сокрушительный огонь из своих пушек, чем и предприняла исход схватки, а затем, подойдя ближе, так изрешетила

картечью такелаж «Атревиды», что фрегат уже не в состоянии был бы спастись бегством, если бы даже благоразумие подсказало дону Висенте такой образ действий. Наконец, приблизившись уже на расстояние pistolетного выстрела, «Арабелла» бортовым залпом превратила стройный испанский фрегат в беспомощно ковыляющую по волнам посудину. Когда после этого корабль был взят на abordаж, испанцы поспешили сохранить себе жизнь, сложив оружие, и позеленевший от унижения дон Висенте вручил свою шпагу капитану Бладу.

— Это научит вас не твякать на меня, когда я мирно прохожу мимо, — сказал капитан Блад. — На мой взгляд, вы не столь храбры, сколь нахальны.

Сложившееся у капитана Блада мнение ни в коей мере не претерпело изменений к лучшему, когда, исследуя судовые документы, он обнаружил среди них письмо испанского адмирала дона Мигеля де Эспиноса-и-Вальдес и узнал из него о полученных доном Висенте наказах.

Письмо предписывало дону Висенте как можно быстрее присоединиться к эскадре адмирала в бухте Спаниш-Кей возле Бьека с целью нападения на английские поселения на острове Антигуа. По счастью, намерения дона Мигеля были выражены в письме вполне недвусмысленно:

«Хотя, — писал он, — его величество король не ведет сейчас с Англией войны, Англия тем не менее не предпринимает никаких мер, чтобы положить конец дьявольской деятельности пирата Блада в испанских водах. Вследствие этого мы вынуждены применить репрессии и получить известную компенсацию за все убытки, понесенные Испанией от руки этого дьявола-флибустьера».

Загнав обезоруженных испанцев в трюм — всех, кроме неосмотрительного дона Висенте, который под честное слово был взят на борт «Арабеллы», — капитан Блад отрядил часть команды на «Атревиду», залатал ее пробоины и повел оба корабля юго-восточным курсом к проливу между Анегадой и остальными Виргинскими островами.

Изменив столь внезапно курс, Блад не преминул в тот же вечер дать тому объяснение, для чего в большой капитанской каюте было созвано совещание, на которое он пригласил своего помощника Волверстона, шкипера Питта, канонира Огла и двух представителей от команды;

один из них, по имени Альбин, был француз, и его присутствие обуславливалось тем, что французы составляли в то время примерно одну треть всех корсаров, находившихся на борту «Арабеллы».

Сообщение капитана Блада о том, что он намерен плыть к острову Антигуа, встретило противодействие.

В наиболее краткой форме противодействие это было выражено Волверстоном. Стукнув по столу окорокообразной ручищей, Волверстон заявил:

— К черту короля Якова со всеми его прислужниками! Хватит с него и того, что мы никогда не нападаем на английские суда и на английские поселения. Но будь я проклят, если мы станем защищать тех, от кого нам самим не ждать добра.

Капитан Блад дал разъяснение:

— Испанцы собираются произвести это нападение в виде компенсации за те убытки, которые якобы понесла Испания от нашей руки. Вот почему я считаю, что это нас к чему-то обязывает. Не будучи ни патриотами, ни альтруистами, как явствует из слов Волверстона, мы тем не менее можем предупредить население и оказать ему помощь как наемники, услуги которых оплатит гарнизон, ибо он, несомненно, будет рад нанять нас. И, таким образом, мы исполним свой долг, не упустив при этом и своей выгоды.

Последний аргумент решил спор в пользу Питера Блада.

На заре, миновав пролив, корабли легли в дрейф у южного мыса острова Верджин-Горда по правому борту, не более как в четырех-пяти милях от него. Море было спокойное. Капитан Блад приказал спустить на воду шлюпки с «Атревиды», и команда испанского корабля поплыла в них к берегу, после чего оба корабля продолжали свой путь к Наветренным островам.

С легким попутным ветром пройдя к югу от Сабы, они к утру следующего дня приблизились к западному берегу Антигуа и, подняв английский флаг, бросили якорь в десяти саженях к северу от банки¹⁶, разделяющей надвое вход в Форт-Бей.

Вскоре после полудня, когда полковник Коуртни, правитель Наветренных островов, чья губернаторская резиденция находилась на Антигуа, только что уселся за обеденный стол в обществе миссис Коуртни и капитана Макартни, ему, к немалому его изумлению,

доложили, что капитан Блад высадился в бухте Сент-Джонс и желает нанести визит его высокоблагородию.

Полковник Коуртни, высокий, тощий, веснушчатый господин лет сорока пяти, заморгал красноватыми веками и обратил взгляд бесцветных глаз на своего секретаря мистера Айвиса, принесшего ему это известие.

— Капитан Блад, говорите вы? Капитан Блад? Какой капитан Блад? Надеюсь, не этот проклятый пират, не этот висельник, сбежавший с Барбадоса?

Видя, как разволновался губернатор, юный мистер Айвис позволил себе улыбнуться.

— Он самый, сэр.

Полковник Коуртни швырнул салфетку на стол и, все еще не веря своим ушам, поднялся на ноги.

— Вы говорите, он здесь? Он что, рехнулся? Может быть, у него солнечный удар? Клянусь Богом, я закую его в кандалы, прежде чем сяду сегодня обедать, и отправлю в Англию, прежде чем... — Он не договорил и повернулся к своему военному коменданту: — Черт побери, вероятно, нам все же следует его принять.

Круглое лицо Макартни, почти столь же красное, как его мундир, выражало не меньшее изумление, чем лицо губернатора. Чтобы такой отъявленный негодяй, за голову которого объявлена награда, имел наглость явиться днем с визитом к губернатору английской колонии, — от подобного известия капитан Макартни онемел и окончательно утратил способность что-либо осмыслить.

Мистер Айвис пригласил в просторную, прохладную, довольно скудно обставленную комнату высокого, худощавого мужчину, весьма элегантно одетого в светло-коричневый парчовый кафтан. Крупный, очень ценный бриллиант сверкал в великолепном кружеве пышного жабо¹⁷, бриллиантовая пряжка поблескивала на шляпе с плюмажем, которую этот господин держал в руке. Большая грушевидная жемчужина покачивалась под мочкой левого уха, тускло мерцая среди черных локонов парика. Гость опирался о черную трость с золотым набалдашником. Он был так не похож на пирата, этот щегольски одетый господин, что все в молчании установились на его бронзовое от загара продолговатое горбоносое лицо с сардонической складкой губ и холодными синими глазами. Все больше и больше изумляясь и все меньше веря своим органам чувств, полковник наконец спросил, беспокояно дернувшись на стуле:

— Вы капитан Блад?

Гость поклонился. Капитан Макартни ахнул и пожелал, чтоб его разразил гром. Полковник произнес:

— Черт побери! — И его бесцветные глаза совсем вылезли из орбит. Он бросил взгляд на свою бледную супругу, потом поглядел на Макартни и снова воззрился на капитана Блада. — Вы храбрый мошенник. Храбрый мошенник, черт побери!

— Я вижу, что вы уже слышали обо мне.

— Слышал, но все же не ожидал, что вы способны явиться сюда. Вы же не для того пришли, чтобы сдаться мне в плен?

Пират не спеша шагнул к столу. Макартни невольно встал.

— Прочтите это послание, оно вам многое объяснит, — сказал Блад и положил перед губернатором письмо испанского адмирала. — Волею судеб оно попало в мои руки вместе с джентльменом, которому было адресовано.

Полковник Коуртни прочел, изменился в лице и протянул письмо Макартни. Затем снова поглядел на капитана Блада, и тот, как бы отвечая на его взгляд, сказал:

— Да, я явился сюда, чтобы предупредить вас и в случае необходимости сослужить вам службу.

— Мне? Службу? Какую?

— Боюсь, что у вас будет в этом нужда. Ваш смехотворный форт не выстоит и часа под огнем испанских орудий, после чего эти кастильские господа пожалуют к вам в город. А как они себя ведут в подобных случаях, вам, я полагаю, известно. Если нет, могу это описать.

— Но... разрази меня гром! — воскликнул Макартни. — Мы же не воюем с Испанией!

Полковник Коуртни в холодном бешенстве повернулся к капитану Бладу.

— Это вы причина всех наших бедствий! Ваши грабительские набеги навлекли на нас эту напасть.

— Вот поэтому-то я и явился сюда. Хотя думаю, что мои набеги скорее предлог для испанцев, чем причина. — Капитан Блад опустил на стул. — Вы, как я слышал, нашли здесь, на вашем острове, золото, и дон Мигель, вероятно, оповещен об этом тоже. В вашем гарнизоне всего двести солдат, а ваш форт, как я уже сказал, — старая развалина. Я привел сюда большой, хорошо вооруженный корабль и две сотни таких вояк,

равных которым не сыщется во всем Карибском море, а может, и на всей планете. Конечно, я — проклятый пират и за мою голову назначена награда, и если вы чрезмерно шепетильны, то, вероятно, не захотите говорить со мной. Но если у вас есть хоть капля здравого смысла — а я надеюсь, что это так, — вы будете благодарить Бога за то, что я явился сюда, и примете мои условия.

— Условия?

Капитан Блад разъяснил. Его люди не собираются строить из себя героев и рисковать жизнью ни за что ни про что. Кроме того, среди них очень много французов, а те, естественно, не могут испытывать патриотических чувств по отношению к английской колонии. Они захотят получить какую-либо, хотя бы незначительную, компенсацию за те ценные услуги, которые они готовы оказать.

— К тому же, полковник, — добавил в заключение капитан Блад, — это еще и вопрос вашей чести. Заключить с нами союз для вас, может быть, и неудобно, а вот нанять нас — это совсем другое дело. Когда же операция будет завершена, никто не мешает вам снова преследовать нас как нарушителей закона.

Полковник поглядел на него мрачно.

— Мой долг повелевает мне немедленно заковать вас в кандалы и отправить в Англию, где вас ждет виселица.

Капитан Блад и бровью не повел.

— Ваш первейший долг — спасти от нападения эту колонию, правителем которой вы являетесь. Вы оповещены о том, что ей угрожает опасность. И опасность эта столь близка, что вам должна быть дорога каждая секунда. Клянусь, вы поступите разумно, если не будете терять эти секунды даром.

Губернатор поглядел на Макартни. Взгляд Макартни был столь же пуст, как и его черепная коробка. Но тут неожиданно поднялась со стула супруга полковника — испуганная, молчаливая свидетельница всего происходящего. Эта дама была столь же высока и костлява, как ее супруг. Климат тропиков состарил ее до срока и иссушил ее красоту. Однако, по счастью, подумал капитан Блад, он, по-видимому, не иссушил ее мозги.

— Джеймс, как ты можешь колебаться? Подумай, что будет с женщинами?... С женщинами и с детьми, если испанцы высадутся здесь. Вспомни, что они сделали с Бриджтауном.

Губернатор стоял, наклонив голову, удручно насупившись.

— И тем не менее я не могу заключать союза с... Не могу входить в какие-то сделки с преступниками, стоящими вне закона. Мой долг мне ясен. Абсолютно ясен.

Полковник говорил решительно, он больше не колебался.

— Вольному — воля, спасенному — рай, — произнес философски настроенный капитан Блад. Он вздохнул и встал. — Если это ваше последнее слово, то разрешите пожелать вам приятного окончания сегодняшнего дня. Я же отнюдь не расположен попасть в руки карибской эскадры.

— Никуда вы отсюда не уйдете, — резко сказал полковник. — Что касается вас, то мне мой долг тоже ясен. Макартни, стражу!

— Ну, ну, не валяйте дурака, полковник. — Блад жестом остановил Макартни.

— Прошу меня не учить. Я обязан исполнить свой долг.

— Неужто ваш долг призывает вас так подло отплатить мне за ту весьма ценную услугу, которую я вам оказал, предупредив о грозящей опасности? Подумайте-ка хорошенько, полковник.

И снова супруга полковника выступила в роли адвоката капитана Блада — выступила решительно и страстно, отчетливо понимая, что в этот момент было единственно существенным и важным.

Доведенный до отчаяния полковник снова упал на стул.

— Но я не могу! Не могу я вступать в сделку с бунтовщиком, с изгоем, с пиратом! Честь моего мундира... Нет... Нет, я не могу!

Капитан Блад проклял в душе тупоголовых самодержавцев, которые посылают подобных людей управлять заморскими колониями.

— Считаете ли вы, что честь вашего мундира требует оказать должное сопротивление испанскому адмиралу?!

— А женщины, Джеймс? — снова напомнила ему супруга. — Право, Джеймс, раз ты в таком отчаянном положении — ведь целая эскадра собирается напасть на тебя, — его величество, несомненно, одобрит твое решение принять любую предложенную тебе помощь.

Вот какую опять повела она речь и повторяла свои

доводы снова и снова, пока и Макартни не поддержал ее и не сделал попытки преодолеть ослиное упрямство его высокоблагородия. В конце концов под этим двойным нажимом губернатору пришлось принести свое достоинство в жертву целесообразности. Сумрачно и неохотно он пожелал узнать условия, предлагаемые пиратом.

— Для себя я не прошу ничего, — сказал капитан Блад. — Я приму меры к защите вашего населения просто потому, что в моих жилах течет та же кровь. Но после того как мы прогоним испанцев, я должен получить от вас по восемьсот реалов на каждого из моих людей, а у меня их двести человек.

Его высокоблагородие остолбенел.

— Сто шестьдесят тысяч! — Он едва не задохнулся от возмущения и настолько утратил свое пресловутое достоинство, что сделал попытку поторговаться.

Но капитан Блад остался холоден и непреклонен, и в конце концов его условия были приняты.

В тот же вечер Блад принялся возводить укрепления для защиты города.

Форт-Бей — узкий залив длиной около двух миль и не больше мили в самой своей широкой части — напоминал по форме бутылку. Вдоль горла этой бутылки тянулась длинная песчаная банка, выступая из воды во время отлива и деля пролив на две части. Пролив к югу от этой банки был доступен лишь для самых мелководных судов, узкая же северная часть, у входа в которую бросила якорь «Арабелла», имела не менее восьми саженей в глубину, а во время приливов даже несколько больше и открывала таким образом доступ в гавань.

Пролив охранялся фортом, расположенным на небольшой возвышенности в северной части мыса. Это было квадратное приземистое сооружение с навесными бойницами. Артиллерия состояла из дюжины допотопных пушек и полдюжины кулеврин, бивших самое большее на две тысячи ярдов, — тех самых орудий, о которых столь презрительно отозвался капитан Блад. Эти пушки он прежде всего и заменил дюжиной более современных с борта «Атревиды».

Не ограничиваясь этим, он перевез с испанского корабля на сушу еще дюжину орудий, в том числе две тяжелые пушки, заряжавшиеся двенадцатифунтовыми ядрами. Эти орудия, однако, предназначались им для другой цели. В пятидесяти ярдах к западу от форта,

на самом краю мыса, он приступил к сооружению земляных сооружений и возводил их с такой быстротой, что полковник Коуртни получил возможность проникнуть в тайны пиратских методов обороны и постичь причины их успехов.

Для возведения этих земляных укреплений капитан Блад отрядил сотню своих людей, и те, обнаженные по пояс, принялись за работу под палящим солнцем. В помощь им он пригнал сотни три белых и столько же негров, жителей Сент-Джонса, — то есть все трудоспособное мужское население — и заставил их рыть, возводить брустверы и забивать землей туры, которые по его приказу должны были плести из веток женщины. Остальных своих людей он послал резать дерн, валить деревья и подтаскивать все это к возводимым укреплениям. До самого вечера кипела работа, и мыс походил на муравейник. Перед заходом солнца все было закончено. Губернатору казалось, что на его глазах совершается чудо. За шесть часов по воле Блада и по его указаниям возник новый форт, сооружение которого обычным путем потребовало бы не менее недели.

И вот форт был не только построен и оснащен оставшимися двенадцатью пушками с «Атревиды» и подюжиной мощных орудий с «Арабеллы», — он к тому же был еще так искусно замаскирован, что, глядя со стороны моря, трудно было даже заподозрить о его существовании. Земляные валы были покрыты дерном и сливались с береговой зеленью, чему способствовали также посаженные на валах и вокруг них кокосовые пальмы, а за кустами белой акации так хорошо укрылись пушки, что их нельзя было заметить даже на расстоянии полумили.

Однако полковник Коуртни нашел, что тут потрачена впустую уйма труда. Для чего так тщательно маскировать укрепления, один вид которых мог бы остановить противника?

Капитан Блад разъяснил:

— Этим мы его только насторожим, и он нападет не сразу, а когда меня здесь уже не будет и вы останетесь без защиты. Нет, я хочу либо совсем покончить с ним, либо преподать ему такой урок, чтобы никому не повадно было нападать на английские поселения.

Эту ночь Блад провел на борту «Арабеллы», которая бросила якорь у самого берега, там, где он был очень

высок и отвесной стеной уходил в воду. А на заре население Сент-Джонса было разбужено оглушительной орудийной пальбой. Губернатор выскочил из дома в ночной рубашке, решив, что испанцы уже напали на остров. Однако стрельбу вел новый форт: он прямой наводкой палил из всех своих орудий по «Атревиде», а та, убрав мачты, стояла точнехонько в середине судоходного пролива, поперек фарватера — носом к берегу, кормой к банке.

Губернатор, поспешно облачившись, вскочил в седло и в сопровождении Макартни поскакал на мыс к обрыву. При его приближении стрельба прекратилась. Судно, изрешеченное ядрами, медленно скрывалось под водой. Когда взбешенный губернатор спешился возле нового форта, корабль совсем ушел на дно, и волны с плеском сомкнулись над ним. Обратившись к капитану Бладу, который с кучкой своих пиратов наблюдал гибель «Атревиды», губернатор, пылая гневом, потребовал, чтобы ему во имя неба и самой преисподней объяснили, для чего совершается это безумие. Отдает ли себе капитан Блад отчет в том, что он полностью блокировал вход в гавань для всех судов, кроме самых мелководных.

— Именно к этому я и стремился, — сказал капитан Блад. — Я искал самое мелкое место пролива. Корабль затоплен на глубине шести сажен и сократил эту глубину до двух.

Губернатор решил, что над ним смеются. Побелев от негодования, он продолжал требовать объяснений: для чего отдан был такой идиотский приказ, да еще без его ведома?

С ноткой досады в голосе капитан Блад разъяснил губернатору то, что, по его мнению, было очевидно и так. Губернатор слегка поостыл. Тем не менее неизбежная для человека столь ограниченного ума подозрительность мешала ему успокоиться.

— Но если затопить судно было единственной вашей целью, то какого дьявола вам понадобилось тратить на него порох? Почему было не пустить его на дно, попросту продырявив ему борт?

Капитан Блад пожал плечами.

— Небольшое упражнение в артиллерийской стрельбе. Мы хотели одним выстрелом убить двух зайцев.

— Упражнение в стрельбе с такой дистанции? — Губернатор был вне себя. — Вы что, смеетесь надо мной, приятель?

— Вам это станет понятней, когда сюда явится дон Мигель.

— С вашего позволения, я хочу понять это теперь же. Немедленно, будь я проклят! Прошу вас принять во внимание, что на этом острове пока что командую я.

Капитан Блад был слегка раздражен. Он никогда не отличался ни снисходительностью, ни терпеливостью по отношению к дуракам.

— Клянусь честью, если мои намерения вам не ясны, значит, ваше стремление командовать опережает ваше умение быстро соображать. Однако времени у нас мало, есть более важные, не терпящие отлагательства дела. — И, резко повернувшись на каблуках, он оставил губернатора возмущаться и брызгать слюной.

Обследовав берег, капитан Блад обнаружил в двух милях от форта небольшую удобную бухту, носившую название Уилоугби-Кав, в которой «Арабелла» вполне могла укрыться от глаз, находясь в то же время под рукой, благодаря чему и сам капитан и его матросы получили возможность оставаться на борту. Это была приятная весть даже для полковника Коуртни, чрезвычайно опасавшегося размещения пиратов в городе. Капитан Блад потребовал, чтобы его команду снабдили провиантом, и запросил пятьдесят голов скота и двадцать свиней. Губернатор снова хотел было поторговаться, но капитан Блад пресек его попытку в столь сильных выражениях, что это ни в коей мере не могло содействовать улучшению их взаимоотношений. Скот в запрошенном количестве был доставлен, и пираты принялись пиратствовать пока что в мирной форме: на берегу бухты запылали костры, скот закололи, туши разделали и вместе с пойманными тут же черепахами насадили на вертела.

В этих незлобивых занятиях пролетело трое суток, и губернатор уже начал терзаться сомнениями: не сыграл ли над ним капитан Блад вместе со своими пиратами злую шутку, дабы схоронить здесь концы каких-либо своих гнусных дел? Капитана Блада, однако, эта отсрочка нападения нисколько не удивляла. Дон Мигель не поднимет паруса, объяснил он, пока не потеряет надежды, что дон Висенте де Касанегра на своей «Атревиде» присоединится к нему.

Еще четверо суток протекли в бездействии. Губернатор ежедневно скакал верхом в маленькую бухту Уилоугби-Кав и давал волю своим подозрениям, засыпая Блада

ядовитыми вопросами. Эти свидания день ото дня становились взаимно все более неприятными. Капитан Блад ежедневно и все более ясно давал понять губернатору, что он не питает надежды на колониальные успехи страны, которая может проявлять так мало здравого смысла при выборе людей для управления своими заокеанскими владениями. И только появление эскадры дона Мигеля у берегов острова Антигуа предотвратило полный разрыв отношений между губернатором и его союзником-пиратом.

Весть о появлении эскадры принес в бухту Уилсугби-Кав в понедельник на рассвете один из караульных нового форта, и капитан Блад тотчас высадился на берег, взяв с собой сотню людей. Для командования кораблем был оставлен Волверстон. Грозный канонир Огл вместе со своими пушками уже находился в новом форту.

В шести милях от берега, прямо против входа в гавань Сент-Джонс, подгоняемые свежим северо-западным ветром, умерявшим зной утренних лучей, шли под всеми парусами четыре стройных корабля, и флаг Кастилии развевался на верхушке каждой из четырех грот-мачт.

С парапета старого форта капитан Блад разглядывал корабли в подзорную трубу. Рядом с ним стоял губернатор, убедившийся наконец воочию, что угроза нападения испанцев не была пустой выдумкой. За спиной губернатора, как всегда, торчал Макартни.

Флагманским кораблем дона Мигеля был «Вирхен дель Пилар» — одно из красивейших и весьма грозных испанских судов, на котором адмирал плывал с тех пор, как капитан Блад несколько месяцев назад потопил его «Милагросу». «Вирхен дель Пилар» была большим черным галионом с сорока орудиями на борту, в числе которых имелось и несколько тяжелых пушек, бивших на три тысячи ярдов. Из трех остальных кораблей эскадры два, хотя и поменьше, были тоже весьма могучими тридцатипушечными фрегатами, и лишь четвертый представлял собой всего-навсего шлюп с десятью пушками на борту.

Капитан Блад опустил подзорную трубу и распорядился привести в боевую готовность старый форт. Новый форт не должен был пока что принимать участия в обороне острова.

Сражение разыгралось через полчаса.

Действия дона Мигеля были не менее стремительны, чем все его прежние, давно знакомые капитану Бладу набеги. Он не сделал попытки взять рифы, пока не приблизился на две тысячи ярдов, видимо, полагая, что его нападение застигнет врасплох, а допотопные пушки форта ни на что уже не пригодны. Он считал необходимым полностью разгромить форт, прежде чем войти в гавань, и чтобы быстрее и вернее достигнуть этой цели, продолжал идти вперед, пока, по расчетам капитана Блада, до входа в гавань осталось не более тысячи ярдов.

— Клянусь честью, — сказал капитан Блад, — он, видно, хочет приблизиться на расстояние пистолетного выстрела, а может, и считает, что этот форт вообще не способен оказать сопротивление. Ну-ка, Огл, прочисти ему мозги! Дай салют в его честь.

Команда Огла давно зарядила свои пушки, и двенадцать жерл, взятые с «Атревиды», неотступно следили за приближающейся эскадрой. Подносящие с фитильными пальниками, шомполами и ведрами с водой стояли возле своих орудий.

Огл дал команду — и над морем разнесся оглушительный залп двенадцати пушек. С такого близкого расстояния даже пятифунтовые ядра этих сравнительно небольших орудий нанесли кое-какой урон двум кораблям испанской эскадры. Однако моральное воздействие этого неожиданного залпа на тех, кто сам собирался сыграть на неожиданности и получил отпор, было куда существеннее. Адмирал тотчас отдал приказ кораблям сделать поворот оверштаг. Разворачиваясь, корабли дали один за другим несколько бортовых залпов по форту, который мгновенно превратился в вулкан. В воздух полетели осколки разбитых укреплений, и к небу поднялся плотный столб дыма и пыли. Сквозь эту густую завесу корсары не могли видеть, что делают испанские корабли. Но капитан Блад, не видя, довольно ясно это себе представлял и во время короткой передышки, последовавшей за первыми бортовыми залпами, приказал всем покинуть форт и укрыться за ним.

Когда отгремели новые залпы, Блад вернул всех в разбитую крепость на время следующего промежутка между залпами и велел привести в действие все старые пушки форта. Орудия палили наугад в серую пелену с единственной целью — показать испанцам, что форт еще не разгромлен до конца. А когда пыль осела и

дым развеялся, по две, по три заговорили другие пушки и прицельным огнем дали залп по уже приведенным к ветру кораблям, послав в них пятифунтовые ядра. Урон опять оказался невелик, но главная цель — не давать испанцам спуска — была достигнута.

Тем временем судовая команда спешно перезаряжала пушки с «Атревиды». Их охладили водой из ведер, и щетки, пыжи и шомпола снова пошли в ход.

Губернатор, не принимавший участия в этой лихо-радочной деятельности, пожелал наконец узнать, для чего столь бесполезно расходуются порох на эти горе-пушки, в то время как в новом форту имеются дальнобойные орудия, которые могут ударить по испанцам двадцатичетырех- и даже тридцатифунтовыми ядрами. Получив уклончивый ответ, он перестал спрашивать и начал отдавать распоряжения, после чего ему предложили не путаться под ногами — оборона-де строится по тщательно разработанному плану.

Конец пререканиям положили испанские корабли, возобновившие атаку, и все повторилось сначала. Корабельные орудия снова ударили по форту, и на этот раз было убито несколько негров да с полдюжины корсаров ранило летящими камнями, хотя капитан Блад и распорядился удалить всех из форта, прежде чем корабли дадут залп.

Когда вторая атака испанцев была отбита и они снова отошли, чтобы перезарядить орудия, капитан Блад решил убрать пушки из форта, так как достаточно было еще нескольких бортовых залпов, и пушки были бы погребены под обломками. Корсары, негры и антигуанские ополченцы — все были привлечены к этому делу и встали к лафетам. И все же прошло не менее часа, прежде чем им удалось извлечь пушки из-под обломков и установить их за фортом, подальше от берега, где Огл со своей командой снова принялся тщательно их наводить и заряжать. Вся эта операция производилась под прикрытием форта и осталась незамеченной испанцами, которые повернули и пошли в атаку в третий раз. Теперь уже оборонявшиеся не открывали огня, пока очередной чугунный шквал не обрушился на остатки разбитого, но уже совершенно пустого форта. Когда шквал утих, на месте форта громоздилась лишь бесформенная груда камня, и кучка его защитников, укрывшихся позади этих руин, слышала, как возликовали испанцы, уверенные, что сопротавление

сломлено, поскольку в ответ на их бомбардировку не было сделано ни единого выстрела.

Гордо, уверенно дон Мигель пошел вперед. Теперь не было нужды отходить, чтобы перезаряжать орудия. Время далеко перевалило за полдень, он успеет до наступления ночи расквартировать свои команды в Сент-Джонсе. Однако пелена дыма и пыли, скрывшая защитников города и новое расположение их орудий от взора неприятеля, не была столь же непроницаемой для острых глаз корсаров, находившихся от нее на более близком расстоянии. Флагманский корабль стоял в пятистах ярдах от входа в бухту, когда шесть орудий, заряженных картечью, прошли смертоносным шквалом по его палубам и сильно повредили оснастку. И почти следом открыли огонь картечью еще шесть других пушек, и если нанесенный ими урон оказался менее значительным, то, во всяком случае, он усилил смятение и испуг, порожденные столь неожиданным нападением.

Во время наступившей вслед за этим паузы обороняющиеся услышали рев трубы флагманского корабля, передававший приказ адмирала остальным кораблям эскадры. Спеша произвести поворот оверштаг, испанские корабли на какой-то момент повернулись к противнику бортом, и тогда по знаку капитана Блада еще не стрелявшие орудия пятифунтовыми круглыми ядрами дали залп по рангоуту испанских кораблей. Почти все ядра достигли цели, а одно, особенно удачливое, сбило грот-мачту фрегата. Получив такое повреждение, фрегат потерял управление и надвинулся на шлюп, снасти кораблей перепутались, и пока оба судна старались освободиться друг от друга, чтобы последовать за остальными отходившими судами, охлажденные водой и поспешно перезаряженные пушки противника снова и снова поливали продольным огнем их палубы.

Когда орудия выполнили свою задачу и огонь временно прекратился, капитан Блад, стоявший, нагнувшись над орудием, рядом с канониром, выпрямился, поглядел на длинное, торжественно-угрюмое лицо губернатора и рассмеялся:

— Да, черт подери, как всегда, снова страдают невинные.

Полковник Коуртни кисло усмехнулся в ответ:

— Если бы вы поступили так, как я полагал целесообразным...

Капитан Блад перебил его довольно бесцеремонно:

— Силы небесные! Вы, кажется, опять недовольны, полковник? Если бы я поступил по вашему совету, мне бы уже давно пришлось выложить все карты на стол. А я не хочу открывать своих козырей, пока адмирал не сделает тот ход, который мне нужен.

— А если адмирал и не подумает его сделать?

— Сделает! Во-первых, потому, что это в его характере, а во-вторых, потому, что другого хода у него нет. Словом, вы теперь можете спокойно отправиться домой и лечь в постель, возложив все ваши надежды на меня и на провидение.

— Я не считаю возможным ставить вас на одну доску с провидением, сэр, — ледяным тоном заметил губернатор.

— Тем не менее вам придется. Клянусь честью, придется. Потому что мы можем творить чудеса — я и провидение, — когда действуем заодно.

За час до захода солнца испанские корабли легли в дрейф милях в двух от острова и заштилили. Все антигуанцы — и белые и черные — с разрешения капитана Блада разбрелись по домам ужинать. Осталось только человек сорок, которых Блад задержал на случай какой-либо непредвиденной надобности. Затем корсары уселись под открытым небом подкреплять свои силы довольно изрядными порциями пищи и довольно ограниченными дозами рома.

Солнце окунулось в нефритовые воды Карибского моря, и мгновенно, словно погасили свечу, сгустился мрак, бархатистый, пурпурно-черный мрак безлунной ночи, пронизанный мерцанием мириад звезд.

Капитан Блад встал, втянул ноздрями воздух. Свежий северо-западный ветер, который на закате солнца совсем было стих, поднимался снова. Капитан Блад приказал потушить все костры и не зажигать никакого огня, чтобы не спугнуть тех, кого он ждал.

А в открытом море, в роскошной каюте флагманского корабля испанцев, именитый, гордый, храбрый и несведущий адмирал держал военный совет, менее всего похожий на таковой, ибо этот флотоводец пригласил к себе капитанов эскадры только для того, чтобы навязать им свою волю. В глухую полночь, когда защитники Сент-Джонса уснут, уверенные, что до утра им не приходится опасаться нападения, испанские корабли, миновав форт, с потушенными огнями незаметно войдут в бухту. Восход солнца застанет их уже на якоре в

глубине бухты, примерно в миле от форта, и жерла их орудий будут наведены на город.

Так они сделают шах и мат антигуанцам!

Согласно этому плану испанцы и действовали: поставив паруса к ветру, который им благоприятствовал, и взяв рифы, чтобы идти бесшумно, корабли медленно продвигались вперед сквозь бархатистый мрак ночи. Флагманский корабль шел впереди, и вскоре вся эскадра приблизилась к входу в бухту, где мрак был еще более непроницаем и в узком проливе между высокими отвесными берегами вода казалась совсем черной. Здесь было тихо, как в могиле. И ни единого огонька. Лишь вдали, там, где волны набегали на берег, тускло белела фосфоресцирующая лента прибоя, и в мертвой этой тишине чуть слышен был мелодичный плеск волн о борт корабля. Флагманский галион был уже в двухстах ярдах от форта и от того места, где затонула «Атревид». Команда в напряженном молчании выстроилась у фальшборта: дон Мигель стоял на юте, прислонившись к поручням, неподвижный, словно статуя. Галион поравнялся с фортом, и дон Мигель в душе уже праздновал победу, когда внезапно киль флагмана со скрежетом врезался во что-то твердое: корабль, весь содрогаясь, продвинулся под все усиливающийся скрежет еще на несколько ярдов и стал — казалось, лапа какого-то морского чудища пригвоздила его корпус к месту. А наполненные ветром паруса недвижимого корабля громко хлопали и гудели, мачты скрипели, и трещали снасти.

И тогда, прежде чем адмирал успел понять, какая постигла его беда, вспышка пламени озарила левый борт судна, и тишина взорвалась ревом пушек, треском ломающегося рангоута и лопающихся снастей: орудия, снятые с «Арабеллы» и безмолвствовавшие до этой минуты за хорошо замаскированными земляными укреплениями, выпустили свои тридцатидвухфунтовые ядра с убийственно близкого расстояния в испанский флагманский корабль. Беспощадная точность попадания должна была бы открыть полковнику Коуртни, почему капитан Блад не пожалел пороха, чтобы затопить «Атревиду», — ведь теперь, уже имея точный прицел, он мог палить во мраке наугад.

Лишь один ответный беспорядочный залп бортовых орудий дал куда-то в темноту флагманский корабль, после чего адмирал покинул свое разбитое судно, только потому еще державшееся на воде, что киль его крепко

засел в остоле затопленного корабля. Вместе с уцелевшими остатками своей команды адмирал поднялся на борт «Индианы» — одного из фрегатов, который, не успев вовремя сбавить ход, врезался в корму флагмана. Так как скорость была невелика, фрегат не особенно пострадал, разбив себе только бушприт, а капитан фрегата не растерялся и тотчас отдал приказ убрать те немногие паруса, что были уже поставлены.

На счастье испанцев, береговые пушки в этот момент перезаряжались. Во время этой короткой передышки «Индиана» приняла на борт спасшихся с флагмана, а шлюп, который шел следом за «Индианой», быстро оценив положение, сразу же убрал все паруса, на веслах подошел к «Индиане», оттянул ее за корму от флагмана и вывел на свободное пространство, где второй фрегат, успевший лечь в дрейф, палил наугад по умолкшим береговым укреплениям.

Впрочем, он достиг этим лишь одного: открыл неприятелю свое местонахождение, и вскоре пушки загрохотали снова. Ядро одной из них довершило дело, разбив руль «Индианы», после чего дрейфовавшему фрегату пришлось взять ее на буксир.

Вскоре стрельба прекратилась с обеих сторон, и мирная тишина тропической ночи могла бы снова воцариться над Сент-Джонсом, но уже все население города было на ногах и спешило на берег узнать, что произошло.

Когда занялась заря, на всем голубом пространстве Карибского моря не видно было ни единого корабля, кроме «Арабеллы», стоявшей на якоре в тени отвесного берегового утеса и принимавшей на борт снятые с нее для защиты города пушки, да флагманского галиона, сильно накренившегося на правый борт и наполовину ушедшего под воду. Вокруг разбитого флагманского корабля сновала целая флотилия маленьких лодок и пирог — корсары спешили забрать все ценности, какие были на борту. Свои трофеи они свезли на берег: орудия и оружие, нередко очень дорогое, золотые и серебряные сосуды, золотой обеденный сервиз, два окovaných железом сундука, в которых, по-видимому, хранилась казна эскадры — около пятидесяти тысяч испанских реалов, — а также много драгоценных камней, восточных ковров, одежды и роскошных парчовых покрывал из адмиральской каюты. Вся эта добыча была

свалена в кучу возле укреплений для последующего дележа, согласно законам «берегового братства».

Когда вывоз трофеев с затопленного корабля был закончен, на берегу появилась упряжка мулов и остановилась возле драгоценной кучи.

— Что это? — спросил капитан Блад, находившийся поблизости.

— От его благородия губернатора, — отвечал негр, погонщик мулов. — Чтобы, значит, перевезти все это.

Капитан Блад был озадачен. Оправившись от удивления, он сказал:

— Весьма обязан, — и распорядился нагружать добычу на мулов и везти на край мыса к лодкам, которые должны были доставить сокровища на борт «Арабеллы».

После этого он направился к дому губернатора.

Его пригласили в длинную узкую комнату; на одной из стен портрет его величества покойного короля Карла II сардонически улыбался своему собственному отражению в зеркале напротив.

В комнате стоял тоже длинный и тоже узкий стол, на котором лежало несколько книг и гитара; в хрустальной чаше благоухали ветки белой акации. Вокруг стола были расставлены стулья черного дерева с прямыми спинками и твердыми сиденьями.

Появился губернатор в сопровождении Макартни. Лицо губернатора за ночь словно бы еще больше вытянулось в длину.

Капитан Блад, с подозрительной трубой под мышкой и широкополой шляпой с пышным плюмажем в руке, отвесил низкий поклон.

— Я пришел проститься с вами, полковник.

— А я только что собирался послать за вами. — Бесцветные глаза полковника встретили прямой, твердый взгляд капитана Блада и убежали в сторону. — Мне стало известно о крупных ценностях, снятых вами с разбитого испанского судна. Затем я получил сообщение, что вы погрузили эти ценности на борт вашего корабля. Отдаете ли вы себе отчет в том, что эти трофеи являются собственностью его величества короля?

— Мне это неизвестно, — сказал капитан Блад.

— Вот как? В таком случае ставлю вас об этом в известность.

Капитан Блад, снисходительно улыбаясь, покачал головой.

— Это военная добыча.

— Вот именно. А военные действия велись от имени его величества и для защиты колонии его величества.

— Все правильно, но я-то не состою на службе у его величества.

— Когда я, уступив вашему настоянию, согласился нанять вас и ваших людей для обороны острова, при этом само собой подразумевалось, что вы временно поступаете на службу его величества.

Капитан Блад с удивлением посмотрел на губернатора; казалось, этот разговор его забавляет.

— Чем вы занимались, сэр, прежде чем получить назначение на пост губернатора Наветренных островов? Вы были стряпчим?

— Капитан Блад, вы позволяете себе говорить со мной в оскорбительном тоне!

— Не отрицаю, но вы заслужили даже худшего. Так вы соизволили меня нанять? Какое великодушие! Что было бы сейчас с вами, не окажи я вам эту помощь, которую вы так великодушно от меня приняли?

— Я попрошу вас не уклоняться от темы нашей беседы. — Полковник говорил холодно и чопорно. — Поступив на службу короля Якова, вы тем самым приняли на себя обязательство исполнять действующие в его армии законы. Присвоение вами ценностей с испанского флагманского корабля — это акт разбоя, и, согласно вышеупомянутым законам, вы должны понести за него суровую кару.

Капитан Блад находил, что положение с каждой минутой становится все более комичным. Он усмехнулся.

— Мой долг с полной очевидностью требует от меня, чтобы я вас арестовал, — продолжал губернатор.

— Но вы, я надеюсь, не собираетесь этого сделать?

— Нет, если вы поспешите воспользоваться моей снисходительностью и уберетесь отсюда без промедления.

— Я уберусь отсюда, как только получу сто шестьдесят тысяч реалов — сумму, за которую вы меня наняли.

— Вы предпочли получить вознаграждение в другой форме, сэр. И нарушили при этом закон. Наш разговор окончен, капитан Блад!

Блад посмотрел на него прищурившись. Неужели этот человек такой непроходимый дурак? Или он просто бесчестен?

— О, да вам пальца в рот не клади! — Блад рассмеялся. — По-видимому, я должен теперь провести остаток дней, вызволяя из беды английские колонии!

Но тем не менее я не сойду с этого места, пока не получу свои сто шестьдесят тысяч. — Он бросил шляпу на стол, пододвинул себе стул, сел и вытянул ноги. — Жаркая сегодня погодка, полковник, не правда ли?

Глаза полковника гневно сверкнули.

— Капитан Макартни, стража ждет в галерее. Будьте добры позвать ее.

— Вы что же, хотите меня арестовать?

— Само собой разумеется, сэр, — угрюмо отвечал полковник. — Это мой священный долг. Я должен был это сделать в ту самую минуту, когда вы ступили на берег. Ваши поступки доказали мне, что я должен был это сделать, невзирая ни на что! — Он махнул рукой солдату, остановившемуся в дверях. — Капитан Макартни, будьте добры заняться этим.

— О, одну секунду, капитан Макартни! Не спешите так, полковник! — Блад поднял руку. — Это равносильно объявлению войны.

Полковник презрительно пожал плечами.

— Можете называть это как угодно. Сие несущественно.

У капитана Блада полностью развеялись всякие сомнения насчет честности губернатора. Полковник Коуртни был просто круглый дурак и не видел дальше своего носа.

— Наоборот, это весьма существенно. Раз вы объявляете мне войну, значит, будем воевать. И предупреждаю: став вашим противником, я буду к вам столь же беспощаден, как, защищая вчера вас, был беспощаден к испанцем.

— Черт побери! — воскликнул Макартни. — Мы его держим за глотку, а он, слышали, как разговаривает!

— Другие тоже пробовали держать меня за глотку, капитан Макартни. Пусть это не слишком вас окрыляет. — Блад улыбнулся, потом добавил: — Большое счастье для вашего острова, что война, которую вы мне объявили, может завершиться без кровопролития. В сущности, и сейчас вам должно быть ясно, что она уже ведется, и притом с большим стратегическим перевесом в мою пользу, так что вам не остается ничего другого, как капитулировать.

— Мне это ни в коей мере не ясно, сэр.

— Это лишь потому, что очевидное не сразу бросается вам в глаза. Я прихожу к заключению, что такое свойство, по-видимому, считается у нас на родине совершенно не

обязательным для губернатора колонии. Минуту терпения, полковник. Я прошу вас отметить, что мой корабль находится вне вашей гавани. На его борту — две сотни крепких, закаленных в боях матросов, которые с одного маха уничтожат весь ваш жалкий гарнизон, а сорока моих пушек, которые за какой-нибудь час могут быть переправлены на берег, за глаза хватит, чтобы еще через час от Сент-Джонса осталась лишь груда обломков. Мысль о том, что это английская колония, никого не остановит, не надейтесь. Я позволю себе напомнить вам, что примерно одна треть моих людей — французы, а остальные — такие же изгой, как я.

Они с превеликим удовольствием разграбят этот город, во-первых, потому, что он назван в честь короля, а имя короля всем им ненавистно, и во-вторых, потому, что на Антигуа стоит похозяйничать хотя бы ради золота, которое вы тут нашли.

Макартни побагровел и схватился за эфес шпаги, однако тут не выдержал полковник. Бледный от гнева, он взмахнул костлявой веснушчатой рукой и заорал:

— Бесчестный негодяй! Пират! Беглый каторжник! Ты забыл, что ничего этого не будет, потому что мы не выпустим тебя обратно к твоим проклятым разбойникам!

— Может быть, нам следует поблагодарить его за предупреждение, сэр? — съязвил капитан Макартни.

— О Боже, вы совершенно лишены воображения, как я заметил еще вчера! А увидав ваших мулов, я понял, чего можно от вас ожидать, и соответственно с этим принял меры. О да! Я приказал моему адъютанту, когда пробьет полдень, переправить пушки на берег и расположить их в форту, наведя жерла на город. Я предоставил ему для этой цели ваших мулов. — Бросив быстрый взгляд на часы над камином, он продолжал: — Сейчас почти тридцать минут первого. Из ваших окон виден форт. — Он встал и протянул губернатору свою подзорную трубу. — Взгляните и убедитесь, что все, о чем я говорил, уже приводится в исполнение.

Наступило молчание. Губернатор с лютой ненавистью смотрел на Блада. Затем, все так же молча, схватил подзорную трубу и шагнул к окну. Когда он отвернулся от окна, лицо его было искажено бешенством.

— Но вы тоже кое-чего не учли. Вы-то еще в наших руках! Я сейчас сообщу вашей разбойничьей

шайке, что при первом их выстреле вы будете повешены. Зовите стражу, Макартни. Хватит болтать языком!

— Еще минуту, — сказал Блад. — Как вы досадно поспешны в своих умозаключениях! Волверстон получил от меня приказ, и ничто, никакие ваши угрозы не заставят его уклониться от этого приказа хотя бы на йоту. Можете меня повесить, воля ваша. — Он пожал плечами. — Если бы я дорожил жизнью, разве бы я избрал ремесло пирата? Однако учтите: после того как вы меня повесите, мои матросы не оставят от города камня на камне. Мстя за меня, они не пощадят ни стариков, ни женщин, ни детей. Подумайте хорошенько и вспомните ваш долг перед королем и вверенной вам колонией — долг, который вы по справедливости считаете первостепенным.

Бесцветные глаза губернатора сверлили Блада, словно стремясь проникнуть в самую его душу. Блад стоял перед губернатором неустрашимый, спокойный, и его спокойствие было пугающим.

Полковник поглядел на Макартни, словно ища у него поддержки, но не получил ее. Наконец, поборов себя, он произнес сквозь зубы:

— О будь я проклят! Поделом мне — нечего было связываться с пиратом! Я выплачу вам ваши сто шестьдесят тысяч, чтобы отделаться от вас, и убирайтесь отсюда ко всем чертям! Прощайте!

— Сто шестьдесят тысяч? — Капитан Блад изумленно поднял брови. — Это вы должны были заплатить мне как своему союзнику. Такое соглашение было заключено нами до объявления войны.

— Какого же дьявола вам еще нужно?

— Поскольку вы сложили оружие и признали себя побежденным, мы можем теперь перейти к обсуждению условий мирного договора.

— Каких таких условий? — Раздражение губернатора все возрастало.

— Сейчас я вам скажу. Прежде всего за оказанную вам помощь вы должны уплатить моим людям сто шестьдесят тысяч. Затем еще двести сорок тысяч — выкуп за город, чтобы избавить его от разрушения.

— Что? Ну, клянусь Богом, сэр!..

— Затем, — безжалостно продолжал капитан Блад, — восемьдесят тысяч — выкуп за вас лично, восемьдесят тысяч — за вашу семью и сорок тысяч — за всех прочих почтенных граждан этого города, включая и капитана

Макартни. Все это вместе составит шестьсот тысяч, а сумма эта должна быть выплачена в течение часа, иначе будет поздно.

На губернатора страшно было смотреть. Он попытался что-то сказать, но не смог и тяжело упал на стул. Когда дар речи наконец вернулся к нему, голос его дрожал и звучал хрипло:

— Вы... вы напрасно испытываете мое терпение. Вы, может быть, думаете, что я не в своем уме?

— Повесить его надо, полковник, и все тут, — не выдержал Макартни.

— И сровнять с землей этот город, спасти который любой ценой — заметьте, любой ценой! — ваш долг, — присовокупил капитан Блад.

Губернатор потер рукой потный бледный лоб и застонал.

Так продолжалось еще некоторое время, и всякий раз они возвращались к тому же и повторяли то, что уже было не раз сказано, пока полковник Коуртни неожиданно не рассмеялся довольно истерично.

— Будь я проклят! Остается только поражаться вашей скромности. Вы могли потребовать и девятьсот тысяч и даже девять миллионов...

— Разумеется, — сказал капитан Блад. — Но я вообще очень скромнен по натуре, а кроме того, имею некоторое представление о размерах вашей казны.

— Но вы же не даете мне времени! — в отчаянии воскликнул губернатор, показывая тем самым, что он сдался. — Как могу я собрать такую сумму за час?

— Я не стану требовать невозможного. Пришлите мне деньги до захода солнца, и я уведу свой корабль. А сейчас я позволю себе откланяться, чтобы задержать открытие боевых действий. Счастливо оставаться!

Они позволили ему уйти — им ничего больше не оставалось. А на вечерней заре капитан Макартни подъехал верхом к пиратскому форту. За ним следовал слуга-негр, ведя в поводу мула, навьюченного мешками с золотом.

Капитан Блад один вышел из форта им навстречу.

— От меня бы вам этого не дожидаться, — проворчал сквозь зубы желчный капитан.

— Я постараюсь запомнить это на случай, если вас когда-нибудь поставят управлять колониями. А теперь, сэр, к делу. Что в этих мешках?

— По сорок тысяч золотом в каждом.

— В таком случае сгрузите мне четыре мешка — сто шестьдесят тысяч, которые я должен был получить за оборону острова. Остальное можете отвезти обратно губернатору вместе с поклоном от меня. Пусть это послужит уроком ему, а также и вам, дорогой капитан, чтобы вы поняли: первый, основной долг каждого человека — это долг перед самим собой, перед собственной совестью и честью, а не перед должностью, и остаться верным этому долгу, одновременно нарушая данное вами слово, нельзя!

Капитан Макартни засопел от изумления.

— Чтоб мне сохнуть! — хрипло пробормотал он. — Но вы же пират!

— Я — капитан Блад, — холодно прозвучал в ответ суровый голос флибустьера.

Глава V

ЦЕНА ПРЕДАТЕЛЬСТВА

Капитан Блад был доволен жизнью, другими словами, он был доволен собой.

Стоя на молу в скалистой Кайонской бухте, он смотрел на свои суда. Не без чувства гордости оглядывал он пять больших кораблей, составлявших его флотилию, — ведь когда-то все они, от киля до верхушек мачт, принадлежали Испании. Вон стоит его флагманский корабль «Арабелла» с сорока пушками на борту; красный его корпус и золоченые порты сверкают в лучах заходящего солнца. А рядом — бело-голубая «Элизабет», не уступающая флагману по мощности огня, и позади нее — три корабля поменьше, на каждом — по двадцать пушек, все три захваченные в жаркой схватке у Маракайбо, откуда он их на днях привел. Этим кораблям, именовавшимся прежде «Инфанта», «Сан-Фелипе» и «Санто-Ниньо», Питер Блад присвоил имена трех парок — «Клото», «Лаксис» и «Атропос», как бы давая этим понять, что отныне они станут вершителями судеб всех испанских кораблей, какие могут им повстречаться в океане.

Проявив в этом случае юмор пополам с ученостью, капитан Блад, как я уже сказал, испытывал удовольствие собой. Его команда насчитывала около тысячи человек, и при желании он мог в любую минуту удвоить это число, ибо его удача уже вошла в поговорку, а что может быть драгоценней удачи в глазах тех, кто в поисках рискованных

авантюр очертя голову следует за вожаком? Даже великий Генри Морган в зените своей славы не обладал такой властью и авторитетом. Нет, даже Монтбар¹⁸, получивший от испанцев прозвище «Истребитель», не нагонял на них в свое время такого страха, как теперь дон Педро Сангре — так звучало по-испански имя Питера Блада.

Капитан Блад знал, что он объявлен вне закона. И не только король испанский, могуществу которого он не раз бросал вызов, но и английский король, не без основания им презираемый, — оба искали способа его уничтожить. А недавно до Тортуги долетела весть, что последняя жертва капитана Блада — испанский адмирал дон Мигель де Эспиноса, особенно жестоко пострадавший от его руки, — объявил награду в восемьдесят тысяч испанских реалов тому, кто сумеет взять капитана Блада живым и передать ему с рук на руки. Обуреваемый жадой мщения, дон Мигель не мог удовлетвориться простым умерщвлением капитана Блада.

Однако все это отнюдь не запугало капитана Блада, не заставило его утратить веру в свою звезду, а посему он вовсе не собирался похоронить себя заживо в надежной бухте Тортуги. За все страдания, которые он претерпел от людей — а претерпел он немало, — ему должна была заплатить Испания. При этом он преследовал двойную цель: вознаградить себя и в то же время сослужить службу если не презираемому им Стюарту, то Англии, а следовательно, и всему остальному цивилизованному миру, которого алчная, жестокая и фанатичная Испания с присущим ей коварством пыталась лишить всяких связей с Новым Светом.

Питер Блад спускался с мола, где уже улеглась шумная и пестрая повседневная суতোлка, когда из шлюпки, доставившей его к пристани, раздался оклик боцмана с «Арабеллы»:

— Ждать тебя к восьми склянкам, капитан?

— Да, к восьми склянкам! — не оборачиваясь, крикнул Блад и зашагал дальше, помахивая длинной черной тростью, как всегда изысканно-элегантный, в темно-сером, расшитом серебром костюме.

Он направился к центру города. Большинство прохожих кланялись, приветствуя его, остальные просто глядели. Он шел по широкой немощеной Рю-дю-Руаде-Франс*, которую заботливые горожане обсадили паль-

---

* Улица Французского Короля (фр.).

мами, стремясь придать ей более нарядный вид. Когда он поравнялся с таверной «У французского короля», корсары, торчавшие у входа, вытянулись в струнку. Из окон доносился приглушенный гул голосов, обрывки нестройного пения, визгливый женский смех и грубая брань, а на фоне этих разнообразных звуков равномерно и глухо стучали игральные кости и звенели стаканы.

Питеру Бладу стало ясно, что его корсары весело спускают золото, привезенное из Маракайбо. Ватага каких-то головорезов, вывалившись наружу из дверей этого дома бесчестия, встретила его приветственными криками. Разве не был он некоронованным королем всех отщепенцев, объединившихся в великое «береговое братство»?

Он помахал тростью, отвечая на их приветствия, и прошел мимо. У него было дело к господину д'Ожерону, губернатору Тортуги, и это дело привело его в красивый белый дом, стоявший на возвышенности в восточном предместье города.

Капитан Блад, человек осторожный и предусмотрительный, деятельно готовился к тому дню, когда смерть или падение короля Якова II откроют ему путь обратно на родину. С некоторого времени у него вошло в обычай передавать часть своих трофеев губернатору в обмен на векселя французских банков, которые тот переправлял для хранения в Париж. Питер Блад был всегда желанным гостем в доме губернатора, и не только потому, что сделки эти были выгодны д'Ожерону; у губернатора были на это и более глубокие причины: однажды капитан Блад оказал ему неоценимую услугу, вырвав его дочь Мадлен из рук похитившего ее пирата. С того дня и сам д'Ожерон, и его сын, и двое дочерей считали капитана Блада самым близким другом своей семьи.

Поэтому не было ничего удивительного в том, что, как только было покончено с делами, мадемуазель д'Ожерон-старшая пожелала прогуляться с гостем по душистой аллее отцовского сада и проводить его до ворот.

Мадемуазель д'Ожерон, жгучая брюнетка, с матово-бледным лицом, высокая и стройная, одетая богато, по последней парижской моде, славилась не только своей романтической красотой, но и романтическим складом характера. И когда в сгущающихся вечерних сумерках

она грациозно скользнула в сад за капитаном, ее намсрения, как выяснилось, носили также несколько романтический оттенок.

— Месье, я умоляю вас быть начеку, — с легкой запинкой произнесла она по-французски. — Вы приобрели себе слишком много врагов.

Питер Блад остановился и, сняв шляпу, так низко склонился перед мадемуазель д'Ожерон, что длинные черные локоны почти закрыли его точеное, бронзовое, как у цыгана, лицо.

— Мадемуазель, ваша забота чрезвычайно мне льстит. О да, чрезвычайно. — Он выпрямился, и его дерзкие глаза, казавшиеся совсем светлыми под черными, как смоль, бровями, с веселой усмешкой встретили ее взгляд. — Вы правы, у меня нет недостатка во врагах. Но это — цена известности. Лишь тот, кто ничего не стоит, не имсет врагов. Однако здесь, на Тортуге, у меня врагов нет.

— Вы вполне в этом уверены?

Тон ее вопроса заставил его задуматься. Он нахмурился и сказал, пристально вглядываясь в ее лицо:

— Вам что-то известно, мадемуазель, как я догадываюсь?

— Почти ничего. Не больше того, что сообщил мне сегодня один из наших слуг. Он сказал, что испанский адмирал назначил награду за вашу голову.

— У адмирала просто такая манера — делать мне комплименты, мадемуазель.

— И еще он сказал, что Каузак грозился во всеуслышание, что заставит вас пожалеть о том, как вы обошлись с ним в деле у Маракайбо.

— Каузак?

Это имя заставило капитана Блада подумать, что он, пожалуй, поторопился, заявив, будто у него нет врагов на Тортуге. Он совсем забыл про Каузака. Но Каузак, как видно, отнюдь не склонен был забыть про капитана Блада. Он был с Бладом в деле при Маракайбо, но они не ладили, и Каузак по доброй воле откололся от него и крепко просчитался. Однако, как всякий самовлюбленный тупица, он во всем винил капитана Блада, который якобы обвел его вокруг пальца. После этого он никогда даже не пытался скрыть свою необоснованную ненависть к Бладу.

— Вот как, он грозит мне? — промолвил капитан Блад. — Ну, это несколько опрометчиво и даже не-

скромно с его стороны. К тому же всем известно, что его никто не обижал. Когда ему показалось, что угрожающая нам опасность слишком велика, он пожелал отколоться от нас, и мы не стали его удерживать.

— Но он при этом лишился своей доли добычи, и с тех пор над ним и его командой смеется вся Тортуга. Разве вы не понимаете, какие чувства должен испытывать к вам этот негодяй?

Они уже подходили к воротам.

— Вы будете его остерегаться? — с мольбой попросила девушка. — Постарайтесь держаться от него подальше.

Капитан Блад улыбнулся, тронутый ее заботой.

— Я должен это сделать хотя бы для того, чтобы иметь возможность служить вам. — И он церемонно склонился в поцелуе над ее рукой.

Однако он не придавал особого значения ее словам. Что Каузак вынашивает планы мщения — этому он легко мог поверить. Но чтобы Каузак здесь, на Тортуге, решился открыто ему угрожать — это казалось маловероятным: такой трусливый тупица едва ли мог отважиться на столь опасное бахвальство.

Питер Блад вышел за ворота и быстро зашагал в теплом бархатистом полумраке надвигающейся ночи и вскоре вышел на залитую огнями Рю-дю-Руа-де-Франс. Он уже приближался к концу этой почти безлюдной в вечерний час улицы, когда какая-то тень скользнула ему навстречу из проулка.

Он насторожился и замедлил шаг, но тут же увидел, что перед ним женщина, и услышал ее негромкий оклик:

— Капитан Блад!

Он остановился. Женщина подошла ближе и заговорила быстро, взволнованно, с трудом переводя дыхание:

— Я видела, вы проходили здесь два часа назад, да было еще светло, ну я и побоялась заговорить с вами у всех на глазах. Решила: подожду, куда вы вернетесь. Не ходите дальше, капитан, — вы идете навстречу опасности, навстречу смерти!

Он был озадачен и только сейчас узнал ее. Перед глазами его возникла сцена, разыгравшаяся неделю назад в таверне «У французского короля». Двое пьяных головорезов сцепились из-за женщины — жалкого обломка, вышвырнутого судьбой из Европы и прибитого к островам Нового Света. Эта несчастная, сохранившая еще неко-

тору ю миловидность, но столь же грязная и потрепанная, как ее полуистлевшие лохмотья, пыталась вмешаться в свару, причиной которой была она сама, однако один из головорезов отвесил ей хорошую затрешину, и тогда Блад в порыве рыцарского гнева сбил негодяя с ног и вывел женщину из притона.

— Они устроили на вас засаду вот там, недалеко отсюда, — говорила женщина. — Они хотят вас убить.

— Кто — они? — спросил Питер Блад, мгновенно вспомнив предостережение мадемуазель д'Ожерон.

— Их там десятка два. И если только они узнают... если они увидят, как я вас тут остановила... мне сегодня же ночью перережут глотку.

Она пугливо озиралась по сторонам в темноте, голос ее дрожал от страха, который, казалось, все возрастал. Внезапно она хрипло вскрикнула:

— Да не стойте же здесь! Идите за мной, я укрою вас до утра в безопасном месте. Утром вы вернетесь на свой корабль и хорошо сделаете, если не будете его покидать или хотя бы станете ходить не один, а с товарищами. Идемте! — Она потянула его за рукав.

— Спокойней, спокойней! — сказал Питер Блад, освобождая свой рукав. — Куда это ты меня тащишь?

— Ах, да не все ли равно куда, раз вы избежите опасности! — Она снова с силой потянула его за рукав. — Вы были так добры ко мне, и я не могу позволить, чтобы вас убили. А нас обоих зарежут, если вы не пойдете со мной!

Уступив наконец ее уговорам — скорее ради ее безопасности, нежели ради своей, — Питер Блад позволил женщине увлечь его за собой с широкой улицы в узкий проулок, из которого она выбежала, чтобы перехватить его. По одной стороне этого проулка стояли на довольно большом расстоянии друг от друга деревянные одноэтажные хибарки, по другой — тянулась ограда какого-то участка.

Возле второй хибарки женщина остановилась. Низенькая дверь была распахнута настежь, внутри тускло мерцал огонек медной керосиновой лампы.

— Входите, — шепнула женщина.

Две ступеньки вели в хибарку, пол которой был ниже улицы. Питер Блад спустился по ступенькам и шагнул в комнату.

В ноздри ему ударил тяжелый, тошнотворный запах табачного перегара и коптящей лампы. И прежде чем он

успел оглядеться по сторонам в этом тусклом свете, страшный удар по голове, нанесенный сзади каким-то тяжелым предметом, оглушил его, и в полубморочном состоянии он повалился ничком на грязный земляной пол.

Женщина пронзительно взвизгнула, но визг, внезапно оборвавшись, перешел в хриплый, сдавленный стон, словно ее душили, и снова наступила тишина.

Капитан Блад не успел пошевелиться, не успел даже собраться с мыслями, как чьи-то ловкие жилистые руки быстро принялись за дело: ему скрутили руки за спину, сыромятными ремнями стянули кисти и лодыжки, затем подняли, пихнули на стул и крепко-накрепко привязали к спинке стула.

Коренастый, похожий на обезьяну человек склонил над ним свое мощное туловище на уродливо коротких кривых ногах. Рукава голубой рубахи, закатанные выше локтя, обнажили длинные мускулистые волосатые руки. Маленькие черные глазки злобно поблескивали на широком, плоском, как у мулата, лице. Красный в белую полоску платок был повязан низко, по самые брови. В огромное ухо было продето тяжелое золотое кольцо.

Питер Блад молча смотрел на него, стараясь подавить закипавшее в нем бешенство, которое все усиливалось, по мере того, как прояснялось его сознание. Инстинкт подсказывал ему, что гнев, ярость никак не помогут ему сейчас и любой ценой следует их обуздать. Он взял себя в руки.

— Каузак! — с расстановкой произнес он. — Какая приятная, но неожиданная встреча!

— Да, вот и ты сел наконец на мель, капитан, — сказал Каузак и рассмеялся негромко, злобно и мстительно.

Питер Блад отвел от него глаза и поглядел на женщину, которая извивалась, стараясь вырваться из рук сообщника Каузака.

— Уймись ты, шлюха! Уймись, не то придушу! — пригрозил ей тот.

— Что вы хотите сделать с ним, Сэм? — визжала женщина.

— Не твое дело, старуха.

— Нет, мое, мое! Ты сказал, что ему грозит опасность, и я поверила тебе, поверила тебе, лживая ты скотина!

— Ну да, так оно и было. А теперь ему тут хорошо и удобно. А ты ступай туда, Молли. — Он подтолкнул ее к открытой двери в темный альков.

— Не пойду я!.. — огрызнулась она.

— Ступай, тебе говорят! — прикрикнул он. — Смотри, хуже будет!

И, грубо схватив женщину, которая упиралась и брыкалась что было мочи, он поволок ее через всю комнату, выпихнул за дверь и запер дверь на задвижку.

— Сиди там, чертова шельма, и чтоб тихо было, не то я успокою тебя на веки вечные.

Из-за двери донесся стон, затем заскрипела кровать — как видно, женщина в отчаянии бросилась на нее, — и все стихло.

Питер Блад решил, что ее участие в этом деле теперь для него более или менее ясно и, по-видимому, закончено. Он поглядел на своего бывшего сотоварища и улыбнулся с наигранным спокойствием, хотя на душе у него было далеко не спокойно.

— Не проявлю ли я чрезмерную нескромность, если позволю себе спросить, каковы твои намерения, Кауза-
зак? — осведомился он.

Приятель Каузака, долговязый, вихлястый малый, тощий и скуластый, сильно смахивающий на индейца, рассмеялся, навалившись грудью на стол. Его одежда изобличала в нем охотника. Он ответил за Каузака, который молчал, насупившись, не сводя мрачного взгляда с пленника:

— Мы намерены передать тебя в руки дона Мигеля де Эспиноса.

И, наклонившись к лампе, он оправил фитиль. Пламя вспыхнуло ярче, и маленькая грязная комната словно увеличилась в размерах.

— C'est ça*, — сказал Каузак. — А дон Мигель, надо полагать, вздернет тебя на ноке рея,

— А, так тут еще и дон Мигель затесался! Какая честь! Верно, это цена, назначенная за мою голову, так раззадорила вас всех? Что ж, это самая подходящая для тебя работенка, Каузак, клянусь честью! Но все ли ты учел, приятель? У тебя впереди по курсу есть кое-какие подводные рифы. Хэйтон со шлюпкой должен встретить меня у мола, когда пробьет восемь склянок. Я и так уже запоздал — восемь склянок пробило час назад, если не больше, и сейчас там поднимается тревога. Все знают, куда я шел, и отправятся туда искать меня. А ты сам знаешь, ребята, чтобы меня

---

* C'est ça — Это так (фр.).

найти, перетряхнут и вывернут наизнанку весь этот город, как старый мешок. Что ждет тебя тогда, Каузак? Ты подумал об этом? Вся твоя беда в том, что ты начисто лишен воображения, Каузак. Ведь это недостаток воображения заставил тебя удрать с пустыми руками из Маракайбо. И если б не я, ты еще по сей день потел бы на веслах на какой-нибудь испанской галере. А ты вот обозлился на меня и, как упрямый болван, не видишь дальше собственного носа, думаешь только о том, чтобы выместить на мне свою злобу, и сам на всех парусах летишь к своей гибели. Если в твоей башке есть хоть крупица здравого смысла, приятель, тебе бы надо сейчас поскорее убрать парус и лечь, пока еще не поздно, в дрейф.

Но Каузак в ответ лишь злобно покосился на Блада и принялся молча обшаривать его карманы. Его товарищ наблюдал за этим, усевшись на трехногий сосновый табурет.

— Который час, Каузак? — спросил он.

Каузак поглядел на часы Питера Блада.

— Без минуты половина десятого, Сэм.

— Сдохнуть можно! — проворчал Сэм. — Три часа ждать еще!

— Там, в шкафу, есть кости, — сказал Каузак. — А тут у нас найдется, что поставить на кон.

И он ткнул большим пальцем через плечо на стол, где появилась кучка разнообразных предметов, извлеченных из карманов капитана Блада: двадцать золотых монет, немного серебра, золотые часы в форме луковицы, золотая табакерка, пистолет и, наконец, булавка с крупным драгоценным камнем, которую Каузак вынул из кружевного жабо капитана. Рядом лежали шпага Блада и его сарый кожаный патронташ, богато расшитый золотом.

Сэм встал, подошел к шкафу и достал оттуда кости. Он бросил их на стол и, пододвинув свой табурет к столу, сел. Монеты он разделил на две одинаковые кучки. К одной кучке прибавил шпагу и часы, к другой — пистолет, табакерку и булавку с драгоценным камнем.

Питер Блад, внимательно и настороженно следивший за ними, почти не чувствуя боли от удара по голове — так напряженно искал он в эти минуты какого-либо пути к спасению, — заговорил снова. Страх и отчаяние

сжимали его сердце, но он мужественно не позволяя себе в этом признаться.

— И еще одного обстоятельства ты не учел, — медленно, словно нехотя процедил он сквозь зубы. — А что, если я пожелаю дать за себя выкуп, значительно превосходящий ту сумму, которую испанский адмирал предлагает за мою голову?

Но это не произвело на них впечатления. А Каузак даже поднял его на смех.

— *Tiens!* А ты же был уверен, что Хэйтон явится сюда освободить тебя. Как же так?

И он расхохотался, а за ним и Сэм.

— Это вполне вероятно, — сказал капитан Блад. — Вполне вероятно. Но полной уверенности у меня нет. Ничего нет абсолютно верного в этом неверном мире. Даже и то, что испанец заплатит вам эти восемьдесят тысяч реалов, то есть ту сумму, в которую он, как мне сообщили, оценил мою голову. Со мной ты можешь заключить более выгодную сделку, Каузак.

Он умолк, но его острый, наблюдательный взгляд успел уловить алчный блеск, мгновенно вспыхнувший в глазах француза; успел заметить он и хмуро сдвинутые брови второго бандита. Помолчав, он продолжал:

— Ты можешь заключить со мной такую сделку, которая вознаградит тебя за все, что ты потерял у Маракайбо. Потому что за каждую тысячу реалов, обещанную адмиралом, я предлагаю тебе две.

Каузак онемел с открытым ртом, выпучив глаза.

— Сто шестьдесят тысяч? — ахнул он, не скрывая своего изумления.

Но огромный кулак Сэма обрушился на шаткий стол. Сэм грубо выбранился.

— Хватит! — загремел он. — Как я договорился, так и сделаю. А не сделаю, мне несдобровать... да и тебе, Каузак, тоже. Да неужто ты, Каузак, такая курица, что поверил этому беркуту? Ведь он заключает тебя, как только ты выпустишь его на свободу!

— Каузак знает, что я сдержу слово, — сказал Блад. — Мы с ним плавали вместе. Он знает, что мое слово ценится дороже золота даже испанцами.

— Ну и пусть. А для меня оно не имеет цены. — Сэм угрожающе приблизил к капитану Бладу свое скуластое злое лицо с тяжелыми, набрякшими веками

---

* *Tiens!* — Вон как! (фр.).

и низким, покатым лбом. — Я пообещался доставить тебя сегодня в полночь в целости и сохранности куда следует, а когда я берусь за дело, я его делаю. Понятно?

Капитан Блад посмотрел на него и, как это ни странно, широко улыбнулся.

— Ну еще бы, — сказал он. — Ваше разъяснение не оставляет места для загадок.

И он действительно так думал. Ибо теперь для него стало ясно, что это именно Сэм вошел в сделку с испанцами и не осмеливается нарушить договор, опасаясь за свою жизнь.

— Тем лучше для тебя, — заверил его Сэм. — И если не хочешь, чтобы тебе забили кляп в рот, так придержи свой вонючий язык еще часика три. Уразумел?

И он снова приблизил к лицу пленника свою скуластую физиономию и уставился на него с угрозой и насмешкой.

Да, капитан Блад уразумел все. И, уразумев, перестал отчаянно цепляться за единственную соломинку, дававшую ему какой-то проблеск надежды. Он понимал, что должен сидеть здесь, беспомощный, прикрученный к стулу ремнями, и ждать, когда его передадут с рук на руки кому-то еще, кто доставит его к дону Мигелю де Эспиноса.

О том, что произойдет дальше, он старался не думать. Он знал чудовищную жестокость испанцев, и для него не составляло труда представить себе, как будет неистовствовать адмирал. Холодный пот пробежал по его спине при одной мысли об этом. Неужто его феерическая, головокружительная карьера должна оборваться столь бесславно? Неужто ему, победителю, горделиво бороздившему воды Мейна, суждено безвестно сгинуть, барахтаясь в грязной воде какого-нибудь трюма! Он не мог возлагать никаких надежд на поиски, уже сейчас, вероятно, предпринятые Хэйтоном. Да, конечно, ребята перевернут вверх дном весь город — в этом он несколько не сомневался. Но он не сомневался и в том, что, когда они доберутся сюда, будет уже слишком поздно. Они могут выследить этих двух предателей и жестоко отомстить им, но ему это уже не поможет.

От страстного, неистового желания вырваться на свободу в голове у него мутилось, отчаяние парализовало ум и волю. Тысяча преданных ему душой и телом людей были здесь, рядом — стоило, казалось, только

крикнуть... но он был бессилён призвать их на помощь и вскоре будет отдан во власть мстительного кастильца! Эта мысль, сколько бы он ни гнал ее от тебя, настойчиво возвращалась к нему снова и снова; она стучала в висках, качалась, словно маятник, в его мозгу, мешала сосредоточиться...

А затем внезапно ему удалось овладеть собой. Мозг прояснился и заработал деятельно и четко, почти сверхъестественно четко. Питер Блад знал цену Каузаку — это был алчный, продажный прохвост, готовый предать любого ради своей корысти. И этот Сэм тоже, вероятно, не лучше, а может, даже и хуже; ведь его-то толкнула на это дело одна только жажда наживы — проклятые испанские деньги, цена его, Питера Блада, жизни. Питер Блад пришел к заключению, что он слишком рано оставил попытки перешеголять в щедрости испанского адмирала, перебить его цену. Можно еще попытаться бросить кость этим двум грязным псам, чтобы они перегрызли из-за нее друг другу глотку.

Некоторое время он молча наблюдал за ними, подмечая злобный и жадный блеск глаз, то следивших за падением костей, то поглядывавших на жалкие кучки золота, оружие и прочие предметы, от которых негодяи очистили его карманы и за обладание которыми сражались теперь, коротая время в ожидании назначенного часа за игрой в кости. А затем он услышал свой собственный голос, громко нарушивший тишину:

— Вы тут тратите время на игру из-за какого-нибудь полупенса, а стоит вам протянуть руку, и каждый из вас станет богачом.

— Ты опять за свое? — заворчал Сэм.

Но капитан Блад и ухом не повел и продолжал дальше:

— К той цене крови, которую назначил испанский адмирал, я делаю надбавку в триста двадцать тысяч. Покупаю у вас мою жизнь за четыреста тысяч реалов.

Сэм, разозлившись, вскочил было на ноги, да так и окаменел, пораженный грандиозностью названной суммы; Каузак поднялся тоже, и они стояли друг против друга по обе стороны стола, дрожа от возбуждения; ни тот, ни другой не произнес еще ни слова, но глаза их уже загорелись алчным огнем. Наконец француз нарушил молчание:

— Боже милостивый, четыреста тысяч! — Он вымолвил это медленно, с трудом ворочая языком, словно стремясь,

чтобы огромная цифра проникла в его мозг и дошла до сознания его соучастника. Он повторил: — Четыреста тысяч, по двести тысяч на каждого! Разрази меня гром! За такие денежки стоит рискнуть, а, Сэм?

— Куча денег, что и говорить, — задумчиво проговорил Сэм. Потом он вдруг опомнился: — Чума на тебя! Так ведь это слова! Кто им поверит? Попробуй освободи-ка его, как ты тогда заставишь его платить, да он...

— О нет, я заплачу, — сказал Блад. — Каузак может подтвердить, что я всегда плачу. Учтите, — добавил он, помолчав, — что такая сумма, даже если ее поделить, сделает каждого из вас богачом, и вы до конца дней своих будете жить припеваючи, в полном достатке. — Он рассмеялся. — Ну же, ребята, не ваяйте дурака!

Каузак облизнул пересохшие губы и поглядел на своего компаньона.

— Давай рискнем, — заискивающе пробормотал он. — Сейчас еще и десяти нет, и мы до полуночи успеем удрать так далеко, что испанцам нас ни в жизнь не догнать.

Но переубедить Сэма было нелегко. Он размышлял. И хотя приманка была велика, Сэм никак не мог решиться принять это соблазнительное предложение, ибо ему мерещилась в нем двойная опасность. Связавшись с испанцами, он теперь боялся отступить от них: ему казалось, что тогда его неминуемо ждет гибель либо от руки разъяренных испанцев, которых он предаст, либо от руки самого Блада, который, если его освободить, конечно, ничего им не простит. Так лучше уж без особого риска взять верные сорок тысяч, чем гоняться за какими-то призрачными сотнями тысяч, раз это к тому же сопряжено с такой опасностью.

— Не бывать этому, и все! — сердито закричал он. — А ты, капитан, заткнись! Я, кажется, тебя предупреждал.

— А, черт! — хрипло выругался Каузак. — А я говорю, что стоит рискнуть! Стоит!

— Ты говоришь? А ты-то чем рискуешь? Испанцы даже не знают, что ты ввязался в это дело. Тебе легко, приятель, говорить «стоит рискнуть!», когда тебе и рисковать-то не придется. Вот мне — другое дело. Если я надую испанца, он сразу смекнет, чем тут пахнет. Да что толковать! Я дал слово, а я своему слову хозяин. И хватит об этом.

Решительный, свирепый, он стоял напротив Каузака по другую сторону стола, и Каузак, хмуро глянув на

тощее непреклонное лицо, вздохнул с досадой и снова опустил на табурет.

Блад ясно видел, что в душе француза клокочет злорадия. Несмотря на мстительную ненависть, которую этот корыстный мошенник питал к Бладу, завладеть деньгами своего врага было для него соблазнительнее, чем лишать его жизни, и нетрудно было догадаться, какую досаду испытывает он, видя, что возможность крупной наживы уплывает у него из-под носа только потому, что для его компаньона это сопряжено с риском.

Некоторое время эта достойная парочка хранила молчание. Молчал и Блад, считая, что ему пока не следует ничего добавлять к уже сказанному, так как сейчас это не принесет плодов. Вместе с тем он все же испытывал некоторое удовлетворение, видя, что ему удалось посеять рознь между компаньонами.

Когда же он наконец заговорил, нарушив нависшее в комнате угрюмое молчание, его слова, казалось, имели мало связи со всем предыдущим.

— Хотя вы, по-видимому, твердо решили продать меня испанцам, это еще отнюдь не причина, чтобы я умирал тут у вас от жажды. В горле у меня пересохло, как в солончаковой пустыне, ей-богу.

И хотя мучившая его жажда служила для него лишь предлогом, чтобы достичь своей цели, тем не менее она была отнюдь не притворной, и надо сказать, что его тюремщики так же сильно от нее страдали. Воздух в этой комнате с запертыми наглухо дверями и окнами был нестерпимо душным. Сэм провел рукой по влажному лбу и стряхнул капельки пота.

— Дьявол! Ну и жарыща! — пробормотал он. — Мне тоже пить охота.

Каузак облизнул воспаленные губы.

— А здесь в доме нет ничего? — спросил он.

— Нету. Да тут до таверны два шага. — Сэм поднялся со стула. — Пойду принесу кувшин вина.

Душа Питера Блада снова взмыла ввысь на крыльях надежды. Произошло именно то, чего он добивался. Зная пристрастие этих подонков к бутылке, он рассчитывал, что разговор о жажде легко повлечет за собой желание ее удовлетворить, а это, в свою очередь, приведет к тому, что один из них отправится за вином, и, если повезет, это будет Сэм. А уж с Каузаком-то он договорится в два счета — в этом капитан Блад не сомневался.

И тут этот кретин Каузак проявил излишнее нетерпение и тем испортил все дело. Он тоже вскочил на ноги.

— Кувшин вина! Вот это дело! — заорал он. — Давай ступай скорей! Я сам прямо помираю — так в глотке пересохло.

Голос его задрожал от волнения, и ухо Сэма сразу уловило эту нетерпеливую дрожь. Он приостановился, внимательно взгляделся в своего компаньона и как в открытой книге прочел на лице этого мелкого жулика все его коварные намерения.

Губы его скривились в усмешке.

— Я что-то передумал, — медленно произнес он. — Лучше уж ты ступай, а я здесь покараулю.

У Каузака отвалилась челюсть; он даже побледнел. И капитан Блад уже в третий раз проклял в душе его непроходимую глупость.

— Ты что — не доверяешь мне? — проворчал Каузак.

— Да нет... Не то чтобы... — последовал уклончивый ответ. — Только уж лучше я останусь.

Тут Каузак и в самом деле рассвирепел:

— Ах, так! Да пошел ты к дьяволу! Если ты мне не доверяешь, так я тебе тоже не доверяю.

— А тебе незачем мне доверять. Ты знаешь, что меня его посулы не соблазняют. Значит, мне его и сторожить.

Минуты две эти гнусные союзники молча сверлили друг друга взглядом и только сопели сердито. Затем Каузак угрюмо отвел глаза в сторону, пожал плечами и отвернулся, словно поневоле признавая, что против доводов Сэма не поспоришь. Он постоял еще немного, прищурившись, о чем-то размышляя. И, как видно приняв внезапно какое-то решение, произнес:

— Да ладно, пойду! — повернулся и быстро вышел из комнаты.

Когда дверь за французом захлопнулась, Сэм опустился на табурет. Блад прислушивался к быстро удаляющимся шагам, пока они не замерли вдали. И неожиданно громко расхохотался, заставив вздрогнуть своего стража.

Сэм подозрительно на него поглядел:

— Что это тебя так разбирает, капитан?

Блад, как мы знаем, предпочел бы иметь дело с Каузаком. С тем он мог действовать наверняка. Добиться чего-нибудь от Сэма представлялось маловероятным, ибо

он явно боялся испанцев как огня. И тем не менее испробовать надо было все, любую, самую ничтожную возможность.

— Меня забавляет твоя беспечность, — отвечал капитан Блад. — Сторожить меня ты ему не доверил, а за вином отпустил...

— Так что ж за беда?

— А если он вернется не один? — загадочно проронил капитан Блад.

— Чума на него! — вскричал Сэм. — Пусть он только попробует со мной такие шутки шутить, пристрелю, как собаку! Я с этими шутниками не церемонюсь.

— Тебе так и так нужно от него избавиться, Сэм. Это же мерзавец и предатель, мне ли его не знать. Ты ему стал сегодня поперек дороги, и он тебе этого не забудет. Сам бы мог понять — ты же видишь, как он предал меня. Да только ты все равно ничего не понимаешь. У тебя есть глаза, Сэм, но ты видишь не больше, чем слепой щенок. И голова у тебя вроде есть, но ее вполне могла бы заменить и тыква, иначе ты не стал бы колебаться между испанцем и мной.

— А, ты опять про это!

— Да, разумеется. Предлагаю тебе четыреста тысяч и ручаюсь честью, что не буду помнить зла и мстить тебе. Даже Каузак пытался тебе втолковать, что моему слову можно верить, — он-то не колебался принять мое предложение.

Питер Блад умолк. Бандит-охотник молча смотрел на него, размышляя. Лицо у него посерело от волнения, пот крупными каплями выступил на лбу.

— Четыре тысяч, говоришь? — прохрипел он наконец.

— Ну, а то как же? Зачем тебе делиться с этим французом? Думаешь, он стал бы делиться с тобой? Он бы, уж конечно, постарался всадить тебе нож в спину, а все денежки положить себе в карман. Ну же, Сэм, смелей, не упусти своего счастья! К дьяволу испанцев! Чего ты их боишься! Ты боишься каких-то призраков. Я защищу тебя от них! На борту моего флагманского корабля ты будешь в полной безопасности.

Сэм оживился, глаза его сверкнули, но тут же потухли снова, затуманенные тревогой.

— Четыре тысяч... Да больно уж риск велик...

— Да какой же риск — ровным счетом никакого, — сказал капитан Блад. — Вполовину меньше риска, чем продавать меня испанцам. Ведь рано или поздно эта

сделка выйдет наружу, и тогда, приятель, тебе живым из Тортуги не уйти. И даже если ты отсюда улизнешь, мои ребята разыщут тебя и на дне морском.

— Да откуда они про меня узнают?

— Найдется кто-нибудь, кто им донесет, — так всегда бывает. Дурак ты был, что взялся за это дело, и дважды дурак, что связался с Каузаком, он же повсюду кричал, что рассчитается со мной. Так на кого же в первую очередь падет подозрение, как не на него? И как только его схватят — а уж схватят его как пить дать! — он тут же выдаст тебя, можешь не сомневаться.

— Провалиться мне, а ведь ты верно говоришь! — вскричал Сэм, когда все эти соображения, совсем не приходившие ему на ум, проникли наконец в его сознание.

— И все остальное, что я тебе говорю, тоже верно, Сэм, уж ты не сомневайся.

— Постой, дай мне подумать.

Питер Блад и на этот раз почел за лучшее ограничиться сказанным. Пока что в этом разговоре с Сэмом он достиг такого успеха, на который даже не смел надеяться. Сомнение в душе Сэма посеяно — оставалось ждать, чтобы оно дало всходы.

Минуты бежали. Сэм, положив локти на стол, опустив голову на скрещенные руки, сидел неподвижно, погруженный в свои думы. Когда он наконец поднял голову, Питер Блад при желтоватом свете лампы заметил, как побледнело его блестевшее от пота лицо. «Как глубоко проник в душу Сэма влитый по капле яд?» — думал пленник. Внезапно Сэм вытащил из-за пояса пистолет и обследовал затравку. Питеру Бладу эти его действия показались довольно зловещими, и особенно потому, что Сэм не сунул пистолета обратно за пояс. Он продолжал возиться с пистолетом; изжелто-серое лицо его было мрачно, губы твердо сжаты.

— Сэм, — негромко окликнул его капитан Блад. — Ну, что ты надумал?

— Я не дам этому ублюдку одурачить меня.

— А дальше что?

— А дальше там видно будет.

Питер Блад с трудом подавил в себе желание подстрекнуть этого дубину еще раз.

В полном молчании, нарушаемом лишь тиканьем часов Питера Блада, лежавших на столе, время тянулось бесконечно. Наконец где-то далеко в переулке послы-

шался звук шагов. Шаги приближались, звучали все громче, дверь распахнулась, и на пороге возник Каузак с большим черным бурдюком вина в руках.

Сэм уже вскочил на ноги, правую руку он держал за спиной.

— Куда это ты провалился? — проворчал он. — Почему так долго?

Каузак был бледен и запыхался, словно бежал бегом. Мозг Питера Блада, работавший в эти минуты с поразительной точностью, мгновенно отметил, что Каузак и не думал бежать. В чем же причина его состояния? Видимо, оно являлось следствием волнения или страха.

— Я торопился, — сказал француз, — да уж больно пить захотелось. Задержался малость, чтобы прополоскать глотку. Вот твоё вино.

Он плюхнул бурдюк на стол.

И в то же мгновение Сэм почти в упор выстрелил ему прямо в сердце.

Картина, которая предстала взору Питера Блада в клубах ядовитого дыма, заставившего его закашляться, запечатлелась в его памяти на всю жизнь. Каузак лежал на полу ничком, тело его судорожно подергивалось, а Сэм, перегнувшись через стол, смотрел на него, и на тощем лице его играла хищная усмешка.

— Я с тобой, французская скотина, не желаю попадать впросак, — дал он свое запоздалое объяснение, словно убитый мог еще его слышать.

Затем он положил пистолет и потянулся к бурдюку. Запрокинув голову, он вылил изрядное количество вина в свою пересохшую глотку. Громко чмокнул, облизнул губы, опустил бурдюк на стол и скорчил гримасу, словно почувствовал во рту горький привкус. Внезапно страшная догадка сверкнула в его мозгу, и в глазах отразился испуг. Он снова схватил бурдюк и понюхал вино, громко, точно собака, втягивая ноздрями воздух. Лицо его посерело, расширенными от ужаса глазами он уставился на Питера Блада и сдавленным голосом выкрикнул одно-единственное слово:

— Мансанилья!¹⁹

Схватив бурдюк, он швырнул его в распростертое на полу мертвое тело, изрыгая чудовищную брань.

А в следующее мгновение он уже скорчился от боли, схватившись руками за живот. Забыв о Бладе, обо всем, кроме сжигавшего его внутренности огня,

он собрал последние силы, бросился к двери и пинком распахнул ее.

Это усилие, казалось, удесятирило его муки. Страшная судорога согнула его тело пополам, так что колени почти уперлись в грудь, и сыпавшаяся с его языка брань перешла в нечленораздельный, звериный вой. Наконец он рухнул на пол и лежал, обезумев от боли, извиваясь, как червяк.

Питер Блад угрюмо смотрел на него. Он был потрясен, но не озадачен. К этой загадке, собственно, не требовалось подбирать ключа — единственное членораздельное слово, произнесенное Сэмом, полностью проливалось на нее свет.

Едва ли еще когда-нибудь возмездие столь своевременно и быстро настигало двух преступных негодяев. Каузак подбавил в вино сок ядовитого яблока, раздобыть который ничего не стоило на Тортуге. Желая отделаться от своего компаньона, чтобы ударить по рукам с капитаном Бладом и забрать себе весь выкуп, он отравил сообщника в ту минуту, когда сам уже пал от его руки.

Острый ум капитана Блада выручил его и на этот раз из беды, однако в известной мере он должен был благодарить за избавление от смерти и свою счастливую звезду.

Корчившийся на полу человек мало-помалу затих. Теперь он лежал совершенно неподвижно на пороге распахнутой двери.

Капитан Блад, безуспешно пытавшийся порвать путы, чтобы оказать ему помощь, услышал стук в дверь, ведущую в альков, тут он вспомнил о женщине, бессознательно завлекшей его в эту западню. Как видно, звук выстрела и вопли Сэма побудили ее к действию.

— Постарайтесь выломать дверь! — крикнул ей капитан. — Здесь теперь никого нет, кроме меня.

Жидкая дощатая дверь быстро поддавалась, когда женщина налегла на нее плечом. Растрепанная, с одичалым взглядом, она ворвалась в комнату и, взвизгнув, приросла к месту при виде представшей ее глазам картины.

— Перестань визжать, голубушка! — резко прикрикнул на нее Блад, чтобы сразу привести ее в чувство. — Тебе нечего их теперь страшиться. Они не больше могут причинить тебе вреда, чем эти табуретки. Мертвецы еще никому не делали зла. Вон там валяется нож. Возьми и разрежь эти чертовы ремни.

Через минуту он был уже на ногах и отряхивал свой помятый плюмаж. Потом взял шпагу, пистолет, часы и табакерку. Золотые монеты он сгреб в одну небольшую кучку на столе и присоединил к ним булавку с драгоценным камнем.

— Буду рад, если это поможет тебе вернуться на родину, — сказал он женщине. — Ведь где-нибудь-то родина у тебя есть?

Женщина разрыдалась. Капитан Блад взял шляпу, поднял валявшуюся на полу трость и, пожелав женщине доброй ночи, вышел из хибарки.

Десять минут спустя он столкнулся на молу с возбужденной толпой корсаров с горящими факелами в руках. Это была поисковая партия, которую Хагторп и Волверстон отрядили прочесать город. Единственный глаз Волверстона яростно сверкнул при виде капитана Блада.

— Где ты околачиваешься, дьявол тебя раздери? — спросил Волверстон.

— Пытался выяснить, приносят ли счастье деньги, полученные ценой предательства, — отвечал капитан Блад.

Глава VI

ЗОЛОТО САНТА-МАРИИ

Флотилия корсаров — пять больших кораблей — мирно стояла на якоре у западного берега Дарьенского залива. В кабельтове от нее прозрачно-голубые волны, пронизанные искорками утренних лучей, чуть слышно набегали на серебристый полумесяц отлогого песчаного пляжа, за которым отвесной стеной высился лес, сочно-зеленый после только что выпавших дождей. На опушке, среди пламенеющих рододендронов, подобно сторожевому форпосту джунглей, окаймлявших леса, темнели палатки и наспех сколоченные, крытые пальмовыми листьями бревенчатые хижины лагеря корсаров. Разбив здесь свой бивуак, матросы капитана Блада производили кое-какую починку и запасались провиантом — мясом жирных черепах, которых на этом берегу было видимо-невидимо. Пестрое пиратское воинство, насчитывавшее свыше восьмисот человек, шумело, как потревоженный улей. Здесь преобладали англичане и французы, но встречались также голландцы и было даже несколько индейцев-метисов. Сюда

стекались искатели счастья с Эспаньолы, лесорубы из Кампече, беглые матросы и беглые каторжники, рабы с плантаций и прочие изгои и отщепенцы как из Старого Света, так и из Нового, объявленные у себя на родине вне закона.

Было ясное апрельское утро. Трое индейцев вышли из леса и вступили в лагерь. Впереди шел высокий широкоплечий индеец с длинными руками и горделивой осанкой. Одежду его составляли штаны из недубленных шкур и красное одеяло, накинутое на плечи, как плащ. Обнаженная грудь была расписана черными и красными полосами. Золотая пластинка в форме полумесяца, продетая в нос, покачивалась над верхней губой, в ушах поблескивали массивные золотые кольца. Пучок орлиных перьев торчал в иссиня-черных гладких и блестящих волосах. В руке он держал копье, опираясь на него, как на посох.

Он спокойно, без тени замешательства, вступил в толпу глазевших на него корсаров и на весьма примитивном испанском языке объявил им, что он — касик²⁰ Гуанакхани, прозванный испанцами Брасо Ларго*, и попросил отвести его к капитану, которого он также назвал на испанский лад — дон Педро Сангре.

Корсары подняли его на борт флагманского корабля «Арабелла», где в капитанской каюте ему оказал любезный прием высокий худощавый человек, одетый элегантно, как испанский гранд; его бронзово-смуглое мужественное лицо с резко очерченными скулами и орлиным носом могло бы принадлежать индейцу, если бы не пронзительно-синие глаза.

Брасо Ларго, без лишних слов, ввиду незначительности их запаса, тотчас приступил прямо к делу:

— Вы идите со мной, я вам давать много испанский золото. — И добавил несколько неожиданно и не совсем к месту: — Карамба**!

Синие глаза капитана взглянули на него с интересом. Рассмеявшись, он ответил на отличном испанском языке, которым овладел еще в те далекие годы, когда его разрыв с цивилизацией не был столь полным:

— Вы явились как раз вовремя. Карамба! Где же находится это испанское золото?

---

* Длинная Рука (исп.).

** Черт возьми! (исп.).

— Там! — Индеец неопределенно махнул рукой куда-то в западном направлении. — Десять дней ходу.

Капитан Блад хмуро сдвинул брови. Ему вспомнился поход Моргана через перешеек, и он спросил наугад:

— Панама?

Но индеец покачал головой, и на суровом его лице отразилось нетерпение.

— Нет. Санта-Мария.

На корявом испанском языке он стал объяснять, что на берег реки, носящей это название, свозится все золото, добываемое в окрестных горах, а оттуда его потом переправляют в Панаму. И как раз в это время года золота скапливается там очень много, но скоро его увезут. Если капитан Блад хочет захватить это золото, а его сейчас там видимо-невидимо — это Брасо Ларго хорошо известно, — надо отправляться туда тотчас же.

У капитана Блада ни на секунду не возникло сомнения в искренности этого кацика и в отсутствии у него злого умысла. Лютая ненависть к Испании горела в груди каждого индейца и бессознательно делала его союзником любого врага испанской короны.

Капитан Блад присел на крышку рундука под кормовыми иллюминаторами и поглядел на гладь залива, искрившуюся в лучах солнца.

— Сколько потребуется на это людей? — спросил он.

— Сорок десять. Пятьдесят десять, — ответил Брасо Ларго, из чего капитан Блад вывел заключение, что потребуется человек четыреста-пятьсот.

Он подробно расспросил индейца о стране, через которую им предстояло пройти, и о городке Санта-Мария — о его оборонительных укреплениях. Индеец обрисовал все в самом благоприятном свете, решительно отменяя всякие затруднения, и пообещал, что не только сам поведет их, но и даст им носильщиков, чтобы помочь тащить снаряжение. Глаза его сверкали от возбуждения, он без конца твердил одно:

— Золото. Много-много испанский золото. Карамба! — Он, словно попугай, так часто выпускал этот крик, так явно горел желанием увлечь Блада своей затеей, что тот уже начал спрашивать себя, не слишком ли большую заинтересованность проявляет индеец, чтобы быть правдивым до конца.

Его подозрения вылились в форме вопроса:

— Ты очень хочешь, чтобы мы отправились в эту экспедицию, друг мой?

— Да, вы пойти. Пойти. Испанцы любят золото. Гуанахани не любит испанцев.

— Ты, значит, хочешь насолить им? Да, похоже, что ты их крепко ненавидишь.

— Ненавидишь! — как эхо повторил Брасо Ларго. Губы его искривились, он издал резкий гортанный звук: — Гу! Гу! — словно подтверждая: «Да, да!»

— Ладно, я должен подумать.

Капитан Блад крикнул боцмана и поручил индейца его попечению. С квартердека «Арабеллы» рожок проиграл сигнал к сбору на военный совет, который собрался тотчас, как только все, кому положено было на нем присутствовать, поднялись на борт.

Как и подобало представителям этого необычного воинства, раскинувшего свой лагерь на берегу, корсары, собравшиеся вокруг дубового стола в капитанской каюте, являли глазам довольно пестрое зрелище. Во главе стола сидел сам капитан Блад, похожий на испанского гранда в своем роскошном мрачном одеянии, черном с серебром, в пышном черном парике, длинные локоны которого ниспадали на воротник; бесхитростная простодушная физиономия Джерри Питта и его простая домотканая одежда изобличали в нем английского пуританина, каким он, в сущности, и был; Хагторп, суровый, коренастый, крепко сбитый, в добротной, но мешковато сидевшей одежде, был настоящий морской волк с головы до пят и легко мог бы сойти за капитана любого торгового флота; геркулес Волверстон, чей единственный глаз горел свирепым огнем, далеко превосходящим свирепость его натуры, медно-смуглый, живописно-неряшливый в своей причудливой пестрой одежде, был, пожалуй, единственным корсаром, внешность которого соответствовала его ремеслу; Маккит и Джеймс имели вид обычных моряков, а Ибервиль — командир французских корсаров, соперничавший в элегантности костюма с Бладом, — внешностью и манерами больше походил на версальского щеголя, нежели на главаря шайки отчаянных, кровожадных пиратов.

Адмирал — титул этот был недавно присвоен капитану Бладу его подчиненными и приверженцами — изложил совету предложение Брасо Ларго. От себя он добавил только, что поступило оно довольно своевременно, ибо они в настоящую минуту сидят без дела.

Предложение, как и следовало ожидать, пришлось не по душе тем, кто по натуре своей прежде всего были моряками, — Джерри Питту, Маккиту и Джеймсу. Каждый из них по очереди указывал на опасности и трудности большого похода в глубь страны. Хагторп и Волверстон, окрыленные тем, что они смогут нанести испанцам весьма чувствительный удар, сразу ухватились за предложение и напомнили совету об удачном набеге Моргана на Панаму. Ибервиль, француз и гугенот²¹, осужденный и изгнанный за свою веру и пылавший одним желанием — перерезать горло испанским фанатикам, где, когда и кому безразлично, также высказался за поход в выражениях столь же изящных и утонченных, сколь жесток и кровожаден был их смысл.

Так голоса разделились надвое, и теперь от решения Блада зависел исход спора. Но адмирал колебался и, в конце концов, предоставил командам решать самим. Если желающих наберется достаточно, он поведет их на перешеек. Остальные могут оставаться на кораблях.

Командиры одобрили его решение, и все тотчас сошли на берег, взяв индейца с собой. На берегу капитан Блад обратился с речью к своим корсарам, беспристрастно изложив им все «за» и «против».

— Сам я пойду с вами в том случае, — сказал он, — если среди вас наберется достаточно охотников. — Вытащив из ножен свою рапиру, он, как некогда Писарро²², провел острием линию на песке. — Все, кто хочет идти со мной на перешеек, встаньте с наветренной стороны.

Не меньше половины корсаров шумными возгласами выразили желание отправиться в поход. В первую очередь это были беглецы с Эспаньолы, привыкшие сражаться на суше, самые отчаянные головы этого отчаянного воинства, а за ними — почти все лесорубы из Кампече, не страшившиеся ни джунглей, ни болот.

Брасо Ларго, медное лицо которого сияло от удовольствия, отправился за своими носильщиками и пригнал их на следующее же утро — пятьдесят здоровенных рослых индейцев. Корсары были уже готовы двинуться в путь. Они разделились на три отряда — под командованием Волверстона, Хагторпа и Ибервиля, сменившего свои кружева и банты на кожаные штаны охотника.

Впереди шли индейцы, тащившие все снаряжение: палатки, шесть небольших медных пушек, железные ящики с зажигательными ядрами, хороший запас продовольствия — лепешки и сушеную черепашину — и ящик

с медикаментами. С палуб кораблей рожок протрубил им прощальный сигнал; Питт, оставшийся за главного, дал — из чистого озорства — орудийный залп, и джунгли поглотили искателей приключений.

Десять дней спустя, покрыв около ста шестидесяти миль, отряды остановились в волнующей близости от цели своего похода. Первая половина пути оказалась наиболее тяжелой: шесть дней пробирались отряды среди скалистых круч, преодолевая один перевал за другим. На седьмой день они расположились на отдых в большом индейском поселении, где вождь, уведомленный Брасо Ларго о цели похода, оказал им торжественный прием. Произошел обмен подарками: одна сторона преподнесла ножи, ножицы и бусы, другая — бананы и сахарный тростник. Отсюда отряды двинулись дальше, получив значительное подкрепление в лице индейцев.

На рассвете они вышли к реке Санта-Мария, где погрузились в приготовленные для них индейцами пироги. Поначалу этот способ передвижения показался им далеко не столь легким и приятным, как они ожидали. То и дело, не покрыв и расстояния, на которое летит брошенный от руки камень, приходилось останавливаться и перетаскивать свои челны через скалистые пороги или поваленные поперек потока деревья, и так продолжалось целые сутки, а на следующие сутки повторялось снова. Но вот наконец река стала глубже, раздалась вширь, и индейцы, бросив шесты, с помощью которых они управляли пирогами, взялись за весла.

Глубокой ночью они приблизились к поселению Санта-Мария на расстояние пушечного выстрела. Город был скрыт за излучиной реки, но до него оставалось не больше полумили.

Корсары принялись выгружать оружие и амунисию — пушки, мушкеты, ящики с патронами, пороховницы, сделанные из рогов, — все, что было надежно упаковано и укреплено в пирогах. Они не решились раскладывать костры, чтобы не выдать своего присутствия, и, выставив дозорных, легли отдохнуть до рассвета.

Капитан Блад рассчитывал захватить испанцев врасплох и, прежде чем они успеют принять меры к обороне города, взять его без кровопролития. Эти расчеты, однако, не оправдались: на заре из города стала доноситься стрельба и барабаны забили тревогу, предупреждая корсаров, что их приближение не осталось незамеченным.

Волверстону выпала честь возглавить авангардный отряд, состоявший из сорока корсаров, вооруженных самодельными гранатами — цилиндрическими жестянками, заполненными порохом и смолой. Остальные корсары тащили пушки, находившиеся под командой Огла — канонира с флагманского корабля. Отряд Хатторпа шел вторым, Ибервиль со своим отрядом двигался в арьергарде.

Быстрым шагом они прошли через лес, за которым начиналась саванна, и примерно в четверти мили от опушки леса увидели свой Эльдорадо²³.

Вид этого поселения разочаровал их. Вместо богатого испанского города, рисовавшегося их воображению, они увидели несколько деревянных одноэтажных строений, крытых пальмовыми листьями или тростником, сгрудившихся вокруг часовни и охраняемых фортом. Поселок, в сущности, представлял собой лишь пересыльный пункт, куда свозилось золото, добываемое в окрестных горах, и население его состояло почти исключительно из гарнизона и рабов, занятых добычей золота на приисках. Глинобитный форт, повернутый лицом к реке, боком к луку, растянулся почти на всю длину поселка. Кроме того, для защиты от враждебно настроенных индейцев город Санта-Мария был окружен крепким частоколом футов в двадцать высотой, с бойницами для мушкетов.

Дробь барабанов затихла, но когда корсары, прежде чем двинуться к городу, выслали из леса на разведку несколько лазутчиков, те отчетливо услышали шум и движение за частоколом. На бруствере форта стояла небольшая кучка людей в кирасах и шлемах. За частоколом, колыхаясь, поднимался к небу дымок — значит, испанские мушкетеры не дремали, и их запальные фитили уже начали тлеть.

Капитан Блад приказал выдвинуть вперед пушки, решив пробить брешь в северо-восточном углу частокола, где штурмующие были бы менее всего уязвимы для обстрела из пушек форта. В соответствии с этим приказом Огл двинул вперед свою батарею под прикрытием выступающего клином леса. Но легкий восточный бриз донес дым их запалов до форта, выдал их присутствие и вызвал на них огонь испанских мушкетеров. Пули уже свистели и шелкали среди ветвей, когда Огл дал первый залп из своих пушек. Пробить брешь в частоколе, никак не способном противостоять орудийному огню, да еще с такого близкого расстояния,

было делом совсем несложным. Испанский гарнизон, руководимый не слишком умелым командиром, был направлен на защиту этой брешы и тотчас отброшен назад беспощадным огнем пушек, после чего Блад приказал Волверстону атаковать:

— Зажигательные банки в авангард! Приближайтесь перебежками, рассыпным строем. Да хранит тебя Бог, Нэд! Вперед!

Низко пригнувшись к земле, корсары бросились на штурм и пробежали больше половины расстояния, прежде чем испанцы накрыли их мушкетным огнем.

Корсары залегли, распластавшись ничком в невысокой траве, дожидаясь, когда стрельба ослабеет; затем вскочили и, пока испанцы перезаряжали свои мушкеты, снова ринулись вперед. Огл же тем временем, повернув жерла своих пушек, бомбардировал город пятифунтовыми ядрами, расчищая путь атакующим.

Семеро волверстонских солдат остались лежать на земле, еще десятерых настигли пули во время второй перебежки, но Волверстон с остальными уже ворвался в пролом. Полетели зажигательные банки, сея ужас и смерть, и прежде чем испанцы успели опомниться, страшные пираты, с дикими криками выскочив из клубов дыма и пыли, схватились с испанцами врукопашную.

Командир испанцев, храбрый, хотя и недалёковидный офицер, по имени Дон Доминго Фуэнтес, сумел воодушевить своих солдат, и схватка длилась еще минут пятнадцать: корсаров то отбрасывали за частокол, то они снова прорывались в брешь.

Однако не существовало таких солдат на свете, которые в рукопашном бою могли бы долго противостоять крепким, выносливым и безрассудно смелым корсарам. Мало-помалу изрыгающие проклятья испанцы были немолотом отброшены назад корсарами Волверстона, плечом к плечу с которыми рубились уже все остальные корсары под командой самого капитана Блада.

Все дальше и дальше отступали испанцы под этим бешеным натиском, оказывая отчаянное сопротивление, и наконец их ряды дрогнули. Испанцы разбежались кто куда, а затем, соединившись снова, отступили, сражаясь, к форту и укрылись в нем, оставив город во власти неприятеля.

Под защитой форта дон Доминго Фуэнтес созвал совет своего гарнизона, от трехсот защитников которого осталось в живых двести перепуганных солдат, выкинул

флаг перемирия и послал к капитану Бладу парламентаря, соглашаясь сдаться на милость победителя, но на почетных условиях, то есть с сохранением оружия.

Однако благоразумие подсказало капитану Бладу, что подобные условия для него неприемлемы. Он знал, что его солдаты будут все, без исключения, пьяны еще до захода солнца, и иметь при этом под боком две сотни вооруженных испанцев было бы слишком рискованно. Вместе с тем, будучи противником всякого бессмысленного кровопролития, он стремился как можно скорее положить конец этой драке и ответил дону Доминго, что гарнизон должен сложить оружие: тогда он гарантирует ему, так же как и всему населению Санта-Марии, полную свободу и безопасность.

Испанцы сложили оружие на большой площади в центре форта, и корсары с развернутыми знаменами вошли в форт, трубя в рог. Испанский командир выступил вперед, чтобы отдать победителям свою шпагу. За его спиной стояли двести безоружных солдат, а позади них — немногочисленное население города, искавшее в форте прибежища от неприятеля. Жителей было человек шестьдесят, и среди них около дюжины женщин, несколько негров и три монаха в черно-белом одеянии ордена святого Доминика. Почти все цветное население города, состоявшее из рабов, находилось, как выяснилось, на приисках в горах.

Дон Доминго, высокий мужчина лет тридцати, красивый, представительный, с черной остроконечной бородкой, еще более удлинявшей его продолговатое лицо, облаченный в кирасу и шлем из вороненой стали, разговаривал с капитаном Бладом свысока.

— Я поверил вам на слово, — сказал он, — потому что хотя вы разбойник, пират и еретик и во всех отношениях человек, лишенный чести, но тем не менее о вас идет такая молва, будто слово свое вы умеете держать.

Капитан Блад поклонился. Вид его, прямо надсказать, оставлял желать лучшего. В схватке он был ранен в голову, одежда на спине висела клочьями. И все же, невзирая на кровь, пот и пороховой дым, ни осанка, ни манеры его не утратили своего благородства.

— Ваша любезность обезоруживает меня, — сказал он.

— Моя любезность не распространяется на грабителей и пиратов, — отвечал непреклонный кастилец, и Ибер-

виль, самый яростный ненавистник испанцев, тяжело дыша, выступил вперед, но капитан Блад его остановил.

— Я жду, — невозмутимо продолжал дон Доминго, — чтобы вы объяснили мне причину вашего разбойного появления здесь. Как вы, английский подданный, осмелились напасть на испанское население, в то время как ваша страна не ведет с Испанией войны?

Капитан Блад усмехнулся:

— Клянусь честью, это все соблазн золота, соблазн, столь же могущественный для пиратов, как и для более высокопоставленных негодяев, одинаково действующий во всех уголках земного шара, — тот самый соблазн, который заставил вас, испанцев, построить этот город в такой удобной близости от золотых приисков. Короче говоря, капитан, мы явились сюда, чтобы освободить вас от последнего снятого вами на приисках урожая, и чем быстрее вы нам его передадите, тем быстрее мы, в свою очередь, освободим вас от нашего присутствия.

Испанец рассмеялся и оглянулся на своих солдат, словно приглашая разделить его веселье.

— Ей-богу, вы, кажется, принимаете меня за дурака, — сказал он.

— Надеюсь, ради вашего собственного благополучия, вы мне докажете, что это не так.

— Неужели вы думаете, что я, будучи предупрежден о вашем появлении, продолжал держать золото здесь, в Санта-Марии? — с издевкой спросил капитан. — Вы опоздали, капитан Блад. Золото сейчас уже находится на пути в Панаму. Еще ночью мы погрузили его в пироги и отправили отсюда под охраной сотни солдат. Вот почему мой гарнизон оказался в таком плачевном состоянии и вот почему я без колебаний решил сдаться вам.

И он снова рассмеялся, заметив разочарование, отразившееся на лице капитана Блада.

Возмущенный ропот пробежал по рядам корсаров, они ближе придвинулись к своему главарю. Весть облетела всех, словно искра, попавшая в порох, и казалось, взрыв неминуем. Грозно зазвенело оружие, раздались яростные проклятья, и корсары уже готовы были броситься на испанского командира, который, как им казалось, одурачил их, и прикончить его тут же на месте, но капитан Блад их опередил: встав перед доном Доминго, он прикрыл его своим телом, словно щитом.

— Назад! — крикнул он, и голос его был подобен

звуку рога. — Дон Доминго — мой пленник, и я дал слово, что ни один волос не упадет с его головы.

Общие чувства выразил Ибервиль, вскричавший вне себя от злобы:

— Ты будешь держать слово, данное этому испанскому псу, который нас обманул? Вздернуть его на сук, и все!

— Он только выполнил свой долг, и я не позволю вешать человека, если в этом вся его вина.

Яростный рев на какой-то миг заглушил голос капитана Блада, но он спокойно стоял, не меняя позы; его светлые глаза смотрели сурово, поднятая вверх рука удерживала на месте разъяренную толпу.

— Замолчите и слушайте меня! Мы только напрасно теряем время. Дело еще поправимо. Они опередили нас с этим золотом всего на несколько часов. Ты, Ибервиль, и ты, Хагторп, сейчас же сажайте своих людей в лодки. Вы нагоните испанцев, прежде чем они достигнут пролива, и даже если это вам не удастся, вы, во всяком случае, успеете перехватить их еще задолго до берегов Панамы. Отправляйтесь! А Волверстон со своими людьми будет дожидаться вас здесь вместе со мной.

Это был единственный способ обуздать их ярость и помешать им убить безоружных испанцев. Повторять приказ дважды не пришлось. Корсары устремились вон из форта и из города еще быстрее, чем проникли туда. Недовольство выражала лишь та сотня людей из волверстонского отряда, которая получила приказ оставаться на месте. Всех испанцев согнали в один из барачных форт и заперли там, после чего корсары разбрелись по городу, надеясь хоть чем-нибудь поживиться и раздобыть пищи.

А капитан Блад занялся ранеными, которых поместили — и корсаров и испанцев, всех вместе — в другом бараке, уложив их на подстилки из сухих листьев. Раненых оказалось человек около пятидесяти, из них корсаров меньше половины. Всего убитыми и ранеными испанцы потеряли свыше ста человек, а корсары около сорока.

Взяв себе в помощь шестерых людей, в том числе одного испанца, обладавшего кое-какими познаниями по части медицины, капитан Блад принялся вправлять суставы и обрабатывать раны. Погруженный в это занятие, он не прислушивался к шуму, долетавшему снаружи — с той стороны, где расположились индейцы,

попрытавшиися во время сражения, — как вдруг пронзительный вопль заставил его насторожиться.

Дверь барака распахнулась, и какая-то женщина, прижимая к груди младенца, с отчаянным воплем бросилась к капитану Бладу, называя его на испанский лад:

— Дон Педро! Дон Педро Сангре!

Нахмурившись, он шагнул к ней навстречу, а она, задыхаясь, судорожно вцепившись рукой в ворот своей одежды, упала перед ним на колени.

— Спасите его! Они его убивают, убивают! — как безумная выкрикивала она по-испански.

Это было совсем еще юное создание, почти девочка, едва успевшая стать матерью, по виду и одежде похожая на испанскую крестьянку. Такие иссиня-черные волосы, смуглая кожа и влажные черные глаза не редкость и среди андалузов. Лишь широкие скулы и характерный седоватый оттенок губ выдавали ее истинное происхождение.

— Что случилось? — спросил Блад. — Кого убивают?

Чья-то тень легла на пол, и на пороге распахнутой двери с видом мрачным и решительным возник исполненный достоинства Брасо Ларго.

Оцепенев от ужаса при виде его, женщина скорчилась на полу. Испуг сковал ей язык.

Брасо Ларго шагнул к ней. Наклонившись, он положил ей руку на плечо, быстро произнес что-то на своем гортанном языке, и хотя Блад не понял ни единого слова, суровый тон приказа был ему ясен.

В отчаянии женщина устремила полубезумный взгляд на капитана Блада.

— Он велит мне присутствовать при казни. Пощадите меня, дон Педро! Спасите его!

— Кого спасти? — крикнул капитан Блад, выведенный всем этим из себя.

Брасо Ларго объяснил:

— Моя дочь — эта. Капитан Доминго — он приходил селенье год назад — уводил ее с собой. Карамба! Теперь я его на костер, а ее домой. — Он повернулся к дочери: — Бамос*, ты иди со мной, — приказал он ей на своем ломаном испанском языке. — Ты глядеть, как враг умирать, потом иди домой селенье.

Капитан Блад нашел это объяснение исчерпывающим.

---

* Пойдем (исп.).

Ему мгновенно припомнилось необычайное рвение, с которым Гуанакхани старался увлечь его в эту экспедицию за испанским золотом, — рвение, показавшееся ему несколько подозрительным. Теперь он понял все. Этот набег на Санта-Марию, в который Брасо Ларго вовлек его вместе с другими корсарами, был нужен индейцу, чтобы вернуть себе похищенную дочь и отомстить капитану Доминго Фуэнтесу. Но вместе с тем капитану Бладу стало ясно и другое. Если похищение и заслуживало кары, то дальнейшее поведение испанца по отношению к этой девушке, которая, быть может, даже не была похищена, а последовала за ним по доброй воле, было таково, что побуждало ее оставаться с ним, и она, обезумев от страха за него, молила сохранить ему жизнь.

— Он говорит, что дон Доминго соблазнил тебя. Это правда? — спросил ее капитан Блад.

— Он взял меня в жены, он мой муж, и я люблю его, — отвечала она страстно, а влажный взор ее больших темных глаз продолжал его молить. — Это наш ребенок. Не позволяйте им убивать его отца, дон Педро! А если они убьют Доминго, — вне себя вскричала она, — я покончу с собой!

Капитан Блад покосился на угрюмое лицо индейца.

— Ты слышал? Этот испанец был добр к ней. Твоя дочь хочет, чтобы мы сохранили ему жизнь. А если, как ты сам сказал, вина его в том, что он обидел ее, значит, она и должна решить его участь. Что вы сделали с ним?

Оба заговорили одновременно: отец — злобно, возмущенно, почти нечленораздельно от гнева, дочь — захлебываясь слезами пылкой благодарности. Вскочив на ноги, она потянула Блада за рукав.

Но Брасо Ларго, продолжая протестовать, преградил им дорогу. Он заявил, что капитан Блад нарушает их союз.

— «Союз»! — фыркнул Блад. — Ты использовал меня в своих целях. Ты должен был откровенно рассказать о ссоре с доном Доминго, прежде чем я связал себя словом, обещав ему полную неприкосновенность. Ну, а теперь...

Он пожал плечами и стремительно вышел из барака вместе с молодой матерью. Брасо Ларго, задумчивый и хмурый, поспешил за ними.

У выхода из форта капитан Блад столкнулся с

Волверстоном, возвращавшимся из города вместе с двумя десятками своих молодцов. Блад, приказав всем следовать за ним, сообщил, что индейцы хотят прикончить испанского капитана.

— Туда ему и дорога! — проворчал Волверстон, который был уже изрядно под хмельком.

Тем не менее и он, и его солдаты последовали за капитаном, так как, в сущности, речи их были всегда кровожаднее, чем их дела.

Возле пролома в частоколе толпа индейцев, человек сорок-пятьдесят, раскладывала костер. На земле лежал дон Доминго — беспомощный, связанный по рукам и ногам.

Женщина бросилась к нему, нежно лопоча какие-то ласковые испанские слова. Улыбка осветила его нежное лицо, еще не совсем утратившее свое презрительное высокомерие. Капитан Блад подошел следом за ней и без лишних слов разрезал ножом сыромятные ремни, которыми был связан пленник.

Индейцы злобно зашумели, но Брасо Ларго мгновенно их успокоил. Он быстро произнес несколько слов, и они с разочарованным видом примолкли. Солдаты Волверстона стояли наготове, с мушкетами в руках, дуя на запальные фитили.

Под их охраной дон Доминго был доставлен обратно в форт. Его юная жена шагала рядом с ним и на ходу давала капитану Бладу разъяснения по поводу немало удивившей его готовности, с какой индейцы повиновались ее отцу.

— Он сказал, что ты дал слово Доминго сохранить ему жизнь и должен свое слово сдержать. Но ты скоро уйдешь отсюда. Тогда они вернутся и разделаются с Доминго и с остальными испанцами.

— Ну, мы им этого не позволим, — заверил ее капитан Блад.

Когда они возвратились в форт, испанский командир выразил желание поговорить с капитаном Бладом.

— Дон Педро, — сказал он, — вы спасли мне жизнь. Мне трудно выразить свою благодарность в словах.

— Прошу вас, не утруждайте себя, — сказал капитан Блад. — Я сделал это не ради вас, а потому, что не люблю нарушать слово. Ну, и ваша малютка жена тоже сыграла в этом не последнюю роль.

Испанец задумчиво улыбнулся, скользнув по индеанке

взглядом, и она подняла на него глаза, в которых светились любовь и обожание.

— Я был неучтив с вами сегодня утром, дон Педро. Приношу вам свои извинения.

— Я более чем удовлетворен.

— Вы очень великодушны, — с достоинством сказал испанец. — Могу ли я поинтересоваться, сеньор, каковы ваши намерения по отношению к нам?

— Как я уже сказал, мы не посягаем на вашу свободу. Когда мои люди возвратятся, мы уйдем отсюда и освободим вас.

Испанец вздохнул:

— Именно этого я и опасался. Ряды наши поредели, оборонительные сооружения разрушены, и когда вы уйдете, мы окажемся во власти Брасо Ларго и его индейцев, которые тотчас всех нас перережут. Будьте уверены, они не покинут Санта-Марии, пока не разделяются с нами.

Капитан Блад нахмурился.

— Вы, несомненно, вызвали на себя гнев Брасо Ларго, соблазнив его дочь, и он будет мстить вам беспощадно. Но что могу сделать я?

— Дайте нам возможность отплыть в Панаму тотчас же, немедленно, пока вы еще здесь и ваши союзники-индейцы не посмеют на нас напасть.

У капитана Блада вырвался нетерпеливый жест.

— Послушайте, дон Педро! — сказал испанец. — Я бы не обратился к вам с этой просьбой, если бы ваши поступки не убедили меня в том, что вы, хотя и пират, человек широкой души и рыцарь. Кроме того, поскольку вы, по вашим словам, не покушаетесь на нашу свободу и не намерены держать нас в плену, то я, в сущности, ничего сверх этого у вас и не прошу.

Высказанные испанцем соображения были справедливы, и, поразмыслив над его словами, капитан Блад решил, что и ему станет легче без этих испанцев, которых приходилось одновременно и стеречь, и защищать. Словом, прикинув так и эдак, Блад дал согласие. Волверстон, однако, колебался. Но на вопрос Блада, чего они могут достигнуть, задерживая испанцев в Санта-Марии, Волверстон вынужден был признаться, что он и сам не знает. Единственное его возражение сводилось к тому, что не верит он ни единому испанцу на земле, но этот довод нельзя было считать достаточно веским.

Словом, капитан Блад отправился искать Брасо Ларго

и нашел его на дощатой пристани неподалеку от форта; он сидел там в угрюмой задумчивости совсем один.

При его приближении индеец встал. Лицо его выражало подчеркнутое безразличие.

— Брасо Ларго, — сказал капитан Блад, — твои индейцы посмеялись над моим честным словом и едва не нанесли непоправимый ущерб моей чести.

— Я не понимаю, — сказал индеец. — Ты стал другом испанской веры?

— Почему другом? Нет. Но когда они сдавались в плен, я пообещал им полную неприкосновенность. Это было условием сдачи. А ты и твои люди нарушили это условие.

Индеец поглядел на него с презрением:

— Ты мой не друг. Я привел тебя здесь к испанский золото, а ты пошел против меня.

— Здесь нет никакого золота, — сказал Блад. — Но я не хочу ссориться с тобой из-за этого. Ты должен был сказать мне, прежде чем мы пустились в путь, что я нужен тебе, чтобы помочь освободить твою дочь и покарать испанца. Тогда я не давал бы слова дону Доминго. Но ты обманул меня, Брасо Ларго.

— Гуу! Гуу! — произнес Брасо Ларго. — Я больше не говорить ничего.

— А я еще не все сказал. Теперь насчет твоих индейцев. После того, что случилось, я не могу им доверять. А данное мною слово требует, чтобы испанцы находились в безопасности, пока я здесь.

Индеец склонил голову.

— Так! Пока ты здесь. А потом?

— Если твои индейцы опять что-нибудь затеют, мои ребята могут взяться за оружие, и я не поручусь, что в кого-нибудь из твоих воинов не угодит пуля. Я буду сожалеть об этом больше, чем о потере испанского золота. Этого нельзя допустить, Брасо Ларго. Ты должен собрать своих людей, и я пока что запроу их на время в одном из барачков форта — для их же собственной пользы.

Брасо Ларго задумался. Потом кивнул. Этот индеец отличался большим здравым смыслом. Его людей загнали в форт, и Брасо Ларго, терпеливо улыбаясь, как человек, который умеет ждать своего часа, согласился запереть их в один из барачков.

Кое-кто из корсаров ворчал, и Волверстон выразил всеобщее неодобрение.

— Ты что-то больно далеко заходишь, капитан! Ради этих скотов-испанцев готов уже нажать себе врагов среди индейцев.

— О нет, вовсе не ради них. Но я дал испанцу слово. И мне жаль этой маленькой индеаночки с грудным младенцем. Испанец был добр к ней, и, кроме того, он человек мужественный.

— Ну, ну, смотри! — сказал Волверстон и отвернулся в негодовании.

Час спустя испанцы уже отчалили от маленькой пристани. С земляных укреплений форта корсары наблюдали за их отплытием; оно было им весьма не по душе. Испанцы погрузили в лодки всего несколько охотничьих ружей — единственное оружие, которое разрешил им взять с собой капитан Блад. Но зато провизией они запаслись вдоволь, и особенную заботу осмотрительный дон Доминго проявил о запасе пресной воды. Он сам проследил за тем, чтобы бочонки с водой были погружены в пироги. После этого он подошел проститься с капитаном Бладом.

— Дон Педро, — сказал испанец. — У меня нет слов, чтобы достойно отблагодарить вас за ваше великодушие. Я горжусь, что вы оказали мне честь быть моим врагом.

— Скажем лучше, что вам просто повезло.

— И повезло тоже, конечно. Теперь я буду говорить всюду и везде — и пусть меня слышат все испанцы, — что дон Педро Сангре — подлинный рыцарь.

— Я бы на вашем месте не стал этого делать, — сказал капитан Блад. — Ведь никто вам не поверит.

Продолжая бурно протестовать, дон Доминго спустился в пирогу, где уже сидела его индеанка-жена со своим младенцем-метисом. Пирогу оттолкнули от берега, и капитан Доминго поплыл в Панаму, снабженный письмом за личной подписью капитана Блада, содержащим приказ Ибервилю и Хагторпу беспрепятственно пропустить обладателя этого письма, буде они с ним повстречаются.

Когда свечерело и из леса повеяло прохладой, корсары расположились на площади форта под открытым небом подкрепить силы пищей. В городе им удалось обнаружить изрядные запасы битой птицы и несколько туш диких козлов, а в хижине доминиканских монахов — бурдюки с превосходным вином. Капитан Блад сел ужинать с Волверстоном и Оглом в довольно комфортабельном домике бывшего испанского командира и, поглядывая в

окна, с удовлетворением наблюдал, как пируют и веселятся его корсары. Только по-прежнему мрачно настроенный Волверстон не разделял его благодушия.

— Держись-ка ты лучше моря, капитан, вот что я тебе скажу, — проворчал он, набивая себе рот пищей. — Там уж, если ты подошел на расстояние пушечного выстрела, так золото от тебя не уплывет в пирог. А что здесь? Отмахали мы десять дней через чашу, а теперь еще десять дней надо отмахать обратно. И скажи спасибо, если так же благополучно выберемся отсюда, как пришли сюда, и если вообще выберемся, потому как, сдается мне, нам еще не миновать иметь дело с Брасо Ларго. Да, наломал ты тут дров, капитан.

— Эх, если бы твои мозги были под стать твоим мускулам, Нэд!.. — со вздохом сказал капитан Блад. — Никаких я тут дров не наломал. А что касается Брасо Ларго, так это вполне здравомыслящий индеец, да, да, можешь мне поверить, и он будет дружить с нами хотя бы только потому, что ненавидит испанцев.

— Ну, а ты что-то больно их полюбил, — сказал Волверстон. — Стоило поглядеть на твои ужимочки, когда ты расшаркивался перед проклятым испанцем, который выкрал у нас золото, душа с него вон!

— Нет, ты не прав, пусть он испанец, однако очень храбрый малый, — сказал Блад. — А то, что он поспешил сплавить отсюда золото, когда узнал о нашем приближении, так это был его долг. Будь он не столько благороден и отважен, он бы не остался на посту, а удрал бы вместе со своим золотом. На благородные поступки отвечают тем же. Больше мне нечего сказать.

И тут, прежде чем Волверстон успел открыть рот, резкий чистый звук рожка долетел со стороны реки, заглушая шум пиршества корсаров. Капитан Блад вскочил на ноги.

— Хатторп и Ибервиль возвращаются! — воскликнул он.

— Даст Бог, с золотом на этот раз! — сказал Волверстон.

Они выскочили из дома и бросились к брустверу, куда устремились уже и остальные корсары. Блад взбежал на бруствер в ту минуту, когда первая из возвращавшихся пирог уже пришвартовалась, и Хатторп поднялся на пристань.

— Вы быстро обернулись! — крикнул капитан Блад, спрыгивая с бруствера навстречу Хатторпу. — Ну как? С удачей?

Хатторп, высокий, широкоплечий, с желтой повязкой на голове, остановился перед капитаном Бладом в сгущающихся сумерках.

— Если и с удачей, так это не твоя заслуга, капитан, — загадочно произнес он.

— Вы что, не догнали их?

На пристань поднялся Ибервиль. Он ответил за своего товарища:

— Некого было и догонять-то, капитан. Он одурачил тебя, этот лживый испанец. Он сказал тебе, что отправил золото в Панаму, но это ложь. А ты поверил ему — поверил испанцу!

— Может быть, вы наконец скажете, что произошло? — спросил капитан Блад. — Вы говорите, что он не отправлял отсюда золота? Так что ж, значит, оно все еще здесь? Это вы хотите сказать?

— Нет, — отвечал Хатторп. — Мы хотим сказать, что после того, как он одурачил тебя своими баснями, ты, не потрудившись даже произвести обыск, отпустил его на все четыре стороны и дал ему возможность увезти золото с собой.

— Что ты плетешь! — прикрикнул на него капитан. — И откуда это может быть тебе известно?

— А мы примерно в десятке миль отсюда проплывали мимо индейского поселка, и у нас хватило смекалки остановиться и спросить насчет испанских пирог, которые должны были пройти тут раньше нас. Так вот, индейцы сказали нам, что никаких пирог тут не проплывало ни сегодня, ни вчера и вообще ни разу после осенних дождей. Ну, мы, конечно, сразу поняли, что твой благородный испанец соврал, тут же порешили повернуть обратно и на полпути напоролись прямо на дона Доминго. Встреча с нами порядком его ошеломила. Он никак не ожидал, что мы так быстро все разнюхаем. Он был все такой же обходительный и держался как ни в чем не бывало, разве что стал еще любезнее. Сразу же откровенно признался в своем обмане, но сказал, что, после того как мы отплыли, он передал золото тебе в виде выкупа за себя и за тех, кто его сопровождал, а ты якобы велел ему передать нам приказ немедленно возвращаться. Потом он еще показал нам свою охранную грамоту, написанную твоей рукой...

Тут вмешался Ибервиль и нетерпеливо закончил рассказ:

— Ну, а поскольку у нас, не в пример тебе, нет

такого доверия к испанцам, мы решили, что кто раз обманул, тот обманет снова, высадили их всех на берег и обыскали.

— И неужто вы нашли золото? — совершенно потрясенный, спросил капитан Блад.

Ибервиль улыбнулся и ответил не сразу:

— Ты позволил им забрать с собой вдоволь всякого провианта на дорогу. А не заметил ты, из какого источника наполнял дон Доминго водой свои бочонки?

— Бочонки? — переспросил капитан Блад.

— В этих бочонках было золото. Фунтов шестьсот-семьсот, никак не меньше. Мы его привезли с собой.

Когда ликующий рев, вызванный этим сообщением, мало-помалу стих, капитан Блад уже успел оправиться от нанесенного ему удара. Он рассмеялся:

— Ваша взяла, — сказал он Ибервилю и Хагторпу. — И в наказание за то, что я позволил так бессовестно себя одурачить, мне остается только отказаться от причитающейся мне доли добычи. — Помолчав, он спросил уже без улыбки: — А что вы сделали с доном Доминго?

— Я бы пристрелил его на месте за такое вероломство, — свирепо заявил Хагторп, — если бы не Ибервиль... Да, Ибервиль — кто бы это подумал! — Ибервиль распустил сопли и так ко мне пристал, что я велел испанцу убраться на все четыре стороны.

Молодой француз отвернулся, пристыженный, избегая встречаться взглядом с капитаном, который смотрел на него с вопросительным удивлением.

— Ну, чего вы хотите? — не выдержал наконец Ибервиль и с вызовом поглядел на Блада. — Там же была женщина, в конце-то концов! Там была эта маленькая индейка, его жена!

— Клянусь честью, о ней-то я сейчас и думал, — сказал капитан Блад. — И вот ради нее — да и ради нас самих тоже — нам следует, пожалуй, сказать Брасо Ларго, что дон Доминго и его жена убиты в схватке за золото. Бочонки с золотом отлично подкрепят наши слова. Так будет спокойнее для всех да и для самого старика индейца.

Итак, хотя корсары и вернулись из этого похода с богатой добычей, он был записан ими в счет личных — весьма редких — неудач капитана Блада. Впрочем, сам он расценивал это несколько иначе.

ЛЮБОВНАЯ ИСТОРИЯ ДЖЕРЕМИ ПИТТА

История любви Джереми Питта, молодого шкипера из Сомерсетшира, судьба которого одной богатой трагическими событиями ночью накрепко сплелась с судьбой Питера Блада, относит нас к тем великим для капитана Блада дням, когда под его командой находилось пять кораблей и свыше тысячи людей различной национальности, добровольно пришедших на службу к этому искусному флотоводцу, зная, что ему всегда сопутствует удача.

И на этот раз он только что вернулся из удачного набега на испанскую флотилию ловцов жемчуга у Риоача. Он возвратился на Тортугу, чтобы произвести необходимый ремонт судов, и нельзя сказать, чтобы это было сделано преждевременно.

В Кайонской бухте стояло в это время еще несколько пиратских кораблей, и маленький городок гудел от их шумного бражничания. Таверны и лавчонки, торговавшие ромом, процветали; кабатчики и женщины всех национальностей, белые и полукровки, представлявшие столь же пестрое людское сборище, как сами пираты, легко освобождали грабителей от значительной части их добычи, отнятой у испанцев, которые, в свою очередь, нередко мало чем отличались от грабителей.

Это было, как всегда, беспокойное время для господина д'Ожерона — представителя французской Вест-Индской компании и губернатора Тортуги.

Губернатор д'Ожерон, как мы знаем, неплохо вел свои дела, собирая дань с пиратов путем торговых пошлин, а также различными другими способами. Губернатор имел, как мы тоже, конечно, помним, двух дочерей: стройную жизнерадостную Люсьен и статную пышноволосую брюнетку Мадлен, которая однажды, пав жертвой пиратских чар некоего Левасера, позволила себя похитить, потом была вырвана из хищных рук этого негодяя капитаном Бладом и доставлена к отцу целой-невредимой и несколько отрезвевшей.

С того времени господин д'Ожерон стал с особой осторожностью и разбором принимать гостей в своем большом белом доме, утопающем в ароматной зелени сада и расположенном на высоком холме в предместье города.

Капитан Блад после столь ценной услуги, оказанной им этому семейству, был принят в нем почти как родной. А поскольку его офицеров никак нельзя было причислить к разряду обыкновенных пиратов, так как все они были политическими бунтарями и лишь изгнание заставило их примкнуть к «береговому братству», им также оказывался в доме губернатора хороший прием.

Отсюда возникли новые трудности. Если двери дома губернатора были открыты для корсаров, сподвижников Блада, губернатор не мог, не нанеся обиды, закрыть их для других командиров пиратских кораблей, и ему приходилось терпеть посещение некоторых лиц, не пользовавшихся ни доверием его, ни симпатией, — терпеть, невзирая на протесты некоего почетного гостя из Франции — деликатного и утонченного меcье Меркера, никак не расположенного встречаться в гостиной с пиратами.

Де Меркер был сыном одного из директоров французской Вест-Индской компании и по приказу отца путешествовал по принадлежащим ей колониям, знакомясь с положением дел и набираясь ума. Фрегат «Синь», доставивший его к берегам Тортуги неделю назад, все еще стоял на якоре в Кайонской бухте, ожидая, когда сей юноша почтет для себя удобным возвратиться на борт. Отсюда легко можно было заключить, что гость — важная птица, и, следовательно, губернатору надлежало со всем возможным усердием идти навстречу его желаниям. Но как пойдешь им навстречу, когда приходится иметь дело хотя бы с таким чванливым и нахально-грубым парнем, как капитан Тондер с «Королевы Марго»? Губернатор д'Ожерон не видел никакой возможности закрыть перед этим пиратом двери своего дома, как того желал де Меркер. Он не мог решиться на это даже после того, как стало совершенно очевидно, что негодяя Тондера привлекает сюда общество мадемуазель Люсьен.

Другой жертвой тех же чар пал молодой Джереми Питт. Впрочем, Питт был человеком совсем иного склада, и если знаки внимания, которые он оказывал мадемуазель Люсьен, и вызывали у д'Ожерона некоторое недовольство, то это не шло ни в какое сравнение с той тревогой, которую порождал в нем Тондер.

А Джереми Питт, казалось, самой природой был создан, чтобы возбуждать к себе любовь. Ясные голубые глаза, прямой, открытый взгляд, нежная кожа, правильные черты лица, золотые кудри и стройная атлетическая

фигура в ладно пригнанном, аккуратном костюме — все это не могло не привлекать к нему сердца. Мужественность и сила сочетались в нем с женственной мягкостью натуры. Трудно было представить себе человека, более не похожего на политического заговорщика, коим он когда-то был, или на пирата, коим он теперь, в сущности, являлся. Приятные манеры и хорошо подвешенный язык, а порой, в минуты вдохновения, умение изъясняться красноречиво и даже поэтически завершали этот портрет идеального любовника.

Что-то неуловимое, проскальзывавшее в ласковом обращении с ним девушки (а быть может, это просто нашептывали ему его мечты), заставляло Джереми думать, что он ей не безразличен, и однажды вечером, гуляя с ней под душистыми перечными деревьями в саду ее отца, он открылся ей в любви и, прежде чем она успела прийти в себя от этого ошеломляющего признания, обнял ее и поцеловал.

— Месье Джереми... как вы могли?.. Вы не должны были этого делать, — вся дрожа, пролепетала Люсьен, получив наконец возможность перевести дух. (Джереми увидел, что в глазах ее стоят слезы.) — Если мой отец узнает...

Джереми не дал ей договорить.

— Конечно, он узнает! — с жаром воскликнул юноша. — Я и хочу, чтобы он узнал. Узнал тотчас же.

Вдали показались де Меркер и Мадлен, и Люсьен направилась к ним, но Джереми, ни секунды не медля, бросился разыскивать губернатора.

Д'Ожерон, изящный, элегантный, принесший с собой на эти заброшенные острова Нового Света всю изысканную европейскую учтивость, не сумел скрыть, что он крайне огорчен. Сколотив немалое состояние за время своего губернаторства, он строил честолюбивые планы для своих дочерей, рано лишившихся матери, и мечтал в самом недалеком времени отправить их во Францию.

Все это он и изложил мистеру Питту — не резко и не грубо, но в самой деликатной форме, всячески щадя его чувства, — и в заключение добавил, что Люсьен уже помолвлена.

Джереми был поражен.

— Как так! Почему же она ничего не сказала мне? — воскликнул он, совершенно забывая о том, что сам не дал ей для этого ни малейшей возможности.

— Может быть, она не вполне отдает себе в этом отчет. Вы же знаете, как подобные браки принято заключать во Франции.

Мистер Питт попробовал было горячо выступить в защиту естественного отбора, но д'Ожерон прервал его красноречивую тираду раньше, чем он успел основательно развить свою мысль.

— Дорогой мой мистер Питт, друг мой, прошу вас, поразмыслите хорошенько, вспомните, какое положение занимаете вы в обществе. Вы — флибустьер, искатель приключений. Я говорю это не в осуждение и не в обиду вам. Я просто хочу указать на то, что ваша жизнь зависит от удачи. Девушке, получившей самое утонченное воспитание, вы должны предложить обеспеченное существование и надежный кров, а разве вы в состоянии это сделать? Если бы вы сами растили дочь, отдали бы вы ее руку человеку, чья судьба была бы подобна вашей?

— Да, если бы она полюбила его, — сказал мистер Питт.

— Ах, что такое любовь, друг мой?

Джереми, считая, что после только что пережитого упоения и внезапного стремительного погружения в бездну горя ему это куда как хорошо известно, не сумел тем не менее облечь приобретенные им познания в слова. Д'Ожерон снисходительно улыбнулся, наблюдая его замешательство.

— Для влюбленного все исчерпывается любовью, я понимаю вас. Но для отца этого мало — ведь он ответствен за судьбу своего ребенка. Вы оказали мне большую честь, месье Питт. Я в отчаянии, что вынужден отклонить ваше предложение. Уважая чувства друг друга, нам не следует, думается мне, касаться этой темы.

Общезвестно, однако, что когда какой-либо молодой человек делает открытие, что не может быть без той или иной молодой особы, и если он при этом со свойственным всем влюбленным эгоизмом верит, что и она не может без него жить, едва ли первое возникшее на пути препятствие заставит его отказаться от своих притязаний.

Впрочем, в настоящую минуту Джереми был лишен возможности стоять на своем, ввиду появления величавой Мадлен в сопровождении де Меркера. Поискав глазами Люсьен, молодой француз осведомился о ней. У него были красивые глаза и красивый голос, и вообще он

был, несомненно, красивый мужчина, безукоризненно одетый и с безукоризненными манерами, довольно рослый, но столь хрупкого, деликатного сложения, что казалось — подуи ветер посильнее, и он поднимет его на воздух словно былинку. Впрочем, держался месье де Меркер весьма уверенно, что странно противоречило его почти болезненно-изнеженному виду.

Он, по-видимому, был удивлен, не обнаружив мадемуазель Люсьен в кабинете ее отца. Месье де Меркер хотел, по его словам, умолять ее спеть еще раз те провансальские песенки, которыми она услаждала его слух накануне вечером. И он жестом указал на стоявшие в углу клавикорды. Мадлен отправилась разыскивать сестру. Мистер Питт встал и откланялся. В его теперешнем состоянии духа у него едва ли бы хватило терпения слушать, как мадемуазель Люсьен будет петь провансальские песенки для господина де Меркера.

И Питт отправился излить душу капитану Бладу, которого он нашел в его просторной каюте на флагманском корабле «Арабелла».

Питер Блад отложил в сторону порядком потрепанный томик Горация, дабы выслушать горестную жалобу своего молодого шкипера и друга. Полулежа на подушках, брошенных на крышку рундука под кормовым иллюминатором, капитан Блад был исполнен сочувствия и безжалостно суров.

— Д'Ожерон, безусловно, прав, — заявил он. — Твой образ жизни, Джереми, не дает тебе права обзаводиться семьей. И это еще не единственная причина, почему ты должен выкинуть такую вздорную идею из головы. — добавил он. — Другая причина в самой Люсьен: это очаровательное, соблазнительное дитя, но слишком легкомысленное и ветреное, чтобы обеспечить душевный покой супругу, который не всегда будет находиться возле нее и, следовательно, не сможет ни оградить ее от опасности, ни остеречь. Этот малый, Тондер, что ни день таскается в дом губернатора. А тебе, Джереми, не приходило в голову поинтересоваться, что его туда влечет? А этот субтильный хлыщ, этот французик де Меркер, почему он до сих пор торчит на Тортуге? И, поверь мне, есть еще и другие, которые, как и ты, получают восхитительную услугу в обществе этой молодой особы, всегда готовой с охотой выслушать любовные признания.

— Чтоб отсох твой гнусный язык! — загремел влюб-

ленный Питт, весь кипя от праведного гнева. — По какому праву ты позволяешь себе говорить подобные вещи?

— По праву здравого смысла и не затуманенного любовью зрением. Не ты первый поцеловал нежные губки мадемуазель Люсьен и не ты последний будешь их целовать, даже если женишься на ней. Будь благодарен судьбе, что ее папаша не на тебе остановил свой выбор. Хорошенькие девочки, вроде этой Люсьен д'Ожерон, существуют только для того, чтобы приносить беды и тревоги в мир.

Джереми не пожелал больше слушать подобные богохульства. Он сказал, что только такой человек, как Блад — без веры, без идеалов, — может столь низко думать о самом нежном, самом чистом, самом святом создании на земле. И он выбежал из каюты, оставив капитана Блада в обществе его любимого Горация.

И все же слова Блада заронили крупицу ядовитого сомнения в сердце влюбленного. Ревность, получившая основательное подкрепление своих подозрений, может убить любовь наповал, но ревность, питаемая одними сомнениями, лишь жарче разжигает пламя любви. И ранним утром мистер Питт, весь горя в любовной лихорадке, презрел полученный от господина д'Ожерона отказ и отправился в белый губернаторский дом на холме.

На сей раз он явился туда ранее обычного и нашел владычицу своего сердца прогуливающейся в саду. Она гуляла в обществе капитана Тондера — человека, пользующегося весьма дурной славой. Говорили, что он был когда-то первым фехтовальщиком в Париже и, убив кого-то на дуэли, бежал за океан, спасаясь от мести семьи погибшего. Он был невысок ростом, жилист, а его стальная мускулатура производила обманчивое впечатление сухощавости. Одевался он с несколько кричащей элегантностью и двигался удивительно проворно и легко. Внешность его можно было бы назвать банальной, если бы не маленькие, черные, круглые, как бусины, глазки, взгляд которых был необычайно пронзителен. В настоящий момент взгляд этот довольно нагло пронзал Джереми Питта, как бы предлагая ему убраться туда, откуда он пришел. Правая рука капитана обвивала талию мадемуазель Люсьен. При появлении мистера Питта рука продолжала оставаться в том же положении,

пока сама мадемуазель в некотором замешательстве не высвободилась из этих полуобъятий.

— А, это месье Джереми! — воскликнула она и добавила (ни с того ни с сего, как показалось мистеру Питту): — Я вас не ждала!

Джереми почти машинально поднес к губам протянутую ему руку, бормоча приветствие на своем плоховатом французском языке. Последовал обмен несколькими банальными фразами, затем наступила неловкая пауза, и Тондер сказал, насупив брови:

— Если дама говорит мне, что она меня не ждала, я делаю отсюда вывод, что мое появление для нее нежелательно.

— Охотно верю, что вам не раз приходилось делать подобный вывод.

Капитан Тондер улыбнулся. Завзятые дуэлянты, как известно, отличаются завидным самообладанием.

— Но не выслушивать дерзости. Не всегда благоразумно позволять себе говорить дерзости. Порой за это приходится довольно чувствительно расплачиваться...

Тут вмешалась Люсьен. Взгляд у нее был испуганный, голос дрожал:

— Что это такое? О чем вы говорите? Вы не правы, месье Тондер. С чего вы взяли, что появление месье Джереми для меня нежелательно? Месье Джереми — мой друг, а появление друга всегда желательно.

— Возможно, для вас, мадемуазель. Но для других ваших друзей оно может быть крайне нежелательным.

— И опять вы не правы. — Теперь она говорила ледяным тоном. — Я не могу считать своим другом того, кому кажется нежелательным появление моих друзей.

Капитан закусил губу, и это дало маленькое удовлетворение Джереми, которого обдало жаром, когда он увидел руку капитана на талии девушки, чьи губы он целовал еще вчера. Беспощадные слова капитана Блада невольно всплыли в его памяти в этот миг.

Появление д'Ожерона и де Меркера положило конец этой маленькой стычке. Оба эти господина слегка запыхались — казалось, они спешили сюда со всех ног, но, увидав, кто находится в саду, облегченно сбавили шаг. Д'Ожерон, по-видимому, предполагал заставить несколько иное общество и был приятно удивлен, словно безопасностью Люсьен обеспечивалась главным образом количеством ее поклонников. Появление новых лиц разрядило атмосферу, но капитан Тондер, как видно,

не стремился к миролюбивому общению и удалился. Прощаясь с Джереми, он произнес многозначительно, с недоброй улыбкой:

— Я буду с нетерпением ожидать случая, месье, возобновить наш с вами занимательный спор.

Вскоре и Джереми хотел откланяться, но д'Ожерон задержал его:

— Повремените еще минутку, месье Питт.

Ласково взяв молодого человека под руку, он увлек его в сторону от де Меркера и Люсьен. Они прошли до конца аллеи и углубились под своды апельсиновых деревьев, привезенных сюда из Европы. Здесь было тенисто и прохладно, спелые плоды поблескивали, словно фонарики, в темно-зеленой листве.

— Мне не понравились слова капитана Тондера, сказанные вам на прощанье, месье Питт, и его улыбка тоже. Это очень опасный человек. Будьте осторожны, берегитесь его.

Джереми Питт вспыхнул:

— Уж не думаете ли вы, что я его боюсь?

— Я думаю, что вы поступили бы благоразумно, стараясь держаться от него подальше. Повторяю, он очень опасный человек. Это негодяй! И он навещает нас слишком часто.

— Зачем же вы ему позволяете, будучи о нем такого мнения?

Д'Ожерон скорчил гримасу.

— Будучи о нем такого мнения, как могу я ему воспрепятствовать?

— Вы боитесь его?

— Признаться, да. Но не за себя я боюсь, месье Питт. За Люсьен. Он пытается ухаживать за ней.

Голос Джереми задрожал от гнева:

— И вы не можете закрыть для него дверь вашего дома?

— Могу, конечно. — Д'Ожерон криво усмехнулся. — Я проделал нечто подобное однажды с Левасером. Вам известна эта история?

— Да, но... но... — Джереми запнулся, испытывая некоторое замешательство, однако все же преодолел его. — Мадемуазель Мадлен была обманута, она позволила Левасеру увлечь себя... Вы же не допускаете, чтобы мадемуазель Люсьен...

— А почему я не могу этого допустить? Известного обаяния он не лишен, этот каналья Тондер, и у него

даже есть некоторые преимущества перед Левасером. Он вращался в хорошем обществе и умеет себя держать, когда ему это нужно. Наглому, предприимчивому авантюристу ничего не стоит соблазнить такое неопытное дитя, как Люсьен.

У Джереми упало сердце. Он сказал, совершенно расстроенный:

— Но что дает такая проволочка? Ведь рано или поздно вам все равно придется отказать ему. И тогда... что будет тогда?

— Я сам задаю себе этот вопрос, — мрачно сказал д'Ожерон. — Но всегда лучше отсрочить беду. Глядишь, какой-нибудь случай и помешает ей нагрянуть. — Внезапно он заговорил другим тоном: — Однако я прошу у вас прощения, мой дорогой месье Питт. Наша беседа слишком отклонилась в сторону. Отцовская тревога! Я просто хотел предостеречь вас и очень надеюсь, что вы прислушаетесь к моим словам.

Месье Питту все было ясно. Д'Ожерон, видимо, считал, что Тондер почувствовал в Джереми своего соперника, а такие люди, как он, не останавливаются ни перед чем, когда им нужно убрать кого-нибудь со своего пути.

— Очень вам признателен, месье д'Ожерон. Я могу постоять за себя.

— Надеюсь. От всего сердца надеюсь, что это так.

На этом их беседа закончилась, и они расстались.

Джереми вернулся на «Арабеллу» и после обеда, прогуливаясь вместе с капитаном Бладом по палубе, поведал ему о том, что произошло утром в саду губернатора.

Блад выслушал его с задумчивым видом.

— У него было достаточно оснований предостеречь тебя. Странно только, почему он дал себе труд этим заниматься. Я повидаюсь с ним, да, да, непременно. Возможно, моя помощь будет ему небесполезна, хотя мне пока еще не ясно, в чем она может проявиться. А ты, Джереми, будь благоразумен и посиди лучше на корабле. Можешь, черт побери, не сомневаться, что Тондер будет искать встречи с тобой.

— А я, что ж, должен ее избегать? — презрительно фыркнул Джереми.

— Да, если ты не дурак.

— Иначе говоря — если я трус.

— А не кажется ли тебе, что живой трус лучше

мертвого дурака, каковым ты неизбежно окажешься, если позволишь Тондеру сводить с тобой счеты? Не забывай, что этот человек — первоклассный фехтовальщик, ну, а ты... — Капитан Блад присвистнул. — Это пахнет самым обыкновенным убийством. А какая доблесть в том, что тебя заколют, как барана?

Питт в глубине души чувствовал, что капитан прав, но признаться в этом было бы слишком унижительно. Поэтому он пренебрег советом Блада, на другой же день сошел на берег и отправился вместе с Хатторпом и Волверстоном в таверну «У французского короля», где его и обнаружил Тондер.

Время приближалось к полудню, и в большом зале таверны было полным-полно пиратов, матросов с французского фрегата, искателей жемчуга, а также всевозможных жуликов и бродяг обоего пола, которые, подобно хищным акулам, всегда выются вокруг моряков, а пуще всего — вокруг пиратов, зная их привычку сорить деньгами. В плохо освещенном зале воздух был удушлив от едкого табачного дыма, винного перегара, испарений человеческих тел.

Тондер вошел небрежной, ленивой походкой; левая рука его покоилась на эфесе шпаги. Отвечая на поклоны, он протискивался сквозь толпу и остановился перед сидевшим за столиком Джереми.

— Вы позволите? — спросил он и, не дожидаясь ответа, пододвинул себе табурет и сел. — Какая удача, что мы можем так скоро возобновить наш маленький спор, который был вчера, к сожалению, прерван.

Джереми сразу понял, куда он клонит, и поглядел на него в некотором замешательстве. Его товарищи, не знавшие, о чем идет речь, тоже уставились на француза.

— Мы, мне помнится, обсуждали вопрос о том, что появление некоторых лиц порой бывает нежелательным и что у вас не хватает сообразительности понять, в какой мере это относится к вам.

Джереми наклонился вперед.

— Неважно, что мы обсуждали. Вы пришли сюда, как я понимаю, чтобы затеять со мной ссору?

— Я? — Капитан Тондер поднял брови, потом нахмурился. — С чего вы это взяли? Вы мне не мешаете. Вы просто не в состоянии ничем мне помешать. Если б вы оказались на моем пути, я бы раздавил вас, как блоху. — И он презрительно и нагло рассмеялся прямо

в лицо Джереми, чем сразу и достиг своей цели — этот смех задел Джереми за живое.

— Смотрите не ошибитесь, принимая меня за блоху.

— Ах, вот как? — Тондер встал. — В таком случае поостерегитесь докучать мне снова, или, предупреждаю, я раздавлю вас одним щелчком! — Он говорил намеренно громко, чтобы все могли его слышать. Его резкий голос привлек к себе внимание, и шум в зале затих.

Тондер презрительно повернулся к Джереми спиной, но застыл на месте, услышав:

— Нет, постой, грязный пес!

Капитан Тондер обернулся. Его брови поползли вверх. Злобный оскал приподнял кончики тоненьких усов. А дородный силач Волверстон, все еще не понимая, что происходит, инстинктивно старался удержать Джереми, который тоже вскочил с табурета.

— Пес? Так, так! — с расстановкой проговорил Тондер. — Пес, сказали вы? Вполне уместное сочетание — пес и блоха. Но тем не менее пес — это мне не нравится. Не будете ли вы столь любезны взять пса обратно? И притом немедленно! Я не отличаюсь терпеливостью, месье Питт.

— Разумеется, я возьму его обратно, — сказал Джереми. — Зачем обижать животное.

— Под животным вы подразумеваете меня?

— Я подразумеваю пса. Надо было бы сказать не пес, а...

— Крыса, — резко произнес чей-то голос за спиной Тондера, заставив его обернуться.

На пороге, небрежно опираясь на свою черную трость, высокий, элегантный, в черном, расшитом серебром костюме, стоял капитан Блад. Его горбоносое, обожженное солнцем и ветром лицо было обращено к капитану Тондеру, холодные синие глаза смотрели на него в упор. Он неторопливо направился к французу.

— Крыса, на мой взгляд, как-то лучше определяет вашу сущность, капитан Тондер, — непринужденно и бесстрастно проговорил он и остановился, ожидая, что скажет тот.

Раздался дружный взрыв хохота. Когда он смолк, прозвучал ответ Тондера:

— Понимаю, понимаю. Крошка-шкипер находится под надежной защитой. Папаша Блад встревает не в свое дело, дабы спасти этого трусишку.

— Само собой разумеется, я должен взять его под

защиту. Разве я могу допустить, чтобы какой-то наглец-бретер²⁴ заколол моего шкипера? Конечно, я должен вмешаться. И вы могли это предвидеть, капитан Тондер. Вы не только презренный негодяй, но и жалкий трус — вот почему я сравнил вас с крысой. Вы рассчитываете на свое умение владеть шпагой, но решаетесь пускаться в ход только против тех, кого считаете не слишком искусственными в этом ремесле. Так поступают лишь трусы. Ну, и, разумеется, убийцы. Ведь, насколько мне известно, убийцей заклеили вас во Франции.

— Это ложь! — сказал Тондер, побелев как полотно.

Капитан Блад, обернувший оружие Тондера против него самого, намеренно стараясь разжечь его ярость, невозмутимо возразил:

— А вы попробуйте доказать мне это на деле, и я возьму свои слова обратно, прежде чем проколю вас шпагой... или после того. По крайней мере вы получите возможность закончить с честью бесчестно прожитую жизнь. Здесь есть еще одна комната, довольно просторная и пустая, мы можем...

Но Тондер, злобно усмехнувшись, перебил его:

— Ну нет, со мной эти штучки не пройдут. У меня разговор не с вами, а с мистером Питтом.

— Это подождет. Сначала решим наш спор.

Тондер взял себя в руки. Он побледнел еще сильнее и тяжело дышал.

— Послушайте, капитан Блад. Ваш шкипер нанес мне оскорбление: он назвал меня грязным псом в присутствии всех этих людей. Вы намеренно стараетесь ввязаться в ссору, которая не имеет никакого отношения к вам. Так не по правилам, и я призываю всех в свидетели.

Это был ловкий ход, и он оправдал себя. Присутствующие оказались на стороне Тондера. Матросы из команды капитана Блада угрюмо молчали, а остальные закричали, что француз прав. Даже Хагторп и Волверстон и те могли только молча пожать плечами, а Джереми сам окончательно погубил дело, поддержав своего противника:

— Капитан Тондер прав, Питер. Наши с ним дела тебя не касаются.

— Вы слышали? — закричал Тондер.

— Нет, касаются. Мало ли что он говорит. Вы замыслили убийство, негодяй, и я этого не допущу. —

Капитан Блад, отбросив свою трость, положил руку на эфес шпаги.

Но дюжина крепких рук тотчас схватила его, со всех сторон раздались гневные крики протеста, и, лишенный поддержки своих товарищей, он вынужден был уступить. Ведь даже верный Волверстон, неизменный его сторонник, шептал ему в ухо:

— Остановись, Питер! Во имя Бога! Ты же всех взбунтуешь против нас из-за такой безделицы. Ты опоздал. Парень сам виноват — зачем лез на рожон?

— А вы что здесь делали? Почему вы его не удержали? Ну вот, глядите! Он пошел драться, идиот безмозглый!

Джереми уже направился в соседнюю комнату: он был похож на ягненка, покорно шагающего на бойню и даже ведущего за собой своего мясника. Хагторп шел рядом с ним, Тондер — сзади, остальные замыкали шествие.

Капитан Блад, с трудом удерживаясь, чтобы не броситься на Тондера, присоединился вместе с Волверстоном к толпе зевак. В просторной полупустой комнате столы и табуреты быстро сдвинули к стене. Помещение это представляло собой, в сущности, пристройку — нечто среднее между навесом и сараем, с земляным полом и длинным отверстием в одной из стен, которая не доходила до потолка фута на три. В эту щель лились жаркие лучи послеполуденного солнца.

Противники, обнаженные по пояс, со шпагами в руках, стали друг против друга: Джереми — высокий, статный, мускулистый, Тондер — худощавый, жилистый, проворный и гибкий, как кошка. Хозяин таверны и все его помощники присоединились к толпе зрителей, расположившихся вдоль стен.

Несколько молоденьких девчонок, самых отчаянных, тоже пришли поглядеть на поединок, но большинство женщин остались в общем зале.

Капитан Блад и Волверстон остановились в глубине комнаты возле стола, на который были свалены различные предметы с других столов: кружки, кувшины, бурдюк с вином и пара медных подсвечников с круглыми, похожими на блюда подставками. Пока дуэлянты готовились к схватке, Питер Блад, побледневший, несмотря на свой загар, рассеянно перебирал в руках валявшиеся на столе предметы, и в глазах его вспыхивал злобный

огонек, словно ему хотелось запустить одним из этих предметов кому-то в голову.

Секундантом Джереми вызвался быть Хатторп. Секундантом Тондера оказался Вентадур, лейтенант с «Королевы Марго». Противников поставили в противоположных концах комнаты, боком к солнцу, и Джереми, занимая позицию, поймал взгляд Блада. Он улыбнулся своему капитану, а Блад, лицо которого было сосредоточенно и хмуро, сделал ему знак глазами. На секунду во взгляде Джереми отразилось недоумение, затем блеснула догадка.

Вентадур скомандовал:

— Начинайте, господа!

Со звоном скрестились шпаги, и почти в то же мгновение, повинуясь полученному от своего капитана сигналу, Джереми прыгнул в сторону и атаковал Тондера с левого бока. Это заставило Тондера повернуться лицом к нему и к солнцу и дало Джереми некоторое преимущество перед противником, а именно этого и добивался Блад. Джереми изо всех сил старался удержать Тондера в этой позиции, но тот был слишком искусным для него противником. Опытный фехтовальщик, он умело отражал все удары, а затем, сделав ответный выпад, воспользовался моментом, чтобы, в свою очередь, отскочить в сторону и вынудить противника поменяться с ним местами. Теперь каждый из них занимал ту позицию, в которой находился его противник в начале схватки.

Блад скрипнул зубами, увидав, что Джереми потерял свое единственное преимущество перед бретером, твердо намеренным его убить. Однако, против ожидания, поединок затягивался. Потому ли, что на стороне Джереми были сила, молодость, высокий рост? Или рука опытного дуэлянта стала менее искусной, так как давно не держала шпаги? Но ни то, ни другое не давало достаточного объяснения происходящему. Тондер атаковал, его шпага описывала сверкающие круги перед самой грудью противника, мгновенно нащупывая слабые стороны в его неуклюжей защите: он давно уже мог прикончить Джереми... и не делал этого. Забавлялся ли он, играя с ним, как кошка с мышью, или, быть может, побаивался капитана Блада и возможных последствий столь откровенного убийства его шкипера у всех на глазах, намеревался не убивать, а лишь искалечить его?

Зрители, наблюдавшие поединок, недоумевали. Их

недоумение усилилось, когда Тондер, еще раз отскочив в сторону, оказался спиной к солнцу и вынудил своего беспомощного противника занять то невыгодное положение, в котором сам Тондер находился в начале поединка. Такой прием со стороны Тондера производил впечатление утонченной жестокости.

Капитан Блад, к которому Тондер повернулся теперь лицом, взял со стола один из медных подсвечников. Никто не смотрел на Блада; все глаза были прикованы к дуэлянтам. Блад же, казалось, утратил всякий интерес к поединку. Его внимание было целиком поглощено подсвечником. Он поднял его и, разглядывая углубление для свечи, привел блюдцеобразное основание подсвечника в вертикальное положение. И в ту же секунду рука Тондера внезапно дрогнула, и шпага его, промедлив какой-то миг, не сумела отразить неловкий выпад Джереми, продолжавшего механически обороняться. Не встретив сопротивления, шпага Джереми вонзилась в грудь Тондера.

Пораженные зрители еще не успели прийти в себя от столь неожиданного завершения поединка, а капитан Блад уже опустился на одно колено возле распростертого на земляном полу тела. Теперь он был хирург, все остальное отступило на задний план. Он велел принести воды и чистых полотняных тряпок. Джереми, пораженный больше всех, стоял возле и отупело глядел на сраженного противника.

Когда Блад начал обследовать рану, Тондер, на мгновение лишившийся сознания, пришел в себя. Глаза его открылись, и взгляд остановился на склоненном над ним лице капитана Блада.

— Убийца! — пробормотал он сквозь стиснутые зубы, и голова его бессильно свесилась на грудь.

— Совсем напротив, — сказал капитан Блад и с помощью Вентадура, поддерживавшего безжизненное тело, принялся ловко бинтовать рану. — Я ваш спаситель. Он не умрет, — добавил он, обращаясь к окружающим, — хоть его и проткнули насквозь. Через месяц он будет хорохориться и бесчинствовать снова. Но дня два-три ему следует полежать, и за ним нужно поухаживать.

Поднявшись на борт «Арабеллы», Джереми был как в тумане. Все происшедшее стояло перед его глазами, словно видения какого-то странного сна. Ведь он уже смотрел в лицо смерти, и все же он жив. Вечером за

ужином в капитанской каюте Джереми позволил себе пофилософствовать на эту тему.

— Вот доказательство того, — сказал он, — что никогда не надо падать духом и признавать себя побежденным в схватке. Меня сегодня совершенно запросто могли бы отправить на тот свет. А почему? Исключительно потому, что я был неуверен в себе — заранее решил, что Тондер лучше меня владеет шпагой.

— Быть может, это все же так, — проронил капитан Блад.

— Почему же мне тогда удалось запросто продырявить его?

— В самом деле, Питер, как могло такое случиться?

Этот вопрос, волновавший всех присутствующих, задал Волверстон.

Ответил Хагторп:

— А просто дело в том, что этот мерзавец бахвалился всюду и везде, что он, дескать, непобедим. Вот все ему и поверили. Так частенько создается вокруг человека пустая слава.

На том обсуждение поединка и закончилось.

Наутро капитан Блад заметил, что не мешало бы нанести визит д'Ожерону и сообщить о происшедшем. Его как губернатора Тортуги следует поставить в известность о поединке: по закону дуэлянты должны дать ему свои объяснения, хотя, по существу, этого, может быть, и не требуется, так как он лично знаком с обоими. Джереми же всегда, под любым предлогом стремившийся в дом губернатора, в это утро стремился туда особенно сильно, чувствуя, что победа на поединке придаст ему в какой-то мере ореол героя.

Когда они в шлюпке приближались к берегу, капитан Блад отметил, что французский фрегат «Синь» уже не стоит у причала, а Джереми рассеянно отвечал, что, верно, Меркер покинул наконец Тортугу.

Губернатор встретил их чрезвычайно сердечно. Он уже слышал, что произошло в таверне «У французского короля». Они могут не затруднять себя объяснениями. Никакого официального расследования предпринято не будет. Ему прекрасно известны мотивы этой дуэли.

— Если бы исход поединка был иным, — откровенно признался губернатор, — я бы, конечно, действовал иначе. Прекрасно зная, кто зачинщик ссоры, — не я ли предостерегал вас, месье Питт? — я вынужден был бы принять меры против Тондера и, быть может, просить

вашего содействия, капитан Блад. В колонии тоже должен поддерживаться какой-то порядок. Но все произошло как нельзя более удачно. Я счастлив и бесконечно благодарен вам, месье Питт.

Такие речи показались Питту хорошим предзнаменованием, и он попросил разрешения засвидетельствовать свое почтение мадемуазель Люсьен.

Д'Ожерон поглядел на него в крайнем изумлении.

— Люсьен? Но Люсьен здесь уже нет. Сегодня утром она отплыла на французском фрегате во Францию вместе со своим супругом.

— Отплыла... с супругом?... — как эхо, повторил Джереми, чувствуя, что у него закружилась голова и засало под ложечкой.

— Да, с месье де Меркером. Разве я не говорил вам, что она помолвлена? Отец Бенуа обвинчал их сегодня на заре. Вот почему я так счастлив и благодарен вам, месье Питт. Пока капитан Тондер преследовал ее как тень, я не решался дать согласие на брак. Памятуя о том, что проделал однажды Левасер, я боялся отпустить от себя Люсьен. Тондер, без сомнения, последовал бы за ней, как когда-то Левасер, и в открытом море мог бы отважиться на то, чего он не решался позволить себе здесь, на Тортуге.

— И поэтому, — сказал капитан Блад ледяным тоном, — вы сравнили этих двух, чтобы, пока они тут дрались, третий мог улизнуть с добычей. Это, месье д'Ожерон, ловкий, но не слишком дружественный поступок.

— Вы разгневались на меня, капитан! — Д'Ожерон был искренне расстроен. — Но я ведь должен был в первую очередь позаботиться о своей дочери! И при том я же ни секунды не сомневался в исходе поединка. Наш дорогой месье Питт не мог не победить этого негодяя Тондера.

— Наш дорогой месье Питт, — сухо сказал Блад, — руководимый любовью к вашей дочери, очень легко мог лишиться жизни, убирая с пути препятствия, мешающие осуществлению желательного для вас союза. Ты видишь, Джереми, — продолжал он, беря под руку своего молодого шкипера, который стоял, повесив голову, бледный, как мел, — какие западни уготованы тому, кто любит безрассудно и теряет голову. Пойдем, дружок. Разрешите нам откланяться, месье д'Ожерон.

Он чуть ли не силой увлек молодого человека за

собой. Однако капитан Блад был зол, очень зол и, остановившись в дверях, повернулся к губернатору с улыбкой, не предвещавшей добра.

— А вы не подумали о том, что я ради месье Питта могу проделать как раз то самое, что мог бы проделать Тондер и чего вы так боитесь? Вы не подумали о том, что я могу погнаться за фрегатом и похитить вашу дочь для моего шкипера?

— Великий Боже! — воскликнул д'Ожерон, мгновенно приходя в ужас при одной мысли о возможности такого возмездия. — Нет, вы никогда этого не сделаете!

— Вы правы, не сделаю. Но известно ли вам, почему?

— Потому, что я доверился вам. И потому, что вы — человек чести.

— Человек чести! — Капитан Блад присвистнул. — Я — пират. Нет, не поэтому, а только потому, что ваша дочь недостойна быть женой мистера Питта, о чем я ему все время толковал и что он теперь сам, надеюсь, понимает.

Это была единственная месть, которую позволил себе Питер Блад.

Рассчитавшись таким образом с губернатором д'Ожероном за его коварный поступок, он покинул его дом, уведя с собой убитого горем Джереми.

Они уже приближались к молу, когда немое отчаяние юноши внезапно уступило место бешеному гневу. Его одурачили, обвели вокруг пальца, и даже жизнь его поставили на карту ради своих подлых целей! Ну, он им еще покажет!

— Попадись он мне только, этот де Меркер! — бушевал Джереми.

— Да, воображаю, каких ты тогда натворишь дел! — насмешливо произнес капитан Блад.

— Я его проучу, как проучил этого пса Тондера.

Тут капитан Блад остановился и дал себе посмеяться вволю:

— Да ты сразу стал записным дуэлянтом, Джереми! Прямо грозой всех шелковых камзолов! Ах, пожалуй, мне пора отрезвить тебя, мой дорогой Тибальд²⁵, пока ты со своим бахвальством не влип снова в какую-нибудь скверную историю.

Хмурая морщина прорезала высокий чистый лоб юноши.

— Что это значит — отрезвить меня? — сурово спросил он. — Уложил я вчера этого француза или не уложил?

— Нет, не уложил! — снова от души расхохотавшись, отвечал Блад.

— Как так? Я его не уложил? — Джереми подбоченился. — Кто же его тогда уложил, хотелось бы мне знать? Кто? Может быть, ты скажешь мне?

— Скажу. Я его уложил, — сказал капитан Блад и снова стал серьезен. — Я его уложил медным подсвечником. Я ослепил его, пустив ему солнце в глаза, пока ты там ковырялся со своей шпагой... — И, заметив, как побледнел Джереми, он поспешил напомнить: — Иначе он убил бы тебя. — Кривая усмешка пробежала по его гордым губам, в светлых глазах блеснуло что-то неувловимое, и с горькой иронией он произнес: — Я же капитан Блад.

Глава VIII

ИСКУПЛЕНИЕ МАДАМ ДЕ КУЛЕВЭН

Граф дон Хуан де ла Фуэнте из Медины, полулежа на кушетке возле открытых кормовых иллюминаторов в своей роскошной каюте на корабле «Эстремадура», лениво перебирал струны украшенной лентами гитары и томным баритоном напевал весьма популярную в те дни в Малаге игривую песенку.

Дон Хуан де ла Фуэнте был сравнительно молод — не старше тридцати лет; у него были темные, бархатистые глаза, грациозные движения, полные яркие губы, крошечные усики и черная эспаньолка²⁶, изысканные манеры его дополнял элегантный костюм. Лицо, осанка, даже платье — все выдавало в нем сластолюбца, и обстановка этой роскошной каюты на этом большом, сорокапушечном галионе, которым он командовал, вполне соответствовала его изнеженным вкусам. Оливково-зеленые переборки украшала позолоченная резьба, изображавшая купидонов²⁷ и дельфинов, цветы и плоды, а все пиллерсы²⁸ имели форму хвостатых, как русалки, кариатид. У передней переборки великолепный буфет ломился от золотой и серебряной утвари. Между дверями кают левого борта висел холст с запечатленной на нем Афродитой²⁹. Пол был устлан дорогим восточным ковром, восточная скатерть покрывала квадратный стол, над которым свисала с потолка массивная люстра чеканного серебра. В сетке на стене лежали книги — «Искусство любви» Овидия,

«Сатирикон», сочинения Боккаччо и Поджо³⁰, свидетельствуя о пристрастии их владельца к классической литературе. Стулья, так же как и кушетка, на которой возлежал дон Хуан, были обиты цветным сафьяном с тисненным золотом узором, и хотя в открытые кормовые иллюминаторы задувал теплый ветерок, неспешно гнавший галион вперед, воздух каюты был удушлив от крепкого запаха амбры³¹ и других благовоний.

Песенка дона Хуана восхваляла плотские утехы и сокрушалась о тяжелой участи его святейшества папы римского, обреченного среди окружающего изобилия на безбрачие.

Дон Хуан исполнял эту песенку для капитана Блада; тот сидел возле стола, опершись о него локтем, положив ноги на стоящий рядом стул. Улыбка, словно маска, под которой он прятал отвращение и скуку, застыла на его смуглом горбоносом лице. На нем был серый камлотовый, отделанный серебряным кружевом костюм, извлеченный из гардероба самого дона Хуана (оба они были примерно одного роста и возраста и одинакового телосложения), и черный парик, добытый из того же источника.

Целая цепь непредвиденных событий привела к возникновению этой совершенно невероятной ситуации: заклятый враг Испании оказался почетным гостем на борту испанского галиона, неспешно режущего носом воды Карибского моря, держа курс на север, с Наветренными островами милях в двадцати на траверзе. Оговоримся сразу: томный дон Хуан, услаждавший слух капитана Блада своим пением, ни в малейшей мере не догадывался о том, кого именно он развлекает.

Историю о том, как Питер Блад попал на этот галион, пространно и добросовестно, с утомительными подробностями изложенную Джереми в судовом журнале, мы постараемся описать здесь вкратце, ибо — позволим себе еще раз напомнить читателю — в этой хронике мы предлагаем его вниманию лишь отдельные эпизоды или звенья бесконечной цепи приключений, пережитых капитаном Бладом во время его совместного плавания с бессменным шкипером и верным другом Джереми Питтом.

Неделю назад на острове Маргарита³², в одной из уединенных бухт которого производилось кренгование флагманского корабля «Арабелла», с целью очистки его киля от наросшей на нем дряни, кто-то из дружественных

капитану Бладу карибских индейцев принес ему весть, что в бухту Карьяко пришли испанцы — ловцы жемчуга — и собрали там довольно богатый улов.

Противостоять такому соблазну было слишком трудно. В левом ухе у капитана Блада поблескивала крупная грушевидная жемчужина, стоившая баснословных денег и представлявшая собой лишь незначительную часть фантастической добычи, захваченной его корсарами в подобного рода набегах на Риоача. И вот, снарядив три пироги и тщательно отобрав сорок наиболее подходящих для этой цели людей, капитан Блад однажды ночью неслышно миновал пролив между островом Маргариты и Мейном и простоял на якоре под прикрытием высокого берега почти весь день, а когда свечерело, неслышно двинулся к бухте Карьяко. И тут их заметила испанская береговая охрана, о присутствии которой в этих водах они и не подозревали.

Пироги повернули и помчались что есть духу в открытое море. Но сторожевое судно в еще не сгустившихся сумерках устремилось за ними в погоню, открыло огонь и разбило в щепы утлые челны. Все, кто не был убит и не утонул, попали в плен. Блад всю ночь продержался на воде, уцепившись на большой обломок. Свежий южный бриз, подувший на закате, гнал его вперед всю ночь, а на заре его подхватило приливом и, вконец измученного, окоченевшего и хорошо просоленного после столь долгого пребывания в морской воде, как в рассоле, выбросило на берег небольшого островка.

Островок этот, имевший не более полутора миль в длину и меньше мили в ширину, был, в сущности, необитаем. На нем росло несколько кокосовых пальм и кустов алоэ, а населяли его лишь морские птицы и черепахи. Однако судьбе было угодно забросить Питера Блада на этот остров именно в то время, когда там нашли себе пристанище еще двое людей — двое потерпевших кораблекрушение испанцев, бежавших на парусной пинасе³³ из английской тюрьмы на Сент-Винсенте. Не обладая никакими познаниями в мореходстве, эти горемыки доверились морской стихии, и месяц назад их случайно прибило к берегу в тот момент, когда, истощив все запасы провизии и пресной воды, они уже видели себя на краю гибели. После этого они не отваживались больше пускаться в море и кое-как влачили свои дни на острове, питаясь кокосовыми орехами,

ягодами и диким бататом³⁴, вперемежку с мидиями, крабами и креветками, которых ловили на берегу между скал.

Капитан Блад, не будучи уверен в том, что испанцы, даже находящиеся в столь бедственном положении, не перережут ему глотку, узнав, кто он такой, назвался голландцем с потерпевшего кораблекрушение брига, шедшего с Кюрасао³⁵, и, помимо отца-голландца, присвоил себе еще и мать-испанку, дабы сделать правдоподобным не только имя Питера Вандермира, но и свое почти безупречное кастильское произношение.

Пиаса казалась в хорошем состоянии, и, загрузив в нее изрядный запас батата и черепашого мяса, собственноручно прокопченного им на костре, и наполнив имевшиеся на ней бочки пресной водой, капитан Блад вышел в море вместе с обоими испанцами. По солнцу и по звездам он держал курс на восток к Тобаго, рассчитывая найти пристанище у тамошних голландских поселенцев, не отличавшихся враждебностью. Впрочем, осторожности ради он сказал своим доверчивым спутникам, что они держат путь на Тринидад.

Но ни Тринидада, ни Тобаго им не суждено было увидеть. На третий день, к великой радости испанцев и некоторой досаде капитана Блада, их подобрал испанский галион «Эстремадура». Делать было нечего, оставалось только положиться на судьбу и на то, что плачевное состояние одежды сделает его неузнаваемым. На галионе он повторил ту же вымышленную историю кораблекрушения, снова назвался голландцем, снова добавил себе испанской крови и, решив, что если уж нырять, так поглубже, до самого дна, и раз он выбрал себе в матери испанку, то почему бы не выбрать ее из самых именитых, заявил, что ее девичья фамилия Трасмиера и она состоит в родстве с герцогом Аркосским.

Смуглая кожа, темные волосы, надменное, спокойное выражение тонкого горбоносого лица, властная манера держаться, невзирая на свисавшие с плеч лохмотья, а превыше всего — довольно беглая и утонченная кастильская речь заставили поверить его словам. А так как единственное желание этого испанского гранда сводилось к тому, чтобы его высадили на берег в одной из голландских или французских гаваней, откуда он мог бы возобновить свое путешествие на Кюрасао, не было никаких оснований подозревать его в чрезмерном бахвальстве.

На командира корабля «Эстремадура» — дона Хуана де ла Фуэнте, с сибаристскими³⁶ наклонностями которого мы уже успели познакомиться, рассказы этого потерпевшего кораблекрушение испанского гранда о его могущественных связях произвели сильное впечатление; он оказал ему радушный прием, предоставил в его распоряжение свой богатый гардероб и каюту рядом со своей и держался с ним на равной ноге, как с человеком, занимающим столь же высокое положение, как он сам. Этому способствовало еще и то обстоятельство, что Питер Вандермир явно пришелся по сердцу дону Хуану. Испанец заявил, что будет называть Питера — дон Педро, как бы желая подчеркнуть этим его испанское происхождение, и клялся, что кровь Трасмиеров, без сомнения, должна была полностью подавить кровь каких-то Вандермиров. На эту тему он позволил себе несколько вольных шуток. Шутки такого сорта вообще обильно сыпались у него с языка, а четверо молодых офицеров знатных испанских фамилий, обедавшие за одним столом с капитаном, охотно их подхватывали.

Питер Блад прощал распушенность языка еще не оперившимся юнцам, считая, что, поумнев с возрастом, они и сами остепенятся, но в человеке, уже перешагнувшем рубеж третьего десятка, она показалась ему отталкивающей. За элегантною внешностью и изысканными манерами испанца угадывался повеса и распутник. Однако Питер Блад должен был затанцевать эти чувства в своей груди. Безопасности ради ему нельзя было испортить хорошее впечатление, произведенное им на капитана, и, принаравливаясь к нему и к его офицерам, он держался столь же развязного тона.

Все это привело к тому, что пока испанский галион, почти заштилевший у тропиков, еле-еле полз к северу, поставив всю громаду парусов, часто совсем безжизненно свисавших с реев, между доном Хуаном и доном Педро завязалось нечто вроде дружбы. Многие восхищало дона Хуана в его новом приятеле: сразу бросившаяся в глаза сила мышц и крепость духа дона Педро; его глубокое знание света и людей; его остроумие и находчивость; его чуточку циничная философия. Долгие часы вынужденного досуга они ежедневно коротали вместе, и их дружба крепла и росла со сказочной быстротой, подобно буйной флоре тропиков.

Вот как случилось, что Питер Блад уже шестой день путешествовал на положении почетного гостя на

испанском корабле, который должен был бы везти его закованным в кандалы, догадайся кто-нибудь о том, кто он такой. И пока командир корабля, стараясь его развлечь, докучал ему своими игривыми песенками, Питер Блад забавлялся в душе, рассматривая с юмористической стороны немислимую эту ситуацию и мечтая вместе с тем при первой же возможности положить ей конец.

Когда пение оборвалось и дон Хуан, взяв из стоявшей рядом серебряной шкатулки перуанскую конфету, отправил ее в рот и принялся жевать, капитан Блад заговорил о том, что занимало его мысли. Пинасу, на которой он спасался вместе с беглыми испанцами, галион тащил за собой на буксире, и Питер Блад подумал, что настало время снова ею воспользоваться.

— У нас сейчас на траверзе Мартиника³⁷, — заметил он. — Мы находимся в шести-семи лигах от берега, никак не больше.

— Да, и все из-за этого проклятого штиля. Я бы сам мог надуть паруса крепче, чем этот бриз.

— Я понимаю, конечно, что вы не можете ради меня заходить в порт, — сказал Блад. Франция и Испания находились в состоянии войны, и Блад догадывался, что это было одной из причин, почему дон Хуан оказался в этих морях. — Но при таком спокойном море я легко могу добраться до берега в той же пинасе. Что вы скажете, дон Хуан, если я распрошаюсь с вами сегодня вечером?

Дон Хуан был явно огорчен.

— Почему вдруг такая спешка? Разве мы не договорились, что я доставлю вас на Сен-Мартен?

— Да, конечно. Но, подумав хорошенько, я вспомнил, что корабли редко заходят в эту гавань, и когда-то еще мне удастся найти там судно, которое идет на Кюрасао, в то время как на Мартинике...

— Нет, нет, — капризным тоном прервал его хозяин. — Вы прекрасно можете сойти на берег и на Мари-Галанте, куда я должен зайти по делам, или, если хотите, на Гваделупе, что, мне кажется, даже лучше. Но, клянусь, раньше этого я вас не отпущу никуда.

Капитан Блад перестал набивать трубку душистым табаком из стоявшего на столе сосуда.

— У вас есть дела на Мари-Галанте? — Он был так удивлен, что на секунду отвлекся от основной темы

разговора. — Что может связывать вас с французами в такое время, как сейчас?

Дон Хуан загадочно улыбнулся.

— Дела военные, друг мой. Я же командир военного корабля.

— Так вы собираетесь напасть на Мари-Галант?

Испанец ответил не сразу. Пальцы его мягко перебирали струны гитары. Полные яркие губы все еще улыбались, но в этой улыбке промелькнуло что-то зловещее, а темные глаза блеснули.

— Гарнизон Бас-Тера командует некая скотина по фамилии Кулевэн. У меня с ним свои счеты. Вот уже год, как я собираюсь разделаться с этим господином, и теперь день расплаты близок. Война открыла передо мной эту возможность. Одним ударом я устрою свои дела и сослужу службу Испании.

Питер Блад раскурил трубку. Использовать большой военный корабль для того, чтобы напасть на такое незначительное поселение, как Мари-Галант, с его точки зрения, это была совсем плохая услуга Испании. Но он не выдал своих мыслей и не стал настаивать, чтобы его высадили на Мартинике.

— Я еще никогда не был на борту судна во время военных действий — это расширит мой кругозор. Думаю, что запомню это надолго... Если, конечно, пушки Бас-Тера не пустят нас ко дну.

Дон Хуан рассмеялся. При всей его распушенности он вместе с тем, по-видимому, не был трусом, и предстоящее сражение его не пугало. Мысль о нем скорее даже вдохновляла испанца. Он пришел в отличное расположение духа, когда к заходу солнца ветер наконец посвежел и корабль прибавил ходу. В этот вечер в капитанской каюте «Эстремадуры» царил шумное веселье, то и дело раздавались взрывы хохота, и было выпито немало хмельного испанского вина.

Капитан Блад пришел к заключению, что велика должна быть задолженность французского управителя Мари-Галанта дону Хуану, если предстоящее сведение счетов вызывает такое бурное ликование испанца. Личные же симпатии Блада оставались на стороне французских поселенцев — ведь им уготовано было одно из тех чудовищных нападений, коими так прославились испанцы, возбудив к себе заслуженную ненависть в Новом Свете. Но он был бессилен пальцем пошевелить в их защиту, бессилен даже поднять голос; он вынужден был принимать

участие в этом дикарском веселье по поводу предстоящей резни, вынужден был поднимать тост за то, чтобы все французы вообще и полковник де Кулевэн в частности провалились в тартарары.

Утром, выйдя на палубу, капитан Блад увидел милях в десяти-двенадцати по левому борту длинную береговую линию острова Доминика, а впереди на горизонте неясно выступали из туманной дымки очертания серого массива, и он догадался, что это гора, возвышающаяся в центре круглого острова Мари-Галанта. Значит, ночью, миновав Доминику, они вышли из Карибского моря в Атлантический океан.

Дон Хуан в отличном настроении — ночное бражнивание, по-видимому, нисколько его не утомило — присоединился к Бладу на корме и сообщил ему все то, что Блад уже знал сам, хотя, разумеется, и не подавал виду.

Часа два они продолжали держаться прежнего курса, идя прямо по ветру с укороченными парусами. Милях в десяти от острова, который теперь уже зеленой стеной вырастал из бирюзового моря, отрывистые слова команды и пронзительные свистки боцмана привели в действие матросов. Над палубами «Эстремадуры» натянули сети для падающих во время сражения обломков рангоута, с пушек сняли чехлы, подтащили к ним ящики с ядрами и ведра с водой.

Прислонясь к резным поручням на корме, капитан Блад с интересом наблюдал, как мушкетеры в кирасах и шлемах выстраиваются на шкафуте, а стоявший рядом с ним дон Хуан тем временем все продолжал разъяснять ему значение происходящего, не подозревая, что оно понятно его собеседнику лучше, чем кому-либо другому.

Когда пробило восемь склянок, они спустились в каюту обедать. Дон Хуан теперь, перед приближающимся сражением, был уже не столь шумен. Лицо его слегка побледнело, движения тонких, изящных рук стали беспокойны, в бархатистых глазах появился лихорадочный блеск. Он ел мало и торопливо, много и жадно пил и еще сидел за столом, когда несший вахту офицер, плотный коренастый юноша по фамилии Верагуас, появился в каюте и сообщил, что капитану пора принимать команду.

Дон Хуан встал. Негр Абсолом помог ему надеть кирасу и шлем, и он поднялся на палубу. Капитан Блад последовал за ним, не обращая внимания на

предостережение испанца, советовавшего ему не выходить на палубу без доспехов.

Галион находился уже в трех милях от порта Бас-Тер. Корабль не выкинул флага, не желая по вполне понятным причинам лишний раз оповещать о своей национальности, которую, впрочем, и без того нетрудно было установить по линиям его корпуса и оснастке. На расстоянии мили дон Хуан уже мог обозревать в подзорную трубу всю гавань и заявил, что не обнаружил там ни единого военного корабля. Значит, в предстоящем поединке им придется иметь дело с одним только фортом.

Ядро, ударившее точно в нос «Эстремадуры», показало, что комендант форта как-никак знает свои обязанности. Невзирая на это ясно выраженное требование лечь в дрейф, галион продолжал идти вперед и был встречен залпом двенадцати пушек. Не получив особых повреждений, корабль не уклонился от курса и не открыл огня, и дон Хуан заслужил в эту минуту молчаливое одобрение капитана Блада. Продолжая двигаться навстречу второму залпу, корабль выдержал его и открыл огонь лишь после того, как приблизился на расстояние, с которого он мог бить прямой наводкой. Тогда он дал бортовой залп, искусно сделал поворот оверштаг, дал второй бортовой залп и, держась круто к ветру, отошел, чтобы перезарядить пушки, стоя к французским канонирам кормой, и тем уменьшив возможность попадания.

Когда он развернулся, чтобы атаковать снова, за его кормой, кроме пинасы, сослужившей службу капитану Бладу, покачивались еще три шлюпки, спущенные на воду с утлегаря³⁸.

На этот раз во время атаки на «Эстремадуре» был поврежден бизань-рей и красивые резные украшения полубака разбиты в щепы. Но это нимало не расстроило капитана, и он, продолжая весьма искусно управлять кораблем и вести бой, обрушил на форт два мощных бортовых залпа, из двадцати пушек каждый, и притом с таким точным прицелом, что заставил форт на какое-то время умолкнуть.

Затем галион снова отошел на безопасное расстояние, а когда вернулся, в лодках, которые он тянул на буксире, уже находились мушкетеры. Корабль остановился в сотне ярдов от высокого утеса, закрывающего от форта часть бухты, и, став под таким углом, чтобы

пушкам было несподручно по нему бить, остался там, прикрывая высадку мушкетеров на берег. Отряд французов, устремившийся из полуразбитой крепости к берегу, чтобы помешать высадке, был скошен, как косой, картечью с корабля. Через несколько минут испанцы были уже на берегу и взбирались по отлогому склону с целью напасть на форт с суши, а шлюпки повернули назад к кораблю за новым подкреплением.

Галион тем временем снова продвинулся вперед и дал еще один бортовой залп по форту, чтобы отвлечь внимание от нападающих с суши и увеличить панику. Ему ответил огонь четырех-пяти пушек, и двадцатифунтовое ядро расщепило фальшборт. Но галион тут же отошел снова, не получив больше никаких повреждений, и двинулся на сближение со своими лодками. Лодки еще не были полностью загружены, когда мушкетная перестрелка на берегу прекратилась. Затем над морем разнеслись ликующие крики испанцев, и почти вслед за этим резкие удары молотов по металлу возвестили, что пушки беззащитного форта выведены из строя.

До этой минуты капитан Блад был лишь бесстрастным наблюдателем событий, о которых он мог судить с большим знанием дела. Но теперь мысли его невольно обратились к тому, что должно было последовать за победой, и этот бесстрашный, закаленный в боях корсар содрогнулся, зная, как ведет себя испанская солдатня при подобных набегах и что за человек ее командир. Война была профессией капитана Блада, и в жестоком бою с беспощадным противником он сам мог быть беспощаден. Но когда поселения мирных колонистов предавались безжалостному разграблению грубой, разъяренной солдатней, возмущение и гнев сжигали его душу.

Однако было совершенно очевидно, что изнеженный испанский гранд дон Хуан де ла Фуэнте ни в коей мере не разделяет щепетильности капитана Блада. Дон Хуан с загоревшимся взором сошел на берег вместе со своим новым пополнением, чтобы самолично руководить нападением на город. Он со смехом предложил своему гостю принять участие в столь редком и увлекательном развлечении, утверждая, что это чрезвычайно обогатит его жизненный опыт. Самообладание не изменило капитану Бладу, он остался внешне совершенно спокоен.

— Моя национальность делает это для меня невозможным, дон Хуан. Голландия не воюет с Францией.

— Да кому будет известно, что вы голландец? Станьте на минуту настоящим испанцем, дон Педро, и повеселитесь вместе с нами вволю. Кто будет об этом знать?

— Я сам, — ответил Блад. — Это вопрос чести.

Дон Хуан посмотрел на него, как на смешного чудака.

— Что ж, придется вам пасть жертвой вашей чрезмерной щепетильности, — сказал он и, продолжая смеяться, спустился по шторм-трапу в ожидавшую его шлюпку.

Капитан Блад остался на юте, откуда ему было хорошо виден весь городок, раскинувшийся на берегу всего в какой-нибудь миле от корабля, уже бросившего якорь на рейде. Из офицеров на борту остался один только Верагуас и с ним человек пятнадцать матросов. Но порядок соблюдался, матросы несли вахту, и один из них, опытный канонир, в случае чего готов был открыть огонь.

Дон Себастьян Верагуас, оставленный на корабле, проклинал свою несчастную судьбу и со вкусом расписывал развлечения, которых он лишился. Это был невысокий, крепко сбитый мужчина лет двадцати пяти, с мощным, мясистым носом и не менее мощным подбородком. Он молот языком не умолкая, с чрезвычайно самонадеянным видом, а капитан Блад не сводил глаз с небольшого поселения на берегу. Даже на таком расстоянии до корабля долетали крики и шум — в городе уже бесчинствовали ворвавшиеся в него испанцы, и многие дома стояли объятые пламенем. Капитану Бладу было слишком хорошо известно, что творят там руководимые испанским грандом солдаты, и он дорого бы дал, чтобы иметь сейчас под рукой сотню своих корсаров, с которыми он мог бы в два счета смести с лица земли всю эту испанскую нечисть. Он смотрел на город, и лицо его было мрачно и хмуро. Как-то раз он уже был свидетелем такого набега и поклялся тогда, что ни один испанец не будет знать у него пощады. Он нарушил эту клятву, но теперь давал себе слово, что отныне всегда будет ей верен.

А тем временем стоявший рядом с ним молодой испанец, которому он с радостью свернул бы шею, клал на чем свет стоит всех богов и все небесное

воинство за то, что они лишили его возможности повеселиться там, на берегу, в этом аду.

Грабители вернулись под вечер той же дорогой, какой ушли — мимо умолкнувшего порта, — и лодки доставили их по изумрудно-зеленой воде к стоявшему на якоре кораблю. Они возвращались шумно, с песнями, с ликующими возгласами, разгоряченные вином и ромом; некоторые щеголяли окровавленными повязками, и все, как один, были нагружены трофеями. Они отпускали мерзкие шутки, рассказывая о произведенном ими опустошении, и похвалялись своими омерзительными подвигами.

Никакие пираты на свете, думал капитан Блад, не смогли бы состязаться с ними в грубости и жестокости. Набег их увенчался полным успехом; потеряли они не больше пяти-шести человек и беспощадно отомстили за их смерть.

Наконец в последней лодке возвратился на корабль дон Хуан. Впереди него по трапу поднялись двое матросов; они несли на плечах какой-то узел. Когда они спрыгнули на палубу, капитан Блад увидел, что они несут женщину, закутанную с головой в плащ. Из-под темных складок плаща выглядывал край шелковых нижних юбок и брыкающиеся ноги в шелковых чулках и изящных туфельках на высоком каблуке. С возрастающим изумлением капитан Блад убедился, что похищенная женщина, по-видимому, дама из высшего общества.

Следом за матросами по трапу поднялся дон Хуан. Потное лицо его и руки были черны от пороха. Стоя на верхней ступеньке трапа, он командовал:

— Ко мне в каюту!

Блад увидел, как женщину пронесли по палубе мимо скаливших зубы, отпускавших шутки матросов, и она скрылась на плече одного из своих похитителей на продольном мостике, ведущем к внутреннему трапу.

По отношению к женщинам капитан Блад был всегда истинным рыцарем без страха и упрека. Отчасти, быть может, во имя некой прелестной дамы с Барбадоса, для которой он, по его мнению, был ничем, но память о которой вдохновляла его на самые благородные поступки, никак, казалось бы, не совместимые с его пиратской деятельностью. Этот рыцарский дух заговорил в нем сейчас с новой силой. Слепленный гневом, он готов был броситься на дону Хуана, но обуздал свой

порыв, понимая, что этим сразу лишит себя возможности прийти на помощь несчастной пленнице. Ее присутствие на корабле не осталось тайной ни для кого. Она была личным трофеем испанского повесы, командира корабля, и при одной мысли об этом капитан Блад похолодел.

Тем не менее, когда он, спустившись с юта, шагнул по палубе к продольному мостику, лицо его было спокойно, на губах играла улыбка. В этом узком проходе он столкнулся со старшими офицерами, из которых трое сопровождали дону Хуана в его экспедиции на берег; четвертый был Верагуас. Все они громко смеялись и перебрасывались шутками по адресу своего распутного капитана.

Они с шумом ввалились в капитанскую каюту. Блад вошел последним. Негр-слуга накрыл к ужину стол, поставив, как всегда, шесть приборов, и зажег большую серебряную люстру, ибо солнце уже село и быстро сгущались сумерки.

Дон Хуан появился на пороге одной из кают левого борта. Затворив за собой дверь, он несколько мгновений продолжал стоять, прислонившись к ней спиной, взглядом, исполненным подозрительности и недоверия, окидывая пожаловавших к нему в каюту офицеров. Их присутствие, по-видимому, побудило его запереть дверь боковой каюты и положить ключ в карман. Из каюты, где, как нетрудно было догадаться, находилась похищенная дама, не доносилось ни звука.

— Она утихомирилась наконец, благодарение Богу, — со смехом произнес один из офицеров.

— Должно быть, устала визжать, — сказал другой. — Боже милостивый! Это же какая-то дикая кошка! Как она сопротивлялась! Бешеный характер, судя по всему. Настоящий маленький бесенок, которого стоит приручить. Я завидую тебе, Хуан.

Верагуас заявил, что столь блестящий флотоводец, как дон Хуан, достоин высокой награды, и среди терпких шуток и поддразниваний командир корабля с довольно угрюмой миной предложил всем сесть за стол.

— Мы поужинаем сегодня на скорую руку, если вы ничего не имеете против, — сказал он, снимая свои доспехи, чем вызвал новую бурю веселья по поводу его торопливости и новый град шуток по адресу несчастной жертвы, которую он держал под замком.

Когда все уселись за стол, капитан Блад позволил себе обратиться к дону Хуану с вопросом:

— Ну, а как ваши дела с полковником де Кулевэном? Красивое лицо капитана омрачилось.

— А, будь он проклят! Его не было в Бас-Тере. Он организует оборону в Ле-Карме.

Капитан Блад, подняв брови, сказал тоном легкого соболезнования:

— Значит, вам так и не удалось свести с ним счеты, несмотря на всю вашу решимость и отвагу?

— Не вполне, не вполне.

— Клянусь небом, ты неправ! — крикнул кто-то со смехом. — Мадам де Кулевэн воздаст тебе за все сто-рицею.

— Мадам де Кулевэн? — переспросил капитан Блад без особой нужды, ибо взгляды, устремленные на запертую дверь маленькой каюты, делали подобный вопрос праздным. Блад рассмеялся. — Вот оно что... Не знаю, какое вам было нанесено оскорбление, дон Хуан, но отомстили вы весьма тонко и умело. — И, посылая его в душе в преисподнюю, он негромко рассмеялся с деланным одобрением.

Дон Хуан пожал плечами и вздохнул:

— Тем не менее я жалею, что не поймал его и не заставил заплатить мне за все сполна.

Капитан Блад продолжал развивать эту тему:

— Если ваша ненависть к нему столь велика, подумайте, на какую муку вы его обрекли, предполагая, разумеется, что он любит свою жену! Могильный покой — ничто по сравнению с этими терзаниями.

— Может быть, может быть. — Дон Хуан был сегодня не словоохотлив. То ли его сжигало нетерпение, то ли он был не в духе из-за своей частичной неудачи. — Налей мне вина, Абсолон. Боже праведный, какая жажда!

Негр налил всем вина. Дон Хуан одним глотком осушил свой бокал, Блад последовал его примеру, и бокалы были наполнены снова.

Блад произнес цветистый тост в честь командира корабля. Не будучи большим знатоком морских сражений, сказал Блад, он все же после того, что ему пришлось наблюдать сегодня, позволяет себе думать, что ни один флотоводец на свете не мог бы более искусно провести бой, чем сделал это дон Хуан.

Командир корабля улыбкой выразил свою признательность. Тост был встречен шумным одобрением, и

бокалы снова наполнились вином. Все болтали, смеялись, а капитан Блад задумался.

Вот сейчас, размышлял он, как только ужин закончится, дон Хуан разгонит их всех по своим каютам. Капитану Бладу была отведена каюта по правому борту, смежная с каютой капитана. Но допустит ли сейчас капитан, чтобы гость находился там, в столь непосредственной близости от него? Если ему дадут возможность остаться в своей каюте, думал Блад, он еще может вызволить эту несчастную женщину из беды. У него даже созрел уже план, как это сделать. Но что, если его переместят в другую каюту на эту ночь?

Он заставил себя встряхнуться и пустился в оживленный разговор; потом шумно потребовал еще вина, а когда оно было выпито, повторил свое требование, в чем его охотно поддерживали все, изнывая от жажды после жаркой схватки. Затем он снова принялся превозносить до небес искусство и отвагу дона Хуана, причем было замечено, что язык у него слегка заплетается, речь стала не совсем внятной; раза два он икнул и, глупо ухмыляясь, несколько раз повторил одно и то же.

Это вызвало насмешки окружающих, что чрезвычайно разозлило Блада, и, обратясь к дону Хуану, он попросил его объяснить этим захмелевшим и не в меру развеселившимся господам, что он-то, сам по крайней мере, вполне трезв. Эти свои протесты он излагал все более и более косноязычно.

Когда Верагуас заметил капитану Бладу, что он пьян, Блад пришел в ярость и напомнил всем присутствующим, что он голландец, а следовательно, принадлежит к нации великих выпивох. Он берется перепить любого моряка на всем пространстве Карибского моря, заявил Блад. Продолжая куражиться, он потребовал, чтобы подали еще вина, дабы он мог им доказать это на деле, выпил бокал и внезапно замолчал. Отяжелевшие веки его опустились, тело обмякло, и, к шумному удовольствию всех бражников, этот бахвал свалился со стула и остался лежать на полу, не делая ни малейших попыток подняться.

Верагуас презрительно и грубо пихнул его ногой. Капитан Блад не подавал признаков жизни. Он лежал неподвижный, как бревно, и вскоре раздался оглушительный храп.

Дон Хуан порывисто поднялся из-за стола.

— Отнесите этого болвана в постель. И вы все убирайтесь тоже. Все пошли вон.

Бесчувственного дона Педро со смехом и не слишком деликатно оттащили в его каюту. Развязав его шейный платок, чтобы он не задохнулся, офицеры ушли и притворили за собой дверь, после чего, подчиняясь снова повторенному приказу командира убираться ко всем чертям, с грохотом полезли вверх по трапу, и дон Хуан запер за ними дверь своей каюты.

Оставшись один, он медленно подошел к столу и постоял с минуту, прислушиваясь к оживленным голосам и нетвердым шагам офицеров. Потом взял свой до половины наполненный бокал и выпил. Поставив бокал на место, он не спеша вытащил из кармана ключ из каюты, в которой была заперта пленница. Он направился к двери, вставил ключ в замочную скважину и повернул его. Но прежде чем он успел отворить дверь, какой-то шорох за спиной заставил его оглянуться.

Пьяный гость стоял в дверях своей каюты, прислонившись к переборке. Одежда его была в беспорядке, глаза смотрели тупо, он едва держался на ногах, и казалось, при малейшем крене судна того и гляди рухнет на пол. Он сделал гримасу, словно его тошнило, и прищелкнул языком.

— К...который час? — задал он идиотский вопрос.

Напряженно-сердитый взгляд дона Хуана смягчился. Он даже улыбнулся, хотя и чуточку нетерпеливо.

Пьяный гость продолжал лепетать:

— Я... я... я что-то не помню... — Он умолк. Потом качнулся вперед. — Тысяча чертей! Я... я хочу пить!

— Ступайте в постель! В постель! — крикнул дон Хуан.

— В постель? Да, да... разумеется, в постель. Куда же еще... Верно? Но сначала... стакан вина.

Он шагнул к столу, покачнулся, увлеченный вперед собственной тяжестью, и, чтобы не упасть, уперся руками в стол как раз напротив испанца, который смотрел на него злобно и презрительно. Капитан Блад взял бокал и тяжелый серебряный, инкрустированный эмалью кувшин с длинным горлышком и двумя ручками, напоминавший по форме амфору³⁹, налил себе вина и выпил. Ставя бокал на стол, он опять покачнулся, и правая его рука, ища опоры, опустилась на горлышко серебряного кувшина.

Быть может, дон Хуан, нетерпеливо и высокомерно

наблюдавший за ним, успел в какую-то долю секунды уловить холодный, жесткий блеск светло-синих глаз под темными бровями, только что глядевших бессмысленно и тупо. Но в следующее мгновение, прежде чем сознание успело осмыслить то, что запечатлел взгляд, серебряный кувшин со страшной силой обрушился на голову капитана «Эстремадуры».

Капитан Блад, все опьянение которого как рукой сняло, быстро обошел вокруг стола и опустился на одно колено возле поверженного им человека. Дон Хуан лежал недвижим на пестром восточном ковре; его красивое лицо помертвело, из раны на лбу сочилась струйка крови. Капитан Блад созерцал дело своих рук, не испытывая ни сожаления, ни раскаяния. Ведь не за себя страшился он, нанося испанцу внезапный удар, которого тот не ждал, — он поступил так из страха за беспомощную женщину. Из-за нее он не мог рисковать, не мог позволить дону Хуану поднять тревогу, что тот наверняка сделал бы, предложи ему Блад встретиться в честном поединке. Нет, этот жестокий, распутный повеса не заслуживал лучшей участи.

Капитан Блад наклонился над безжизненным телом испанца, просунул руки ему под мышки и подтащил к открытому кормовому иллюминатору, за которым плыла теплая, бархатистая тропическая ночь. Подняв дона Хуана на руки, словно ребенка, он встал вместе со своей ношей на крышку рундука и, наклонившись, резким рывком бросил тело за борт. Ухватившись за пиллерс, он далеко перегнулся вперед и проследил глазами падение тела.

Негромкий всплеск заглушило журчание волн в кильватере корабля. Когда тело коснулось фосфоресцирующей поверхности моря, его силуэт на какой-то миг резко очерченным пятном лег на сверкающую воду. Затем пенистые кильватерные струи сомкнулись, фосфоресцирующие пузыри поднялись на поверхность и лопнули, и море за кормой приняло прежний вид.

Капитан Блад все еще стоял, наклонившись вперед и глядя на воду, словно стремясь проникнуть взглядом в глубину, когда позади него раздался голос, заставивший его вздрогнуть. Он выпрямился и насторожился, но не обернулся. Вернее, он уже хотел обернуться, но замер, держась левой рукой за пиллерс, по-прежнему стоя спиной к каюте.

Он услышал голос женщины, и голос этот звучал нежно, мягко, призывно:

— Жан, Жан! Где же ты? Что ты там делаешь? Я жду тебя, Жан! — Слова эти были произнесены по-французски.

Изумление капитана Блада сменилось раздумьем. Он стоял не двигаясь, выжидая, стараясь понять, что произошло. Женщина заговорила снова, более настойчиво на этот раз:

— Жан! Ты слышишь меня, Жан?

Капитан Блад обернулся и увидел, что она стоит на пороге своей каюты: высокая, очень красивая женщина лет двадцати пяти; распущенные золотистые волосы пышным плащом окутывали ее полуобнаженные плечи. Воображению капитана Блада эта женщина рисовалась обьятой ужасом, беспомощно скорчившейся на полу в углу каюты, быть может, связанной по рукам и ногам. Его рыцарская натура не вынесла этой душераздирающей картины, и он совершил то, чему мы были свидетелями. А теперь несчастная пленница появилась перед ним, свободно, по собственной воле перешагнув порог каюты, и призывала к себе дон Хуана так, как призывают только возлюбленного.

Капитан Блад оцепенел от ужаса. От ужаса при мысли о том, что он содеял, какую чудовищную ошибку совершил, поспешив в своем донкихотском угаре сыграть роль providения и убив человека.

А затем мысли капитана Блоада обратились к женщине, чья душа неожиданно раскрылась перед ним, и ужас, еще более глубокий, заглушил все остальные чувства. Этот страшный набег на Бас-Тер был организован только для того, чтобы под его прикрытием совершилось похищение этой женщины, и, быть может, она даже была всему зачинщицей. Да и самое это насильственное похищение было лишь отвратительной комедией, которую она разыграла — разыграла на фоне пожаров, убийств и насилий, оставаясь при этом столь бездушно жестокой, что спокойно могла теперь ворковать подобно голубке, нежно призывающей к себе голубка!

И ради этой фурии, равнодушно шагающей к своей цели по крови и трупам сотен людей, он обагрил кровью руки! Рыцарский его поступок превратился в низкое, подлое деяние.

— Кто вы такой? — изумленно спросила она. — Где дон Хуан де ла Фуэнте?

Капитан Блад прыгнул на пол. Женщина всматривалась в его хмурое лицо, и в душу ее заползал безотчетный страх; изумление сменялось тревогой.

— Вы мадам де Кулевэн? — спросил капитан Блад по-французски. На этот раз не должно было быть осечки.

Женщина кивнула.

— Да, конечно. — Она говорила нетерпеливо, но в глазах ее стоял страх. — Кто вы такой? Почему вы допрашиваете меня? — Она топнула ногой. — Где дон Хуан?

Капитан Блад знал, что путь истины — кратчайший путь, и он избрал его. Жестом показав на открытое окно, он сказал:

— Минуту назад я бросил его за борт.

Онемев, она глядела в это красивое, холодное лицо, отчетливо читая в нем приговор столь грозный, столь беспощадный, что у нее не зародилось сомнения в правдивости его слов.

Крик отчаяния вырвался из ее груди. Но он не смутил капитана Блада, не тронул его. Он заговорил снова, и, подчиняясь нестерпимо пронзительному взгляду этих холодных глаз, она слушала его, притихнув.

— Вы, по-видимому, принимаете меня за одного из соратников дона Хуана. Возможно, даже думаете, что я убил его, позавидовав захваченной им ценной добыче, чтобы самому завладеть ею. Это очень далеко от истины. Обманутый, как и все остальные, разыгранной вами комедией, поверив, что вы доставлены на борт этого корабля силой, и считая вас несчастной жертвой распутника и сластолюбца, я проникся глубоким сочувствием к вам и убил его, чтобы спасти вас от уготованной вам страшной участи. А теперь, — добавил он с горькой усмешкой, — я вижу, что вас вовсе не следовало спасать, что я покарал вас не меньше, чем его. Вот что происходит, когда человек присваивает себе роль провидения.

— Вы убили его! — воскликнула женщина. Она пошатнулась, побелев как полотно; казалось, она вот-вот лишится чувств. — Вы убили его! О Боже! Вы убили моего Жана! — Она тупо повторяла это снова и снова, словно стараясь уяснить себе то, что не укладывалось в ее сознании. Потом внезапно ею овладела ярость. — Убийца! Грубое животное! — взвизгнула она. — Вы от-

ветите за это! Я подниму тревогу на корабле! Видит Бог, вы поплатитесь за это...

Метнувшись к двери капитанской каюты, она принялась колотить в нее кулаками. Рука ее уже поворачивала ключ в замке, но капитан Блад опередил ее. Она сопротивлялась, как дикая кошка, стараясь вырваться из его крепких рук, и громко зывала о помощи. Он оттащил ее от двери и отшвырнул от себя. Затем отобрал у нее ключ и положил его себе в карман.

Она лежала на полу возле стола, куда он ее отбросил, и издавала отчаянные вопли, надеясь поднять тревогу на корабле. Капитан Блад холодно наблюдал за ней.

— Ну что ж, поупражняйте свои легкие, моя прелесть, — насмешливо сказал он. — Вам это пойдет на пользу, а мне не причинит вреда.

Он сел на стул, ожидая, когда ее силы иссякнут и она утихнет. Но его слова уже отрезвили ее. Она подняла на него расширенные от ужаса глаза. Он криво усмехнулся, отвечая на ее немой вопрос.

— Ни один человек на корабле пальцем не пошевелинет, чтобы помочь вам, даже не обратит внимания на ваши крики — разве что они кого-нибудь позабавят. Уж таких людей подобрал в свою команду дон Хуан де ла Фуэнте.

Отчаяние, отразившееся в ее глазах, подтвердило капитану Бладу, что женщина поверила его словам. Он кивнул головой, и губы его снова скривила горькая ироническая усмешка, от которой у женщины захолонуло сердце.

— Да, да, мадам. Вот как обстоит дело. Советую вам трезво обдумать ваше положение.

Она поднялась с пола и стояла, прислонившись к столу. Ее глаза, устремленные на него, горели жгучей ненавистью.

— Если они не придут ко мне на помощь сегодня ночью, то придут завтра. Рано или поздно они должны прийти. Я не знаю, кто вы такой, но знаю, что, когда они придут, вам несдобровать.

— Вероятно, так же, как и вам, — спокойно произнес капитан Блад.

— Почему мне? Я никого не убивала.

— Вас и не будут в этом обвинять. Но в лице дона Хуана вы утратили единственного защитника на этом корабле. Вам должно быть понятно, какая участь

ожидает вас, когда вы, одинокая, незащищенная женщина, окажетесь во власти этих веселых испанских молодчиков? Ведь вы для них — военный трофей, добыча, захваченная в жестоком набеге.

— Боже милостивый! — Женщина в ужасе прижала руки к груди.

— Успокойтесь, — презрительно сказал капитан Блад. — Я не за тем спасал вас от одного хищника, чтобы бросить на растерзание целой стае. Ничего с вами не случится, если, конечно, вы сами не предпочтете такую участь возвращению к вашему супругу.

— К моему супругу?! — вне себя вскричала женщина. — О нет, нет! Никогда! Никогда!..

— Ну что ж, либо ваш супруг, либо... — Он кивнул на дверь. — Либо эта шайка. Я не вижу для вас другого выбора.

— Кто вы такой? — спросила женщина. — Вы сатана! Почему вы погубили мою жизнь да еще продолжаете мучить меня?

— Я не губил вас: наоборот, я вас спас. Ваш супруг будет считать — так же как считают все остальные, — что вы были похищены против вашей воли. Это, между прочим, необходимо и для его душевного покоя. Он нежно примет страдальцу-супругу в свои объятия, радуясь, что кончились его терзания, и постарается вознаградить вас за все муки, которые вы, как будет думать этот бедняга, претерпели.

Женщина истерически расхохоталась.

— Нежные объятия моего супруга! О Боже! Если бы он хоть сколько-нибудь был нежен ко мне, я бы не очутилась на этом корабле! — Внезапно, к удивлению капитана Блада, ей захотелось что-то объяснить ему, как-то оправдать себя: — Человек, за которого меня выдали замуж, — тупое, грубое, бездушное животное. Вот что такое месье де Кулевэн. Это тупица, который, промотав все свое состояние, вынужден был принять пост здесь, в этой дикой глуши, куда он притащил с собой и меня. Вы, конечно, думаете обо мне очень худо. Вы считаете меня легкомысленной женщиной, утратившей добродетель. Но я хочу, чтобы вы знали правду. Через несколько месяцев после свадьбы, когда я была уже в полном отчаянии, в нашем доме в По, в Гаскони, на родине моего мужа, появился дон Хуан де ла Фуэнте, который в то время путешествовал по Франции. Мы полюбили друг друга с первого взгляда.

Дон Хуан понял, как я несчастна, ибо это было ясно каждому. Он молил меня бежать с ним в Испанию, и, видит Бог, как сожалею я сейчас, что не уступила тогда его мольбам, — ведь это положило бы конец моим страданиям. К несчастью, я осталась непреклонной. Чувство долга не позволило мне изменить данному мной обету. Я рассталась с доном Хуаном. С тех пор чаша моих страданий и позора переполнилась, и когда уже здесь, в Бас-Тере, накануне войны с Испанией, я получила от дона Хуана письмо и узнала, что его благородное, преданное сердце по-прежнему мне принадлежит, что он любит меня и верен мне, я ответила ему и в своем отчаянии попросила его приехать как можно скорее и увести меня...

Она умогла. Слезы струились по ее щекам, полный муки взгляд был прикован к лицу капитана Блада.

— Теперь вы знаете, что вы натворили: вы погубили меня, разбили мою жизнь.

Взгляд капитана Блада смягчился, и голос его, когда он заговорил, звучал уже менее сурово:

— Ваша жизнь не погублена, мадам, вам это только кажется. Вы мечтали из ада попасть в рай, в действительности же вы только сменили бы один ад на другой, еще более страшный. Вы не знаете этого человека, не знаете «благородного, преданного сердца» дона Хуана де ла Фуэнте. Его показной блеск ослепил вас, и за этим блеском вы не разглядели гнили. А душа этого человека прогнила насквозь, и, доверив ему свою судьбу, вы обрекли бы себя на позор и бесчестье.

— Чью совесть хотите вы убаюкать — мою или вашу, клевета на человека, которого убили?

— Я не клевету на него, мадам, о нет! Все, что я говорю, не требует доказательств. Разве вы не видели, что творилось в Бас-Тере сегодня? Вы же не могли не заметить, что кровь лилась там ручьями, что там убивали беззащитных людей, издевались над женщинами...

Она перебила его неуверенно:

— Но это же... Война есть война...

Капитан Блад вскипел:

— При чем тут война! Не обманывайте себя. Взгляните правде в глаза, даже если вы там прочтете приговор вам обоим. Для чего нужен Испании Мари-Галант? И ведь, напав на город, испанцы даже не подумали удержать его в своих руках.

Это нападение было нужно только вашему возлюбленному, и только как предлог. Он бросил свою оголтелую матросню на этот почти беззащитный остров лишь потому, что получил от вас письмо и шел навстречу вашим желаниям. Все эти мужчины, которые были убиты сегодня, все женщины, подвергшиеся надругательствам, спокойно спали бы сейчас в своих постелях, если бы не вы и не ваш жестокий возлюбленный. Только ради вас...

Женщина не дала ему договорить. Она слушала его, закрыв лицо руками, и тихонько стонала, раскачиваясь из стороны в сторону. Внезапно она вскочила и поглядела на него с яростью.

— Замолчите! — закричала она иступленно. — Я не желаю вас слушать! Все это ложь! Вы выворачиваете все наизнанку, чтобы оправдать свой мерзкий поступок!

Блад пристально смотрел на нее; лицо его было сумрачно и сурово.

— Люди такого сорта, как вы, — с расстановкой произнес он, — всегда верят только тому, что для них выгодно. Мне кажется, что я не должен сочувствовать вам. Я знаю, что не причинил вам никакого зла, и вполне удовлетворен тем, что вам предстоит теперь искупить свои заблуждения. Вы сами изберете себе форму этого искупления. Хотите вы, чтобы я вас оставил здесь, в обществе этих молодцов, или предпочтете отправиться вместе со мной к вашему супругу?

Она растерянно глядела на него; грудь ее бурно вздымалась. Она начала бессвязно молить его о чем-то, но он ее прервал:

— Не мне решать вашу судьбу. Вы уготовили ее себе сами. Я лишь указываю вам два пути, а вы свободны сделать свой выбор.

— Но как... каким образом можете вы доставить меня в Бас-Тер? — спросила она вдруг.

Это он тут же объяснил ей и, не спрашивая более ее согласия, зная теперь, что оно последует, быстро принялся за дело. Собрав остатки еды в салфетку, он взял небольшой бочонок пресной воды и бурдюк с вином, связал их вместе веревкой, которую разыскал у себя в каюте, и спустил на веревке в пинасу, подтянув ее за буксирный канат к кормовому свесу судна.

Укоротив буксирный канат и захлестнув его за один

из пиллерсов, он предложил мадам де Кулевэн спуститься с его помощью по канату в пинасу.

Мадам де Кулевэн пришла в ужас. Но он все же заставил ее побороть страх и встать в иллюминаторе. Затем, соскользнув вниз, он повис, держась за канат, а она, повинувшись его приказу, вся трепеща, тоже уцепилась руками за канат и стала ему на плечи, а потом, не отпуская каната, скользнула ниже, и он, крепко обхватив ее одной рукой, стал осторожно спускаться в пинасу.

С палуб доносились крики, шум и пение матросов, распевавших хором какую-то разудалую испанскую песню.

Наконец нога капитана Блада нащупала планшир пинасы. Он подтолкнул пинасу ногой ближе к корпусу корабля и прыгнул на форлюк. Его спутница висела, уцепившись за канат. Подтянув пинасу еще ближе к кормовому свесу, Блад осторожно помог мадам де Кулевэн спуститься в лодку. После этого он одним ударом перерубил ножом буксирный канат, и корабль, шедший под свежим ветром крутой бейдевинд, начал быстро удаляться, сияя во мраке ярко освещенным кормовым иллюминатором и тремя большими кормовыми фонарями и оставив пинасу тихонько покачиваться на его кильватерной волне.

Капитан Блад, немного отдышавшись, усадил мадам де Кулевэн на кормовой люк, поднял парус, развернул его по ветру и, бросив взгляд на ярко сверкавшие в темном тропическом небе звезды, взял курс на Бас-Тер, куда при попутном ветре он рассчитывал попасть до восхода солнца.

Женщина, сидевшая на корме, тихонько всхлипывала. Час искупления для нее уже настал.

Глава IX

БЛАГОДАРНОСТЬ МЕСЬЕ ДЕ КУЛЕВЭНА

Теплой тропической ночью пинаса, гонимая легким южным бризом, стойко бороздила морскую гладь. Потом взошла луна, и море заискрилось расплавленным серебром.

Капитан Блад сидел у румпеля⁴⁰. Рядом с ним на крышке люка скорчилась женщина; она временами бор-

мотала что-то бессвязное — то жалобно, то гневно, — потом умолкала. О благодарности, которую капитан Блад, как ему казалось, заслужил, не было и речи. Но, будучи человеком отзывчивым и снисходительным, он не чувствовал себя уязвленным. Положение мадам де Кулевэн, что ни говори, было не из легких, и у нее, в конце концов, не было особенных оснований испытывать благодарность к людям или к судьбе.

Ее сумбурные, противоречивые мысли не удивляли капитана Блада. Он понимал источник этой ненависти, которая звенела в ее голосе, когда из мрака до него доносились ее упреки, — ненависти, которой пылало ее бледное лицо в свете занимавшейся зари.

Теперь до острова оставалось не более двух миль. Уже появилась на горизонте темная полоска леса, увенчанная единственной горной вершиной. Слева от пинасы бороздил волны высокий корабль, держа путь к открывавшейся впереди бухте, — английский корабль, как определил капитан Блад по его оснастке и линиям корпуса. Заметив свернутый марсель⁴¹, Блад решил, что капитан корабля, по-видимому, новичок в здешних водах и потому осторожно нащупывает свой путь. Это предположение укрепилось при виде матроса, который стоял у фока-вант-путенсов⁴² правого борта и, перегнувшись через поручни, измерял глубину лотом. Над золотящейся в утренних лучах водной гладью далеко разносились его монотонно-певучие выкрики.

Мадам де Кулевэн, задремавшая, скорчившись на корме, проснулась и с испугом поглядела на фрегат, на его пламенеющие в лучах зари паруса.

— Не бойтесь, мадам. Это не испанский корабль.

Она подняла на Блада еще затуманенные дремотой, распухшие от слез глаза. Полные губы скривила горькая усмешка.

— Чего мне теперь бояться? Что может быть страшнее той участи, которую вы мне уготовили?

— Я, мадам? Не мной решалась ваша участь. Ее решили ваши собственные поступки.

— Какие мои поступки? — резко возразила она. — Разве этого я добивалась? Чтобы вернуться назад к мужу?

Капитан Блад устало вздохнул:

— Неужели мы должны начинать все сначала? Неужели я должен напоминать вам, что вы сами отвергли предложенную вам возможность — сдаться на милость

храбрых испанских матросов — и вместо этого возвращаетесь к вашему супругу, пребывающему в приятном заблуждении, что вы были похищены насильно.

— Но ведь вы, убийца, вынудили меня к этому...

— Если бы не я, ваша участь, мадам, была бы еще плачевней. Много плачевней того, что вы мне описали.

— Плачевней ничего не может быть! Ничего! Ведь этот низкий человек, который завез меня сюда, в эти варварские места, завез потому, что бежал от долгов, от позора, потому, что ему уже не было места на родине, этот... Ах, зачем я вам все это говорю! Вы же не хотите ничего понимать из упрямства, вам бы только осуждать!

— Мадам, я не хочу осуждать вас. Я хочу, чтобы вы осудили себя сами за те бедствия, которые навлекли на Бас-Тер. И если вы примете то, что вас ждет, как искупление за содеянное, это поможет вам обрести душевный покой.

— Душевный покой! О чем вы говорите! — вырвалось у нее со стоном.

Капитан Блад произнес нравоучительно:

— Искупление очищает совесть. И тогда покой нисходит на душу.

— Я не желаю слушать ваши проповеди! Кто вы такой? Флибустьер, морской разбойник! Как смее вы проповедовать то, о чем не имеете ни малейшего понятия! Мне нечего искупать. Я никому не причиняла зла. Я была доведена до отчаяния жестоким, подлым деспотом, пьяницей, бесчестным игроком, шулером! Да, да, бесчестным! У меня не было другой возможности спастись. Могла ли я знать, что дон Хуан такой человек, каким вы его изображаете? Известно ли мне это даже теперь?

— Вот как? — произнес Блад. — Разве вы не видели разграбленных домов и пепелищ Бас-Тера? Не видели всех этих ужасов, всех страшных бесчинств, творимых там матросами по его повелению? И вы все еще сомневаетесь в том, что это за человек? Взирая на весь этот ужас, содеянный ради того, чтобы вы могли упасть в объятия своего возлюбленного, вы еще осмеливаетесь говорить, что не причинили никому зла? Вот, мадам, что требует искупления! А все то, что было между вами и вашим мужем или доном Хуаном, ничтожно по сравнению с этим.

Но ее ум не мог этого вместить; она отказывалась

верить и продолжала негодовать. Капитан Блад перестал ее слушать. Он занялся парусом, дав пинасе резкий крен, и повел ее прямо к гавани.

Часом позже они бросили якорь у мола. Там уже причалил баркас, и английские матросы с фрегата, стоявшего на рейде, сходили на берег.

Мужчины и женщины, черные и белые, толпившиеся на пристани, перепуганные, еще не оправившиеся от страшных потрясений вчерашнего дня, не веря своим глазам, смотрели на мадам де Кулевэн, которую на руках вынес из лодки статный мужчина с суровым лицом, в мятом сером камлотовом костюме, шитом серебром, и черном парике, заметно нуждавшемся в завивке.

Кучка людей в изумлении двинулась им навстречу — медленно сначала, затем все быстрее и быстрее. И вот они уже окружили тайную виновницу всех их бед, приветствуя ее, радуясь чудесному ее избавлению.

Капитан Блад, молчаливый и угрюмый, стоя в стороне, окинул взглядом разбросанные на большом пространстве дома поселка, еще не залечившего свои раны — разбитые окна, висящие на одной петле двери, тлеющие головни пепелищ на месте, где еще вчера стояли дома, предметы домашнего обихода, валяющиеся под открытым небом... С невысокой, обсаженной акациями колокольни на площади долетал заунывный похоронный звон. Внутри церковной ограды царило зловещее оживление: негры-могильщики деятельно трудились там, действуя мотыгами и лопатами.

Холодные синие глаза капитана Блада быстро охватили взглядом и это, и многое другое. Затем он довольно решительно вывел свою спутницу из толпы сочувствующих, засыпавших ее удивленными вопросами и никак не подозревавших, в какой мере она является виновницей их бедствий. Они поднялись по отлогому склону — мадам де Кулевэн указывала Бладу путь. Им повстречалась кучка английских матросов, наполнявших бочонки пресной водой у запруды на ручье. Они прошли мимо церкви и кладбища, где кипела работа, мимо отряда городской милиции, занятого тренировкой; на солдатах были синие мундиры с красным кантом. Полковник де Кулевэн привез это пополнение из Ле-Карма, когда Бас-Тер был уже разграблен.

По пути им не раз приходилось останавливаться, так как прохожие снова и снова бросались с удивленными

восклицаниями к мадам де Кулевэн, вдруг неизвестно откуда появившейся на улице в сопровождении высокого сурового незнакомца. Но вот наконец по широкой пальмовой аллее они прошли через пышно цветущий сад и приблизились к длинному приземистому бревенчатому зданию на каменном фундаменте.

Здесь не было заметно ни малейших повреждений. Испанцы, ворвавшиеся вчера в этот дом (если только они действительно в него врывались), оставили здесь все в полной сохранности, ограничившись похищением жены губернатора.

Дверь отворил старый негр. При виде своей хозяйки в измятом шелковом платье, с растрепанными волосами он завопил истошным голосом. Он и смеялся, и плакал. Он возносил мольбы к Господу Богу. Он прыгал вокруг нее, точно преданный пес, и, схватив ее руку, покрыл ее поцелуями.

— Вас здесь, по-видимому, любят, мадам... — сказал капитан Блад, когда они наконец остались вдвоем в столовой.

— А вас это, конечно, удивляет, — промолвила она, и уже знакомая ему язвительная усмешка скривила ее полные губы.

Дверь резко распахнулась, и высокий грузный мужчина с крупными, резкими чертами болезненно-желтого лица, испещренного глубокими морщинами, застыл в изумлении на пороге. Его синий с красными выпушками военный мундир топорщился от золотых галунов. Темные, налитые кровью глаза удивленно расширились при виде жены. Смуглое от загара лицо его побледнело.

— Антуанетта! — запинаясь, промолвил он. Нетвердой походкой он приблизился к жене и взял ее за плечи. — Это и в самом деле ты... Мне, мне сообщили... Да где же ты была целые сутки?

— Тебе же, вероятно, сообщили где. — Голос ее звучал устало, безжизненно. — На счастье или на беду, этот господин спас меня и доставил сюда целую и невредимую.

— На счастье или на беду? — повторил ее супруг и нахмурился. Губы его скривились. Неприязнь к жене отчетливо читалась в его взгляде. Сняв руки с ее плеч, он обернулся к капитану Бладу. — Этот господин? — Глаза его сузились. — Испанец?

Капитан Блад с улыбкой посмотрел на его хмурое лицо.

— Голландец, сэр, — солгал он. Впрочем, дальнейшее

его повествование не отклонялось от истины. — По счастливому стечению обстоятельств, я оказался на борту испанского судна «Эстремадура». Меня подобрали в открытом море после кораблекрушения. Получив доступ в капитанскую каюту, где командир корабля держал взаперти вашу супругу, я положил конец его любовным притязаниям. Короче говоря, я убил его. — За этим последовал сжатый рассказ о том, как им удалось бежать с испанского судна.

Полковник де Кулевэн выразил свое удивление божбой и проклятиями. Потом задумался, стараясь получше уяснить себе все, что ему пришлось услышать, и снова разразился проклятиями. Капитан Блад приходил к заключению, что полковник де Кулевэн — грубая, тупая скотина, и женщина, которая его покидает, достойна снисхождения. Если полковник де Кулевэн испытывал какие-либо нежные чувства к жене или благодарность к тому, кто спас ее от позорной участи, он эти чувства держал при себе. Впрочем, он довольно бурно сокрушался по поводу бедствий, постигших город, и капитан Блад уже готов был отдать ему в этом смысле должное, но тут выяснилось, что губернатора беспокоят не столько страдания жителей Бас-Тера, сколько те последствия, которые может все случившееся иметь лично для него, когда французское правительство призовет его к ответу.

Бледная, измученная мадам де Кулевэн, красота которой несколько пострадала от плачевного состояния ее прически и туалета, прервала жалобы супруга, напомнив ему о том, чего требовала от него простая учтивость.

— Вы еще не поблагодарили этого господина за столь героически оказанную нам услугу.

Капитан Блад уловил иронию этих слов и понял скрытый в них двойной смысл. На мгновение в его сердце закралось сострадание к этой женщине: он понял, какое отчаяние владело ею, когда она, не задумываясь над судьбой других людей, была готова на все, лишь бы спастись от этого грубого эгоиста.

Полковник де Кулевэн принес свои запоздалые извинения, после чего мадам удалилась: она еле держалась на ногах от усталости. Старый негр, стоявший поодаль, бросился к своей госпоже, чтобы предложить ей руку, а появившаяся на пороге встревоженная негритянка поспешила заботливо отвести хозяйку в спальню.

Де Кулевэн проводил жену тяжелым взглядом. Суховатый голос капитана Блада вывел его из задумчивости:

— Если вы предложите мне завтрак, я буду считать себя полностью вознагражденным.

— А, будь я проклят! — выбранился губернатор. — Какая рассеянность! Все эти волнения, месье... Разрушения, произведенные в городе... Похищение моей жены... Это так ужасно! Вы должны меня понять. Все это выбивает человека из седла. Прошу извинить меня, месье... К сожалению, я не имею чести знать вашего имени.

— Вандермир. Питер Вандермир к вашим услугам.

— А вы вполне уверены в том, что это ваше имя? — произнес за его спиной чей-то голос по-французски, но с резким английским акцентом.

Капитан Блад стремительно обернулся. На пороге соседней комнаты, откуда ранее появился полковник де Кулевэн, он увидел не старого еще человека в красном мундире, шитом серебром. Капитан Блад узнал пухлую румяную физиономию своего старого знакомого капитана Макартни, который командовал гарнизоном на Антигуа, когда несколько месяцев назад Бладу удалось ускользнуть отсюда под самым носом англичан.

Удивление капитана Блада при виде его было мимолетным — он тотчас вспомнил английский фрегат, обогнавший его пинасу, когда они приближались к Бас-Тер.

Английский офицер злорадно улыбнулся:

— Доброе утро, капитан Блад. На этот раз у вас нет под рукой ни ваших пиратов, ни кораблей, ни пушек — вам нечем запугать нас.

Столь явная угроза прозвучала в его голосе, столь прозрачен был намек и столь очевидны намерения, что рука капитана Блада инстинктивно потянулась к левому боку. Англичанин расхохотался.

— У вас нет даже шпаги, капитан Блад.

— По-видимому, ее отсутствие и окрылило вас настолько, что ваша наглость одержала победу над вашей трусостью.

Тут вмешался полковник:

— Капитан Блад, говорите вы? Капитан Блад! Но не тот же флибустьер? Не...

— Вот именно: флибустьер, пират, бунтовщик и беглый каторжник, за голову которого английское правительство положило награду в тысячу фунтов стерлингов.

— В тысячу фунтов! — Де Кулевэн с шумом втянул

в себя воздух. Взгляд его темных, с красноватыми белками глаз вонзился в спасителя его супруги. — Что такое, что такое? Это правда, сэр?

Капитан Блад пожал плечами.

— Разумеется, это правда. Как вы полагаете, разве кто-нибудь другой мог бы проделать то, что, как я вам уже докладывал, было проделано сегодня ночью.

Полковник де Кулевэн продолжал глядеть на него с возрастающим изумлением.

— И вам удалось выдать себя за голландца на этом испанском корабле?

— Да. И это тоже никто другой, кроме капитана Блада, не сумел бы проделать.

— Боже милостивый! — воскликнул де Кулевэн.

— Надеюсь, вы, невзирая на это, все же угостите меня завтраком, дорогой полковник?

— На борту «Ройял Дачес», — со зловещей шутовской улыбкой произнес Макартни, — вы получите тот завтрак, какой вам положено.

— Премного обязан. Но я еще раньше имел удовольствие воспользоваться гостеприимством полковника де Кулевэна, после того как оказал небольшую услугу его супруге.

Майор Макартни — он получил повышение после своей последней встречи с капитаном Бладом — улыбнулся.

— Что ж, я могу и подождать, пока вы разговееетесь.

— А чего именно намерены вы ждать? — спросил полковник де Кулевэн.

— Возможности исполнить свой долг, который повелевает мне арестовать этого проклятого пирата и отправить его на виселицу.

Полковник де Кулевэн, казалось, был поражен.

— Арестовать его? Вы изволите шутить, я полагаю. Вы находитесь здесь на французской земле, сэр. Ваши полномочия не распространяются на французские владения.

— Возможно, что и нет. Однако между Францией и Англией существует соглашение, по которому обе стороны обязуются незамедлительно выдавать любого преступника, бежавшего с каторги. И посему, месье, вы никак не можете отказаться выдать мне капитана Блада.

— Выдать его вам? Выдать вам моего гостя? Человека, столь благородно оказавшего мне услугу, которая и привела его под мой кров? Нет, сэр, нет... Об этом не может быть и речи! — Так говорил полковник,

демонстрируя перед капитаном Бладом некоторые остатки порядочности.

Но Макартни оставался серьезен и невозмутим.

— Я понимаю вашу щепетильность. И уважаю ее. Но долг есть долг.

— Я плевать хотел на ваш долг, сэр.

Майор заговорил более сухо:

— Полковник де Кулевэн, разрешите напомнить вам, что я располагаю кое-какими средствами, чтобы подкрепить мое требование, и мой долг заставит меня прибегнуть к ним.

— Что такое? — Полковник де Кулевэн был ошеломлен. — Вы угрожаете мне применением оружия здесь, на французской территории?

— Если вы будете упорствовать в вашем неуместном донкихотстве, у меня не останется другого выбора, как высадить здесь своих солдат.

— Позвольте... Гром и молния! Это же равносильно открытию военных действий! Это может привести к войне между нашими державами!

Но Макартни отрицательно покачал своей круглой головой.

— Это, несомненно, приведет только к тому, что полковник де Кулевэн будет отозван со своего поста, ибо на него падет ответственность за этот вынужденный акт. Мне кажется, — добавил майор с язвительной улыбкой, — что после вчерашних событий ваше положение и без того стало довольно шатким, мой дорогой полковник.

Де Кулевэн был уже весь в поту. Он тяжело опустился на стул, вытащил носовой платок и утер лоб. В полном расстройстве он обратился к капитану Бладу:

— Будь я проклят! Что же мне делать?

— Боюсь, — сказал капитан Блад, — что доводы майора безупречны. — Он откровенно подавил зевок. — Прошу прощения. Мне не пришлось поспать сегодня ночью, я ведь провел ее в открытом море. — С этими словами он тоже уселся на стул. — Не расстраивайтесь, мой дорогой полковник. Судьба частенько наказывает тех, кто пытается взять на себя роль providения.

— Но что же мне делать, сэр, что же мне делать?

У капитана Блада был очень сонный вид, казалось, он вот-вот задремлет, но мозг его работал с лихорадочной быстротой. Он уже давно убедился в том, что почти

все офицеры колониальной службы делятся на две категории: одни, подобно де Кулевэну, попали сюда, промотав на родине все свое состояние; другие, будучи младшими сыновьями в майоратствах, вовсе этого состояния не имели. И капитан Блад решил, как он объяснял это впоследствии, забросить лот, дабы померить глубину незаинтересованности Макартни и бескорыстность его намерений.

— Вам, разумеется, придется выдать меня ему, мой дорогой полковник. В награду вы получите от английского правительства тысячу фунтов стерлингов — сорок тысяч реалов.

Оба офицера подскочили от неожиданности, и у обоих почти одновременно вырвалось недоуменное восклицание.

Капитан Блад пояснил:

— Так оно получается по условиям соглашения, на соблюдении которого настаивает майор Макартни. Награда за поимку любого беглого преступника вручается тому, кто передаст этого преступника в руки властей. Здесь, на французской территории, таким лицом являетесь вы, мой дорогой полковник. Майор же Макартни в этом случае всего лишь представитель власти, сиречь английского правительства, которому вы меня передадите.

Лицо англичанина вытянулось, оно даже слегка побледнело; рот у него приоткрылся, дыхание участилось. Капитан Блад не напрасно закинул свой лот. Это дало ему возможность прошупать душу Макартни до самого дна, и тот стоял теперь перед ним онемевший, обескураженный: тысяча фунтов стерлингов, которую он уже считал своей, внезапно уплыла у него из рук, но приличие не позволяло ему протестовать.

Однако разъяснение, данное капитаном Бладом, имело и другие последствия. Полковник де Кулевэн тоже был сильно поражен. Перспектива получить столь круглую сумму странным образом повлияла на него, почти так же, как на майора Макартни — ее воображаемая утрата. И это создавало совершенно непредвиденные осложнения для наблюдавшего за ними капитана Блада. Впрочем, он тут же вспомнил слова мадам де Кулевэн, утверждавшей, что ее муж — азартный игрок, преследуемый кредиторами. Теперь в нем пробудился интерес; он старался представить себе, что должно будет произойти, когда придут в столкновение эти развязанные им злые силы, а в душе его уже затеплилась надежда, что

именно тут и откроется ему путь к спасению, как уже случилось однажды в сходной ситуации.

— Что же я могу еще прибавить, мой дорогой полковник? — лениво процедил он сквозь зубы. — Обстоятельства оказались сильнее меня. Я понимаю, что проиграл, а раз так, значит, надо платить. — Он снова зевнул. — А пока что я был бы вам очень признателен, если бы вы дали мне возможность немного поесть и отдохнуть. Может быть, майор Макартни предоставит мне отсрочку до вечера? А тогда пусть приходит со своими солдатами и забирает меня.

Макартни отвернулся и нервно зашагал по комнате, поглядывая в раскрытое окно. Все его самодовольство и уверенность в себе как рукой сняло. Плечи его поникли, и даже колени согнулись.

— Ладно, — сказал он угрюмо и, оборвав свое бессмысленное топтание, повернулся к двери. — Я вернусь за вами в шесть часов... — На пороге он приостановился. — Вы не выкинете со мной какой-нибудь подлой шутки, капитан Блад?

— Какую же шутку могу я выкинуть? — Капитан Блад меланхолично улыбнулся. — У меня нет под рукой ни моих пиратов, ни корабля, ни пушек. Нет даже шпаги, как вы изволили заметить, майор. А единственная штука, которую я мог бы еще выкинуть... — Он умолк, потом внезапно заговорил совсем другим, деловым тоном: — Впрочем, майор Макартни, поскольку вы не можете заработать тысячи фунтов, захватив меня, вы, вероятно, не будете настолько глупы, чтобы отказаться от тысячи фунтов, которую можете получить, отпустив меня? Забыв, что вы вообще меня видели.

Макартни побагровел.

— Что вы имеете в виду, черт побери?

— Не лезьте в бутылку, майор. Обдумайте все хорошенько, у вас есть время до вечера. Тысяча фунтов стерлингов — это куча денег. Вы на своей службе у короля Якова не заработаете такой суммы в один день и даже в один год. И вы уже отлично понимаете теперь, что, схватив меня, вы тоже ничего на этом не заработаете.

Макартни закусил губу и испытующе покосился на полковника де Кулевэна.

— Это... это просто неслыханно! — возопил он. — Вы, что ж, думаете, что меня можно подкупить! Нет, это поистине неслыханно! Если об этом станет известно...

Капитан Блад хмыкнул.

— Вот что вас беспокоит? А откуда же это станет известно? Полковник де Кулевэн обязан мне, по меньшей мере, молчанием.

Это вывело полковника де Кулевэна из задумчивости:

— О, разумеется, по меньшей мере, по меньшей мере, сэр. Можете быть совершенно спокойны на этот счет.

Макартни переводил взгляд с одного лица на другое. Соблазн был явно слишком велик. Он хрипло выругался.

— Я возвращусь в шесть часов, — резко сказал он.

— Со стражей, майор? Или один? — задал коварный вопрос капитан Блад.

Майор вышел, и они услышали за дверью его тяжелые шаги. Капитан Блад подмигнул полковнику и встал:

— Спорю на тысячу фунтов, что он вернется без стражи.

— Не могу принять вашего пари, ибо я сам того же мнения.

— Вот это очень прискорбно, потому что мне понадобятся деньги, а я не вижу другой возможности их добыть. Может быть, он согласится взять с меня расписку?

— Пусть этот вопрос вас не беспокоит.

Капитан Блад внимательно взгляделся в грубую, хитрую физиономию полковника. Полковник улыбнулся подчеркнуто сердечно. И все же эта улыбка не располагала к себе.

А улыбка все ширилась, она так и сверкала дружелюбием.

— Вы можете поесть и отдохнуть со спокойной душой, сэр. Я улажу это дело с майором Макартни, когда он вернется.

— Как можете вы его уладить? Вы внесете за меня деньги?

— Я обязан вам значительно большим, мой дорогой капитан.

Капитан Блад окинул полковника быстрым испытующим взглядом, потом поклонился и в самых высокопарных словах выразил свою благодарность. Подобное великодушное было просто невероятным. А в устах проигравшего в пух и прах, преследуемого кредиторами игрока оно казалось тем более неправдоподобным; если

бы кто-нибудь и мог попасться на эту удочку, то уж никак не умудренный жизненным опытом капитан Блад.

Подкрепив свои силы едой, Блад, несмотря на усталость, долго лежал без сна на мягкой постели под пологом, которую приготовил ему негр Абрахам в просторной светлой комнате на втором этаже. Лежал и перебирал в памяти все события этого дня. Ему припомнилась внезапная, едва уловимая перемена, происшедшая в поведении де Кулевэна при сообщении о том, что ему должна достаться награда; припомнилась и слащавая улыбка, игравшая на его губах, когда он вдруг пообещал уладить дело с майором Макартни. Нет, полковник де Кулевэн отнюдь не из тех, кому можно доверять, или же капитан Блад совсем не знает людей. Блад понимал, что его персона представляет довольно солидную ценность, за которую многие готовы будут драться. Английское правительство высоко оценило его голову. Но было также общеизвестно, что испанцы, не ведавшие от него пощады, заплатят в три и даже в четыре раза больше, лишь бы заполучить его живым, чтобы затем иметь удовольствие зажарить на костре во славу Божию. Быть может, этот низкий человек де Кулевэн внезапно сообразил, что судьба, забросив на этот остров избавителя его жены, дает ему тем самым возможность исправить свои пошатнувшиеся дела? Если хотя бы половина тех жалоб, что изливались из груди мадам де Кулевэн во время ночного путешествия в пинасе по морю, соответствовала действительности, не было ни малейшего основания предполагать, что какие-либо соображения щепетильности или чести могут остановить полковника де Кулевэна.

И чем глубже вдумывался капитан Блад в свое положение, тем сильнее росла его тревога. Он чувствовал себя в ловушке. И уже начал даже подумывать, не подняться ли ему сейчас с постели и, невзирая на огромную усталость, не попробовать ли пробраться к пристани, разыскать свою пинасу, уже сослужившую ему однажды хорошую службу, и отдаться на милость океана? Но куда можно доплыть в этой утлой посудине? Только до близлежащих островов, а это все были либо английские, либо французские владения. На английской земле его ждали арест и виселица, да и французская, видимо, не сулила ему добра, если здесь, на этом острове, правитель которого был столь многим ему обязан, его подстерегала гибель. Единственно, что могло

бы его спасти, — это деньги. Тогда, если в открытом море его подберет какое-либо судно, он, располагая достаточной суммой, может рассчитывать на то, что шкипер, без лишних расспросов, согласится высадить его на Тортуге. Но денег у него не было. И, кроме крупной жемчужины, украшавшей его левое ухо и стоившей примерно четыре тысячи реалов, не было и никаких ценностей.

Он готов был проклинать этот злосчастный поход на пирогах, этот набег на ловцов жемчуга, который, окончившись столь плачевно, разлучил его с кораблем и заставил носиться на каком-то обломке по воле волн. Однако, поскольку проклятия по адресу былых бед ни в коей мере не помогают предотвратить беды грядущие, капитан Блад решил, что, как говорится, утро вечера мудренее, а посему прежде всего необходимо восстановить свои силы сном.

Он положил себе проснуться в шесть часов, так как к тому времени должен был возвратиться майор Макартни, и благодаря многолетней тренировке, проснулся, как всегда, минута в минуту. Положение солнца на небе с достаточной точностью оповестило его о том, который час. Он соскочил с постели, разыскал свои башмаки, тщательно начищенные Абрахамом, кафтан, также приведенный им в порядок, и, наконец, парик, который этот добрый негр не преминул причесать. И едва он успел облачиться во все вышепоименованные предметы, как в раскрытое окно до него долетел звук голосов. Сперва послышался голос Макартни, а затем — полковника Кулевэна, сердечно приветствовавшего майора:

— Прошу вас, сэр, входите, входите.

«Я проснулся как раз вовремя», — подумал Блад и решил, что это хорошее предзнаменование. Он начал осторожно, крадучись, спускаться вниз. Ни на лестнице, ни в коридоре никого не было. Перед дверью, ведущей в столовую, он остановился и прислушался. Оттуда доносились приглушенные голоса. Но собеседники находились где-то слишком далеко — по-видимому, в следующей комнате. Капитан Блад бесшумно приотворил дверь и шагнул через порог. В столовой, как он и предполагал, тоже никого не было. Дверь в соседнюю комнату была прикрыта неплотно, и оттуда доносился смех майора. Затем Блад услышал голос полковника:

— Будьте покойны. Он у меня в руках. Испания,

как вы сами сказали, заплатит за него втрое, а может, и вчетверо больше. Значит, он будет рад дать за себя хороший выкуп, ну, скажем... раз в пять больше суммы, назначенной англичанами. — Полковник довольно хмыкнул и добавил: — У меня есть преимущества перед вами, майор: я могу требовать с него выкуп, а вам, английскому офицеру, это никак невозможно. Так что, если все это прикинуть и учесть, то вы, поразмыслив хорошенько, должны быть довольны, что и вам перепадет тыщонка фунтов.

— Силы небесные! — в праведном гневе, порожденном черной завистью, возопил Макартни. — Вот как, значит, вы платите долги! Вот как хотите вы отблагодарить человека, который спас жизнь вашей супруге! Ну, черт побери, я счастлив, что вы мне ничем не обязаны.

— Может быть, мы не будем отвлекаться от дела? — угрюмо произнес полковник.

— Охотно, охотно. Платите деньги — и я избавлю вас от своего присутствия.

Послышался звон металла, он повторился дважды, словно кто-то положил на стол один за другим два мешочка с золотом.

— Золото в рулонах, по двадцать двойных луидоров в каждом. Хотите пересчитать?

Последовало продолжительное и невнятное бормотание. Потом снова раздался голос полковника:

— Теперь подпишите эту расписку, и дело с концом.

— Какую расписку?

— Сейчас я вам прочту: «Сим свидетельствую и подписью своей удостоверяю, что мною получена от полковника Жерома де Кулевэна денежная сумма в размере тысячи фунтов в виде компенсации за данное мною согласие воздерживаться от каких бы то ни было враждебных действий по отношению к капитану Бладу как в настоящий момент, так и впредь, до тех пор, пока он остается гостем полковника де Кулевэна на острове Мари-Галант или где-либо еще. Подписано 10 июля 1688 г. собственноручно».

Голос полковника еще не успел замереть, как Макартни взорвался:

— Сто чертей и ведьм, полковник! Вы что — рехнулись или принимаете меня за сумасшедшего?

— А что вам не нравится? Разве я не вполне точно изложил суть дела?

Макартни в бешенстве ударил по столу кулаком.

— Да вы же надеваете мне петлю на шею!

— Только в том случае, если вы захотите меня надуть. А иначе какая у меня гарантия, что вы, взяв деньги, не пойдете на попятную.

— Я даю вам слово, — высокомерно заявил вспыльчивый Макартни. — Моего слова должно быть для вас достаточно.

— Ах, вот оно что! Ваше слово! — Француз явно издевался над ним. — Ну нет. Вашего слова никак не достаточно.

— Вы оскорбляете меня!

— Полно! Давайте рассуждать по-деловому, майор. Сами-то вы стали бы заключать на слово сделку с человеком, роль которого в этой сделке бесчестна?

— Что значит бесчестна, месье? Что, черт побери, имеете вы в виду?

— Вы же соглашаетесь нарушить свой долг и берете за это взятку. Разве это не называется бесчестным поступком?

— Силы небесные! Любопытно услышать это из ваших уст, учитывая ваши собственные намерения!

— Вы сами на это напросились. К тому же я ведь не разыгрывал из себя оскорбленной невинности. Я был даже излишне откровенен с вами, вплоть до того, что мог показаться вам жуликом. Но у меня-то ведь нет нужды нарушать закон, как приходится вам, майор.

За этими словами, сказанными примирительным тоном, последовало молчание.

Затем Макартни произнес:

— Тем не менее я эту бумагу не подпишу.

— Вы ее подпишете и приложите к ней печать, или я не выплачу вам денег. Чего вы опасаетесь, майор? Даю вам слово...

— Вы даете мне слово! Чума и мор! Чем ваше слово надежнее моего?

— Обстоятельства делают его надежнее. У меня не может возникнуть искушения его нарушить, как у вас. Я на этом ровно ничего не выиграю.

Капитану Бладу было уже совершенно ясно, что раз майор не влепил французам пощечины за все полученные от него оскорбления, значит, он кончит тем, что подпишет бумагу. Только совершенно отчаянная нужда в деньгах могла довести англичанина до столь унижительного положения. Поэтому Блад ничуть не был удивлен, услышав ворчливый ответ Макартни:

— Давайте сюда перо. Покончим с этим.

Снова на некоторое время наступила тишина. Потом раздался голос полковника:

— Теперь приложите печать. Вашего перстня будет достаточно.

Капитан Блад не стал ожидать, как развернутся дальше события. Высокие узкие окна, выходившие в сад, были распахнуты. За окнами быстро надвигались сумерки. Капитан Блад бесшумно перешагнул через подоконник и исчез среди пышно разросшихся кустов. Гибкие лианы, словно змеи, обвивали стволы деревьев. Капитан Блад вынул нож и срезал одну тонкую плеть у самого корня.

Но вот на тенистой пальмовой аллее, где уже совсем сгустился мрак, появился капитан Макартни с увесистыми кожаными мешочками в каждой руке; тихонько напевая что-то себе под нос, он сделал несколько шагов, споткнулся на какую-то, как показалось ему, веревку, протянутую поперек аллеи, и, громко выругавшись, рванулся на земле плашмя.

Оглушенный падением, он еще не успел прийти в себя, как на спину ему навалилась какая-то тяжесть, и чей-то приятный, мягкий голос прошептал у него над ухом по-английски, но с заметным ирландским акцентом:

— У меня нет здесь моих пиратов, майор, нет корабля, нет пушек и, как вы изволили заметить, нет даже шпаги. Но руки у меня есть и голова тоже, и этого вполне достаточно, чтобы справиться с таким презренным негодяем, как вы.

— Вас вздернут за это на виселицу, капитан Блад, Богом клянусь! — прорычал полузадушенный Макартни.

Он яростно извивался, пытаясь вырваться из сжимающих его тисков. В этом положении шпага не могла сослужить ему службы, и он старался добраться до кармана, где лежал пистолет, но тем самым только выдал свои намерения капитану Бладу, который тотчас и завладел его пистолетом.

— Лежите тихо, — сказал капитан Блад, — или я продавлю вам череп.

— Подлый Иуда! Вор! Пират! Так-то ты держишь слово?

— Я тебе не давал никакого слова, грязный мошенник. Ты заключил сделку с этим французом, а не со мной.

Он подкупил тебя, чтобы ты изменил своему долгу. Я в этой сделке не участвовал.

— Ты лжешь, пес! Вы оба отпетые негодяи, клянусь преисподней, и работаете на пару.

— Вот это уже незаслуженное оскорбление, и крайне нелепое притом, — сказал капитан Блад.

Макартни снова разразился бранью.

— Вы слишком много говорите, — сказал капитан Блад и с большим знанием дела легонько стукнул его два раза рукояткой пистолета по голове.

Майор обмяк, голова его свесилась набок; казалось, он внезапно задремал.

Капитан Блад поднялся на ноги и взгляделся в окружающий его мрак. Вокруг все было тихо. Он нагнулся, подобрал кожаные мешочки, оброненные Макартни во время падения, связал их вместе своим шарфом и повесил себе на шею. Затем приподнял бесчувственного майора, взвалил его на спину и, слегка пошатываясь под этой двойной ношей, зашагал по аллее и вышел за ворота.

Ночь была теплая, душная. Макартни весил немало. Капитан Блад изрядно вспотел. Но он продолжал упорно шагать вперед и поравнялся с кладбищенской оградой как раз в ту минуту, когда начала всходить луна. Взгромоздив свою ношу на стену, он перебросил ее за ограду, а потом перелез сам. Под прикрытием ограды он при свете луны проворно связал майору руки и ноги его собственным кушаком. Вместо кляпа он использовал несколько локонов его парика и закрепил этот неаппетитный кляп шарфом майора, позаботившись оставить свободными ноздри.

Он уже заканчивал эту операцию, когда Макартни открыл глаза и свирепо уставился на него.

— Да, да, это я — ваш старый друг, капитан Блад, стараюсь устроить вас поудобнее на ночь. Утром, когда вас здесь обнаружат, вы будете иметь возможность преподнести вашим освободителям любую ложь, которая спасет вас от необходимости объяснять то, что ничем объяснить невозможно. Доброй ночи и приятных сновидений, дорогой майор.

Он перепрыгнул через ограду и быстро зашагал по дороге к морю.

На пристани бездельничали английские моряки с «Ройял Дачес», доставившие майора в шлюпке на берег и дожидавшиеся теперь его возвращения. Несколько

местных жителей помогали разгружать рыбацкий баркас, вернувшийся с уловом. Никто не обратил ни малейшего внимания на капитана Блада, который направился к концу мола, где он утром пришвартовал свою пинасу. В рундуке, куда он опустил мешочки с золотом, еще оставалось немного пищи, захваченной им прошлой ночью с «Эстремадуры». Пополнять этот запас он не рискнул. Только наполнил два небольших бочонка водой из колодца.

Затем он прыгнул в пинасу, отшвартовался и сел на весла. Ему предстояло провести еще одну ночь в открытом море. Впрочем, как и в прошлую ночь, на море был штиль, а налетавший порой легкий бриз благоприятствовал его пути на Гваделупу, которую он избрал своей целью.

Выйдя из бухты, он поставил парус и взял курс на север вдоль берега, где невысокие утесы отбрасывали иссиня-черные тени на серебрившуюся под лунной морской зыбь. Пинаса мягко рассекала это жидкое мерцающее серебро, и вскоре остров остался позади. Впереди было открытое море и десятимильный переход.

Неподалеку от Гранд-Терр, самого восточного из двух островов Гваделупы, капитан Блад решил переждать до рассвета. Когда занялась заря и ветер посвежел, он миновал Сент-Ан, где не встретил ни одного судна, обогнул остров, поплыл на северо-восток и часа через два приблизился к Ле-Мулю.

В гавани стояло с полдюжины кораблей, и капитан Блад долго и внимательно к ним приглядывался, пока его внимание не привлекла к себе черная бригантина, пузатая, как фламандский муниципальный советник, что наглядно выдавало ее национальность. Капитан Блад подогнал пинасу к борту бригантины и уверенно поднялся на палубу.

— Мне нужно как можно быстрее добраться до северного побережья Французской Эспаньолы, — обратился он к суровому шкиперу. — Я хорошо заплачу вам, если вы доставите меня туда.

Голландец окинул его не слишком приветливым взглядом.

— Если вы так спешите, поищите себе другой корабль. Я иду в Кюрасао.

— Я ведь сказал, что хорошо вам заплачу. Сорок тысяч реалов должны компенсировать вам эту задержку.

— Сорок тысяч? — Голландец поглядел на него с

удивлением. Эта сумма превышала все, что он надеялся заработать за целый рейс. — Кто вы такой, сэр?

— Какое это имеет значение? Я тот, кто готов заплатить сорок тысяч.

Шкипер бригантины покосился на него, прищурив свои маленькие голубые глаза.

— Платить будете вперед?

— Половину вперед. Остальное я должен получить там, куда направляюсь. Но вы можете задержать меня на борту до тех пор, пока я не выплачу вам всех денег.

Боясь, как бы голландец его не надул, Блад решил не говорить ему, что у него все деньги при себе.

— Ну что ж, сегодня ночью можно и отваливать, — с расстановкой произнес шкипер.

Блад тотчас вручил ему один из своих мешочков. Второй он спрятал на дне бочки с водой в ларе пинасы, и там он и пролежал до тех пор, пока четырьмя днями позже бригантина не вошла в пролив между Эспаньолой и Тортугой.

Тут капитан Блад заявил, что теперь он намерен сойти на берег, уплатил шкиперу бригантины остальные деньги и спустился в свою пинасу. Когда шкипер увидел, что пинаса взяла курс не на Эспаньолу, а на север, в сторону Тортуги, этого оплота пиратства, подозрения, шевельнувшиеся в его душе, полностью подтвердились. Впрочем, с виду он остался все так же невозмутим. Он был единственным, кто, кроме самого Блада, оказался не внакладе в результате сделки, заключенной на острове Мари-Галант.

Так капитан Блад возвратился наконец на Тортугу, к своему пиратскому воинству, которое уже оплакивало его гибель.

А месяцем позже вместе со всей флотилией, состоявшей из пяти больших кораблей, он снова направился в Бас-Тер, чтобы повидаться с полковником де Кулевзном, с которым, как он полагал, у него были кое-какие счета.

Его появление в гавани во главе такой мощной флотилии взволновало не только население, но и гарнизон. Однако он явился слишком поздно. Полковника де Кулевзна его визит уже не мог взволновать, ибо полковник был посажен под арест и отправлен во Францию.

Эти сведения капитан Блад получил от нового во-

сного коменданта острова Мари-Галант, полковника Сансэра, который принял капитана Блада со всеми почестями, подобающими флибустьеру, поставившему на рейде пять хорошо вооруженных кораблей.

Капитан Блад разочарованно вздохнул, услышав эту новость.

— Как жаль! А мне надо было сказать ему несколько слов. Уплатить небольшой должок.

— Небольшой должок в сорок тысяч реалов, как я догадываюсь, — сказал француз.

— О, вы неплохо осведомлены, черт побери!

— Когда главнокомандующий французскими вооруженными силами в Америке прибыл сюда, чтобы выяснить обстоятельства нападения испанцев на Мари-Галант, он обнаружил, что полковник де Кулевэн ограбил французскую колониальную казну на эту сумму. Доказательством послужила расписка, найденная в делах месье де Кулевэна.

— Так вот где он взял эти деньги!

— Да, как видите. — Лицо коменданта было серьезно. — Грабеж — тяжкое преступление и позорное занятие, капитан Блад.

— Мне это известно. Я немало занимался этим и сам.

— И, конечно, нет никакого сомнения, что его вздернут на виселицу, этого беднягу месье де Кулевэна.

Капитан Блад кивнул.

— Ни малейшего сомнения, разумеется. Но мы бережем наши слезы, дорогой полковник, чтобы пролить их над чьим-либо более достойным прахом.

Глава X

РИФ ГАЛЛОУЭЯ

Теперь уже не представляется возможным установить, получил ли Риф Галлоуэя свое наименование после тех событий, о которых я сейчас поведу свое повествование, или оно бытовало и раньше среди мореплавателей. Джереми Питт в своем судовом журнале не обмолвился об этом ни словом, и местонахождение столь миниатюрного островка трудно теперь определить с абсолютной точностью. Однако нам достоверно известно — сведения эти мы почерпнули все из того же судового журнала, который Питт

вел на борту «Арабеллы», — что остров этот принадлежит к архипелагу Альбукерке и расположен примерно на двенадцатом градусе северной широты и восемьдесят втором западной долготы, примерно в шестидесяти милях к северо-востоку от Портобело.

Это всего-навсего скалистый риф, посещаемый только морскими птицами да черепахами, которые откладывают свои яйца в золотистом песке окаймленной скалами лагуны на восточной стороне островка. Песчаный берег здесь, круто обрываясь, уходит под воду на глубину шестидесяти сажен, и проникнуть в лагуну, окруженную амфитеатром отвесных скал, можно лишь через узкий, похожий на ущелье пролив шириной не более двадцати ярдов.

В эту безлюдную, уединенную гавань и зашел капитан Истерлинг одним апрельским днем 1688 года на своем тридцатипушечном фрегате «Авенджер» в сопровождении еще двух кораблей, составлявших его флотилию: двадцатипушечного фрегата «Гермес» под командованием Роджера Галлоуэя и двадцатипушечной бригаантины⁴³ «Велиэнт» под командованием Кросби Пайка, плававшего под началом капитана Блада и начинавшего уже понимать, какую он совершил ошибку, уйдя от него к другому капитану.

Читатель, разумеется, не забыл мошенника Истерлинга, который пытался однажды помериться силами с Питером Бладом, когда тот еще не вступил на путь пиратства, не забыл и то, к каким плачевным для мистера Истерлинга последствиям это привело: корабль его был пущен ко дну, а сам он высажен на берег.

Однако с терпением и упорством, столь же присущим дурным людям, сколь и порядочным, Истерлинг мало-помалу завоевал себе прежнее положение и снова появился на просторах Карибского моря, и даже во главе более мощной, чем прежде, флотилии.

По словам Питера Блада, это был обыкновенный морской разбойник, кровожадный и беспощадный, лишенный даже той крупницы элементарной честности, какой не обделены и воры. Его приспешники-матросы являли собой разнузданную толпу головорезов различных национальностей, не признающих никакой дисциплины и никаких законов, кроме одного-единственного — закона справедливого дележа добычи. Грабили они без разбора всех. Они нападали на английские и голландские торговые

суда совершенно так же, как на испанские галионы, действуя во всех случаях с одинаковой жестокостью.

И все же, несмотря на дурную славу, которой он пользовался даже среди пиратов, Истерлингу как-то удалось залучить к себе одного из капитанов Питера Блада — отважного и решительного Кросби Пайка с его двадцатипушечной бригантиной и отлично вымуштрованной командой в сто тридцать матросов. Приманкой послужила все та же старая легенда о сокровище Моргана, которую Истерлинг пустил уже однажды в ход, безуспешно пытаясь заманить в ловушку капитана Блада.

И вот он снова повторил свой обветшалый рассказ о сокровище Моргана, зарытом где-то на Панамском перешейке, на берегу реки Чагрес, в местечке, известном только одному ему, Истерлингу, да еще покойному Моргану.

В свое время Питер Блад отнесся к этой истории с ироническим презрением, однако Пайк все же попался на удочку, несмотря на то, что Питер Блад откровенно выражал сомнение в существовании этого клада и предостерегал Пайка от содружества с таким отчаянным негодяем, как Истерлинг.

Питер Блад искренне жалел доверчивого Пайка и не затаил на него злобы; скорее он даже сокрушался о своем бывшем товарище, боясь, что тому придется испытать тяжелые последствия своего отступничества.

Сам Питер Блад в это время обдумывал поход на Дарьен, но решил благоразумия ради отложить его на некоторое время, так как появление Истерлинга на перешейке могло насторожить испанцев, и потому пять больших кораблей Блада пока что бороздили море без определенной цели. Так обстояло дело в начале апреля 1688 года, когда было наконец принято решение своей флотилии собраться к концу мая у островов Москито, чтобы заново обсудить поход на Дарьен.

«Арабелла», идя к югу через Наветренный пролив, свернула затем к востоку вдоль южного побережья Эспаньолы и примерно в двадцати милях от мыса Тибурон наткнулась на потерпевшее кораблекрушение английское торговое судно. Море было спокойно, и благодаря этому команде, перетащившей все пушки и прочие тяжести на левый борт, чтобы волны не могли захлестнуть зияющие пробоины в правом борту, еще удавалось кое-как держать судно на плаву. Расщепленная

грот-мачта и поломанные, снесенные реи достаточно красноречиво говорили о том, какого рода бедствие здесь произошло, и Блад решил, что это работа испанцев. Однако, поспешив на помощь тонущему судну, он узнал, что оно накануне подверглось нападению капитана Истерлинга, который, ограбив судно, перерезал больше половины команды и жестоко расправился с капитаном за то, что тот не сдался ему по первому требованию.

«Арабелла» взяла судно на буксир и дотянула его до Порт-Ройала, где и оставила милях в десяти от берега, не решаясь подойти ближе, дабы не привлечь к себе внимания ямайской эскадры. Отсюда пострадавшее судно уже могло собственными силами дотянуть до гавани.

После этого, однако, «Арабелла» не повернула снова к востоку, а продолжала идти на юг, к Мейну. Вот что сказал Питер Блад своему шкиперу Джереми Питту о причинах, побудивших его изменить курс:

— Надо поглядеть, чем там занимается этот негодяй Истерлинг. Да, Джереми, да... А может, и не только поглядеть.

И они поплыли на юг, ибо в этом направлении скрылся Истерлинг. Его рассказам о сокровище Моргана Блад, как мы знаем, не придавал веры. Он считал, что все это басни с целью одурачить таких доверчивых малых, как Пайк, и заманить их в свою шайку. На сей раз, однако, он ошибся, как это вскоре и выяснилось.

Пройдя вдоль островов Мосkitос, Блад нашел уютную и спокойную стоянку для своего корабля в маленькой бухточке одного из бесчисленных островков в лагуне Чирики. В этой бухточке, хорошо укрытой от глаз, он и решил бросить на некоторое время якорь и с помощью дружественных индейцев с Мосkitос, служивших ему разведчиками, понаблюдать за действиями Истерлинга, расположившегося отсюда милях в двадцати. Индейцы сообщили ему, что Истерлинг стал на якорь к западу от устья реки Чагрес, высадил на берег триста пятьдесят своих матросов и направился с ними в глубь перешейка. Зная примерно численность всех команд Истерлинга, Блад прикинул, что для охраны кораблей оставлено не больше сотни матросов.

Тем временем капитан Блад решил немного отдохнуть. Растянувшись на камышовой кушетке, поставленной на корме под сооруженным на скорую руку балдахин (ибо зной становился нестерпим), он погружался в

чтение стихов Горация или прозы Светония⁴⁴, находя в них достаточно увлекательную пищу для своей фантазии. Когда же у него возникало желание поупражнять помимо мозга еще и мышцы, он плавал в прозрачной, изумрудно-зеленой воде лагуны или, выбравшись на окаймленный пальмами песчаный берег этого необитаемого островка, помогал своим матросам ловить черепах и валить деревья для костров, на которых они жарили сочное черепашее мясо.

Порой от его индейских лазутчиков к нему поступали новые вести: у Истерлинга произошла схватка с отрядом испанцев, до которых, по-видимому, дошли слухи о высадке пиратов. Затем Бладу сообщили, что Истерлинг повернул и возвращается обратно на берег. Дня через два поступило сообщение о новой стычке между Истерлингом и испанцами, во время которой пираты понесли большой урон, хотя им и удалось отбить нападение. Наконец пришла весть о третьем сражении; на этот раз — от одного из непосредственных участников сго, и притом с некоторыми, очень ценными для капитана Блада подробностями.

Это известие принес матрос из команды Пайка — старый морской волк по имени Кэнли, бывший лесоруб, еще в молодости бросивший свое ремесло и ушедший в море. Во время сражения пуля раздробила ему бедро, и Истерлинг, отходя к берегу, оставил его, раненого, на верную смерть. Испанцы его не заметили, и ему удалось уползти в кусты, где его и подобрала наблюдавшие за исходом схватки индейцы. Они оказали раненому помощь и очень заботливо ухаживали за ним, стараясь сохранить ему жизнь, чтобы он мог рассказать все, что ему известно, капитану Бладу. На своем ломаном испанском языке они убеждали его, что ему не следует ничего бояться, так как они доставят его к дону Педро Сангре.

Индейцы осторожно подняли раненого на борт «Арабеллы», где Питер Блад применил все свое искусство хирурга, чтобы обработать страшную гноящуюся рану. После этого в офицерской каюте, превращенной на время в лазарет, Кэнли с горечью поведал Бладу о своих злоключениях.

Сокровище Моргана существовало на самом деле. И ценность сго даже превзошла все рассказы Истерлинга. А сейчас пираты тащили этот клад к берегу, где их ждали корабли. Но добыт он был дорогой ценой, и

особенно дорого пришлось заплатить за него людям капитана Пайка — вот почему Кэнли рассказывал об этом с такой горечью. На пути туда и обратно им приходилось неоднократно выдерживать стычки с испанцами, а один раз на них напали еще и индейцы. Число их редело от лихорадки и других болезней во время этого ужасного похода через тропики, где москиты прямо-таки съедали их живьем. По подсчетам Кэнли выходило, что после последней стычки, в которой он был ранен, из трехсот пятидесяти человек, высадившихся на берег, в живых осталось не больше двухсот. И, что самое обидное, из команды капитана Пайка выжило всего двадцать человек. А ведь Пайк по приказу Истерлинга высадил на берег сто тридцать человек — много больше, чем каждый из капитанов двух других кораблей, — и оставил на борту «Велиэнта» каких-нибудь два десятка матросов, в то время как с других кораблей сошло на берег лишь по пятьдесят человек команды.

Истерлинг на протяжении всего пути заставлял Пайка с его людьми идти в авангарде, поэтому при каждом нападении им приходилось принимать на себя главный удар. Ясно, что Пайк возмущался и протестовал. И чем дальше заходило дело, тем решительнее он возмущался и протестовал, но Истерлинг при поддержке своего сподвижника Роджера Галлоуэя, командира «Гермеса», так прижал Пайка, что заставил его в конце концов подчиниться. И люди Пайка тоже не могли ничего поделать, так как их было мало и становилось все меньше, и остальные, подавляя их численным превосходством, диктовали им свою волю. Если даже все, кто еще остался в живых, благополучно доберутся до берега, в команде Пайка будет теперь не больше сорока матросов, а на тех двух кораблях вместе — человек около трехсот.

— Вот, капитан, видали, как обошелся с нами этот Истерлинг? — угрюмо заключил свой рассказ Кэнли. — Обвел нас вокруг пальца. А нынче он с этим Галлоуэем — оба мерзавцы, каких свет не видывал, — такую забрали силу, что Кросби Пайк и пикнуть против них не смеет. Видать, в черный день поднял наш «Велиэнт» якорь, чтобы уйти от вас, капитан, к этому подонку Истерлингу, чтоб ему пропасть со своим сокровищем!

— Да, — задумчиво промолвил капитан Блад. — Боюсь, что для Пайка это сокровище действительно пропало.

Он упруго поднялся со стула, стоявшего возле койки

раненого, — высокий, стройный, полный сил и грации, в коротких черных штанах до колен, туго обтягивающих бедра, в шитом серебром камзоле с пышными белыми рукавами из льняного батиста. Свой черный с серебром кафтан он скинул, прежде чем приступить к обязанностям хирурга. Жестом отослав негра в белом халате, державшего чашку с водой, корпию и пинцет, и оставшись наедине с Кэнли, он принялся расхаживать по каюте из угла в угол. Тонкие пальцы его задумчиво перебирали черные локоны парика, в светло-синих глазах появился холодный отблеск стали.

— Думается мне, что Истерлинг проглотит Пайка, как мелкую рыбешку, и не подавится.

— В самую точку, капитан. Этого сокровища, чума на него, не видать нам как своих ушей — ни мне, ни другим ребятам с «Велиэнта», ни самому капитану Пайку. Хорошо еще, если они выберутся из этой передраги живыми. Вот я как считаю, капитан.

— И я того же мнения, клянусь честью! — сказал капитан Блад. Но упрямая складка залегла в уголках его сурово сжатого рта.

— А не можете вы пособить в этом деле, капитан, чтобы все было по чести, по справедливости, как положено по закону нашего «берегового братства»?

— Вот об этом-то я и думаю сейчас. Будь у меня здесь мои корабли, я отправился бы туда немедленно и не дал бы ему бесчинствовать. Но с одним кораблем... — Блад пожал плечами. — У Истерлинга слишком большой перевес. Однако я погляжу, что можно предпринять.

Не один только Кэнли считал, что «Велиэнт» присоединился к шайке Истерлинга в черный день. Это мнение разделял теперь каждый из оставшихся в живых членов команды, и в том числе сам капитан Пайк.

Он уже был исполнен самых мрачных предчувствий, и они полностью оправдались в то утро, когда, покинув устье реки Чагрес, их корабли бросили якорь в лагуне у Рифа Галлоуэя, о котором было уже упомянуто выше.

«Авенджер» Истерлинга первым вошел в эту миниатюрную полукруглую бухту и встал на якорь у берега. Вторым за ним вошел «Гермес». «Велиэнт», замыкавший теперь тыл, вынужден был за недостатком места бросить якорь в узком проливе. Таким образом, в случае нападения команда Пайка снова оказывалась в наиболее опасном положении: его корабль должен был, словно щитом, прикрыть собою остальные корабли.

Помощник Пайка — Тренем, молодой упрямый корнуоллец⁴⁵, с самого начала протестовавший против решения Пайка присоединиться к Истерлингу, понимал, к чему может привести такое расположение кораблей, и не нашел для себя зазорным предложить Пайку, воспользовавшись темнотой, поднять ночью якорь и, пока с ними не стряслось беды похуже, бросить Истерлинга вместе с его сокровищами. Но Пайк был столь же несговорчив, сколь храбр, и отверг этот трусливый совет.

— Черт побери, да Истерлингу только того и надо! — воскликнул он. — Нет, мы заработали свою долю добычи и никуда без нее не уйдем.

Благоразумный Тренем покачал белокурой головой.

— Ну, это как Истерлинг рассудит. Он сейчас достаточно силен, чтобы навязать нам свою волю, а уж злой воли у него и подавно хватит, чтобы выкинуть любую подлость, или я полный дурак и ничего не смыслю.

Но Пайк поклялся, что он не побоится и двадцати таких, как Истерлинг, и Тренем замолчал.

На следующее утро, получив сигнал с флагманского корабля, Пайк все с таким же решительным видом поднялся на борт «Авенджера».

В капитанской каюте, кроме Истерлинга, разряженного в пух и прах, Пайка ждал еще и Галлоуэй, одетый в широкие кожаные штаны и простую рубашку — повседневный костюм пирата. Истерлинг, огромный, грузный, загорелый, казался еще сравнительно молодым; у него были красивые глаза, пышная черная борода и белые зубы, ослепительно сверкавшие при каждом взрыве хохота. Галлоуэй же, коренастый, приземистый, был до крайности похож на обезьяну: непомерно длинные руки, короткие мускулистые ноги и морщинистое лицо с маленькими злыми блестящими глазками под низким, изборозженным складками лбом — совсем как обезьянья мордочка.

Оба капитана приняли Пайка с подчеркнутым дружелюбием, усадили за свой неопрятный стол, налили ему рома и выпили за его здоровье, после чего капитан Истерлинг перешел к делу.

— Мы послали за тобой, капитан Пайк, потому как у нас теперь один, как говорится, общий интерес — вот эти ценности. — Он указал на ящики, в которых хранился клад. — Их надо поделить поскорее, без лишней

провоочки, и тогда каждый из нас может отправляться, куда кому надобно.

При столь многообещающем начале у Пайка отлегло от сердца.

— Вы что ж, думаете, значит, распустить флот? — равнодушным тоном спросил он.

— На что он мне теперь, когда дело сделано? Мы с Роджером решили покончить с пиратством. Думаем податься с этими денежками домой. Я не прочь обзавестись фермой где-нибудь в Девоне. — Истерлинг удовлетворенно ухмыльнулся.

Пайк усмехнулся тоже, но ничего не сказал. Он был вообще не большой охотник переливать из пустого в порожнее, о чем выразительно свидетельствовало его худое суровое обветренное лицо.

Истерлинг откашлялся и заговорил снова:

— Так вот, мы с Роджером порешили, что, по справедливости следует внести, кое-какие изменения в наш договор. У нас ведь было положено, что я беру себе одну пятую, а потом все остальное делится поровну на три части между тремя командами наших кораблей.

— Да, так было положено, и, по мне, это правильно и справедливо, — сказал Пайк.

— А вот мы, Роджер и я, хорошенько обдумали все и теперь другого мнения.

Пайк открыл было рот, чтобы возразить, но Истерлинг его перебил:

— Мы с Роджером никак не согласны, что ты получишь одну треть на своих тридцать ребят, а мы тоже получим по одной трети, когда у каждого из нас по сто пятьдесят человек команды.

Капитан Пайк вскипел:

— Так вот, значит, зачем ты все старался подставлять головы моих ребят под испанские пули! Тебе надо было, чтобы их всех поубивали! А теперь, ясное дело, у нас осталось меньше четверти всей команды!

Черные брови Истерлинга сошлись на переносице, глаза злобно сверкнули.

— Что такое ты тут мелешь, капитан Пайк? Какого дьявола, будь любезен объясниться.

— Это клевета, — холодно произнес Галлоуэй. — Грязная клевета.

— Никакая не клевета, а чистая правда, — сказал Пайк.

— Чистая правда, вот оно что?

Истерлинг улыбался, и тощий, жилистый решительный Пайк почуял недоброе. Блестящие обезьяньи глазки Галлоуэя приглядывались к нему с какой-то странной усмешкой. Казалось, в самом воздухе этой душной, неопрятной каюты нависла угроза. Перед мысленным взором Пайка промелькнули картины жестокости и зверств — бессмысленной жестокости и зверств, свидетелем которых он был не раз за время своего плавания с Истерлингом. Ему припомнились слова капитана Блада, предостерегавшего его от содружества с этим низким, коварным человеком. Если прежде у него еще не было полной уверенности в том, что Истерлинг сознательно подставлял под удары его матросов, то теперь он уже больше в этом не сомневался.

Пайк чувствовал себя как лунатик, который, внезапно пробудясь, видит, что только один шаг отделяет его от пропасти. Чувство самосохранения заставило его сбавить тон — ведь иначе пуля может уложить его на месте, он это понимал. Откинув с покрывшегося испариной лба взмокшие волосы, он заставил себя ответить спокойно:

— Я хочу сказать одно: если мы потеряли много людей, то для общего же дела. Оставшиеся в живых скажут, что будет не по чести менять теперь условия лежа...

Пайк привел и другие доводы. Он напомнил Истерлингу существующий в «береговом братстве» обычай. согласно которому каждые двое его членов по обоюдному согласию являются как бы компаньонами и наследниками друг друга. Уже по одному этому многие из его команды, потерявшие своих компаньонов, будут считать себя обманутыми, если изменятся условия лежа и они лишатся причитающейся им доли наследства.

Истерлинг слушал его, погано ослабившись, потом нахмурился.

— А что мне за дело до твоей паршивой команды? Я — ваш адмирал, и мое слово — закон.

— Вот это верно, — сказал Пайк. — И словом твоим скреплен договор, который мы с тобой подписали.

— К дьяволу договор! — зарычал капитан Истерлинг. Он вскочил — огромный, как башня, почти касаясь головой потолка каюты, угрожающе шагнул к Пайку и произнес с расстановкой:

— Я уже сказал: после того как мы подписали этот договор, обстоятельства изменились. Мое решение по-

важней всяких договоров, а я говорю: «Велиэнт» может получить десятую долю добычи, и все. И советую тебе соглашаться, пока не поздно, а то знаешь, как говорится: никогда не зарься на то, что тебе не по зубам.

Пайк смотрел на него, тяжело дыша. Он побледнел от бешенства, но благоразумие все же взяло верх.

— Побойся Бога, Истерлинг... — Пайк умолк, не договорив.

Истерлинг поглядел на него исподлобья.

— Ну что ж, продолжай! — рявкнул он. — Говори, что ты хотел сказать.

Пайк уныло пожал плечами.

— Ты же знаешь, что я не могу согласиться на такой дележ. Мои ребята голову мне оторвут, сам понимаешь, если я соглашусь, не посоветовавшись с ними.

— Тогда бегом ступай советуйся, пока я для наглядности не разукрасил синяками твою прыщавую физиономию в поучение тем, кто думает, что с капитаном Истерлингом можно шутки шутить. И передай твоим подонкам, что, если у них хватит нахальства не принять мое предложение, они могут не трудиться присылать тебя сюда. Пусть поднимают якорь и убираются к черту на рога. Напомни им, что я сказал: «Никогда не зарься на то, что тебе не по зубам». Ступай, капитан Пайк, доложи им это.

Лишь на борту своего судна дал Пайк волю бушевавшей в нем ярости. Не меньшую ярость вызвало его сообщение и у матросов, когда остатки команды собрались на шкафуте. А Тренем еще подлил масла в огонь:

— Если эта скотина решил изменить своему слову, вы думаете, он остановится на полпути? Как только мы согласимся на одну десятую, так, будьте спокойны, он тут же найдет предлог, чтобы вовсе ничего нам не дать. Капитан Блад был прав. Мы не должны были связываться с этим негодяем и доверять ему.

Настроение команды выразил один из матросов:

— Но раз уж мы ему поверили, надо заставить его сдержать слово.

Пайк был всецело согласен с Тренемом и считал, что дело это безнадежное: он подождал, пока возгласы одобрения утихнут.

— Может, вы скажете мне, как это сделать? Нас сорок человек, а их три сотни. У нас двадцатипушечная

бригантина, а у них два фрегата и больше пятидесяти пушек, потяжелее наших.

Это заставило их задуматься. Потом выступил вперед еще один смельчак:

— Он говорит: одна десятая или ничего. А мы ему отвечаем: одна треть, и никаких. Есть закон — закон «берегового братства», и мы требуем, чтобы этот грязный вор сдержал свое слово, чтобы он произвел дележку на тех условиях, которые сам подписал, когда вербовал нас.

Вся команда, как один, поддержала его.

— Ступай обратно и скажи наш ответ капитану.

— А если он не согласится?

Ответ неожиданно дал Тренем:

— Есть способы его заставить. Скажи ему, что мы поднимем против него все «береговое братство». Капитан Блад заставит его поступить по справедливости. Капитан Блад не очень-то его жалует, и ему это хорошо известно. Ты напomini это Истерлингу, капитан. Ступай, скажи ему.

Пайк хорошо понимал, что это действительно крупный козырь, но пойти с этого козыря ему как-то не улыбалось. А матросы обступили его, осыпали упреками. Ведь это он уговорил их перейти к Истерлингу. И кто же, как не он, не сумел с самого начала защитить их интересы? Они свое дело сделали. Теперь он должен позаботиться о том, чтобы их не обманули при дележе.

И капитан Пайк спустился в шлюпку со своего «Велизнта», стоявшего на якоре у самого входа в гавань, и отправился передать капитану Истерлингу ответ его команды и припугнуть его законами «берегового братства» и именем капитана Блада. В груди его теплилась надежда, что это имя поможет и ему уцелеть.

Свидание состоялось на шкафуте «Авенджера» в присутствии всей команды и капитана Галлоуэя, все еще находившегося на борту этого корабля. Оно было кратким и бурным.

Когда капитан Пайк заявил, что его команда настаивает на выполнении условий договора, Истерлинг рассмеялся, и его матросы рассмеялись вместе с ним. Некоторые из них начали выкрикивать насмешки по адресу Пайка.

— Ну, раз это их последнее слово, приятель, — сказал Истерлинг, — пусть поднимают якорь и катятся отсюда ко всем чертям. У меня с ними больше дел нет.

— Если они подымут якорь и уйдут, это может обернуться хуже для тебя, — твердо сказал Пайк.

— Да ты никак еще угрожаешь мне, разрази тебя гром! — Тело великана заколыхалось от ярости.

— Я только предупреждаю тебя, капитан.

— Вот оно что! О чем же это ты меня предупреждаешь?

— Предупреждаю, что все «береговое братство», все пираты поднимутся против тебя за измену слову.

— За измену слову? — В голосе Истерлинга послышались визгливые нотки. — Как ты смеешь, паршивый ублюдок, бросать мне в лицо такие слова! «Измена слову»! — Истерлинг выхватил из-за пояса пистолет. — Вон с моего корабля и скажи своей своре, что, если к полудню твоя паршивая посудина все еще будет торчать здесь, я ее пушу ко дну. Отправляйся!

Пайк весь дрожал от негодования. Оно придавало ему храбрости, и он пошел со своего главного козыря.

— Что же, прекрасно, — сказал он. — Тогда тебе придется иметь дело с капитаном Бладом.

Пайк рассчитывал взять капитана Истерлинга на испуг, но никак не ожидал, что этот испуг может принять подобные размеры, и не учел, на что способен такой человек, как Истерлинг, когда, охваченный паникой, ослепленный яростью, он очертя голову ищет выхода.

— Капитан Блад? — повторил Истерлинг и скрипнул зубами; лицо его налилось кровью. — Значит, ты побежишь жаловаться капитану Бладу? Так ступай жалуйся сатане в аду! — И он в упор выстрелил капитану Пайку в голову.

Пираты в ужасе отпрянули в сторону, когда тело Пайка рухнуло на решетку люка. Истерлинг хрипло рассмеялся: видали, мол, слюнтаяв! Галлоуэй невозмутимо взирал на происходящее, его обезьяньи глазки остро поблескивали.

— Уберите эту падаль! — Истерлинг дымящимся пистолетом махнул в сторону неподвижного тела. — Вздерните его на рей. — Пусть эти свиньи там, на «Велизенте», знают, что ждет всякого, кто посмеет перечить капитану Истерлингу.

Протяжный крик, полный ужаса, скорби и гнева, разнесся над палубами бригаантины, когда ее команда, столпившаяся у левого фальшборта, увидела сквозь сетку снастей «Гермеса» безжизненное тело своего капитана,

повисшее на рее «Авенджера». Это зрелище настолько приковало к себе все взоры, что никто не заметил, как к правому борту бригантины неслышно скользнули две индейские пироги, и высокий мужчина в черном, расшитом серебром костюме, поднялся по трапу на палубу. Пираты обнаружили его присутствие, лишь когда у них за спиной прозвучал его ясный, твердый голос:

— Я, кажется, немного опоздал.

Все обернулись и увидели, что капитан Блад стоит на крышке люка, положив левую руку на эфес шпаги; увидели его лицо, затененное широкими полями шляпы с плюмажем, и его глаза, в которых горело холодное, чистое пламя гнева. Пораженные, они смотрели на него, словно на привидение, не веря своим глазам, спрашивая себя, как он очутился здесь.

Наконец Тренем бросился к нему, глаза его возбужденно сверкали на потемневшем от горя лице.

— Капитан Блад, это в самом деле ты? Откуда же?..

Капитан Блад легким взмахом тонкой, гибкой руки, утопавшей в пене кружев, прервал его:

— Я все время был поблизости от вас, после того как вы высадились на перешейке, и знаю, что с вами произошло. Да ничего другого я и не ждал. Но надеялся все же, что успею предотвратить беду.

— Но ты покараешь вероломного убийцу?

— Да, и притом немедленно, можешь не сомневаться: такое чудовищное преступление требует мгновенного воздаяния. — Голос капитана Блада звучал мрачно, столь же мрачно было и его чело. — Пошли вниз всех, кто умеет наводить орудия.

Начавшийся прилив повернул бригантину корпусом вдоль пролива; она стояла теперь носом к другим кораблям, и потому открытие бортовых орудийных портов могло пройти незамеченным.

— А на что нам сейчас пушки, капитан? — удивился Тренем. — Мы же не можем вступать в бой. У нас и людей мало, и орудий.

— Хватит на то, что от вас потребуется. Такого рода дела решаются не только людьми и пушками. Истерлинг поставил вас в этом проливе, чтобы вы послужили щитом для его кораблей. — Блад коротко, сухо рассмеялся. — Скоро ему придется уразуметь, насколько это невыгодно для него стратегически. Да, да, придется. Пошли своих канониров вниз. — И он тут же начал быстро отдавать другие распоряжения: — Восемь

человек пусть спустятся в шлюпку. За кормой стоят две пироги, полные людей, — они помогут нам верповать⁴⁶ судно для бортового залпа, когда настанет время. Отлив нам поможет. Всех остальных матросов до единого пошли на реи, чтобы отдать паруса, как только мы выйдем из пролива. Ну, живее, Тренем, шевелись!

И он спустился вниз на батарейную палубу, где орудийная прислуга уже готовила пушки. Его слова и уверенный вид вдохнули бодрость в людей, и они повиновались ему беспрекословно. Они не понимали, что он затевает, но верили в него, и это укрепляло их дух; они знали, что капитан Блад отомстит Истерлингу за убийство их капитана и за все нанесенные им обиды.

Когда пушки были в боевой готовности и фитили задымились, капитан Блад снова поднялся наверх.

Две пироги с индейцами и большая шлюпка бригантины стояли за ее кормовым свесом и не были видны с других кораблей. Буксирные тросы принятовили, и в лодках ждали только команды.

По предложению Блада Тренем не стал поднимать якоря, но только выпустил якорную цепь, и все налегли на весла. Отлив облегчил верпование судна, и бригантина стала медленно поворачиваться корпусом поперек пролива. А капитан Блад тем временем уже снова спустился вниз и давал указания канонирам правого борта. Пять пушек навели на румпель «Гермеса», остальные пять должны были смести его ванты.

Когда бригантина начала поворачиваться, и это было замечено на других кораблях, там пришли к заключению, что напуганная участъю, постигшей их капитана, команда почла за лучшее убраться восвояси, и с палубы «Гермеса» в адрес уходящего корабля полетели насмешливые напутствия и улюлюканье. Но не успели эти возгласы замереть, не успели их подхватить на «Авенджер», как рев десяти пушек, стрелявших прямой наводкой, послужил им ответом.

Под этим внезапным мощным бортовым залпом «Гермес» покачнулся, задрожав от носа до кормы, и отчаянные вопли людей потонули в хриплых криках испуганных птиц, тревожно закруживших над кораблем.

А Блад уже был на верхней палубе, которая еще дрожала от залпа. Он взгляделся в поднявшееся над кораблем облако дыма и пыли и улыбнулся. Румпель

«Гермеса» был разбит в щепы, грот-мачта сломана, и верхушка ее повисла на вантах, а в фальшборте бака зияла большая пробоина.

— Ну, а дальше что? — с нескрываемым волнением и тревогой спросил Тренем.

Капитан Блад поглядел по сторонам. Бригантина хотя и медленно, но упорно двигалась вдоль узкого пролива: еще немного — и она выйдет в открытое море. С севера задувал свежий бриз.

— Поднимай якорь, ставь паруса и веди ее по ветру.

— Но они погонятся за нами, — сказал молодой моряк.

— Да, я надеюсь. Но не сразу. Погляди, в какое положение они попали.

Только тут Тренем понял до конца, что сделал капитан Блад. «Гермес», у которого был разбит руль и сломана грот-мачта, стал неуправляем и забаррикадировал пролив; теперь капитан Истерлинг, сколько бы он ни бесился, был лишен возможности атаковать бригантину.

Да, Тренем понял все и был восхищен искусством Блада, но тем не менее далек от того, чтобы праздновать победу.

— Ну что ж, погоню ты, конечно, сумел отсрочить. Однако рано или поздно она начнется, и рано или поздно нас всех потопят, как крыс. Ведь этот дьявол Истерлинг только об этом и мечтает.

— Да, конечно, надеюсь, что так. Во всяком случае, я сильно распалил это его желание.

Матросов с большой шлюпки подняли на борт, а пироги с индейцами были уже далеко. Они взяли курс прямо на север, держась вдоль берега. Бригантина шла под ветром, и Риф Галлоуэя, маленький островок за ее кормой, становился все меньше. Вся команда была на палубе. Капитан Блад на полуюте прислонился к поручням рядом с Тренемом. Он сказал, обращаясь к матросу, стоявшему внизу у румпеля:

— Клади рули, мы делаем поворот оверштаг. — Заметив тревогу, отразившуюся на лице Тренема, он улыбнулся. — Не волнуйся. Доверься мне и пошли людей к пушкам левого борта. Они там на своих кораблях еще не выпутались из этой ловушки, и мы отсалютуем им на прощание. Клянусь честью, ты можешь мне довериться. Это ведь не первый морской бой для меня, а болвана, которого мы должны проучить, я знаю вдоль и поперек. Ему никогда и в голову

не придет, что у нас хватит нахальства вернуться. Спорю на всю твою долю моргановского клада, что он даже не открыл еще свои порты.

Все произошло так, как предсказал капитан Блад. Когда они, идя крутой бейдевинд, приблизились к бухте, «Гермес» только еще кончили верповать, чтобы дать проход «Авенджеру», и тот на веслах, пользуясь отливом и поставив блинд⁴⁷, медленно продвигался к проливу.

Истерлинг, вероятно, не поверил своим глазам, когда бригантина, которая, по его мнению, должна была на всех парусах спастись бегством, вновь появилась перед ним. И как же заскрипел он своими ослепительно белыми зубами, когда она, хлопая парусами, замерла на мгновение на месте и дала бортовой залп по его кораблю, прежде чем взять прежний галс на северо-восток. В спешке Истерлинг ответил ей беспорядочной пальбой из своих носовых пушек, совершенно не достигшей цели, и, на скорую руку убрав обломки и залатав пробоины, пустился, пылая мстью, в погоню, с твердым решением потопить наглое судно со всей его командой.

Бригантина успела отдалиться примерно на милю к северо-востоку, когда Тренем увидел, что «Авенджер» выбрался наконец из узкого пролива в открытое море и, подняв все паруса на всех реях, взял курс прямо на их корабль. Это выглядело довольно устрашающе. Тренем повернулся к капитану Бладу.

— Ну, а что дальше, капитан? Что мы теперь будем делать?

— Поворот оверштаг, — прозвучал поразивший Тренема ответ. — Вели рулевому держать курс на северную оконечность острова.

— Но мы тогда приблизимся к «Авенджеру» на расстояние выстрела.

— Неважно. Мы проскочим сквозь его огонь. Или скроемся за мыс. Но этого, думаю, не потребуется.

Бригантина сделала поворот оверштаг и снова пошла на сближение с «Авенджером». Капитан Блад в подозрную трубу пристально вглядывался в скалистые очертания островка. Тренем, переминаясь с ноги на ногу от волнения, стоял рядом с капитаном.

— Что ты там высматриваешь, Питер? — спросил он с проблеском надежды в голосе.

— Моих друзей-индейцев. Они развили хорошую скорость и уже скрылись из глаз. Все будет в порядке.

«Что-то не похоже!» — подумалось Тренему. «Авенджер» повернул на румб к ветру⁴⁸, чтобы быстрее перехватить их судно. Из его носового порта грохнула пушка, и круглое ядро подняло фонтан брызг примерно в кабельтове от кормы «Велизнта».

— Он берет прицел, — бесстрастно промолвил капитан Блад.

— Ясное дело, — подтвердил Тренем; в голосе его прозвучала горечь. — Мы беспрекословно повинемся тебе, капитан, а какой будет конец?

— Конец, сдастся мне, очень близок — он идет под всеми парусами, — сказал Блад, указывая куда-то вдаль своей подзорной трубой.

Из-за северной оконечности островка появился большой красный корабль, увенчанный громадой белоснежных парусов. Огибая мыс и поворачивая к югу, он величественно шел под ветром, залитый ослепительными лучами полуденного солнца. Он был уже на траверзе бригаантины — между нею и островом, — когда пораженный Тренем обрел наконец дар речи, а над палубой «Велизнта» разнеслись ликующие крики матросов.

Бледный от волнения, с горящим взглядом, Тренем повернулся к капитану Бладу.

— «Арабелла»!

Блад насмешливо улыбнулся.

— А ты, верно, думал, что я добрался сюда просто вплавь или пересек океан в пироге и моя единственная цель — дать Истерлингу возможность позабавиться, погонявшись за мной немного по морю и утопив меня под конец? А может быть, ты просто не подумал о том, откуда я тут взялся? Ну вот и Истерлинг об этом не подумал. Зато теперь ему придется подумать. И подумать крепко, клянусь честью! Верно, он и сейчас уже задумался.

Однако капитан Блад ошибался. Истерлинг не задумывался ни над чем, он потерял всякую способность соображать. Обезумев от ужаса при виде этого грозного корабля, который шел прямо на него, сопровождаемый благоприятным ветром, он в отчаянии сделал попытку укрыться снова в гавани, из которой его так ловко выманили. Если бы ему это удалось, узость пролива и пушки «Гермеса» послужили бы для него надежной защитой против любого нападения. Однако он должен был бы понимать, что ему не видать этой гавани как своих ушей, что никто не позволит его кораблю скрыться

туда. И когда ядро ударило сбоку в нос фрегата, Истерлинг не подчинился этому требованию сдаться, и тотчас бортовой залп двадцати тяжелых пушек по борту корабля, прямо подставленному под огонь противника, нанес ему такие повреждения, что он был лишен возможности дать хотя бы ответный залп. «Арабелла» же, которой командовал старина Волверстон, проворно сделала поворот оверштаг и, дала второй бортовой залп с еще более близкого расстояния, чтобы довершить начатое. Получивший огромные пробоины в наиболее уязвимых местах, «Авенджер» начал погружаться носом в воду.

И тут над палубами бригантины разнесся жалобный, скорбный вопль, похожий на причитания над мертвецом, заставивший вздрогнуть капитана Блада.

— Что такое? Кого они оплакивают? — с недоумением спросил он.

— Они оплакивают клад! — ответил ему Тренем. — Моргановский клад.

Капитан Блад нахмурился.

— Да, Волверстон, как видно, чересчур увлекся и забыл про него. — Затем чело его прояснилось, он вздохнул и пожал плечами. — Что ж, ничего не поделаешь. Теперь клад уже на дне моря. Значит, туда ему и дорога.

«Арабелла» легла в дрейф и спустила шлюпки, чтобы подобрать барахтавшихся в воде матросов с затонувшего корабля. Истерлинг, у которого не хватило отваги пойти на дно вместе со своим фрегатом, был выловлен наряду с остальными и по приказу капитана Блада доставлен на борт «Велиэнта». Казалось, трудно было бы сильнее уязвить душу, и все же он был уязвлен еще глубже, когда, ступив на палубу бригантины Пайка, увидел перед собой капитана Блада. Так, значит, слова Пайка были не простой угрозой. Истерлинг попятился. Он был испуган — быть может, в первый и последний раз в своей жизни. Темные глаза его на побелевшем от ужаса лице вспыхнули бессильной яростью, как у затравленного зверя.

— А, так это был ты! — пробормотал он.

— Если ты имеешь в виду, что это я занял место убитого тобой Пайка, то ты не ошибся. Было бы лучше для тебя, если бы ты честно, без обмана рассчитался с ним. Вероятно, ты мог бы почерпнуть из школьных прописей, что обман никогда не ведет к добру. Хотя

я не уверен, что ты когда-нибудь посещал школу. Но существует ведь еще одна поговорка, которой я обучил тебя много лет назад и которую, как говорят, ты любил повторять: «Никогда не зарься на то, что тебе не по зубам».

Он ждал ответа, но его не последовало. Истерлинг, ссутулив могучие плечи, понутив голову, мрачно глядел на него исподлобья и молчал.

Капитан Блад вздохнул.

— Мне в общем-то нет до тебя дела. Пусть тобой занимаются эти люди, которых ты обманул, капитана которых ты убил. Они должны судить тебя и решить твою судьбу.

Он направился к трапу, спустился в шлюпку, только что доставившую на борт Истерлинга, и возвратился на свою «Арабеллу». Дело было завершено, и его затянувшийся поединок с Истерлингом пришел к концу.

Часом позже «Арабелла» и «Велиэнт» бок о бок устремили свой бег на юг. Очертания Рифа Галлоуэя быстро таяли на горизонте за кормой. На борту поврежденного «Гермеса», застрявшего в заливе, как в ловушке, Галлоуэю и его команде оставалось только думать и гадать о том, что произошло в открытом море за скалистыми утесами острова, и пытаться собственными силами выпутаться из беды.

ПРИМЕЧАНИЯ

ОДИССЕЯ КАПИТАНА БЛАДА (CAPTAIN BLOOD. HIS ODISSEY)

Самый популярный роман Р. Сабатини. Вышел из печати в 1922 году и сразу же принес автору мировую известность. Роман переведен на большинство европейских языков. По киноэкранам всего мира с большим успехом прошел фильм, снятый по этому роману Сабатини (в отечественном прокате этот фильм демонстрировался как «трофейный» и назывался «Остров страданий»). Первый русский перевод «Одиссеи» вышел в 1957 году. С тех пор книга неоднократно переиздавалась. В нашем собрании сочинений перевод дается в заново отредактированном варианте, в котором проведена сверка географических названий и морских терминов, модернизировано написание личных имен.

1 (с. 7) — Бакалавр — низшее ученое звание в средневековых университетах Европы; оно присваивалось студентам, успешно кончившим два или три курса (первый этап образования).

2 (с. 7) — Бриджустер — город на юго-западе Англии, в устье реки Паррет.

3 (с. 9) — Капеллан — в данном случае: придворный священник.

4 (с. 8) — Горацій (Квинт Горацій Флакк, 65 — 8 до н.э.) — выдающийся римский поэт, автор многочисленных сатир, од, лирических стихотворений.

5 (с. 9) — Яков II Стюарт — король Англии в 1685 — 1688 гг.

6 (с. 9) — Виги — политическая партия английской буржуазии, предшественница современной либеральной партии.

7 (с. 11) — Камлот — тонкое одеяние из верблюжьей шерсти.

8 (с. 11) — Уайтхолл — королевский дворец (при Стюартах); дворец, а поскольку в нем располагались многие правительственные учреждения, то нередко под Уайтхоллом стали понимать и само английское правительство.

9 (с. 11) — Де Ритер — правильнее: Рейтер — голландский адмирал (1607 — 1676), а с 1655 г. главнокомандующий флотом генеральных штатов Нидерландов; одержал ряд выдающихся побед в ходе второй и третьей англо-голландских войн. Особенно известны выигранные им битвы при Дюнкерке (11 — 14 июня 1666 г.) и при Текселе (21 августа 1673 г.). Смертельно ранен в сражении с французским флотом при Этне.

10 (с. 12) — Неймеген — город в Голландии, в котором в 1678 — 1679 гг. было подписано шесть мирных договоров, закончивших войну Франции с Голландией, Испанией, Австрией, Швецией и Данией.

11 (с. 15) — Драгуны — кавалерийские войска, приспособленные для ведения пешего боя.

12 (с. 15) — Миля — в данном случае имеется в виду английская сухопутная миля, равная 1609 м.

13 (с. 15) — Тюдоры — английская королевская династия (1485 —

1603); здесь имеется в виду новый архитектурный стиль, вошедший в моду в середине XIV в. при короле Генрихе VIII и его наследниках.

14 (с. 17) — Танжер — город в Марокко, на берегу Атлантического океана, недалеко от Гибралтарского пролива, важный порт.

15 (с. 18) — Лаймский залив — место высадки Монмута.

16 (с. 18) — По английским законам лорда (пэра) могут судить только равные ему по званию лица, выделяемые палатой лордов — верхней палатой английского парламента.

17 (с. 19) — Тори — английская партия, возникшая в 70-х гг. XVII в. и выражавшая интересы земельной аристократии и высшего церковного духовенства; придерживалась преимущественно консервативной политической линии; в середине XIX в. была преобразована в современную консервативную партию.

18 (с. 27) — Одна из стандартных формул английского судопроизводства.

19 (с. 33) — Еще одна обычная формула английского судопроизводства.

20 (с. 39) — Кампешевое дерево, или синий сандал (*Haematoxylum campechianum*) — растение из семейства цезальпиниевых, распространенное в Южной и Центральной Америке; из его древесины готовят экстракт для окрашивания тканей.

21 (с. 45) — Ловлас, Ричард (1618 — 1658) — английский поэт, воспевавший рыцарство и рыцарский дух.

22 (с. 48) — Бизань-мачта — ближняя к корме мачта на многомачтовых судах.

23 (с. 48) — Сент-Джеймский двор — иносказательное обозначение английской монархии — по названию королевской резиденции в Лондоне, построенной в 1532 г. для Генриха VIII. Дворец Генриха служил официальной резиденцией и для последующих правителей: короля Эдварда VI, королев Марии Тюдор и Елизаветы I.

24 (с. 48) — Эскуриал — дворец испанских королей близ Мадрида.

25 (с. 48) — Мейн — так называли земли, принадлежавшие испанской короне на Атлантическом побережье Южной и Центральной Америки от устья реки Ориноко до современного мексиканского штата Кампече (от *англ.* «мейнленд» — материк).

26 (с. 56) — То есть в двадцать фунтов стерлингов.

27 (с. 60) — Английский центнер, или хандредвейт, составляет 50,8 кг.

28 (с. 60) — Квадрант — угломерный инструмент для измерения высот Солнца и других небесных светил; применялся до изобретения более совершенных приборов.

29 (с. 60) — Лаг — инструмент для определения пройденного судном курса.

30 (с. 66) — Грум — конюх или слуга, верхом сопровождающий всадника либо экипаж.

31 (с. 69) — Ярд — английская мера длины, соответствующая 0,914 м.

32 (с. 71) — Фрегат — трехмачтовый военный корабль с двумя орудийными палубами (до 60 пушек), отличавшийся большой остойчивостью и отменным ходом. Использовался главным образом для крейсерских плаваний и разведки.

33 (с. 71) — Форштевень — вертикальная или наклонная балка набора судна, замыкающая его носовую оконечность. Является продолжением киля и связывает его с набором палуб.

34 (с. 71) — Шкипер — капитан коммерческого судна.

35 (с. 73) — Лот — устройство из груза и привязанного к нему линия, служащее для измерения глубин.

36 (с. 75) — Кабельтов — расстояние, равное одной десятой части морской мили, то есть 185,2 м.

37 (с. 75) — Грот-мачта — самая большая мачта на корабле; на трехмачтовых судах — средняя.

38 (с. 76) — Канер — частное судно, вооруженное на средства судовладельца и занимавшееся в военное время с разрешения правительства грабежом кораблей противника, а также судов нейтральных государств.

39 (с. 76) — Галион — большое торговое судно, обычно тихоходное, но относительно хорошо вооруженное, которое испанцы использовали для заокеанской торговли, в частности — для перевозки золота с перуанских рудников.

40 (с. 76) — Морган, Генри (1635(?) — 1688) — знаменитый карибский пират, выделявшийся отвагой и жестокостью в многочисленных грабительских экспедициях: в завоевании Ямайки (1665), походе на Кубу (1662), операциях против голландских колоний в Вест-Индии (1665 — 1667) и др. В 1668 г. был избран командиром буканьеров. Под его командованием были взяты и разграблены кубинские города Пуэрто-Принсипе, Портобело, испанские поселения по берегам озера Маракайбо, город Панама. В 1674 г. Карл II возвел Моргана в рыцарское достоинство и вскоре отправил губернатором на Ямайку, где бывший пират жил в почете и достатке до конца своих дней.

41 (с. 76) — Грот — нижний парус на грот-мачте.

42 (с. 76) — Бейдевинд (англ. by the wind — круто к ветру) — курс парусного судна против ветра, когда угол между диаметральной плоскостью корабля и направлением ветра составляет менее 90 градусов (8 румбов). При кругом бейдевинде упомянутый угол составляет менее шести румбов (67° 5').

43 (с. 82) — Канонир — корабельный артиллерист.

44 (с. 82) — Кормовая галерея — проход вокруг кормовой надстройки, частично крытый.

45 (с. 82) — Гакаборт (голл. hakkebord) — верхняя закругленная часть кораблей оконечности судна.

46 (с. 83) — Полубак — утопленная (обычно на половину высоты) в корпус судна носовая надстройка; в морском просторечии — носовая часть верхней палубы корабля.

47 (с. 83) — Шкафут — на многомачтовых судах так называется часть верхней палубы судна между передней мачтой (фок-мачтой) и грот-мачтой.

48 (с. 84) — Шторм-трап — трапом называется любая лестница на корабле. Шторм-трап — веревочная лестница с деревянными ступеньками, которую перебрасывают через борт для подъема на корабль или спуска.

49 (с. 87) — Песо — испанская серебряная монета, чеканившаяся с XVI в.

50 (с. 88) — Плюмаж — украшение из перьев страуса или павлина.

51 (с. 90) — Рей — балка круглой формы, подвижно укреплявшаяся средней частью на мачте или стеньге; на парусных судах служила для привязывания прямого паруса. Н о к — оконечность этой балки.

52 (с. 92) — Планшир (планширь) — верхний брус фальшборта корабля (см. прим. 54).

53 (с. 92) — Ванты — оттяжки из пеньковых тросов (во времена парусного флота), при помощи которых проводилось боковое крепление мачт и их продолжений — стеньг и брамстеньг.

54 (с. 92) — Фальшборт — продолжение борта над палубой (в эпоху парусного флота — деревянное), служащее ограждением палубы.

55 (с. 95) — Фаталист — человек, верящий в судьбу, в предопределенность всех людских поступков и решений волей высшего существа.

56 (с. 98) — Кильватерная струя — след, остающийся на воде позади идущего судна.

57 (с. 100) — **Пояс Ориона** — так называется группа звезд в небесном созвездии Орион.

Венерин пояс (*Cestus veneris*) — морское животное класса гребневиков, имеющее форму плоской студенистой ленты длиной до полутора метров и передвигающееся за счет змеевидных изгибаний тела. Обитает в тропических морях.

58 (с. 101) — **Траверс** (траверз) — направление, перпендикулярное курсу судна.

59 (с. 102) — **Навигационное счисление пути** — для определения местонахождения в море судоводители пользуются двумя способами: а) обсервация, или наблюдение небесных светил; б) счисление — приближительное определение, осуществляемое путем вычислений на карте, на которую наносятся курс судна, его скорость и продолжительность хода данным галсом.

60 (с. 103) — **Шканцы** — часть верхней палубы судна между грот-и бизань-мачтами.

61 (с. 103) — **Бизань** — нижний парус на бизань-мачте.

62 (с. 109) — **Испанское слово «сангре»** (*sangre* — кровь) соответствует английскому «blood», фамилии героя книги.

63 (с. 109) — На этот раз (и в дальнейшем) автор имеет в виду морскую милю (1852 м).

64 (с. 110) — **Орден св. Доминика** — один из важнейших католических монашеских орденов; основан св. Домиником (1170 — 1221) в самом начале XII в. Устав ордена утвержден в 1216 г. На монахов-доминиканцев была возложена обязанность ревностного охранения учения Христа от еретиков, в связи с чем они присвоили себе право критики новых религиозных взглядов и мнений, что дало им возможность руководить церковной инквизицией.

65 (с. 110) — **Кабальеро** (исп. *caballero*) — буквально: «всадник», «рыцарь». Позднее стало общим обозначением дворянина и обращением к нему (в последнем случае соответствует старинному русскому «сударь»). **Леон** — историческая область в Испании, некогда — самостоятельное феодальное государство, позднее присоединенное к Кастилии.

66 (с. 114) — **Поворот оверштаг** — поворот, выполняемый против ветра, когда судно проводит линию ветра носом.

67 (с. 116) — **Тортуга** — название небольшого острова у северо-западных берегов Гаити; в наше время употребляется французское название — **Тортю**.

68 (с. 118) — **Каперство** — преследование и захват частными судами воюющего государства торговых кораблей противника или судов нейтральных стран, перевозящих грузы для неприятеля.

69 (с. 120) — **Наветренный пролив** расположен между Кубой и островом Гаити.

70 (с. 120) — **Риоача** — городок в устье реки Каланкала на южном побережье Карибского моря (в современной Колумбии).

71 (с. 120) — **Нью-Провиденс** — остров в Багамском архипелаге.

72 (с. 120) — **Его католическое величество** — титул, официально присвоенный в XV в. римским папой испанскому монарху.

73 (с. 122) — Не совсем верное утверждение: город **Маракайбо** расположен на берегу пролива, ведущего из одноименной лагуны в Венесуэльский залив.

74 (с. 125) — **Бриг** — двухмачтовое парусное судно.

75 (с. 128) — **Подветренные острова** расположены на южной окраине Карибского моря, параллельно южноамериканскому побережью.

76 (с. 145) — **Кордегардия** — помещение для военного караула; использовалось также для краткосрочного содержания арестантов.

77 (с. 147) — Гибралтар — здесь имеется в виду поселение на берегу озера Маракайбо.

78 (с. 147) — Пелл-Мелл — название улицы в Лондоне, центра клубной жизни; там же помещается резиденция военного министра.

Аламеда — один из центральных бульваров Мадрида (*исп. alameda* — тополиная аллея).

79 (с. 150) — Шлюп — трехмачтовый парусный корабль средних размеров с батареей на верхней палубе и пушками небольшого калибра.

80 (с. 151) — Кулеврина — длинноствольное артиллерийское оружие, применявшееся в XV — XVII вв. для стрельбы на дальние расстояния в европейских армиях и флотах.

81 (с. 152) — Бар — песчаная отмель, которая образуется в устьях рек и на взморьях под действием речных и морских течений, а также волнового прибоя.

82 (с. 152) — Бушпритные паруса — то есть дополнительные паруса, устанавливаемые на бушприте.

83 (с. 152) — Брандер — вспомогательное несамоходное судно, которое использовалось во времена парусного флота для поджога кораблей противника, для чего загружалось разнообразными материалами.

84 (с. 153) — Рангоут — совокупность деревянных частей оснащения судна, предназначенных для постановки парусов, сигнализации, поддержания грузовых стрел и проч. (мачты, стеньги, гафели, бушприт и т.п.).

Такелаж — совокупность всех снастей на судне, служащих для укрепления рангоута, управления им и парусами.

85 (с. 155) — Ют, полуют — ютом в эпоху парусного флота называлась надстройка в кормовой части судна, занимавшая место от одного борта судна до другого, в которой располагались жилые и служебные помещения. Полуютом на современных военных судах называют кормовую надстройку, частично утопленную в корпус судна. Во времена Р. Сабатини полуют фактически не отличался от юта.

86 (с. 166) — Вавилонское столпотворение — то есть строительство Вавилонской башни, о котором рассказывается в Библии. Башня эта должна была достигнуть неба, но Бог не допустил осуществления этого суетного дела рук человеческих, лишив их единого языка общения и перессорив между собой. «Со дня вавилонского столпотворения» — с древних времен, очень давно.

87 (с. 167) — Фал — судовая снасть, служащая для укрепления горизонтальных и наклонных рангоутных деревьев и управления ими.

88 (с. 169) — Клото (*греч.* — прядущая), Лахесис (*греч.* — дающая жребий), Атропос (*греч.* — неотвратимая) — согласно древнегреческой мифологии сестры, дочери ночи, богини судьбы.

89 (с. 180) — «Вы умываете руки, как Пилат» — Понтий Пилат был римским правителем Иудеи во времена Иисуса Христа; когда иудейские первосвященники осудили Христа на смерть, Пилат хотел помиловать Иисуса, но собравшаяся толпа воспрепятствовала исполнению его желания. «Пилат, видя, что ничто не помогает... взял воды и умыл руки перед народом, и сказал: невиновен я в крови Праведника Сего; смотрите вы» (Евангелие от Матфея, 27, 24). Употребляемая в переносном смысле евангельская фраза означает снятие с себя ответственности за какой-либо поступок.

90 (с. 182) — Рундук — большой сундук, или ларь, с открывающейся крышкой.

91 (с. 183) — Мыс Тибюрон — юго-западная оконечность острова Гаити.

92 (с. 183) — Крест св. Георга — красный крест на белом фоне;

вымпел английских военных кораблей. Святой Георгий считался покровителем Англии.

93 (с. 183) — Порты орудийные — отверстия в борту корабля для производства артиллерийской стрельбы с нижних палуб.

94 (с. 192) — «Пробило восемь склянок» — на море время измерялось с помощью песочных часов, которые назывались «склянкой». Чаще всего употреблялись тридцатиминутные часы. Переворачивание песочных часов сопровождалось ударом судового колокола. Отсюда и пошло выражение «бить склянки». Один удар колокола соответствовал получасовому промежутку. Всего за время четырехчасовой вахты набиралось восемь таких промежутков. С началом новой вахты отсчет времени начинался заново. Таким образом, восемь склянок могли означать полночь (как в данном случае), четыре, восемь часов утра, полдень и т.д.

95 (с. 200) — Квартердек (*англ.* quarter-deck) — изначально: маленькая палуба, располагавшаяся над half-deck'ом, покрывая ее на четвертой части судна; позднее — часть верхней палубы или же спардека, расположенная между бизань-мачтой и кормой судна и служившая для прогулок старших офицеров и пассажиров.

96 (с. 216) — Шпигат — отверстие в фальшборте или палубном настиле для удаления воды с палубы.

97 (с. 230) — Коцит — одна из рек подземного царства (в древнегреческой мифологии).

98 (с. 238) — Фартинг — название старинной мелкой разменной монетки достоинством в четверть пенни.

99 (с. 257) — Брест — крупный порт на северо-западе Франции.

100 (с. 280) — Ливр — денежно-счетная единица Франции, существовавшая с начала IX века по 1795 г. Сначала равнялась одному весовому фунту, откуда и название (*фр.* livre — «фунт»). В Великобритании вес одного «фунта» равнялся весу 240 серебряных монет — «стерлингов» (или больших пенсов). В Западной Европе в описываемое время «фунт» равнялся 500 г металлических денег.

101 (с. 286) — Сцилла и Харибда — два пожирающих мореходов чудовища, обитавшие по разные стороны узкого морского пролива (в греческой мифологии). В переносном смысле выражение «между Сциллой и Харибдой» означает «трудное, почти безвыходное положение, из которого придется выходить за счет более или менее крупных жертв».

102 (с. 298) — Сомерсет (или Сомерсетшир) — графство на юго-западе Англии, на полуострове Корнуолл, у побережья Бристольского залива.

103 (с. 298) — Потин (от *ирл.* poitín, «потин» — небольшая выпивка) — ирландское виски, перегонявшееся кустарным способом; самогон.

ХРОНИКА КАПИТАНА БЛАДА (CAPTAIN BLOOD. HIS CHRONICLE)

На языке оригинала роман вышел в 1931 году, первый русский перевод — в 1984 году.

1 (с. 310) — Флибустьеры — синонимичное название пиратов. Возникло от голландского «*vuilbuijter*», буквально означающего «мастер добычи». Так в XVI в. голландцы называли пиратов. В конце века слово перекочевало в английский язык, принимая поочередно формы «*fributer*» — «*flibutor*» — «*filibuster*». В XVII в. употреблялось преимущественно по отношению к пиратам Нового Света.

2 (с. 314) — Дрейк, Френсис (ок. 1540 — 1595) — английский

мореплаватель и пират. С 1567 г. участвовал в грабительских набегах на испанские колонии в Америке и захватах испанских торговых судов. В 1577 — 1580 гг. совершил второе в истории мореходства кругосветное плавание. В 1588 г. фактически командовал английским королевским флотом в операциях против испанской «Непобедимой армады» (см. роман Р. Сабатини «Божьи псы» в т. 4 настоящего собрания сочинений).

Фробишер, Мартин (ок. 1535 — 1594) — английский мореплаватель, один из первых исследователей северо-восточного побережья Канады. В 1585 г. был вице-адмиралом у Дрейка во время пиратской экспедиции в Вест-Индию. Три года спустя сыграл выдающуюся роль в кампании против «Непобедимой армады».

Хокинс (Хокинз), Джон (1532 — 1595) — английский военноморской офицер и торговый администратор. В молодости прославился как удачливый пират и работорговец. Перейдя на королевскую службу, стал знаменит как один из руководителей «морских псов» Елизаветы, занимавшихся под охраной государства грабежом испанских торговых судов и прибрежных поселений в колониях. Известен как конструктор нового типа судна, более быстроходного и лучше вооруженного. В 1588 г. был третьим по рангу среди командиров, оборонявших английское побережье.

3 (с. 318) — Реал — испанская серебряная монета, чеканившаяся с середины XIV в.; вес ее был около 3,5 г; во время действия романа реал был равен восьмой части песо.

4 (с. 332) — Речь идет о маленьких островах в северной части Наветренных островов. Саба и Синт-Эстатиус и в наши дни принадлежат Нидерландам; Сен-Мартен ныне является совместным франко-нидерландским владением.

5 (с. 332) — Лига — речь идет об испанской мере длины, равной примерно 5,5 км.

6 (с. 332) — Эспаньола (исп. Hispaniola) — так в свое время Колумб назвал Гаити.

7 (с. 333) — Кливер — передний косой парус.

Бушприт — круглый брус на носу судна, выставленный вперед горизонтально или наклонно вверх. На парусных судах служил для большого выноса вперед носовых парусов.

8 (с. 333) — Галфвинд — курс судна относительно ветра, дующего под углом 80 градусов к диаметральной плоскости судна.

9 (с. 334) — Погонные орудия — орудия на парусных кораблях, установленные для стрельбы прямо по носу, обычно — при погоне за противником.

10 (с. 338) — Привести судно ближе к ветру — взять курс относительно ветра ближе к линии ветра, ближе к крутому бейдевинду.

11 (с. 338) — Брасопить (брасовать) — ворочать рей брасами в горизонтальной плоскости.

Обрасопить рей — поставить его в более прямое положение относительно первоначального.

12 (с. 338) — Бакштаг — курс судна относительно ветра, при котором направление ветра образует с диаметральной плоскостью судна угол от 90 до 180 градусов.

13 (с. 349) — Великий язык, известный всему миру как испанский, в самой Испании и бывших ее заморских владениях называется кастильским. Тем самым не только подчеркивается регион прежней метрополии, где сложилось ядро испанского языка, но и признается отличие этого языка от различных диалектов и говоров Старого и Нового Света, а также наличие в самой Испании других языков (баскский, каталонский, галисийский).

14 (с. 358) — Сантарен — город в Португалии, на реке Тежу, к северо-востоку от Лиссабона.

15 (с. 373) — Ключ — отверстие в корпусе судна для пропуска якорной цепи или швартовых тросов.

16 (с. 375) — Банка — отмелое место в море, иногда (как, например, Доггер-банк в Северном море) занимающее весьма обширную площадь.

17 (с. 376) — Жабо (*фр.* «зоб») — здесь: кружевные (или кисейные) оборки вокруг ворота или на груди мужской сорочки.

18 (с. 398) — Монтбар — видимо, имеется в виду Монтобан (ок. 1650 — 1700), вожак флибустьеров, присоединившийся к Береговому братству (1680 — 1695); ожесточенный противник испанцев, но нападал и на английские корабли — когда они возили негров из Гвинеи.

19 (с. 414) — Мансанилья — дерево экваториальной Америки с ядовитым соком (*Hippomane mancinella*); называется также манцинелла и машинелла.

20 (с. 417) — Касик — индейский князек.

21 (с. 420) — Гугенот — прозвище французских протестантов-кальвинистов.

22 (с. 420) — Писарро, Франсиско (ок. 1471 — 1541) — испанский конкистадор, завоеватель государства инков, располагавшегося главным образом на территории современного Перу.

23 (с. 422) — Эльдорадо — сказочная страна, будто бы изобилующая золотом и драгоценными камнями, которую европейцы в течение нескольких столетий упорно искали в дебрях Южной Америки.

24 (с. 432) — Бретер (от *фр.* brette — шпала) — заядлый дуэлянт, задира, скандалист.

25 (с. 453) — Тибальд — персонаж из трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта».

26 (с. 454) — Эспаньолка (от *фр.* espagnol — испанский) — короткая остроконечная борода.

27 (с. 454) — Купидон — божество любви у древних римлян.

28 (с. 454) — Пиллерс — вертикальная стойка в междупалубном пространстве или в трюме судна, служащая для противодействия сжимающим корпус силам.

Кариатида — вертикальная опора в виде женской фигуры, поддерживающая перекрытие.

29 (с. 454) — Афродита — богиня любви у древних греков.

30 (с. 455) — Овидий, или Публий Овидий Назон (43 до н.э. — 17 н.э.) — великий римский поэт, в первом периоде своего творчества увлекшийся исключительно любовной лирикой. К этому времени относятся его знаменитые поэмы «Науки любви» («*Ars amatoria*») и «Лекарство от любви» («*Remedia amoris*»).

«Сатирик» — знаменитое прозаическое произведение римской литературы, обличающее нравы императорского Рима; приписывается другу императора Нерона Гаю Петронию.

Боккаччо, Джованни (1313 — 1375) — один из величайших мастеров мировой художественной литературы, выдающийся представитель культуры итальянского Возрождения. Здесь речь идет о популярнейшем его произведении — сборнике новелл фривольного содержания «Декамерон», вершине эротической литературы Ренессанса.

Поджо — Джан Франческо Поджо Браччолини (1380 — 1459) — итальянский писатель-гуманист, выдающийся филолог. Здесь имеется в виду сборник коротких новелл и анекдотов, выпущенный автором на латинском языке под названием «Книга фацетий».

31 (с. 455) — Амбра — воскоподобное вещество, образующееся в

пищевом тракте кашалота. Употребляется в парфюмерии для придания стойкости запаху духов.

32 (с. 455) — Маргарита — остров у побережья Венесуэлы.

33 (с. 456) — Пинаса (*исп. pinaza*) — рыбацья шлюпка, барка, характерная для северного побережья Испании (провинция Сантандер).

Сент-Винсент — остров в южной группе Наветренных островов; сейчас — центральный остров государства Сент-Винсент и Гренадины.

34 (с. 457) — Батат — произрастающий в тропиках корнеплод, сладкий картофель.

35 (с. 457) — Кюрасао — принадлежащий Нидерландам остров в западной группе Подветренных островов у побережья Венесуэлы.

Тринидад, Тобаго — острова в Атлантическом океане перед дельтой реки Ориноко; долгое время принадлежали Великобритании, с 1976 г. — независимое государство.

36 (с. 458) — Сибарит — изнеженный, избалованный роскошью человек (древнегреческий город Сибарис на юге Апеннинского полуострова был известен тем, что жители его, сибариты, отличались страстью к роскоши и наслаждениям).

37 (с. 459) — Мартиника, Гваделупа, Мари-Галант — принадлежащие в то время Франции острова в группе Наветренных островов, разделяющих Карибское море и собственно Атлантический океан.

38 (с. 462) — Утлегарь — брус на носу парусных судов.

39 (с. 469) — Амфора — сосуд с узким горлом и двумя ручками, суживающийся книзу на конус.

40 (с. 477) — Румпель — одноплечный или двухплечный рычаг, насаженный на руль; с его помощью производится перекладка руля.

41 (с. 478) — Марсель — прямой четырехугольный парус, второй снизу на мачте; крепится к марса-рею.

42 (с. 498) — Вант-путенсы — железные цепи, полосы или прутья, проходящие снаружи борта парусного судна, к верхним концам которых иногда крепятся ванты и другие снасти.

Фока — слово, прибавляемое ко всем снастям, парусам и рангоуту, принадлежащим фок-мачте, передней мачте судна.

43 (с. 498) — Бригантина — парусное двухмачтовое судно с прямым парусным вооружением на грот-мачте и косым — на бизани.

44 (с. 501) — Светоний — римский исторический писатель Гай Светоний Транквилл (после 70 — после 140). Здесь, видимо, имеется в виду его главное сочинение — «Жизнь двенадцати цезарей».

45 (с. 504) — Корнуоллец — то есть житель графства Корнуолл на юго-западе Англии.

46 (с. 511) — Верповать судно — тянуть, тащить судно посредством завозов вспомогательного якоря — верпа (при снятии с мели, перетягивании корабля в какое-то другое место и т.д.).

47 (с. 513) — Блинд — прямой парус, устанавливающийся под бушпритом.

48 (с. 514) — Повернуть на румб к ветру — то есть повернуть к направлению ветра на один румб по картушке компаса. Величина поворота зависит от цены деления картушки. При делении на 32 румба один румб равен $11\frac{1}{4}$ градуса. Но во времена, описываемые Сабатини, распространено было более грубое деление картушки компаса на 16 румбов; тогда один румб соответствовал 22,5 градуса, то есть изменение курса судна было существенным.

А. МОСКВИН

СОДЕРЖАНИЕ

ОДИССЕЯ КАПИТАНА БЛАДА

Роман

Перевод Ан. Горского и Ю. Смирнова

5

ХРОНИКА КАПИТАНА БЛАДА

Роман

Перевод Ан. Горского и Ю. Смирнова

305

Примечания

517

Сабатини Рафаэль

- С 12** Собрание сочинений. Том десятый. Одиссея капитана Блада. Роман. (Пер. Ан. Горского и Ю. Смирнова). Хроника капитана Блада. Роман. (Пер. Ан. Горского и Ю. Смирнова). Редактор-составитель Н. Непомнящий. — М., АО «Прибой» — Журнал «Вокруг света», 1993. — 528 с. Библиотека «Вокруг света».

ISBN 5-87260-007-0

В десятый том собрания сочинений Р. Сабатини вошли романы «Одиссея капитана Блада» и «Хроника капитана Блада». Главным действующим лицом в этих произведениях выступает благородный Питер Блад, всегда и во всем принимающий сторону слабых и обездоленных. События романов разворачиваются на фоне великого англо-испанского противостояния на море в XVII веке.

Сабатини Рафаэль

**ОДИССЕЯ КАПИТАНА БЛАДА
ХРОНИКА КАПИТАНА БЛАДА**

Редактор-составитель
Н. Непомнящий

Художник
К. Янситов

Корректор
В. Авдеева

Технический редактор
О. Бойко

**В оформлении тома использованы произведения
американских и западноевропейских художников.**

Лицензия ЛР № 070278 от 23.12.91

Сдано в набор 15.01.94. Подписано в печать 04.04.94. Формат 84×108¹/32.
Бумага офсетная типографская № 2 производства Сыктывкарского ЛПК.
Гарнитура "Таймс". Печать высокая. Усл. печ. л. 27,72. Уч.-изд. л. 28,54.
Тираж 126 000 экз. Заказ 90

Акционерное общество "Прибой". Редакция журнала "Вокруг света"

**Ордена Трудового Красного Знамени
ГП "Техническая книга" Комитета Российской Федерации
по печати. 198052, г. Санкт-Петербург, Измайловский пр., 29**

